ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

60 6/29

Изданіе Г. Д. ТРАЙЛЯ.

ТОМЪ II.

Отъ воцаренія Эдуарда I до смерти Генриха VII.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОССІЙСК. ИСТОР. МУЗЕЯ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. Николаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

ПОНИЖЕННАЯ ЦѢНА 1 Р.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1897.

ИЗДАНІЯ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

(ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ).

Белохъ. Исторія Греціи, т. I. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Брайса Д. Американская республика. 3 тома. Цѣна 10 р. 50 к.

Буасье Гастона. Цицеронъ и его друзья. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1880 г. Ц. 2 р.

— — Паденіе язычества. М. 1893 г. Цѣна 4 руб.

Бэра. Исторія Всемірной торговли. 3 ч. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1876 г. Цѣна 7 р. 50 к.

Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Ц. 3 р.

Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.—5 частей М. 1879 г. Цѣна 20 р.

Викторова П. П. Ученіе о личности, вып. I. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гайма Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія, 2 тома. М. 1889 г. Цѣна 10 р.

— Романтическая школа въ Германіи. М. 1891 г. Ц. 5 руб.

Гартмана. Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. *А. Козлова*. М. 1876 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к.

Гаспари А. Исторія итальянской литературы, т. I. Перев. *К. Бальмонта*. Москва 1895 г. Ц. 3 р.

Гервинуса Г. Г. Автобіографія, съ 4 портр. Цѣна 1 р. 50 к.

Герцбергъ Г. Исторія Византіи. Перев. *П. Безобразова* (съ рисунками). Ц. 4 р.

Геттнера. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III. кн. I. Ц. 2 руб.

Гиббона. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портр. автора). Перев. *В. Н. Невьдомскаго*. Въ 7-ми томахъ. М. 1886 г. Ц. 26 руб.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. М. 1877 г. Ц. 4 р.

Гнейста Рудольфа. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, переводъ съ нѣмецкаго *С. А. Венгерова*. Москва, 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.

Горна Ф. Исторія скандинавской литературы. Пер. *К. Бальмонта*. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Грегуара Л. Исторія Франціи XIX вѣка, томъ I, II и III, перев. подъ редакціею *И. В. Лучицкаго*, М. 1896 г. Цѣна 12 руб.

Грина Д. Исторія Англійскаго народа, въ 4-хъ томахъ. Ц. 10 р. 50 к.

Гюббара Г. Исторія современной литературы въ Испаніи. Ц. 2 р.

Давидъ-Соважо А. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ. Ц. 2 р.

Дройзена. Исторія Эллинизма. Въ 3 томахъ. Пер. *М. Шемунова*. М. 1893 г. Ц. 11 р.

Забѣлина И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.

Зибера Н. И. Соч. Очерки первобытной экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к.

Игеринга. Борьба за право. Пер. *П. Волкова*. М. 1872 г. Ц. 75 к.

Иліада Гомера, переводъ Н. Минскаго. Ц. 75 к.

Іодля Ф. Исторія этики. Т. I. Перев. подъ ред. *Вл. Соловьева*. М. 1896. Ц. 2 р.

Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Перев. *Е. Корша*. М. 1874 г. Ц. 16 р.

Ковалевскаго М. Происхожденіе современной демократіи. Т. II. Ц. 2 р. 50 к., т. III—ц. 2., т. IV—ц. 2 р.

Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Куглера. Руководство къ исторіи искусства. 2 тома. Цѣна 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г. Ц. 7 р.

(Продолженіе на 3 и 4 стр. обертки).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

АНГЛІИ.

Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени.

Изданіе Г. Д. ТРАЙЛЯ.

ТОМЪ II.

Отъ воцаренія Эдуарда I до смерти Генриха VII.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

П. Николаева.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.
1897.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 346384
„ „ 193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ГЛАВА V.

Упроченіе королевской власти. 1274—1348.

СТР

Царствованіе Эдуарда I.—Смита. 1
Исторія Валлиса,—Эдвардса. 11
Религія Англіи 1272—1348.—Раймунда Бизли 16
Судебныя реформы при Эдуардѣ I.—Майтлэнда 28
Военное искусство.—Омана 33
Флотъ.—Лэрда Кловиса. 36
Архитектура при трехъ Эдуардахъ.—Гугса 40
Образованіе. Университеты.—Блэкистона. 51
Наука и псевдо—наука.—Стиля. 62
Медицина и врачеваніе—Крейтона. 69
Литература—Франка Гитса 73
Земледѣліе.—Корбета 77
Торговля и промышленность.—Губерта Голля 84
Общественное здравіе.—Крейтона 95
Общественная жизнь.—Трайля 96

ГЛАВА VI.

Черная Смерть и ея слѣдствія.

Черная смерть и произведенныя ею опустошенія.—Крейтона 112
Земледѣліе.—Корбета. 115
Годы перемирія.—Смита. 122
Религія.—Пуля 131
Военное искусство.—Омана 144
Флотъ.—Лэйрда Кловиса 152
Архитектура и искусство.—Гугса 162
Литература.—Франка Гитса. 168
Университетская наука.—Блэкистона. 193
Общественное здравіе.—Крейтона 199
Земледѣлія.—Корбета. 202
Исторія торговли.—Гевинса 210
Городская жизнь.—Флетчера. 216
Общественная жизнь.—Трайля. 221

ГЛАВА VII.

Конецъ среднихъ вѣковъ 1399—1485.

Царствованіе Генриха IV.—Смита 231
Возстаніе Овена Глендовера.—Эдвардса 235
Религія.—Пуля 240
Царствованіе Генриха V.—Смита 245
Царствованіе Эдуарда IV 262
Царствованіе Ричарда III 265
Военное искусство—Омана 268
Флотъ.—Лэйрда Кловиса 279
Открытія и изобрѣтенія.—Раймунда Бизли 290
Архитектура.—Гугса 301
Англійская музыка.—Рокстро 307
Магія и колдовство—Стиля 309
Школа Чосера.—Франка Гитса 314
Земледѣліе.—Корбета 318
Промышленность и торговля—Гевинса 329
Городская жизнь.—Флетчера 340
Народное здравіе.—Крейтона 345
Общественная жизнь 349

ГЛАВА VIII.

Начало новой исторіи Англіи 1485—1509.

Царствованіе Генриха VII.—Смита 371
Новая монархія,—Гиссаля 382
Церковь—Гёттона 392
Исторія законодательствъ 1307—1600.—Майтлэнда 404
Реформы въ арміи - Гассаля 416
Флотъ при Генрихѣ VII.—Лэрда Кловиса 420
Открытья и изслѣдованія.—Раймондъ Бизли 422
Искусство.—Гугса 424
Университеты.—Гёттона 430
Шотландская литература 14 и 15 вѣковъ.- Франка Гитса 433
Начало книгопечанія.—Гордона Дуффа 452
Развитіе англійскаго языка.—Франка Гитса 462
Земледѣліе.—Корбета 468
Торговля и промышленность.—Саймса 474
Народное здравіе.—Крейтона 483
Общественная жизнь 488

ГЛАВА V.

Упроченіе королевской власти. 1274—1348.

Царствованіе Эдуарда I.

А. Л. Смита.

Въ національной исторіи очень рѣдко два теченія политическаго и общественнаго прогресса имѣютъ одинаковую скорость. То то, то другое движется болѣе быстро. Торговля и промышленность, искусство и нравы могутъ подлежать измѣненіямъ, тогда какъ политическая исторія находится, сравнительно говоря, въ застоѣ или, наоборотъ, эра политической дѣятельности можетъ совпадать съ эрой общественнаго и экономическаго застоя. Теперь мы будемъ говорить именно о такомъ историческомъ періодѣ; даже соціальный историкъ вынужденъ заниматься преимущественно политикой и личностью государственнаго человѣка и короля.

Дѣятельность, предстоящая Эдуарду I, была столь разнообразна и значительна, что по ея важности она превосходила даже дѣятельность Генриха II. Подчиненіе Валлиса, борьба съ Шотландіей, устроеніе судебной и военной системы Англіи на прочной основѣ, замѣна старыхъ налоговъ новой финансовой системой, рѣшеніе вѣчной проблемы о церкви и государствѣ, проблемы, находящейся въ то время въ состояніи обостренія, признаніе принциповъ хартіи и уроковъ прошлаго царствованія безъ ущерба для королевской власти и безъ усиленія бароновъ, наконецъ изысканіе вѣрнаго пути для развитія представительныхъ учрежденій, что не удалось даже Монфору — для всего этого былъ необходимъ человѣкъ сильный, а также и мудрый и добрый. По силѣ характера Эдуардъ I изъ всѣхъ государей Англіи, если и не выше всѣхъ, то уступаетъ развѣ только Генриху VIII,

по честности онъ уступаетъ только Альфреду или Генриху VI, въ практической же мудрости, въ вѣрности взглядовъ, въ творческой способности онъ не уступаетъ никому изъ нихъ.

Подчиненіе Валлиса.

Первой необходимостью было подчиненіе Валлиса. Валлисцы были постоянной угрозой для Англіи. Они пользовались всякимъ поводомъ, чтобы возстать противъ Іоанна, противъ регентства, противъ Генриха III. Ихъ несокрушимая враждебность дѣлала необходимымъ существованіе большихъ пограничныхъ округовъ, гдѣ Богуны, Мортимеры и Клэры были независимыми лордами и думали менѣе о справедливости по отношенію къ валлисцамъ или о вѣрности королю, чѣмъ о взаимныхъ враждѣ и подсиживаніи. Англійскіе короли пытались прибѣгать и къ силѣ и къ ласкѣ—и все напрасно. Левеллинъ, государь сѣвернаго Валлиса, получилъ въ жены принцессу англійскаго королевскаго дома, а братъ его Давидъ пользовался особой милостью Эдуарда—и тѣмъ не менѣе въ 1282 году они оба возмутились. Мщеніе Эдуарда было быстро. Потребовавъ у своего народа людей и денегъ, онъ напоминалъ имъ о безчисленныхъ измѣнахъ валлисцевъ, напоминалъ, какъ они, точно лисицы, разоряли землю, убивали мужчинъ, женщинъ и дѣтей, жгли замки и хижины и не страшились ни Бога, ни людей. Онъ напалъ на Валлисъ; Левеллинъ палъ, Давида торжественно судили и казнили, какъ измѣнника и заговорщика, клятвопреступника и убійцу. Валлисъ былъ присоединенъ къ Англіи, введены были англійскіе законы. Процессъ ассимилированія былъ медленнымъ, но къ временамъ Тюдоровъ онъ былъ уже законченнымъ. Исторія младенца—принца, показаннаго валлисцамъ въ Карнарвонѣ, какъ ихъ будущаго принца валлисскаго, указываетъ, что народная традиція основательно приписываетъ Эдуарду I всю честь достигнутыхъ результатовъ.

Эдуардъ I и Гасконь.

Съ 1286 до 1289 года Эдуардъ былъ въ Гаскони, обезпечивая за собой эту провинцію, послѣдній остатокъ французскихъ владѣній Плантагенетовъ. Въ 1293 году Филиппъ Красивый недостойной хитростью захватилъ крѣпости провинціи и, казалось, намѣревался напасть на берега Англіи. Эдуардъ въ 1295 году снова воззвалъ къ своему народу противъ короля Франціи, который, «не довольствуясь прежними обманами и несправедливостью», теперь собираетъ флотъ, чтобы «напасть на страну и уничтожить англичанъ съ лица земли». Наконецъ, соглашеніе было достигнуто въ 1299 году посредствомъ брака Эдуарда съ сестрой Филиппа Маргаритой.

Реформы Эдуарда I.

Въ это время уже были достигнуты главнѣйшіе конституціонные результаты царствованія. Статутъ о Мертвой рукѣ (1279 года) остановилъ поглощеніе земель церковью и обѣдненіе всѣхъ поземельныхъ собственниковъ, а стало быть и обѣдненіе короны, какъ самаго крупнаго изъ собственниковъ. Другими статутами, преслѣдующими тѣже цѣли, были такъ называемый статутъ о дареніяхъ, De Donis (1285), покрови-

тельствовавшій выморочнымъ имѣніямъ и устанавливающій майораты и актъ 1290 года Quia Emptores, который, пытаясь удержать выгодныя стороны феодальныхъ владѣній, открывалъ однако путь для измѣненій, уничтожившихъ самыя основанія феодализма. Общая цѣль Эдуарда, по мнѣнію Стёббса, состояла въ устраненіи принципа феодальнаго владѣнія изъ сферы управленія. До сихъ поръ политическія права, военная власть, общественныя привиллегіи распредѣлялись соотвѣтственно отличіямъ между классами вассаловъ; только главные вассалы составляли законы, имѣли вооруженную свиту и сохраняли частную юрисдикцію. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось. Великій совѣтъ главныхъ вассаловъ превратился въ представительный парламентъ, феодальные отряды въ національную армію, феодальныя привиллегіи исчезли въ королевской и національной юстиціи. Для достиженія такого результата было произведено изслѣдованіе, на какомъ актѣ основаны всѣ такія изъятія и привиллегіи. Бароны негодовали на это изслѣдованіе ихъ документовъ, какъ на нарушеніе ихъ права собственности. Графъ Варенъ бросилъ судьямъ свой старый заржавѣвшій мечъ съ гордыми словами: вотъ мой документъ. Но это было только драматическимъ эпизодомъ; онъ подчинился также, какъ и всѣ остальные. Судебные реформы Эдуарда имѣли, однако, и характеръ творчества. Онъ закончилъ раздѣленіе трехъ судовъ: Казначейства, Королевской Скамьи и Общихъ Исковъ. Онъ опредѣлилъ округа ассизовъ, создалъ новыя формы судопроизводства для удовлетворенія потребностямъ суда и положилъ основаніе юрисдикціи суда канцлера— суда, такъ много сдѣлавшаго для общественной жизни Англіи. Въ 1289 году онъ отставилъ большинство судей за взяточничество. Въ томъ же году онъ изгналъ евреевъ, не въ силу простого ханжества, а въ силу своей рѣшимости заставить исполнять законы о ростовщикахъ, покровительствовать правильному монетному обращенію и уничтожить факторъ, сильно разорявшій небольшихъ поземельныхъ собственниковъ. Изъ числа военныхъ мѣръ слѣдуетъ упомянуть о строгой инспекціи дважды въ годъ національной милиціи, распредѣленной на отряды отъ рыцаря въ латахъ до стрѣлка, вооруженнаго кинжаломъ; о строгой ночной стражѣ во всѣхъ мѣстечкахъ и объ обязанности помощи по требованію шерифа, потомъ объ очищеніи на 200 футовъ съ каждой стороны всѣхъ проѣзжихъ дорогъ, для предосторожности противъ грабителей. Старое кастовое различіе по феодальному владѣнію онъ считалъ устарѣлымъ; всѣ, обладавшіе достаточной собственностью, должны были «принять рыцарство», были ли они главными или средними вассалами, и владѣли ли имѣніями въ силу военной службы или нѣтъ. Онъ призывалъ всѣ общественные классы къ борьбѣ за родину какъ на берегахъ Англіи, такъ и на границахъ Шотландіи или Валлиса и въ Гаскони или Фландріи. Но Эдуардъ заслужилъ особую благодарность англичанъ

Судебныя реформы.

какъ дѣйствительный творецъ парламента. Представительныя учрежденія въ теченіе тринадцатаго столѣтія непрерывно развивались. Даже Іоаннъ былъ вынужденъ созвать представителей каждаго шира. Министры вызвали въ 1254 году по четыре рыцаря съ каждаго шира, а Монфоръ призвалъ въ свой парламентъ (въ 1265 году) по два гражданина изъ нѣкоторыхъ боруговъ; но только Эдуардъ I завершилъ этотъ процессъ въ 1275, 1282, 1290, 1294 и 1295 годахъ— и его мѣры были столь послѣдовательны, что доказываютъ, что у него былъ обдуманный и непрерывно развивавшійся планъ. Онъ рѣшилъ, чтобы граждане засѣдали съ рыцарями шировъ—а на этомъ создалась вся исторія палаты общинъ, это обусловливало ея неразрушимость. Онъ же настоялъ на томъ, чтобы сословіе духовенства было представлено наравнѣ съ баронами и чтобы Общины, всѣ три сословія, собирались въ одно время и въ одномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ «Образцовый парламентъ» 1295 года былъ полнымъ выраженіемъ правила его царствованія: «то, что касается всѣхъ, должно быть одобрено всѣми». Въ тоже время Эдуардъ постоянно ограничивалъ численный составъ палаты лордовъ и настаивалъ на фактѣ, что перство зависитъ не отъ феодальнаго владѣнія, а только отъ королевскаго призыва (writ of Summons).

Эдуардъ I и церковь.

Его рѣшеніе, чтобы духовенство не стояло въ сторонѣ отъ общественныхъ обязанностей, проявляется уже въ началѣ его царствованія. Въ 1279 году одинъ монахъ изъ Осеней съ ужасомъ замѣчаетъ, что «съ духовенствомъ обращаются также, какъ съ народомъ» и что оно должно платить одинаковые налоги. Это и актъ о Мертвой рукѣ было его отвѣтомъ на вызывающее поведеніе архіепископа Пекгама. Въ 1291 году онъ по аппеляціи къ папѣ получилъ десятину съ церковной собственности. Въ 1294 году онъ открыто сказалъ собранію духовенства, что бароны изъ-за французской войны дерутся и платятъ, и потому духовенство, которое не можетъ драться, должно по крайней мѣрѣ платить. Духовенство подчинилось два раза и два раза къ нему ставили еще болѣе суровыя требованія. Но тутъ папство вмѣшалось и бросило перчатку государямъ: Булла Clericis Laicos воспрещала королямъ брать налоги съ церковной собственности и церковникамъ платить ихъ. Эдуардъ тогда поставилъ духовенство внѣ закона. Къ несчастію для короля въ томъ же году (1297) начался раздоръ съ баронами. Конетабль Богунъ и маршалъ Бигодъ отказались служить въ Фландріи. Бароны собрались вооруженными; ихъ было «1500 рыцарей, готовыхъ для войны»—а всего нѣсколько тысячъ. Эдуарду пришлось вступить въ соглашеніе съ духовенствомъ; онъ долженъ былъ подтвердить хартію, а оно дало добровольный даръ. Тогда онъ отправился въ Фландрію.

Эдуардъ I и бароны.

Во время его отсутствія бароны снова соединились съ духовенствомъ и народомъ для прибавленія къ хартіи семи новыхъ статей

и Эдуарду пришлось ратифицировать ихъ въ Гентѣ. Слѣдствіемъ этого было ограниченіе поголовной подати и другихъ требованій старыми обычными предѣлами и признаніе принципа, что право облагать налогами принадлежитъ не коронѣ, а парламенту. Такимъ образомъ была закончена, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, продолжительная борьба, начатая въ 1215 году. Изложенные въ Великой Хартіи принципы были теперь признаны окончательно. Оставалось только обезпеченіе такого признанія.

Но Эдуардъ былъ не король Іоаннъ, да и Винчельсей не былъ Лангтономъ. Богунъ и Бигодъ не достигали нравственнаго величія Маршаллей или Монфоровъ. Оба графа противились королю только на основаніи узкой технической точки зрѣнія и противились только послѣ того, какъ нація и церковь терпѣли три года отъ тяжелыхъ налоговъ. Ихъ конституціонная борьба была запоздалой и если бы не случайное совпаденіе затрудненій, которыя встрѣтилъ Эдуардъ, и не произволъ, къ которому онъ былъ вынужденъ этими затрудненіями, они наврядъ ли имѣли бы успѣхъ.

Дѣйствительно, есть что то театрально-нереальное въ отношеніи бароновъ къ королю въ это царствованіе. Мы невольно вспоминаемъ о ржавомъ мечѣ Варенна и о его пустой похвальбѣ. Ихъ положеніе, какъ конституціонныхъ вождей, было уничтожено, хотя нація только чрезъ сотню лѣтъ поняла это. Они изъ феодальныхъ бароновъ превратились въ обыкновенныхъ дворянъ; они сдѣлались изъ мелкихъ государей и руководителей провинцій придворными и служащими. Изъ двѣнадцати крупныхъ графствъ до кончины Эдуарда не менѣе семи перешло къ королевскому роду посредствомъ брачныхъ союзовъ или выморочности.

Эдуардъ I и Шотландія.

Къ концу жизни Эдуарда небо покрылось тучами. Съ начала шотландской войны солнце его счастія заволакивается облаками. Онъ надѣялся, что обрученіе его сына съ молодой шотландской королевой (1290) соединитъ оба королевства. Но невѣста умерла въ томъ же году. Появилось нѣсколько претендентовъ на престолъ: Шотландцы обратились къ посредничеству Эдуарда. Онъ назначилъ собраніе въ Норгамѣ (1291) и отправился туда съ большой арміей. Даже въ настоящее время ни одинъ шотландецъ не въ состояніи спокойно относиться къ его поведенію начиная съ этого времени. Во всякомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что соперники, сами шотландцы, да и общественное мнѣніе всей Европы, признавали, что англійскіе короли имѣютъ нѣкоторую верховную власть надъ Шотландіей; достаточное количество примѣровъ, когда шотландскіе короли принимали феодальную присягу, казалось, подтверждало феодальныя притязанія Англіи; южная Шотландія была связана узами родства съ сѣверной Англіей и имѣла мало связей съ кельтскимъ сѣверомъ, и рѣшеніе Эдуарда, по которому въ 1292 году шотландскимъ коро-

лемъ сдѣлался іоркширскій баронъ Джонъ Баліоль, было строго справедливымъ. Съ другой стороны несомнѣнно, что Эдуардъ до крайности доводилъ свои феодальныя права, въ силу чего положеніе Баліоля было невозможнымъ; когда шотландцы заключили союзъ съ Франціей, Эдуардъ напалъ на нихъ, какъ на союзниковъ своего врага, разграбилъ Бервикъ и Эдинбургъ, захватилъ и низложилъ Баліоля и оставилъ Шотландію подъ тяжелымъ управленіемъ графа Варенна, одержавшаго побѣду при Дунбарѣ. Пораженіе шотландцевъ при Фалькиркѣ, безплодныя кампаніи 1299, 1300 и 1301 годовъ, походъ чрезъ всю страну въ 1303 году, за которымъ слѣдовала казнь Валласа за измѣну, убійство и клятвопреступничество, подѣйствовали на шотландцевъ какъ суровый урокъ, выучившій ихъ патріотизму и единству. Плодомъ тиранніи Эдуарда была шотландская національность. Онъ дѣлалъ то, что считалъ своимъ долгомъ; но нѣкоторыя ошибки хуже преступленій. Если что нибудь можетъ искупить ихъ, то развѣ только тотъ неуклонный героизмъ, съ которымъ Эдуардъ преслѣдовалъ свои цѣли. Ни несчастіе, ни смертельная болѣзнь не могли отвратить его отъ нихъ; онъ, больной, торжественно поклялся въ 1306 году отомстить за убійство Комина Робертомъ Брюсомъ и за захватъ имъ короны. Онъ умеръ въ іюлѣ 1307 года почти въ ту минуту, когда хотѣлъ сѣсть на лошадь въ пограничномъ городѣ Бургѣ—на Шескахъ, чтобы идти противъ мятежнаго Роберта Брюса; современники полагали, что великій король приказалъ, чтобы его кости носили въ авангардѣ арміи до тѣхъ поръ, пока шотландцы не будутъ окончательно подчинены, какъ будто бы его железная воля могла побѣдить даже смерть. Два года раньше онъ добился отъ новаго папы смѣны архіепископа Винчельсея, которому не могъ простить его поддержки папскихъ притязаній на верховенство надъ Шотландіей и дѣятельности котораго въ 1297 году въ качествѣ главы церкви онъ не забылъ. Король очень ловко устроилъ такъ, что негодующее отрицаніе такого притязанія исходило отъ собранія англійскихъ бароновъ. Такимъ образомъ когда онъ умеръ, великое дѣло казалось законченнымъ. Онъ сохранилъ Гасконь, завоевалъ Валлисъ и Шотландію. Великіе дни бароновъ прошли; смѣлыя послѣднія средневѣковыя заявленія о независимости церкви были отвергнуты; онъ преобразовалъ Великій Совѣтъ и систему обложенія и сдѣлалъ феодализмъ безвреднымъ; онъ удовлетворилъ требованіямъ народа, не уменьшая реальнаго могущества короны, которая ни раньше, ни въ теченіе двухсотъ лѣтъ позже, не была такъ сильна, какъ теперь, когда она была выраженіемъ національной воли. И однако трагическая судьба, которая, казалось, смѣялась надъ всѣми Плантагенетами, осудила на безплодіе большинство изъ наиболѣе серьезныхъ попытокъ Эдуарда. Его паденія впервые сдѣлали Шотландію націей; онъ самъ возбудилъ духъ, который уничтожилъ его планы. Едва онъ умеръ, какъ

Дѣятельность Эдуарда I.

его сынъ показалъ, насколько шотландцы обязаны своей независимостью неспособности и небрежности потомства Эдуарда. Онъ принудилъ духовенство подчиниться его парламентской системѣ, но чрезъ немного лѣтъ послѣ парламента 1295 года оно оставило представительство въ парламентѣ и нашло убѣжище въ особыхъ палатахъ конвокаціи. Таже иронія судьбы сдѣлала то, что мы читаемъ исторію этого «молота шотландцевъ» по шотландскимъ источникамъ и что король, лозунгомъ котораго было изреченіе: «держи слово», обвиняется благодаря почти непонятному ложному истолкованію событій въ трехъ нарушеніяхъ слова, даннаго своимъ подданнымъ.

Царствованіе Эдуарда II.

Трудно сказать, было ли смѣшно или трогательно читать о тѣхъ надеждахъ, которыя современники возлагали на Эдуарда II. Его царствованіе основательно послужило сюжетомъ драмы. Характеры представляютъ замѣчательные контрасты: бездѣльный, невнимательный, недостойный король, болѣе достойный сожалѣнія, чѣмъ осужденія; его смѣлый, рѣзкій и коварный фаворитъ Пирсъ Гавестонъ; его грубый, надутый, неумолимый кузенъ Томасъ Ланкастерскій, неспособный вождь ревнивыхъ лордовъ; нѣсколько загадочныя фигуры двухъ Деспенсеровъ, позднѣйшихъ довѣренныхъ людей короля, темныя интриги порочной королевы и ея любовника Мортимера, рядъ убійствъ, закончившійся ужасной исторіей замка Беркелей и визгами умирающаго короля. Съ самаго начала Эдуардъ II извратилъ политику своего отца; онъ заключилъ перемиріе съ шотландцами и спѣшилъ на югъ для брака съ Изабеллой и для коронованія; онъ отозвалъ Гавестона и осыпалъ его чрезмѣрными почестями; ради его онъ разсорился съ старыми министрами своего отца. Уже въ 1308 году господствовало озлобленіе противъ фаворита и король согласился изгнать его, но въ слѣдующемъ же году снова призвалъ его. Парламентъ 1309 года настоятельно требовалъ реформъ и въ 1310 году власть короля была фактически замѣнена властью двадцати одного лордовъ орденёровъ. Эти лорды орденёры, кромѣ изгнанія Гавестона провели ордонансы 1311 года, отдававшіе назначеніе чиновниковъ и вопросъ о мирѣ и войнѣ въ руки бароновъ. Когда король объявилъ, что ордонансы не имѣютъ силы, бароны возстали, захватили и обезглавили Гавестона. Послѣ пораженія Эдуарда при Баннокбурнѣ въ 1314 году, орденёры вполнѣ захватили власть. Томасъ Ланкастерскій былъ всесиленъ, но онъ былъ слишкомъ близорукъ или слишкомъ измѣнчивъ, чтобы сдѣлать что нибудь. Начались междоусобія; администрація бездѣйствовала; шотландцы опустошали сѣверныя графства, Робертъ Брюсъ, почти безъ сопротивленія получившій назадъ свои крѣпости, теперь въ 1318 году завладѣлъ Бервикомъ и упрочилъ свою королевскую власть. Его мародеры въ 1319 году грабили къ югу до Рипона.

Казнь Гавестона.

Деспенсеры.

Между тѣмъ борьба различныхъ партій бароновъ продолжалась, управляемая чисто личными мотивами. Типично для того времени то

обстоятельство, что два Деспенсера, отецъ и сынъ, которые съ 1318 года до конца царствованія занимали мѣсто, вакантное послѣ смерти Гавестона, считались борцами конституціонализма, хотя по чисто эгоистическимъ мотивамъ; крайняя же ненависть къ нимъ другихъ бароновъ, выражавшаяся въ старыхъ конституціонныхъ фразахъ эпохи Хартіи, была въ сущности просто завистью и разочарованной жадностью. Тѣмъ не менѣе въ этой средѣ ненависти и интригъ началось движеніе въ формѣ спроса о наслѣдницахъ Глочестера, причемъ Деспенсеры захватили себѣ львиную часть. Въ 1321 году перы объявили приговоръ объ изгнаніи Деспенсеровъ; но Эдуардъ съ неожиданной рѣшительностью собралъ армію, разбилъ Мортимеровъ на западѣ, разбилъ и взялъ въ плѣнъ Томаса Ланкастера при Боругъ-Бриджѣ. Могущественный графъ, «король Артуръ», какъ называлъ его Гавестонъ, кузенъ короля, сынъ одной королевы и дяди другой, графъ Ланкастера, Лейстера, Дерби, Линкольна и Салисбюри, владѣлецъ множества замковъ и почестей, обладатель нѣсколькихъ сотенъ помѣстьевъ, палъ сразу. Его судили и осудили; онъ былъ казненъ въ его собственномъ замкѣ Понтефрактъ. Такимъ образомъ смерть Гавестона была отомщена, но это кровавое пятно должно было быть смыто паденіемъ Эдуарда II и его внука Ричарда II; пробудившійся духъ мести удовлетворилъ свою жажду только на поляхъ Тоутона и Тьюксбюри и на эшафотахъ, на которыхъ отъ топора Тюдоровъ погибли Поль, Стаффорды и Куртенеи. На время Эдуардъ пользовался властью и нанесъ ударъ ордонансамъ, объявивъ, что подобные законы могутъ приниматься только парламентомъ въ полномъ его составѣ, а не одними баронами. Это попадало въ самое слабое мѣсто въ положеніи орденёровъ; они пытались управлять для народа, но не посредствомъ народа. Они не понимали, что политическое сознаніе націи сильно выросло, они продолжали преслѣдовать узкія цѣли баронства 1258 года и игнорировали фактъ роста представительнаго парламента. Тѣмъ не менѣе несмотря на торжество Эдуарда ихъ могущество еще было значительно. Въ 1323 году Эдуардъ заключилъ позорный миръ съ шотландцами. Въ 1325 году его королева и младшій сынъ, отправленный имъ съ порученіемъ во Францію, соединились съ Рожеромъ Мортимеромъ, бѣглымъ мятежникомъ, и 24 сентября 1326 года они вернулись, чтобы «отомстить за Ланкастера и наказать Деспенсеровъ»; бароны, лондонцы, епископы, даже братья короля примкнули къ нимъ. Они взяли Бристоль, повѣсили старшаго Деспенсера на висѣлицѣ въ пятьдесятъ футовъ вышины, а младшаго повѣсили въ Герефордѣ. Чернь въ январѣ требовала у парламента низложенія короля, архіепископъ произнесъ проповѣдь на тему: «гласъ народа—гласъ Божій». Короля заставили признать себя недостойнымъ царствовать, всѣ отказались отъ повиновенія ему и провозгласили королемъ его сына.

Воцареніе Эдуарда III. Управленіе Мортимера и Изабеллы. Казнь Мортимера.

21 сентября было объявлено, что Эдуардъ скончался въ замкѣ Берклей; несомнѣнно, что онъ былъ убитъ и убитъ по крайней мѣрѣ съ вѣдома распутной королевы и ея любовника. Они управляли королевствомъ почти четыре года. Правда, что королемъ считался Эдуардъ III и что главой совѣта былъ Генрихъ Ланкастеръ; но Мортимеръ захватилъ всѣ помѣстья Деспенсеровъ и новый титулъ графа Маршъ; онъ чрезъ королеву завладѣлъ двумя третями доходовъ короны; его свита, состоявшая изъ ста восьмидесяти рыцарей, и королевская пышность его двора вызвали протестъ даже со стороны его сына и убѣдили націю, что онъ стремится къ престолу. Народъ понялъ, что онъ ничего не выигралъ, перемѣнивъ Эдуарда и Деспенсеровъ на Изабеллу и Мортимера. Неудача большой арміи, собранной въ 1328 году для отраженія шотландцевъ и безславныя условія «грязнаго мира» въ Нортгамптонѣ приписывались измѣнѣ Мортимера. Въ засадѣ, поставленной Эдмунду Кентскому, брату покойнаго короля, и въ его казни еще очевиднѣе была рука Мортимера. Генрихъ Ланкастеръ тщетно пытался начать возстаніе для низверженія ига фаворита; онъ потерпѣлъ неудачу и поплатился дорого. Когда по настоянію Ланкастерской партіи юный король ночью чрезъ подземный проходъ прошелъ въ замокъ Ноттингамъ и арестовалъ Мортимера, во всей странѣ раздались крики торжества. Мортимеръ былъ преданъ суду лордовъ, осужденъ безъ выслушанія его и понесъ жестокое наказаніе, какъ измѣнникъ, въ Смитфильдѣ въ декабрѣ 1330 года. Когда его правнукъ женился на Филиппѣ Кларенсъ, судьба, сдѣлавшая Мортимеровъ роковымъ проклятіемъ для Плантагенетовъ, окончательно завершила свое дѣло. Ричардъ, герцогъ Іоркскій, погубившій своего кузена Генриха VI, былъ сыномъ послѣдней наслѣдницы Мортимеровъ; имя этого могущественнаго рода исчезло только среди общей погибели, унесшей обѣ вѣтви королевскаго рода и родственныя имъ семьи. Царствованіе Эдуарда III начинается только съ паденія Мортимера и изгнанія Изабеллы.

Царствованіе Эдуарда III. Шотландія. Столѣтняя война.

Даже въ настоящее время на это царствованіе часто смотрятъ, какъ на золотой вѣкъ процвѣтанія и славы. Но даже при поверхностномъ взглядѣ на дѣло придется признать, что съ 1349 года картина этого царствованія принимаетъ нѣсколько мрачный колоритъ. Съ этаго года ошибки иностранной политики, необычайная тяжесть обложенія, придворные интриги и раздоры, политическое недовольство и мрачные признаки великой общественной бури обращаютъ на себя вниманіе. Но до тѣхъ поръ для людей, подобныхъ Фруассару, умѣющихъ видѣть только одну свѣтлую поверхность явленій, царствованіе Эдуарда представляется замѣчательнымъ и блестящимъ. Эдуардъ поддерживалъ набѣгъ Эдуарда Баліоля въ Шотландію для низложенія молодого короля Давида Брюса. Чрезъ нѣсколько недѣль Баліоль надѣлъ корону, но не надолго. Въ 1333 году шотландцы, пошедшіе на

избавленіе Бервика, понесли ужасное пораженіе при Галидонъ-Гиллѣ. Молодой король Шотландіи убѣжалъ во Францію. Шотландія подчинилась Эдуарду и приняла снова Баліоля. Но теперь было уже поздно осуществлять великій планъ Эдуарда I. Шотландцы упорно боролись съ англичанами и въ 1341 году Давидъ Брюсъ вернулся и получилъ свою корону. Поддержка, оказанная Франціей шотландцамъ, несомнѣнно была рѣшающей причиной столѣтней войны, начавшейся въ 1337 году съ притязаній Эдуарда на престолъ Франціи по праву его матери, сестры послѣдняго короля. Такое притязаніе для современниковъ кажется смѣшнымъ и непскреннимъ. Но въ немъ былъ и иной смыслъ—спасти большіе фламандскіе города отъ власти Франціи, отстоять недавно провозглашенную власть надъ морями противъ норманскихъ пиратовъ, нанести ударъ союзу Франціи съ папствомъ посредствомъ союза съ императоромъ и германскими государями. Но несмотря на поддержку союзниковъ, въ первую компанію было сдѣлано мало, кромѣ морской битвы при Слюи, первой изъ славныхъ морскихъ побѣдъ Англіи. Въ 1345 году трехлѣтнее перемиріе было нарушено; слѣдующій годъ былъ годъ побѣды при Кресси, почти совпавшей съ пораженіемъ шотландцевъ при Невилль Кроссѣ и плѣномъ короля Давида. Взятіе Кале въ 1347 году повело къ новому перемирію, продолжавшемуся семь лѣтъ.

Характеристика царствованія. Черная Смерть.

Такимъ образомъ эти годы были годами проявленія національной энергіи на морѣ и на сушѣ, дома и заграницей, въ войнѣ и торговлѣ. Война поддерживалась національнымъ патріотизмомъ; она велась національнымъ оружіемъ, лукомъ; побѣды одерживались благодаря національному характеру новой англійской арміи. Люди, одержавшіе побѣды при Кресси и Пуатье, были по большей части фригольдерами, служившими на хорошемъ жалованьи и притомъ изъ за любви къ своимъ «природнымъ лордамъ», которые вели ихъ въ бой; они соединяли въ себѣ лучшія стороны феодальнаго войска, національной милиціи и новый принципъ наемнаго войска. Сравнительно съ безпорядочной феодальной толпой французовъ, это была уже профессіональная армія; сравнительно съ недовольными французскими крестьянами—рабами, это была армія, могущая смѣло постоять одинъ противъ пяти. Торжество пѣхоты надъ тяжелой кавалеріей было звономъ похоронпаго колокола для феодализма. То, что англійскіе стрѣлки сдѣлали въ четырнадцатомъ вѣкѣ, швейцарскіе копейщики сдѣлали въ пятнадцатомъ, а испанскіе солдаты въ шестнадцатомъ. Наконецъ конный и закованный въ латы рыцарь, владычествовавшій надъ Европой въ теченіе четырехъ столѣтій, оказался анахронизмомъ.

Въ теченіе этихъ же лѣтъ Общины впервые становятся отдѣльной палатой парламента. Король льстилъ имъ, чтобы заставить ихъ принять отвѣтственность за войну; въ 1338 году онъ объявилъ войну по «настоянію Общинъ». Но уже въ 1340 году билль о военныхъ

издержкахъ ослабилъ ихъ воинственный пылъ; онѣ хотѣли вотировать новыя денежныя средства только въ томъ случаѣ, если будетъ принятъ статутъ, опредѣляющій, чтобы на будущее время не собиралось войска или денегъ иначе, какъ по рѣшенію парламента. Этотъ актъ былъ дополненіемъ ряда шаговъ, начиная съ формъ, употреблявшихся норманскими королями, при которыхъ контроль надъ обложеніемъ переходилъ отъ короны къ народу. Нужда Эдуарда въ деньгахъ принудила его къ этой и другимъ уступкамъ. Таже нужда заставила его оставить осаду Турне и привела къ недостойному столкновенію съ собственными министрами. Кажется, что онъ подозрѣвалъ въ расхищеніи денегъ, которыя должны были быть посланы ему. Онъ внезапно вернулся домой, въ полночь высадился при Тоуэрѣ, отставилъ канцлера, казначея, судей и другихъ чиновниковъ и поставилъ цѣлый рядъ обвиненій противъ двухъ Стратфордовъ. Но перы стояли за архіепископа, каждое сословіе: лорды, духовенство и общины, предъявили жалобы и король обѣщалъ удовлетворить имъ. Ему пришлось уступить поднятой имъ самимъ бурѣ, но черезъ шесть мѣсяцевъ онъ хладнокровно объявилъ, что онъ «притворялся и имѣлъ на то право» и объявилъ проведенные статуты недѣйствительными. Это было высшимъ пунктомъ, достигнутымъ королевской властью въ четырнадцатомъ вѣкѣ, также какъ дѣятельность Общинъ служитъ указателемъ, что онѣ достигли въ государствѣ положенія, равнаго съ двумя другими сословіями. Начало войны въ 1345 году повело къ тяжелому обложенію; въ 1347 году флорентійскіе кредиторы Эдуарда обанкрутились, въ 1348 году Общины отказались одобрить войну и ихъ жалобы были изложены въ выраженіяхъ безпримѣрно сильныхъ. Но политическое движеніе было внезапно остановлено чумой, появившейся въ Англіи въ маѣ 1349 года. Она поразила какъ громъ небесный національную войну, политическіе раздоры, общественный прогрессъ и все парализировала. Въ теченіе двухъ лѣтъ парламентъ и суды прекратили свою дѣятельность, хлѣбъ лежалъ на поляхъ и гнилъ, и въ это время Эдуардъ съ расточительной пышностью основывалъ свой орденъ Подвязки. Это самый горькій комментарій къ поверхностному взгляду на это царствованіе.

Исторія Валиса.

О. М. Эдвардса.

Въ 613 году происходила великая битва подъ стѣнами Честера между Этельфритомъ, королемъ Нортумбріи и валисскими князьями

подъ предводительствомъ Яго, короля Гвинедда, и Селифа, короля Повиса. Этельфритъ побѣдилъ и за его побѣдой послѣдовало разрушеніе Честера и занятіе англами равнины, на которой возвышались его стѣны и башни. Честеръ владычествуетъ надъ равниной, отдѣляющей валисскія горы отъ Стратъ-Клайда; отъ крѣпости его стѣнъ зависѣло существованіе соединенія обѣихъ половинъ Валиса. Въ 577 году битва при Дёргамѣ отдала саксамъ равнину Северна и отдѣлила такимъ образомъ Корнвалисъ отъ Валиса, битва при Честерѣ отдѣлила Валисъ отъ Стратъ-Клайда и съ 613 года Валисъ имѣетъ свою особую исторію. Въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ послѣ битвы при Честерѣ дѣлались попытки снова соединить двѣ провинціи; названіе Кимры—«народъ той области»—было принято двумя отраслями валисцевъ въ теченіе этой борьбы. Хотя это національное названіе и сохранилось въ названіяхъ обѣихъ провинцій — Кимру и Кумберландъ—соединеніе сѣвера и запада считалось безнадежнымъ уже въ началѣ восьмого столѣтія.

Политическая исторія Валиса между 613 и 1284 годами состоитъ изъ великой борьбы противъ англичанъ, постепенно слившихся въ одинъ народъ, и изъ великой борьбы нѣкоторыхъ валисскихъ государей за власть надъ сотоварищами князьями. Географія Валиса представляетъ изображеніе его исторіи—горы отдѣляютъ его отъ Англіи и въ тоже время дѣлаютъ почти невозможнымъ его внутреннее объединеніе. И англійскіе короли и валисскіе князья безнадежно боролись съ горами.

Между 613 и 1066 годами три англійскія королевства боролись за власть надъ всей Англіей: Нортумбрія, Мерсія и Вессексъ имѣли супрематію по очереди въ теченіе сотни лѣтъ и Валису пришлось бороться съ каждымъ изъ нихъ. Этельфритъ Нортумбрійскій отдѣлилъ его отъ сѣвера и побѣды Кадваллона не могли сокрушить власть Нортумбріи или отнять у ней Честеръ. Оффа Мерсійскій съузилъ границы Валиса съ востока и построилъ плотину отъ устья Ди до устья Таффа. Во время супрематіи Вессекса борьба была столь ожесточенной, что заставила всѣхъ валисцевъ соединиться противъ датчанъ, грабившихъ западные берега и противъ западныхъ саксовъ, постоянно пытавшихся подчинить себѣ валисскихъ князей. Появились три великіе князя Родерикъ Великій, Левеллинъ абъ Сейсильтъ и Гриффайдъ абъ Левеллинъ. Родерикъ палъ въ битвѣ противъ англичанъ въ 877 году и страна снова впала въ анархію до появленія Левеллина. Битва при Аберъ-Гвили сдѣлала его безспорнымъ королемъ всѣхъ валисцевъ. Онъ очистилъ страну отъ датчанъ и саксовъ и при его смерти въ 1027 году въ Валисѣ были процвѣтаніе и миръ. Послѣ новаго распаденія королевства Гриффайдъ абъ Левеллинъ возстановилъ могущество, которымъ пользовался его отецъ. Битвы при Ридъ-и-Гросѣ и Герефордѣ сдѣлали его не только владыкой Валиса,

но и грозой англійскихъ границъ. Онъ соединился съ Эльфгаромъ Мерсійскимъ и до крайности ослабилъ могущество Гарольда Вессекскаго. Военное искусство Гарольда и измѣна валисскихъ князей, завидовавшихъ власти Гриффайда, уничтожили дѣло великаго валисскаго короля. «Гриффайдъ, который былъ главой и щитомъ британцевъ, былъ погубленъ своими земляками»—говоритъ валисскій хроникеръ.

Валисъ и норманское завоеваніе.

Гарольду не удалось объединить Англію, когда въ 1066 году появился Вильгельмъ Завоеватель; иначе норманское завоеваніе было бы невозможнымъ. Политика Гарольда объясняетъ ту легкость, съ какой восточныя и южныя части Валиса были завоеваны норманскими авантюристами. Онъ отдалъ власть своимъ приверженцамъ, семьѣ Бледдинъ абъ Синфинъ, а они не могли противиться безъ англійской помощи приверженцамъ семьи великаго Гриффайда. Въ то время, какъ эта борьба велась въ Валисѣ, норманскіе бароны начали завладѣвать долинами. Гугъ Авраншъ устроился въ Честерѣ, со стѣнъ котораго онъ могъ жадными взорами глядѣть на западныя валисскія земли, также какъ онъ раньше съ высотъ Авранша смотрѣлъ на Бретонскія земли. Въ Руддланѣ Робертъ, полунорманъ, полудатчанинъ, упрочивалъ свое положеніе владыки долины Клвида, немилосердно избивалъ валисцевъ, убивая ихъ точно животныхъ вездѣ, гдѣ только они ему попадались. Мудрый Рожеръ Монтгомери получилъ замокъ и графство Шревсбери и его владѣнія скоро распространились въ области верхняго Северна и Файрнви. Изъ Герефорда норманскіе графы проникли по долинамъ Уай и Уска до валисскихъ горъ; Клэры и другія семьи завладѣли долинами Гвента и Моргавга и построили замки на южномъ берегу, и на западномъ до Аберистваита. Около 1081 года казалось, что весь Валисъ становится норманскимъ. Оставалась только дикая страна, оберегаемая Сноудономъ, Бервиномъ и Плинлимономъ. Раньше, чѣмъ это страна могла быть завоевана, появились два великіе валисскіе государи, побѣдившіе норманъ. Въ 1081 году Гриффайдъ абъ Синанъ сдѣлался княземъ сѣвернаго Валиса, а Райсъ абъ Тевдвръ княземъ южнаго; Гриффайдъ захватилъ Роберта изъ Руддлана и обезглавилъ его. Норманы Брекона убили Райса, но ему наслѣдовалъ его сынъ Гриффайдъ абъ Райсъ, болѣе могущественный и болѣе способный, чѣмъ его отецъ. Генрихъ I видѣлъ, что пограничные лорды не въ состояніи держаться сами, но онъ умеръ раньше, чѣмъ могъ оказать имъ дѣятельную помощь.

Во время анархіи въ царствованіе Стефана валисскіе князья сдѣлались независимыми и когда умерли оба Гриффайда въ 1137 году, ихъ замѣнили Овенъ Гвинеддъ въ сѣверномъ Валисѣ и Райсъ абъ Гриффайдъ въ южномъ.

Валисъ и Генрихъ .

Когда воцарился Генрихъ II, онъ понялъ опасность владычества этихъ двухъ валлисскихъ князей. Онъ пытался сокрушить власть Овена

Гвинедда, разсорив его съ его братомъ Кадваладромъ. Потомъ онъ рѣшилъ сразу раздавить валисскихъ князей и двинулся по восточнымъ склонамъ Бервина въ то время, какъ Овенъ Райсъ и другіе князья стояли лагеремъ на западныхъ склонахъ. Бури и горы боролись противъ англійскаго короля и онъ былъ вынужденъ оставить Валисъ.

Въ промежутокъ времени между смертью Генриха II и воцареніемъ Эдуарда I валисскіе князья потеряли послѣдній шансъ установить независимость своей родины. Овенъ Гвинеддъ умеръ въ 1170 году, а Райсъ абъ Гриффайдъ въ 1197, и послѣ ихъ смерти князья отказались повиноваться ихъ наслѣдникамъ. Норманскіе лорды были достаточно сильны, чтобы возобновить свои нападенія и границы Валиса снова начали съуживаться.

Валисъ и англійская церковь.

Въ это время ослабленія была сдѣлана попытка возстановленія независимости валисской церкви. Уже раньше конца двѣнадцатаго вѣка Валисъ былъ подчиненъ архіепископской кафедрѣ Кентербюри. Это произошло постепенно. Когда вновь обращенные англичане рѣшили въ 664 году на соборѣ въ Витби принять римское, а не британское христіанство, церковь Англіи и церковь Валиса раздѣлялись очень многими важными отличіями, нашедшими внѣшнее выраженіе въ тонзурѣ и въ времени празднованія Пасхи. Въ 809 году валисская церковь подчинилась и расколъ прекратился. Потомъ валисскія кафедры подчинились Кентербюри. Въ 1107 году епископъ Ландафа былъ посвященъ въ Кентербюри, въ 1115 году въ епископство Св. Давида былъ назначенъ норманъ и уже до 1143 года архіепископство Кентербюри выставляло притязанія на юрисдикцію во всемъ Валисѣ. Между 1198 и 1204 году Жиральдъ Камбрензисъ сдѣлалъ послѣднюю неудачную попытку, чтобы отстоять независимость валисской церкви посредствомъ установленія метрополіи епископства Св. Давида, которое, какъ ошибочно полагали, было когда то архіепископіей и митрополитствомъ валисской церкви. Попытка Жиральда временно даже могла имѣть успѣхъ, такъ какъ она была сдѣлана за нѣсколько лѣтъ до возвышенія Левеллина Великаго. Это была бы интересная комбинація: величайшій организаторъ, когда либо существовавшій въ Валисѣ и даровитый писатель, описанія котораго и теперь еще во многомъ даютъ живую картину его народа.

Левеллинъ Великій.

Въ 1210 году Левеллинъ абъ Іорвертъ—Левеллинъ Великій—внукъ Овена Гвинедда получилъ супрематію въ той части Валиса, которая еще не была завоевана норманами. Эта часть включала Энглеси и страну къ западу отъ Сноудона, Бервина и Плинлимона. Когда положеніе Левеллина въ Валисѣ было обезпечено, онъ соединился съ англійскими баронами и его права были признаны англійскимъ королемъ въ Великой Хартіи. Когда Левеллинъ умеръ въ 1240 году, замки Валиса были его замками и князья его вассалами. Послѣ короткаго

промежутка распаденія, другой Левеллинъ—Левеллинъ абъ Гриффайдъ или послѣдній Левеллинъ—сдѣлался княземъ всего Валиса. Онъ продолжалъ политику дѣда, сначала обезпечивъ свое положеніе въ Валисѣ, а потомъ ослабляя силу англійской короны посредствомъ союзовъ съ англійскими баронами. Онъ обручился съ Элеонорой, дочерью Симона Монфора, вождя бароновъ. Когда бароны были разбиты Эдуардомъ въ битвѣ при Эвешамѣ, Левеллину пришлось вступить въ соглашеніе съ англійскимъ принцемъ. Его невѣста Элеонора была захвачена на морѣ англичанами и онъ помнилъ, что отецъ его умеръ при попыткѣ вырваться изъ англійской темницы.

Подчиненіе Валиса.

Когда въ 1272 году Эдуардъ сдѣлался королемъ Англіи, онъ рѣшилъ, что власть Левеллина слѣдуетъ уничтожить, хотя бы для того только, чтобы заставить англійскихъ бароновъ повиноваться. Онъ потребовалъ отъ валисскаго князя присяги и получилъ отказъ. Эдуардъ тогда воспользовался раздоромъ между Левеллиномъ и его братомъ Давидомъ и въ 1274 году власть Левеллина ограничивалась только округомъ Сноудона. Англійское управленіе въ остальной части Валиса возбудило недовольство и заставило валисцевъ возстать. Давидъ началъ бояться полнаго уничтоженія валисскихъ князей и покорился брату Левеллину. Въ 1282 году Левеллинъ и Давидъ объявили войну и первый спѣшилъ въ южный Валисъ. Паденіе Левеллина въ стычкѣ при Буильтѣ сдѣлало послѣднюю борьбу валисцевъ за независимость безнадежной. Нѣкоторые изъ мелкихъ князей перешли на сторону англичанъ и завоеваніе Валиса сдѣлалось легкимъ дѣломъ. За Давидомъ охотились какъ за дикимъ звѣремъ и подвергли его всѣмъ ужасамъ наказанія за измѣну; часть драгоцѣннаго креста и корона Артура были увезены въ Англію. Въ Руддланѣ—башни котораго еще и теперь стоятъ на берегахъ Клвайда—въ 1284 году былъ изданъ статутъ о Валисѣ. Старые валисскіе законы были сохранены, насколько возможно, но управленіе стало вполнѣ англійскимъ. Страна была раздѣлена на шесть графствъ (шировъ): Карнарвонъ, Энглеси, Меріонетъ, Флинтъ, Кардиганъ и Кармартенъ—которыя управлялись также, какъ и англійскія графства. Шерифы короля замѣнили мелкихъ валисскихъ князей и власть Левеллина была вручена старшему сыну короля, какъ принцу Валійскому.

Къ 1284 году подчиненіе Валиса было закончено. Архіепископъ Пекгамъ посѣтилъ эпархіи, Эдуардъ I проѣхалъ по горамъ, какъ государь. Начали поощрять развитіе городовъ и можетъ быть Валисъ окончательно ассимилировался бы съ Англіей, если бы между обѣими странами не находились большія пограничныя графства.

Религія Англіи. 1272—1348.

Раймунда Бизли (Beazley).

Объединеніе западнаго христіанства.

Исторія религіи Англіи въ періодъ между воцареніемъ Эдуарда I и Черной Смертью составляетъ, собственно говоря, часть общей исторіи христіанства. Какъ на континентѣ, такъ и въ Англіи, это была эпоха начинавшагося упадка торжествующаго католицизма. Тринадцатый вѣкъ—расцвѣтъ латинскаго христіанства и осень Ислама—объединилъ цивилизацію, которая въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, казалось, двигалась въ направленіи къ разносторонности и расходящейся дѣятельности современной жизни. Методъ Абеляра и его стремленія къ свободомыслію возродились, но уже въ направленіи ортодоксіи, у Аквинскаго, Альберта и Дунса, пользовавшихся языкомъ и методомъ разума для упроченія правовѣрія. Монахи и инквизиторы уничтожили еретиковъ и возбуждали среди міранъ религіозное возрожденіе. Въ Палестину шли крестоносцы и это движеніе съ одной стороны распространяло религіозную власть стараго Рима надъ новымъ, а съ другой вновь пріобрѣло отъ Ислама всю Испанію, исключая Гранады. Церковь западной Европы утратила въ 1261 году Византію, но въ 1272—1274 г., когда Эдуардъ англійскій вернулся изъ Акра въ Лондонъ, всѣ острова и сѣверные берега Средиземнаго моря, кромѣ берега отъ Малаги до Кадикса, были снова, какъ въ дни Юстиніана, католическими. Римское христіанство, централизованное Гильдебрантомъ, было на высотѣ своего могущества въ эпоху, начавшуюся Иннокентіемъ III и кончившуюся Бонифаціемъ VIII. Папство, казалось, побѣдило всѣхъ своихъ старыхъ соперниковъ: великихъ патріарховъ, епископовъ Равенны и Реймса, Кельна и Кентербюри, Милана и Компостеллы, побѣдило и императоровъ, бывшихъ когда то, какъ Карлъ Великій или Генрихъ III, патронами, а теперь, послѣ Фридриха II, нѣмецкими орудіями апостольскаго престола, побѣдило даже національныя церкви, какова была и англійская. Начиналась болѣе серьезная борьба съ монархіями христіанскаго міра, съ городами и парламентами выросшихъ теперь націй, Франціи и Англіи.

Борьба была вызвана Бонифаціемъ VIII. Въ 1274 году при Григоріѣ X папа казался другомъ всѣхъ своихъ духовныхъ чадъ, на второмъ Ліонскомъ соборѣ въ этомъ году даже греческая церковь на время примирилась съ Римомъ. Латинское христіанство распространялось во всѣ стороны, съ одиннадцатаго вѣка въ его составъ вошли Исландія и Гренландія, въ тринадцатомъ францисканскіе монахи предшествовали Марко Поло чрезъ Татарію въ Китай, а генуэзскіе моряки пытались открыть африканскіе берега, тевтонскіе рыцари на-

чали обращеніе Пруссіи, германская Ганза перенесла центръ своей торговли въ Новгородъ.

При жизни Эдуарда I англійскаго такое расширеніе христіанскихъ государствъ пришло въ столкновеніе въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, съ христіанской церковью. Его архіепископы Пекгамъ и Винчельсей боролись противъ короля также, какъ Бекетъ боролся противъ Генриха II, какъ папы боролись противъ нѣмецкихъ королей, а теперь при Бонифаціѣ VIII боролись противъ національнзма вообще.

Эдуардъ I и церковь.

Въ началѣ тринадцатаго вѣка отъ св. Гуга линкольнскаго до Гростета англійская церковь была выраженіемъ духа народа [1]); духовенство, угнетаемое и папой и королемъ, руководило народнымъ движеніемъ въ борьбѣ за отвѣтственное, представительное правительство. Но теперь идеаломъ Эдуарда была сильная островная имперія, дружественная съ Римомъ, но независимая отъ посторонней силы; этотъ идеалъ требовалъ подчиненія религіи, какъ и всѣхъ другихъ интересовъ, національному единству, представителемъ котораго была королевская власть. Эдуардъ рѣшился добиться нераздѣльной верховной власти. Такъ какъ духовное сословіе стояло за «государство въ государствѣ», то Эдуардъ хотѣлъ унизить его. Нужно было не только держать Римъ на почтительномъ разстояніи и отвергнуть всѣ его притязанія на ленную вѣрность къ нему короля и на верховенство надъ Шотландіей, какъ отвергалъ въ свое время Вильгельмъ Завоеватель подобныя же притязанія папы, но необходимо было потрясти власть національной англійской церкви надъ землей, задержать ростъ ея могущества и подчинить духовные суды законамъ страны.

346384

I. Исторія церкви и государства при Эдуардѣ I выражается главнымъ образомъ въ трехъ законодательныхъ актахъ—статутѣ о Мертвой рукѣ 1279 года, приказѣ Circumspecte Agatis, 1285 года и подтвержденіи хартіи въ 1297 г. Позднѣйшая борьба между папой и королемъ о верховной власти надъ Шотландіей, уничтоженіе Рыцарей Храма въ 1307—1312, дѣятельность церкви при Эдуардѣ II и Эдуардѣ III частію не имѣли отношенія къ исторіи религіи въ Англіи, а частію относятся скорѣе къ общественной сторонѣ жизни, чѣмъ къ церковной политикѣ.

Мертвая рука.

1) Прежде всего о Мертвой рукѣ. До норманскаго завоеванія, кажется, требовалось разрѣшеніе короны для отчужденія въ «мертвыя

---

[1]) Корпорація вполнѣ организованная, съ подробно регулированной іерархіей, съ отдѣльнымъ законодательствомъ, самооблагающаяся, съ признанными судебными и исполнительными органами и хотя не имѣвшая общей корпоративной собственности, но состоящая изъ лицъ, обладавшихъ собственностью. Какъ сословіе королевства, духовенство признаетъ власть короля, и какъ часть западной церкви—власть папы (Стёббса III, 19)

руки» духовныхъ корпорацій, но вскорѣ возбудилось опасеніе, чтобы вся Англія не превратилась въ церковную собственность и это дало возможность Эдуарду въ 1279 году совершенно воспретить такія отчужденія. Подаренная земля переходила или къ лорду или за отсутствіемъ его къ королю, и въ 1285 году этотъ законъ противъ дареній «Мертвой рукѣ» сдѣлался еще болѣе строгимъ. Сопротивленіе духовенства, повидимому, ограничивалось только юридическими уловками.

Церковная юрисдикція.

2) Второе изъ воспрещеній Эдуарда вызвало болѣе открытое сопротивленіе. Можетъ быть всѣ церковники довольствовались тѣмъ, что сохранялось прежнее положеніе по земельному вопросу; они уже владѣли землей и были лишены только монополіи, но въ вопросѣ о юрисдикціи они хотѣли постоять за себя. Несмотря на видимую неудачу Генриха II гражданскіе суды постепенно одерживали побѣды надъ церковными. Еще до смерти Генриха III міряне въ большинствѣ судовъ замѣнили церковниковъ въ качествѣ королевскихъ судей; при Эдуардѣ I примасъ призналъ теоретически право суда Королевской Скамьи издавать воспрещенія. Первый Вестминстерскій статутъ 1275 года опредѣлялъ, что клерики, обвиняемые въ фелоніи, не должны передаваться своему начальству до окончанія слѣдствія; если они окажутся виновными, ихъ реальное и личное состояніе переходило къ коронѣ. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого въ отвѣтъ на петицію прелатовъ о смягченіи королевскихъ вопрещеній Эдуардъ въ указѣ Circumspecte Agatis, гарантируя, повидимому, права духовной юрисдикціи, на самомъ дѣлѣ отклонилъ притязанія церкви на рѣшеніе свѣтскихъ договоровъ. Онъ не отказался отъ нихъ и потому его судьи признавали эти дѣла исключительной собственностью королевскихъ судовъ. Вполнѣ опредѣленно король воспретилъ епископамъ нарушать его прерогативы относительно случаевъ нарушенія договоровъ и правъ патронатства.

Попытка обложенія церкви налогами.

3) Такимъ образомъ старыя теократическія стремленія были ограничены по земельному вопросу и въ вопросахъ юрисдикціи; но третья попытка законниковъ облагать духовенство налогами по волѣ короля потерпѣла неудачу. Эдуардъ, повидимому, рѣшилъ предоставить духовенству только одно преимущество денежнаго обложенія. Онъ не только собиралъ въ парламентѣ представителей посвященнаго духовенства съ непосвященными, но въ 1291 году онъ провелъ высшую оцѣнку церковной реальной и личной собственности [1]) и назначилъ коммиссаровъ для опредѣленія всѣхъ монастырскихъ, кафедральныхъ и коллегіальныхъ сокровищъ. Получивъ такія свѣдѣнія въ 1291 году,

---

[1]) 204,143 ф. не считая имуществъ епископовъ Линкольна и Винчестера и Церкви Христа—Кентербюри (Линкольнъ и Винчестеръ отдѣльно 3977 ф. Церковь Христа—Кентербюри, 355 ф.).

онъ по соглашенію съ папой Николаемъ IV потребовалъ десятины съ церковныхъ доходовъ, собралъ эту десятину для священной войны и черезъ три года воспользовался пастырскимъ посланіемъ Целестина V, чтобы потребовать въ парламентѣ въ Вестминстерѣ половины доходовъ церкви. Вилльямъ Монфоръ, деканъ св. Павла, посланный съ протестомъ, палъ мертвымъ отъ страха къ ногамъ короля; въ конвокаціи въ королевскомъ дворцѣ Джонъ Гаверингъ объявилъ отъ имени Эдуарда: «если кто противится волѣ короля, пусть встанетъ, чтобы знали его, какъ врага королевскаго мира». Примасъ Винчельсей былъ въ Римѣ и, ожидая его возвращенія, духовенство уступило.

Налогъ былъ собранъ и на слѣдующій годъ было осуществлено желаніе Эдуарда включить національную церковь въ національное собраніе въ «Образцовомъ Парламентѣ» 1295 года. Онъ вызывалъ протекторовъ перваго сословія въ Іоркъ и Нортгамптонъ въ 1283 году, и въ Лондонъ въ 1294 году; теперь даръ духовенства, составлявшій главную финансовую поддержку для короны, составлялъ часть суммъ, вотируемыхъ всей націей въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, правителю всѣхъ сословій королевства.

Духовенство, однако, скоро отказалось вотировать гдѣ-либо, кромѣ своего собственнаго собранія, и только отдѣльными суммами. Оно въ концѣ концевъ добилось своего: съ средины четырнадцатаго вѣка конвокація всегда засѣдала отдѣльно [1]) и король былъ вынужденъ умѣрить свои требованія. Въ 1296 году Бонифацій въ буллѣ Clericis Laicos воспретилъ духовенству платить мірянамъ какіе-либо налоги и этимъ вызвалъ кризисъ 1297 года. Въ парламентѣ въ Ст. Эдмундсбюри Винчельсей отъ имени конвокаціи отказался вотировать какіе-либо дальнѣйшіе налоги; Эдуардъ въ отвѣтъ на это запечаталъ королевской печатью всѣ церковные амбары и склады; послѣ новаго отказа синода Св. Павла главный судья формально объявилъ все духовенство состоящимъ внѣ закона и баронство архіепископа было захвачено въ пользу короля. Конвокаціи.

Въ это время дворяне и купцы тоже поссорились съ Эдуардомъ, Шотландія возстала подъ руководительствомъ Валласа, война во Фландріи требовала немедленнаго отъѣзда короля изъ Англіи. Но онъ не смѣлъ оставить престолъ и сына среди общаго недовольства. Винчельсей, бывшій представителемъ и духовенства и конституціоннаго дѣла, первый воспользовался раскаяніемъ короля. Эдуардъ воз-

[1]) Въ 1341 г. корона, признавъ правило, что церковныя десятины (20,000 по оцѣнкѣ папы Николая въ 1291 г.) должны вотироваться на провинціальныхъ конвокаціяхъ, перестала настаивать на присутствіи въ парламентѣ церковныхъ прокторовъ и этотъ обычай совершенно исчезъ въ 15 вѣкѣ.

вратилъ его баронство, передалъ на его попеченіе наслѣдника королевства и былъ готовъ возобновить хартію и уважить свободу церкви. Подобно Елизаветѣ въ 1601 году, онъ призналъ свою ошибку, онъ съ грустью и неохотой отягощаетъ своихъ подданныхъ. Примасъ призналъ, что хотя папская булла и воспрещаетъ церковникамъ повиноваться требованіямъ денегъ со стороны короля, но не воспрещаетъ имъ давать добровольную помощь. Король, который до отправленія своего во Фландрію началъ было захватывать треть церковной собственности и воспретилъ отлучать отъ церкви сборщиковъ податей, былъ смущенъ союзомъ папы и примаса, духовенства и дворянъ, Шотландіи и Франціи противъ его диктаторства; при этомъ союзѣ церковь снова являлась борцомъ за свободу [1]).

Послѣ паденія Бонифація и переселенія папства въ Авиньонъ папская курія преслѣдовала Винчельсея и старый союзъ папы и короля, уничтоженный буллой Clericis Laicos былъ возобновленъ Климентомъ V, разрѣшившимъ Эдуарда отъ его присяги 1297 года и суспендировавшимъ архіепископа. Въ послѣдніе годы царствованія были, однако, изданы антипапскіе законы. Послѣ того какъ притязанія папы на верховную власть надъ Шотландіей были отвергнуты въ 1301 году, статуты въ Карлилѣ въ 1370 году нападалъ на злоупотребленія чужестраннаго патроната, на «провизіи», «первые плоды» и «деньгу св. Петра».

Эдуардъ I измѣнилъ политику Генриха III, подчинивъ папскіе интересы королевскимъ въ національной церкви. Съ этой цѣлью онъ заставилъ духовенство отречься отъ всѣхъ выраженій въ папскихъ буллахъ, вредныхъ для власти короны и фактически уничтожилъ избирательныя права кафедральныхъ капитуловъ. Слабость Эдуарда II позволила Клименту V назначать въ англійскія бенефиціи своихъ ставленниковъ, какъ пытался сдѣлать это Бонифацій VIII въ Іоркѣ до и во время юбилея 1300 года. Въ противоположность архіепископу Романусу въ то время, Эдуардъ игралъ въ руку папы и политика его отца, система «святой лиги», въ которой папа долженъ былъ служить королю, была возстановлена только при Эдуардѣ III, такъ что Климентъ VI въ 1345 жаловался: «если король Англіи попроситъ въ епископы осла, мы не смѣемъ отказать ему». Въ заключеніе приведемъ три типическихъ примѣра борьбы римской и королевской партій въ національной церкви того времени:

1) Въ 1282 году Пекгамъ нашелъ нѣкоего Мейлинга, прелата иностраннаго происхожденія, епископа Линхфильда, отправилъ его въ его эпархію и назначилъ его викаріемъ англичанина, архидіакона Дерби, потребовавъ у «папскаго человѣка» платы сотни марокъ въ годъ и

---

[1]) Какъ въ 1341 г. когда архіепископъ Стратфордъ добился права суда перовъ.

приказавъ ему совѣтываться съ викаріемъ во всѣхъ оффиціальныхъ дѣлахъ.

2) Въ 1333 году архіепископъ Меофанъ умеръ отъ огорченія, отчасти причиненнаго безчисленными злоупотребленіями, происходившими отъ одной причины, отъ союза между римскимъ и англійскимъ дворами. Онъ былъ безсиленъ противъ этихъ злоупотребленій, пока не была уничтожена лига и они продолжались, какъ разсказываютъ напр. объ одной эпархіи въ 1326 году:

3) «Изъ пятидесяти пребендъ епископа Салисбюри двадцать восемь розданы покойнымъ и теперешнимъ папами и въ нихъ проживаютъ не больше трехъ изъ владѣющихъ пребендами, да кромѣ того восемь человѣкъ ожидаютъ пребендъ при первой вакансіи».

Церковь нація.

II. Общественная сторона церковной исторіи составляетъ главнѣйшій интересъ послѣднихъ лѣтъ (1297—1348) послѣ конца борьбы съ Эдуардомъ I. Высшее духовенство по мѣрѣ того, какъ сознавало все большую и большую зависимость отъ короны, становилось все податливѣе; низшее, кромѣ можетъ быть приходскихъ священниковъ, почти утратило духъ послѣдняго возрожденія религіи. Въ началѣ четырнадцатаго вѣка замѣчается не мало слѣдовъ антиклерикальнаго настроенія среди дворянства и среднихъ классовъ; оно было направлено не только противъ вмѣшательства папы или противъ чрезмѣрнаго роста монастырей, а было началомъ возстанія противъ клерикальнаго вліянія въ политикѣ и обществѣ.

По своемъ возвращеніи изъ Палестины Эдуардъ I нашелъ управленіе въ рукахъ епископовъ; на слѣдующій годъ Вальтеръ Мертонъ, епископъ рочестерскій, передалъ канцлерство епископу Роберту Бернеллю. Но потомъ вліяніе епископовъ уменьшилось; въ комитетѣ посредниковъ по вопросу о шотландскихъ притязаніяхъ, назначенномъ королемъ въ 1296 году, было только четыре епископа. Протесты Линкольнскаго и Карлильскаго парламентовъ въ 1301 и 1307 годахъ противъ притязаній папы на Шотландію и противъ папскихъ распоряженій (провизій) въ Англіи напоминаютъ о независимомъ духѣ тринадцатаго вѣка. Еще больше замѣчательны Кентербюрійскій бунтъ въ маѣ 1327 года противъ клерикальныхъ привиллегій, бунтъ въ Ильчестерѣ въ 1348 году противъ епископа Бата и Уэльса, петиція Общинъ 1344 года противъ клерикальныхъ законовъ для мірянъ, назначеніе перваго свѣтскаго канцлера въ 1340 году и общее и ростущее нежеланіе платить десятину. Уничтоженіе ордена Храмовниковъ было прелюдіей уничтоженія монастырей въ 1536 году и увеличивающаяся нелюбовь къ монахамъ и ко всѣмъ духовнымъ указываетъ на будущее возмущеніе не столько противъ злоупотребленій средневѣковой религіи, сколько противъ религіи вообще. Но въ политикѣ, въ образованіи, въ заботахъ о бѣдныхъ, въ общемъ влія-

нiи до мелочей жизни церковь даже во время ея упадка проникала во всѣ уголки общественной жизни.

Однимъ изъ первыхъ доказательствъ паденія власти духовенства можетъ служить сцена въ Кентербюри въ первый годъ царствованія Эдуарда III. Пріоръ церкви Христа былъ вызванъ на помощь бальи и гражданамъ, отъ него потребовали отправленія двѣнадцати вооруженныхъ людей въ Ньюкастль противъ Роберта Брюса. «Земли, которыми владѣютъ на правѣ добровольной милостыни (frankalmoigne), не подлежатъ военной службѣ»—отвѣтилъ пріоръ. Тогда бальи и граждане собрали митингъ на полѣ при домѣ монаховъ—проповѣдниковъ и присягнули двѣнадцати статьямъ. Первая: «срыть всѣ зданія въ Бургатѣ до мельницы». Вторая: «никто подъ страхомъ наказанія, налагаемаго городомъ, не долженъ жить въ домахъ пріора». Третья: «всѣ ренты въ 200 марокъ и выше должны собираться для города». Четвертая: «никто не долженъ покупать, продавать или мѣнять напитки или жизненные припасы съ монастыремъ». Пятая: «всѣ повозки и лошади изъ имѣній церкви Христа, провозящія припасы для монастыря, должны забираться и арестовываться со всѣмъ грузомъ». Шестая: «всякій монахъ и даже пріоръ, выходящій изъ монастыря, долженъ быть лишенъ одежды и имущества и связанъ». Седьмая: «вырыть ровъ при монастырскихъ вратахъ, такъ чтобы никто не могъ ни войти, ни выдти». Восьмая: «не позволять чужимъ входить въ храмъ иначе, какъ при обѣщаніи не приносить даровъ даже гробницѣ св. Ѳомы». Девятая: «каждый гражданинъ клянется, что онъ хочетъ получить отъ этой гробницы на каждый палецъ каждой руки по золотому кольцу, которыя вѣшаютъ тамъ богомольцы».

Въ Ильчестерѣ въ 1348 году епископа Бата и Уэльса держали въ храмѣ плѣнниковъ нѣсколько часовъ; чернь била и ранила его слугъ на церковномъ дворѣ. Эти раздоры были покончены; но отчеты о нихъ остались и они уясняютъ намъ общее возмущеніе противъ привилегій духовенства и въ особенности негодованіе, высказанное даже папой Григоріемъ X въ 1274 году противъ «разнузданной толпы монаховъ»; такое негодованіе высказывалось многими противъ гордости, скупости, богатства и свѣтскости многихъ епископовъ и монаховъ. Читая эти отчеты, мы ясно понимаемъ тотъ страхъ, который чувствовали въ четырнадцатомъ вѣкѣ провинціальные соборы при видѣ нежеланія платить десятину. Духовенство, говорили тогда, должно брать свою десятину хлѣба также, какъ берутъ фермеры. Иногда духовныя лица должны были ѣздить за сборами околицей, имъ позволяли брать только остатки, да и то часто потоптанные скотиной. Личная десятина выплачивалась изъ барышей торговли и труда, и даже отъ рудниковъ.

Упадокъ церковной юрисдикціи.

Но стремленіе къ секуляризаціи было всего сильнѣе въ вопросѣ о юрисдикціи. Церковные суды были худшими врагами церкви и ихъ злоупотребленія были первыми предметами нападокъ людей новаго

ученія, вродѣ Чосера и Виклифа. Дѣла о бракахъ и завѣщаніяхъ, иски о духовныхъ уплатахъ, о порочности, объ исправленіи правовъ [1])—такова была юрисдикція судовъ епископовъ, ограниченная приказами Эдуарда I и противъ этой юрисдикціи относительно мірянъ Общины составили петицію въ 1344 году, «чтобы никакое предложеніе, сдѣланное духовенствомъ ко вреду мірянъ, не было принято безъ разсмотрѣнія королемъ и лордами». Только преобладаніе прелатовъ въ палатѣ лордовъ помѣшало открытому разрыву между церковнымъ и національнымъ закономъ. Но какъ протестъ 1344 года былъ признакомъ конца церковнаго законодательства для мірянъ, такъ статутъ о Мертвой рукѣ 1279 года и Карлильская петиція противъ «провизоровъ» 1307 года были признаками будущей юрисдикціи свѣтскихъ судовъ надъ церковью, признаками будущаго переворота, совершеннаго Тюдорами. Потомъ появляется первые признаки оффиціальнаго, антимонастырскаго движенія со стороны европейскихъ христіанскихъ государствъ, первое предостереженіе будущаго уничтоженія всѣхъ монастырей.

Храмовники.

Осенью 1307 года Филиппъ французскій настаивалъ, а Климентъ V приказалъ, чтобы Эдуардъ II арестовалъ всѣхъ рыцарей Храма въ королевствѣ, какъ это уже было сдѣлано во Франціи. Сначала Эдуардъ колебался, писалъ въ Португалію, Кастилію, Сицилію и Арагонъ, выражая свои сомнѣнія, и къ папѣ, выражая свое довѣріе къ правовѣрію и нравственности ордена; но 20 декабря онъ уступилъ, арестовалъ всѣхъ храмовниковъ Англіи и произвелъ подробное слѣдствіе на основаніи обвиненій папы. Въ концѣ 1312 года воинствующіе монахи Храма Господа и Соломона были уничтожены во всемъ христіанствѣ, если и «не путемъ правосудія», какъ выразился папа, то путемъ власти и ихъ помѣстья были переданы ихъ соперникамъ, рыцарямъ Госпиталя.

Еслибы это было все, то это могло бы считаться просто однимъ изъ актовъ государственнаго насилія или естественнымъ результатомъ окончательной потери Палестины въ 1291 году; но то, что разсказывали свидѣтели-англичане, имѣетъ особое общественное значеніе, какъ доказательство ненависти націи къ тайнѣ, къ чужеземнымъ обычаямъ, къ организаціямъ, независимымъ отъ государства и его правителей. Погибель воинствующихъ монаховъ, которые презирали англійскій законъ какъ подданные чужаго государя, были предзнаменованіемъ судьбы иностранныхъ пріорствъ при Генрихѣ V и уничтоженія всѣхъ монастырей, вызваннаго тѣми же причинами въ 1536—1539 годахъ. «Romam Solam queritis! Roma Sola destruet vos»—

---

[1]) „Духовныя уплаты“ десятины и плата за требы, дѣла „о порочности и ересь, клевета и ростовщичество“, а также брачная измѣна и пр.

говорилъ Гленвилль. «Мы видимъ, что вы только на половину наши подданные», говорилъ Генрихъ VIII.

Семь свидѣтелей показывали противъ англійскихъ храмовниковъ, что принятіе въ орденъ было секретнымъ; трое, что о тайнѣ нельзя было говорить даже между собой, не говоря уже о постороннихъ; четверо присягнули, что храмовникамъ воспрещено исповѣдываться иначе, какъ священникамъ ихъ ордена.

Одинъ свидѣтель слышалъ о страшныхъ секретахъ; въ Сиріи они принимали рыцарей съ кощунствомъ и плевали на крестъ; нѣкоторые изъ нихъ поклонялись кошкѣ, мѣдной головѣ, теленку, другіе писали и читали, что «Христосъ умеръ не за наши грѣхи, а за свои.

Нѣкто Робертъ Отерингамъ, францисканенъ, былъ двадцать лѣтъ тому назадъ къ Вестерби, когда храмовники устраивали какія-то реликвіи; онъ подсмотрѣлъ въ щелку и видѣлъ сіяніе. На другой день онъ спросилъ одного храмовника, какому святому они молились; тотъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ: «если дорожишь жизнью, не спрашивай».

Слышали, какъ одинъ храмовникъ, нѣкто Робертъ Баузеръ, стоналъ: «неужели я родился затѣмъ, чтобы отказаться отъ Бога и служить дьяволу!»

Разскасывали о сынишкѣ храмовника, который на вопросъ отца: хочетъ ли онъ вступить въ орденъ, отвѣтилъ, что онъ видѣлъ, какъ одного поступавшаго заставляли отрекаться отъ Бога, приставивъ къ груди остріе меча. Отецъ убилъ его.

Дѣдъ одного свидѣтеля поступилъ въ орденъ здоровымъ человѣкомъ, а черезъ три дня умеръ; нѣкто Вальтеръ Саважъ тоже исчезъ чрезъ два года Адамъ Гетонъ приводилъ мальчишескую поговорку: «берегись поцѣлуевъ храмовниковъ», Вильямъ Берней слышалъ объ одной изъ ихъ тайныхъ доктринъ, что «у человѣка такая же душа, какъ у собаки».

Нѣкто Рожерь, редакторъ Годмершама, получилъ предупрежденіе отъ рыцаря Стефана Кентериля: «хотя бы вы были и великимъ магистромъ, не поступайте къ намъ. У насъ есть три обѣта, извѣстные только Богу, дьяволу, да намъ».

Викарій Суттона слышалъ о священникѣ-храмовникѣ, которому воспрещено было служить обѣдню; а чужестранецъ, нѣкто Джонъ Герціа, слышалъ отъ женщины, «по имени Какокака, жившей вблизи Ст. Жильса въ Лондонѣ, подъ буками», разсказъ о черныхъ полуночныхъ службахъ въ Динкли. Тамъ храмовники поклонялись черному идолу со свѣтящимися глазами и занимались грязными оргіями.

Слышали, какъ Вильямъ Башелоръ до своего исчезновенія воскликалъ: «я погубилъ свою душу въ Храмѣ». Нѣкоторымъ слугамъ храмовниковъ, пойманнымъ въ шпіонствѣ, предлагали на выборъ смерть или поступленіе въ орденъ, а мятежныхъ членовъ зашивали въ мѣшки и топили. Три дезертера ордена довершили показанія личными откро-

веніями. Они признались въ кощунствѣ, отступничествѣ и противуестественныхъ порокахъ; надъ ними стояли съ обнаженными мечами и вынуждали ихъ отречься отъ Христа и признавать только «Великаго Бога». Покойный великій учитель, Бріанъ де Жей, былъ измѣнникомъ для крестоносцевъ, насмѣшникомъ надъ вѣрой и тайнымъ мусульманиномъ. Онъ считалъ, что «волосокъ изъ бороды сарацина дороже всего его тѣла». Англичане трепетали отъ ужаса слыша вопросъ: «храмовникъ ли вы? Если да, то вы будете страшно несчастны раньше, чѣмъ умрете».

Опасность, грозившая фріарамъ. Непопулярность монаховъ.

На такихъ основаніяхъ самый богатый и гордый изъ орденовъ религіознаго рыцарства былъ уничтоженъ; но не меньшая опасность угрожала и проповѣдующимъ и нищенствующимъ монахамъ. Когда францисканцы развили свои положенія и сдѣлались *фратичелли* (fraticelli-братія), они навлекли на себя ненависть папъ и королей и всѣхъ духовныхъ; когда эти простые люди забыли идеалы основателя ордена и превратились въ христіанскихъ факировъ, они, казалось, унизили монашескую жизнь до такой степени, до какой она никогда раньше не была унижена. Всѣ реформаторы, вродѣ Лангланда, всѣ свѣтскіе люди, вродѣ Чосера или теоретики, вродѣ Виклифа, смотрѣли на нищенствующихъ монаховъ какъ на удобнѣйшій объектъ нападокъ. Уже въ 1274 году Григорій X ограничилъ ихъ «разнузданную толпу» во всѣхъ четырехъ орденахъ, какъ сказано въ Пьерѣ Пахарѣ (Piers Plowman); Бонифацій VIII въ 1301 году воспретилъ имъ проповѣдывать въ приходскихъ церквахъ безъ разрѣшенія священника. Еще до смерти Генриха III Матью Парисъ объявлялъ, что фріары унизились въ одно поколѣніе больше, чѣмъ бенедиктинцы въ три или четыре столѣтія. Въ эпоху Черной Смерти ихъ паденіе казалось вопросомъ времени.

Храмовники исчезли, фріары, даже монахи подлежали устраненію. Имѣется достаточно доказательствъ существованія при Эдуардахъ такого антимонашескаго настроенія и распространенія его среди всѣхъ классовъ населенія; мы можемъ привести кромѣ сказаннаго два примѣра такого настроенія; первый—замѣтный упадокъ монастырей, а второй—исторія первой коллегіи въ Оксфордѣ, коллегіи Мертона.

Въ теченіе 14 вѣка было основано только 64 новыхъ монастыря при существованіи 800 старыхъ (изъ нихъ 440 двѣнадцатаго вѣка и 296 тринадцатаго); еще въ 1274 году епископъ рочестерскій Вальтеръ, бывшій канцлеръ, постановилъ, что члены коллегіи Мертона, которую онъ только что перевелъ изъ Сюррея въ великій англійскій университетъ, утрачиваютъ всѣ выгоды коллегіи, къ которой принадлежатъ, если вступятъ въ какой либо монашескій орденъ.

Коллегія Мертона. Упадокъ церкви.

Вальтеру было извѣстно, какую долю не только рыцарской платы, но и дохода съ приходовъ присвоили себѣ въ это время монастыри и капитулы; онъ зналъ, что вслѣдствіе этого большая часть Англіи пе-

имѣетъ правильной церковной системы, которая замѣняется субститутами, что благодаря чрезмѣрному развитію монашества и его непормальной и ненаціональной системѣ появились фактическія злоупотребленія: отсутствующіе и имѣющіе по нѣскольку приходовъ викаріи (плюралисты), отдача въ аренду бенефицій, упадокъ мѣстной благотворительности и мѣстныхъ интересовъ и что все это порождаетъ низшій типъ наемнаго священника, служителя обѣденъ, который очень мало похожъ на пастыря, ученаго или джентельмена.

Мертонъ также, какъ Уикгамъ, Уайнфлитъ и Уольсей, кажется, стремится къ религіозной реформѣ посредствомъ образованія и дѣлъ милосердія и его методу слѣдовали всѣ благоразумные церковники конца среднихъ вѣковъ; около 1400 года было основано 78 коллегій и 192 госпиталя, а въ 15 вѣкѣ 60 школъ и благотворительныхъ учрежденій, тогда какъ монастырей было основано не больше восьми.

Вообще со времени смерти Эдуарда II упадокъ церкви былъ безспорнымъ фактомъ; она теряла свою власть надъ политикой и національной жизнью; монашескіе ордена вымирали (въ это время не было ни одного выдающагося аббата); являлись люди, отрицавшіе ея вѣрованія и систему, ея архитектура становилась чрезмѣрно роскошной, духъ миссіонерства и крестовыхъ походовъ исчезалъ, что доказывалось новымъ планомъ паллигримства, «замѣнявшаго» участіе въ крестовомъ походѣ; суевѣрія и злоупотребленія увеличивались; духовенство было чуждымъ новому духу науки, литературы и вѣры, проявившемуся въ пророческихъ сочиненіяхъ Рожера Бэкона, Чосера и Виклифа.

Черная смерть. Эпоха Черной Смерти была эпохой, когда началось еще болѣе серьезное отдѣленіе церкви отъ народа, отъ общественнаго движенія, выраженіемъ котораго было возстаніе крестьянъ въ 1381 году. До этого времени духовенство не только помогало «соблюдать статуты и отстаивать долгъ» труда, но занималось тѣмъ же дѣломъ и имѣло тѣже интересы, какъ и народная масса. Духовенство и міряне еще составляли общество, «общину»; какъ бы ни былъ потрясенъ этотъ союзъ, онъ началъ разрушаться только въ это время. Съ другой стороны во времена Чосера, какъ и въ 16 вѣкѣ, приходскіе священники составляли постоянную силу церкви, постоянную и популярную часть ея іерархіи. Даже въ началѣ 14 вѣка начиналось движеніе въ направленіи настоящей религіозной реформы. Въ образованіи, въ нѣсенопѣніи, гимнахъ и молитвенникахъ, въ дѣлахъ милосердія, въ перемѣщеніи епархій, въ приходской организаціи церковь медленно и ощупью искала средствъ для этой цѣли. Защита составляетъ всегда половину успѣха въ бою; при 8000 приходскихъ церквей, и 40,000 духовныхъ [1]) всѣхъ степеней, вышедшихъ изъ всѣхъ общественныхъ

[1]) Въ 1340 г. — 29,161 безъ нищенствующихъ монаховъ — количество ихъ сильно уменьшилось во время Черной Смерти; но все же духовныхъ приходилось по 1 на 52 человѣка всего населенія выше 14 лѣтъ.

классовъ (включая сюда и монаховъ и фріаровъ), при доходахъ, которые могли выносить цѣлую треть всего податнаго обложенія націи, при почти полной монополіи обученія (за исключеніемъ класса адвокатовъ и немногихъ мірянъ политиковъ, поэтовъ и историковъ), при всеобщемъ пониманіи латинскаго языка богослуженія—потому что даже политическія пѣсни писались смѣшаннымъ [1]) латинскимъ и англійскимъ языкомъ—при всемъ этомъ церковь могла надѣяться на реформу, могла надѣяться спасти цѣлое, сдѣлавъ частичныя уступки.

Оксфордскій и Кембриджскій университеты, образовательныя заведенія для клериковъ, получили болѣе прочную организацію при основаніи новыхъ коллегій. Епископъ Экзетерскій Стапильдонъ въ 1314 г., Эдуардъ II въ 1326 и Робертъ Эглсфильдъ и королева Филиппа въ 1340 послѣдовали примѣру Мертона и основали коллегіи Экзетеръ, Ориель и коллегію Королевы. Епископъ Эли, Гугъ, въ 1280 г. перенесъ эту систему въ Кембриджъ, основавъ коллегію св. Петра; въ 1347—1353 г. Эдуардъ Гонвиль и епископъ норвичскій Вильямъ Батеманъ основали Гонвиль-Галль. Еще большее значеніе имѣла церковная школа епископа Саубриджа, основанная въ Винчестерѣ въ 1282—1305 г. и попытки правильной системы обученія катехизису посредствомъ приходскихъ священниковъ въ 1270—1370 годахъ.

Обезпеченіе прокаженныхъ, сиротъ и бѣдныхъ посредствомъ милостынь и госпиталей, право Corrody или содержанія и прокормленія въ монастыряхъ, пользованіе женскими монастырями, какъ институтами-школами для дѣвочекъ, позволеніе рабочимъ работать по праздникамъ, т. е. 308 дней изъ 365, англійскіе переводы псалмовъ, евангелія и апостольскихъ посланій въ 1275, 1320 и 1349 (послѣдніе—Ричардомъ Ролле Гамполемъ), новые соборы и храмы «декорированнаго» стиля—все это было доказательствомъ, что церковь даже въ это время и при такимъ примасѣ, какъ Рейнольдсъ, еще жива.

Жадность церковниковъ, злоупотребленія епископскихъ судовъ, постоянное вмѣшательство папы, принудительное безбрачіе духовенства, слѣдствіемъ чего былъ конкубинатъ, были главными недостатками церкви. Высшее духовенство вообще говоря было нравственно и такіе люди, какъ Кильвардби, Пекгамъ и Винчельсей, были достойными представителями англійской религіи; но такъ какъ признавалось, что всякая мѣстная или національная реформа есть ересь безъ позволенія Рима, то людямъ «надоѣли и бѣдствія вѣка и ихъ цѣленіе».

---

[1]) Примѣръ стиховъ „macaroni“—пѣсня 1530 г.:

Now make us joye in this Feste
In quo Xtus natus est
A patre unigenitus
Syng we to him and say wel come,
Veni Redemptor Gentium.

Судебныя реформы при Эдуардѣ I.

Майтланда.

За смертью Генриха слѣдовали восемьдесятъ лѣтъ, которые даже теперь кажутся намъ самыми блестящими годами въ исторіи англійскаго законодательства. Во всякомъ случаѣ сравнивать съ ними можно только періодъ, позднѣйшій на пятьсотъ лѣтъ, эпоху перваго билля о реформѣ. Король Эдуардъ каждогодно вырабатывалъ законы въ своихъ парламентахъ. Его статуты на нашъ теперешній взглядъ не особенно длинные документы, но они очень опредѣленны и ясны. Они касаются всякаго рода дѣлъ, общественныхъ и частныхъ, и въ особенности тѣхъ элементарныхъ вопросовъ о законахъ собственности и гражданской процедуры, которыхъ обыкновенно не касались англійскіе законодатели. Именно по этой причинѣ они замѣчательно неизмѣнны; они сдѣлались основными; на нихъ построено цѣлое зданіе коментаріевъ. До настоящаго времени, несмотря на всѣ реформы настоящаго столѣтія, мы имѣемъ дѣло съ ними и съ ихъ толкованіемъ, такъ какъ они составляютъ самые элементарные принципы нашихъ законовъ о землевладѣніи. Какъ мы ни объясняли бы такое небывалое развитіе законодательной дѣятельности, оно все такп остается замѣчательнымъ.

Развитіе юридической профессіи.

Въ то время только что началъ образоваться классъ англійскихъ профессіональныхъ свѣтскихъ юристовъ. Мы говоримъ «англійскихъ свѣтскихъ юристовъ» потому, что въ теченіи цѣлаго столѣтія до этого въ Англіи были только «легисты» и «декретисты». Эти легисты и декретисты составляли профессіональный классъ; они соглашались защищать дѣла тѣхъ, кто имъ платилъ. Дѣла у нихъ было достаточно, потому что духовенство того времени чрезвычайно любило тяжбы. Епископъ, не занятый постоянно безконечными спорами съ двумя или тремя богатыми монастырями, былъ или очень счастливый человѣкъ или очень беззаботный хранитель правъ своей эпархіи. Всѣ дороги церковныхъ тяжбъ вели въ Римъ. Къ папѣ аппелировали при всякой стадіи всякаго дѣла и адвокатами были самые знаменитые итальянскіе законники. Король Англіи, часто занятый спорами о выборахъ епископовъ — спорами, которые раньше или позже доходили до римской куріи—держалъ на жалованьи итальянскихъ канонистовъ. Молодежь Англіи отправляли въ Болонью для изученія церковнаго законодательства. Оксфордскій университетъ давалъ степени гражданскаго и каноническаго права и Кембриджскій университетъ слѣдовалъ его примѣру. Не было недостатка въ церковныхъ юристахъ; самые умные и наиболѣе образованные изъ духовенства полагали, что ихъ

даже черезъ чуръ много и сожалѣли, что теологіей пренебрегаютъ ради болѣе выгодной науки. Составилось то, что можно назвать церковнымъ адвокатскимъ сословіемъ (Bar). Канонистъ, желавшій практиковать въ епископскомъ судѣ, долженъ былъ убѣдить епископа въ своей компетентности и присягнуть въ томъ, что будетъ практиковать честно. Въ церковныхъ трибуналахъ были *адвокаты*, защищавшіе кліента и *прокураторы* или *проктары*, представлявшіе личность кліента и присутствующіе при его дѣлѣ какъ его представители.

Атторнеи и барристеры.

Въ теченіи времени въ королевскомъ судѣ образовались двѣ подобныя группы. Мы видимъ *аттормея*, соотвѣтствующаго церковному проктору и *защитника, разсказчика* или *счетчика,* соотвѣтствующаго церковному адвокату. Но образованіе этихъ разрядовъ профессіональныхъ юристовъ было дѣломъ не легкимъ. Древній законъ въ сущности не допускалъ представительства одного человѣка другимъ; въ особенности онъ не допускалъ такого представительства въ гражданскихъ искахъ. До тѣхъ поръ, пока процедура вполнѣ формальна, пока все зависитъ отъ надлежащаго произнесенія сакраментальныхъ словъ, представляется невозможнымъ, чтобы кто нибудь другой произносилъ эти слова за тяжущагося. Противникъ имѣетъ, такъ сказать, законный интересъ въ незнаніи или глупости истца. Если истецъ не можетъ изложить обвиненіе въ надлежащей формѣ, это обвиненіе падаетъ само собой; во всякомъ случаѣ отвѣтчикъ не обязанъ отвѣчать другому лицу, хитрому и осторожному защитнику, нанятому истцомъ. Потому то право назначать атторнея, представляющаго на судѣ личность тяжущагося и выигрывающаго или проигрывающаго его дѣло, появилось очень поздно. Оно исходило отъ короля. Издавна короля въ его многочисленныхъ искахъ представляли другіе. Это свое право онъ могъ даровать и подданнымъ, сначала какъ исключительную милость, а потомъ какъ общее правило. Въ царствованіе Генриха III этотъ процессъ зашелъ уже такъ далеко, что истецъ въ королевскомъ судѣ могъ назначать атторнея для того, чтобы представлять его въ частномъ дѣлѣ, которое у него есть въ данную минуту; для этого не требовалось спеціальнаго разрѣшенія; но если онъ желалъ назначить общаго атторнея для представительства по всѣмъ искамъ, то такое право онъ могъ купить только у короля и получалъ его только въ случаѣ основательной причины. Атторнеи въ то время не всегда были люди профессіональные. Вѣроятно, всякій свободный человѣкъ могъ быть атторнеемъ другого; какъ это ни странно представляется намъ теперь, но мы часто встрѣчаемъ женъ, появлявшихся въ судѣ въ качествѣ атторнея за своего мужа.

Другая отрасль юридической профессіи произошла иначе. Издавна тяжущимся было позволено приводить въ судъ своихъ «друзей» и «совѣтываться» съ ними прежде, чѣмъ говорить. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ это было уже отличительнымъ признакомъ уголовнаго обвиненія, что

обвиняемый не отвѣчалъ безъ совѣтника. Иногда допускалось, чтобы одинъ изъ друзей обвиняемаго не только помогалъ ему, но и говорилъ за него. Уже въ то время понимали, что старое требованіе чрезвычайной точности въ выраженіяхъ часто порождаетъ несправедливость. Слѣдовало предоставить человѣку случай исправить какую либо ошибку выраженія и, однако, старые легальные принципы не допускали, чтобы человѣкъ могъ исправлять ошибки своихъ собственныхъ выраженій. Пусть эти ошибки будутъ исправлены за него другимъ. Таковъ былъ странный компромиссъ между старымъ закономъ и новой справедливостью. Величайшая выгода, получаемая тяжущимся, когда за него говоритъ его совѣтникъ, состояла въ томъ, что если онъ ошибется—если напр., онъ говоритъ о Рожерѣ, когда долженъ бы былъ говорить о Ричардѣ—то тяжущійся будетъ въ состояніи исправить ошибку, потому что слова защитника не обязательны для него, пока онъ ихъ не признаетъ. Естественно, однако, что для этой цѣли избирались наиболѣе умные и наиболѣе опытные изъ друзей. Естественно и то, что для такой цѣли находились опытные и умные люди, которые становились на сей разъ друзьями и за такую дружбу получили вознагражденіе. Когда образовался классъ опытныхъ защитниковъ, отношенія между тяжущимся и его совѣтниками сильно измѣняются и тѣмъ не менѣе они не утрачиваютъ вполнѣ слѣдовъ дружескаго характера. Теоретически человѣкъ не можетъ нанять другого для своей защиты, иначе говоря совѣтникъ не можетъ предъявлять иска о вознагражденіи.

Sergeants-at-Law.

Повидимому, въ царствованіе Генриха III защитники, искавшіе дѣла, начали скопляться при королевскомъ судѣ. Нѣкоторымъ изъ нихъ король, больше всѣхъ имѣвшій исковъ, давалъ жалованье; они были «сержантами», т. е. слугами—«закона». При Эдуардѣ I этотъ процессъ, подробности котораго невыяснены, начался королемъ и въ силу этого процесса профессіональные защитники и атторнеи подлежали контролю судьи; начали обезпечивать монополію практики тѣмъ, которые были формально приписаны къ юридической профессіи. Въ тоже время мы видимъ, что нѣкоторые изъ адвокатскаго сословія (Bar) переходятъ въ судейское (Bench) и около того же времени судьи начинаютъ вербоваться не изъ церковниковъ. Въ царствованіе Ричарда I высшимъ свѣтскимъ судомъ королевства былъ судъ, составленный главнымъ образомъ изъ церковниковъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа, который былъ и главнымъ судьей (Chief Justiciar); рядомъ съ нимъ были два или три епископа, два или три архидіакона и только два или три свѣтскіе судьи. Даже въ царствованіе Генриха III главными судьями были церковники, хотя въ это время для епископа уже считалось скандальнымъ много заниматься свѣтскимъ правосудіемъ. Эти судьи получали жалованье не за защиту тяжущихся, а въ качествѣ клерковъ въ судѣ, Казначействѣ и Канц-

лерствѣ. Они получали профессіональное образованіе и знаніе законовъ страны, но свое искусство они пріобрѣтали скорѣе въ качествѣ гражданскихъ слугъ короны, чѣмъ адвокатовъ или совѣтниковъ частныхъ лицъ; если они хорошо служили королю въ судѣ, они могли надѣяться получить епископство или по крайней мѣрѣ деканство. Но церковь старалась отвлечь духовенство отъ такой работы въ гражданскихъ судахъ. Очень любопытны тѣ уловки, къ которымъ церковники прибѣгали, чтобы формально не участвовать въ пролитіи крови. Обвиненный преступникъ зналъ, что будетъ, когда президентъ суда, духовное лицо, вставалъ, оставляя своихъ товарищей. Рука, не рѣшавшаяся написать: «присяжные признали его виновнымъ и потому онъ долженъ быть повѣшенъ», писали только до словъ: «потому» и т. д. Уста, не смѣвшія произнести чего нибудь худшаго, ограничивались произнесеніемъ довольно понятной формулы: «уберите его и приведите ему священника». Какъ бы то ни было, церковь добивалась своего. Клерки суда, Казначейства и Канцлерства въ теченіе долгаго времени принадлежали къ монашескимъ орденамъ, но уже къ концу царствованія Эдуарда I назначеніе церковника судьей было рѣдкимъ явленіемъ. Вообще можно сказать, что съ этого времени устанавливается замѣчательная особенность англійской судебной системы— все наиболѣе важное дѣло правосудія совершается небольшимъ числомъ королевскихъ судей, избираемыхъ изъ среды адвокатовъ, практикующихъ въ королевскихъ судахъ.

Королевскій судъ.

«Курія» норманскихъ королей постепенно выдѣляла изъ себя отдѣльные канцеляріи и трибуналы. Во времена Эдуарда существовали: «Королевская Скамья» (судъ для уголовныхъ дѣлъ и другихъ исковъ короны), «Общая Скамья» (судъ для исковъ подданныхъ), «Казначейство», которое административнымъ и судебнымъ путемъ собирало доходы короля и отстаивало его фискальныя права и «Канцлерство», бывшее общей канцеляріей, исполнявшей всю письменную работу отъ имени короля. Эти различныя отрасли управленія пережили многія приключенія до того времени, когда были поглощены однимъ высшимъ судомъ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ измѣненій мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь намъ нужно только сказать нѣсколько словъ о томъ, что дало особую форму всему нашему законодательству, форму, которая даже теперь исчезаетъ очень медленно. Наше общее законодательство въ концѣ среднихъ вѣковъ и даже въ новое время есть въ сущности только комментарій приказовъ, издаваемыхъ королевскимъ канцлерствомъ; чтобы понять это, намъ надо возвратиться къ двѣнадцатому вѣку, къ тому времени, когда еще не представлялось естественнымъ, чтобы въ королевскій судъ поступали обыкновенныя тяжбы простыхъ гражданъ. Такія тяжбы не могли поступить въ судъ безъ приказа короля. Вашъ противникъ не могъ вызвать васъ въ судъ; вызовъ долженъ былъ исходить отъ короля. Эта старая про-

недура сохранилась и въ настоящее время; королева Викторія, а не вашъ кредиторъ вызываетъ васъ въ судъ королевы. Но теперь существуетъ только формальный вызовъ отъ королевы въ судъ, а всѣ свѣдѣнія о сущности иска передаются собственными словами истца или его совѣтниковъ юристовъ, но такая практика установилась недавно. Въ прежнее же время приказъ, составленный въ королевскомъ Канцлерствѣ съ приложеніемъ большой королевской печати, сообщалъ отвѣтчику всѣ подробности о предъявленномъ къ нему искѣ. Постепенно по мѣрѣ того, какъ король открывалъ двери своего суда тяжущимся всякаго рода, въ Канцлерствѣ приготовлялись бланки всякаго рода приказовъ, которые могли быть изданы. Можно считать короля содержателемъ лавочки, въ которой продавались приказы. Нѣкоторые изъ нихъ можно было получать по установленной цѣнѣ или, какъ мы сказали бы теперь, ихъ можно имѣть за уплату опредѣленныхъ судебныхъ пошлинъ; о другихъ приходилось торговаться. Потомъ, когда постепенно формировалась парламентарная конституція, новые приказы дѣлаются рѣже и рѣже. Начали понимать, что если король чрезъ свое Канцлерство можетъ изобрѣтать новыя средства исцѣленія золъ посредствомъ новыхъ приказовъ, то въ сущности этимъ онъ получаетъ возможность создавать новыя права и издавать новые законы безъ содѣйствія сословій королевства. Потому установилось положеніе, что старыя формулы можно видоизмѣнять въ несущественныхъ подробностяхъ для того, чтобы приспособить ихъ къ новымъ случаямъ; но новыя формулы можно вводить только посредствомъ статута. Такое измѣненіе произошло уже во времена Эдуарда I. Съ этихъ поръ циклъ приказовъ можно считать завершеннымъ; никто не могъ предъявить свое дѣло въ королевскій судъ иначе, какъ въ формѣ тѣхъ формулъ, которыя были готовыми и продавались въ Канцлерствѣ. Можно сказать, что если не было приказа, то не было и спасенія отъ бѣды, а если не было спасенія отъ бѣды, стало быть и самой бѣды не было; такъ что регистръ приказовъ Канцлерства становится мѣриломъ правъ и мѣрой закона. Потомъ каждый приказъ вызываетъ наростъ цѣлаго слоя ученыхъ толкованій. Тотъ, кто знаетъ, какіе случаи можно подвести подъ каждую формулу, знаетъ англійское законодательство. У законодательства есть скелетъ и этотъ скелетъ есть система приказовъ. Такимъ образомъ англійская юриспруденція получила чрезвычайно неподвижную и суровую форму; она сдѣлалась комментаріемъ формулъ. Она могла расти и ассимилировать новое содержаніе, но не иначе, какъ посредствомъ истолкованія, постепенно находившаго новыя и далеко не вполнѣ естественныя значенія для старыхъ выраженій. Какъ мы увидимъ дальше, такой процессъ истолкованія былъ слишкомъ медленнымъ, чтобы онъ могъ приспособляться къ общественнымъ и экономическимъ

измѣненіямъ и Канцлерство пришло на помощь судамъ, само превратившись въ судъ справедливости (court of equity).

Военное искусство.

Омана.

Обыкновенно говорятъ, что Эдуардъ I учился военному искусству у Симона Монфора и несомнѣнно, что великій графъ былъ опытнымъ воиномъ. Его побѣда при Льюсѣ, одержанная съ слабыми силами надъ храбрымъ врагомъ, доказываетъ, что онъ былъ искуснѣе своихъ современниковъ въ тактикѣ. Онъ умѣлъ держать въ рукахъ армію даже тогда, когда часть этой арміи колебалась; онъ умѣлъ сохранять резервъ для критической минуты и энергично пользоваться имъ. Но Симонъ принадлежалъ еще къ старой школѣ, довѣрявшей главнымъ образомъ атакѣ закованныхъ въ латы всадниковъ и смотрѣвшей на пѣхоту какъ на второстепенную силу. Битва при Льюсѣ была выиграна кавалерійской атакой; битва при Эвешамѣ была безнадежной попыткой храброй конницы пробиться чрезъ ряды болѣе многочисленныхъ враговъ.

Король Эдуардъ во всякомъ случаѣ не у Симона выучился той комбинаціи стрѣлковъ и кавалеріи, которой, собственно говоря, не пользовались съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ употребилъ ее при Гастингсѣ. Впервые мы слышимъ о выведеніи впередъ стрѣлковъ подъ прикрытіемъ кавалеріи и о пользованіи ими для того, чтобы пробить линію врага и сдѣлать такимъ образомъ возможнымъ нападеніе конницы, во время валисскихъ войнъ. Такая тактика въ первый разъ была употреблена противъ войска Левеллина при Оревинъ-Бриджѣ и снова появилась при возстаніи валисцевъ въ 1295 году. «Валисцы, разсказываетъ Николасъ Триве, стали противъ войска графа Варвика съ длинными копьями, стоя сомкнутымъ рядомъ, уперевъ концы копій въ землю и направивъ острія ихъ вверхъ. Они совершенно разбили силу атакъ англійской конницы, но графъ нашелъ средство противъ нихъ; помѣстивъ стрѣлковъ между вооруженными людьми, онъ такъ измучилъ копѣйщиковъ, что они заколебались и тогда онъ обратилъ ихъ атакой въ бѣгство».

Введеніе длинныхъ луковъ.

Величайшимъ военнымъ подвигомъ Эдуарда была битва при Фалькиркѣ. Сорокъ тысячъ шотландской арміи Валласа были почти всѣ копѣйщиками, кромѣ нѣсколькихъ конныхъ рыцарей—менѣе тысячи человѣкъ—и нѣкотораго количества стрѣлковъ съ короткими луками. Валласъ поставилъ свою армію въ хорошую позицію за болотомъ и

ожидалъ нападенія. Король Англіи двинулъ свою конницу тремя дивизіями, а въ промежуткахъ поставилъ стрѣлковъ. Первая дивизія произвела атаку, но завязла въ болотѣ и была отбита. Вторая дивизія обошла болото и разогнала шотландскихъ стрѣлковъ и кавалерію, но была остановлена копѣйщиками. Тогда Эдуардъ удержалъ коня, вывелъ впередъ стрѣлковъ и концентрировалъ ихъ выстрѣлы на нѣкоторыхъ пунктахъ шотландскихъ колоннъ. Когда они были достаточно обстрѣляны, онъ направилъ на колеблющіеся пункты вражескаго войска рыцарей, прорвалъ ряды и разсѣялъ всю враждебную армію съ страшнымъ уономъ. Въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій подобная тактика оказывалась дѣйствительной противъ Шотландцевъ, конница которыхъ рѣдко бывала столь многочисленной, чтобы быть въ состояніи при равныхъ условіяхъ бороться съ англійской и стрѣлки которыхъ не могли обучиться надлежащему употребленію длиннаго лука. Битвы при Галидонъ-Гиллѣ, при Невиль-Кроссѣ, при Гамильдонѣ и при Флодденѣ были варіаціями той же темы. Шотландскіе копѣйщики, легко отбивавшіе кавалерійскую атаку, были безпомощны подъ дождемъ стрѣлъ и всегда страдали ужасно отъ той упорной храбрости, съ которой они стояли на мѣстѣ подъ этимъ дождемъ до тѣхъ поръ, пока кавалерійская атака не находила слабаго пункта колонны и когда вся масса ихъ не была разбита на части.

Улучшенія вооруженія.

Въ теченіе двухъ вѣковъ для вооруженія феодальнаго всадника въ Англіи было достаточно кольчуги. Острый норманскій шлемъ съ наличникомъ давно замѣнился широкимъ шлемомъ, покрывавшимъ всю голову и обыкновенно плоскимъ на макушкѣ, но кольчуга оставалась какъ достаточная защита для тѣла рыцаря. Но въ это время усовершенствуется искусство стрѣлка и вѣроятно въ силу этого усовершенствованія кольчуга замѣняется болѣе тяжелымъ и болѣе сложнымъ вооруженіемъ. Между 1300 и 1350 годами общій видъ конницы совершенно измѣняется; надъ кольчугой появляется кованный нагрудникъ, составлявшій вторую защиту для тѣла. Наплечники (aillettes или roundels) защищаютъ плечи отъ ударовъ сверху, наручники и наколѣнники изъ металла защищаютъ конечности. Сохранившаяся кольчуга едва видна, такъ какъ она совершенно покрыта металическими добавленіями. Шлемъ снова дѣлается островерхимъ и называется bassinet; шея защищается легкой металической сѣтью, прикрѣпленной къ шлему на макушкѣ и на плечахъ и называемой camail. Но лучшая защита, даваемая новымъ вооруженіемъ, достигалась насчетъ подвижности. Рыцарь 1360 года болѣе отягощенъ и менѣе способенъ къ движеніямъ сравнительно съ рыцаремъ 1260 года. Его силы скорѣе истощались, ему труднѣе было удержать равновѣсіе какъ на лошади, такъ и пѣшимъ. Спустя одно поколѣніе, когда рыцари продолжали носить тяжелое вооруженіе, они стали еще болѣе

безпомощнымп; опрокинутый рыцарь не могъ встать на ноги безъ помощи своего оруженосца (сквайра) и былъ вполнѣ во власти противника. Очень часто люди задыхались отъ тяжести своего вооруженія и умирали, не получивъ ни одной смертельной раны.

Солдаты.

Арміи Эдуарда III и Чернаго принца во Франціи собирались не на основаніи старыхъ принциповъ феодальнаго призыва и національной милиціи; онѣ не состояли изъ иностранныхъ наемниковъ, какими были солдаты Іоанна. Для иностранныхъ войнъ была принята новая система, хотя теорія старой общей воинской повинности и сохранялась на времена возстаній или пограничной службы противъ Шотландіи и Валлса. Король обыкновенно входилъ въ соглашенія съ баронами и рыцарями, соглашался принять ихъ на службу, но не на короткій феодальный срокъ въ сорокъ дней, а на долгое время за плату, которая разсчитывалась соотвѣтственно рангу договаривавшихся и количеству и качеству свиты, которую они приводили съ собой. Мы имѣемъ списокъ платы арміи, съ которой Эдуардъ III осаждалъ Кале въ 1346 году и знаемъ жалованье каждаго нанятаго королемъ, отъ его сына, принца Валисскаго, до обыкновеннаго пѣхотнаго солдата. Принцъ получалъ фунтъ въ день; тринадцать графовъ и одинъ епископъ по шести шиллинговъ и восьми пенсовъ, сорокъ четыре бароновъ и рыцарей-баронетовъ по четыре шиллинга; 1040 рыцарей по два шиллинга; дальше шла конница, 4022 эсквайровъ и констеблей, получавшихъ по шиллингу. Большая часть арміи состояла изъ стрѣлковъ: 5,480 пѣхотныхъ по три пенса въ день и 5104 конныхъ (не для битвы, а для быстроты передвиженія), получавшихъ вдвое. Остальная пѣхота состояла изъ 4474 валисскихъ копѣйщиковъ, получавшихъ по два пенса въ день. Кромѣ того было около 500 человѣкъ легкой конницы (hobbilers) и 300 пушкарей и пижеперовъ. Это составляло армію въ 5600 конницы и 25000 пѣхоты. Такая армія была, конечно, необычнымъ явленіемъ; вѣроятно, въ другихъ случаяхъ войско было и меньше и хуже. Какъ извѣстно, въ битвахъ при Кресси, Ажинкурѣ и Пуатье участвовали гораздо меньшія силы.

Войска, обыкновенно собираемыя Эдуардомъ III по контракту съ баронами и рыцарями, конечно стоили дороже стараго феодальнаго призыва; требованія отъ казны были столь тяжелы, что несмотря на щедрыя вотированія парламента, дополняемыя многими незаконными сборами денегъ, король былъ всегда въ долгу. Многое въ развитіи конституціонной свободы Англіи въ это время обусловливалось его постоянной нуждой и необходимостью торговаться съ парламентомъ о дальнѣйшихъ вотированіяхъ, причемъ уступались имъ наиболѣе вредныя королевскія привиллегіи. Для службы противъ домашнихъ враговъ: шотландцевъ, валисцевъ и туземныхъ мятежниковъ, три Эдуарда обыкновенно не призывали всей силы графствъ подъ предводительствомъ шерифовъ, какъ это дѣлалось раньше, а прибѣгали

къ «коммиссіямъ призыва» (Commissions of a array); давались избраннымъ личностямъ порученія брать и вооружать извѣстное количество людей изъ такого-то округа. Такъ какъ на основаніи военныхъ ассизовъ люди уже были обязаны имѣть оружіе и вооруженіе, то коммиссіонерамъ призыва приходилось только выбирать и обучать войско, избранное изъ обязанныхъ служить. Эдуардъ I обыкновенно платилъ всѣмъ избраннымъ по такой системѣ, но его слабый и безпечный сынъ и даже его внукъ, Эдуардъ III, во время безденежья сваливали эту тяжесть на графства и города, доставлявшіе солдатъ. Это было совершенно незаконно и въ концѣ концовъ Эдуардъ былъ вынужденъ парламентомъ обѣщать, что всѣ собранные по такой системѣ должны получать плату изъ королевской казны. Въ 1352 году даже состоялось опредѣленіе, что порученія призыва могутъ даваться королемъ только въ томъ случаѣ, если онъ получитъ согласіе и ассигновку отъ парламента и что никто не долженъ быть вынужденъ служить внѣ своего графства иначе, какъ въ случаѣ вражескаго нашествія. Въ тоже время было опредѣлено, что всѣ отправляемые въ иностранныя войны будутъ состоять на жалованьи у короля съ того дня, какъ перейдутъ границы своего графства.

Флотъ.

Лэрда Кловиса.

Царствованіе Эдуарда I также, какъ и царствованіе его предшественниковъ, отличалось преступленіями приморскаго населенія Англіи. Въ 1293 году буйство экипажа нѣсколькихъ частныхъ кораблей повело къ серьезнымъ, хотя и не оффиціальнымъ столкновеніямъ между Англіей и Франціей. Раздоръ былъ временно улаженъ способомъ, очень характернымъ для того времени. Было условлено, что въ извѣстный день флоты встрѣтятся въ извѣстномъ мѣстѣ въ проливѣ и рѣшать споръ оружіемъ. Пустой корабль былъ поставленъ на якорь для обозначенія мѣста битвы; французы и англичане сошлись и первые потерпѣли пораженіе. Къ сожалѣнію, дѣло этимъ не кончилось, потому что король Филиппъ вступился за своихъ подданныхъ, началась регулярная война. Чрезъ нѣсколько лѣтъ возобновленіе старой вражды между Пятью Портами и Ярмоутомъ повело къ нѣсколькимъ кровавымъ столкновеніямъ, одно изъ которыхъ окончилось сожженіемъ болѣе двадцати ярмоутскихъ кораблей, и много повредило національному дѣлу въ то время, когда и Пять Портовъ и Ярмоутъ помогали королю при Слюи. Характеренъ для положенія береговъ статутъ 1276 г.,

видоизмѣнявшій законъ о кораблекрушеніяхъ и тотъ фактъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Пять Портовъ вели частную войну съ частью континентальныхъ владѣній Эдуарда.

Мы уже говорили, что англійскій король давалъ нѣчто похожее на каперскія свидѣтельства. Настоящія же каперскія свидѣтельства выдавались во времена Эдуарда I. Нѣкто Бернаръ д'Онгрессиль, купецъ изъ Байоны, въ то время принадлежавшей англійской коронѣ, былъ собственникомъ корабля, св. Маріи, который при проѣздѣ изъ Берберіи въ Англію, нагруженный миндалемъ, виноградомъ и фигами, былъ загнанъ бурей въ заливы Португаліи. Когда онъ стоялъ тамъ, вооруженные португальцы изъ Лиссабона взяли его на абордажъ, ограбили Онгрессиля и экипажъ и отвели корабль съ грузомъ въ свой городъ. Португальскій король взялъ десятую часть добычи, а остальное предоставилъ грабителямъ. Купецъ, объявившій убытокъ на 700 ф., просилъ Джона британскаго, бывшаго тогда намѣстникомъ (лейтенантомъ) Гаскони, выдать ему каперское свидѣтельство. Дѣйствительно, разрѣшеніе было дано; оно уполномочивало д'Онгрессиля, его наслѣдниковъ и потомковъ въ теченіе пяти лѣтъ «забирать, арестовать и присвоивать» португальцевъ и въ особенности жителей Лиссабона и ихъ имущества, гдѣ бы они не были взяты, до тѣхъ поръ, пока не получится удовлетвореніе. Это разрѣшеніе было подтверждено Эдуардомъ съ той оговоркой, что оно прекращается по полученіи вознагражденія и что если д'Онгрессиль возьметъ больше, чѣмъ потерялъ, онъ долженъ дать отчетъ въ излишкѣ.

Пять Портовъ за свои услуги получили отъ Эдуарда новыя грамоты. На основаніи одной они освобождались отъ платежа пошлины на ввозимыя вина, другая освобождала отъ налога корабли и оснастку и давала имъ и другія привиллегіи. Въ это время ихъ флотомъ командовалъ адмиралъ Жервазъ Алардъ и четыре капитана съ ректоромъ или констеблемъ и мастеромъ на каждый корабль. Капитаны начальствовавшіе, повидимому, эскадрами, получали по 12 д. въ день, мастера и ректоры по 6, а матросы также, какъ и раньше, по 3. Адмиралъ получалъ 9 шил., мастера получали также 20 шил. за объѣздъ всего берега Шотландіи и Ирландіи. Каковы были запасы на корабляхъ въ 1290 году видно изъ списка вещей, купленныхъ для корабля, отправленнаго для привоза принцессы Маргариты изъ Норвегіи—гдѣ впрочемъ она преждевременно скончалась. Провизія состояла изъ вина, эля, зерна, говядины, свинины, ветчины, сушеной рыбы, стерляди, селедокъ, миндаля, риса, бобовъ, грушъ, луку, моркови, сыра, орѣховъ, соли, уксусу, горчицы, перцу, имбирю, пиннамону, фигъ, винограда, шафрана и имбирнаго хлѣба; въ спискѣ разныхъ предметовъ значатся восковыя и сальныя свѣчи, фонари, салфетки, дерево, сухари вмѣстѣ съ гербами короля и шелковымъ значкомъ (Streamer или pennant). На всѣхъ королевскихъ корабляхъ,

повидимому, было королевское знамя, красное съ тремя золотыми львами и также, вѣроятно, флагъ св. Георгія, возможно, что значекъ (whip или pennant), какъ знакъ военнаго корабля, отправленнаго съ порученіемъ короля, появляется съ этого времени.

Мы имѣемъ любопытный документъ этого періода, дающій вѣское доказательство, что Эдуардъ, если не его предшественники, выставлялъ формальное притязаніе на владычество надъ проливами и считалъ его безспорнымъ. Этотъ документъ не имѣетъ даты, но онъ составленъ между 1303 и 1307 годами и, кажется, представлялъ проектъ соглашенія или трактата между Англіей и Франціей. Онъ начинается такъ: такъ какъ англійскій король по праву его королевства съ незапамятныхъ временъ находился въ мирномъ обладаніи верховной власти надъ моремъ Англіи съ правомъ издавать и постановлять законы, статуты и воспрещенія оружія и кораблей, снаряженныхъ иначе, чѣмъ обыкновенные купеческіе, и съ правомъ давать безопасность и пропускъ во всѣхъ случаяхъ, когда это потребуется и устраивать все необходимое для сохраненія мира, права и справедливости среди всѣхъ людей даже и другихъ, кромѣ собственныхъ владѣній, проходящихъ по сказаннымъ морямъ; такъ какъ онъ имѣетъ верховную стражу надъ ними и ему подвѣдомственны всякія дѣла и онъ имѣетъ право воздавать судъ и справедливость и высшимъ и низшимъ; и такъ какъ—сокращаемъ фразеологію—англійскіе короли съ незапамятнаго времени передавали свои полномочія адмираламъ и мастерамъ—то между прочимъ и состоялось соглашеніе, что король Франціи будетъ помогать и поддерживать короля Англіи въ охраненіи этихъ правъ и власти и даже обѣщаетъ удовлетвореніе за нарушеніе ихъ нѣкоторымъ корабельнымъ мастеромъ французскаго короля, Рейнеромъ Гринбальдомъ, извѣстнымъ въ исторіи подъ именемъ Гримальди.

Власть надъ моремъ.

Въ первомъ томѣ мы говорили уже о притязаніяхъ англійскихъ королей на суверенитетъ надъ проливами. Этотъ вопросъ заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ невозможно сомнѣваться, что стремленія англійскихъ королей и ихъ чрезвычайныя претензіи, выставляемыя въ такое время, когда они были безсильны отстаивать ихъ, имѣли большое вліяніе на судьбы народа. Мы уже говорили, что эти претензіи ведутъ свое начало издавна и что есть основанія, хотя и не вполнѣ убѣдительныя, полагать, что иностранцы въ царствованіе Эдуарда I признавали ихъ. Въ царствованіе же Эдуарда II они были признаны безспорно. Это доказывается просьбой трехъ фламандскихъ пословъ, посѣтившихъ въ 1320 году Лондонъ, чтобы получить вознагражденіе за оскорбленія, наносимыя въ теченіе долгаго времени англійскими матросами фламандскимъ кораблямъ. Одно изъ наиболѣе сильныхъ изъ такихъ оскорбленій было совершено «на англійскомъ морѣ близъ Краудена», мѣста отождествляемаго Николасомъ съ небольшимъ морскимъ портомъ въ восьми лье къ западу отъ

Квимпера въ Бретани, близъ мыса Pointe du Raz; многознаменательно то, что послы просили Эдуарда, «дабы его королевской властью было воздана справедливость и даровано наказаніе, такъ какъ онъ повелитель моря и грабежъ совершенъ, какъ выше сказано, на морѣ, находящемся въ его власти». Такое признаніе со стороны фламандцевъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что оно добровольно и хотя, какъ это указываетъ и Николасъ, для нихъ было выгодно свалить отвѣтственность за оскорбленіе на Англію; невѣроятно, чтобы они совершили такое признаніе важнаго національнаго права только ради достиженія своей личной цѣли, если бы это право не признавалось всѣми безспорнымъ. Въ Англіи такое признаніе было само по себѣ понятнымъ и чиновникамъ, которымъ было поручено производство слѣдствія, было приказано разслѣдовать дѣйствія, «совершенныя англичанами на англійскомъ морѣ у береговъ Краудена, находящемся въ предѣлахъ юрисдикціи англійскаго короля». Слѣдуетъ замѣтить, что Крауденъ не составлялъ части владѣній Эдуарда. Онъ только омывался моремъ Эдуарда.

Такая формально признаваемая власть надъ проливами была, однако, болѣе воображаемой, чѣмъ реальной. Королевскій миръ только въ теоріи распространялся даже на собственные порты короля и тѣмъ менѣе на воды, отдаленныя отъ его береговъ; въ его царствованіе въ проливѣ и въ Сѣверномъ морѣ совершалось не меньше беззаконій, чѣмъ при его предшественникахъ. Въ 1316 году, когда въ Сѣверномъ морѣ, какъ бывало въ то время всегда, кишили пираты, шесть военныхъ кораблей подъ начальствомъ Джона Стурми и Вильяма Геттура, «капитановъ и адмираловъ», были отправлены защищать Бервикъ противъ пиратовъ; но они вмѣсто того, чтобы исполнить свой долгъ, становились на якорь въ разныхъ портахъ вдоль береговъ и грабили окрестныя мѣстности. Корабли Голландіи, Генегау и Норвегіи безнаказанно совершали акты насилія; флотъ Пяти Портовъ, когда онъ не былъ занятъ королемъ, занимался грабежемъ торговыхъ судовъ безъ различія національности или грабилъ несчастныхъ жителей Саутгамптона, Лима, Веймута и Пуля. Въ 1314 году жаловались, что корабль «Благословенная Марія» изъ Фонтарабіи, близъ Байоны былъ выброшенъ на берегъ и ограбленъ моряками Винчельсея, Рая и Ромнея; король назначилъ слѣдствіе, но тщетно. Жители Пяти Портовъ насиліемъ помѣшали производству слѣдствія и кажется, что преступники не были наказаны. Въ Англіи просто не было силы, которая могла бы заставить этихъ морскихъ разбойниковъ соблюдать законъ.

Торговля должна была страдать сильно. И несмотря на это, морская торговля страны увеличивалась. Она поддерживалась неурожаемъ, бывшимъ въ Англіи въ 1315—1316 году, заставившимъ короля даровать особыя привиллегіи купцамъ Сициліи, Испаніи и Генуи. Росла

также торговля съ Венеціей, чрезъ посредство которой Англія въ это время и много лѣтъ послѣ получала пряности и другіе восточные продукты.

Около этого періода въ постройкѣ кораблей дѣлаются нѣкоторыя усовершенствованія. Двѣ мачты дѣлаются обыкновеннымъ явленіемъ, усвоивается нѣкоторый процессъ, родственный современному методу укрѣпленія парусовъ. Въ общее употребленіе входятъ помостъ на кормѣ (Stern-Stage или bellatoria) и марсы или стенги (fighting tops) на мачтахъ; вводится руль (rudder). Bellatorium или кормовой помостъ, современемъ превратившійся въ ютъ (poop), благодаря своему возвышенному положенію предназначался для командира корабля. Потому на немъ помѣщалось главное знамя или значекъ и потому то, несомнѣнно, и до сихъ поръ на всѣхъ корабляхъ національное знамя развивается на кормѣ корабля, а не гдѣ нибудь на болѣе видномъ мѣстѣ. Другой Bellatorium иногда помѣщается впереди и отсюда произошелъ приподнятый бакъ (forecastle). Тутъ стояли пики воиновъ и аппараты для бросанія греческаго огня, камней и другіе метательные снаряды. Руль въ началѣ 14 вѣка ничѣмъ существеннымъ не отличался отъ современнаго. Онъ былъ такой же формы, его двигали посредствомъ румпеля (tiller) и прикрѣплялся онъ посредствомъ крюковъ (pintles) и болтовъ; но хотя вскорѣ послѣ его изобрѣтенія должны были немедленно оказаться преимущества его надъ clavus или рулевымъ весломъ, онъ употреблялся только на немногихъ, большихъ корабляхъ, въ теченіе долгаго времени ограничивались веслами. Иногда употреблялись два рулевыя весла, по одному съ каждой стороны. Паруса оставались такими же квадратными, какъ и раньше, еще не было ни переднихъ, ни заднихъ парусовъ; кажется, что на каждой мачтѣ поднималось не больше, какъ по одному парусу, хотя и имѣются нѣкоторыя свидѣтельства, что большія паруса употреблялись при хорошей погодѣ, а мелкія при дурной.

Архитектура при трехъ Эдуардахъ.

Готса.

Такъ называемый декорированный» стиль.

Царствованія перваго Эдуарда, его сына и его внука обнимаютъ пространство въ сто пять лѣтъ и архитектура всего этого періода обыкновенно называется принадлежащей къ «декорированному» стилю. Хронологически это почти вѣрно, если откинуть послѣднія шестнадцать лѣтъ; но такая фразеологія непригодна въ томъ отношеніи, что она указываетъ какъ бы на перерывъ традиціи въ архитектурѣ, что

уже не вѣрно. Дѣло въ томъ, что «декорированный» стиль совсѣмъ не стиль. Онъ просто высоко культивированная разновидность того готическаго стиля, который называется древнимъ англійскимъ. Потому мы напрасно стали бы искать того, что можно бы было назвать переходнымъ древне-англійскимъ стилемъ, паралельнымъ переходному норманскому стилю, который сто лѣтъ тому назадъ составлялъ переходъ отъ норманскаго къ готическому, или даже паралельнымъ менѣе опредѣленному переходному стилю, который сто лѣтъ спустя повелъ къ побѣдѣ перпендикулярныхъ формъ. Лучше всего было бы классифицировать весь періодъ англійской готики по формамъ оконъ, что и дало лы стиль стрѣльчатый и стили кружевные (traceried styles), включая сюда кружево изъ пластинокъ (plate tracerie) и кружево изъ брусьевъ (bar tracery), простое и орнаментальное; послѣдній стиль подраздѣляется на два стиля смотря потому—накладной орнаментъ или цѣльный. При подобной классификаціи декорированная архитектура эпохи Эдуардовъ была бы отнесена исключительно къ этому разряду, т. е. къ періоду цѣльнаго орнаментальнаго кружева и въ этомъ значеніи, и только въ этомъ, мы употребляемъ терминъ «декорированный». Это кружево, однако, подлежитъ дальнѣйшему подраздѣленію, смотря потому было ли оно формы цвѣтка или геометрическое. Геометрическое, конечно, старше; оно было обычнымъ и распространеннымъ въ древне-англійскій періодъ, въ работахъ Генриха въ Вестминстерѣ напр., гдѣ орнаментъ не былъ совсѣмъ цѣльнымъ. Но кружево съ формами цвѣтка не уничтожило геометрическія формы и мы встрѣчаемъ постоянно оба рода оконъ рядомъ въ одномъ и томъ же строеніи изъ одного матеріала и того же вѣка, такъ что такое раздѣленіе, очевидно, безполезно для опредѣленія хронологическаго порядка.

Характеристика «декорированнаго стиля».

Изъ вышесказаннаго очевидно, что отличительныхъ характеристикъ декорированнаго стиля мы должны искать скорѣе въ подробностяхъ, чѣмъ въ общей формѣ и абрисѣ. Мы сразу отмѣчаемъ большую величину оконъ, что указываетъ на ростущее изысканіе средствъ для употребленія цвѣтныхъ стеколъ. Они постоянно раздѣляются по срединѣ «мулліономъ» или срединной перегородкой и кружево состоитъ изъ круговъ, трилистниковъ, заостренныхъ или натуральныхъ, или тому подобныхъ правильныхъ фигуръ, или переходитъ въ цвѣточныя формы и неправильныя линіи, но никогда не бываетъ перпендикулярнымъ. Отдѣленія всегда заострены и эти острія всегда вырѣзаны на брусьяхъ, а не просто придѣланы на выгибѣ или сводѣ. Орнаменты на капитулахъ колоннъ на ребрахъ, горбахъ (bosses) сводовъ, на вѣнцахъ, нишахъ и балдахинахъ многочисленнѣе и богаче, чѣмъ прежде. Рѣзьба менѣе условна, въ листьяхъ и плодахъ дуба, винограда или яблони вѣрность природѣ часто достигается насчетъ прочности. Лучшіе примѣры стараго декорированнаго стиля оконъ съ геометрическимъ кружевомъ мы видимъ въ хорахъ капеллы Коллегіи Мертона,

которыя можно отнести къ предпослѣднему десятилѣтію 13 вѣка, такъ какъ они на двадцать лѣтъ старше сакристіи, построенной по показанію документовъ коллегіи въ 1307 году. Подобную же работу мы находимъ въ окнахъ прохода къ дому капитула въ Іоркѣ и въ нѣкоторыхъ изъ оконъ въ соборахъ Эксетера и Лихфильда. Всѣ эти окна представляютъ аггрегатъ геометрическихъ фигуръ, остроумно составленныхъ, и всѣ они относятся къ первому двадцатилѣтію царствованія Эдуарда I. Нѣсколько позже построены дома капитуловъ Іорка и Уэльса съ окнами того же типа—типа, удержавшагося до конца періода декорированнаго стиля. Мы встрѣчаемъ чистыя цвѣточныя формы уже въ 1290 году въ Стокъ Голдингъ, въ Лейчестершірѣ, тогда какъ контрактъ о знаменитомъ окнѣ капеллы св. Ансельма въ Кентербюри съ формами чисто геометрическими былъ заключенъ только въ 1336 году. Достовѣрно, что въ періодъ между этими двумя датами появилась мода—хотя главнымъ образомъ только въ Іоркширѣ и въ средней Англіи— смѣшивать геометрическія формы съ цвѣточными; этой модѣ слѣдовали въ Бенедиктинскомъ аббатствѣ въ Сельби и въ храмѣ св. Маріи въ Беверлеѣ. Наиболѣе выработанное каменное кружево, вродѣ того, которое мы видимъ въ восточномъ окнѣ въ Карлилѣ, появляется позднѣе, самыя богатыя изъ нихъ относятся къ безпокойному царствованію Эдуарда II и къ первымъ годамъ царствованія его сына. Такая работа рѣдко встрѣчается безъ характернаго шарообразнаго цвѣтка (ball flower) или безъ почти столь же характернаго четырехлистнаго цвѣтка. Эти два орнамента въ Англіи (но не во Франціи) составляютъ особенные признаки декорированнаго стиля; они настолько же характерны для него, насколько *шевронъ* (двѣ полосы, составляющія уголъ) для норманскаго, а фіалка для древне-англійскаго стиля. Самъ по себѣ шарообразный цвѣтокъ не особенно красивъ—это родъ полуоткрытой круглой каменной почки, въ центрѣ шаръ подъ сжатыми подобно губамъ лепесткаи. Эти орнаменты, обыкновенно соединенные съ стебелькомъ, въ изобиліи употреблялись для внѣшняго украшенія шпица и косяковъ и несмотря на ихъ безобразіе производятъ значительный эффектъ. Четырехъ листные цвѣты болѣе изящны; въ нихъ четыре рельефно вырѣзанные лепестка, иногда приподнятыми, иногда опущенными, расходятся изъ центра. Архитекторы начала 14 вѣка любили буквально давить оконныя рамы орнаментами; въ южномъ крылѣ храма въ Герефордѣ и въ Леоминстерѣ въ томъ же графствѣ встрѣчаются примѣры, что сѣтки оконъ такъ переполнены шарообразными цвѣтами, что они въ своей массѣ напоминаютъ плоское кружево предыдущаго вѣка. Сохранилось мало образцовъ старыхъ орнаментовъ, но въ видѣ исключенія сохранились горшечныя украшенія (крокетъ), хотя не въ такой развитой формѣ, какъ раньше, а также украшенія

въ родѣ салфеточной ткани (діаперъ); этимъ послѣднимъ за недостаткомъ покрышки для стѣнъ пользовались чрезмѣрно.

Особенность декорированнаго стиля состоитъ въ употребленіи двойного съ арками окна; внутренняя арка часто украшалась сплошь листьями и отдѣлялась на всю толщину стѣны отъ внѣшней, пропускавшей свѣтъ. Эта форма заслуживаетъ вниманія, такъ какъ она не встрѣчается въ періодѣ перпендикулярнаго стиля. Тоже можно сказать объ окнѣ формы розы (*розеткой*), которое хотя и было менѣе популярно въ Англіи, сравнительно съ Франціей, и рѣдко встрѣчается на почетномъ мѣстѣ въ восточной или западной стѣнѣ, тѣмъ не менѣе имѣетъ прекрасную форму. Прекрасные образцы такихъ оконъ мы видимъ въ храмѣ св. Маріи въ Челтенгамѣ, въ Вестминстерѣ и особенно въ южномъ корридорѣ въ Линкольнѣ, гдѣ переплетающіеся стволы подражаютъ свободному росту шиповника и указываютъ на то, насколько далеко ушли въ своемъ искусствѣ строители отъ того, когда то бывшаго верхомъ искусства, плоскаго кружева, которое видно въ противоположномъ корридорѣ. «Окно Жессе», центральная перегородка котораго представляетъ стволъ генеалогическаго древа Христа, тоже обычное въ этомъ періодѣ явленіе. Въ особенности въ декорированномъ стилѣ поражаетъ стремленіе къ богатству. Аркады, украшающія стѣны, балдахины надъ гробницами, сѣдалища, умывальницы, даже такія стрѣлы и башни, какъ въ Лихфильдѣ, кажется, цѣнились главнымъ образомъ какъ мѣста для орнамента. Въ этомъ стилѣ нѣтъ важной красоты, сдержанности, простоты древнеанглійскаго стиля.

Есть нѣчто пошлое въ этомъ изобиліи орнаментовъ. Можно подумать, что каменьщики эпохи декорированнаго стиля находили, что не стоитъ трудиться вырѣзывать глубокія впадины и смѣлые круги, какіе вырѣзывали прежніе строители. Они любили болѣе легкіе эффекты, въ силу чего лѣпныхъ украшеній немного и они невыразительны. Но въ особенности упадокъ стиля замѣтенъ въ характерѣ поддерживающихъ столбовъ. У нихъ уже нѣтъ отдѣльныхъ стволовъ; правда, абрисъ ихъ еще сложный, но той легкости въ постаментахъ, какую мы видимъ напр. въ Салюсбюри, уже не имѣется. Съ другой стороны при кладкѣ сводовъ, хотя и тутъ иногда замѣчается нѣкоторая боязливость, архитекторы этого періода сдѣлали значительные успѣхи. Въ постройкѣ дома капитула въ Іоркѣ они отдѣлались отъ центральнаго столба, а въ Эли изобрѣли способъ покрышки пересѣченія корабля и крыла, давшій центральную часть строенія съ прекрасными пропорціями и несравненную по изяществу. Осмиугольникъ въ Эли, построенный Аланомъ Вальсингамомъ въ концѣ царствованія Эдуарда II, выше всѣхъ подобныхъ построекъ Англіи. Онъ покрываетъ все пространство корабля и крыла и жолобчатыя крылья, ведущія къ бельведеру, несравненной красоты. Таже

широта постройки видна и въ кораблѣ храма въ Іоркѣ. Также какъ и въ бельведерѣ въ Эли, кровля деревянная, и тѣмъ не менѣе эффектъ удовлетворительный. Въ Іоркѣ и еще болѣе въ Лихфильдѣ мы замѣчаемъ тенденцію архитекторовъ этой эпохи увеличивать верхнюю часть храма (clerestory) насчетъ нижней—трифоріума (triforium); но тамъ, гдѣ, какъ въ хорахъ въ Эли (построенныхъ тѣмъ же Аланомъ Вальсингамомъ) сохранились старыя пропорціи древне-англійскаго стиля, достигнута была высшая степень изящества въ пропорціяхъ, въ соединеніи съ богатствомъ деталей.

Надгробные памятники.

Въ теченіе этого періода искусство постройки гробницъ достигаетъ зенита. Нормапы, повидимому, ограничивались простыми плитами съ грубо вырѣзанными на нихъ фигурами. Въ старой Англіи обычными были деревянные балдахины, украшенные кожей. Прекрасный балдахинъ, поставленный на гробницѣ Эдуарда III въ Вестминстерѣ, въ самомъ концѣ періода декорированнаго стиля и простая крыша, покрывающая монументъ Чернаго Принца въ Кентербюри, сдѣланы изъ дерева. Фигуры, употребляемыя для украшенія, были обыкновенно металическія, или мѣдныя, или позолоченной бронзы. Иногда встрѣчаются и каменныя, какъ въ группѣ гробницъ въ Вестминстерѣ, гдѣ Айлмеръ Валенскій лежитъ между Эдмундомъ Кривобокимъ и его женой Эвелиной. Айлмеръ былъ убитъ въ свитѣ «французской волчицы» въ 1323 году и эта гробница относится ко времени царствованія ея сына. На ней каменный балдахинъ, представлявшій въ то время нѣчто рѣдкое, онъ прекрасно сдѣланъ, также какъ маленькія фигуры родственниковъ Айлмера. Но наиболѣе заслуживаютъ вниманія монументы, воздвигнутые монахами Глочестера въ память Эдуарда Карнарвонскаго и не только по своей красотѣ, а и потому, что они были образцомъ, которому въ теченіи двухъ вѣковъ подражали готическіе скульпторы. Теперь, правда, мы имѣемъ только обломки этого монумента. Второстепенныя статуи исчезли, но и теперь, смотря на этотъ монументъ, скрытый цѣлымъ лѣсомъ пишей и башенокъ, покрытый богатыми орнаментами самаго лучшаго періода готическаго эльзиства, мы почти не удивляемся, что этотъ слабый и ничтожный человѣкъ считался героемъ и святымъ. Во всякомъ случаѣ его гробница образецъ и образцовое произведеніе искусства (и такимъ она и считалась въ теченіи пяти съ половиной вѣковъ).

Каменныя изображенія и маски.

Несомнѣнно, что въ это время въ Англіи достигли значительной степени совершенства въ пластическомъ искусствѣ. Не только матеріалы для аббатства, построеннаго Генрихомъ—стеклянная мозаика, порфиръ и алебастръ — привозились аббатомъ Варомъ изъ-за границы, но призваны были и иностранные художники и иностранное знаніе. Тридцать лѣтъ позже жилъ Вилльямъ Торель, кажется бывшій прекраснымъ скульпторомъ, онъ былъ «лондонскимъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и гражданиномъ», хотя имя его и иностранное. На-

вѣрное, онъ вылилъ изображеніе Генриха и Элеоноры, «королевы доброй памяти»; изображенія прекрасныя, хотя и въ условномъ родѣ; настоящее изображеніе королевы Филиппы было сдѣлано изъ алебастра Гавкиномъ изъ Льежа; это имя указываетъ, что Гавкинъ былъ англичанинъ, учившійся своему искусству на родинѣ королевы, въ Генегау. Повидимому, тоже англичанинъ сдѣлалъ изображенія королевы Элеоноры, украшающія кресты, воздвигнутые Эдуардомъ во время его печальнаго шествія изъ Ноттингама въ Вестминстеръ. Изъ этихъ единственныхъ памятниковъ въ честь женщины, которая когда ея мужъ былъ раненъ отравленнымъ кинжаломъ, «высосала ядъ своимъ бальзамическимъ дыханіемъ», осталось только три изъ пятнадцати. Они находятся въ Геддингтонѣ, Вальтгамѣ и Нортгамптонѣ; изображеніе въ Геддингтонѣ наименѣе пострадало отъ времени. По формѣ эти памятники напоминаютъ знаменитый Schöne Brunnen въ Нюренбергѣ, построенный въ тоже время. Копія Барри въ Чарингъ Кроссѣ достаточно популяризована и конечно, принимая во вниманіе безобразіе нашихъ современныхъ монументовъ, скульпторъ девятнадцатаго вѣка сдѣлалъ не плохое дѣло, заимствуя у своего собрата тринадцатаго вѣка. Любовь англичанъ къ портрету несомнѣнно находила прекрасный случай проявиться при моделированіи деревянныхъ или восковыхъ статуй въ натуральную величину, которыя клали на гробницы выдающихся людей. Часто съ мертвыхъ снимали маски и не щадили трудовъ, чтобы добиться сходства. Такъ какъ этотъ обычай идетъ по крайней мѣрѣ съ 12 вѣка и продолжался до послѣдняго столѣтія, то эти изображенія, если бы они сохранились, составили бы коллекцію громадной цѣнности и уяснили бы не только развитіе искусства въ странѣ, но и бросили бы свѣтъ на многое темное въ исторіи. Къ сожалѣнію, сохранились только болѣе новыя и непмѣщія особой цѣны изображенія. Изображенія Эдуарда I и Элеоноры, Эдуарда III и Филиппы находились въ Вестминстерѣ еще во времена Драйдена. Горасъ Вальполь упоминаетъ, что нѣкоторыя, хотя и сильно испорченныя, все таки различимы, и въ томъ числѣ изображеніе Елизаветы Іоркской (работа 15 вѣка). Сохранившіеся экземпляры принадлежатъ къ позднѣйшему времени и самый старый—это изображеніе Карла II.

Живопись.

Если мы можемъ составлять догадки о состояніи пластическаго искусства при трехъ Эдуардахъ, то относительно искусства живописи мы почти ничего не знаемъ. Свитки царствованія Генриха III изобилуютъ приказами о разрисовкѣ или украшеніи ораторій и капеллъ благочестиваго короля. Невѣроятно, чтобы въ царствованіе талантливаго и много путешествовавшаго наслѣдника Генриха произошло паденіе этого искусства. «Дерева», несомнѣнно «дерева Жессе» и тому подобныя, находятся въ числѣ упоминаемыхъ предметовъ; безспорно, что тогда употреблялись различныя полихроматическія схемы

цвѣтовъ. Деревянныя и каменныя фигуры святыхъ разрисовывались и позлащались; но вѣроятно, это считалось скорѣе дѣломъ декоратора, а не художника. Отдѣльные слѣды листьевъ и подобныхъ орнаментовъ на сводахъ надгробныхъ балдахиновъ, которые несомнѣнно относятся къ времени Эдуардовъ, указываютъ на извѣстное развитіе артистическаго чувства. Тоже можно сказать и объ остаткахъ фресокъ въ Дургамѣ и въ Вестминстерѣ, приписываемыхъ мастеру Уоллеру. Они находятся близъ гробницы Элеоноры, а болѣе значительные остатки съ трудомъ можно разобрать на восточной стѣнѣ дома капитула. Эти фрески, хотя онѣ и представляютъ, можетъ быть, сдѣланное въ 14 вѣкѣ возстановленіе работы 13 вѣка, повидимому, представляютъ второе пришествіе Христа и указываютъ на дѣтское состояніе искусства. Но ихъ дата далеко не столь достовѣрна. Должно было существовать много подобныхъ произведеній, но до насъ дошло очень мало. Это очень жаль, такъ какъ остатокъ фрески коронованія и брака Эдуарда I, которую епископъ Лихфильда Лангтонъ приказалъ нарисовать на стѣнахъ своего дворца, разсказалъ бы намъ больше чѣмъ всѣ рукописи. Вообще, хотя мы имѣемъ достаточныя доказательства относительно развитія живописи, но что касается до степени этого развитія, то намъ приходится полагаться скорѣе на вѣру, чѣмъ на наглядное изученіе.

Цвѣтныя стекла.

Менѣе спорно увеличеніе употребленія цвѣтныхъ стеколъ и улучшеніе ихъ рисунка. Самыя раннія окна съ цвѣтными стеклами, принадлежащія вѣроятно къ переходному норманскому періоду, были несомнѣнно просто мозаичными; въ первомъ періодѣ староанглійскаго стиля такую мозаику продолжали употреблять на краяхъ оконнаго стрѣльчатаго свода. Нѣчто большее дѣлалось въ періодъ декорированнаго стиля, при геометрическихъ формахъ, когда появились медальоны съ грубо нарисованными фигурами и условные листья. Цвѣта были красивы, въ особенности рубиновый и два оттѣнка голубого, а также и желтый золотого оттѣнка. Въ періодъ декорированнаго стиля въ этомъ отношеніи произошли замѣтныя измѣненія. Голубой цвѣтъ сдѣлался блеклымъ, повидимому, были изобрѣтены изумрудные цвѣта, на поверхность стекла также накладывался новый желтый цвѣтъ лимоннаго оттѣнка. Старое стекло рубиноваго цвѣта оставалось самымъ красивымъ; этотъ цвѣтъ становится менѣе неровнымъ по сравненію съ староанглійскимъ періодомъ, но за то постепенно утрачиваетъ глубину окраски. Медальоны, недавно столь популярные, уступаютъ мѣсто балдахинамъ и фигурамъ. Модпымъ становится чередованіе массы различныхъ цвѣтовъ съ массами бѣлаго стекла. Увеличивается знаніе рисунка, въ особенности въ драпировкѣ и листвянномъ орнаментѣ; рисунокъ становится (и это, можетъ быть, было самымъ характерпымъ измѣненіемъ) почти натуральнымъ, какъ будто скопированнымъ съ настоящихъ листьевъ дуба или ивы. Нѣчто въ этомъ

родѣ замѣтно и въ рисункахъ въ молитвенникахъ того времени; но иллюминаторъ не былъ дѣятелемъ прогресса, да и монастырская библіотека не была такой школой, гдѣ бы особенно высоко цѣнились свобода изобрѣтенія и знаніе перспективы.

Архитектура домовъ.

Дифференцированіе замка отъ резиденціи барона сдѣлало огромный шагъ впередъ при Эдуардахъ. Частные замки были почти совершенно вытѣсненны дворцами съ зубчатыми башнями и окруженными рвомъ мызами (moated grange), а замокъ все болѣе и болѣе становится военной правительственной крѣпостью. Всѣ условія въ это время были противъ постройки замковъ частными лицами: увеличеніе могущества короны, распространеніе субъинфеодаціи, любовь къ комфорту и начинавшая развиваться роскошь. Теперь, когда король могъ распоряжаться большой арміей наемниковъ, для отдѣльной личности было невозможно устоять противъ него, а съ другой стороны при увеличеніи безопасности въ Англіи рискъ частнаго насилія приводился почти къ нулю. Большіе замки снова стали королевскими, не только въ теоріи, но и фактически; хотя и несомнѣнно, что частные люди воздвигали много зданій этого рода, но такія постройки вызывались скорѣе гордостью и надменностью, чѣмъ желаніемъ обезпечить свою безопасность отъ нападеній.

Замки.

Для постройки замка во всякомъ случаѣ требовалось разрѣшеніе короны, licentia kernellare; но кажется, что такое разрѣшеніе давали съ охотой. Генрихъ далъ двадцать такихъ разрѣшеній, Эдуардъ I сорокъ четыре, Эдуардъ II шестьдесятъ, а Эдуардъ III сто восемьдесятъ; но немногія изъ этихъ построекъ относятся къ типу крѣпостей, или были замками перваго или даже втораго и третьяго ранга. На границахъ Шотландіи и Валисса укрѣпленный домъ былъ еще необходимостью, нужны были тамъ и вооруженные люди; но въ другихъ мѣстахъ замокъ, какъ жилье, былъ анахронизмомъ. Тѣмъ не менѣе самые лучшіе замки Англіи воздвигнуты въ это время. Они строились по иниціативѣ самого Эдуарда I и ихъ планы приписывались, хотя это и не доказано, самому королю. Въ силу этого такіе замки названы *Эдуардовыми*; такое названіе имѣетъ основаніе, такъ какъ эти крупныя сооруженія начаты, если и недокончены, имъ.

Крѣпость временъ Эдуарда.

Новая форма укрѣпленія, замѣнившая и квадратную крѣпость норманновъ и круглую башню (Жюльету), была концетрическая, состоявшая изъ двухъ или болѣе круговъ защиты, лежащихъ одинъ внутри другого. Первымъ былъ глубокій ровъ (moat), потомъ внѣшняя стѣна съ башнями на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой—между двумя башнями куртина, такъ что нападающіе, пытавшіеся пробить куртину, какъ слабѣйшую часть укрѣпленія, подвергались перекрестному огню. Дальше шла другая укрѣпленная стѣна; пространство между двумя стѣнами прерывалось поперечными стѣнами, такъ что нападающіе, пробившіе внѣшнюю стѣну, были изолированы. Внутри укрѣп-

леній не было; они замѣнялись открытымъ дворомъ, окруженнымъ стѣной съ башнями по угламъ, съ залой, капеллой, жилыми покоями и службами, пристроенными къ стѣнамъ. Между нимъ и второй защитительной линіей иногда находился ровъ — и второй дворъ обыкновенно былъ достаточной величины для помѣщенія скота, когда ожидалась осада. Иногда, какъ въ Керфилли, бывшей частной крѣпостью, построенной въ послѣдніе годы царствованія Генриха III, вода составляла главную часть и первой и второй линіи защиты; но конечно, это не всегда было возможно. Иногда мѣстность не позволяла такого кругового расположенія линіи защиты, какъ въ Чепстоу и Конвеѣ, тѣмъ не менѣе получался желательный результатъ: рядъ защитительныхъ линій, каждую изъ которыхъ надо было брать послѣдовательно и каждая изъ которыхъ была въ состояніи выдержать нападеніе. Ворота при входѣ въ замокъ, конечно, играли важную роль и были обыкновенно импозантными. Они обыкновенно были квадратными, съ двумя башнями по бокамъ и перапетъ былъ или съ обыкновенными бойницами или между башнями находился родъ каменнаго моста (остатки существуютъ въ Нитѣ и Пемброкѣ). Впереди находилась спускная рѣшетка, потомъ дверь, а сзади дома привратника вторыя рѣшетка и дверь. Кромѣ того своды и кровли, покрывающія все это пространство, были снабжены бойницами или отверстіями для того, чтобы пронзить копьемъ врага, захватившаго привратника въ расплохъ. Такая крѣпость съ внутреннимъ пространствомъ, устроеннымъ какъ жилье, была болѣе удобнымъ строеніемъ сравнительно съ старымъ норманскимъ замкомъ, но она требовала значительнаго гарнизона и содержать ее было довольно таки дорого. Въ качествѣ средства защиты замокъ дѣйствительно почти достигъ совершенства въ такое время, когда изобрѣтеніе пороха сдѣлало это совершенство безполезнымъ. Англійскіе замки въ этомъ родѣ въ Валисѣ, вродѣ Конвея и Карнарвона, Бомари и Гарлеша — не говоря уже о Алнвикѣ и Бамборо, Людлоу и Варвикѣ — представляютъ рядъ крѣпостей, несравнимыхъ ни съ какими въ Европѣ и уступающихъ только Куси на востокѣ Франціи и св. Спасителя; да и этотъ послѣдній былъ построенъ не французомъ, а Джономъ Шандоссомъ, великимъ англійскимъ полководцемъ Эдуарда III.

Жилища времени Эдуарда, окруженная рвомъ мыза (Moated grange).

Хотя отличіе между замкомъ и жильемъ было уже весьма замѣтнымъ, но въ теченіе всего періода декорированнаго стиля жилище сохранило внѣшній видъ замка. Оно продолжало укрѣпляться, хотя воинская внѣшность его была часто обманчивой, такъ какъ единственное и вполнѣ непригодное средство защиты былъ легко высыхающій ровъ. Внутри обыкновенно стояла мыза съ комнатами, залой и хлѣвами, расположенными по сторонамъ; такое устройство было обычнымъ долго послѣ того, какъ замки, какъ средство защиты, были оставлены. Когда не было рва, то иногда вблизи дома строили баш-

нію; на шотландской границѣ башня часто и составляла самый домъ. Въ большей части Англіи несомнѣнно ровъ былъ обычной принадлежностью; сохранился контрактъ о такой постройкѣ въ Лондонѣ. Мы узнаемъ изъ него, что стѣны были очень толсты, что къ внѣшней двери былъ прикрѣпленъ подъемный мостъ, что тамъ были низкія комнаты съ окнами и каминами, и главная зала въ сорокъ футовъ длины для гостей и домочадцевъ съ идущими отъ нея маленькими комнатами. Эта зала или sovereign room была обычной принадлежностью дома и съ ея высокими двойными окнами обыкновенно принималась за капеллу; но, какъ замѣчаетъ Паркеръ, свѣтскій характеръ ея указывается сидѣньями въ простѣнкахъ. Въ одномъ концѣ залы находилась галлерея миннстрелей, а на противоположномъ концѣ балдахинъ, надъ которымъ было окно солнечной комнаты (solar) или частнаго аппартамента лорда. Въ центрѣ залы находился каминъ, дрова поддерживались на мѣстѣ рѣшеткой—изобрѣтеніе этого періода—а дымъ выходилъ въ отверстіе (louvre). Въ другихъ комнатахъ очаги были обыкновеннаго устройства, камины, въ предшествующія царствованія бывшіе круглыми, теперь дѣлались осмугольными; для поддержки кровли иногда были каменныя арки, иногда деревянныя и деревянные же столбы; а внѣшняя сторона крыши дѣлалась или изъ драни или изъ аспидныхъ досокъ. Стѣны часто обшивались панелями и иногда разрисовывались, какъ это видно изъ романса Гюпгамара.

„Комната вся разрисована—
И Венера, богиня любви,
Очень хорошо нарисована".

Можетъ быть, что нибудь и вышло бы изъ такого способа украшенія стѣнъ, но къ сожалѣнію онъ скоро замѣнился новой модой обклеивать шпалерами.

Монеты.

Для нумизматика царствованіе Эдуарда III важная эпоха. Царствованіе двухъ его предшественниковъ въ этомъ отношеніи было безплоднымъ, хотя царствованіе его дѣда знаменито въ томъ отношеніи, что тогда на цѣлыхъ два вѣка установился типъ англійскаго короля въ его изображеніяхъ на монетахъ. Это мальчишеское, безбородое лицо съ волосами, падающими изъ подъ открытой короны, длинными локонами по обѣимъ сторонамъ головы. Такое изображеніе чисто условное и не похоже ни на одного изъ жившихъ Плантагенетовъ; тѣмъ не менѣе такъ изображались десять королей этаго рода и первый изъ Тюдоровъ; изображеніе оставалось неизмѣннымъ отъ первой чеканки Эдуарда I до второй или третьей Генриха VII. Потомъ появляется раздвоенная корона и настоящее изображеніе въ профиль короля Тюдора. Когда Эдуардъ I возвратился изъ Святой земли, одной изъ первыхъ его реформъ была монетная. Обрѣзаніе монеты тогда было обычнымъ дѣломъ; предполагали, что главными

преступниками были евреи, хотя слѣдуетъ отвергнуть утвержденіе, будто въ ихъ домахъ находились большія мастерскія для обрѣзыванія монетъ; это предположеніе было просто вызвано ненавистью къ нимъ, которая и повела къ ихъ изгнанію. Во всякомъ случаѣ многіе евреи и христіане изъ низшихъ сословій были подвергнуты жестокой казни и даже дворянинъ и церковникъ, нѣкто Гюи, пріоръ Монтекута, былъ судимъ, признанъ виновнымъ и оштрафованъ. Черезъ семь лѣтъ послѣ воцаренія короля были выпущены новыя пенни, полупенни и фартинги. Выпущены были также гроты (groats—gros Tournais Englays que valent veraument quatre esterlings)—хотя сомнительно, чтобы они были очень часты въ обращеніи. Это не очень красивая монета; на одной сторонѣ условное изображеніе головы, а на другой крестъ и шарики, хотя на нѣкоторыхъ монетахъ, вычеканенныхъ въ Бервикѣ, въ двухъ углахъ было изображеніе головы медвѣдя. Эдуардъ I наказывалъ обрѣзывателей монеты, но самъ портилъ монету, уменьшивъ въ пенни содержаніе серебра на одинъ процентъ. Вѣроятно это было не единственной порчей монеты, потому что въ царствованіе Эдуарда II Общины просили короля, чтобы монета обращалась по той цѣнѣ, какую она имѣла во время его отца. Второй Эдуардъ мало заботился о подобныхъ вещахъ и его монеты, пенни и подраздѣленія пенни, съ трудомъ различимы отъ монетъ его отца; но монеты его сына слѣлались знаменитыми во всей Европѣ.

Золотая монета Эдуарда III.

Семнадцатый годъ царствованія Эдуарда III памятенъ выпускомъ новой монеты. Это была первая англійская золотая монета. Были вычеканены три рода монеты: флорины, полуфлорины и четверть флорины; самая большая въ 72 серебряныхъ пенни по пятидесяти на фунтъ (troy), по вѣсу равная двумъ малымъ флорентинскимъ флоринамъ. Это была красивая монета съ изображеніемъ короля на тронѣ, между двумя леопардами и съ крестомъ. Полуфлоринъ или *леопардъ*, какъ эта монета названа въ прокламаціи короля, съ изображеніемъ этого животнаго въ коронѣ и съ знаменемъ, развѣвающимся надъ нимъ, съ гербами Франціи и Англіи. На квартерѣ (четверти флорина) изображенъ былъ левъ въ коронѣ. Эти монеты были однако плохо приняты, купцы отказывались признавать пятидесятую часть фунта золота равной шести шиллингамъ. Потому монеты были изъяты изъ обращенія и безъ сомнѣнія перечеканены; онѣ чрезвычайно рѣдки, существуетъ не свыше двухъ или трехъ изъ такихъ флориновъ, тѣмъ не менѣе Эдуардъ рѣшилъ пустить въ обращеніе золотую монету и въ концѣ 1343 года, въ томъ же году, когда появились непопулярные флорины, онъ исполнилъ свое намѣреніе. Выпущены были *нобли, майлль-нобли* и *ферлинъ-нобли*, большая монета, равная шести шиллингамъ и восьми пенсамъ; на фунтъ золота такихъ монетъ шло тридцать девять съ половиной. Эти чрезвычайно красивыя монеты сразу сдѣлались популярными. На нихъ изображенъ Эдуардъ, стоя-

щимъ на кораблѣ, съ знаменемъ св. Георгія на главной мачтѣ, въ правой рукѣ мечъ, въ лѣвой щитъ съ гербами Франціи и Англіи. Неизвѣстно, какимъ образомъ былъ принятъ планъ этой монеты. Представленіе о томъ, что это было притязаніе на владычество надъ морями льстило и льститъ національному самолюбію; но вѣроятно, что имѣлось въ виду только увѣковѣчить память объ успѣхѣ Эдуарда, какъ адмирала, что это имѣло отношеніе къ дѣлу при Слюи въ 1340 году, когда англичане подъ его личнымъ начальствомъ одержали побѣду надъ французскимъ флотомъ. *Ноблъ* былъ популяренъ во всей Европѣ, такъ что было трудно удержать его въ Англіи; въ двухъ послѣдующихъ чеканкахъ вѣсъ золота былъ уменьшенъ на одну сорокъ вторую фунта, но и это не остановило вывоза. На всѣхъ этихъ монетахъ Эдуардъ называется «Божіей милостью королемъ Англіи и Франціи и повелителемъ Ирландіи». Послѣ мира въ Бретиньи титулъ короля Франціи былъ оставленъ, и вмѣсто его на *ноблѣ* было изображено «Повелитель Аквитаніи». Послѣ этаго времени притязанія на Францію и Аквитанію появлялись на большихъ монетахъ, а на малыхъ только притязанія на Францію. Эдуардъ мало измѣнилъ серебряную монету—но гроты и полугроты обращались также, какъ пенни, полупенсы и фартинги.

Общественное мнѣніе было на сторонѣ золотой монеты и общины представляли королю просьбу о выпускѣ золотой монеты, меньшей четверти *ноблѣ*. Король согласился, но изъ этаго, кажется, ничего не вышло. Точно также и попытка короля установить международное обращеніе, основанное на золотѣ, между Англіей, страной сладовъ, и Фландріей, страной шерстяныхъ мануфактуръ, оказалась неудачной. Тѣмъ не менѣе эта попытка доказываетъ, насколько стара идея о монетномъ союзѣ. Зачатки монетнаго союза.

Образованіе. Университеты.

Блэкстона.

Въ теченіе тринадцатаго и четырнадцатаго вѣковъ вся умственная жизнь англійской націи сосредоточивалась въ двухъ университетахъ, бывшихъ мѣстомъ высшаго образованія или studia generalia для духовенства, монашескаго и свѣтскаго, а также почти для всѣхъ профессіоналистовъ. Оксфордскій университетъ — притязаніе котораго, будто онъ основанъ королемъ Артуромъ, св. Неотомъ и св. Гримбальдомъ, основано на юридическихъ и литературныхъ поддѣлкахъ и, какъ извѣстно, настолько же мифическое, какъ и исторіи Мемприка. Брута Троянца и Грековъ—былъ уже вполнѣ установившимся Оксфордъ.

образовательнымъ заведеніемъ, когда тамъ учился и училъ въ 1200 году св. Эдмундъ Ришъ. Тибо д'Естампъ, Робертъ Пуллейнъ и болонскій юристъ Вакаріусъ читали тамъ лекціи между 1100 и 1150 годами; въ 1190 году были уже хорошо извѣстны оксфордскіе магистры (мастера) и клерки; привлекались туда и иностранные студенты, въ родѣ Николая венгерца, которому Ричардъ I далъ стипендію. Обычаи и курсъ изученія были такіе, какъ и въ Парижѣ; они, можетъ быть, ведутъ свое начало отъ времени отозванія изъ Парижа англійскихъ студентовъ при Генрихѣ II, но постепенно Оксфордъ превзошелъ и Парижъ и Болонью. Старые документы Кембриджа, какъ говорятъ, были сожжены горожанами въ 1261 году; его происхожденіе можетъ быть приписано выселенію изъ Оксфорда въ 1209 году. Оксфордскіе студенты были подчинены только отдаленной власти своего епархіальнаго епископа въ Линкольнѣ, Кембриджъ былъ подчиненъ кафедрѣ Эли; коммиссаръ епископа, канцлеръ, впослѣдствіи сдѣлался независимымъ академическимъ начальникомъ, имѣющимъ духовную власть. За курсами, главнымъ образомъ теологическимъ и юридическимъ, надзирали *факультеты* въ то время, когда въ 1187 году Жпральдъ Камрензисъ (изъ Камбре) посѣтилъ Оксфордъ, чтобы прочесть свой публичный курсъ о топографіи Ирландіи. Степени имѣли характеръ разрѣшеній на обученіе; они давались желающему съ большой осторожностью и большими формальностями людьми, уже имѣвшими эти степени; необходимыя упражненія до и послѣ полученія степени часто принимали форму лекцій и диспутовъ, что имѣло цѣлью обученіе младшихъ студентовъ. Оксфордъ въ 13 вѣкѣ сдѣлался корпораціей учителей и учениковъ съ опредѣленнымъ уставомъ и значительными привиллегіями; это былъ ученый цехъ, дававшій свои высшія степени кандидатамъ, изучавшимъ подъ его наблюденіемъ и эти степени сначала были дѣйствительны только въ одной мѣстности, а потомъ получили международное значеніе. Учитель, вполнѣ прошедшій курсъ, назывался *магистромъ*, *докторомъ* или *профессоромъ*, и когда онъ дѣйствительно обучалъ, *регентомъ;* студентъ, не докончившій еще курса, подобно подмастерью или кандидату въ рыцари, назывался *баккалавромъ;* низшими степенями были степени *грамматиковъ*, *софистовъ* и *квестіонистовъ* (вопрошателей). Университетскихъ зданій не было до постройки въ 1320 году стараго дома Конгрегаціи; занятія шли сначала въ близъ лежащей церкви св. Маріи или св. Мильдреды; лекціи и другія формы обученія происходили въ большихъ комнатахъ, называемыхъ *школами,* по большей части принадлежавшихъ частнымъ лицамъ и монастырямъ.

Независимость университета. Университетъ и городъ.

Оксфордскимъ магистрамъ было не трудно добиться независимости отъ обыкновенныхъ духовныхъ властей. Они отдѣлались отъ оксфордскаго архидіакона въ 1346 году и отъ епископа, послѣ долгихъ споровъ, въ 1368. Они были не особенно предупредительны и къ пап-

скимъ легатамъ, хотя папы и были покровителями университетовъ. Но отношенію къ мѣстнымъ аббатамъ они были очень вѣжливы. Съ доминиканцами, поселившимися въ Оксфордѣ въ 1221 году, и францисканцами, послѣдовавшими за доминиканцами въ 1224 году, отношенія не были столь хорошими; но университетъ пользовался ихъ прекрасными аудиторіями и лекторами («doing Austins»—было названіемъ для нѣкоторыхъ академическихъ упражненій три вѣка послѣ того, какъ орденъ Августиновъ былъ уничтоженъ), иногда онъ отвергалъ ихъ претензіи на дарованіе имъ академическихъ степеней теологіи безъ предварительнаго изученія курса искусствъ, на которомъ всегда основывалось оксфордское образованіе. Болѣе продолжительна была борьба съ городомъ Оксфордомъ, но за то побѣда была болѣе рѣшительной. Оксфордъ, помѣщенный на большомъ водномъ пути, давно уже былъ процвѣтающимъ рыночнымъ городомъ: горожане, а также и евреи, мстили за утрату прежняго спокойствія различными притѣсненіями клерковъ. Послѣдніе были всегда готовы драться, хотя насилія совершались больше горожанами. Въ 1209 году студенты разошлись было, но папскій легатъ наложилъ на городъ интердиктъ и скоро вынудилъ его признать независимость клериковъ отъ свѣтской юрисдикціи, платить ежегодно штрафъ (что и было первой дотаціей университета) и подчиниться правиламъ, опредѣлявшимъ цѣны на квартиры и провіантъ. Въ 1224 году клерики разграбили евреевъ и король успокоилъ ихъ декретомъ, опредѣлявшимъ спеціальныя полномочія канцлера. Убійство студента-шотландца въ 1248 году дало университету поводъ добиться новой граматы, которая включала новое подчиненіе горожанъ и евреевъ. Въ 1264 году произошло выселеніе въ Нортгамптонъ, куда ушли также и студенты Кембриджа, и только вмѣшательство короля помѣшало постоянной коалиціи студентовъ въ Нортгамптонѣ. Ростовщичество, совершенное евреями въ 1268 году, повело къ ихъ конечному униженію. Въ 1298 году коварство и насилія горожанъ повели къ опасному бунту; въ 1355 году въ день св. Схоластики произошло крупное столкновеніе и горожане безъ всякаго серьезнаго вызова начали рѣзню при помощи двухъ-тысячной шайки крестьянъ, кричавшихъ: «бейте и опустошайте!». Клерики готовились оставить Оксфордъ навсегда, но церковь и корона соединенными силами принудили городъ подчиниться и канцлеръ получилъ, какъ вознагражденіе, полную власть надъ рынкомъ и ежегодный актъ покорности его власти, что продолжалось до настоящаго столѣтія.

Сѣверяне и южане въ Оксфордѣ.

Бывали и внутреннія несогласія; нѣкоторыя изъ нихъ проистекали изъ за борьбы о первенствѣ между факультетами, другія обусловливались тѣмъ, что молодые люди изъ всѣхъ частей Англіи: сѣверяне и южане, шотландцы, ирландцы, валисцы и иностранцы, не оставляли и въ университетѣ своихъ мѣстныхъ раздоровъ. Потому изъ двухъ сановниковъ, выбираемыхъ магистрами на помощь канц-

леру, одинъ былъ сѣверный *проктор*ъ, другой южный. Праздники національныхъ или мѣстныхъ святыхъ, а также игры и турниры воспрещались. Послѣ великаго исхода въ Стамфордъ наиболѣе занимающихся и, вѣроятно, потерпѣвшихъ пораженіе сѣверянъ, королю пришлось вмѣшаться, чтобы добиться снова объединенія. Еще въ 1385 году сѣверяне были столь раздражены, что король воспретилъ называть ихъ именемъ ихъ союзниковъ—шотландцами; до 1827 года всѣ кандидаты на степень должны были присягать, что они никогда не будутъ читать лекціи въ Стамфордѣ. Несомнѣнно, что отчасти по такимъ же соображеніямъ студенты старыхъ коллегій вообще выбирались изъ извѣстныхъ мѣстностей и въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой духъ землячества сохраняется и теперь. Кровопролитіе было обычнымъ явленіемъ при такихъ безпорядкахъ; университетскіе безпорядки часто приводили къ участію въ ограбленіи вассаловъ короля и кончались книжаломъ или висѣлицей.

Кембриджъ.

Кембриджскій университетъ, занимавшій менѣе центральное и болѣе нездоровое положеніе, и имѣвшій менѣе могущественныхъ покровителей, сравнялся въ популярности и привиллегіяхъ съ своимъ старшимъ собратомъ только въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Онъ формально даже не былъ признанъ, пока не получилъ въ 1318 году разрѣшеніе отъ папы Іоанна XXII. Студенты были болѣе однородны по сравненію съ Оксфордомъ; монашескіе ордена тамъ были менѣе дѣятельны и число выдающихся людей, вышедшихъ изъ университета въ этомъ періодѣ, было незначительно. Оксфордскія школы были уже знамениты въ то время, когда Кембриджъ славился только угрями.

Жизнь въ Оксфордѣ въ средніе вѣка. Университетскій курсъ.

Въ средніе вѣка студенты были преимущественно людьми низшаго происхожденія, хотя многіе изъ старшихъ, монахи или фріары, участвовали въ ихъ занятіяхъ, хотя бывали студенты всѣхъ рангов отъ бѣдныхъ учениковъ, кормившихся во время ученья разрѣшеннымъ имъ нищенствомъ или ручнымъ трудомъ во время вакацій, до сыновей графовъ и племянниковъ епископовъ. Около 1300 года ихъ было въ Оксфордѣ 3000; показаніе архіепископа Фицъ-Ральфа армагскаго предъ Авиньонской консисторіей въ 1357 году, будто въ его время было около 30,000 студентовъ; можно считать реторическимъ преувеличеніемъ. Они жили въ гостиницахъ, называемыхъ *halls;* пища доставлялась на общія средства и называлась commons (особая пища называлась battels); большинство студентовъ могло занимать маленькую комнату, служившую имъ и спальней и кабинетомъ. Одинъ изъ живущихъ въ hall, обыкновенно магистръ, былъ *принципаломъ* и былъ отвѣтственнымъ лицомъ за финансовыя распоряженія и за сохраненіе порядка; этотъ постъ былъ не безвыгоднымъ. Припасы поставлялъ экономъ (manciple); въ hall читались обыкновенно нѣкоторыя лекціи. На основаніи инвентарей и завѣщаній можно опредѣлить

имущество клерика, часто состоявшее изъ музыкальныхъ инструментовъ и оружія, кромѣ немногихъ книгъ, постелей и кухонныхъ снарядовъ. Лекціи читались отъ ранняго утра до полудня, но было много дней безъ лекцій. Каждодневное посѣщеніе богослуженія было необходимымъ. Всѣ акты студенческой жизни до полученія степени, и въ особенности процессъ *опредѣленія* баккалавромъ и *инцепціи* для высшихъ степеней, отмѣчались многочисленными диспутами (нѣчто въ родѣ устныхъ испытаній), посѣщеніемъ или чтеніемъ лекцій, разрѣшеніями, присягой, взносами платы, церемоніями и развлеченіями. Короткія вакаціи обыкновенно, а долгія часто, проводились въ Оксфордѣ и употреблялись на частныя занятія. Университетское образованіе начиналось съ ранняго возраста пріобрѣтеніемъ знанія латинскаго языка, начатковъ теологіи, юриспруденціи и естествознанія въ *грамматическихъ* школахъ; магистерство получалось не раньше, какъ послѣ семи или восьми лѣтъ изученія семи искусствъ и трехъ философій (грамматики, діалектики, реторики, музыки, ариѳметики, геометріи и астрономіи съ физикой, метафизики и этики), докторская степень рѣдко получалась раньше двадцати лѣтъ послѣ матрикуляціи. Въ теченіе всего этого періода курсъ искусствъ былъ очень строгимъ и результаты были дѣйствительно блестящіе. Въ слѣдующемъ столѣтіи студенты типа Чосеровскихъ клериковъ, Генди Николаса, Джона и Алейна и бродяги, которыхъ называли тогда Chamberdekyns, были довольно обычнымъ явленіемъ. Расходъ на обычную университетскую карьеру въ теченіе десяти лѣтъ простирался отъ 35 фунт. до суммы вчетверо большей; несомнѣнно, что большинство не получало степени. Наиболѣе популярные изъ учителей получали порядочный доходъ отъ взносовъ слушателей, эти взносы платились по терминамъ и назывались сборами *(коллекціями)*; этотъ терминъ и теперь употребляется при экзаменахъ въ концѣ термина.

Происхожденіе коллегій.

Содержаніе бѣдныхъ клериковъ скоро обратило на себя вниманіе благотворителей. Наиболѣе ранніе попытки дотацій имѣли форму коробочнаго сбора (chests). Frideswyde Chest—Сборъ Фридесвиды былъ капитализированъ Гроссететомъ изъ взноса, ежегодно платимаго въ пользу города Оксфорда аббатствомъ Ейншамъ; нѣкоторые капиталы, оставленные по завѣщанію, хранились въ монетѣ въ желѣзныхъ ящикахъ и изъ нихъ выдавались неимущимъ займы подъ закладъ цѣнной книги, серебряной чаши или другихъ вещей, причемъ университетскій оцѣнщикъ присягалъ, что закладъ по цѣнности значительно превышаетъ сумму займа. Нѣкоторые изъ такихъ капиталовъ давали такимъ образомъ доходъ; до 1500 года весь капиталъ, находившійся такимъ образомъ въ обращеніи, составлялъ огромную для того времени сумму въ 2000 марокъ. Первый постоянный фондъ составился въ 1243 году изъ уплаты пріоромъ Бичестерскимъ по завѣщанію Алана Бассета для двухъ капелановъ въ Оксфордѣ. Епископъ Эли,

Калкенни оставилъ для такой же цѣли капиталъ Барнуэльскому пріорству близъ Кембриджа въ 1256 году. Въ 1249 году магистръ Вильямъ дургамскій оставилъ Оксфордскому университету 310 марокъ на содержаніе десяти или двѣнадцати магистровъ. Джонъ Балліоль исполнилъ обѣтъ покаянія, давая содержаніе нѣсколькимъ бѣднымъ клерикамъ-сѣверянамъ въ нищенскомъ пріютѣ.

Коллегія Мертона.

Англія учрежденіемъ системы коллегій обязана блестящему административному генію Вальтера Мертона, верховнаго канцлера и епископа рочестерскаго, который между 1262 и 1274 годами выработалъ планъ назначенія нѣсколькихъ имѣній, съ доходовъ которыхъ раньше воспитывались въ школахъ его восемь племянниковъ, на учрежденіе въ Оксфордѣ; уставъ этого учрежденія извѣстенъ подъ именемъ правилъ Мертона: съ этого устава болѣе или менѣе скопировано большинство послѣдующихъ уставовъ. Это учрежденіе было приспособленіемъ къ занятіямъ наукой лучшихъ сторонъ монастырскаго быта, что уже было съ успѣхомъ испытано въ Парижѣ. Корпорація Scholars или Fellow's *(товарищей)*, называемая *домомъ*, *hall* или *коллегіей*, (т. е. корпораціей) учениковъ Мертона вскорѣ имѣла великолѣпную капеллу изъ перестроенной приходской церкви, прекрасную гостиницу и кухню, обширные дортуары, гдѣ углы были отгорожены и служили частными кабинетами и *музеями*. Члены коллегіи получали инструкцію, карманныя деньги, платье (называемое мундиромъ, livery) и все необходимое. Они клялись повиноваться правиламъ дома и были обязаны пройти обычный курсъ логики, философіи и пр., переходя потомъ по обычаю къ изученію теологіи. Ученикъ терялъ свое мѣсто, если принималъ бенефицію или вступалъ въ монашескій орденъ. Его поведеніе подробно контролировалось его собратьями посредствомъ изслѣдованія (scrutinies) или правилъ, подобныхъ правиламъ монашескихъ орденовъ. Управленіе коллегіи было поручено семи или восьми старшимъ *(сеньорамъ)*, во главѣ которыхъ стоялъ директоръ (Warden), которому спеціально поручалось заботиться объ имуществѣ и который получалъ значительные доходы за гостепріимство. Другія дисциплинарныя финансовыя и религіозныя функціи были довѣрены деканамъ, казначеямъ (Bursars) и капеланамъ. Было также нѣсколько «бѣдныхъ мальчиковъ», воспитывавшихся въ ожиданіи вакансіи fellow's. Нѣкоторыя изъ правилъ по своему характеру были монастырскими, но все такп въ коллегіи жизнь не была такъ однообразна и не требовалось обѣтовъ бѣдности, цѣломудрія и послушанія.

Другія коллегіи.

Въ Кембриджѣ Гугъ де Бальшамъ, епископъ Элп, основалъ *Домъ Петра* по правиламъ Мертона, хотя и менѣе обширный, въ 1284 году. Въ этомъ же году архіепископъ Пекгамъ произвелъ строгую ревизію коллегіи Мертона для исправленія нѣкоторыхъ злоупотребленій и нарушеній статутовъ основателя. Въ Оксфордѣ были сразу основаны четыре небольшія коллегіи. Довѣренные Вильяма Дургама въ

1280 году и Дерворгилла, вдова Джона Балліоля, въ 1282 г. основали на пожертвованные капиталы корпоративныя общества, извѣстныя подъ именемъ *Университетской коллегіи* и *коллегіи Балліоля*. Эти дотаціи увеличились послѣдующими пожертвованіями, такъ что въ 1340 году коллегія Балліоля была возобновлена Филиппомъ Сомервилемъ. Стапльдонская коллегія (впослѣдствіи Эксетерская) была основана въ 1314 году Вальтеромъ, епископомъ эксетерскимъ. Раздаватель милостыни Эдуарда II, Адамъ де Бромъ, основалъ въ 1324 г. большую коллегію «студентовъ св. Маріи въ Оксфордѣ», послѣ названную коллегіей Ориеля. Самъ основатель былъ первымъ *прево* коллегіи (старшиной) и обезпечилъ ей покровительство сначала короля, а потомъ Генриха Бургерша, епископа линкольнскаго, недруга непопулярныхъ Деспенсеровъ. Первые уставы были скопированы съ устава Мертона, но въ 1326 году былъ изданъ новый уставъ, на основаніи котораго степень была необходимымъ условіемъ для члена коллегіи. Это общество было самоуправляющимся также, какъ и коллегія Мертона; другія три коллегіи были только частію независимы отъ своихъ основателей-директоровъ. Въ 1324 году канцлеръ казначейства основалъ въ Кембриджѣ подобное же учрежденіе,—*Домъ Михаила*, потомъ слившійся съ коллегіей Троицы. Въ 1338 году коллегія Клэръ поглотила Университетскую коллегію 1326 года, а въ 1337 году Эдуардъ III великолѣпно одарилъ «Королевскую коллегію», которая послѣ была поглощена коллегіей Троицы Генриха VIII. «Оксфордская коллегія королевы» (1340) была созданіемъ Роберта Игльфильда, каппелана королевы Филиппы. Статуты ея отличались монастырскимъ характеромъ, они опредѣляли изученіе теологіи, извѣстныя церковныя службы и начальное образованіе «бѣдныхъ мальчиковъ». Нѣкоторые изъ обычаевъ имѣли символическое значеніе, какъ воспоминаніе о жизни апостоловъ; и теперь еще сохранились нѣкоторые любопытные обычаи, напр., подарокъ наканунѣ новаго года иголки и нитки (aiguille et fil—Игльфильдъ). Потомъ въ 1379 году въ Оксфордѣ была основана «новая коллегія». Въ Кембриджѣ въ 1346—1352 годахъ были основаны коллегія Валенсъ Маріи, вдовой Аймера Валенса, графа Пемброка, коллегія Гонвилль (теперь Гонвилль и Кай) Эдмундомъ Гонвиллемъ и его душеприкащикомъ епископомъ норвичскимъ Батеманомъ, который самъ основалъ коллегію Троицы для студентовъ гражданскаго и каноническаго права. «Домъ Тѣла Христова» былъ основанъ мѣстной гильдіей того же имени подъ покровительствомъ Генриха, «добраго герцога» Ланкастерскаго. Нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій были очень бѣдны и часто для увеличенія доходовъ отдавали лишнія комнаты чужимъ, сначала пожилымъ людямъ, называемымъ perendinants или *коммонерами* (общинники), такъ какъ они платили за мѣсто за общимъ столомъ, къ которому въ качествѣ гостей нерѣдко приглашались фермеры коллегіи,

ремесленники и фріары. Первоначально постройки были разнородными и воздвигались безъ всякой системы. Главной ихъ задачей было дать кровъ тѣмъ изъ студентовъ, которыхъ основатели хотѣли спасти отъ искушеній, которымъ подвергались въ средневѣковыхъ городахъ молодые люди, жившіе далеко отъ своихъ семей; коллегіи Мертона и другимъ подобнымъ коллегіямъ дѣлало честь то, что ихъ члены, почти совершенно ограниченные предѣлами своихъ коллегій, не принимали, повидимому, никакого участія въ мятежѣ 1355 года.

Университеты и бенедиктинцы.

Бенедиктинскіе монастыри, въ теченіе многихъ столѣтій сами бывшіе главными распространителями образованія, скоро поняли важное значеніе системы коллегій. Университетскіе учителя вообще были лучше мѣстныхъ учителей послушниковъ, которые обучались въ монастыряхъ «первоначальнымъ наукамъ», грамматикѣ, логикѣ и философіи; но у бенедиктинцевъ не было поселеній въ Оксфордѣ и Кембриджѣ: они не любили соединенія монашества съ свѣтскими клириками въ гостинницахъ или hall. Въ 1283 году аббатство св. Петра въ Глочестерѣ получило пожертвованіе и ихъ убѣжище (nursery или mansion place) для тринадцати студентовъ монаховъ было скоро расширено присоединеніемъ отдѣльныхъ отелей почти для всякаго изъ большихъ бенедиктинскихъ монастырей юга Англіи. Большое сѣверное аббатство въ Дургамѣ начало около 1286 года строить отдѣльную гостинницу — получившую потомъ большое значеніе, какъ Дургамская коллегія; она поддерживалась двумя дургамскими епископами: Ричардомъ Бюри, величайшимъ собирателемъ книгъ въ средніе вѣка, оставившимъ свою библіотеку студентамъ и Томасомъ Гатфильдомъ, великимъ строителемъ, давшимъ ей постоянную дотацію для восьми монаховъ и восьми мірянъ. Оба общества сначала поддерживались сборами съ аббатствъ или келій; оба погибли во время реформаціи, хотя остатки ихъ строеній, присоединенныхъ къ коллегіямъ Ворчестерской и Троицы, существуютъ и теперь. Бенедиктинцы имѣли въ каждомъ изъ университетовъ особаго чиновника, *пріора студентовъ*; но въ Кембриджѣ до 1428 года не было у нихъ коллегіи. Оксфордъ больше посѣщался монашескими орденами и бенедиктинцы Кентербюри имѣли тамъ собственный домъ, пожертвованный въ 1363 году архіепископомъ Целиномъ и теперь принадлежащій коллегіи Церкви Христовой. Августинцы и цистерціане, имѣвшіе помѣщеніе въ аббатствѣ св. Фридесвиды или въ Реулеѣ, жили тамъ до 1435 и 1437 годовъ. Студенты-монахи жили очень удобно, но они выдѣлялись скорѣе какъ администраторы и исторіографы, чѣмъ какъ теологи и философы.

Знаменитые оксфордцы.

Такимъ образомъ университеты представляли открытую карьеру для богатыхъ и для бѣдныхъ клериковъ и способные студенты часто получали высшія мѣста въ королевствѣ. Въ числѣ прежнихъ оксфордскихъ учителей было три канонизированныхъ епископа: Эдмундъ Ришъ

(кентербюрійскій), первый магистръ, имя котораго встрѣчается въ документахъ; Ричардъ Уайчъ (чичестерскій) и Томасъ Кантилупе (герефордскій), канцлеръ Симона Монфора и послѣдній изъ англійскихъ святыхъ; Ральфъ Мэдстонъ, епископъ герефордскій, вернувшійся съ другими изъ Парижа въ 1229 году; Франческо д'Аккорзо, приглашенный Эдуардомъ I изъ Болоньи читать римское право; Кобгамъ, епископъ ворчестерскій, основавшій первую университетскую библіотеку въ 1320 году — хотя изъ коллегіи Оріель въ 1337 году книги были отобраны насильемъ — архіепископъ Джонъ Стратфордъ и его братъ Робертъ, епископъ чичестерскій, оба канцлеры Англіи; Ричардъ Фицъ Ральфъ армагскій, великій оппонентъ безсовѣстныхъ фріаровъ 14 вѣка, Вилльямъ Шайресвудъ (умеръ въ 1349), написавшій главный учебникъ логики; Робертъ Голькотъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ изъ схоластическихъ излагателей св. Писанія, составлявшій вмѣстѣ съ Брадвардиномъ, Фицъ Ральфомъ и другими кружокъ, которому покровительствовалъ Ричардъ Бюри, и Джонъ Виклифъ (магистръ коллегіи Балліоля), послѣдній схоластикъ и первый реформаторъ. Но наиболѣе значенія въ этомъ періодѣ имѣла группа людей, извѣстныхъ подъ названіемъ оксфордскихъ схоластиковъ; большинство ихъ принадлежало къ доминиканскому или францисканскому орденамъ.

Схоластики

Первые схоластики, какъ Джонъ Скотъ Эригена, Росцеллинъ, Ансельмъ, Петръ Ломбардскій и Абеляръ занимались вопросами метафизики и теологіи по діалектическому методу, основанному на логикѣ Аристотеля, профильтрированной Порфиріемъ и Боэціемъ. Эта философія совершенно была преобразована введеніемъ въ западной Европѣ, главнымъ образомъ посредствомъ арабскихъ и латинскихъ переводовъ, Метафизики, Физики, Психологіи и Этики Аристотеля и частію неоплатоническими, частію перипатетическими сочиненіями арабскихъ и еврейскихъ философовъ. Новыя ученія сначала возбудили страхъ и были осуждены Парижскимъ соборомъ въ 1209 году; но вскорѣ они были усвоены теологами и приспособлены къ церковной догмѣ. Александръ Гальсъ, «неопровержимый докторъ», фріаръ изъ Глочестершира, училъ въ Парижѣ до 1245 года. Робертъ Гросстетъ, впослѣдствіи знаменитый епископъ линкольнскій, упорный защитникъ клериковъ, привлекъ массу студентовъ въ францисканскія школы въ Оксфордѣ, построенныя первымъ англійскимъ провинціаломъ ордена, Агнелло изъ Пизы. Гросстетъ былъ человѣкъ независимый и энергичный; онъ перевелъ съ греческаго Этику Аристотеля, изучалъ еврейскій языкъ и физическія науки и далъ оксфордской схоластикѣ европейскую знаменитость. Въ числѣ его учениковъ были Рожеръ Бэконъ и Адамъ Маршъ, «знаменитый докторъ», человѣкъ съ разнообразными интересами и съ большимъ политическимъ вліяніемъ.

Ѳома Аквинскій. Дунсъ Скотъ.

Новая схоластика была систематически обработана Альбертомъ Великимъ, «универсальнымъ докторомъ» (котораго считали колдуномъ)

въ его схемѣ раціональной или философской теологіи и его ученикомъ св. Ѳомой Аквинскимъ, «ангельскимъ докторомъ», который насколько возможно приспособилъ аристотельскіе принципы къ церковному правовѣрію. Главныя положенія «Томистовъ» были: постоянство (имманентность) всеобщихъ понятій (универсаловъ) и доказуемость бытія Божія изъ созерцанія міра, какъ его созданія. Аквинскій былъ доминиканцемъ, какъ и два другіе замѣчательные оксфордца: Робертъ Бэконъ и архіепископъ Кильвардби; главнѣйшимъ изъ его англійскихъ учениковъ былъ Томасъ Брадвардинъ, «глубокій докторъ», членъ коллегіи Мертона, назначенный архіепископомъ кентербюрійскимъ и имѣвшій большое вліяніе какъ исповѣдникъ Эдуарда III. Эта система подверглась нападенію, частію несомнѣнно изъ зависти, со стороны францискапскихъ учителей, проникнутыхъ идеями Аверроеса и неоплатонизма, которыя св. Ѳома отвергалъ догматически. Ихъ вождемъ былъ Джонъ Дунсъ Скотъ, «изящный докторъ» (doctor subtilis), оксфордскій фріаръ изъ Нортумберланда, учившій въ Оксфордѣ, Парижѣ и Кельнѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1308 году. «Скотисты или «дунсисты», какъ называли его послѣдователей, придавали большое значеніе логикѣ, какъ наукѣ. Ихъ сила состояла въ отрицательной критикѣ; хотя они требовали строгой вѣры во всѣ положенія христіанской церкви и въ соотвѣтственныя философскія положенія, они были большими скептиками по отношенію къ аргументамъ, на которыхъ основывались эти положенія. Разрушая раціональныя основы вѣры, они не оставляли ничего, кромѣ безусловной воли Божіей и добровольнаго подчиненія вѣрующихъ авторитету церкви, какъ основанію религіозныхъ убѣжденій человѣка. Въ Англіи вліяніе Дунса было такъ велико, что система Аквинскаго не имѣла популярности; францисканцы сдѣлались надменными и непопулярными, благодаря привлеченію въ свой орденъ монаховъ другихъ орденовъ и благодаря тому, что заставляли принимать монашество мальчиковъ противъ воли ихъ родителей. Имъ покровительствовалъ францисканецъ архіепископъ кентербюрійскій, Джонъ Пекгамъ; но за то архіепископъ Фицъ Ральфъ былъ ихъ врагомъ

Окгамъ.

Послѣдній изъ настоящихъ схоластиковъ, Вилльямъ Окгамъ (въ Сюрреѣ), «непобѣдимый докторъ», былъ также оксфордскій францисканецъ и ученикъ Дунса, къ доктринамъ котораго онъ примѣнилъ свои собственные принципы критицизма. Онъ игралъ выдающуюся роль въ борьбѣ противъ папы Климента VI, который заточилъ его въ Авиньонѣ и отлучилъ отъ церкви; онъ умеръ въ Мюнхенѣ въ 1349 году. Въ его обширныхъ политическихъ и богословскихъ сочиненіяхъ онъ оставилъ всякія попытки согласить философію и теологію; отрицая возможность раціональнаго доказательства какой либо теологической доктрины, онъ признавалъ даже бытіе и единство Бога только предметомъ вѣры. Возобновляя теорію номиналистовъ—т. е. что реально существуютъ только одни отдѣльныя вещи, онъ проло-

жилъ путь для индуктивнаго метода при изслѣдованіи природы и психическихъ явленій.

Изученіе классиковъ.

Хотя и были дѣлаемы попытки понять греческія, еврейскія и арабскія сочиненія, въ теченіе этого періода не было ничего подобнаго современному изученію классической литературы. Схоластики писали варварской латынью и ихъ аргументы излагались въ чрезвычайно технической и сложной формѣ, производной отъ силлогистическаго метода Аристотеля. Тѣмъ не менѣе великіе классическіе авторы сохранялись въ библіотекахъ богатыхъ монастырей, какъ то св. Альбанса, въ Гластонбюрѣ, Іоркѣ и Дургамѣ. Ричардъ изъ Бюри получилъ изъ Италіи въ началѣ 14 вѣка много рукописей и написалъ «Philobiblon»; но такія коллекціи книгъ, какая была у него, были рѣдкостью до временъ герцога Гумфри. Монахи Дургамской коллегіи даже раньше завѣщанія Бюри часто получали книги изъ прекрасной дургамской библіотеки, каталоги которой еще сохранились. Древняя и современная исторія по большей части была достояніемъ монаховъ хроникеровъ; наиболѣе популярнымъ сочиненіемъ было Polychronicon или всеобщая исторія бенедиктинца изъ Честера, Ранульфа Гигдена (1364), составляющая необычайную смѣсь популярныхъ сказокъ съ подлинными свѣдѣніями. Въ грамматическихъ школахъ изучали и англійскій и французскій языки, такъ какъ учениковъ заставляли переводить съ латинскаго на одинъ изъ этихъ языковъ.

Естественныя науки. Рожеръ Бэконъ.

Изъ всѣхъ философовъ этого періода, проявлявшихъ интересъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, наиболѣе энциклопедичнымъ былъ Рожеръ Бэконъ, который посвятивъ научнымъ изслѣдованіямъ двадцать лѣтъ упорнаго труда и болѣе 2000 ф., сдѣлалъ ошибку, поступивъ въ орденъ францисканцевъ въ Оксфордѣ. Вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что противупоставлять опытъ авторитету и отказываться отъ безплодныхъ бредней схоластической метафизики непростительное преступленіе; его дѣятельности всячески мѣшали до тѣхъ поръ, пока французскій папа Климентъ VI не услыхалъ объ его изслѣдованіяхъ и не потребовалъ краткаго отчета о результатахъ этихъ изслѣдованій. Отчетъ еще не былъ составленъ; тѣмъ не менѣе папское порученіе дѣлало Бэкона свободнымъ; въ теченіи пятнадцати или восемнадцати мѣсяцевъ онъ написалъ полный обзоръ всей науки, какъ ее тогда понимали. Онъ излагалъ послѣдовательно теологію, грамматику, математику, географію, хронологію, музыку, исправленіе календаря, оптику, химію, механику и этику. Онъ хотѣлъ отмѣтить всякаго рода естественныя явленія въ связи съ металлами, растеніями, цвѣтами, животными, земледѣліемъ и медициной. Все его сочиненіе отмѣчается пониманіемъ функціи прикладной логики, которую послѣ популяризировалъ его болѣе счастливый современникъ, Франсизъ Бэконъ. По отношенію къ многому, напр., астрологіи и алхиміи, Бэконъ раздѣлялъ предразсудки своего вѣка, когда папа писалъ трактатъ о превраще-

ніи металовъ; но у него были извиненія, которыхъ нѣтъ у писателя семнадцатаго столѣтія. Но когда онъ настаиваетъ на необходимости опыта въ естественныхъ наукахъ, на точности переводовъ и пониманія греческихъ и арабскихъ сочиненій, онъ дѣлаетъ для развитія науки больше, чѣмъ если бы онъ дѣйствительно изобрѣлъ порохъ, часы, телескопъ или объяснилъ явленіе радуги. Бэконъ былъ снова посаженъ въ тюрьму папой Николаемъ V, но освобожденъ въ 1292 году; его начальники столь удачно уничтожали его сочиненія, что до 1733 года ничего изъ нихъ не было напечатано. Его имя также, какъ имя его друга, фріара Томаса Бунгея, было связано преданіемъ съ черной магіей; разсказывали о его говорящей мѣдной головѣ, о его движущихся статуяхъ, что вызывалось быть можетъ его неустанными стараніями получить точные геометрическіе и астрономическіе инструменты, отсутствіе которыхъ, также какъ отсутствіе хорошихъ переводовъ, онъ часто оплакиваетъ. Робертъ Бэконъ, вліятельный доминиканецъ, былъ дядей фріара Рожера; а Джонъ Бэконторпъ, провинціалъ кармелитовъ (1329), прозванный «аверроистомъ» за его попытку примирить арабскую философію съ аргументами Аквинскаго, былъ его племянникомъ.

Гроссететъ раньше Бэкона, а Брадвардинъ послѣ него изучали физическія науки и астрономію. Брадвардинъ по крайней мѣрѣ, бывшій въ юности однимъ изъ секретарей Ричарда Бюри, имѣлъ знакомство изъ первыхъ рукъ съ сочиненіями Сенеки, Птоломея, Кипріана, Іеронима, Августина, Исидора и старыхъ схоластиковъ; его трактатъ: «о причинѣ Бога» былъ однимъ изъ источниковъ англійскаго кальвинизма. Но научныя открытія начались только на развалинахъ схоластики, и то обстоятельство, что преслѣдуемый оксфордскій фріаръ даже съ большей увѣренностью, чѣмъ философъ лордъ канцлеръ, указывалъ на судьбу экспериментальнаго метода, что онъ безъ всякихъ другихъ средствъ, кромѣ простодушной любви къ истинѣ «провидѣлъ будущее міра и будущія чудеса», составляетъ одну изъ наиболѣе удивительныхъ заслугъ его предъ человѣчествомъ.

Наука и псевдо-наука.

Стиля.

Характерной чертой излагаемаго періода можно признать увеличеніе интереса къ естественнымъ наукамъ. Несомнѣнно, что знаніе природы было широко распространено въ обществѣ, въ особенности въ формѣ «разсказовъ старыхъ бабъ»; но до этого времени не было ни средствъ полученія свѣдѣній, ни средствъ передачи ихъ большому

кругу учащихся. Не было недостатка въ расположеніи къ этому; наоборотъ, начиная со времени Бэды мы имѣемъ длинный рядъ сочиненій, трактующихъ популярную науку популярнымъ языкомъ и цѣнныхъ какъ въ филологическомъ отношеніи, такъ и въ томъ отношеніи, что они указываютъ на запросъ на знаніе. Но обращеніе этихъ трактатовъ ограничивалось немногими монастырями и едвали когда выходило за ихъ стѣны. Теперь были открыты новые источники знанія, образовались новые центры образованія, и новыя средства распространенія его по всему цивилизованному міру проявляли впервые свои жизненныя силы.

Астрономія и медицина съ ихъ спутницами: астрологіей, магіей и алхиміей были первыми науками, культивируемыми въ Европѣ и большинство сочиненій, о которыхъ мы говорили, трактуютъ объ этихъ наукахъ. Медицина древнихъ англичанъ состояла главнымъ образомъ изъ знанія заговоровъ и снадобій, а астрономія, какъ бывало всегда, занималась исчисленіемъ переходныхъ религіозныхъ праздниковъ. Система опредѣленія ихъ въ средніе вѣка была довольно сложной. Какъ извѣстно, переходящіе праздники зависятъ отъ времени празднованія Пасхи; необходимость дѣлать этотъ праздникъ ежегоднымъ и притомъ луннымъ, стараніе, чтобы онъ не совпалъ съ еврейской пасхой и стараніе избѣжать кватрадециманской ереси привели къ тому, что днемъ Пасхи опредѣлили первое воскресенье послѣ четырнадцатаго дня луны послѣ весенняго равноденствія. Въ это время астрономы не могли точно опредѣлить длину солнечнаго года и равноденствіе каждый годъ случалось раньше, чѣмъ полагается въ календарѣ, такъ что времена года, повидимому, перепутались. Одинъ разъ, когда полнолуніе случилось между настоящимъ и календарнымъ равноденствіемъ, бременскіе священники праздновали Пасху за мѣсяцъ до остальныхъ христіанъ и получили прозвище *pretenses*; подобныя героическія средства, конечно, не всегда были возможными и одно изъ самыхъ энергичныхъ настояній Бэкона предъ папой было настояніе исправить календарь. Астрономія.

Востокъ, открытый не крестовыми походами, а поселеніями въ Сициліи, Испаніи, Триполи и Сиріи, гдѣ мусульмане и христіане мирно уживались рядомъ и гдѣ евреи пользовались терпимостью—наслѣдовалъ и увеличилъ научныя традиціи греческаго міра и теперь результаты восточной науки открылись западу посредствомъ переводовъ. Немного переводовъ съ арабскаго было сдѣлано въ началѣ 12 вѣка, но большинство ихъ было сдѣлано въ началѣ тринадцатаго. Новое образованіе скоро измѣнило характеръ мѣстъ обученія. До этого времени всякая ученость сосредоточивалась въ монастыряхъ, воспринималась монахами, вообще ограничивалась монахами одного ордена и получала окраску отъ каналовъ своего распространенія. Новое содержаніе, исходившее изъ мусульманскихъ источниковъ чрезъ еврей-

скихъ истолкователей, было уже свѣтскимъ и только что начинавшіе развиваться университеты являлись мѣстомъ изученія этой новой науки. Международный характеръ этихъ заведеній, поддерживаемый признаніемъ однимъ университетомъ ученыхъ степеней другого, повелъ за собой до сихъ поръ неизвѣстную мобилизацію образованія; но хотя университеты были и остались свѣтскими заведеніями, большинство студентовъ и большинство преподавателей учились и учили съ единственной цѣлью сдѣлаться проповѣдниками. Проповѣдующіе монахи, черные или сѣрые, доминиканцы и францисканцы, еще были въ то время преисполнены энтузіазма, который созрѣлъ отъ опыта цѣлаго поколѣнія. Не имѣя ни общей, ни частной собственности, они переходили съ мѣста на мѣсто, собирая знанія и опытность и пользуясь ими по волѣ своихъ начальниковъ въ качествѣ университетскихъ преподавателей, или въ качествѣ рыночныхъ проповѣдниковъ. Ансельмъ, Ланфранкъ и Абеляръ читали въ монастыряхъ предъ аудиторіей, состоящей изъ монаховъ; а Альбертъ Великій, Ѳома Аквинскій, Бартоломей Англикусъ, Александръ Гальсъ, Рикардусъ Руфусъ и многіе другіе фріары учили въ средневѣковыхъ университетахъ и ихъ слушателями были фріары и послушники. Представляя себѣ Англію въ это время, мы должны принять въ соображеніе, что въ каждой деревнѣ были люди, знакомые съ наукой своего времени и пользовавшіеся ей, какъ ихъ учили, при объясненіи всякаго текста, на который они говорили проповѣдь, при объясненіи всякой проповѣдуемой ими доктрины, и что такимъ путемъ масса народа знакомилась съ общими научными понятіями. Конечно, эта наука мало походила на нашу науку и намъ предстоитъ указать, каковы были вѣрованія, распространенныя среди нашихъ предковъ.

Практическая астрономія достигла значительнаго совершенства, принимая во вниманіе несовершенство инструментовъ, которыми располагали наблюдатели и то обстоятельство, что на востокѣ уже давно были составлены таблицы болѣе тысячи неподвижныхъ звѣздъ и планетъ. Одна изъ нихъ, вѣроятно персидская таблица одиннадцатаго столѣтія, попала къ Рожеру Бэкону, который въ 1267 году называлъ такія таблицы «альманахами». Въ это же время въ Толедо еврейскими астрономами по арабскимъ источникамъ были составлены знаменитыя Альфонсовы таблицы. Англійскіе ученые одни изъ первыхъ въ Европѣ восприняли и распространили знаніе астрономіи; они особенно выдвинулись въ этой отрасли науки. Наиболѣе извѣстенъ изъ нихъ Джонъ Галифаксъ, трактаты котораго объ астрономіи, основанные на работахъ Альфарагана, существуютъ въ безчисленныхъ манускриптахъ и въ первый вѣкъ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія выдержали шестьдесятъ изданій; сохранились сочиненія сорока писателей,—почти всѣ они оксфордцы; и они свидѣтельствуютъ о успѣхахъ науки въ то

время. Но теоретическая астрономія того времени была совершенно ошибочной и должна была быть разрушена цѣлыми вѣками труда.

Астрологія.

Какъ извѣстно, раньше предполагали, что земля находится въ центрѣ вселенной и что небо лежитъ вокругъ нее въ видѣ громаднаго свода, ежедневно обращающагося. Неподвижныя звѣзды, разсѣянныя по небу, давно были соединены въ созвѣздія; наиболѣе замѣтныя изъ нихъ составляли поясъ вокругъ неба, называемый зодіакомъ и раздѣленный на двѣнадцать знаковъ или созвѣздій; планеты совершали свой видимый путь внутри этого пояса. Предполагали, что каждый знакъ зодіака производитъ на одушевленную и неодушевленную природу особое дѣйствіе и дѣйствуетъ также и на другіе знаки; смотря потому, на сколько близки эти знаки къ землѣ, вліяніе ихъ на людей большее или меньшее. Ихъ вліяніе было особенно велико въ моментъ рожденія человѣка; наиболѣе важнымъ считался знакъ, появляющійся на востокѣ и тотъ, который былъ прямо надъ головой. Одинаково важно было и вліяніе планетъ. Для изученія его небо было раздѣлено на двѣнадцать равныхъ частей, начиная отъ мѣста положенія солнца и луны въ минуту рожденія. Этотъ пунктъ назывался гороскопомъ. Каждое раздѣленіе обозначало часть судьбы ребенка: богатство, бракъ, войну, смерть и т. д. Каждое изъ этихъ дѣленій или «домовъ» снова подраздѣлось; каждому подраздѣленію соотвѣтствовали извѣстныя планеты; если планета находилась въ это время въ счастливомъ подраздѣленіи соотвѣтственнаго дѣленія (дома), то результатомъ было громадное увеличеніе ея вліянія. Такъ въ Secreta Secretorum, наиболѣе типичной изъ сохранившихся средневѣковыхъ книгъ, разсказывается о сынѣ ткача, который родился въ то время, когда Венера и Марсъ были въ знакѣ Близнецовъ и Вѣсовъ, что предвѣщало, что онъ будетъ мудрымъ, ловкимъ, благоразумнымъ и любимымъ королями и онъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ въ концѣ концевъ сдѣлался министромъ короля.

Другой важный функціей средневѣковой астрологіи было опредѣленіе подходящаго момента для какого либо дѣйствія: брака, путешествія или войны. Такъ если желаешь удачи въ войнѣ, нужно начинать ее, когда «домъ луны» прямо надъ головой и когда Меркурій находится въ благопріятномъ къ нему отношеніи. Если желаешь совершить путешествіе, соображай, чтобы «дома путешествія» и созвѣздія, управляющія городами, куда отправляешься, восходятъ, и наоборотъ, «домъ», управляющій цѣлью путешествія находится прямо подъ землей. Астрологъ вмѣшивался и тогда, когда нужно было принять лекарство или пустить кровь. Нельзя пускать кровь, когда луна находится въ созвѣздіи Рыбъ или Вола, нельзя пускать кровь и при новолуніи и при соединеніи луны съ другой планетой въ знакѣ Водолея; нужно обращать также вниманіе на положеніе Меркурія и Сатурна. Для скарификаціи существовалъ цѣлый рядъ правилъ. Лекар

ство нужно принимать, когда луна находится въ созвѣздіяхъ Вѣсовъ, Скорпіона или Рыбъ, но оно будетъ роковымъ, когда въ соединеніи находится Сатурнъ.

Очевидно, что для средневѣкового астролога требовалось значительная сумма настоящихъ астрономическихъ свѣденій, а также точное знаніе громаднаго количества правилъ, большинство которыхъ было произвольными или основанными на старыхъ мифахъ; современемъ должна была быть собрана большая масса реальныхъ наблюденій. Фактически эти наблюденія и повели въ концѣ концевъ въ разрушеніе системы, на которой они были основаны. Каково же было отношеніе церкви ко всему этому? Она относилась также, какъ относится къ астрологіи старый англійскій переводъ Secreta Secretorum. Тамъ говорится: «совершенно изучившій эту науку можетъ знать и предвидѣть опасности, происходящія отъ войны, чумы, голода и другихъ вещей, для коихъ онъ можетъ предписать средство (а если не можешь найти средства, то отъ сердца молись Богу, дабы онъ указалъ средство). Тѣ бѣдствія, которыя указываютъ планеты, добрый человѣкъ можетъ отвратить, молясь Богу посредствомъ поста, жертвы, милостины и раскаянія въ грѣхахъ, и Богъ отвратитъ, разрѣшитъ и уничтожитъ все, чего люди боятся».

Медицина. Мы видѣли, какое отношеніе медицина имѣла къ астрологіи; укажемъ теперь на ея отношеніе къ магіи и алхиміи. Наши предки принесли съ собой вѣрованія въ руны и заговоры и когда среди нихъ появились первые врачи,—вѣроятно евреи,—производимыя ими исцѣленія приписывались дѣйствію ихъ чаръ. Книга «совѣтовъ молодымъ врачамъ» (1300) даетъ любопытныя указанія на нравы того времени. Кажется, что врачъ долженъ былъ по виду мочи паціента опредѣлить возрастъ, полъ и болѣзнь и что обыкновенно предварительно испытывали его знанія, предъявляя ему какую нибудь поддѣльную жидкость. Ему рекомендовалось употреблять длинныя слова, которыхъ никто не понимаетъ, не посѣщать паціента, не дѣлая чего нибудь новаго, чтобы паціентъ не сказалъ, что «онъ ничего сдѣлать не можетъ безъ книжки»—однимъ словомъ, во что бы то ни стало поддерживать свою репутацію непогрѣшимости. Подобные господа, конечно, не были въ состояніи бороться съ народными вѣрованіями, если только они прямо не поддерживали ихъ. Бэконъ цитируетъ Константина (введшаго въ Европу арабскую медицину) съ яснымъ одобреніемъ употребленія чаръ. Эти талисманы, говоритъ онъ, должны употребляться не потому, чтобы они производили какое нибудь измѣненіе, а потому что они приводятъ паціента въ лучшее состояніе духа. Часто удивлялись, что совершенно неосновательныя претензіи магіи не были сразу опровергнуты. Но на это было много причинъ. Слѣдуетъ помнить, что тогда было такое время, когда люди, оставляя свой приходъ, неизмѣнно ожидали встрѣтить чудеса. Было достовѣрно извѣстно, что

въ Ирландіи есть такое мѣсто, гдѣ люди не могутъ умереть; было извѣстно, что корица вылетаетъ изъ гнѣзда феникса, какъ деревянная стрѣла, что вѣчный жидъ живъ и когда нибудь можетъ посѣтить васъ и что всѣ происшествія, о которыхъ разсказывается въ арабскихъ сказкахъ, когда нибудь случились. Ученые люди въ родѣ Альберта и его учениковъ, старательно собирали разсказы о свойствахъ животныхъ, растеній и камней и, на сколько возможно, провѣряли ихъ. Знаніе того времени было также лишено перспективы, какъ и искусство и для людей того времени не было ничего невозможнаго.

Магія.

Представленіе о магіи въ этомъ періодѣ можно получить изъ требника Теодора, седьмого вѣка, въ которомъ изложена практика магіи и опредѣлены эпитиміи за нее. Многія изъ этихъ повѣрій еще обычны среди крестьянъ и теперь. Законы Эдгара, Этельстана и Канута воспрещаютъ ее и наказываютъ, какъ преступленіе, когда ей пользовались какъ средствомъ нанести вредъ другому, въ особенности если она вела къ смерти. Въ жизнеописаніи Гереварда мы читаемъ о любопытномъ судѣ за колдовство. Норманы принесли въ Англію новый циклъ легендъ, въ родѣ легенды о Мелузинѣ; вскорѣ образовалась легенда, что Иродіада и теперь еще продолжаетъ въ лѣсахъ свой нечистый танецъ, иногда ее смѣшивали съ Діаной, иногда съ Габундой. Дальнѣйшее развитіе этой легенды можно прослѣдить у Вальтера Мапа, Джона Салисбюрійскаго, Матью Париса и въ Романѣ Розы. Отовсюду приходятъ женщины и присоединяются къ танцу. Потомъ злой духъ присутствуетъ на этихъ сборищахъ и ему поклоняются, совершая неприличныя обряды. Наконецъ люди начали говорить о союзѣ негромантика и дьявола, и такимъ образомъ народная фантазія вполнѣ создаетъ черную магію. Церковь вмѣшалась и это преступленіе стало ересью, хотя въ Англіи оно и вѣдалось свѣтскимъ судомъ. Но рядомъ съ этимъ созданіемъ народной фантазіи появляется и бѣлая магія, до значительной степени состоящая изъ представленій о такъ называемыхъ симпатическихъ свойствахъ предметовъ—такъ, напр., свѣтлый и ясный хризолитъ былъ образомъ мудрости. Потому ношеніе хризолита приноситъ мудрость. Понятно, что человѣкъ, понадѣявшійся сдѣлаться мудрымъ отъ того, что носилъ въ правомъ ухѣ серьгу изъ хризолита, не хотѣлъ сознаться, что такой талисманъ недѣйствителенъ. Другія чудеса можно объяснить самовнушеніемъ или дѣйствіемъ паровъ и напитковъ. Такія вещи, какъ «перевязываніе крѣпкимъ узломъ», сильно дѣйствовали на умъ человѣка. Многія заговоры были окружены такой сѣтью обрядовъ, что неудача ихъ была почти неизбѣжной или удача зависѣла отъ рѣдкаго соединенія планетъ. Наконецъ слѣдуетъ помнить, что до изобрѣтенія книгопечатанія книги, содержащія въ себѣ необходимыя свѣденія, рѣдко попадались человѣку, желавшему заниматься магіей и при этомъ онѣ признавались содержащими доказанные факты;

повторять же эти факты было излишне и даже незаконно, такъ какъ это уясняло бы сущность вещей и объясняло то, что въ писаніи скрыто. Слѣдуетъ, однако, признать, что существовали такія магическія книги, въ которыхъ заговоры употреблялись прямо для вызова врага рода человѣческаго; даже заглавія такихъ книгъ неизвѣстны теперь, за исключеніемъ одной или двухъ, вродѣ De Morte Animae. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ отношеніе церкви къ магіи сильно измѣнилось. Вся магія признавалась результатомъ прямого или подразумѣваемаго соглашенія съ дьяволомъ. Такіе факты, какъ крестовый походъ пастуховъ или заговоръ прокаженныхъ отравить всѣ колодцы доказываютъ, какъ легко народъ долженъ былъ повѣрить въ обвиненіе храмовниковъ въ магіи. Въ 1324 году въ Калькенни была за магію сожжена женщина—эта была первая жертва, сожженная въ Ирландіи за ересь; существуютъ и другія указанія въ то же время, какъ напр., упоминается о нѣкоемъ Джонѣ изъ Ноттингама, умершемъ въ тюрьмѣ до суда, и дѣлавшемъ восковыя изображенія короля и Депенсеровъ. Когда мы припомнимъ, чѣмъ была наука въ то время, какіе люди занимались ею и для какихъ цѣлей они ей пользовались, мы не будемъ удивляться безусловной вѣрѣ людей въ магію.

Алхимія. Въ этомъ періодѣ впервые появилась въ Англіи и алхимія, спекулятивная и практическая; она была занесена вмѣстѣ съ медициной съ востока. Первыми сочиненіями, переведенными съ арабскаго, были коранъ и сочиненіе объ алхиміи въ серединѣ двѣнадцатаго вѣка. Въ Англіи первыми алхимиками были писатели по медицинѣ, да и вообще появленіе алхиміи обусловливается ея предполагаемой аналогіей съ медициной. Такъ какъ признавалось, что всѣ металы состоятъ изъ одинаковаго вещества—сѣры и ртути, то различіе между, напр., свинцомъ и серебромъ состоитъ въ томъ, что сѣра и ртуть въ первомъ случаѣ испорченныя или больныя. Это породило сказку о королѣ и его прокаженныхъ братьяхъ, о которой говоритъ Дастинъ, англійскій алхимикъ (1200)—и лекарствомъ, возвращающимъ имъ здоровье, была кровь короля. Отъ медицины требовалось всеобщаго лекарства, панацеи. Потому алхимики и искали панацеи, которая уничтожила бы испорченность сѣры и ртути несовершенныхъ металовъ и превратило бы ихъ въ чистое серебро и золото. Несомнѣнно, что сочиненія Рожера Бэкона, въ особенности его Opus Minus, дали толчекъ изученію алхиміи. Онъ также, какъ и другіе фріары, былъ скорѣе теоретикомъ къ химіи, чѣмъ практикомъ. Когда же алхимія стала практической наукой, немедленно признали, что алхимики не могутъ дѣлать естественнаго золота, но за то они увѣряли, что ихъ золото лучше естественнаго. Мы можемъ судить объ общественномъ мнѣніи по этому вопросу, читая многочисленныя прокламаціи противъ дур-

ной монеты. Преданіе соединяетъ исторію нашей первой золотой монеты съ алхиміей.

Раймундъ Луллій былъ страстнымъ проповѣдникомъ христіанства среди мавровъ, но такъ какъ они не обращали вниманія на его проповѣдь, то онъ началъ проповѣдывать крестовый походъ. Пріѣхавъ въ Англію, онъ нашелъ, что Эдуардъ III, только что получившій тогда власть, готовъ помочь ему; но денегъ у него не было. Да и когда онѣ есть на доброе дѣло? Противъ обыкновенія самъ проповѣдникъ взялся добыть ихъ. Онъ потребовалъ себѣ помѣщенія въ церкви св. Екатерины близъ Тоуэра, свинцу, ртути и цинка и черезъ нѣсколько дней представилъ достаточное для похода количество золота. Когда король получилъ деньги, онъ нарушилъ данное монаху слово и употребилъ деньги на войну съ французами, а Луллія засадилъ въ тюрьму, чтобы онъ еще надѣлалъ золота. Разумѣется, эта басня не имѣетъ никакого основанія. Первая золотая монета Эдуарда относится къ 1343 году и Луллій умеръ до вступленія Эдуарда на престолъ; но несомнѣнно, что въ Англіи алхимія въ то время уже процвѣтала. Мы имѣемъ приказъ отъ 1329 года объ арестѣ мастера Вилльяма Дальби и Джона ле Ру, которые дѣлали серебро посредствомъ искусства *алкемоніи*. Но вѣроятно, что въ основаніи такихъ басенъ лежитъ историческая истина о какомъ нибудь новомъ открытіи для отдѣленія свинца отъ серебра, такъ какъ въ то время въ Англіи разработывались свинцовые рудники. Приказы о назначеніи въ монетный дворъ упоминаютъ объ алхиміи, какъ объ одномъ изъ средствъ добыванія драгоцѣнныхъ металловъ. Въ теченіе немногихъ лѣтъ занятія алхиміей были уже столь разпространенными, что это сдѣлалось общественной опасностью и «ремесло увеличенія золота и серебра» было объявлено уголовнымъ преступленіемъ по статуту 1403 года.

Медицина и врачеваніе

Крейтона.

Теоретическая медицина въ Англіи была заимствована у византійскихъ писателей, сочиненія которыхъ или извлеченія изъ нихъ хранились въ монастырскихъ библіотекахъ. Какой нибудь монахъ, иногда самъ аббатъ, занимался изученіемъ этихъ сочиненій и получалъ извѣстность какъ лекарь. Изъ сочиненій Александра Тралесса или Павла Эгинскаго англійскіе практики составляли коллекцію рецептовъ и врачебныхъ предписаній для разныхъ поврежденій, ранъ и болѣзней и если нельзя было достать чужестранныхъ лекарствъ, замѣняли ихъ

туземными травами. Ресурсы мѣстнаго гербарія было значительны, особенно для припарокъ, примочекъ и прочихъ прикладываній, а также и для декоктовъ; самыми сильными травами, употребляемыми въ большихъ дозахъ, были: полей, цитварное сѣмя, маточная трава, папортникъ, шалфей, можжевельникъ, буквица, мальва и пижма. Разсказываютъ, что іерусалимскій патріархъ чрезъ пилигримовъ, возвращавшихся отъ Св. Гроба, прислалъ королю Артуру сирійскія лекарства въ числѣ ихъ скаммонію, алоэ, камедь, аммоніакъ, мирру и ладонъ. При кровопусканіи употреблялся уже ланцетъ. Замѣчали дни и часы для пусканья крови, соображаясь съ фазами луны: считалось правиломъ, что самое лучше время кровопусканія есть весна, когда дурные соки, собравшіеся въ теченіе зимы, наполняютъ пустые сосуды тѣла, также какъ сокъ поднимается въ деревьяхъ и кустахъ. Нѣсколько другихъ правилъ, основанныхъ на ученіи о жидкостяхъ и свойствахъ (горячій и холодный, влажный и сухой) соединялись съ разными предписаніями и рецептами и для всей коллекціи этихъ правилъ призывалось ручательство какого нибудь безспорнаго авторитета, какъ, напр., англо-саксонскій гербарій изъ Гластонбюри принадлежалъ якобы Апулею Платонику и полученъ имъ отъ Эскулапа и Хирона Центавра. Отдѣльное предписаніе могло имѣть свою исторію. Окса училъ одно, а Дунъ другое, и всего надежнѣе признавалось утвержденіе, что «нѣкто училъ тому то». Ни одно изъ лекарствъ не давалось больному безъ нѣкотораго церемоніала. Пока его составляли, паціентъ долженъ былъ двѣнадцать разъ прочитать псаломъ Miserere mei, Deus, потомъ нѣсколько разъ Pater noster, потомъ «выпить лекарство и завернуться въ теплое» или онъ долженъ былъ имѣть псаломъ Salvum me fac, Deus, потомъ выпить лекарство изъ церковнаго колокольчика, а священникъ заканчивалъ исцѣленіе молитвой Domine Sancte, Pater Omnipotens. Наибольшую силу лекарства имѣли на священной землѣ, при гробницѣ святаго, напр., или при святомъ колодцѣ. Къ церковнымъ церемоніямъ примѣшивалось и много языческаго, традиціонный фолкъ-лоръ въ формѣ заговоровъ, талисмановъ и колдованія по звѣздамъ. Леченіе, конечно, часто бывало и и чисто домашнимъ, въ особенности при дѣтскихъ болѣзняхъ.

Изъ монастырскихъ хроникъ видно, что въ болѣзняхъ въ средніе вѣка до значительной степени былъ присущъ элементъ истеріи, такъ что въ курсѣ леченья былъ довольно умѣстенъ элементъ вѣры Но были и рецепты для обыкновенныхъ болѣзней, также какъ для разныхъ поврежденій, ранъ и болей, для чахотки, рака, камня, подагры, эпилепсіи, пляски св. Вита, паралича, летаргіи, коклюша, катарра, лихорадки, мигреня, ревматизма, боли въ суставахъ, искривленій, водянки, желтухи, геморроя, слюнотеченія, грыжи, выпаденія кишекъ, глистовъ и внѣшнихъ паразитовъ. Средствъ было сравнительно немного и орудія врача довольно просты; впрочемъ употреблялись уже

лубки и бандажи; лечили прижиганьемъ желѣзомъ или раскаленнымъ кирпичемъ; умѣли останавливать кровь, извлекать стрѣлы, исправлять искривленія и дѣлать простыя операціи отрѣзыванія, трепенаціи и т. п.

Источники медицинской науки.

Медицинская и хирургическая наука византійскихъ авторовъ въ англійскихъ и латинскихъ переводахъ и иногда даже въ оригиналѣ была основой врачебной практики въ англійскихъ монастыряхъ со времени Бэды до норманскаго завоеванія. Нѣкоторые изъ учебниковъ пережили опустошенія времени и окончательное разграбленіе монастырей и хранились въ домахъ капитуловъ и въ другихъ коллекціяхъ. Византійская наука потомъ была замѣнена арабской, знаменитѣйшія школы которой были въ Салерно (съ 1060 года) и Монпелье; арабскія медицинскія сочиненія проникли въ Англію и были авторитетомъ до реформаціи; Жильбертъ Аквилла, медикъ Губерта Вальтера, архіепископа кентербюрійскаго, въ концѣ двѣнадцатаго вѣка изучалъ медицину въ Салерно. Когда архіепископъ находился на смертномъ одрѣ въ одномъ изъ своихъ замковъ по дорогѣ въ Рочестеръ (у него былъ карбункулъ на спинѣ), то медикъ объявилъ, что если бы во время захватить болѣзнь, то ее можно бы было вылечить; но разсмотрѣвъ мочу, онъ не имѣетъ надежды и совѣтывалъ прелату обратиться къ Богу. Сатирикъ того времени, Джонъ Салисбюрійскій, чрезвычайно рѣзко нападаетъ на медицину. За свои грѣхи онъ бывалъ въ рукахъ врачей чаще, чѣмъ желалъ бы и онъ не хочетъ раздражать лекарей своими собственными размышленіями, а ограничивается цитированіемъ изрѣченія Соломона, что медицина отъ Господа Бога и разумный человѣкъ не долженъ презирать ее. Онъ утверждаетъ, что жадность и любовь къ власти главные пороки медика; какъ извѣстно, эти пороки были довольно обыкновенными среди духовенства вообще. Жадность монастырскихъ лекарей была такъ велика, что они все время ходили по больнымъ, такъ что въ концѣ концевъ декретъ Иннокентія II въ 1139 году, а потомъ постановленіе Турскаго собора 1163 г. воспретили имъ заниматься медициной и врачеваніемъ. Точно также на основаніи каноническихъ законовъ евреи не могли давать медицинскихъ совѣтовъ и лекарствъ христіанамъ. Но и монахи и евреи легко обходили эти постановленія церкви, вѣроятно потому, что у нихъ не было компетентныхъ соперниковъ. При всякомъ изъ европейскихъ дворовъ были медики евреи; въ двѣнадцатомъ вѣкѣ ученые люди этой націи были главными представителями арабской медицины; которая тогда пользовалась особымъ авторитетомъ. Одинъ медикъ— еврей въ Англіи, искусный и гуманный человѣкъ, погибшій впослѣдствіи при избіеніи евреевъ въ Линнѣ въ 1190 году, кажется послужилъ Вальтеръ Скоту образцомъ для его раббн Бенъ Израэля въ Ивангое.

Потомъ мы слышимъ о медикахъ въ Англіи въ связи съ франциc-

Фріары медики.

канцами; Петръ, ректоръ въ Вимбледонѣ, медикъ супруги короля Генриха III, упоминается въ письмѣ Адама Марша къ Гросстету, какъ человѣкъ начитанный и великой честности; Адамъ Маршъ проситъ, чтобы чрезъ него возвратили его экземпляръ «Этики» Аристотеля. Другой фріаръ, въ это время занимавшійся врачеваніемъ, это Регинальдъ Стокъ изъ Оксфорда, «почетный человѣкъ, съ зрѣлымъ умомъ, съ большой ученостью въ искусствахъ и медицинѣ и его знаніе свѣта, скромность, умѣлое обращеніе и кроткая преданность дѣлаютъ его достойнымъ довѣрія». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего появленія въ Англіи францисканскіе миссіонеры уже пользовались репутаціей, какъ ученые люди. Самымъ знаменитымъ членомъ этого ордена въ Оксфордѣ былъ Рожеръ Бэконъ, который въ свои занятія включилъ и изученіе медицины. Немногіе изъ медиковъ этого вѣка, говоритъ онъ, знаютъ астрономію и такимъ образомъ пренебрегаютъ лучшей частью медицины. Онъ примѣнялъ къ устраненію болѣзней и удлиненію жизни свои знанія въ химіи; онъ умѣлъ дѣлать тинктуры и элексиры и между прочимъ «золотую тинктуру», которая возстановляла молодость.

Медицина и астрологія.

Рожеръ Бэконъ былъ новаторъ въ медицинѣ, также какъ и во всѣхъ отрасляхъ знанія и онъ пострадалъ за свою слишкомъ большую горячность въ занятіяхъ свѣтскими изслѣдованіями. Любопытно, что онъ заявляетъ, какъ будто для успокоенія церкви, что астрологія примѣняется также и къ этикѣ; но главнѣйшее ея примѣненіе было къ медицинѣ и въ эпоху смерти Рожера Бэкона въ теченіе цѣлаго столѣтія знаніе астрологіи считалось необходимымъ для медика и оно отличало его отъ шарлатана. Ничто не доказываетъ, что Джонъ Гаддесденъ, первый англійскій писатель о медицинѣ (1316), былъ въ этомъ смыслѣ образованнымъ медикомъ, хотя онъ и былъ ловкимъ плагіаторомъ. Но медикъ у Чосера учился астрономіи и эта наука выучила его избирать средство, подходящее для каждаго особаго случая, для комплекціи или конституціи больного, для времени года, для мѣстности и климата; а это уже было нѣчто отличное отъ повторенія общихъ мѣстъ изъ Авицены. Даже при чумѣ, которая типична во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, было необходимо прибѣгать къ астрономіи и во время чумы этотъ медикъ и заработалъ деньги. Медикъ Чосера очень похожъ на извѣстнаго врача того времени Джона Бургоинъ, иначе Джона Мандевиля. «Тѣ, кто не вкусили сладкаго напитка астрономіи, говоритъ Бургоинъ, не могутъ дать надлежащихъ средствъ отъ болѣзни. Тотъ, кто не знаетъ астрологическаго казуса, не можетъ исцѣлять болѣзни». Медикъ Чосера богато одѣтъ; таковъ же медикъ и въ другой современной поэмѣ: «Петръ Пахарь»—въ мѣховой шапкѣ и въ суконномъ сюртукѣ съ золотыми пуговицами. Пахарь все таки полагаетъ, что профессія медика навряд ли почтенная. «Многіе лекаря настоящіе убійцы—восклицаетъ

онъ—Боже, накажи ихъ»!—и онъ надѣется, что англичане когда нибудь будутъ столь воздержаны, что медику нечего будетъ дѣлать и ему придется продать свои дорогіе костюмы и учиться обработывать землю, ибо «такая работа сладка». Наиболѣе извѣстнымъ изъ современныхъ врачей былъ Джонъ Ардернъ, практиковавшій сначала въ Ньюваркѣ, а потомъ въ Лондонѣ во второй половинѣ 14 вѣка. Онъ оставилъ рукописный трактатъ о леченіи фистулъ всякаго рода и въ этомъ трактатѣ онъ самъ изображенъ въ богатомъ одѣяніи; изображены также и его инструменты; онъ сообщаетъ имена паціентовъ, міранъ и клериковъ, съ подробностями объ ихъ часто компрометирующихъ болѣзняхъ, сообщаетъ о платимомъ ими гонорарѣ и о торжествѣ своего искусства. Вскорѣ послѣ этого хирурги-цирульники соединились въ гильдіи въ Лондонѣ и въ Іоркѣ и съ образованіемъ этихъ корпорацій начинается новая фаза въ исторіи врачебнаго искусства.

Литература.

Франка Гита.

Религіозный эпосъ. Дидактическая поэзія. Робертъ Глочестерскій.

Кромѣ популярныхъ и придворныхъ романовъ, о которыхъ мы говорили въ послѣдней главѣ перваго тома, было много романа, хотя, конечно, не рыцарскаго, въ религіозномъ эпосѣ, который сильно былъ развитъ во второй половинѣ тринадцатаго вѣка, особенно на югѣ. Аббатство Глочестерское было центромъ дѣятельности въ этой сферѣ литературы: существовало большое разнообразіе темъ, хотя трактовались онѣ не съ большимъ талантомъ. Увеличеніе популярности этихъ легендъ сильно поддерживалось принятіемъ французскаго обычая читать въ церквахъ по праздникамъ житія святыхъ; путь этому былъ уже проложенъ ритмическими гомиліями Эльфрика. Употреблялся троякій метръ: короткіе рифмованные куплеты rime Couée и длинныя строчки съ мезурой въ срединѣ, что то среднее между александрійскимъ стихомъ и сентенаромъ (семисложнымъ стихомъ): этотъ стихъ вообще называется среднеанглійскимъ александрійскимъ стихомъ. Вторая мѣра, сначала лирическая, никогда не была въ такомъ употребленіи у религіозныхъ поэтовъ, какъ у сочинителей балладъ, примѣнявшихъ ее въ тоже время (въ концѣ тринадцатаго вѣка) къ рыцарскому роману. Наиболѣе важная изъ трехъ мѣръ, рифмованный куплетъ, былъ стихъ древнихъ версій Благовѣщенія (Assumptio Mariae 1250 г.) и другихъ, напр., Евангелія Никодима. Для житій святыхъ на югѣ употреблялся главнымъ образомъ среднеанглійскій александрійскій стихъ и когда онъ получилъ форму четырехстишія,

онъ часто украпался средней рифмой, что давало ему видъ строфы съ перекрестными рифмами. Легенды св. Маргариты (1270), св. Екатерины и Маріи Магдалины (нѣсколько позже) были написаны этимъ метромъ съ длинными строчками; легенды Григорія и Маріи Магдалины написаны той же мѣрой съ дѣленіемъ на коротко строчныя стансы при посредствѣ средней рифмы. Въ послѣдней четверти вѣка эти легенды были собраны въ циклъ, состоявшій изъ «Отрывковъ жизни Іисуса» и житій пятидесяти семи святыхъ, среди которыхъ было много англійскихъ. Во второмъ изданіи количество ихъ увеличилось на половину и они были распредѣлены соотвѣтственно церковному году; позднѣйшій же пересмотръ цикла легендъ, сдѣланный въ томъ же округѣ, включалъ религіозную литературу на всѣхъ діалектахъ. Но съ теченіемъ времени эти поэмы все болѣе и болѣе утрачивали свой эпическій характеръ и пріобрѣтали характеръ дидактическій. Разсказы брались отовсюду, допускались на равныхъ правахъ святые всѣхъ вѣковъ и странъ, разсказы, полные самаго нѣжнаго чувства, стоятъ рядомъ съ разсказами, полными грубаго, вульгарнаго реализма; замѣчается постоянная тенденція къ преувеличенію чудесъ и къ замѣнѣ новости содержанія сенсаціонной окраской. Поразительный примѣръ представляетъ увеличеніе важности роли, которую играетъ дьяволъ. Хроника Роберта Глочестерскаго находится въ близкой связи съ этой литературой, ибо не только его стихъ (средне-англійскій александрійскій) и стиль такіе же, какъ въ южномъ циклѣ. но онъ пользуется этими разсказами, особенно жизнью св. Ѳомы Бекета, какъ источниками своей исторіи, на ряду съ Жоффри Монмоутомъ и другими болѣе достовѣрными писателями. Это скучная и морализующая книга, которой исторія Англіи начинается съ Брута (какъ это сдѣлалъ и Лайамонъ съ меньшей дозой учености, но съ большой поэтичностью) и доводится до 1154 года, а потомъ въ двухъ продолженіяхъ до 1270—2 года. Конечно оно было, вѣроятно, въ 1300 году. Робертъ мальчикомъ видѣлъ грозу, при которой въ тридцати миляхъ отъ мѣста его жительства происходила битва при Эвешамѣ, когда Симонъ Монфоръ потерялъ жизнь, а бароны своего вождя. Когда онъ выросъ, онъ сдѣлался горячимъ патріотомъ, смотрѣвшимъ на норманское завоеваніе какъ на божеское наказаніе, а на побѣду короля при Эвешамѣ какъ на національное бѣдствіе.

Другая хроника, написанная въ Глочестерѣ нѣсколько позже и еще скучнѣе, чѣмъ хроника Роберта, доводитъ исторію Англіи во второмъ изданіи до 1327 года.

Вильямъ Шорегамъ. Cursor mundi и „Угрызеніе совѣсти.

Еще болѣе дидактичны, чѣмъ житія святыхъ или хроники, были многочисленные проповѣди и религіозныя сочиненія,—нѣкоторыя изъ нихъ стихотворныя,—написанныя во второй половинѣ этого вѣка. Нѣтъ болѣе типическаго сочиненія въ этомъ родѣ, какъ сочиненіе Вильяма Шорегама изъ Кента, викарія Хартъ Суттона на Лидсѣ, въ

первой четверти четырнадцатаго вѣка. Онъ писалъ теологическіе трактаты въ стихахъ моральныхъ поэмъ или даже короткими рифмованными куплетами: о таинствахъ, заповѣдяхъ, семи смертныхъ грѣхахъ и о другихъ предметахъ, съ большой глубиной чувства и нѣкоторой проницательностью, но безъ поэтической силы. Тамъ же, хотя и нѣсколько позднѣе, былъ написанъ популярный трактатъ о морали подъ заглавіемъ Ayenbite of inwyt (буквальный переводъ латинскихъ словъ Remorsus Conscientiae. Угрызеніе совѣсти). Авторъ, Данъ Михель, августинскій монахъ въ Кентербюри, родился въ Нортгатѣ. подражалъ сочиненію Le somme des vices et des vertues (1279) Лоренса, которому и послѣ часто подражали въ прозѣ и стихахъ. На сѣверѣ главными представителями такого рода литературы были переводъ псалмовъ рифмованными куплетами (любимая мѣра на сѣверѣ), написанный во второй половинѣ тринадцатаго вѣка, Cursor Mundi и «Угрызеніе совѣсти» Ричарда Ролле Гамполя. Cursor Mundi—это библейская исторія міра въ короткихъ рифмованныхъ куплетахъ [1]) до нахожденія св. Креста Еленой съ присоединеніемъ описанія Страшнаго Суда. Идея о сведеніи въ одно цѣлое главныхъ библейскихъ событій и исторіи церкви таже самая, какая лежала въ основѣ распредѣленія цикловъ мистерій. Крайняя религіозная горячность, заставившая Ричарда Ролле, изучавшаго теологію въ Оксфордѣ, сдѣлаться пустынникомъ, отразилась и въ его «Угрызеніи совѣсти», въ которомъ въ живыхъ краскахъ изображается фальшивость и злоба міра, отвратительность грѣха и красота добродѣтели. Какъ по заглавію, такъ и по содержанію въ этомъ сочиненіи много общаго съ Ayenbite of inwyt, да и написано оно одновременно. Ричардъ написалъ много другихъ книгъ и еще большее количество приписывается ему.

Робертъ Брунне.

То, что Ричардъ Ролле сдѣлалъ на сѣверѣ, а Данъ Михель въ Кентѣ, Робертъ Маннингъ Брунне или Боуринъ (1260—1342) сдѣлалъ для средней Англіи въ своей книгѣ Handlyng Synne, написанной въ 1303 году по англонорманскому оригиналу Manuel des Pechiez Вильяма Вадингтона, іоркширца. Также, какъ и сѣверная поэма, книга написана короткими рифмованными куплетами. Въ 1338 году Робертъ кончилъ «Исторію Англіи», основанную главнымъ образомъ на Уэсѣ и хроникѣ Петра Лангтофта. Первая часть, основанная на Уэсѣ, также, какъ и оригиналъ, написана короткими рифмованными куплетами, а вторая александрійскимъ стихомъ въ подражаніе соотвѣтствующей части Brut d'Engleterre, а заключеніе двѣнадцатистрочными стансами.

Религіозная драма.

Тотъ родъ религіозной литературы, на который былъ главнѣйшій спросъ, была несомнѣнно драматическая литература. О происхожденіи

---

[1]) Та часть, гдѣ говорится о страданіяхъ Христа, написана, однако, семисложнымъ стихомъ, что, можетъ быть, указываетъ на южное происхожденіе этой части.

драмы и объ отношеніи такъ называемыхъ пьесъ о чудесахъ (miracle) къ мистеріямъ и объ отношеніи обѣихъ этихъ формъ къ свѣтской драмѣ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ и здѣсь будетъ достаточно немногихъ словъ. Собственно говоря, мистерія—это пьеса, основанная на библейскомъ разсказѣ, а miracle излагаетъ въ драматической формѣ жизнь какого нибудь популярнаго святого; но въ Англіи оба рода драмъ назывались безразлично пьесами о чудесахъ. И вѣроятно, по той причинѣ, что первыя религіозныя драмы, представляемыя въ Англіи, вродѣ драмы «Св. Екатерина»—норманна Жоффри изъ св. Альбана въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія и тѣ драмы, о которыхъ говоритъ Вильямъ Фицстефенъ въ его житіи св. Ѳомы Бекета (1182) были или repraesentationes miraculorum quae sancti confessores aperati sunt, sive repraesentationes passionum quibus claruit constantio martyrum.

Религіозное чувство англійскаго народа только позже примирилось съ драматической обработкой священнаго писанія, но въ концѣ концевъ мистеріи стали такъ популярны, что не было драмъ, сюжетъ которыхъ былъ настолько чуждъ библейскимъ разсказамъ, чтобы ихъ было можно назвать miracle въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Первое драматическое произведеніе на родномъ языкѣ была мистерія «Адскія мученія», написанная на сѣверовостокѣ средней Англіи около средины тринадцатаго вѣка; сюжетъ имѣетъ много общаго съ «диспутами» въ романической формѣ и до нѣкоторой степени съ старыми англійскими діалогами, вродѣ «діалога между Соломономъ и Сатурномъ», такъ какъ онъ состоитъ въ словесной дуэли между сатаной и Христомъ у вратъ ада. Драма написана короткими рифмованными куплетами и очевидна ея связь съ церковнымъ пасхальныхъ церемоніаломъ, отъ котораго пять сотъ лѣтъ тому назадъ и произошла эта форма искусства. Эти драмы вскорѣ стали такъ популярны, что въ началѣ 14 вѣка онѣ составили цѣлый циклъ, начинавшійся съ сотворенія міра и кончившійся свѣтопредставленіемъ, и трактующій послѣдовательно всѣ главныя событія Стараго Завѣта и жизни Христа. Отдѣльныя пьесы цикла были традиціонно связаны съ той или другой изъ гильдій. Онѣ соединялись на народныхъ празднествахъ Пятидесятницы или Тѣла Христова (этотъ послѣдній праздникъ установленъ въ 1264 году) и такимъ образомъ раздѣлялись трудъ и издержки. Главные изъ существующихъ цикловъ—циклъ Ковентри, составленный изъ разнородныхъ пьесъ, циклъ Честерскій послѣ 1328 года, Іоркскій около 1330, изъ котораго сохранились только пять драмъ и нѣсколько отрывковъ. Есть позднѣйшій Іоркскій циклъ и еще позднѣйшая коллекція, циклъ въ Уидкиркѣ близъ Вакефильда; имъ общи эти пять драмъ и отрывки; метръ всѣхъ драмъ, за исключеніемъ болѣе старыхъ, написанныхъ короткими рифмованными куплетами, представляетъ смѣсь этой послѣдней мѣры и различныхъ формъ станса, болѣе или менѣе ира-

вильныхъ. Рифма въ концѣ обычна, особенно въ Честерскомъ циклѣ; въ Іоркскомъ циклѣ часто встрѣчается строфа, состоящая изъ четырехстишія изъ длинныхъ аллитеративныхъ строчекъ съ перекрестной рифмой, за которымъ слѣдуетъ четырехстишіе изъ короткихъ строчекъ съ частыми аллитераціями (обыкновенно тремя) и рифмой порядка abba. Это также, какъ и произведеніе Лоренса Мино, показываетъ вліяніе западно англійское.

Характеръ miracle.

Современному читателю Честерскія драмы несомнѣнно покажутся лучшими и болѣе обработанными по сравненію съ Іоркскими. По сравненію съ ними драмы Тоунелея покажутся еще хуже, такъ какъ авторы были свободны отъ сдерживающаго надзора городскихъ совѣтниковъ и другихъ лицъ. Но средневѣковые люди могли находить удовольствіе въ самыхъ грубыхъ контрастахъ. Мы встрѣчаемъ постоянно чередованіе сильнѣйшаго реализма и грубаго юмора и мистическаго идеализма въ средневѣковомъ искусствѣ, но за исключеніемъ лучшихъ произведеній Чосера въ Англіи не достигли ихъ полнаго сліянія. Добрые жители Вакефильда, присутствовавшіе при представленіи «поклоненія пастуховъ», нисколько не чувствовали себя шокированными при переходѣ отъ сценъ самаго широкаго и, какъ показалось бы намъ теперь, самаго кощунственнаго комизма къ пѣснѣ ангеловъ, возвѣщавшихъ о рожденіи Спасителя. Почти титаническія грубость и кощунство Каина или гнусное зрѣлище Ноя, котораго бьетъ его сердитая жена, не казались несогласными съ нѣжнымъ пафосомъ такой личности, какъ Исаакъ въ юности; они казались настолько же естественными въ общемъ содержаніи драмы, излагающей самыя глубокія тайны христіанской вѣры, какъ хохочущіе дьяволы на перилахъ церкви Notre Dame рядомъ съ восторженными святыми. Самая утонченность Честерскихъ драмъ, ихъ менѣе живыя характеристики и ихъ морализированіе доказываютъ, что онѣ были менѣе совершеннымъ отраженіемъ обыденнымъ понятій и жизни народа.

Земледѣліе

Корбета.

Помѣстья и управленіе ими.

Для того, чтобы понять систему владѣнія и обработки земли въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ вѣкахъ, прежде всего необходимо составить ясное представленіе о составѣ типическаго крупнаго помѣстья. Такое помѣстье было нѣчто вполнѣ отличное отъ теперешняго, потому что оно состояло изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ имѣній (manors), не смежныхъ одно съ другимъ, а разбросанныхъ по всей

Англіи, напр., въ такъ называемой Domes day св. Павла или собраніи отчетовъ, относящихся къ 1222 году, мы читаемъ объ одинадцати имѣніяхъ въ Эссексѣ, принадлежащихъ каноникамъ собора; изъ нихъ ни одно не было ближе къ другому, какъ на четыре мили, а среднее разстояніе между ними было въ 15 миль. Возьмемъ другой примѣръ изъ одного изъ наиболѣе раннихъ изъ сохранившихся судебныхъ свитковъ; изъ одинадцати имѣній, принадлежащихъ въ 1246 году кормапскому аббатству Бекъ, десять находились въ разныхъ графствахъ отъ Дорсетшира до Норгамптоншира и Норфолька. И эти имѣнія отнюдь не были болѣе разбросанными, чѣмъ имѣнія, напр., оксфордской коллегіи Мертона, разбросанныя отъ Нортумберланда до Кента. Слѣдствіемъ этого было то, что одинъ человѣкъ не могъ управлять цѣлымъ помѣстьемъ и каждое имѣніе приходилось поручать отдѣльному агенту или *баллы*, почему и вся система называлась bailiff—farming.

Баллы. При назначеніи баллы, занимавшаго главное мѣсто въ деревнѣ и часто жившаго въ помѣщичьемъ домѣ, было необходимо соблюдать крайнюю осторожность; онъ по необходимости былъ совершенно независимымъ въ теченіе большой части года и все зависѣло отъ его энергіи и искуства. Вообще говоря, его обязанности были обязанностями надсмотрщика, но у него были помощники и главной его обязанностью было веденіе счетовъ и присмотръ за тѣмъ, чтобы ничего не продавалось и не покупалось безъ необходимости. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ или при какой нибудь опасности онъ могъ просить инструкцій у главнаго агента лорда или управляющаго (Steward), но это не всегда было возможно и обыкновенно баллы, не полагавшійся на свои силы, считался неудобнымъ служащимъ. Дѣйствительно, обязанности управляющаго, хотя въ число ихъ и входилъ общій надзоръ, были скорѣе юридическими, чѣмъ экономическими и большую часть времени онъ проводилъ переѣзжая изъ имѣнія въ имѣніе для того, чтобы держать судъ отъ лица своего лорда. Насколько непродолжительны были его визиты въ каждомъ изъ имѣній, можно судить по маршруту управляющаго аббатства Бекъ, извлеченному изъ свитковъ его суда: онъ въ 1247 году отъ 17 сентября до 9 октября посѣтилъ шесть имѣній въ шести графствахъ; Ультшихъ, Беркширъ, Нортгамптонширъ, Норфолькъ, Суффолькъ и Сюррей. Это указываетъ также и на то, что путешествіе въ то время не было особенно труднымъ, что дороги были довольно безопасны, потому что управляющіе возили съ собой значительныя суммы денегъ—это подтверждается отчетомъ о поѣздкѣ, сдѣланной въ январѣ 1181 года деканомъ и двумя канониками св. Павла для осмотра ихъ помѣстій въ Герфодширѣ, Эссексѣ и Сюррѣ; они несмотря на зимнее время проѣхали въ 22 дня 230 миль и изслѣдовали девятнадцать имѣній.

Manor. Типическое имѣніе, надъ которымъ надзиралъ баллы, состояло изъ

одной деревни, въ которой легально вся земля принадлежала лорду и всѣ жители были подчинены его сеньоральной юрисдикціи. Конечно, не вся обработанная земля обрабатывалась самимъ лордомъ, а только часть ея, обыкновенно треть, которая и называлась его доменомъ (demesne). Остальная воздѣлываемая земля раздѣлялась между крестьянами, съ которыми лордъ дѣлилъ также и сѣно на лугахъ, траву и желуди на пустошахъ и въ лѣсахъ. За это крестьяне не платили никакой денежной ренты, но отдавали ему различныя услуги. Эти услуги не были особенно тяжелыми для свободныхъ людей и несомнѣнно, что они всегда имѣли тенденцію превратить ихъ въ постоянную денежную ренту; но въ большинствѣ имѣній свободныхъ людей было немного и почти всѣ крестьяне или *тенанты* принадлежали къ классу несвободныхъ или *вилленовъ* и ихъ услуги были болѣе тяжелыми. Главной ихъ обязанностью была обработка домена лорда. И дѣйствительно въ типическомъ имѣніи только ихъ трудъ и могъ употребляться для этой цѣли и главной обязанностью баллы было смотрѣть затѣмъ, чтобы они дѣлали это какъ слѣдуетъ. Это, однако, было не легкое дѣло, потому что отъ нихъ можно было требовать лишь такую сумму труда, которая слѣдовала по обычаю; и такая сумма труда была различна въ разныя времена года и для разныхъ разрядовъ вилленовъ. Если по какой либо причинѣ количество вилленовъ въ имѣніи уменьшалось, изъ этого положенія выхода не было и приходилось оставить землю безъ обработки. Обыкновенно услуги, которыя можно было требовать, были двухъ родовъ: недѣльная работа и помочь (boon—work). Недѣльная работа (dies operabiles) была регулирована: она состояла въ пахань и жнитвѣ въ доменахъ или въ исполненіи какой либо другой земледѣльческой работы два или три дня въ недѣлю въ теченіе года и нѣсколькихъ дней во время жатвы; сумма помочи (precariae) была, правда, опредѣлена, но она не была регулярной: помочь состояла въ исполненіи такой, напр., работы, какъ извозъ, если лордъ требовалъ этого. Далѣе нѣсколько изъ вилленовъ должны были платить дань натурой, напр. нѣсколько яицъ или два или три каплуна въ три большіе праздника или четверть солоду разъ въ годъ; за это они часто получали обѣдъ изъ сельдей, хлѣба и пива, когда работали на лорда. Для современнаго фермера все это, конечно, показалось бы не выгоднымъ, да несомнѣнно и было невыгоднымъ; такая система не могла бы и существовать, если бы баллы въ дѣлѣ надзора не помогали подчиненные лица, выбираемые вилленами изъ ихъ среды въ качествѣ ихъ представителей, отвѣтственныхъ за нихъ если они не исполняли своихъ обязанностей. Наиболѣе важными изъ этихъ выборныхъ лицъ были староста или прево (praepositus) и сѣнной сторожъ; часто ихъ обязанности были достаточно тяжелыми и невыгодными; въ судебныхъ свиткахъ мы встрѣчаемъ указанія, что виллены иногда платили до двадцати шиллинговъ, чтобы ихъ не вы-

бирали въ старосты. Вообще же виллены были отвѣтственны другъ на друга, такъ что лордъ могъ оштрафовать всю общину, если не получалъ удовлетворенія отъ своихъ чиновниковъ.

Типичнымъ владѣніемъ виллена была виргэтъ (virgate), около тридцати акровъ; но нѣкоторые имѣли больше, а многіе гораздо меньше, и кромѣ того существовалъ большой классъ *коттаровъ* или *коттажеровъ*, у которыхъ былъ только одинъ огородъ. Тѣмъ не менѣе ни одно изъ такихъ владѣній, какой бы величины ни было, не обрабатывалось отдѣльно; они обрабатывались всѣ вмѣстѣ, какъ одна ферма, включая и доменъ лорда. Это было не только обычнымъ, но и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ особаго состава владѣній виллеповъ; какъ типичное помѣстье состояло изъ разбросанныхъ имѣній, такъ и типичное владѣніе не было однимъ кускомъ земли, а состояло изъ множества узкихъ полосъ въ акръ или польакра, разбросанныхъ по всей обрабатываемой деревенской землѣ, можетъ быть въ шестидесяти разныхъ мѣстахъ и отдѣлялось отъ полосъ другихъ владѣльцевъ только узкими полосками невоздѣланной земли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ доменъ лорда былъ отдѣльно; но это бывало рѣдко, да и во всякомъ случаѣ онъ обрабатывался по одинаковому плану и вмѣстѣ съ владѣніями виллеповъ.

Методы обработки.

Обычнымъ методомъ обработки, по показанію Вальтера Генлея, была двухпольная или трехпольная система, т. е. смѣна жатвъ происходила каждые два или три года. Первая, повидимому, была болѣе обыкновенной. Вся пахатная земля деревни дѣлилась на три большіе поля; каждогодно одно изъ нихъ производило пшеницу, другое овесъ или ячмень, а третье лежало подъ паромъ. Иначе говоря, трехгодичный оборотъ на каждомъ полѣ былъ такой: въ январѣ сѣялся ячмень, въ августѣ его жатва; отъ сентября перваго года до іюня второго паръ; въ іюнѣ пахали паръ подъ пшеницу; осенью засѣвали пшеницей; въ августѣ третьяго года жатва пшеницы; осенью пахота подъ ячмень и въ январѣ четвертаго года снова посѣвъ ячменя. Въ большинствѣ случаевъ правильно слѣдовали такому сѣвообороту, но иногда пшеница замѣнялась рожью. Были также два рода ячменя; второй назывался dragena; обыкновенно, хотя и не въ большомъ количествѣ, воздѣлывались также бобы, горохъ и вика. Въ отчетахъ имѣній мы встрѣчаемъ иногда указанія на посѣвы конопли и льна.

Землю обыкновенно пахали два раза, но такъ какъ большіе деревянные плуги были тяжелы, то и обработка почвы была плоха; ее плохо переворачивали. Употребляли для пахоты быковъ, четыре или восемь въ запряжкѣ, преимущественно предъ лошадьми, можетъ быть потому, что при дороговизнѣ желѣза ковати лошадей было очень дорого. Навозили землю мало, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляли мергель и по пару гоняли овецъ; искусство дренированія было тоже въ зачаточномъ состояніи. Послѣ посѣва землю обыкновенно не бо-

рошли, хотя иногда зерно закидывали лопатой. Жали хлѣбъ, оставляя высокіе стебли, и это было выгодно въ двухъ отношеніяхъ: не нужно было возить сырой соломы и сорныхъ травъ, и въ тоже время на полѣ оставалось много соломы или затѣмъ, чтобы срѣзать ее потомъ для крышъ и подстилки, или чтобы запахать вмѣсто навоза. Жатва обыкновенно занимала шесть недѣль и по ея окончаніи весь деревенскій скотъ выгонялся по жнитву. Количество собираемой пшеницы измѣнялось отъ 16 бушелей на акръ на лучшихъ земляхъ до четырехъ бушелей; сѣяли же въ среднемъ по два бушеля на акръ. Но такъ было только въ благопріятные годы. Даже такой сборъ составляетъ меньше трети того, что получается теперь; урожаи другихъ хлѣбовъ были не лучше. Слѣдующія хозяйственныя операціи были зимнія: молотьба и вѣяніе, послѣднюю исполняли главнымъ образомъ женщины—послѣ этого зерно обыкновенно не продавалось, а сохранялось въ амбарахъ, а иногда и въ церквахъ; даже въ хорошіе годы производилась немного больше того, что было необходимо для пропитанія деревни до слѣдующей жатвы и никогда нельзя было быть увѣреннымъ, что на будущій годъ не будетъ неурожая. Пшеница продавалась до 6 шиллинговъ четверть, а ячмень по 4 ш. 3 д.

Живой инвентарь состоялъ, главнымъ образомъ, изъ рогатаго скота и овецъ; держали также и немного лошадей; у каждой крестьянской семьи были свиньи: много потребляли соленой свинины. Лѣтомъ весь скотъ съ общими пастухами высылали кормиться въ пустошахъ и лѣсахъ, гдѣ обыкновенно бывало много корма; на зиму большую часть рогатаго скота и овецъ убивали, такъ какъ корма было недостаточно. Конечно, оставляли рабочихъ быковъ и извѣстное количество другихъ животныхъ на племя, но и эта скотина голодала, весной при отсутствіи изгородей телята и ягнята страдали отъ дурной погоды. Не удивительно, что при подобныхъ условіяхъ не дѣлалось попытокъ улучшенія скота и что потеря его была громадной, въ среднемъ 20% въ годъ. Тѣмъ не менѣе содержаніе овецъ было, вѣроятно, самой выгодной хозяйственной статьей; въ то время Англія пользовалась монополіей торговли шерстью, вывозимой на мануфактуры въ Фландріи. Такъ какъ овцы были небольшія, то и руно было очень легкимъ; но овцеводство было выгодно въ силу того, что оно требовало очень мало труда—эта выгодность сдѣлалась особенно очевидной послѣ Черной смерти и имѣла слѣдствіемъ то, что отчасти бросили занятіе хлѣбопашествомъ. Во всякой деревнѣ занимались молочнымъ и птичьимъ хозяйствомъ, но такъ какъ всѣ дѣлали сыръ и масло, всѣ держали цыплятъ, утокъ и гусей, то эти продукты были очень дешевы и наврядъ ли шли въ продажу.

Живой инвентарь.

До сихъ поръ мы описывали типическое имѣніе, какимъ его видѣлъ Вальтеръ Генлей въ началѣ 13 вѣка и какое во многихъ случаяхъ существовало еще долго послѣ Черной смерти. Но какъ уже

Появленіе вольныхъ рабочихъ

Выкупъ повинностей.

сказано, даже въ началѣ царствованія Генриха III во многихъ имѣніяхъ произошли важныя измѣненія и они особенно опредѣлились съ половины тринадцатаго вѣка. Виллень постепенно исчезалъ съ его обязательствами оказывать трудовыя даровыя услуги и помогать обработывать доменъ лорда; его замѣняли люди свободнаго класса, работавшіе за плату. Нѣкоторые, можетъ быть, предположатъ, что подобный важный общественный переворотъ обусловливался какимъ нибудь народнымъ движеніемъ въ пользу освобожденія и что лорды по мѣрѣ распространенія гуманныхъ настроеній естественно стремились къ освобожденію сервовъ; но доказательствъ этого не имѣется. Наоборотъ, по закону виллены оставались рабами, навѣрное до ихъ возстанія въ 1381 году и, можетъ быть, позднѣе; ни тогда, ни впослѣдствіи ихъ свобода опредѣленно не была признана. Тѣмъ не менѣе задолго до этого большое количество ихъ было свободными въ глазахъ балльи, потому что они не были уже привязаны къ землѣ и само возстаніе, какъ мы увидимъ дальше, отчасти было вызвано попытками требовать отъ нихъ прежнихъ услугъ, которыя вышли изъ употребленія. Причина этого состояла не въ чувствахъ, даже не въ сожалѣніи, а въ интересѣ самого владѣльца имѣнія: какъ мы уже сказали, не легко было добиться хорошей обработки домена даже въ томъ случаѣ, когда обязанности балльи исполнялъ энергичный человѣкъ. Принудительный трудъ, какъ извѣстно, мало производителенъ даже тогда, когда работника можно заставить дѣлать все, что хочешь; въ имѣніяхъ же виллены всегда могли сослаться на обычай и объявить, что они исполнили все, что отъ нихъ можно требовать. Самое разнообразіе обычаевъ дѣлало легкимъ всякія увертки и необходимость значительной суммы надзора уменьшала и тотъ небольшой доходъ, который иначе могъ быть полученъ съ имѣнія. Въ тоже время расходы лорда увеличивались; эпоха была прогрессивной и прогрессъ велъ за собой увеличеніе роскоши. Рыцарство того времени съ его пышностью и блескомъ, стремленіе къ воздвиженію зданій, показное милосердіе — все это требовало денегъ, а денегъ лорды не могли получить до тѣхъ поръ, пока получали ренты трудомъ. Въ силу этого вошло въ обычай перекладывать услуги болѣе зажиточныхъ виллеповъ на деньги. Сначала это дѣлалось временно, и лордъ имѣлъ право требовать или деньги или услуги, какъ ему были удобнѣе, и во всякомъ случаѣ онъ могъ снова вернуться къ принудительному труду, если виллены не платили денегъ. Но даже если онъ и бралъ деньги, онъ не становился независимымъ отъ виллена; ему приходилось искать рабочихъ для обработки домена и сдѣлать это было возможно только нанимая тѣхъ же виллеповъ, какъ наемныхъ рабочихъ. Но все таки онъ былъ тогда въ выигрышѣ, поэтому что тогда онъ не только получалъ постоянныхъ слугъ, лучше работавшихъ, но и такихъ слугъ, которыхъ онъ могъ употреблять когда и

какъ ему было нужно. Виллены тоже были въ выигрышѣ; они знали, что ихъ трудъ свободный и что они за него получаютъ вознагражденіе.

Выгодность новой системы была столь очевидна, что временный ея характеръ, навѣрное, долженъ былъ исчезнуть тотчасъ же, какъ лорды получатъ увѣренность, что имъ будутъ платить денежную ренту. Раньше, пока господствовали общественныя неурядицы, достигнуть этого было трудно. Но эта эпоха, какъ уже сказано, была миріой; она была эпохой матеріальнаго процвѣтанія земледѣлія, потому вскорѣ система денежныхъ рентъ была устроена многими лордами и постепенно распространена ими на всѣхъ тенантовъ и на всякаго рода услуги. Сумма ренты измѣнялась, конечно, соотвѣтственно величинѣ владѣнія виллена и до нѣкоторой степени соотвѣтственно исполняемымъ имъ работамъ; но она рѣдко была выше десяти шиллинговъ въ годъ, даже для владѣльца полнаго участка (виргэта), и часто была меньше. Когда переложеніе на деньги состоялось и лордъ обезпечилъ надлежащее количество рабочихъ для обработки доменовъ, онъ естественно не заботился о томъ, останутся ли остальные въ имѣніи или нѣтъ. Наоборотъ, за небольшую сумму денегъ онъ съ охотой отпускалъ ихъ искать работы въ другихъ мѣстахъ, если они находили это болѣе выгоднымъ, чѣмъ обрабатывать свою землю. Постепенно большое количество виллеповъ взялись за отхожіе промыслы и настолько же оторвались отъ земли, какъ и свободные. Другіе изъ нихъ сосредоточили въ своихъ рукахъ оставленныя земли и постепенно превратились въ классъ іеменовъ, достаточно зажиточныхъ, чтобы соперничать и даже имѣть преимущество предъ настоящими фригольдерами, и не имѣвшихъ нужды работать за плату.

Заработная плата.

Виллены, продолжавшіе работать на доменахъ лорда, могутъ быть раздѣлены на два класса, смотря потому работали ли они круглый годъ или только случайно, въ качествѣ поденщиковъ. Въ большинствѣ имѣній постоянными были пахари, повозчики и конюхи, пастухи и молочницы; всѣ они работали около 310 дней въ году. Имъ платилось въ годъ около 6 шиллинговъ, но эта плата составляла меньшую часть ихъ вознагражденія; каждый въ прибавокъ получалъ выдачу хлѣбомъ отъ четверти въ недѣлю до четверти въ двѣ недѣли, смотря по занятію. Случайнымъ рабочимъ, напротивъ, платили только деньгами и обыкновенно поштучно: по 6 д. за акръ пахоты, по 1 д. за боронованье, по $2^1/_2$ за жнитво и т. д. Нанимались и женщины, получавшія около 1 д. въ день. Такимъ образомъ обработка акра стоила лорду около 1 ф.; такая плата была выгодной и для рабочихъ, да и лорду давала доходъ. Вся система зависѣла, однако, отъ того, что было много рабочихъ, согласныхъ получать обыкновенную заработную плату; и въ 1348 году это прекратилось; въ этомъ году

почти половина рабочихъ Англіи перемерла и такъ какъ оставшіеся въ живыхъ отказывались получать прежнюю плату, то лорды почти повсемѣстно разорились и принята была новая система хозяйства—сдача въ аренду земли и инвентаря. Объ этомъ будемъ говорить, однако, въ слѣдующей главѣ.

Торговля и промышленность

Губерта Галля.

Торговая политика.

Продолжительное и мирное царствованіе Генриха III, какъ мы видѣли, не было эпохой промышленнаго прогресса и торговой предпріимчивости. Нація въ то время находилась въ переходной стадіи развитія, не благопріятной для торговаго процвѣтанія; кромѣ того вся система регулированія торговли была чрезмѣрно провинціальной и архаической. До сихъ поръ регулированіе ея находилось до значительной степени въ рукахъ мѣстныхъ магнатовъ, соперничавшихъ съ короной въ отяготительныхъ ограниченіяхъ и невыносимыхъ тяготахъ, налагаемыхъ ими на торговцевъ; но съ воцареніемъ Эдуарда I на спасеніе промышленности появляется новая сила въ формѣ торговаго законодательства, создаваемаго «по совѣту и съ согласія» Общинъ Англіи. Правда, помимо королевскихъ требованій и мѣстныхъ таможенныхъ сборовъ, мѣры, принимаемыя для регулированія торговли, были очень скудны—ассизы о хлѣбѣ, элѣ и сукнахъ, которые были для торговли тѣмъ же, чѣмъ были ассизы двѣнадцатаго вѣка для землевладѣнія и полицейской системы въ странѣ. Съ тѣхъ поръ торговля уже не регулировалась единственно въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а въ интересахъ всѣхъ подданныхъ, и эти послѣдніе, получивъ право голоса, пользовались имъ до извѣстной степени въ парламентѣ въ теченіе слѣдующаго столѣтія. Можно представить себѣ выгодныя слѣдствія такой централизаціи торговой политики—результаты ея сохранились въ парламентскихъ актахъ.

Такое измѣненіе положенія дѣлъ не будетъ казаться намъ удивительнымъ, если мы припомнимъ, что въ городахъ общіе интересы купеческихъ общинъ создали выработанную и представительную систему самоуправленія. Общинами были только усвоены новые методы и придуманы новыя мѣры. Созданіе богатства стало національнымъ и почетнымъ дѣломъ и съ этихъ поръ законодательство спеціально заботится объ условіяхъ безопаснаго и выгоднаго развитія промышленности, торговля не только не была стѣснена этими мѣрами, но напротивъ освобождалась отъ многихъ вредныхъ ограниченій въ формѣ

мѣстныхъ обычаевъ. Такой результатъ до значительной степени обусловливался дѣятельной и просвѣщенной иностранной политикой Эдуарда I и его непосредственныхъ наслѣдниковъ. Правда, что сначала эта политика была воинственная и что въ началѣ дипломатическія отношенія короля съ Фландріей не были ни особенно патріотическими, ни особенно удачными; кромѣ того слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что торговая политика королей вела къ чрезвычайно важнымъ конституціоннымъ кризисамъ. Въ царствованіе Эдуарда I, который самъ былъ основателемъ нѣкоторыхъ новыхъ городовъ, вольные европейскіе города достигли зенита своего политическаго могущества и торговаго процвѣтанія, въ силу чего процвѣтала и междумуниципальная система торговли. Въ силу личнаго деспотизма Генриха III государство уже захватывало номинальный контроль надъ иностранной торговлей. Транзитная торговля до значительной степени находилась въ рукахъ ганзеатическихъ купцовъ, а внутренняя торговля въ рукахъ евреевъ и фламандцевъ. Корона контролировала и давала привилегіи всѣмъ имъ и къ нимъ присоединились крупные торговые дома Ломбардіи, вродѣ Фрескобальди.

Положеніе, занятое Эдуардомъ и его наслѣдниками по отношенію къ интересамъ англійской торговли, довольно замѣчательно. Они считали интересы короны тождественными съ интересами самой націи. Евреи были изгнаны и ихъ мѣсто заняли ломбарды; Франція находилась въ тискахъ между завѣсимымъ отъ Англіи союзникомъ на сѣверѣ и процвѣтающей англійской провинціей на югѣ; вся фискальная система была измѣнена соотвѣтственно такому положенію дѣлъ. Король считалъ производство страны также, какъ и богатства церкви и городовъ, средствами для облегченія своихъ затрудненій, или при посредствѣ прямого обложенія или при посредствѣ сдѣлокъ съ иностранными финансистами. Эдуардъ настаивалъ, что онъ «воленъ покупать и продавать также, какъ и всякій другой», когда Общины протестовали противъ незаконнаго захвата имъ складочныхъ товаровъ путемъ purveyance или преимущественной покупки; съ этого времени корона часто прибѣгала къ отдачѣ на откупъ доходовъ, собираемыхъ съ портовъ, компаніямъ иностранныхъ купцовъ. Дѣйствительно, значеніе иностранной торговли стало столь значительнымъ, что ее невозможно уже было оставлять подъ руководствомъ гильдій вольныхъ городовъ, особенно въ виду того, что феодальные доходы короны не позволяли больше королю «жить на свои средства» и контроль надъ торговлей давалъ возможность пополнить недостачи.

Политика Эдуарда.

Эдуардъ II пожалъ роковые плоды такихъ произвольныхъ дѣйствій; борьба возобновилась и была закончена въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ слѣдующаго царствованія. Съ этихъ поръ регулированіе иностранной торговли, какъ вопросъ дипломатіи, было предоставлено королю и его совѣту, но матеріальная сторона дѣла: покровитель-

ство туземному вывозу, обложеніе иностраннаго ввоза и все, касающее того, что впослѣдствіи называлось торговымъ балансомъ, считалось предметомъ разсмотрѣнія и рѣшенія Общинъ.

Можно предположить, что политика Эдуарда имѣла въ виду обезпечить торговыя выгоды, въ которыхъ нуждались англійскіе купцы. Наиболѣе важнымъ изъ нихъ былъ вѣрный и выгодный рынокъ для англійскаго вывоза, а потомъ обезпеченіе изобильнаго и неограниченнаго ввоза необходимыхъ продуктовъ. Дѣйствительно, въ то время уже начинали признавать основнымъ принципомъ экономики стараніе дорого продать и дешево купить, но средства достиженія этой желательной цѣли не отличались цѣлесообразностью. Свободный ввозъ поощрялся, причемъ налагаемыя на чужестранцевъ условія были направлены на покровительство туземныхъ мелкихъ торговцевъ. Съ другой стороны прерогативы и дипломатія короны дѣятельно регулировали обмѣнъ въ виду безопасности морей и установленія континентальнаго рынка для англійскихъ товаровъ. Наиболѣе характернымъ актомъ политики Эдуардовъ I и III была отмѣна старой междумуниципальной системы посредствомъ государственной политики, проводимой въ трактатахъ или въ парламентскихъ статутахъ. Большіе города Англіи и континента еще продолжали имѣть сношенія для облегченія собиранія частныхъ долговъ, но они уже не могли покровительствовать національнымъ интересамъ, представителями которыхъ они были. Торговля слѣдовала уже флагу. Было устроено англійское адмиральтейство и ученіе о власти надъ морями вело къ постояннымъ столкновеніямъ между моряками на обѣихъ сторонахъ пролива. Старыя феодальныя отношенія съ Франціей были уничтожены и англійскимъ купцамъ были необходимы паспорты, выдаваемые довольно щедро канцлерствомъ въ теченіи этихъ царствованій.

Экономическое законодательство

Въ первое время регулированіе торговли короной имѣло форму случайныхъ привилегій, дававшихъ покровительство короля всѣмъ уплатившимъ деньги, чтобы получить «это расположеніе». Эта патріархальная система несомнѣнно дѣйствовала хорошо при такомъ положеніи общества, когда «миръ» абсолютнаго монарха былъ единственнымъ ручательствомъ законности и порядка; но побѣда короны надъ феодальной анархіей и возстановленіе старой конституціи въ Винчестерскомъ статутѣ, и реорганизація судебной системы дѣлали необходимостью дальнѣйшія соглашенія между короной и купцами. Хотя великая Хартія и ясно установила общее право всѣхъ купцовъ на свободу торга, лишь бы были исполнены обычныя правила, тѣмъ не менѣе было удобнѣе получить «расположеніе» короны посредствомъ взноса денегъ за хартіи привилегій или за свободный проѣздъ, и такая система продолжала существовать долго послѣ. Но главнѣйшимъ соображеніемъ являлись вопросы о государственномъ и мѣстномъ обложеніи торговли. Первоначальное обложеніе обыкновенно

имѣло форму десятины со всѣхъ товаровъ, собираемой во всѣхъ королевскихъ портахъ; но кромѣ этого нужно было считаться съ сеньоральными привилегіями, съ пошлинами, собираемыми на ярмаркахъ, рынкахъ или у воротъ городовъ и улицъ.

Главной заслугой торговаго законодательства Эдуардовъ было консолидированіе этихъ произвольныхъ, неопредѣленныхъ и разбросанныхъ пошлинъ въ одно цѣлое, въ таможенные государственные доходы. Прежде всего частныя права были, насколько возможно, пріобрѣтены короной или строго опредѣлены послѣ изслѣдованія, сохранившагося доселѣ въ такъ называемыхъ Ста Свиткахъ. Первый Вестминстерскій парламентъ былъ вынужденъ заключить «великій договоръ» съ короной, на основаніи котораго послѣдняя отказывалась отъ неопредѣленныхъ сборовъ съ туземнаго вывоза взамѣнъ опредѣленныхъ таможенныхъ пошлинъ на шерсть, шерстяныя издѣлія и кожи; эти пошлины съ тѣхъ поръ назывались «большими или древними пошлинами»; были также опредѣлены и пошлины на ввозимыя вина. До конца царствованія подобный же договоръ былъ заключенъ и съ иностранными торговцами, причемъ они получали одинаковыя права съ туземными за уплату увеличенной на 50% пошлины на шерсть и кожи, вмѣстѣ съ опредѣленнымъ тарифомъ на сукна и воскъ, съ пошлиной (Tunnage) въ два шиллинга на бочку вина и пошлиной (poundage) на всѣ другіе ввозимые или вывозимые товары. Туземные торговцы были сначала очень недовольны этой «новой или малой пошлиной», но ея успѣхъ, какъ торговой и фискальной мѣры, былъ несомнѣннымъ. Таможенные доходы.

Таможенные доходы, созданные Вестминстерскимъ статутомъ и Carta Mercatoria (*„купеческой грамотой“*) успѣшно управлялись прекрасно организованнымъ учрежденіемъ таможенныхъ чиновниковъ. Порты Англіи стали теперь впервые настоящими «королевскими воротами». Была учреждена бдительная береговая стража, мѣстные власти подвергнуты надзору; результатомъ было значительное улучшеніе гаваней, набережныхъ и улицъ. Винчестерскій статутъ такимъ же образомъ очистилъ дороги къ большимъ городамъ отъ разбойничьихъ шаекъ. Лондонскіе статуты обезпечили порядокъ на улицахъ и днемъ и ночью; постоянныя жалобы на покушенія и препятствія, ставимыя прибрежными жителями по большимъ водянымъ путямъ, сдѣлались предметомъ практическаго законодательства. По статуту о купцахъ до нѣкоторой степени обезпечивались торговые долги; была разрѣшена система регистраціи—что составляло первый шагъ въ направленіи измѣненія во всемъ строѣ феодальнаго общества, такъ какъ давало торговцу мѣсто среди поземельнаго дворянства.

Политика Эдуарда I съ еще большей энергіей преслѣдовалась въ другомъ направленіи Эдуардомъ III. Вѣроятно, что многіе изъ его подданныхъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относились къ его планамъ, Иностранная торговля.

но хотя его политика была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ политикой доктринера, не можетъ быть спора относительно искренности его намѣреній или относительно тѣхъ улучшеній, которыя онъ сдѣлалъ. Эдуардъ III подобно своему дѣду покровительствовалъ росту внѣшней торговли и многія облегченія, сдѣланныя имъ въ виду такой цѣли, составляютъ главный характерный признакъ его торговой политики. Гасконскимъ купцамъ, ввозившимъ вино, и другимъ отраслямъ торговли были дарованы или подтверждены граматы. Статутъ о складахъ покровительствовалъ иностранцамъ, въ ихъ пользу была установлена статутомъ такса на проѣздъ между Дувромъ и Кале. Несмотря на такое покровительство короны иностранные купцы страдали отъ такихъ же мѣстныхъ ограниченій, какъ и раньше; въ особенности Общины Англіи негодовали на ихъ проживаніе въ странѣ больше установленныхъ изстари сорока дней. Притокъ иностранныхъ товаровъ вмѣстѣ съ успѣхомъ французской войны имѣлъ тенденцію деморализировать средніе классы, и до конца царствованія стали необходимыми строгіе законы противъ роскоши, вѣроятно имѣвшіе цѣлью покровительство туземной промышленности. Другой опытъ короля былъ принятъ болѣе благосклонно—именно поселеніе въ Англіи фламандскихъ ткачей подъ особымъ покровительствомъ и защитой короны; но самымъ важнымъ изъ его торговыхъ проектовъ былъ планъ, давно приготовлявшійся и окончательно выработанный въ 1353 году, на основаніи котораго склады англійскаго ввоза были поставлены подъ прямой контроль короны.

Склады.

Со времени опредѣленія въ царствованіе Эдуарда I таможеннаго дохода значеніе вывозной торговли, идущей теперь чрезъ одинъ главный каналъ, въ качествѣ важнаго средства дохода сдѣлалось вполнѣ очевиднымъ для всякаго разумнаго государя. Ассигнованіе 1275 года было, конечно, недостаточно для удовлетворенія потребностей короны въ военное время и такъ какъ притязанія короля на налогъ на щиты, на пособіе и другіе феодальные сборы, были почти безнадежными, то искушеніе, представляемое манипуляціями надъ «высочайшимъ сокровищемъ королевства», въ формѣ мѣшковъ съ шерстью или бунтовъ кожъ, было черезъ чуръ сильнымъ даже для благонамѣреннаго государя. Къ концу царствованія Эдуарда I съ мѣшка шерсти взимался налогъ въ сорокъ шиллинговъ; этимъ былъ вызванъ конституціонный кризисъ, закончившійся подтвержденіемъ хартій въ 1297 году, ясно опредѣлявшимъ, что въ случаѣ необходимости корона должна обращаться къ парламенту за чрезвычайнымъ ассигнованіемъ. Чрезъ сорокъ лѣтъ появилась эта необходимость во время войны съ Франціей и съ этихъ поръ вотированіе парламентомъ субсидіи отъ шерсти сдѣлалось главной основой ежегоднаго бюджета. Этотъ источникъ дохода, въ формѣ таможенной пошлины или субсидіи, былъ обезпеченіемъ финансовыхъ операцій Эдуардомъ съ фламандскими или лом-

бардскими капиталистами, и въ виду развитія его склады оптовой торговли обратили на себя вниманіе короны.

Несомнѣнно, что если оптовые торговцы и не были признаны какъ общество въ тринадцатомъ вѣкѣ, они уже составляли компактную группу купцовъ съ отдѣльными цѣлями и интересами. Сначала однако они вывозили шерсть и другіе складочные товары на большія ярмарки всѣхъ фламандскихъ городовъ. Для покровительства туземныхъ интересовъ было признано желательнымъ въ царствованіе Эдуарда II. чтобы для продажи англійскаго вывоза былъ назначенъ постоянный складъ въ одномъ мѣстѣ. Монополія, предоставленная одному городу, сначала Брюгге, оказалась скоро невыносимой и въ 1353 году складъ былъ перенесенъ въ Англію, вѣроятно въ виду того соображенія, что свободная конкурренція иностранныхъ купцовъ, посѣщавшихъ англійскіе рынки, будетъ возвышать цѣну на шерсть и такимъ образомъ уменьшитъ тяжесть обложенія въ формѣ пошлинъ и субсидій, надавшихъ на производителя. Въ тоже время увеличится и процвѣтаніе англійскихъ городовъ, гдѣ будутъ склады, а большое количество ввозимыхъ иностранныхъ товаровъ понизитъ цѣны на нихъ, такъ что торговый балансъ будетъ благопріятнымъ для страны.

Десять складочныхъ городовъ.

Знаменитымъ указомъ о Складахъ десять англійскихъ городовъ были назначены для исключительной продажи шерсти. Они находились всѣ недалеко отъ берега, отъ Ньюкастля на сѣверѣ до Бристоля на западѣ, съ отдѣльными складами для Валиса и Ирландіи. Каждый изъ этихъ городовъ былъ соединенъ съ удобнымъ портомъ и въ каждомъ былъ учрежденъ особый торговый судъ съ мэромъ, чиновниками и ассесорами. Здѣсь взвѣшивалась и провѣрялась шерсть и улаживались всѣ споры: послѣ чего ее отвозили въ портъ и послѣ свидѣтельствованія королевскими чиновниками взимались пошлины и субсидія. Ни одинъ подданный не могъ подъ страхомъ потери жизни или членовъ вывозить шерсть; всякія поощренія оказывались чужестранцамъ, посѣщать англійскіе рынки. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этой важной мѣры было сильное развитіе оптовой торговли; иностранцы вывозили шерсти гораздо больше, чѣмъ раньше. Тѣмъ не менѣе официальныя ограниченія, налагаемыя статутомъ, были очень неудобны и старая зависть къ иностраннымъ купцамъ, соединенная съ увеличеніемъ контрабанды, повела къ компромиссу, въ силу котораго на слѣдующіе пять лѣтъ складочнымъ мѣстомъ была назначена новая англійская колонія, Кале.

Регулированіе торговли.

Раньше регулированіе внутренней торговли было предметомъ особой заботливости мѣстныхъ властей. Повсемѣстно соблюдались ассизы о хлѣбѣ и элѣ, избраніе мѣстныхъ инспекторовъ и преслѣдованіе нарушителей ассизовъ составляли обычное явленіе въ отчетахъ имѣній и городовъ. Такой надзоръ мѣстныхъ властей надъ качествомъ и количествомъ товаровъ, продаваемыхъ въ городахъ и деревняхъ, оче-

видно былъ въ интересахъ всего общества, и характерно для новаго государственнаго законодательства то обстоятельство, что почти такія же мѣры были приняты короной для благосостоянія подданныхъ. Королевскіе чиновники были назначены для вымѣриванія вина и сукна и были изданы строжайшіе указы противъ перекупщиковъ или закуповъ оптомъ и всѣхъ другихъ пріемовъ посредниковъ для поднятія цѣнъ. Была сдѣлана попытка регулировать цѣны и бѣдствія большаго неурожая въ 1316 году до значительной степени отягчались этими неудачными опытами. Но главной и наиболѣе законной цѣлью короны было регулированіе денежнаго обращенія.

Денежное обращеніе.

Съ тѣхъ поръ, какъ королевскіе доходы собирались деньгами, а не натурой, казначей и его канцелярія особенно заботились о поддержаніи чистоты обращающейся монеты. Англійскій стерлингъ, знаменитый во всей Европѣ за его достоинства, былъ серебренной монетой, переходящей изъ рукъ въ руки по вѣсу; большое количество обращающихся денегъ подвергалось ежегодному осмотру или «испытанію Пикса» при выслушаніи отчетовъ шерифа въ казначействѣ. Кромѣ такихъ предосторожностей строго слѣдили за дѣйствіями королевскихъ монетчиковъ и на уличенныхъ въ злоупотребленіяхъ показывали ужасный примѣръ. При случаѣ испорченную монету изымали изъ обращенія и выпускали новую; существенныя улучшенія были сдѣланы въ царствованіе Генриха III установленіемъ обмѣна и монетнаго двора, которые всегда были королевской монополіей, но только теперь впервые сдѣлались официальнымъ департаментомъ управленія. Еще большія улучшенія были произведены въ первой половинѣ 14 вѣка; сохранились сочиненія о монетномъ обращеніи, указывающія на значительную степень развитія научныхъ свѣденій. Но самымъ важнымъ фактомъ въ исторіи обращенія въ этотъ періодъ можно считать длинный рядъ указовъ королевскаго совѣта о регулированіи денежнаго обращенія, начиная съ указа 1248 года и кончая поправкой 1298, которую можно считать закончаніемъ учрежденія монетнаго двора и обмѣна [1]). Названія: фунты, шиллинги и марки были, конечно, чисто счетной фикціей; но при Эдуардѣ III была частію введена двойная единица обращенія, золотая и серебряная; представителемъ золотого обращенія были извѣстные фламандскіе «нобли», итальянскіе «флорины», и потомъ золотыя пенки или «рояль» 1248 года.

---

[1]) Въ теченіи всего этого періода мѣста въ этомъ учрежденіи были заняты иностранцами, воспоминаніе о связи ихъ съ монетнымъ дѣломъ въ Англіи сохранилось въ самомъ названіи: стерлингъ. Зажиточные золотыхъ дѣлъ мастера Лондона, помимо того, что они не были искусны, несомнѣнно просто не желали конкурировать съ иностранными откупщиками въ виду незначительныхъ цѣнъ, предлагаемыхъ ими; часто приходилось прибѣгать къ захвату силой туземныхъ рабочихъ, что и составляло одну изъ извѣстныхъ привилегій монетнаго двора.

Съ средины двѣнадцатаго вѣка начало чувствоваться новое неудобство отъ обращенія низкопробной иностранной монеты, вытѣснявшей хорошую. Очень рано такія монеты, какъ «безанты», привозились въ Англію иностранными купцами, а теперь страна была наводнена ввозимыми ими низкопробными монетами. Для исправленія этого неудобства были изданы статуты, воспрещавшіе употребленіе иностранной монеты, и у иностранныхъ торговцевъ требовали привоза извѣстнаго количества золота въ слиткахъ для уплаты за закупаемые ими товары, а вывозъ золота изъ Англіи останавливался, насколько возможно. Въ концѣ концевъ въ 1351 году была выпущена совершенно новая золотая и серебряная монета.

Промышленность.

Прогрессъ, сдѣланный классомъ ремесленниковъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ національнаго могущества и процвѣтанія во время французскихъ войнъ и несомнѣнно, что этотъ прогрессъ до значительной степени обусловливался покровительствомъ короны и просвѣщеннымъ законодательствомъ парламента. Насажденіе новыхъ отраслей промышленности въ царствованіе Эдуарда III не было внезапнымъ опытомъ, а только продолженіемъ прежней удачной политики. Естественно, что нѣсколько завидывали защитѣ, оказываемой короной фламандскимъ ткачамъ,—такое чувство существовало и раньше и въ позднѣйшее время—но всѣ соглашались, что это выгодно для страны, да и сами англійскіе ткачи находились въ высшей степени благопріятномъ положеніи.

Кромѣ колоній фламандскихъ ремесленниковъ въ западныхъ и восточныхъ графствахъ, въ Англіи развились и другіе промыслы, вродѣ суконщиковъ и законы этого времени противъ роскоши, вѣроятно, были направлены на поощреніе туземныхъ промысловъ. Изъ туземныхъ промысловъ цехъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ былъ совершенно реорганизованъ къ концу царствованія Эдуарда I и по распоряженію короля на всю серебряную посуду накладывалась извѣстная торговая марка кампаніи. Другіе промыслы, однако, продолжали регулироваться распоряженіями ихъ избранныхъ властей, хотя всѣ пользовались выгодами дипломатической и законодательной дѣятельности того времени.

Гильдіи. Купеческая гильдія.

Города Англіи въ четырнадцатомъ вѣкѣ переживали періодъ перехода отъ общаго самоуправленія къ его спеціальной формѣ, къ самоуправленію для торгово-промышленныхъ цѣлей; постепенно всѣ сколько-нибудь значительные города пріобрѣли привилегіи, существенно необходимыя для свободы торговли: изъятіе отъ откупа шерифа, отъ мѣстныхъ пошлинъ и отъ суда внѣ города, право избранія своихъ собственныхъ исполнительныхъ властей давало имъ и политическую независимость, которую они могли утратить только въ силу несчастія или по своей винѣ. До конца тринадцатаго вѣка всѣ торговцы были подчинены юрисдикціи центральнаго управленія, состоявшаго съ одной стороны изъ мэра и альдерменовъ, а съ другой стороны

изъ купеческой гильдіи. Первые вмѣстѣ съ судомъ общиннаго совѣта имѣли общій контроль надъ всей муниципальной торговлей и ихъ функціи были по существу юридическими и оффиціальными. Гильдія была демократической корпораціей, дѣйствовавшей параллельно съ общиннымъ совѣтомъ, но съ единственной цѣлью регулированія внѣшней и внутренней торговли своихъ членовъ. Она состояла изъ двухъ классовъ: торговцевъ и ремесленниковъ, пользовавшихся равными правами, причемъ принадлежность къ гильдіи давала право голоса, привилегію города и легальное положеніе гражданина. Вѣроятно, что ремесленники, организованные уже съ двѣнадцатаго вѣка, въ большинствѣ городовъ составляли большинство членовъ гильдіи; многіе иностранцы и торговцы, жившіе далеко отъ города, были, такъ сказать, ея почетными членами. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ купеческая гильдія утратила свою жизненность и перестала удовлетворять быстрому развитію промышленности и практическій надзоръ за промыслами попалъ въ руки ремесленныхъ гильдій, цеховъ. Такимъ образомъ въ дѣлѣ регулированія торговли и промысловъ въ интересахъ всей общины дѣйствовали четыре отдѣльныя силы: корона посредствомъ законодательной и исполнительной власти, муниципальный совѣтъ въ силу привилегій и вольностей, признанныхъ короной, купеческая гильдія, представительница торговыхъ обычаевъ и сохранившаяся какъ агрегатъ ремесленныхъ гильдій и, наконецъ, отдѣльные цехи, которые регулировали промыслы на основаніи новыхъ научныхъ принциповъ.

Цехи. Типическая ремесленная гильдія или цехъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ состояла изъ трехъ разрядовъ ремесленниковъ: мастеровъ, поденщиковъ и подмастерьевъ; несмотря на нѣкоторое неравенство, интересы всѣхъ этихъ трехъ разрядовъ были тождественными. Внутренній строй цеха, вѣроятно, не особенно сильно отличался отъ строя прежняго времени, но значительный притокъ рабочихъ въ города сдѣлалъ особенно рѣзкимъ различіе между капиталомъ и трудомъ, хотя и оставалось правиломъ, что каждый цехъ долженъ доставить занятіе всѣмъ его членамъ. Другая особенность каждаго цеха состояла въ его изолированности отъ другихъ. Такъ, напр., мастеровой, дѣлавшій луки, не могъ дѣлать стрѣлъ для нихъ; канатчикъ не могъ заштопывать башмаки, а починщикъ шить новые. Четыре отдѣльные цеха занимались производствомъ сѣделъ и уздечекъ; столяръ (joiner), дѣлалъ деревянную часть, которая разрисовывалась красильщикомъ (painter), сѣдельщикъ обивалъ его кожей, а жестяникъ (lorimer) отдѣлывалъ металлическими украшеніями. Каждый цехъ имѣлъ обыкновенно свой собственный цеховой судъ и выбранныхъ властей; они и рѣшали во всѣхъ случаяхъ споровъ и дисциплины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ цеховые даже могли требовать, чтобы ихъ судилъ ихъ собственный судъ, а не муниципальныя власти.

Обязанности цеховыхъ властей не ограничивались выслушиваніемъ дѣлъ, подлежащихъ суду; онѣ дѣятельно занимались надзоромъ за работой и отношеніями цеховыхъ для того, чтобы предупредить обманы и преступленія, вродѣ употребленія фальшивыхъ вѣсовъ и мѣръ. Такимъ образомъ обезпечивалось высшее достоинство ремесленныхъ произведеній; всякая «фальшивая работа», фальшивыя вѣсы и мѣры и всякія другія мошенничества неизбѣжно открывались этими опытными надзирателями и преступниковъ сурово наказывали. Значеніе такихъ предосторожностей въ такое время, когда искусство занимало мѣсто капитала, было очевиднымъ и съ другой стороны само правительство подавало примѣръ, постоянно настаивая на добросовѣстности въ дѣлѣ промысловъ.

Развитіе цеховъ.

Цехи, перечисленные въ свиткахъ казначейства двѣнадцатаго вѣка, не достигали числа даже пятидесяти наиболѣе важныхъ мистерій въ одномъ только Лондонѣ въ концѣ четырнадцатаго вѣка. Названія этихъ цеховъ достаточны для доказательства высокой степени цивилизаціи и даже роскоши, достигнутой Англіей до средины этого столѣтія. Мануфактуры для общаго употребленіа уже не были исключительно привозными, англійскіе ремесленники могли уже конкуррировать съ иностранными, хотя болѣе тонкія ремесла не развились до поселенія въ Англіи протестантскихъ эмигрантовъ въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Слѣдуетъ, однако, вспомнить, что промыслы не поддерживались, какъ, теперь, потребителями всѣхъ классовъ общества, а главнымъ образомъ дворомъ, дворянствомъ и богатыми горожанами и что деревенскіе округа мало участвовали въ городской роскоши.

Иностранцы.

Рядомъ съ такими подробными регулированіями промысловъ были приняты и другія правила для ограниченія дѣятельности иностранныхъ купцовъ ввозомъ необходимыхъ товаровъ и вывозомъ пзлишнихъ продуктовъ. Они никоимъ образомъ не должны были заниматься внутренней торговлей, продавая по мелочамъ или занимая какое-нибудь довѣренное положеніе. Такимъ образомъ ни одинъ чужестранецъ не могъ быть содержателемъ гостиницы; негодованіе противъ чужестранныхъ откупщиковъ короны было очень сильно при Эдуардѣ II. Кромѣ того продолжительность ихъ пребыванія въ странѣ ограничивалась сорока днями; въ это время они должны были уплатить «справедливыя» пошлины (на шерсть на 50% выше туземцевъ) при въѣздѣ въ городъ, при пребываніи тамъ, при отъѣздѣ въ разныя части Англіи, и при отъѣздѣ домой. Кромѣ того они были обязаны продать *всѣ* свои товары въ назначенные сорокъ дней для того, чтобы они не могли повысить цѣны. Предполагалось, что они будутъ щедро платить за все во время своего пребыванія въ странѣ и для достиженія такой благой цѣли для нихъ обыкновенно назначался особый хозяинъ гостиницы. Были приняты предосторожности противъ

сдѣлки, т. е. тайнаго соглашенія, при которомъ иностранцы вели торговлю чрезъ посредство туземцевъ. Но подобная политика, конечно, не могла проводиться послѣдовательно во всей ея суровости; не смотря на зависть и недовѣріе заинтересованнаго класса подданныхъ, корона дѣлала многія уступки. Самая важная изъ такихъ уступокъ была сдѣлана въ пользу купцовъ Аквитаніи и оптовыхъ торговцевъ Кале, какъ представителей колоніальныхъ интересовъ Англіи: даже ганзеатическіе купцы не пользовались уже такимъ расположеніемъ и привилегіями, какъ раньше. Ростъ національнаго богатства начиналъ отождествляться съ ростомъ національнаго могущества и благопріятствуемые нѣмецкіе торговцы въ тринадцатомъ вѣкѣ раздѣлили судьбу голландцевъ въ шестнадцатомъ.

Экономическія доктрины. Отношеніе къ ростовщичеству.

Въ концѣ тринадцатаго и началѣ четырнадцатаго вѣковъ былъ достигнутъ зенитъ средневѣковаго процвѣтанія; небезъинтересно разсмотрѣть сущность экономическихъ ученій, при посредствѣ которыхъ были достигнуты такіе благопріятные результаты. Подобно всѣмъ другимъ наукамъ того времени, политическая экономія представляла странную смѣсь проницательности и суевѣрій; но одинъ фактъ выдѣляется съ полной очевидностью—это мастерская политика, посредствомъ которой на счетъ всѣхъ иныхъ интересовъ преслѣдовались непосредственные интересы короны или личности короля и мнимые интересы націи. Мы можемъ, сколько намъ угодно, критиковать эту политику; но останется фактъ, что она въ то время и долго послѣ была успѣшной. Можетъ быть, это просто вопросъ чувства, но чувство очень сильный экономическій факторъ даже въ настоящее время. Англійскіе граждане 14 вѣка настаивали на строгомъ исключеніи иностранной конкуренціи, но они уклонялись отъ ростовщичества, какъ отъ смертнаго грѣха. Мы полагаемъ, что они слишкомъ хорошо понимали свои интересы, чтобы ошибаться въ этомъ отношеніи. Ихъ недовѣріе къ конкуренціи иностранцевъ поддерживалось инстинктомъ самосохраненія, сильно развитымъ, подобно всѣмъ другимъ инстинктамъ, въ грубомъ обществѣ; ихъ отвращеніе къ ростовщичеству тоже обусловливалось инстинктивнымъ желаніемъ обезпечить благосостояніе всѣхъ безъ различія. Въ ихъ экономическихъ теоріяхъ не было мѣста капиталистамъ и финансистамъ. Такова по крайней мѣрѣ была признанная цѣль свѣтскихъ и духовныхъ правителей, желавшихъ слѣдовать традиціонной политикѣ великихъ англійскихъ королей и отношенія недостойныхъ или нуждающихся государей съ еврейскими закладчиками и фламандскими или ломбардскими откупщиками таможенныхъ сборовъ увеличивали страстные предразсудки ихъ подданныхъ.

Вся исторія торговли и значительная часть конституціонной исторіи среднихъ вѣковъ нераздѣльно связана съ этой великой задачей, которую можно истолковывать весьма различно. Во всякомъ случаѣ

бесѣдовать объ этомъ не стоитъ и мы можемъ обратиться къ изложенію болѣе интересныхъ вопросовъ.

Занятія искусствомъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ оно имѣло мѣсто: въ архитектурѣ, металлическихъ работахъ, въ вышиваньи, считались почетнымъ и успѣшнымъ. Во всѣхъ отрасляхъ англійской промышленности не замѣчалось застоя и обвиненія иностранцевъ противъ англійскихъ торговцевъ могутъ считаться слѣдствіемъ профессіональной зависти или дипломатическимъ пріемомъ для полученія какой нибудь торговой выгоды. Заботы о хорошей чеканкѣ монеты, удивительная точность и эластичность фискальной политики, бдительная полиція, улучшенные методы передвиженія и щедрыя затраты на общественныя работы—все это свидѣтельствуетъ о высокихъ задачахъ тогдашней торговой политики. Вліяніе экономической доктрины на продукты и производителей

Но наиболѣе здоровымъ симптомомъ національной жизни,—хотя въ настоящее время его не всегда считаютъ таковымъ—было желаніе улучшить среду несовершенной цивилизаціи, что свидѣтельствуется все увеличивающейся склонностью среднихъ классовъ къ образованію и къ украшеніямъ, къ костюму и ко всякому комфорту, помогающему дѣлать жизнь людей болѣе разумной и изящной. Даже періодъ разоренія, вызваннаго безумной войной съ Франціей, еще болѣе омраченный чумой и политическими и общественными волненіями, давалъ поученіе и имѣлъ свои выгодныя стороны. Но жатва прогресса была собрана по истеченіи ста лѣтъ послѣ окончанія излагаемаго нами теперь, періода, когда идея «національной экономіи» начала впервые управлять торговой политикой государственныхъ людей и законодателей.

Общественное здравіе.

Крейтона.

Слабое во всѣхъ отношеніяхъ правленіе Эдуарда II замѣчательно великимъ голодомъ 1315—16 года; цѣны хлѣба были высоки въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдствіе шотландскихъ войнъ налоги были страшно тяжелыми; въ 1314 году англичане потерпѣли пораженіе при Баннокбурнѣ. Когда король находился въ 1315 году въ аббатствѣ С. Альбансъ, съ трудомъ добыли хлѣба для него и его двора. Жатва этого года была испорчена дождями, зима была временемъ нищеты и болѣзней; свирѣпствовали лихорадки, дизинтеріи, и «горловая чума». На дорогахъ находили мертвые тѣла крестьянъ, мертвыхъ въ городахъ погребали во рвахъ во всякое время дня, тюрьмы были переполнены, народъ ѣлъ лошадиное и собачье мясо и, какъ разсказы-

вали, даже дѣтей; голодные преступники въ тюрьмахъ нападали на вновь поступившихъ и разрывали ихъ на куски. Любопытный признакъ понятій того времени состоитъ въ томъ, что было воспрещено превращать зерно въ солодъ. По показанію лѣтописцевъ страна оправилась не раньше 1319 года; но благосостояніе было не прочнымъ; въ 1322 году король потерялъ въ Шотландіи многихъ людей отъ голода и болѣзней; въ Лондонѣ въ этомъ году была такая нужда, что 55 человѣкъ дѣтей и взрослыхъ было задавлено на смерть при раздачѣ хлѣба въ монастырѣ Блакфріаровъ. Раздача производилась по случаю похоронъ одного богача. Народъ страдалъ, а высшіе классы жили въ роскоши, и въ особенности монахи, экипажи и дома которыхъ были въ то время болѣе блестящими, чѣмъ когда либо.

Общественная жизнь.

Евреи. Въ царствованіе Эдуарда I евреи обращали на себя особое вниманіе короля и законодательства, отнюдь не къ ихъ выгодѣ. Въ 1275 г. къ 6 октября былъ созванъ въ Вестминстеръ парламентъ и издалъ статуты для ограниченія чрезмѣрнаго ростовщичества евреевъ; было предписано, что они на верхнемъ платьѣ носили знакъ въ формѣ двухъ таблицъ Моисеева закона. Вѣроятно, въ то время за ними сильно слѣдили, такъ какъ Голиншедъ (слѣдуя Николаю Триве) разсказываетъ:

Въ этомъ году (1278) въ Лондонѣ разыскивали тѣхъ, которые обрѣзываютъ и поддѣлываютъ королевскую монету, причемъ были преданы суду евреи изъ Сити и другіе золотыхъ дѣлъ мастера, мѣнялыцики серебра; потомъ были осуждены и въ разныхъ мѣстахъ казнены двѣсти пятьдесятъ семь человѣкъ. Изъ нихъ было только три англичанина, и остальные всѣ евреи».

Въ 1279 году онъ пишетъ:

«Въ этомъ году король предписалъ исправленіе монеты, которая въ то время обрѣзывалась и поддѣлывалась этими негодными людьми-евреями и другими, какъ вы уже слышали. Потому король въ недѣлю Троицы послалъ приказъ всѣмъ шерифамъ страны, что такая обрѣзанная и поддѣльная монета съ этихъ поръ не должна имѣть обращенія и далѣе онъ послалъ изъ своей казны хорошія деньги, не обрѣзанныя, въ разные города и Сити королевства, чтобы произвести обмѣнъ, пока не будетъ отчеканена новая монета. Около 3 августа былъ произведенъ первый обмѣнъ на новую монету, на пенсы и фартинги; но старая монета ходила весь этотъ годъ вмѣстѣ съ новой,

а потомъ старая монета была совершенно воспрещена и публично былъ объявленъ приказъ, что обращеніе ея воспрещается».

Объ этой чеканкѣ Робертъ Маннингъ Брунне писалъ:

„Эдуардъ отчеканилъ круглое пенни, полъ пенни и фартингъ;
Чрезъ весь кружекъ проходитъ крестъ;
На королевской сторонѣ его голова и его имя,
На сторонѣ крестовой написано въ какомъ городѣ монета отчеканена.
Для бѣдняковъ, да для священниковъ пенни ничего не значитъ;
Люди даютъ Богу мало, они угощаютъ его фартингомъ.
Тысяча двѣсти сорокъ лѣтъ и болѣе
Люди удивлялись этой монетѣ, когда она впервые появилась“!

Эти «негодные люди евреи» не ограничивались въ своихъ злодѣяніяхъ поддѣлкой королевской монеты. Стоу разсказываетъ (1278), что въ Нортгамптонѣ на Страстную пятницу евреи распяли христіанскаго мальчика, но совсѣмъ не убили его; за это въ Лондонѣ многіе евреи послѣ Пасхи были привязаны къ лошадинымъ хвостамъ и повѣшены».

2 мая 1286 года во всей Англіи происходило организованное избіеніе евреевъ; за ними охотились, какъ за дикими звѣрями, пока король, которому были нужны деньги для похода во Францію, не обложилъ ихъ пеней. «Разсказываетъ, что Общины Англіи вотировали королю пятую часть движимаго имущества, чтобы онъ изгналъ евреевъ изъ страны; но евреи, чтобы отвратить англичанъ отъ этого намѣренія, дали королю большую сумму денегъ, потому и остались нѣкоторое время». Но это время скоро прошло, общественное мнѣніе было слишкомъ раздражено противъ нихъ; король не могъ или не хотѣлъ дольше защищать ихъ и Вестминстерскій парламентъ 1290 года провелъ актъ изгнанія несчастныхъ евреевъ, причемъ ихъ недвижимое имущество конфисковалось вмѣстѣ съ долгами и обязательствами, но имъ позволено было взять движимость и деньги. Матью Вестминстерскій разсказываетъ, что было изгнано 16,160 человѣкъ.

Голиншедъ (питируя Хронику Дунстапля) разсказываетъ слѣдующую мрачную исторію объ этомъ изгнаніи.

«Болѣе богатые изъ нихъ сѣли съ своими сокровищами на нанятый ими корабль, когда онъ стоялъ подъ парусами и направлялся внизъ по Темзѣ къ устью, выше Квинборо; капитанъ корабля подумалъ и приказалъ своимъ матросамъ бросить якорь и тамъ стоялъ, пока корабль при отливѣ остался на пескѣ. Тогда капитанъ уговорилъ евреевъ выдти съ нимъ на берегъ прогуляться; потомъ, когда увидалъ, что начинается приливъ, онъ отправился на корабль, куда его и втащили на веревкѣ. Евреи не торопились, потому что считали себя внѣ опасности Когда они увидали, какъ стоитъ дѣло, то начали взывать къ нему о помощи, а онъ отвѣтилъ имъ, чтобы они обратились къ Моисею, который провелъ ихъ отцовъ чрезъ Чермное море; если они обратятся за помощью къ нему, такъ онъ можетъ спасти

ихъ отъ волнъ, заливавшихъ ихъ. Они продолжали кричать, но помощи не было и вода поглотила ихъ. Капитанъ вернулся съ кораблемъ и разсказалъ королю, какъ устроилъ дѣльце и получилъ благодарность и награду, какъ пишутъ нѣкоторые. Но другіе утверждаютъ (и повидимому это вѣрнѣе), что многіе изъ моряковъ, такъ зло относившихся къ евреямъ, были повѣшены за ихъ злодѣянія и получили должное вознагражденіе за ихъ коварство и злобу».

Голодъ. Страшный голодъ неоднократно посѣщалъ страну и за нимъ слѣдовала его спутница, болѣзнь, особенно въ 1216—17 году, когда смертность была такъ велика, что живые не успѣвали хоронить мертвыхъ, «такъ что отъ шотландскихъ войнъ, и отъ этой смертности народъ былъ страшно истомленъ. О, печальное обезлюденіе»!

Неурожаи начались въ 1289 году и продолжались съ большей или меньшей силой почти сорокъ лѣтъ; пшеница поднялась въ цѣнѣ отъ 3 д. до 10 шил. за бушель. Въ 1294 году четверть пшеницы стоила 30 шил.; въ 1296 году новый неурожай, на этотъ разъ главнымъ образомъ вина, «такъ что трудно было достать его для причастья». Но самый ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ 1315—16 году, когда «животныя и скотина отъ испорченной травы, которую они ѣли, подыхали; питаніе мясомъ стало опаснымъ для людей, такъ какъ трудно было найти неиспорченнаго мяса. Конина считалась большимъ лакомствомъ; бѣдняки воровали и ѣли жирныхъ собакъ; нѣкоторые, какъ разсказываютъ, были вынуждены голодомъ въ скрытныхъ мѣстахъ ѣсть мясо собственныхъ дѣтей, и нѣкоторые воровали и пожирали другихъ. Воры въ тюрьмахъ разрывали на куски вновь приводимыхъ и съ жадностью пожирали ихъ полуживыми».

Король Эдуардъ II разослалъ приказы, чтобы пшеницу не превращали въ солодъ для эля и это облегчило бѣдствіе.

Часто свирѣпствовалъ и моръ скота. Падежъ, кажется, начался въ 1275 году, когда «богатый французъ привезъ въ Нортумберландъ испанскую овцу, величиной въ двугодовалаго теленка, и эта овца была заражена и заразила страну, такъ что зараза распространилась по всему королевству». «Падежъ продолжался двадцать восемь лѣтъ; это было въ первый разъ, что парши на овцахъ появились въ Англіи». Въ 1318—19 году былъ снова падежъ скота; собаки и коршуны, питавшіеся трупами павшихъ животныхъ, отравлялись и околѣвали; люди не рѣшались ѣсть мяса. Въ 1325 году была засуха; скотъ и дикіе звѣри околѣвали отъ недостатка воды.

Цѣны продуктовъ. Бывали иногда и благопріятные годы, когда провизія была недорога; нижеслѣдующія цифры надо помножить по крайней мѣрѣ на двадцать, чтобы привести ихъ къ цѣнѣ теперешнихъ денегъ. Установленныя закономъ 1299 года цѣны на птицу были слѣдующія: жирный пѣтухъ $1\frac{1}{2}$ д., жирный каплунъ $2\frac{1}{2}$ д., двѣ курицы $1\frac{1}{2}$ д., гусь 4 д., дикая утка $1\frac{1}{2}$ д., куропатка $1\frac{1}{2}$ д., фазанъ 4 д., цапля 6 д.,

куликъ 1 д., лебедь 3 шил., журавль 1 шил., два лѣсные куличка $1^1/_2$ д., жирный ягненокъ отъ Рождества до масляницы 1 шил. 4 д., а въ остальное время года 4 д. (Стоу).

Въ 1314 году провизія стала дороже и вопросъ обсуждался въ началѣ года въ Вестминстерскомъ парламентѣ, гдѣ собравшіеся прелаты, перы и общины разсматривали печальное положеніе королевства и соображали, какъ понизить чрезмѣрныя цѣны на жизненные продукты, которыхъ благодаря послѣднимъ худымъ годамъ, стало такъ мало, что простому народу стало трудно жить. Архіепископы, епископы, графы, бароны и пр. представили королю и его совѣту петицію, чтобы была издана прокламація, опредѣлявшая такія цѣны на провизію:

«Такъ какъ говорятъ, что быки, коровы, бараны, свиньи, гуся, курицы, каплуны, цыплята, голуби и яйца чрезмѣрно дороги, что лучшій быкъ, не откормленный хлѣбомъ, долженъ продаваться не дороже 16 шил., а кормленный хлѣбомъ не дороже 24 шил., лучшая живая корова—12 шил.; жирная двухлѣтняя свинья 3 шил. 4 д., жирный нестриженный баранъ 20 д., а стриженный 14 д., жирный гусь—$2^1/_2$ д., жирный каплунъ 2 д., жирная курица 1 д., два цыпленка 1 д., четыре голубя 1 д., двадцать четыре яйца 1 д. А тѣ, кто не желаетъ продавать за такую цѣнь, теряютъ эти вещи въ пользу короля». (Стоу).

Въ каждомъ графствѣ была опубликована эта прокламація; но законъ спроса и предложенія былъ неумолимъ и обойти его было невозможно.

Изъ «Видѣнія Вильяма относительно Петра Пахаря» въ царствованіе Эдуарда III мы узнаемъ о пищевомъ режимѣ мелкаго фермера того времени.

„Денегъ у меня нѣтъ, сказалъ Петръ, чтобы покупать курицъ,
Гусей и свинину, а есть только два зеленые сыра,
Да немного творогу и сливокъ и прѣсная лепешка,
Да хлѣбъ изъ бобовъ и отрубей[1]) испеченный для моихъ дѣтей.
Нѣтъ у меня, клянусь Христомъ, и птицы, чтобы ее на кусочки рѣзать,
Нѣтъ, клянусь душой, и соленой свинины.
Но у меня есть порей и петрушка и разные овощи,
Да корова и теленокъ и возовая кляча,
Чтобы возить въ поле навозъ въ сухое время.
Съ этимъ провіантомъ я долженъ прожить до перваго Спаса;
А тогда я надѣюсь собрать жатву,
И тогда могу приготовить тебѣ обѣдъ, какъ тебѣ угодно.
Всѣ бѣдняки собираютъ тогда зеленый горохъ,
И носятъ за пазухой печеные бобы,
Мелкій лукъ, кервиль и разныя ягоды,
И даютъ Петру, чтобы усыпить голодъ“.

---

[1]) Онъ назывался „лошадинымъ хлѣбомъ“; въ другомъ мѣстѣ говорится: „лошадинымъ хлѣбомъ и собачьимъ хлѣбомъ они поддерживаютъ свое существованіе“.

Городскія власти Лондона усердно наблюдали за питаніемъ народа, и это было необходимо, такъ какъ въ старыхъ городскихъ книгахъ много указаній на мошенничества, въ особенности пекарей. Маловѣсный хлѣбъ былъ обычнымъ явленіемъ; если проступки пекаря заносились въ книгу, его наказывали выставкой къ позорному столбу; 3 мая 1316 года между прочимъ былъ наказанъ пекарь Аланъ Линдесей; было доказано, что онъ пекъ воскресный хлѣбъ [1]) внутри сырой, а «такъ какъ это есть обманъ покупающихъ такой хлѣбъ, то онъ и подвергся наказанію».

Сесчастные случаи и проступки.

Въ этихъ старыхъ городскихъ книгахъ разсказывается о многихъ несчастныхъ случаяхъ и о проступкахъ, которые иначе остались бы намъ неизвѣстными, и о принимаемыхъ по этому поводу мѣрахъ. Вотъ, напр., случай изъ свитка коронера Сити при Эдуардѣ I, когда преступникъ искалъ убѣжища въ храмѣ.

«Въ понедѣльникъ послѣ Вознесенья въ этомъ году (1276) сказаннымъ камергеру и шерифамъ сообщили, что нѣкто Жервасъ ле Норей лежитъ мертвый на дорогѣ въ приходѣ церкви Беркингъ, въ участкѣ Вяльяма Гадестока. Сказанные камергеръ и шерифы отправились туда и при добрыхъ и законныхъ людяхъ было произведено слѣдствіе, какъ это случилось.

«И они сказали, что въ воскресенье въ часъ вечерни начался споръ между сказаннымъ Жервасомъ и Вильямомъ Линдесей и сказанный Вильямъ измѣннически напалъ на Жерваса съ ножомъ, ранилъ его въ лѣвую часть спины и т. д., и отъ этой раны тотъ сейчасъ же и умеръ. Послѣ этого сказанный Вильямъ убѣжалъ въ церковь, въ капеллу св. Маріи. На вопросъ: не думаютъ ли они, что кто нибудь другой виновенъ въ причиненіи смерти, они отвѣтили, что не думаютъ. На вопросъ объ имуществѣ и вещахъ сказаннаго Вильяма они отвѣтили, что у него есть tabard (короткая мантія), открытая на бокахъ отъ плеча внизъ и доходящая немного ниже пояса цѣной въ 10 пенсовъ, сѣкира, лукъ съ стрѣлами цѣной въ два пенса, и одѣяло въ 4 пенса; кромѣ этого, насколько имъ извѣстно, у него нѣтъ вещей и имущества. Отъ четырехъ ближайшихъ сосѣдей были взяты обезпеченія [2]).

А вотъ примѣръ процедуры при несчастной случайности. Это было въ 1277 году и жертвой была Матильда, жена Генриха Коффера:

«сказанная Матильда шла изъ Вестчипа къ Госпиталю и была пьяна; она упала на мостовую противъ церкви св. Мартина и сломала правую руку; отнесенная въ домъ Генриха, ея мужа, она про-

---

[1]) Panis dominicus—Хлѣбъ Спасителя; на немъ было изображеніе Христа.

[2]) Тогда обыкновенно требовалось поручительство отъ каждаго, присутствующаго въ домѣ, гдѣ умеръ субъектъ слѣдствія, а также и отъ сосѣдей.

жила до понедѣльника первой недѣли поста и въ этотъ день умерла. Никого не подозрѣваютъ въ ея смерти. Тѣло осмотрѣно и оказалось безъ поврежденій, кромѣ упомянутой руки. Два ближайшихъ сосѣда были обязаны поручительствами, каждый по два, и сказанный Генрихъ, въ домѣ котораго она умерла, представилъ тоже два поручительства».

Тяжкихъ преступленій, напр., подлога,—кромѣ грабежа на большой дорогѣ, за которое вѣшали,—кажется, не было послѣ 1348 года, такъ какъ о такихъ случаяхъ нѣтъ свѣденій въ отчетахъ, кромѣ случаевъ нападеній. Въ 1304 году Робертъ Корведаль, клеркъ, былъ приведенъ предъ мэра и альдерменовъ, такъ какъ онъ ругалъ въ ихъ присутствіи сержанта Роберта Суттона.

«И на сей разъ мэръ и альдермены простили его. И сказанный Робертъ обязался дать 40 шил. на постройку лондонскаго моста въ случаѣ, если онъ въ другой разъ оскорбитъ сказанныхъ мэра и альдерменовъ».

Въ 1311 году въ бытность мэромъ Ричарда Рефгама были захвачены лица, вродѣ Эльмера Мультона, котораго схватили за то, что «онъ былъ уличенъ въ участкѣ Чипъ какъ ночной бродяга и за то, что днемъ онъ заманивалъ чужестранцевъ и незнакомыхъ людей въ таверны и тамъ обманывалъ ихъ фальшивыми костями. А также и за то, что въ участкѣ Тоуера онъ былъ уличенъ въ дракѣ, ночномъ бродяжествѣ и нарушеніи спокойствія, а также за то, что онъ привычный буянъ (гогеге)».

Въ то время было много такихъ *roarers* и это названіе буяновъ сохранилось до царствованія Карла II.

Все это были мелкіе полицейскіе проступки, но совершались и болѣе важныя преступленія, въ особенности ограбленіе королевской казны въ Вестминстерскомъ аббатствѣ въ 1303 году, когда были украдены деньги, посуда и драгоцѣнныя камни на 100000 ф. Несомнѣнно, что преступленіе было совершено монахами, такъ какъ часть украденнаго была спрятана въ монастырѣ, засыпана коноплей и садовникъ отказался впустить полицію. Аббатъ и 48 монаховъ были отправлены въ Тоуеръ и нѣкоторыхъ изъ нихъ держали тамъ два года. Съ тѣхъ поръ королевскую казну держали въ болѣе безопасномъ мѣстѣ.

Костюмъ.

Костюмъ рабочихъ не измѣнился или мало измѣнился, но костюмъ высшихъ классовъ былъ очень измѣнчивымъ; изображенія на памятникахъ представляютъ лучшіе образцы и гораздо достовѣрнѣе изображеній въ манускриптахъ; несомнѣнно, что личности изображались въ своихъ обыкновенныхъ одеждахъ, до мельчайшихъ подробностей.

Женщины перестали заплетать волосы въ длинныя косы, а связывали ихъ въ сѣтку, иногда изъ золотыхъ нитей; надъ прической набрасывался вуаль, иногда поддерживаемый шапочкой или корон-

кой; употреблялись покрывало или нагрудникъ (иногда непочтительно называли его полотенцемъ, towel). Если не было шапочки, то вуаль прикрѣплялся булавками. Въ изображеніи лэди Жоаны Кобгамъ въ церкви Кобгамъ въ Кентѣ (1320) она представлена съ вуалемъ, нагрудникомъ и въ простомъ тѣсно охватывающемъ платьи съ узкими рукавами, застегнутыми до кисти. Въ изображеніи лэди Алины, жены сэра Джона Крика (1325), въ церкви Вестли Ватерлессъ въ графствѣ Кембриджъ она представлена съ вуалемъ и нагрудникомъ, но платье нѣсколько похоже на саксонскую gunna; на ней полумантія, поддерживаемая на груди веревкой. Уже въ то время были въ модѣ безсмысленные длинные шлейфы; вотъ монашеская сатира на гордыхъ женщинъ:

«Слышалъ я о нѣкоей женщинѣ, бѣлое платье которой волочилось по землѣ и она поднимала за собой пыль выше алтаря и распятія. Когда она выходила изъ церкви и поднимала свой хвостъ ради грязи, одинъ святой мужъ увидалъ, что дьяволъ смѣется и заклиналъ его сказать, почему онъ смѣется; и тотъ сказалъ: мой товарищъ сидѣлъ на хвостѣ этой женщины; онъ ему служилъ повозкой; когда же женщина подняла хвостъ, мой другъ полетѣлъ въ грязь— это и есть причина моего смѣха».

Платье покрывало ноги, ноги обувались изящно.

Женскія имена.

Въ числѣ женскихъ именъ этого періода мы, какъ это ни странно, рѣдко встрѣчаемъ имя Мэри или Маріи. Обыкновенными именами были: Христина или Кристина, Іоганна или Жоанъ, Изабелла, Матильда, Алисонъ или Алиса, Люси, Петронилла, Агнеса, Идонія, Ависа, Клариція или Клариса, Эвота, Рикольда, Анабилла или Аннабель, Теофанія или Тиффани, Масанда, Финеа, Дезидерата, Массиліа, Аунчелліа и Годіева.

Костюмъ мужчинъ.

Судя по манускриптамъ того времени при первыхъ двухъ Эдуардахъ костюмъ мужчинъ состоялъ изъ доходящаго до ногъ плаща, иногда подпоясаннаго вокругъ таліи поясомъ. Носили длинные чулки, вышитые золотомъ или доходящую до колѣнъ тюнику.

Мѣха.

Мѣха употреблялись на подшивку и опушку; въ хартіи, данной pellipers или скорнякамъ Лондона въ 1327 г., мы находимъ списокъ мѣховъ; ихъ было немного: miniver, bisshes (изъ кожи лани), popelle (изъ хребта весенней бѣлки), stradlynge (мѣхъ бѣлки отъ Михайлова дня до весны), scurelle (бѣлка), beaveret (боберъ) и овчина; предписанія скорнякамъ, чтобы не поддѣлывали старые мѣха и не выдавали ихъ за новые, очень строги. Въ то время господствовалъ протекціонизмъ и парламентъ 1337 года постановилъ, чтобы «никто не носилъ платья, сдѣланнаго за моремъ или ввозимаго оттуда, кромѣ короля, королевы и ихъ дѣтей, и чтобы «никто не носилъ иностранныхъ мѣховъ и шолку, если не имѣетъ 100 ф. ежегоднаго дохода».

Въ царствованіе Эдуарда II роскошь костюма проникла и въ войска.

Голиншедъ (цитируя Какстона—1327 г.) разсказываетъ: «Въ то время англійскіе солдаты были разодѣты въ перчатки и шапочки, вышитыя цвѣтами и съ рукавами очень красивыми и привыкли отпускать бороды, такъ что шотландцы въ насмѣшку сочинили стихи и вывѣсили ихъ на церковныхъ дверяхъ св. Петра у Стангета:

„Долгобородые—безсердечные, разукрашенные шапки—безумные,
Красивыя перчатки—немилостивые—они дѣлаютъ Англію несчастной".

Вооруженіе въ этотъ періодъ составляло переходъ отъ норманской кольчуги къ латамъ; благодаря нагробнымъ изображеніямъ мы можемъ легко прослѣдить этотъ переходъ. Первое извѣстное мѣдное изображеніе англійскаго рыцаря есть изображеніе сэра Обернуна (1278) въ церкви Стокъ Абернонъ въ Сюрреѣ. Мы находимъ полную кольчугу—панцырь съ coif de mailles или шлемомъ, перчатками и сапогами, повидимому все цѣльное; но его наколѣнники (poleyns или genouillers) украшены и вѣроятно изъ твердой кожи (cuir—bouilli). Надъ кольчугой у него плащъ (bliaus или surcoat), безъ рукавовъ, въ срединѣ прикрѣпленный веревкой. Малый щитъ пришитъ на украшенномъ guige, ремнѣ, перекинутомъ чрезъ правое плечо. По правой сторонѣ копье съ небольшимъ значкомъ и длинный, прямой и широкій мечъ съ простой крестообразной ручкой виситъ на лѣвомъ боку за поясѣ, покоящемся на чреслахъ. Такимъ же образомъ вооруженъ Рожеръ Трумпингтонъ (1289), но безъ копья, вообще рѣдко встрѣчающагося на изображеніяхъ; на плечахъ у него странныя щитоподобныя украшенія, называемыя крылышками (ailettes).

Въ теченіи тридцати лѣтъ произошла перемѣна, какъ это видно по изображенію сэра Вильяма Фицральфа (1320) въ церкви Небмаршъ въ Эссексѣ. На немъ тоже кольчуга—панцырь, перчатки и сапоги и плащъ (bliaus), но крылышекъ (ailettes) нѣтъ и вмѣсто нихъ съ половины руки отъ плеча до локтя пристегнуты желѣзныя пластинки. Они назывались rerebraces или brassarts и avant-bras или vambraces. На плечахъ круглыя металическія пластинки, или roundels, называемыя эполетами; такія же, хотя и меньшія, пластинки на локтяхъ, называемыя coudieres или coutes; наколѣнники (poleyns) очевидно металическіе и jambarts или jambs защищаютъ переднюю часть ногъ; они заканчиваются sollerets, пластинками, идущими по ступнѣ.

На изображеніи сэра Джона Крика (1325) coif de mailles уже нѣтъ и его замѣняетъ цѣльный шлемъ или bascinet [1]), къ которому прикрѣпленa camail изъ колецъ, защищающая шею и плечи. Плащъ (bliaus) замѣненъ cyclas, тоже безъ рукавовъ, впереди короче, чѣмъ

1) Bascinet сначала не имѣлъ защиты для лица, но въ изображеніи (1347) сэра Гуга Гастингса въ Ельзингѣ, въ Норфолькъ имѣется подвижное забрало.

сзади и по бокамъ обшитый тесьмой. Мы впервые встрѣчаемъ шпоры колечками, тогда какъ раньше носили простыя шпоры. Cyclas скоро замѣнился jupon, похожей на него, но короче и одинаковой длины и спереди и сзади; иногда эта jupon представляла цвѣта рыцаря или на нее были нашиты его гербы. Въ это время уже начинали любить выставлять гербы. Въ псалтырѣ 14 столѣтія изображенъ верхомъ, вооруженнымъ для турнира, сэръ Жоффри Лутерель, умершій въ 1345 году. Сбруя (housings или barding) его лошади, а также и гребень на ея головѣ покрыты его гербами; его цвѣта и гербы повсюду— и на плащѣ (cyclas или jupon), на эполетахъ (ailettes), на блестящемъ шлемѣ (heaume), на копьѣ съ значкомъ (pavon), на щитѣ, даже на лукѣ его сѣдла. Его жена, подающая ему шлемъ (heaume), одѣта въ платье, на одной сторонѣ котораго вышиты его гербы, а на другой гербы ея семьи. Большія печати Эдуардовъ I и II одинаковые; на сбруѣ королевской лошади гербы Англіи, — то же и на обѣихъ печать Эдуарда III. Въ послѣдней (печать Бретиньи) на гребнѣ шлема Левъ; раньше гребня на шлемѣ не было и heaume (шлемъ) вѣнчался круглой коронкой.

Рыцарство.

Геральдія сдѣлалась наукой, наступилъ вѣкъ рыцарства, вѣкъ, который долженъ былъ сдѣлать общество совершеннымъ, если бы бы законы рыцарства могли быть осуществлены. «Рыцарь долженъ былъ считать своимъ образцомъ «совершеннаго джентельмена, добраго рыцаря Христа», который, по словамъ Петра Пахаря, сдѣлалъ рыцарями ангеловъ:

„Христосъ, Царь царей, сдѣлалъ рыцарями
Херувимовъ и серафимовъ и всѣ четыре чина,
И далъ имъ власть и могущество отъ Его Величія
И сдѣлалъ ихъ архангелами“.

Рыцарь долженъ быть вѣжливымъ и добрымъ къ людямъ всякаго состоянія; онъ не долженъ былъ говорить неправды или дѣлать что нибудь несогласное съ честью; онъ долженъ презирать всякую низость, не терпѣть, чтобы совершалась несправедливость и пытаться исправить ее, посѣщать мессу и исповѣдываться, когда возможно и, наконецъ, онъ долженъ быть «вѣрнымъ слугой дамъ» въ высшемъ и благородномъ значеніи этого слова, не дѣлать имъ зла и не терпѣть, чтобы другіе дѣлали его. Идеальный рыцарь долженъ бы былъ быть совершеннымъ человѣкомъ, отцомъ народа и исправителемъ бѣдствій.

По показанію Вильяма Сегара (Honour Military and Civil, Bk. 11) рыцарство давалось слѣдующимъ образомъ; въ какомъ нибудь соборѣ или на обширномъ мѣстѣ близъ храма воздвигалась арена, куда и приводили кандидата на рыцарство; усадивъ его на почетное мѣсто, его спрашивали здоровъ ли онъ и можетъ ли выдержать труды, тре-

буемые отъ воина, доброй ли онъ нравственности, и выставленные имъ достовѣрные свидѣтели подтверждали все это.

Потомъ епископъ или прелатъ произносилъ слѣдующую присягу:

«сэръ, вы, желающій получить орденъ рыцарства, клянитесь предъ Богомъ и этой святой книгой, что вы не будете драться противъ Его Величества, который теперь даетъ вамъ орденъ рыцарства. Клянитесь защищать и охранять всѣхъ лэди, благородныхъ дамъ, вдовъ и сиротъ и не избѣгать никакихъ опасностей въ войнѣ, которымъ можетъ подвергаться ваша особа».

Послѣ присяги два лорда подводили его къ королю; тотъ вынималъ мечь и клалъ его на голову посвящаемаго, говоря: «пусть Богъ и св. Георгъ (или какой либо иной святой) сдѣлаетъ тебя добрымъ рыцаремъ»; послѣ чего семь дамъ, одѣтыхъ въ бѣлое, опоясывали его мечемъ, а четыре рыцаря надѣвали ему шпоры.

По окончаніи этой церемоніи королева брала его за правую руку, а герцогиня за лѣвую и онѣ вели его къ богатому креслу на подмосткахъ, гдѣ и сажали его; король садился по правую сторону, а королева по лѣвую. Потомъ лорды и лэди занимали свои мѣста, на три ступеньки ниже короля; всѣхъ тогда угощали завтракомъ—этимъ и заканчивалась церемонія.

Рыцари принадлежали къ религіознымъ и военнымъ орденамъ; но въ это время религіозныхъ орденовъ уже не было; храмовники были уже уничтожены и всѣ англійскіе храмовники захвачены 7 января 1322 года.

Рыцарства можно было лишать и наказаніе это было ужаснымъ; какъ примѣръ можно взять лишеніе рыцарства графа Карлиля въ 1322 году, исторію котораго разсказываетъ Стоу:

Около праздника Очищенія Богородицы Андрей Геркелей, бывшій графъ Карлиль, подъ предлогомъ мира хотѣлъ выдать за Роберта Брюса свою сестру. Тогда король призналъ его измѣнникомъ и приказалъ его повѣренному другу Антонію Люси взять его и тотъ, заковавъ его, отправилъ прямо въ Лондонъ, гдѣ онъ и былъ судимъ предъ сэромъ Антоніемъ Люси. Онъ былъ приведенъ въ судъ графомъ въ приличномъ одѣяніи, съ мечомъ, въ перчаткахъ и сапогахъ со шпорами и пр. И сэръ Антоній сказалъ ему: «сэръ Андрей, король за твои услуги сдѣлалъ тебѣ великую честь, сдѣлавъ тебя графомъ Карлилемъ; съ этого времени ты измѣнилъ своему господину королю, повелъ его людей, чтобы помочь ему въ битвѣ при Бейгландѣ, въ сторону отъ графства Копландъ и чрезъ графство Ланкастеръ; потому чрезъ твою фальшивость и измѣну нашъ господинъ король былъ обезпокоенъ шотландцами, ибо еслибы ты пришелъ во время, онъ одержалъ бы побѣду; и эту измѣну ты совершилъ за большую сумму золота и серебра, которую ты получилъ отъ Джемса Дугласа шотландскаго, врага короля. Потому нашъ господинъ король

обращаетъ въ ничто орденъ рыцарства, отъ коего ты получилъ всю свою честь и все почтеніе и уничтожаетъ твое состояніе, дабы всѣ другіе рыцари низшихъ степеней на твоемъ примѣрѣ учились служить вѣрно».

«Потомъ онъ приказалъ отсѣчь шпоры отъ его пятокъ и сломать надъ его головой мечъ, данный ему королемъ для защиты его земли, когда сдѣлалъ его графомъ. Послѣ чего онъ велѣлъ снять съ него его подбитый мѣхомъ плащъ (tabard) и его шапку, его гербы, а также и его поясъ и когда это было сдѣлано, сэръ Антоній сказалъ ему:» Андрей, теперь ты не рыцарь, а плутъ и за твою измѣну король хочетъ, чтобы ты былъ повѣшенъ и чтобы твоя голова была отрублена отъ тѣла, внутренности вынуты и сожжены предъ тобой, а тѣло твое расчетвертовано; и твоя срубленная голова будетъ выставлена на лондонскомъ мосту, а твои части будутъ отосланы въ четыре города Англіи для примѣра и страха другимъ». И какъ сказалъ Антоній Люси, такъ и было сдѣлано въ послѣдній день октября».

Въ то время подражали сказочному рыцарству короля Артура и его рыцарямъ круглаго стола, никто изъ сидящихъ за которымъ не пользовался преимуществами и который, какъ предполагали, находился въ Винчестерѣ, Камелотѣ и Карлеонѣ; въ рифмованной «хроникѣ Джона Гардинга» (1279) говорится:

„Исполнилось тогда тысячу лѣтъ
И двѣсти и шестидесятъ и девятнадцать,
Когда сэръ Рожеръ Мортимеръ началъ
Въ Келингвортѣ держать круглый столъ
Тысячи рыцарей, для поученія
Молодымъ людямъ всякими
Турнирами и военными игрищами.
И тысяча лэди, превосходныхъ по красотѣ
Сидѣли у него также въ палаткахъ на верху,
Такъ что онѣ могли хорошо и ясно видѣть турниры,
Кои держались тамъ въ честь ихъ,
И за ихъ красу рыцари должны были
Соперничать другъ съ другомъ въ оружіи,
Дабы получить славу въ рыцарской игрѣ.
Этотъ Мортимеръ былъ тогда лордъ Мортимеръ.
И въ такихъ играхъ онъ каждый день держалъ великіе праздники
Въ теченіи цѣлыхъ сорока дней,
И часть прекрасныхъ и веселыхъ лэди
Дали ему призъ славы во всѣхъ играхъ;
И потому король для увеличенія его славы
Объявилъ его графомъ Маршъ“.

Король Эдуардъ III хотѣлъ имѣть въ Виндзорѣ свой собственный круглый столъ и началъ строить для него зданіе, которое должно было быть круглымъ и имѣть 200 футовъ въ діаметрѣ. «Къ концу этаго благороднаго дѣла король назначилъ на расходы по 100 фун.

стер. въ недѣлю, но послѣ по причинѣ войнъ ограничилъ эту ассигновку 20 фун. въ недѣлю». Въ Виндзорѣ онъ учредилъ первый рыцарскій орденъ въ мірѣ, орденъ Подвязки въ 1344 году; авторитеты несогласны относительно точной даты учрежденія; нѣкоторые утверждаютъ, что эта дата 19 января; но современникъ Фруассаръ говоритъ иное. Вотъ его разсказъ:

«Въ это время король англійскій вздумалъ снова перестроить Виндзорскій замокъ, начатый королемъ Артуромъ, гдѣ впервые началъ держать круглый столъ, распространившій славу столькихъ благородныхъ рыцарей по всему міру; тогда король Эдуардъ рѣшилъ основать орденъ и братство изъ извѣстнаго числа рыцарей, называемыхъ рыцарями голубой повязки и праздникъ этого ордена будетъ каждаго дня въ Виндзорѣ въ день св. Георга. И для начала этаго ордена король собралъ графовъ, лордовъ и рыцарей своего королевства и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи; всѣ они съ радостью согласились на его волю, ибо видѣли, что сіе очень почетно и изъ сего выйдетъ великая дружба и любовь; тогда было избрано нѣкоторое число самыхъ храбрыхъ людей королевства и они присягнули и обѣщали соблюдать принятыя правила и король построилъ въ Виндзорскомъ замкѣ капеллу св. Георга и поставилъ тамъ канониковъ служить Богу и одарилъ ихъ хорошей рентой. Потомъ король послалъ герольдовъ во Францію, Шотландію, Бургундію, Генегау, Фландрію, Брабантъ и въ Германскую имперію объявить о праздникѣ и далъ всѣмъ рыцарямъ и оруженосцамъ, которые захотятъ придти на сказанный праздникъ пропускной листъ на 25 дней до праздника и послѣ этаго праздника, начавшагося въ Виндзорѣ въ году Господа нашего MCCCX liii, въ день св Георга и тамъ была королева въ сопровожденіи 300 лэди и дѣвицъ благороднаго происхожденія, соотвѣтственно ихъ рангу разодѣтыхъ».

Посвященіе въ рыцари Подвязки было очень торжественно; всякая часть одѣянія подавалась посвящаемому съ надлежащимъ увѣщаніемъ, въ родѣ того, которое произносилось при застегиваніи Подвязки:

«Въ честь всемогущаго Бога и въ память блаженнаго мученика св. Георга перевяжи вокругъ своей ноги для твоей славы сію благородную Подвязку; носи ее, какъ символъ знаменитаго ордена, никогда не забывай и не снимай; пусть она увѣщеваетъ тебя быть храбрымъ и въ справедливой войнѣ, въ которой ты будешь участвовать, ты будешь твердъ и одержишь побѣду».

Основаніе этого знаменитаго ордена рыцарства совпало по времени съ введеніемъ въ Англіи орудія, разрушившаго рыцарство, пушки, которая, какъ предполагаютъ, впервые употреблялась англичанами въ битвѣ при Кресси. Впервые о порохѣ, кажется, упоминается въ договорѣ между Джономъ Старлингомъ бывшимъ секретаремъ кораблей, галлеръ, баржъ и другихъ королевскихъ судовъ и Гельмингомъ Леже.

хранителемъ оныхъ 22 іюня (12 Эдуарда III, 1338), въ которомъ упоминается: «маленькій боченокъ пороха».

Что лондонское Сити рано имѣло пушки, свидѣтельствуется «инвентаремъ военныхъ снарядовъ, купленныхъ Сити» (Letter—book F):

item, in Camera gildaulăe sunt sex instrumental de latone, vocitata Gunnes, et quinque roeeres ad eadem. It., peletae de plumbo pro eisdem instrumentis, quae pönderant IIIIC librae et dimidium. It., XXXII librae de pulvere pro dictis instrumentis». (въ гильдейской палатѣ находятся и есть орудіи изъ латуни, обыкновенно называемыхъ *gonnes* (пушки) и къ нимъ пять *roleres* (лафетовъ). А также свинцовыя ядра для сихъ орудій, вѣсящія 400 фунт. съ половиной. а также 32 фунта пороха для сихъ орудій).

ИСТОЧНИКИ—1274—1348.

а. Общая исторія.

Царствованіе Эдуарда I. Ришангера — Chronicle и Триве: Annals; Матью Вестминстерскій: монастырскія лѣтописи—особенно лѣтописи Оснея, Дунстебля и Ваверлея; полная, и цѣнная хроника Вальтера Гемингбурга: все это вмѣстѣ съ книгой Статутовъ, королевскими свитками и Faedera Раймера даютъ полную картину царствованія Эдуарда I. Политическія пѣсни даютъ нѣкоторыя детали; неоцѣненное собраніе приказовъ въ Select Charters Стёббса.

Новыя сочиненія. Немногіе періоды нашей исторіи были столь искажены авторами, какъ это царствованіе. О шотландскомъ вопросѣ History of Scotland—Бёртона можетъ считаться безпрестрастной книгой по сравненію съ Essay—Фримана объ Эдуардѣ съ одной стороны и Scotlandunder Her Early Kings—Робертсона съ другой. О церковномъ спорѣ, конституціонномъ развитіи и общемъ характерѣ эпохи всего лучше Constitutional History и Early Plantagenets—Стёббса. Общій взглядъ у Tout's—Eduard I (Statesmen Series).

Царствованіе Эдуарда II. Главные современные писатели: Джонъ Трокеловъ и С. Альбансъ, монахъ Мальмсбюри; рыцарь сэръ Томасъ де-ла Моръ; дипломатъ Адамъ Муримутъ и продолжатель Гемингбурга. Эти и другіе въ томахъ Rolls Series о Эдуардѣ II. Лучшія новыя сочиненія: Const. His. и Ear. Plantagenets—Стёббса, дополняемыя для Шотландскихъ дѣлъ Бертономъ.

Царствованіе Эдуарда III. 1327—1348. Хроника Вальтера Гемингбурга, Адама Муримута и Роберта Авесбюри—основные современные источники; дополняются Хроникой С. Альбанса въ Rolls Series, Lanercost Annals и Хрониками Джона ле Бель (которымъ пользовался Фруассаръ) и позднѣйшими произведеніями Найтона и Вальсингама; Свитки парламентскіе и Foedera Collection даютъ цѣнныя подробности. Изъ новыхъ работъ, наиболѣе полезныя: Life and Times of Edward III—Лонгмана (для обще-

ственной исторіи и войнъ), History of England—Брайта (полнота и точность фактовъ), исторія Англійскаго народа—Грина (особенно по исторіи общества и литературы) и въ особенности Const. Hist.—Стёббса, т. II, хотя и не во всемъ замѣнившая разсказъ Галлама въ его Middle Ages.

Валлисъ. Annalles Cambriae: Brut y Tywysogion; сочиненія Жиральда изъ Камбре (Rolls Series): Ecclesiastical History-Ордерика Виталлиса, Королевскія посланія (Rolls Series), валлійскія поэмы (Myfyrian Archaelogy).

b. Спеціальные вопросы.

Религія—„Хроники Эдуарда I"—изд. Стеббса: London Annals, Ламбетское продолженіе Flores Historiarum, Encomium of Eduard I, Lives of Edward II, Мальмсбюрійскаго монаха, каноника Бредлингтона и сэра Томаса де ла Муръ. „Хроника"—Бартоломея Коттона, Flores hist. т. III, Хроника Джона Оксенедесъ, Register—Пекгама III т. (всѣ въ Rolls Series). „Политическія пѣсни"—Райта (Camden Soc). См. также Six Centuries of Work and Wages—Торольда Рожерса: Стеббса сочин. и предисловія къ вышеуп. томамъ. Интересны примѣры церковныхъ обычаевъ въ Dictionary ofthe Church ot England—Кутса и въ History of the Church of Eng.—Перри.

Исторія законодательства. Главные источники 1) статуты, 2) отчеты и 3) Text—Books. Изданій Статутовъ много, полнѣйшее изданіе Record Commission. Рядъ Отчетовъ, подъ названіемъ Text—Books. начинается съ Эдуарда I и кончается Генрихомъ VIII, но въ этомъ ряду много пробѣловъ: отчеты о царствованіи Эдуарда I въ Rolls Series, нѣкоторые изъ отчетовъ при Эдуардѣ III изданы въ тѣхъ же Series Пайкомъ. Старыя изданія Years Books полны ошибокъ. Когда эти Books прекращаются царствованіемъ Генриха VIII, мы впервые получаемъ отчеты, извѣстные подъ именемъ ихъ составителей; наиболѣе извѣстны отчетъ Плоудена и Кока. Изъ Text-Books конца среднихъ вѣковъ единственная, имѣющая достоинства, Tenures—Лительтона, 15 вѣка. Какъ въ его четырехъ Institutes, излагаетъ большую часть законовъ его времени и предыдущихъ эпохъ: довольно, впрочемъ, безпорядочно. Историческій матеріалъ въ различныхъ сочиненіяхъ Геля и въ Commentaries—Блекстона, въ новое время историки излагали отдѣльныя стороны англійскаго законодательства. Лучшей общей исторіей законодательства и до сихъ поръ остается компиляція Джона Ривса.

Военное дѣло. Фруассаръ и другія хроники, Ancient Armour (1860) Гевитта, Mediaeval Military Architecture (1886)—Кларка, Art of War in the Middle Ages—Омана, KriegsWesen in die Ritterzeit (1889)—Кёлера.

Флотъ. Источники разбросаны. Главные изъ нихъ: Black Book of the Admiralty, Pipe Rolls, Close Rolls, Patent Rolls Rolls, of Parlament, Wardrobe Accounts, Acta Regia (большинство издано Record Commission), хроники Флодоарда и Мельроза, Chronique de Normandie, Mare Clausum (1635 перев. 1652) Сельдена, Animadversions - Принна: полезный современный источникъ—Archeologie Navale—Жаля и Naval History - Николаса. Многіе источники рукописные.

Архитектура и искусство. Gothic Archit.—Фергюсона, Gothic Archit.—Рикмана, Glossary и Introduction to Gothic. Arch.—Паркера, Cathedral Handbooks—Мюррея, Mediaeval Arch.—Скотта, Domestic Arch. of tne Middle Ages—Турнера и Паркера, Canterbury — Уилиса, Westminster Abbey—Стенли Materials for a History of Oil Painting — Истлека, Mediaeval Military Arch

in Eng.—Кларка, Inquiry into the Differenec of Style in Ancient Glass Paint.—Винстона.

Монеты. Canterbury—Уиллиса, Annals of the Coinage of Great Britain—Рёдинга, Manual—Аккермана. Silver Coins of Engl.—Гавкинса, Gold Coins of Eng.—Кеніона.

Наука и образованіе. Университеты. Hist. of the Univ. of Oxford—Максвелл Лайта, проф. Голландъ въ Collectanea Оксф. Ист. Общ. II, Munimenta Academica (Rolles Series) — Анстея; Grey Friars in Oxf.—Литтля, the Univ. of Cambridge to 1535—Муллингера: Architectural Hist. of the Univ. of Camb.—Кларка, Memorials of Oxf—Ингрема, Colleges of Oxf.—Кларка, Monumenta Franciscana и Opus Tertium of Roger Bacon (Rolles Series)—Бревера, Catalogi veteres librorum Ecclesiae Dunelmensis (Surtees Soc.) Dict. of Nat. Biog (ст. Bacon). О схоластикѣ: His. de la Phil. Schol.—Горо, Ист. Фил. Иберверга или Эрдмана, Illustrations of Mediaeval Thought—Пуля.

Алхимія, Астрологія и пр. Старые латинскіе трактаты объ Алхиміи въ Theatrum Chemicum (1689). Англійскіе трактаты въ Theatrum Chemicum Britannicum—Ашмоля. Судебные документы собраны въ Antiquary, 1891. Ни одно изъ старыхъ англійскихъ сочиненій объ астрологіи не напечатано, но въ изд. Кокеиея много данныхъ. Popular Treatises on Science—Райта указываетъ на значеніе астрономіи, въ средневѣковой наукѣ, см. также Opera inedita—Бэкона (Brewer'a).

Медицина Leechdoms, Wort—cunning, and Starcraft of Early Eng.—изд. Какайна (Rolls Series); Hist. and Phys. from the time of Galen to 16 century (2 т. 1726)—Фрейнда, Memorials of the Craft of Surgery in Eng. (изд. Поуэра, введ. Паже)—Соута. *Общественное здравіе:* Hist. of Epid. in Britain Крейгтона.

Литература Chronicle—Роберта Глочестерскаго, изд. Алдиса Райта (Rolls Series), Story of Eng.—Роберта Маннита Брунне изд. Фурниваля (Rolls Series), The Harrowing of Hell, изд. Эд. Маля (1871), The Iork Plays, изд Тулмина Смита (1885), The Townley Mysteries (1886), Ludus Coventriae. изд. Галливеля (1841) Early Mysteries of the 12 and 13 centuries (1808)—Райта, English Miracle Plays (1890)—Поллярда, Die Engl. Mirakelspiele (1878)—Жене, Miracle Plays—Гэра, пер. Жаксона (1880), Gesch d. Dramas (1856—86)—Вилейна, Hist. of Eng. Dram. Liter., 2 т. (1875)—Уорда, Shakespeare's Predecessors and the Drama (1884)—Симондса, Engl. Writers—Г. Морлея, т. IV и V., Gesch. d. Engl. Litter.—Тенъ-Бринка, част. II, 1 пол. (1889), Mittelenglische Litteratur—Брандля въ Grundriss d. Germ. Philol—Поля, ч. II, отд. 1 (1892).

Земледѣліе.—Economic History—Ашлея, Growth of Engl. industry and Commerce—Куннингама, Six Centuries of Work ond Wages—Торольда Роджерса и Hist. of Agricult. and Prices—его-же, Вальтеръ Генлей изд. Ламонда (Roy. His. Soc.), Domesday of St. Paul's изд. Гольса (Camden Soc, 1858). Custumals of Battle Abbey изд. Скаргилля Бёрда (Camden Soc. 1867), Fleta изд. Сельдена, Hundred Rolls (Record Commission).

Торговля Hist. of Ind. and. Comm.—Куннингама, Econ. Hist.—Ашлея. Agric. and. Prices—Торольда, Роджерса, Hist. of the Customs Revenue—Галлея, Hist of the Exchequer—Мадокса, Jews in Angevin Eng.—Якобса. The Gild Merchant—Кросса, Monumenta Gildhallae (изд. Риней, Rolls Series). Hanseakten aus Engl. 1275—1412—К. Кунца, Annals of Coinage—Рёдинга. Отчеты королев. Коммиссіи о монетномъ дворѣ (Sessional Papers, 1849) Red. Book. of the Exchequer, V. III (изд. Галя, Rolls Series).

Общественная жизнь Chronicles—Голиншеда, Annals—Стоу, Description of the

City of Londont – Фицстефена; The Vision of William concerning Piers The Ploumen; Piers the Plowman's Crede; Hist of Domestic Manners during Middle Ages—Райта, Illustrations of Eng. Mediaeval Costum—Дэя и Данса; Selection of Latin Stories from MSS of 13 and 14 Centuries; Dresses and Decorations of the Middle Ages—Шау, Costume in Engl —Фергольда; Cyclopaedia of Costume – Планше; Sports and Pastimes—Струтта; The Monumentale Brasses and Slates of Eng.—Боутеля; Monumental Brasses—Маклина; Heraldy in England concisely Explained—Рентона, Heraldry, Ancient and Modern—Боутеля; Cronicles – Джона Гардинга, Хроника—Фруассара, пер. лорда Бернера: Memorials of London in the 13, 14 and 15 Centuries—Рилея.

ГЛАВА VI.

Черная смерть и ея слѣдствія.

Черная смерть и произведенныя ею опустошенія.

Крейгтона.

Политическая исторія Англіи во второй половинѣ 14 вѣка далеко не лишена интереса, но самыя крупныя политическія событія представляются незначительными по сравненію съ ужаснымъ общественнымъ бѣдствіемъ, совершенно измѣнившимъ положеніе сельской Англіи и, посредствомъ измѣненія системы земледѣлія, давшимъ новое направленіе ея промышленности, оставившимъ неизгладимую печать на ея законахъ, искусствѣ и нравахъ,—однимъ словомъ глубоко и прочно повліявшемъ на весь ходъ ея политической, общественной и экономической жизни.

Черная смерть, вторгшаяся въ Англію въ 1348 году, таже болѣзнь, которая впослѣдствіи называлась чумой. Съ этого времени она становится постоянной въ Англіи до большой чумы въ Лондонѣ; она становится эпедемической болѣзнью въ теченіи болѣе трехъ вѣковъ. Она была роковой и по большей части быстро уносила свои жертвы. Въ позднѣйшее время около половины заболѣвшихъ умирало; смертность становилась меньшей и ходъ болѣзни болѣе медленнымъ по мѣрѣ уменьшенія пароксизмовъ; вѣроятно, что въ первое время смертей было даже больше, чѣмъ исцѣленій; извѣстно, что жертвы часто умирали черезъ двадцать четыре часа, но въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, въ теченіи трехъ сутокъ. Въ позднѣйшее время умирали главнымъ образомъ бѣдняки, такъ какъ они не имѣли возможности уѣхать изъ зараженныхъ мѣстъ, какъ дѣлали состоятель-

ные люди; но во время Черной смерти умирали люди всѣхъ классовъ; архіепископъ кентербюрійскій и многіе старшины городскихъ обществъ Лондона, аббаты и пріоры монастырей, большая часть монаховъ и свѣтскихъ членовъ, приходское духовенство, фермеры и іемены, также какъ и рабочіе. Убѣжать отъ Черной смерти было некуда, кромѣ развѣ кораблей, какъ многіе жители Лондона провели во время чумы 1665 года опасное время на корабляхъ на Темзѣ. Умирало больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ—людей молодыхъ и въ цвѣтѣ лѣтъ, чѣмъ дѣтей и старыхъ людей.

Симптомы и характеръ болѣзни.

Самымъ страшнымъ симптомомъ было внезапное появленіе опухоли или бубона на шеѣ, въ паху или подъ мышкой; это было вздутіе обыкновенныхъ лимфатическихъ железъ до огромной величины, до величины куринаго яйца или больше, вздутіе болѣзненное, наполненное твердой и сухой матеріей, не вытекавшей при проколѣ ланцетомъ и не прорывавшееся отъ пластыря. Во многихъ случаяхъ появлялись красныя или темныя пятна на груди или спинѣ, которые были самымъ роковымъ признакомъ и получили названіе «знака Божія». Карбункулы могли образоваться и на мясистыхъ частяхъ туловища и конечностей, иногда появлялся и еще одинъ симптомъ, въ формѣ мелкихъ пупырышковъ по всей кожѣ съ ядрышкомъ, вродѣ небольшаго карбункула. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя кажется не всегда, кожа вокругъ всѣхъ такихъ образованій дѣлалась красной, горячей и натянутой, такъ, напр, появлялось воспаленіе въ бедрѣ, если бубонъ былъ въ паху. Когда бубонъ разрывался, что бывало уже къ концу эпидеміи, шансы на исцѣленіе значительно увеличивались, хотя исцѣленіе было и очень медленнымъ. Во всѣ времена и повсемѣстно мы находимъ нѣкоторые изъ внѣшнихъ признаковъ Черной Смерти или чумы. Но Черная Смерть имѣла одинъ симптомъ, указывающій на особый роковой характеръ болѣзни: это кровавая рвота; объ этомъ симптомѣ упоминаетъ только одинъ изъ хроникеровъ, монахъ изъ Килькенни, и упоминаетъ при этомъ такъ, какъ будто этотъ симптомъ былъ не постояннымъ. Другой симптомъ, свойственный чумѣ во всѣ времена, это бредъ, иногда тихій, иногда яростный и тоже не бывшій всеобщимъ явленіемъ. Какъ и при другихъ инфекціяхъ, не уступавшихъ чумѣ по смертности, при холерѣ и желтой лихорадкѣ, послѣднія минуты больного были часто тихи и сознательны; но бывали и бурные симптомы съ громкими криками отъ боли, причиняемой сухими и натянутыми вздутіями, такъ что больные выскакивали изъ кровати и выбѣгали на улицу.

Происхожденіе болѣзни.

О Черной Смерти впервые услыхали въ Крыму, въ небольшомъ генуезскомъ портѣ при Керченскомъ проливѣ. Этотъ портъ былъ торговымъ пунктомъ итальянскихъ купцовъ, ведшихъ китайскую торговлю по сѣверной дорогѣ отъ Великой китайской стѣны до Волги, Каспія, Дона и Чернаго моря. По тогдашнимъ слухамъ Черная Смерть

появилась въ Китаѣ отъ гніенія множества незарытыхъ труповъ; извѣстно, что въ предшествующемъ поколѣніи въ Китаѣ были часты естественныя бѣдствія: наводненія, засухи, сопровождаемыя голодомъ, тифомъ и огромной смертностью. Естественно предположить, что сухопутная караванная торговля, въ то время довольно большая, была средствомъ занесенія заразы въ Европу. Во всякомъ случаѣ многознаменательно то, что о Черной Смерти впервые услыхали въ одномъ изъ укрѣпленныхъ фортовъ торгующихъ съ Китаемъ купцовъ, убѣжавшихъ туда съ своими товарами отъ грабежей татарскихъ ордъ. Слѣдствіемъ чумы было снятіе осады; татары разсѣялись по всѣмъ мѣстностямъ близъ Чернаго и Каспійскаго морей и разнесли заразу въ ихъ странствованіяхъ къ востоку въ ханства Средней Азіи, а также въ Малую Азію, Сирію и Египетъ; въ Константинополь заразу занесли корабли съ Чернаго моря, а въ Геную тотъ самый корабль, который освободилъ осажденныхъ въ крымской крѣпости купцовъ.

Появленіе болѣзни въ Англіи.

Это событіе произошло въ 1346—47 году; въ 1348 году болѣзнь распространилась по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, а въ началѣ августа этого года она появилась въ Дорсетширѣ, въ Мелькомбъ Регисъ. Черезъ двѣ недѣли она появилась уже въ Бристолѣ и вскорѣ въ Глочестерѣ; къ новому году вся эпархія Бата и Уэльса почувствовала недостатокъ въ священникахъ для погребенія чумныхъ.

Въ Лондонъ чума пришла съ одной стороны около 1 ноября, а съ другой, къ югозападу, чума распространилась около Рождества до Бодмина. Въ началѣ весны 1349 года начали умирать въ Норфолькѣ и въ теченіе лѣта и осени чума захватила всѣ части Англіи; въ августѣ она появилась уже въ аббатствѣ Мо въ Гольдернессѣ. Постепенно она появилась въ Валисѣ, Шотландіи и Ирландіи. Въ Ирландіи болѣзнь впервые появилась въ августѣ на берегахъ Дублинскаго залива — неизвѣстно въ 1348 или 1349 году — а въ Килькенни въ теченіе слѣдующаго поста. Въ Шотландіи наибольшая смертность была въ 1350 году. Въ Лондонѣ эпидемія прекратилась около пасхи 1349 года и, конечно, въ это время смертность уменьшилась, такъ какъ по числу завѣщаній видно, что худшимъ мѣсяцемъ былъ апрѣль. Въ Іоркѣ она закончилась, кажется, въ іюлѣ, а во всей Англіи около Михайлова дня 1349 года, такъ что со времени появленія въ Дорсетширѣ она продолжалась около 14 мѣсяцевъ, а въ каждомъ пунктѣ своего шествія отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, смотря по количеству оставшихся въ живыхъ и не подвергшихся заразѣ.

Смертность.

Въ Норфолькѣ умерло около двухъ третей приходскаго духовенства, въ Іоркширѣ (Ноттингамѣ, Западномъ Ридингѣ и Сѣверномъ Ридингѣ) по крайней мѣрѣ половина; на основаніи новыхъ изслѣдованій такой же процентъ смертности былъ и во всей Англіи. Въ монастыряхъ, за исключеніемъ Кентербюри, смертность была даже больше, чѣмъ среди приходскаго духовенства. Въ Лондонѣ смертность дохо-

дила до 200 въ день, что по обычному ходу эпидемій въ столицѣ въ позднѣйшее время означало смертность въ 20000 человѣкъ, т. е. почти половины населенія. Въ Бодминѣ умерло 1500 человѣкъ, а въ Лейчестерѣ около 1800 — въ обоихъ случаяхъ около половины населенія; это можно считать средней цыфрой смертности для городовъ. Въ помѣстьи Винслоу умерло 153 фермера; разсчитываютъ, что число смертей мелкихъ фермеровъ, бывшихъ присяжными, равнялось тремъ пятымъ. Наиболѣе пострадали восточныя графства, особенно городъ Норвичъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ потомъ изъ второго города въ королевствѣ превратился въ городъ, занимавшій шестое мѣсто, съ населеніемъ равнымъ только трети того, которое тамъ было до Черной Смерти. Вся Англія, города и деревни, вѣроятно потеряла отъ трети до половины жителей. Она достигла того же числа жителей только въ царствованіе Елизаветы.

Земледѣліе.

Корбета.

Возвышеніе заработной платы.

Положеніе земледѣльческихъ классовъ въ Англіи въ первой половинѣ 14 вѣка, хотя, можетъ быть, и не было столь удовлетворительнымъ и процвѣтающимъ, какъ въ 13 вѣкѣ, тѣмъ не менѣе было, какъ сказано выше, прогрессирующимъ. Съ точки зрѣнія крестьянства прогрессъ былъ даже замѣчательнымъ; въ теченіе этого періода были сдѣланы первые окончательные шаги къ уничтоженію рабства. Какъ мы уже говорили, вслѣдствіе этого въ срединѣ царствованія Эдуарда III появился совершенно новый и постоянно растущій численно классъ рабочихъ, получавшихъ заработную плату, которые хотя и не были легально свободными, но въ большинствѣ случаевъ настолько располагали собой, что искали работы тамъ, гдѣ могли найти ее. Это измѣненіе, начавшееся на континентѣ только нѣсколько вѣковъ позже, въ большинствѣ странъ завершено только послѣ французской революціи. Въ Англіи же оно началось такъ естественно и шло такъ быстро и гладко и въ мѣстностяхъ столь различныхъ, что въ началѣ 1348 года казалось, что не было причины, почему бы въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій духъ свободы не одержалъ полной побѣды во всей странѣ, почему бы старыя обязательства крѣпостныхъ исполнять личныя работы въ помѣстьяхъ ихъ лордовъ не сдѣлались совершенно устарѣлыми. Даже несчастный голодный періодъ между 1311 и 1321 годами, имѣвшій несомнѣннымъ слѣдствіемъ уменьшеніе числа рабочаго населенія и возвышеніе заработной платы,

повидимому не заставилъ поземельныхъ собственниковъ не принимать новой системы заработной платы при обработкѣ ихъ имѣній, не соблазнилъ тѣхъ, которые уже приняли эту систему, вернуться къ старой системѣ феодальныхъ услугъ, хотя расходы на заработную плату и были выше, чѣмъ они ожидали сначала. Дѣйствительно, въ то время имѣлись всѣ признаки непрерывнаго прогресса, не было ни одного облачка, затемнявшаго развитіе земледѣлія, если не считать увеличивающейся роскоши, сдѣлавшейся замѣтнымъ фактомъ почти во всѣхъ классахъ общества въ царствованіе Эдуарда III; но и такое увеличеніе роскоши, повидимому, оправдывалось постояннымъ ростомъ торговли и необычайными успѣхами англійскихъ войскъ въ великой французской войнѣ.

Начало крестьянскихъ бунтовъ.

Но все измѣнилось сразу и до конца 1349 года всѣ надежды на прогрессъ въ теченіе нѣкотораго времени окончательно исчезли. Началась борьба между рабочими и нанимателями, продолжавшаяся въ теченіи двухъ поколѣній и въ первыхъ ея стадіяхъ, казалось, ведшая къ полной реакціи, къ общему введенію оставленной барщины. Въ концѣ концевъ такого регресса, къ счастію, не произошло; но на время несомнѣнно судьба рабочихъ была колеблющейся. Необходимо объяснить, почему была возможна такая перемѣна; посмотримъ же, что именно произвело такой огромный переворотъ.

Непосредственной и наиболѣе замѣтной, если не единственной, причиной такого переворота слѣдуетъ признать небывалую никогда раньше или позже чуму, опустошившую Англію въ 1348 и 1349 годахъ и унесшую около половины населенія,—мало того посѣтившую несчастную страну не менѣе пяти разъ до конца столѣтія. Англія не одна страдала отъ этого бича; кажется, не было страны отъ Китая до Атлантическаго океана, не пострадавшей отъ него. Но нигдѣ опустошенія его не были столь поразительными, причиненный имъ ужасъ столь подавляющимъ и произведенныя имъ измѣненія столь широко распространенными.

Лѣто 1349 года было временемъ самой страшной смертности; отчеты о мѣсяцахъ отъ апрѣля до сентября состоятъ только изъ отмѣтокъ о смертяхъ и въ городахъ и въ селахъ.

Такъ напр. въ Лондонѣ въ теченіе года послѣдовательно смѣнились не меньше четырехъ старшинъ общества золотыхъ дѣлъ мастеровъ; для погребенія было открыто новое кладбище въ тринадцать ярдовъ, гдѣ послѣ былъ построенъ Чартеръ Гоузъ. Въ Кольчестерѣ внесены въ регистръ завѣщанія 111 гражданъ, т. е. больше трети всѣхъ гражданъ (которыхъ было около 400) умерло, потому что чума унесла многихъ раньше, чѣмъ они успѣли составить завѣщаніе. Въ Бристолѣ живые не успѣвали погребать мертвыхъ; въ Лейчестерѣ «въ небольшемъ приходѣ св. Леонарда умерло больше 380 человѣкъ, въ приходѣ св. Креста болѣе 400 и въ приходѣ св. Маргариты бо-

лѣе 700 и такъ во всѣхъ приходахъ». Въ нѣкоторыхъ деревенскихъ округахъ, относительно которыхъ имѣются достовѣрныя показанія, болѣзнь была еще сильнѣе и смертоноснѣе, чѣмъ въ населенныхъ городскихъ кварталахъ. Напримѣръ по отношенію къ восточной Англіи, въ то время наиболѣе населенномъ и процвѣтавшемъ округѣ, д-ръ Іессопъ разсказываетъ, что въ Гунстантонѣ въ приходѣ, въ которомъ было всего 2000 акровъ, въ теченіе восьми мѣсяцевъ умерли всѣ 172 фермера помѣстья, включая и приходскаго священника и что изъ нихъ 74 не оставили наслѣдниковъ, а 90 другихъ совсѣмъ не имѣли кровныхъ родственниковъ, которые наслѣдовали бы ихъ фермы. Въ Гадестонѣ, близъ Норвича, тоже умерли 54 мужчины и 14 женщинъ изъ населенія меньше 400 душъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ погибли цѣлыя семьи; какъ доказываютъ судебныя реестры, двадцать четыре фермы перешли къ лорду. Въ Гишамѣ близъ Гунстантона, споръ между мужемъ и женой о приданомъ былъ назначенъ управителемъ помѣстья въ апрѣлѣ для обсужденія въ слѣдующемъ засѣданіи его суда, но въ назначенный день оказалось, что всѣ свидѣтели жены умерли, да и мужъ тоже. Эти точныя цифры, заимствованныя изъ реестровъ суда, можетъ быть еще менѣе краснорѣчивы, чѣмъ то полное молчаніе, которымъ обходится это время во многихъ существующихъ и непрерывно веденныхъ реестрахъ судовъ многихъ помѣстій, что доказываетъ, что суды совсѣмъ перестали засѣдать и что, по всей вѣроятности, не только управляющій, но и всѣ, кто могъ бы вести реестры, умерли. Когда реестры начинаются снова, они написаны неразборчивой рукой новичковъ и притомъ не обычнымъ канцелярскимъ языкомъ. Если необходимъ послѣдній штрихъ въ этой картинѣ смерти и дезорганизаціи въ деревенскихъ округахъ, то мы можемъ заимствовать его изъ отчетовъ духовенства, потому что въ книгахъ епархій и въ монастырскихъ канцеляріяхъ имѣется масса безошибочныхъ доказательствъ количества смертей какъ свѣтскаго духовенства, такъ и монаховъ. Такъ въ епархіи Норвичѣ въ іюлѣ 1349 года было 209 вакансій на бенефиціи, за весь годъ, кончившійся мартомъ 1350 года, ихъ было 863, т. е. значительно болѣе двухъ третей всѣхъ приходовъ въ Норфольнѣ и Сурфолькѣ вслѣдствіе чумы сдѣлались вакантными; можно прибавить къ этому, что по крайней мѣрѣ 19 монастырей въ этой епархіи остались безъ пріора или аббата. Въ епархіи Эли, гдѣ было 145 бенефицій, вакантныхъ было 92 и въ нѣкоторыхъ приходахъ въ теченіе года смѣнилось пять или шесть священниковъ. Въ монастырѣ св. Альбана изъ шестидесяти монаховъ умерло 43 и хроникеръ Вальсингамъ разсказываетъ, что многіе монастыри или совершенно опустѣли или въ нихъ осталось только одинъ или двое монаховъ. Наконецъ трудность найти достойныхъ наслѣдниковъ умершимъ отъ чумы доставляла столько же безпокойствъ епископамъ, какъ и лордамъ помѣстьевъ. Многіе при-

ходы долго оставались безъ священниковъ, а другіе должны были довольствоваться необразованными юношами или мірянами, которыхъ кое какъ посвятили, чтобы занять мѣста.

Этотъ очеркъ, не смотря на его краткость, достаточенъ для доказательства того, что если мы даже отвергнемъ, какъ преувеличеніе, показаніе Вальсингама, будто въ 1350 году, когда чума уменьшилась, въ живыхъ оставалась только десятая часть населенія Англіи, мы тѣмъ не менѣе не ошибемся, оцѣнивъ все потерю націи отъ эпидеміи въ половину населенія. Это, конечно, приблизительная, хотя наврядъ ли преувеличенная цифра, ибо слѣдуетъ имѣть въ виду, что чума, какъ обыкновенно бываетъ, пришла не одна, а въ сопутствіи неурожая и голода и они тоже требовали жертвъ. На время обработка земли сдѣлалась невозможной, «овцы и скотъ бродили по полямъ и лугамъ и не было кому прогнать ихъ». Жатвы гнили на пашняхъ, поля оставались непаханными. Дезорганизація труда была полная и только вполнѣ уяснивъ себѣ всю величину смертности въ эти годы и чрезвычайное уменьшеніе количества людей, пригодныхъ къ полевой работѣ, мы можемъ объяснить послѣдующій ходъ исторіи земледѣлія. Помня же это, все становится намъ совершенно понятнымъ, такъ какъ легко понять, какія затрудненія должны были испытывать поземельные собственники, когда паника, возбужденная Черной Смертью, начала проходить. Теперь вмѣсто изобилія рабочихъ, желавшихъ работать, или которыхъ можно было заставить работать, былъ повсемѣстно недостатокъ ихъ. Предложеніе наемнаго труда для обработки земли не только абсолютно уменьшилось, но и спросъ на трудъ со стороны поземельныхъ собственниковъ относительно увеличился. Почти у всѣхъ собственниковъ оказывалось большое количество земли, оставшейся на рукахъ, такъ какъ ихъ фермеры умерли, не оставивъ наслѣдниковъ и имъ приходилось самимъ обработывать эту землю, кромѣ ихъ прежней земли при имѣніи или бросить ихъ обработку и оставить ихъ лежать впустѣ. Даже предполагая, что они могли разсчитывать найти достаточно рукъ для обработки земли, которую раньше обработывали сами, имъ тѣмъ не менѣе нужны были лишнія руки кромѣ тѣхъ, которыя они употребляли до чумы, чтобы обработать излишнюю землю и вознаградить этимъ себя за потерю рентъ и другихъ сборовъ съ умершихъ фермеровъ. Точно также тѣ собственники, которые сохраняли старые методы обработки и не отказывались отъ старой службы вилленовъ, теперь волей-неволей впервые должны были обратиться къ наемному труду. Многія помѣстья настолько обезлюдѣли и были опустошены чумой, что въ нихъ не было достаточнаго количества фермеровъ-тенантовъ, чтобы они могли посредствомъ феодальной барщины обработать помѣстье; вообще обработка становилась невозможной безъ добавочнаго труда. А такой добавочный трудъ можно было, конечно, добыть только за плату, такъ какъ даже самый требова-

тельный владѣлецъ не осмѣливался возвышать количество услугъ оставшихся въ живыхъ больше того, что слѣдовало по обычаю; очень мало вѣроятія, что было бы возможно въ такое время полагаться на коллективную отвѣтственность фермеровъ, хотя теоретически это, пожалуй, и было возможно.

Требованія рабочихъ.

Такимъ образомъ при уменьшеніи количества наемныхъ рабочихъ наемный трудъ являлся крайней необходимостью для всѣхъ поземельныхъ собственниковъ. Иначе говоря, рабочіе сдѣлались необходимыми, оказались хозяевами положенія и, конечно, это повело къ естественнымъ результатамъ. Ихъ требованія по отношенію къ заработной платѣ увеличились до чрезвычайности; въ нѣкоторыхъ случаяхъ заработная плата увеличилась вдвое и они все таки не были удовлетворены. Особенно такъ было, какъ и слѣдовало ожидать, въ тѣхъ отрасляхъ занятій, гдѣ раньше заработная плата была чрезмѣрно низка, потому что теперь было тѣмъ труднѣе привлечь къ работѣ, чѣмъ болѣе непріятна или тяжела она была. Женщины, напр., раньше исполнявшія низшія работы за пенни въ день и даже дешевле, теперь требовали два пенса, а иногда получили и три. Поэтъ Вильямъ Лангландъ, писавшій чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ 1350 года, говоритъ: «работники, у которыхъ нѣтъ земли, а только руки, не желаютъ питаться грошевымъ пивомъ или ветчиной, а требуютъ свѣжаго мяса или рыбы, жареной или вареной, и при томъ горячей, чтобы согрѣть себѣ зубы; а если не получатъ хорошей платы, такъ бранятся и теряютъ время вмѣсто того, чтобы работать». До чумы въ видѣ заработной платы отдавали рабочимъ двѣнадцатую часть съ каждаго квартера пшеницы, а теперь восьмую, да кромѣ къ прежней платѣ прибавлялось тридцать процентовъ за молотьбу. Прошло немного времени—и подобное положеніе дѣлъ стало тяжелымъ для собственниковъ; вскорѣ они не знали, что имъ дѣлать; имъ приходилось выбирать между потерей доходовъ, оставляя поля необработанными, и такой же потерей при обработкѣ ихъ.

Взгляды собственниковъ.

Невозможно ожидать, чтобы классъ людей, находящихся въ такомъ положеніи, пассивно подчинился своей судьбѣ. Берклей, напр., помѣстье котораго Гамъ опустѣло настолько, что ему приходилось нанимать столько рабочихъ, что «ихъ трудъ равнялся 1144 дней», для сбора жатвы, скоро долженъ былъ потерять терпѣніе и начать думать о томъ, какъ бы поскорѣй возстановить прежнее положеніе вещей. Также долженъ былъ думать и лордъ Большого Тью въ Эссексѣ, фермеры-тенанты котораго были когда то обязаны давать ему 2000 дней службы зимой и 580 осенью, причемъ онъ, къ своему несчастію, согласился взять съ нихъ полупенни и по пенни за день. Теперь, вѣроятно, платили ему немногіе, тогда какъ онъ съ своей стороны даже зимой долженъ былъ платить каждому рабочему по три пенса за такую же сумму работы и гораздо больше во время стра-

ны. Нужно помнить также, что по мнѣнію современниковъ требованія рабочихъ, представляющіяся намъ совершенно естественными, были глубоко безнравственными. Ибо чѣмъ были эти требованія, какъ не попыткой воспользоваться нуждой другихъ, дѣйствіемъ, которое осуждали всѣ учителя среднихъ вѣковъ, и которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ воспрещалось даже закономъ? Очевидно также, что съ другой стороны новое положеніе дѣлъ могло сдѣлаться опаснымъ для страны, потому что когда бродячіе рабочіе не находили владѣльца, который платилъ бы имъ то, чего они требовали, они легко становились «упорными нищими», если только не шли дальше и не отправлялись въ лѣсъ, какъ Робинъ Гудъ. Поземельнымъ собственникамъ, дѣйствительно, было совсѣмъ не трудно убѣдить себя, что новое положеніе дѣлъ нестерпимо, что они не могутъ терпѣть его въ силу сознанія своего долга предъ страной и потому они немедленно обратились къ парламенту—иначе говоря, къ себѣ самимъ—чтобы онъ положилъ этому конецъ, издавъ статутъ, чтобы уплата и полученіе заработной платы выше обычной считались незаконными. Подобное средство, несомнѣнно, представлялось имъ и скорѣйшимъ и простѣйшимъ; въ дѣйствительности же это было не такъ, такъ какъ эта мѣра была началомъ той борьбы между капиталистомъ и рабочимъ, которая продолжается въ той или другой формѣ и до сего дня.

Статутъ о рабочихъ.

Самое знаменитое изъ законодательныхъ усилій, сдѣланныхъ поземельнымъ собственниками въ направленіи фиксированія заработной платы, извѣстно намъ подъ названіемъ «статута о рабочихъ», проведеннаго въ первомъ послѣ чумы собраніи парламента въ 1351 году; но въ сущности этотъ актъ представляетъ второе изданіе приказа, изданнаго королемъ еще 18 іюня 1349 года, когда чума только что достигла наивысшаго развитія и притомъ изданнаго въ формѣ прокламаціи для суммарнаго исцѣленія бѣдствій, отъ которыхъ уже начинали въ это время страдать его подданные. Это изложено въ предисловіи, гласящемъ такъ: «такъ какъ большая часть народа и особенно рабочихъ и слугъ умерли отъ заразы, то нѣкоторые, видя нужду хозяевъ и большой недостатокъ слугъ, не хотятъ служить, если не получатъ чрезмѣрной платы и нѣкоторые предпочитаютъ нищенствовать и бездѣльничать, чѣмъ заработывать хлѣбъ»; въ слѣдующихъ восьми главахъ предписываются «мѣры, въ виду неудобства, которое можетъ произойти отъ недостатка особенно пахарей и другихъ рабочихъ». Главныя изъ средствъ состояли въ слѣдующемъ: всякій мужчина и всякая женщина, крѣпостные или свободные, здоровые тѣлесно и въ возрастѣ не выше шестидесяти лѣтъ, не имѣющіе собственности, отъ которой могутъ жить, своей земли, которой могутъ заниматься, и не служащіе кому нибудь, обязаны служить нанимателю, который потребуетъ этого, — причемъ собственники крѣпостного или слуги имѣютъ предпочтительное предъ другими право на

ихъ услуги. Такіе слуги должны получать заработную плату, обычную въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они будутъ служить, въ двадцатомъ году царствованія, т. е. въ 1347, или въ годъ до чумы и всякій, кто не захочетъ служить, отправляется въ тюрьму, пока не найдетъ поручителя. Всякій жнецъ, косарь или другой рабочій, оставившій свою службу, заключается въ тюрьму и никто подъ страхомъ того же наказанія не долженъ удерживать и скрывать его. Всякій рабочій, требующій и получающій болѣе обычной заработной платы, долженъ быть судимъ въ судѣ помѣстья, гдѣ онъ служитъ и заплатитъ двойной штрафъ, а всякій владѣлецъ, обѣщавшій такую плату, платитъ тройной штрафъ. Условія о подобной заработной плата не дѣйствительны и, наконецъ, никто не долженъ подавать что нибудь даже въ видѣ милостины здоровымъ нищимъ подъ страхомъ тюремнаго заключенія.

Регулированіе цѣны. Недѣйствительность статута.

Та широта и послѣдовательность, съ которой одни изъ вышеприведенныхъ опредѣленій слѣдуютъ за другими, съ очевидностью доказываютъ, что авторовъ указа не особенно мучили сомнѣнія относительно дѣйствительности принятыхъ мѣръ; но они скоро должны были разочароваться въ этомъ. Уже въ предисловіи къ статуту 1351 года имѣется сознаніе, «что королю стало извѣстно, что сказанные слуги не обращаютъ вниманіе на этотъ указъ, и для своего удобства и ради особенной жадности уходятъ, если не получаютъ содержанія и заработной платы вдвое или втрое противъ привычной, къ великому вреду знатныхъ людей». Откровенность послѣдняго заявленія по истинѣ замѣчательна; тѣмъ не менѣе намъ незачѣмъ предполагать, какъ предполагаютъ нѣкоторые, что поземельные собственники совершали сознательную несправедливость, пытаясь отказывать рабочимъ въ ихъ требованіяхъ, что они дѣйствовали подъ вліяніемъ иныхъ мотивовъ, а не искренней вѣры, что введеніе системы конкуренціи, до сихъ поръ неизвѣстной въ Англіи, будетъ источникомъ всяческихъ бѣдствій. Это было бы вѣрно, если бы они пытались насильственно понизить заработную плату въ такое время, когда цѣны вообще поднимались и при этомъ не сдѣлали никакой попытки устранить это вліяніе. Но они, напротивъ, повидимому сознавали, что такое поведеніе было бы тиранiей. Потому и въ указѣ и въ статутѣ имѣются статьи относительно регулированія цѣнъ. Напр., въ указѣ говорится, что «мясники, рыбники, трактирщики, пивовары, пекаря и всѣ другіе продавцы всякаго рода жизненныхъ припасовъ обязаны продавать ихъ по разсудительнымъ цѣнамъ, такъ чтобы они имѣли умѣренные барыши, а не чрезмѣрные; и если кто нибудь будетъ признанъ продавшимъ иначе, онъ заплатитъ вдвое противъ того, что получилъ отъ потерпѣвшаго». Въ статутѣ пошли дальше и регулировали цѣны сапогъ и башмаковъ. Въ дѣйствительности этотъ законъ подлежитъ критикѣ не за его несправедливость, даже не за его вредное дѣй-

ствіе, а за его очевидную безполезность. Для безпристрастныхъ людей въ то время онъ несомнѣнно представлялся честнымъ, онъ могъ даже казаться имъ полезнымъ; но трудно предполагать, чтобы онъ имѣлъ хоть малѣйшій шансъ на успѣхъ. Даже сами землевладѣльцы должны бы были противиться ему, такъ какъ они первые возстали бы при попыткѣ уменьшенія цѣнъ продуктовъ ихъ имѣній, а безъ этого предварительнаго условія нельзя было и ожидать какого либо измѣненія, такъ какъ безъ него прежняя заработная плата была невозможной. Неспособность парламента понять это имѣла дурные результаты и въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ породила широко распространенное въ обществѣ недовольство, присоединившееся къ другимъ несчастіямъ, отъ которыхъ страдала Англія. Вмѣсто того, чтобы измѣнить свою политику и искать новыхъ способовъ облегченія бѣдствій, когда оказалось, что ни цѣны, ни заработная плата не уменьшаются по ихъ желанію, большинство землевладѣльцевъ требовало отъ короля дальнѣйшаго усиленія суровости статута о рабочихъ. Работники снова были прикрѣплены къ землѣ, имъ воспрещено было уходить безъ паспорта. Убѣжавшіе рабочіе объявлялись преступниками и на нихъ накладывали клеймо F за ихъ фальшивость. Города, пріютившіе ихъ, платили штрафъ въ десять фунтовъ. Даже незначительное нарушеніе закона наказывалось не штрафомъ, а тюремнымъ заключеніемъ безъ права представлять поручительство. Настаивать повсемѣстно на соблюденіи такого закона, конечно, было невозможно; но землевладѣльцы не рѣдко дѣлали попытки соблюдать его и парламентъ постоянно поддерживалъ ихъ, неоднократно повторяя законъ и увеличивая наказанія и принудительныя полномочія судей. Всякое новое появленіе чумы, всякій неурожай, возобновляя дезорганизацію труда, повидимому пришпоривали землевладѣльцевъ къ новой дѣятельности, тогда какъ эти бѣдствія должны бы были доказать парламенту, что онъ напрасно колотится головой объ стѣну и что никакое упорство съ его стороны не можетъ восторжествовать надъ вынужденнымъ необходимостью упорствомъ противниковъ, которые скорѣе готовы были прибѣгнуть къ мятежу, если будутъ вынуждены на это, чѣмъ сдаться.

Годы перемирія

Смита.

Статуты объ измѣнѣ, о «Провизорахъ» и Praemunire.

Кромѣ статута о рабочихъ во время перемирія были изданы нѣкоторые другіе важные законы. Въ теченіе трехъ лѣтъ, 1351, 1352,

1353, были проведены статуты о «провизорахъ», измѣнѣ и Praemunire. Каждый изъ этихъ законовъ былъ отстаиваніемъ правъ націи противъ королевской прерогативы. Со времени древнихъ англосаксонцевъ, когда жизнь короля оцѣнивалась также, какъ и жизнь подданныхъ, извѣстной суммой денегъ, въ понятіяхъ людей о королевской власти произошли значительныя измѣненія. Церковный обрядъ коронованія освятилъ личность «помазанника Божія»; феодальная теорія возвысила государя, хотя на практикѣ дѣлала его безсильнымъ, юристы сдѣлали изъ короля почти мистическую фигуру, никогда не умирающую, не могущую дѣлать зла и бывшую источникомъ справедливости и чести. Измѣна сдѣлалась преступленіемъ, за которое смертная казнь была милостивымъ наказаніемъ, преступленіемъ, которое, какъ это было въ Римѣ въ мрачные дни тиранін Цезарей, было дополненіемъ всякаго другого обвиненія. Теперь по требованію народа измѣна получила юридическое опредѣленіе; такъ называлась злоумышленіе на жизнь и честь кого нибудь изъ королевскаго семейства, поддѣлка королевской печати или монеты, убійство сановниковъ при исполненіи ихъ обязанностей. До того времени, когда законы Іорковъ и Тюдоровъ не создали юридическаго понятія о предполагаемой измѣнѣ (constructive treason), актъ 1352 года былъ опорой свободы подданныхъ и остается основой существующаго законодательства. Два статута о «провизорахъ» и Praemunire касались отношеній Англіи къ папству. Со времени пораженія короля Іоанна въ 1206 году по поводу избранія кентербюрійскаго архіепископа папы постоянно стремились къ назначенію англійскихъ аббатовъ и прелатовъ. Съ перваго взгляда представляется страннымъ, что подобная узурпація встрѣчается при сильномъ управленіи Эдуарда I также, какъ и при слабыхъ короляхъ Генрихѣ III и Эдуардѣ II. Дѣло въ томъ, что для королей искушеніе входить съ папами въ соглашеніе о дѣлежѣ добычи было черезъ чуръ сильнымъ. Интересы папы были такіе же. «Еслибы англійскій король попросилъ у насъ назначить епископомъ осла, мы не должны отказывать ему»—говорилъ Климентъ VI. Соглашеніе происходило, конечно, на счетъ націи и еще больше на счетъ англійской церкви, переполненной «провизорами», т. е. личностями, назначаемыми папой на церковныя должности. Эти «провизоры» были или чужестранцы или не жили въ Англіи. Статутъ 1351 года наносилъ смѣлый ударъ такой системѣ, но уже принятіе перваго статута о Praemunire показываетъ неудачу перваго акта; онъ былъ повтореніемъ его въ болѣе строгой формѣ и воспрещалъ при этомъ «всякую апелляцію внѣ королевства». Тщетно эти акты подтверждались, исправлялись и расширялись въ 1377, 1390 и 1393 годахъ. Ихъ повтореніе только доказывало ихъ недѣйствительность. Въ концѣ концевъ добились только того, что дали коронѣ оружіе, пользуясь которымъ Тюдоры были въ

состояніи уничтожить независимость англійской церкви и монополизировать въ свою пользу ту добычу, которую раньше должны были дѣлить съ папами.

Статутъ о складахъ.

Другой статутъ, статутъ о складахъ, тоже свидѣтельствуетъ о вліяніи народа на законодательство. Онъ повелѣвалъ, чтобы шерсть и кожи, свинецъ и цинкъ продавались только въ извѣстныхъ складочныхъ городахъ Англіи, Валиса и Ирландіи, а также въ Кале и Миддельбургѣ. Это было сдѣлано частію для облегченія собранія пошлинъ, частію для обезпеченія надзора за качествомъ продаваемыхъ товаровъ, что въ средніе вѣка признавалось совпадающимъ съ интересами самихъ продавцевъ. Но частію, несомнѣнно, это было и признаніемъ права парламента (общинъ) контролировать непрямое обложеніе, такъ же какъ въ 1340 году было признано его право контроля надъ прямымъ обложеніемъ. Для этого было необходимо стать между королемъ и купеческими обществами, которыя въ замѣнъ монополіи были готовы позволить королевскимъ чиновникамъ возвысить старую пошлину на шерсть съ 10 шил. съ мѣшка до 30 или 40 шил. и даже больше. Еслибы дѣло продолжало идти такимъ образомъ, то власть общинъ «надъ кошелькомъ» превратилась бы въ пустую фразу. Потому то и началась борьба, рѣшенная въ 1362 году признаніемъ принципа, что облагать пошлиной шерсть можетъ только парламентъ. Такимъ образомъ избѣжали крупной опасности, потому что одно время казалось, что образуется четвертое сословіе — сословіе купцовъ.

Тяжесть налоговъ. Purveyance и Aids.

Другія формы косвенныхъ налоговъ, оставленныя, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, въ силу твердыхъ и постоянныхъ настояній общинъ, состояли во первыхъ изъ займовъ (когда у щедраго, но нищаго короля не было денегъ, аббатству или мѣстечку было трудно отказать ему), во вторыхъ изъ «коммиссій призыва»—ихъ парламентъ 1352 года призналъ незаконными, если они выдавались безъ согласія парламента, но когда французскій флотъ или шотландская армія нападали на страну, король не хотѣлъ обращать вниманія на постановленіе, что милиція должна служить только въ своемъ графствѣ и притомъ на королевскомъ жалованьи—въ третьихъ существовало purveyance или право короля брать припасы и орудія передвиженія по низшей цѣнѣ. Уже и само по себѣ это право было отяготительнымъ, а злоупотребленіе имъ прямо нестерпимымъ. «Они хватаютъ скотъ и платятъ вамъ за него палками»... «При приближеніи короля, благодаря этой проклятой прерогативѣ, всѣхъ охватываетъ ужасъ; люди прячутъ свою птицу и яица; я самъ трепещу за народъ» (такъ выражается самъ архіепископъ Ислипъ). Злоупотребленія уменьшились послѣ статута 1362 года. Но всѣ эти вымогательства и борьба за различныя формы обложенія были логическимъ послѣдствіемъ недостаточной фискальной теоріи того времени.

Со времени малолѣтства Генриха III все болѣе и болѣе раздавались голоса, чтобы «король жилъ на свои средства». Въ концѣ царствованія Эдуарда III это сдѣлалось лозунгомъ реформаторской партіи. Это значило, что въ обыкновенные годы должно довольствоваться обыкновеннымъ доходомъ, около 65000 фун. въ годъ. Если появлялись чрезвычайные расходы, если война требовала экстренной ассигновки, король долженъ обратиться къ парламенту; это уже было не его собственное, которымъ онъ могъ распоряжаться какъ ему хотѣлось, а народное, даваемое ему по волѣ націи. Принципъ ясенъ и пригоденъ; но въ немъ было два недостатка. Обыкновенныхъ доходовъ не хватало въ обыкновенное время и парламенты никогда не уплачивали цѣликомъ всѣхъ военныхъ издержекъ, а «помогали» королю недостаточнымъ взносомъ. Потому въ обыкновенные годы и въ необыкновенные король прибѣгалъ къ поставкамъ (purveyance); онъ обѣщалъ уничтожить злоупотребленія, но исполнить этаго обѣщанія онъ не хотѣлъ, да и не могъ; было благомъ, что нація узнала стоимость войны и славы; было благомъ, что она не легко одержала побѣду надъ прерогативой, было благомъ, что тяжесть налоговъ заставила третье сословіе сдѣлаться руководителемъ двухъ другихъ и что борьба англійскаго народа продолжала вестись на широкой и прочной почвѣ договора между королемъ и народомъ. Это и составляло конституціонное вліяніе обложенія въ четырнадцатомъ вѣкѣ; это вліяніе было регулятивнымъ, а не формирующимъ, какъ раньше.

Новыя формы обложенія. Tunnage и Poundage.

Въ 14 вѣкѣ система и методъ обложенія подверглись полному измѣненію. При Генрихѣ II существовала система обложенія по классамъ: феодальный классъ платилъ налогъ на щиты (scutage), фригольдеры налогъ съ земли (hidage, а позднѣе carucage); классъ вилленовъ, къ которому въ теоріи принадлежали и мѣстечки (боруги), платилъ поголовный налогъ (tallage). Послѣ 1188 года къ этому присоединилась десятина съ духовенства. Но раздѣленіе классовъ было очень опаснымъ и Эдуардъ I сдѣлалъ обложеніе національнымъ и однороднымъ.

Феодальныя повинности исчезли и вмѣстѣ съ ними налогъ на щиты и поземельный налогъ на фригольдеровъ (Scutage и Carucage). Это были поземельные налоги, а богатство страны теперь не состояло исключительно изъ земель. Поголовная подать (tallage), хотя съ 1297 года и не была уже беззаконной, казалась тяжелой и не выгодной; ее не взимали съ 1322 года. Всѣ эти налоги были замѣнены системой «десятинъ и пятнадцатыхъ», собираемыхъ съ доходовъ и движимаго имущества и увеличенныхъ таможенныхъ пошлинъ въ 2 шилл. на бочку вина и въ 6 д. съ фунта другихъ товаровъ. Эти сборы (tunnage и poundage) и обычная пошлина на шерсть въ 10 шил. съ мѣшка составляли годичную ассигновку и давали двѣ

питыхъ обыкновенныхъ доходовъ. Всего вмѣстѣ съ чрезвычайными сборами въ годы особой нужды можно было собрать около 180000 ф.

Вторая половина царствованія Эдуарда III.

Въ 1355 году снова началась война съ Франціей, хотя въ этомъ году Общины на вопросъ: примутъ ли онѣ постоянный миръ, «единодушно и всѣ вмѣстѣ» воскликнули: да, да! Замѣчательная побѣда при Пуатье повела къ миру въ Бретиньи въ 1360 году, отдавшему Англіи болѣе половины провинцій Франціи. Но страшныя опустошенія, производимыя во Франціи англійскими волонтерами, возбудили въ странѣ духъ объединенія и патріотизма. «Черный принцъ» тратилъ свои силы и губилъ свое здоровье въ безполезной испанской экспедиціи и на нѣкоторое время посадилъ на престолъ Кастиліи Педро Жестокаго. Въ 1373 году принцъ вернулся домой разбитымъ человѣкомъ; его слава была запятнана убійствами въ Лиможѣ и пришедшій къ нему на помощь флотъ былъ разбитъ испанцами при Рошели въ 1372 году. Призракъ англійскаго владычества исчезалъ. Оставалось отъ него только Бордо и Кале. Самъ Эдуардъ III занимался теперь другими дѣлами. Женивъ своихъ четверыхъ сыновей на наслѣдницахъ крупныхъ англійскихъ фамилій, онъ проложилъ путь новой внутренней политикѣ. Почти все, что ни дѣлалъ этотъ эгоистическій государь, было блестяще съ виду и длилось, пока онъ жилъ; но новая политика оказалась губительной для его потомства. Вмѣстѣ съ крупными ленами она вносила въ королевскій родъ и непримиримые раздоры; несчастья войны Розъ обусловливались въ концѣ концевъ политикой Эдуарда III. Конецъ его царствованія былъ омраченъ борьбой и предвѣстниками надвигавшейся бури. Его супруга Филиппа умерла въ 1369 году и при дворѣ открыто управляла его любовница Алиса Перрерсъ. Придворные нападали на важныхъ церковниковъ, въ родѣ Вилльяма Викгама и прогоняли ихъ съ ихъ должностей. «Добрый парламентъ» 1376 года обвинилъ въ государственномъ преступленіи главныхъ изъ придворныхъ, изгналъ Алису Перрерсъ и выразилъ народную ненависть и подозрѣніе противъ Джона Гаунта; но главное, онъ составилъ списокъ 140 петицій, то, что можно назвать «великой ремонстраціей» этого царствованія, бросившей мрачную тѣнь на всю администрацію. Правда, старыя феодальныя злоупотребленія перестали быть страшными, но старыя жалобы Великой хартіи, «Безумнаго парламента» 1258 года и ордонансовъ 1311 года оставались неудовлетворенными. Появилась новая опасность въ правѣ шерифовъ наполнять парламентъ приверженцами администраціи и въ общей враждебности противъ церкви за ея злоупотребленія ея богатствомъ, за ея подкупные суды, за непатріотическія стремленія, во враждебности къ папству, противъ котораго вся нація возстала уже въ 1366 году, отвергнувъ въ парламентѣ вассальную присягу Іоанна и ежегодную подать въ тысячу марокъ.

Было изобрѣтено новое орудіе, оказавшееся потомъ обоюдоострымъ,

въ обвиненіи парламентомъ въ государственномъ преступленіи безъ суда (impeachment). Открыто было новое конституціонное средство для разрѣшенія важной задачи всякаго правительства, контроля законодательной власти надъ исполнительной, когда общины назначили десять лордовъ изъ реформаціонной партіи для «усиленія» королевскаго совѣта; это былъ первый изъ цѣлаго ряда шаговъ въ процессѣ установленія кабинетскаго управленія. Въ особенности же появилась наконецъ новая сила, отнявшая руководительство у бароновъ. Когда Джонъ Гаунтъ дерзко отмѣнилъ мѣры парламента послѣ его распущенія и даже составилъ въ слѣдующемъ году новый, покорный парламентъ и снова подкупомъ добился покорности боязливыхъ лордовъ, смерть Эдуарда III (21 іюня 1377 года), послѣдовавшая вскорѣ послѣ смерти Чернаго принца, посадила на престолъ малолѣтняго короля, что всегда въ политикѣ ведетъ къ компромиссамъ. Джонъ Гаунтъ утратилъ свое вліяніе; Общины въ октябрскомъ парламентѣ этого года снова выбрали прежняго спикера и снова заняли свою прежнюю конституціонную позицію.

Смерть Чернаго принца и Эдуарда III.

Нація, наконецъ, выучилась обходиться безъ бароновъ, какъ конституціонныхъ вождей; теперь политическое исчезновеніе баронства было только вопросомъ времени и удобства. Общины, добившись права требовать строгаго отчета отъ королевскихъ министровъ, захватили въ свои руки администрацію. Ихъ участіе въ законодательствѣ тоже увеличилось въ теченіе столѣтія, протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были созваны Эдуардомъ I только для того, чтобы давать согласіе на обложеніе и представлять петиціи. Продолжительной борьбой съ его внукомъ онѣ добились права получать отвѣтъ на свои петиціи, добились и того, что эти отвѣты должны быть не устными, а формально записанными за печатью короля и что отвѣтъ на каждую петицію долженъ записываться на оборотѣ петиціи. Нужно было сдѣлать только одинъ шагъ для превращенія петиціи въ билль и для достиженія инициативы въ законодательствѣ.

Паденіе бароновъ и возвышеніе Общинъ.

Побѣды Общинъ въ парламентѣ были въ сущности побѣдой только аристократіи. Рядомъ съ небольшой группой сельскихъ фригольдеровъ и городскихъ гражданъ стояла не имѣвшая представителей масса виллановъ и непривиллегированныхъ ремесленниковъ. Когда эти классы начали впервые дѣйствовать и нашли выразителей своихъ нуждъ и интересовъ, когда они заговорили въ Крестьянскомъ возстаніи, въ движеніи лоллардовъ, въ поэмѣ «Петръ Пахарь»—это должно было показаться страшнымъ; какъ говорили римскіе авгуры предъ пуническими войнами, bos locutas est. Уже въ 1366 году Виклифъ издалъ свою книгу о «Власти Бога», бывшую прямымъ нападеніемъ на обычную церковную теорію о подчиненіи государства церкви. Потомъ онъ осудилъ узурпацію англійскихъ бенефицій папой. Потомъ соединился съ Джономъ Гаунтомъ—это былъ странный союзъ религіознаго энту-

Политическое положеніе. Низшіе классы и Виклифъ.

зіаста съ испорченнымъ придворнымъ—для нападенія на положеніе и на богатство церковниковъ и былъ вызванъ къ суду лондонскаго епископа Куртенея. Судъ былъ прерванъ возмущеніемъ лондонцевъ противъ Джона Гаунта. Другой судъ въ 1388 году былъ прерванъ новымъ народнымъ бунтомъ противъ папской буллы. Съ этого времени Виклифъ, бывшій до тѣхъ поръ реформаторомъ, становится революціонеромъ. Онъ подходитъ къ самой сущности вопроса о положеніи церкви, отрицая ученіе о пресуществленіи. Онъ немилосердно нападаетъ на регулярную армію церкви, на монаховъ и фріаровъ. Онъ аппелируетъ на церковниковъ къ народу и переходитъ отъ латинскихъ трактатовъ къ краткимъ англійскимъ брошюрамъ. Этими брошюрами, англійскимъ переводомъ библіи и своимъ орденомъ «бѣдныхъ священниковъ» или странствующихъ проповѣдниковъ онъ переноситъ самыя основныя проблемы средневѣкового мышленія на арену общественнаго обсужденія. Онъ былъ первымъ англійскимъ прозаическимъ писателемъ и его проза уже имѣла всѣ лучшія характерныя черты англійской литературы: краткость, силу и рѣзкій юморъ.

Лоллерды. Крестьянское возстаніе.

Онъ умеръ въ 1384 году. Послѣдователи его, лолларды, достигли апогея вліянія около 1394 года. Петиція, представленная ими тогда парламенту, не только осуждаетъ нѣкоторыя церковныя доктрины и обряды, но и войну, смертную казнь и торговлю предметами роскоши. Послѣдователи Виклифа послѣ того, какъ лишились его руководящей руки, позволили движенію перейти въ дикій соціализмъ и оно скоро было дискредитировано. По показанію Вальсингама всякій изъ двухъ встрѣчныхъ былъ въ 1390 году лолардъ. А въ 1401 году парламентъ хотѣлъ издать актъ о сожженіи еретиковъ. Виклифа иногда считаютъ отвѣтственнымъ за возстаніе 1381 года, называемое крестьянскимъ возстаніемъ. Но для объясненія этого движенія имѣются иныя, совершенно достаточныя причины. Достаточно вспомнить о нуждѣ, порожденной внезапнымъ и громаднымъ повышеніемъ заработной платы и цѣнъ послѣ Черной смерти съ одной стороны, и объ увеличивающейся суровости статутовъ о рабочихъ, которыми хотѣли уничтожить это необходимое поднятіе—съ другой. Какъ и при другихъ переворотахъ, были и иныя содѣйствующія причины. Дезорганизирующее и деморализирующее вліяніе продолжительныхъ войнъ, жалобы горожанъ на ихъ феодальныхъ лордовъ и ремесленниковъ на угнетенія гильдій, распространеніе ученій, въ родѣ приписываемыхъ Джону Баллю, и лозунговъ, заимствованныхъ изъ «Петра Пахаря»—все это слѣдуетъ принять въ разсчетъ. Въ Кентѣ, гдѣ по легальной теоріи не было крѣпостного права, возстаніе было скорѣе политическимъ, чѣмъ соціальнымъ. Поводомъ были ненавистные новые налоги (poll-taxes); но эти налоги 1381 года должны скорѣе считаться сигналомъ, чѣмъ причиной возстанія. Замѣчательно было то

обстоятельство, что возстаніе было почти повсемѣстнымъ отъ Кента до Ланкашира, отъ Норфолька до Девона; другими характерными чертами движенія была необычайная способность къ организаціи и соглашенію въ дѣйствіяхъ, паника, охватившая зажиточные классы, и мудрость и храбрость юнаго короля. Когда Вальвортъ, мэръ Лондона, поразилъ въ Смитфильдѣ Вата Тайлера, Ричардъ II, пятнадцатилѣтній мальчикъ, выступилъ впередъ съ словами: «я буду вашимъ вождемъ» и убѣдилъ ихъ посредствомъ грамотъ освобожденія, въ родѣ той, которую онъ наканунѣ этого дня въ Мильэндѣ обѣщалъ вилланамъ восточныхъ графствъ, вернуться домой. Его совѣтники, однако, уже черезъ три недѣли заставили его уничтожить эти грамоты и парламентъ, участвовавшій въ этой измѣнѣ, воспользовался возстаніемъ для своихъ политическихъ цѣлей, приписавъ его административнымъ злоупотребленіямъ, налогамъ и поставкамъ и оффиціальнымъ обманамъ. Во всякомъ случаѣ сохранилось хоть одно изъ слѣдствій возстанія. Оно несомнѣнно ускорило процессъ превращенія вилланова въ копигольдеровъ и системы фермерства баллы въ систему арендnаго фермерства.

Главную роль при дворѣ со времени смерти Эдуарда III игралъ Джонъ Гаунтъ; но 1381 годъ доказалъ, какое презрѣніе питаетъ къ нему страна. Въ 1386 году онъ отправился въ Гасконь для безплодной попытки осуществить свои права на престолъ Кастиліи. Для уравновѣшенія вліянія дядей Ричардъ II полагался на Вера, графа Оксфордскаго и Михаила Поля, графа Суффолькскаго. Когда первый былъ сдѣланъ герцогомъ Ирландскимъ, обѣ палаты произвели энергическое нападеніе на двухъ фаворитовъ. Надменный отвѣтъ короля, что по ихъ желанію онъ не отставитъ даже поваренка, повелъ къ многозначительному напоминанію о судьбѣ Эдуарда II. Это испугало короля; онъ подчинился. Суффолькъ былъ объявленъ государственнымъ преступникомъ и отставленъ. На годъ было назначено регентство совѣта. Но тотчасъ же по распущеніи парламента король началъ дѣйствовать рѣшительно. Онъ объѣзжалъ страну для пріобрѣтенія сторонниковъ, онъ потребовалъ отъ шерифовъ составленія покорнаго парламента и добился отъ судей рѣшенія, что порученіе, данное совѣту, незаконно и создалъ себѣ въ Лондонѣ партію. Но Лондонъ «измѣнчивъ, какъ вѣтеръ»; шерифы объявили ему, что населеніе противъ него, небольшое войско Вера было разбито при Радкотъ-Бриджѣ; пять лордовъ внесли формальное обвиненіе (appeal) въ измѣнѣ совѣтниковъ короля. Этими лордами-аппелянтами были: Томасъ, герцогъ Глочестерскій, младшій дядя короля; Генрихъ Дерби, сынъ Джона Гаунта; Мавбрей, графъ Ноттингамъ; Бошанъ, графъ Варвикъ и графъ Арундель. Подъ ихъ вліяніемъ въ февралѣ 1388 года собрался «Немилосердный парламентъ» и въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ совершилъ то дѣло, которое дало ему его прозвище. Друзья

Король и его совѣтники.

короля были всѣ устранены. Въ теченіи года Ричардъ, не подавая признаковъ жизни, выносилъ иго; но въ маѣ 1389 года онъ вошелъ въ совѣтъ, объявилъ, что онъ достаточно взрослый, чтобы управлять самому (ему было въ то время уже двадцать три года) и отставилъ аппелянтовъ. Удовлетворившись однако такимъ полнымъ успѣхомъ произведеннаго имъ переворота, онъ скоро вновь призвалъ ихъ къ власти; начался счастливый періодъ, восемь лѣтъ спокойнаго, популярнаго и конституціоннаго управленія. Даже съ Франціей жили въ мирѣ, такъ какъ заключенное въ 1389 году перемиріе было въ 1396 году скрѣплено бракомъ короля съ французской принцессой. Это время было также временемъ важныхъ законодательныхъ мѣръ; старые статуты противъ «провизоровъ» и «мертвой руки» были исправлены; проведены новые акты противъ «свиты» (livery и maintenance). Джонъ Гаунтъ возвратился изъ Гаскони, сыгралъ ту роль, которую онъ игралъ въ трагедіяхъ Шекспира и старался поддержать согласіе въ королевской семьѣ. Самъ Ричардъ съ той странной приспособляемостью характера, которую такъ тонко отмѣтилъ у него Шекспиръ, отдался другимъ инстинктамъ своей натуры: любви къ музыкѣ и книгамъ, къ искусству и рыцарскимъ играмъ.

Абсолютизмъ. Возмущеніе Герефорда.

Но подъ спокойной поверхностью происходили важныя измѣненія. Надменность Глочестера становилась съ каждымъ днемъ все невыносимѣе, смерть популярной королевы Анны въ 1394 году и узаконеніе Бофортовъ, дѣтей Джона Гаунта отъ любовницы, уничтожила согласіе въ королевской семьѣ. Король привлекъ на свою сторону двухъ изъ аппелянтовъ: Генриха Дерби и Ноттингама и въ качествѣ противовѣса составилъ группу лордовъ роялистовъ (Голланды, Монтекутъ, Скропъ и др.). Случайность послужила поводомъ для взрыва. Парламентъ 1396 года подалъ петицію противъ администраціи королевскаго двора. Король съ негодованіемъ потребовалъ выдачи автора, нѣкоего Гаксея; общины, испуганные и извиняясь, уступили. Обрадованный такой побѣдой и узнавъ, что три враждебные лорда-аппеляпта: Глочестеръ, Арундель и Варвикъ сошлись у Аруделя для переговоровъ о своихъ планахъ, король нанесъ внезапный ударъ и черезъ три мѣсяца Арундель умеръ смертью измѣнника, Глочестеръ былъ найденъ мертвымъ въ Кале, а Варвикъ былъ изгнанъ. Парламентъ уничтожилъ всѣ акты «Немилосерднаго парламента» 1388 года; онъ вотировалъ королю шерстяную субсидію пожизненно и упрочилъ его деспотическую власть, передавъ свои полномочія комитету лордовъ и общинъ. Англійская монархія внезапно превратилась въ абсолютную. Невозможно было, чтобы подобное ниспроверженіе дѣла трехъ вѣковъ осталось неизмѣннымъ. Для довершенія своего торжества Ричардъ воспользовался споромъ между двумя остальными лордами-аппелянтами: Генрихомъ Дерби и Мовбреемъ Ноттингамомъ, получившими въ то время титулы герцоговъ Герефорда и Норфолька.

Между ними произошла публичная дуэль, при самомъ началѣ ея король вмѣшался и изгналъ обоихъ. Послѣ смерти Джона Гаунта Ричардъ завладѣлъ помѣстьями Ланкастеровъ; Генрихъ возвратился для полученія наслѣдства; король находился тогда въ Ирландіи. Генрихъ давно уже былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Англіи и несомнѣнно имѣлъ соглашенія съ крупными лордами. Всѣ перешли на его сторону; Ричардъ при возвращеніи нашелъ, что его положеніе безнадежно и 29 сентября 1399 года отрекся. Современный хроникеръ, монахъ Евешама, видитъ въ паденіи Ричарда поученіе, что кто «вынимаетъ мечь и погибнетъ отъ меча». Подобно Ровоаму, онъ презрѣлъ совѣты старыхъ и слѣдовалъ на свою погибель совѣтамъ молодыхъ. Генрихъ явился въ парламентъ, чтобы заявить свое право на престолъ, какъ «потомокъ по прямой линіи Генриха III» и «какъ посланный Богомъ для отстаиванія своего права, когда королевство находится на краю погибели отъ недостатка управленія». Такимъ образомъ пала средневѣковая форма монархіи и ея претензія на абсолютизмъ, она исчезла до тѣхъ поръ, пока національныя нужды не вызвали ее снова къ временному существованію при Тюдорахъ; Стюарты погибли въ мятежной и роковой попыткѣ оживить ее не только на практикѣ, но и въ теоріи, столь же вредной, какъ и теорія Ричарда II. Онъ говорилъ, что «законъ въ его устахъ и груди» и его низложеніе закончило долгую борьбу между конституціей, установленной Эдуардомъ I, и болѣе старой идеей о королевскихъ прерогативахъ. До весны Ричардъ умеръ; замокъ Помфретъ хорошо сохранилъ свою тайну и до сихъ поръ неизвѣстно, какъ онъ умеръ.

Религія.

Р. Пуля.

Англія и папство. Статуты Praemunire.

Переходъ папства въ Авиньонъ въ началѣ четырнадцатаго вѣка имѣлъ серьезныя послѣдствія, какъ относительно матеріальныхъ средствъ, такъ и относительно общественнаго вліянія Святого престола. Авиньонъ находился на границѣ Франціи и папы «плѣненія» (какъ называлось отсутствіе ихъ изъ Рима) были всѣ французы. Нѣкоторые могли быть въ силу побѣдъ Эдуарда III и англійскими подданными, и тѣмъ не менѣе и ихъ симпатіи и ихъ языкъ были французскими. Папство сдѣлалось вѣрнымъ союзникомъ Франціи и до значительной степени утратило свое прежнее положеніе силы, свободной и стоящей выше всѣхъ дворовъ свѣтскихъ государствъ. Въ Англіи, въ особенности послѣ того, какъ ея арміи покорили и

унизили Францію, французскій папа, вполнѣ отождествляющій себя съ интересами Франціи, не могъ пользоваться такимъ поклоненіемъ, какъ раньше; здѣсь, въ странѣ, бывшей раньше наиболѣе преданной святому престолу, сѣмена недовольства постепенно породили духъ протеста, по временамъ выражавшійся въ открытыхъ жалобахъ и даже въ прямой оппозиціи. Англія была полемъ, на которомъ папство собирало наибольшую жатву. Теперь, когда папы не жили болѣе въ Италіи, доходъ съ ихъ тамошнихъ владѣній собирался съ крайними затрудненіями и быстро уменьшался. Папа становился все болѣе и болѣе зависимымъ отъ даровъ и вымогательствъ въ другихъ странахъ; Франція во второй половинѣ четырнадцатаго вѣка была истощена войнами; отъ Германіи получки были незначительны, и главная тяжесть падала на Англію, которая должна была вносить въ папское казначейство суммы, значительно большія, чѣмъ слѣдовало ей платить пропорціонально населенію, а также и ежегодную дань въ тысячу марокъ (частію собираемую съ Ирландіи), унаслѣдованную отъ безпутнаго короля Іоанна.

Какъ ни было тяжело это прямое обложеніе, страна страдала не отъ него одного. Постоянно требовали диспенсацій и другихъ привилегій, а получить ихъ могли только тѣ, которые соглашались платить взносы по опредѣленному тарифу, подробно опредѣлявшему стоимость каждой привилегіи; аппеляціи къ папскому суду влекли за собой не только тяжелые расходы, но онѣ возбуждали и оппозицію со стороны англійскихъ государственныхъ людей, такъ какъ представлялись имъ нарушеніемъ права короля на юрисдикцію. Не спорили о томъ, что нѣкоторыя дѣла могли восходить до судовъ папы; жаловались на то, что въ нихъ переносились иски по вопросамъ, подлежавшимъ только гражданской власти. Но сферы свѣтской и духовной юрисдикціи такъ перепутались, что было трудно найти правило, которое исключало бы подобные вопросы и сохраняло право аппеляціи только въ тѣхъ случаяхъ, которые представлялись безспорными. Напримѣръ въ 1358 году епископъ Эли аппелировалъ къ папѣ по дѣлу, приговоръ по которому велъ за собой отлученіе нѣкоторыхъ членовъ королевскаго Совѣта; но едва папскіе коммиссары прибыли въ Англію, эти члены были посажены въ тюрьму, преданы свѣтскому суду и наконецъ казнены. Это былъ такой случай, въ которомъ обѣ стороны могли ставить свои притязанія. Хотя серьезныхъ аппеляцій было теперь и меньше, чѣмъ при королѣ Генрихѣ III, все же онѣ были довольно частымъ явленіемъ и часто были настолько раздражающими—такъ какъ папство было въ союзѣ съ Франціей—что это порождало постоянныя столкновенія. Потому въ 1353 году былъ изданъ ордонансъ praemunire противъ «уничтожателей королевскихъ судовъ», воспрещавшій внесеніе въ иностранные суды исковъ, подлежащихъ вѣдѣнію англійскихъ законовъ. Чрезъ тринадцать лѣтъ

былъ проведенъ статутъ, прямо примѣнявшій это воспрещеніе къ папскому суду и, наконецъ, въ 1393 году статутъ praemunire наказывалъ всѣхъ, привозящихъ изъ Рима буллы и другіе документы. Законъ былъ до крайности вреденъ для папы; но онъ былъ не въ такомъ положеніи, чтобы настаивать на его отмѣнѣ. Его протесты были напрасными, и аппеляціи сдѣлались рѣже. Все таки власть папы давать разрѣшенія покрывала много дѣлъ, по которымъ возникала аппеляція; да и кромѣ того онъ часто отправлялъ въ Англію судей въ качествѣ своихъ представителей, такъ что иностранная юрисдикція не была окончательно устранена, хотя теперь она отправлялась въ самой Англіи.

Provisores.

Система, порождавшая, можетъ быть, больше всего недовольства въ умахъ людей, желавшихъ дѣятельнаго управленія англійской церковью, состояла въ практикѣ относительно дарованія пребендъ. Папа обыкновенно дѣлалъ «провизію» (временное назначеніе) на слѣдующую вакантную бенефицію или номинально по спеціальнымъ причинамъ сохранялъ за собой (reserve) право назначенія на вакантное мѣсто. Онъ имѣлъ также безспорную прерогативу назначать на епископства, вакантныя вслѣдствіе перевода епископа; онъ и старался переводить епископовъ такъ часто, какъ только возможно, и такимъ образомъ получать не только жалованье и доходъ перваго года (firstfruits) переводимаго епископа, но и того прелата, котораго назначалъ на мѣсто переводимаго. Жаловались не только на то, что при этомъ пренебрегается интересами кафедры или другой бенефиціи, а также и на то, что часто назначались чужестранцы, пользовавшіеся доходами бенефицій, не давая себѣ даже труда посѣтить Англію. Въ 1351 году статутъ о «провизорахъ» воспрещалъ принимать папскія временныя назначенія и передавалъ патронатъ надъ такима бенефиціями королю. Законъ постоянно нарушался и всѣ попытки рѣшить вопросъ сколько нибудь удовлетворительно не имѣли никакого успѣха.

Римъ и національное чувство.

Необходимо помнить объ этомъ, чтобы понять, какимъ образомъ движеніе, возбужденное Виклифомъ, имѣло хотя бы и временный успѣхъ. Папство все болѣе и болѣе превращалось въ свѣтское учрежденіе, дѣйствія котораго можно было подвергать критикѣ, какъ дѣйствія обыкновенныхъ свѣтскихъ властей, и въ то время оно подвергалось еще большему осужденію, благодаря его союзу съ французской политикой. Кромѣ того четырнадцатое столѣтіе было вѣкомъ замѣчательнаго роста національнаго чувства въ государствахъ западной Европы. Германскіе избиратели въ 1338 году отстаивали свое право избранія короля, не нуждающагося въ утвержденіи папы; въ томъ же году, когда въ Англію были отправлены два кардинала, очевидно въ интересахъ Франціи, для заключенія мира между Франціей и Англіей, самъ архіепископъ кентербюрійскій напалъ на нихъ

съ каѳедры. Каждая изъ націй рѣшилась завѣдывать своими дѣлами безъ внѣшняго вмѣшательства, и такимъ же образомъ нація смотрѣла и на дѣла своей церкви. Англійская церковь—Ecclesia Anglicana—всегда отстаивала свое отдѣльное существованіе и естественно, что центробѣжное стремленіе усилилось теперь благодаря положенію папства. Не надо забывать и того, что царствованіе Эдуарда III отмѣчается ростущимъ употребленіемъ англійскаго языка въ проповѣдяхъ и для благочестивыхъ цѣлей; чѣмъ болѣе религія представлялась простому народу въ англійскомъ одѣяніи, тѣмъ болѣе церковный латинскій ритуалъ казался чуждымъ, ввознымъ продуктомъ. Такимъ образомъ національно патріотическое чувство соединялось съ политическими соображеніями и съ религіозными мотивами въ признаніи желательности сопротивленія французской власти и свѣтскимъ тенденціямъ Авиньона. Выразителемъ всѣхъ этихъ сторонъ общественнаго мнѣнія и явился Виклифъ. Идеи другихъ и взгляды, полученные отъ литературной традиціи, выразились въ его замѣчательно обработанной латинской діалектикѣ или въ его нервной англійской инвективѣ; если сущность у него до значительной степени заимствована, то форма принадлежала ему лично. Смутное и неопредѣленное онъ вложилъ въ осязаемыя формы и изложилъ свой искъ противъ Рима въ ясныхъ предложеніяхъ, за которыя могли бороться его ученики.

Джонъ Виклифъ.

Джонъ Виклифъ былъ іоркширецъ и, несомнѣнно, членъ рода, въ теченіе вѣковъ владѣвшаго помѣстьемъ Виклифъ на Тисѣ. Онъ родился около 1320 года и поступилъ въ коллегію, основанную въ Оксфордѣ за пятьдесятъ лѣтъ до его рожденія его сосѣдями, Балліолями изъ Барнардъ-Кастля; въ 1360—1361 году онъ исполнялъ обязанности магистра этой коллегіи. Потомъ онъ принялъ приходъ въ Линкольширѣ; въ 1368 году онъ отказался отъ мѣста и взялъ приходъ въ Букингамширѣ недалеко отъ Оксфорда. Повидимому, онъ часто жилъ въ университетѣ, начиная съ 1363 года и потому могъ удовлетворять тѣмъ условіямъ, которыя требовались отъ баккалавра и доктора богословія. Онъ получилъ высшую степень около 1374 г. Вообще полагали,—хотя это совсѣмъ не достовѣрно—что онъ и Джонъ Виклифъ, назначенный въ 1365 году архіепископомъ Ислипомъ ректоромъ Кентербюри-Галля, одно и тоже лицо. Эта Галль была недавно основана архіепископомъ для монаховъ и мірского духовенства; но соединеніе такихъ разнородныхъ элементовъ оказалось невозможнымъ, и Ислипъ, назначивъ Виклифа, удалилъ монаховъ и организовалъ Галль по образцу обыкновенныхъ коллегій. Архіепископъ Лангамъ, самъ бывшій бенедиктинскимъ монахомъ, отстаивалъ интересы своего ордена и низложилъ Виклифа и его свѣтскихъ товарищей. Послѣдовала апелляція въ Римъ, но представитель свѣтскаго духовенства по какимъ то неизвѣстнымъ причинамъ не явился въ Римъ

и понятно, что рѣшеніе состоялось противъ свѣтскаго духовенства. Въ силу папскаго рѣшенія 1370 года, подтвержденнаго королемъ въ 1372 году, Кентербюри Галль была признана исключительной собственностью монаховъ. Принимая во вниманіе, что коллегія сначала была отчасти предназначена для кентербюрійскихъ монаховъ и что планъ смѣшаннаго учрежденія не удался, рѣшеніе это, вѣроятно, слѣдуетъ признать при существовавшихъ отношеніяхъ справедливымъ; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать и того, что свѣтское духовенство было обижено и что именно это могло обратить вниманіе Виклифа на существовавшія въ римской церкви злоупотребленія. Но настаивать на такомъ положеніи все же невозможно, такъ какъ рѣшительно не доказано тождество сказаннаго ректора съ личностью реформатора—въ то время несомнѣнно было два Джона Виклифа—и притомъ извѣстно, что мнѣнія реформатора о церковныхъ вопросахъ уже были составлены до начала этого спора.

Виклифъ въ Оксфордѣ.

Положеніе Виклифа въ университетѣ было высоко. Онъ не только обладалъ громадными схоластическими знаніями—въ этомъ отношеніи никого не считали равнымъ ему—но онъ при этомъ обладалъ даромъ обученія и привлекъ къ себѣ массу учениковъ, такъ такъ хотя онъ и отклонился отъ признанныхъ правилъ теологической корректности, онъ пользовался огромной личной популярностью въ Оксфордѣ, гдѣ его послѣдователи удержались и вызывали противъ себя энергическія мѣры въ то время, когда его ученія уже были забыты въ другихъ частяхъ Англіи. Несомнѣнно, что положеніе, занятое имъ по отношенію къ папской власти, было публично извѣстно уже въ 1366 году, потому что въ этомъ году, когда парламентъ окончательно отказалъ въ уплатѣ годичной дани папѣ, именно Виклифу поручили составить документъ для поддержанія такого рѣшенія. Документъ, изъ котораго мы видимъ, что Виклифъ былъ однимъ изъ капелланов короля, особенно интересенъ, такъ какъ онъ уясняетъ его мнѣнія о великомъ вопросѣ объ отношеніяхъ между церковной и гражданской властями.

Виклифъ по вопросу о дани папѣ.

Онъ придалъ своему изложенію форму отчета о семи рѣчахъ лордовъ въ королевскомъ совѣтѣ при обсужденіи вопроса о дани. Возможно, конечно, что аргументы, выставленные въ совѣтѣ, послужили основаніемъ разсужденія Виклифа; но не можетъ быть сомнѣнія, что самое разсужденіе, его планъ, распредѣленіе и большинство аргументовъ представляютъ по существу произведеніе самого автора и что подробная аргументація лордовъ, въ сущности, его аргументація. Такъ, напр., онъ заставляетъ одного лорда отрицать законность полученія папой дани на томъ основаніи, что у Христа и апостоловъ не было собственности и что церковная собственность представляетъ отступленіе церкви отъ ея первоначальной чистоты. Это ученіе о евангельской бѣдности, бывшее лозунгомъ Марсилія Падуанскаго, Вильгельма Оккама и строгихъ францисканцевъ, одушевлявшее ихъ въ

ихъ подержкѣ Людовика Баварскаго противъ папы Іоанна XXII задолго до Виклифа. Другіе аргументы основаны на феодальныхъ принципахъ. Уплата дани предполагаетъ взаимность обязательствъ; она представляетъ *услугу*, что предполагаетъ тоже услугу въ замѣнъ. Но папа не только не помогаетъ и не защищаетъ Англію, а наоборотъ помогаетъ ея врагамъ, потому онъ не можетъ и отъ нея требовать помощи. Тутъ Виклифъ излагаетъ свой основной принципъ о власти (dominium), обусловливаемой услугой, служеніемъ.

Трактатъ: De dominio.

Полнымъ выраженіемъ этихъ двухъ положеній о евангельской бѣдности и о власти были трактаты: о власти Божіей и о гражданской (или человѣческой) власти; первое изъ этихъ произведеній написано, вѣроятно, около этого времени. Власть и служеніе соотвѣтствующіе другъ другу термины; одна не можетъ существовать безъ другого. Человѣкъ не можетъ обладать властью, если нѣтъ кого либо, надъ которымъ онъ имѣетъ эту власть. Самъ Богъ есть властелинъ только съ того времени, когда Онъ актомъ творчества создалъ тѣхъ, которые должны быть Его слугами. Но власть Бога отличается отъ власти человѣка тѣмъ, что первая распространяется на все созданное и притомъ на одинаковыхъ для всѣхъ условіяхъ служенія, ибо «Богъ управляетъ не посредственно чрезъ служащихъ ему вассаловъ, какъ имѣютъ власть короли. Онъ непосредственно и Самъ собою создаетъ, сохраняетъ и управляетъ всѣмъ, чѣмъ обладаетъ и помогаетъ всѣмъ совершать свое дѣло соотвѣтственно требованіямъ Его» [1]). Принципъ, что всѣ люди равны предъ Богомъ или, какъ выражается Виклифъ, что всѣ обязаны ему на одинаковыхъ условіяхъ служенія,—былъ, конечно, общимъ положеніемъ христіанскаго ученія, но Виклифъ перенесъ это положеніе изъ сферы религіозной въ политическую. Рангъ, занимаемый человѣкомъ предъ лицомъ Божіимъ, опредѣляетъ его рангъ, значеніе и положеніе, вообще все то, что онъ есть, и предъ лицомъ людей. Если въ силу своей грѣховности онъ утрачиваетъ положеніе предъ Богомъ, онъ необходимо утрачиваетъ и свое положеніе предъ людьми. Однимъ словомъ, по формулѣ Виклифа власть, господство, какъ духовное, такъ и свѣтское, основано *на милости*.

Это ученіе не составляло собственности Виклифа; онъ заимствовалъ его вполнѣ выработаннымъ изъ сочиненій—а можетъ быть, и изъ устнаго наученія Ричарда Фицъ-Ральфа, бывшаго членомъ коллегіи Балліоля около времени рожденія Виклифа и который, какъ извѣстно, жилъ въ Оксфордѣ по крайней мѣрѣ до 1333 года. Онъ умеръ въ 1360 году Армагскимъ архіепископомъ. Но Фицъ-Ральфъ пользовался своимъ ученіемъ о власти какъ орудіемъ нападенія на францисканскую доктрину о евангельской бѣдности. По его мнѣнію, отречься отъ собственности значило противиться закону, управляющему

[1]) De Dominio Divino, 1, 5.

всѣми отношеніями между людьми и отношеніями человѣка къ Богу. Виклифъ, напротивъ, пытался объединить оба эти ученія. Онъ слѣдовалъ за Фицъ-Ральфомъ въ опредѣленіи власти, но не могъ идти за нимъ въ поднятыхъ имъ вопросахъ. Тутъ онъ твердо держался мнѣній Оккама и францисканцевъ. Только въ концѣ своей карьеры онъ отступилъ отъ своего дружественнаго отношенія къ фріарамъ, да и то не на основаніи теоріи, а потому, что фріары были усердными адвокатами папской власти, которой онъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе сопротивлялся.

Коммунизмъ Виклифа.

На ученіе Виклифа о власти значительно повліяло ученіе св. Августина о сущности грѣха: «грѣхъ есть ничто и люди, когда грѣшатъ, становятся ничѣмъ». Зло есть отрицаніе, и тѣ, кто подчиняются злу, не имѣютъ положительнаго существованія. Очевидно, что они не могутъ обладать чѣмъ бы то ни было и не могутъ имѣть власти. Кажущаяся ихъ власть не есть реальное, настоящее обладаніе; она представляетъ просто несправедливое владѣніе, которое они должны будутъ когда нибудь передать справедливому. «Отъ того, который не имѣетъ, возьмется и то, чѣмъ онъ повидимому обладаетъ». Какъ злой не имѣетъ ничего, такъ съ другой стороны справедливый есть господинъ всего. На то, чѣмъ онъ не обладаетъ фактически, онъ имѣетъ потенціальное право; и такъ какъ всякій справедливый человѣкъ имѣетъ такую неограниченную власть, то по необходимости изъ этого вытекаетъ, что всѣ имущества должны быть общими. Ученіе объ общности имуществъ составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся частей системы Виклифа и это ученіе несомнѣнно имѣло болѣе серьезныя практическія слѣдствія, чѣмъ желалъ бы самъ авторъ. Правда, что Виклифъ сдѣлалъ значительныя оговорки по отношенію къ природѣ и цѣнности человѣческихъ владѣній. Онъ утверждалъ, что гражданское общество порождено грѣхомъ. стремленіемъ къ пріобрѣтенію, что гражданская власть есть благо лишь постольку, поскольку она соотвѣтствуетъ естественной власти, иначе говоря, власти, основанной на евангельскомъ законѣ. Гражданскіе правители оправданы лишь тогда, когда они признаютъ обязанность *служенія*, т. е, признаютъ свои обязанности по отношенію къ подданнымъ. Тѣмъ не менѣе все же остается положеніе, что ни одинъ человѣкъ не долженъ имѣть отдѣльной собственности и что все должно быть общимъ.

Ученье о церковной собственности.

Если таковъ идеалъ для всѣхъ людей, то очевидно, что таковъ прежде всего долженъ быть идеалъ церкви. Виклифъ, слѣдуя Оккаму, доказывалъ, что церковь не должна имѣть собственности, собственность церкви составляетъ препятствіе для ея настоящей миссіи. Церковь должна ограничиваться строго духовной сферой. Папство должно вернуться къ своему первоначальному положенію исключительно духовной силы, ибо «управленіе свѣтскими владѣніями по гражданскому способу, завоеваніе королевствъ и требованіе дани приличествуетъ

свѣтской власти, а не папѣ, такъ что если онъ обходитъ и устраняетъ обязанность духовнаго управленія и занимается этими другими дѣлами, его дѣятельность не только излишня, но и противна священному писанію» [1]). Потому если церковь захватываетъ функціи, принадлежащія государству, обязанность послѣдняго отстаивать свое право на свои собственныя дѣла. Въ такомъ случаѣ государство можетъ взять въ свое владѣніе земли и доходы церкви. Спрашивается: а если церковь произнесетъ отлученіе противъ грабителей? Но это отлученіе имѣетъ силу только тогда, когда объектъ его уже отлученъ въ силу своихъ грѣховъ. Если онъ согрѣшилъ; онъ уже находится внѣ христіанскаго общенія; если же онъ поступилъ справедливо, никакое осужденіе не можетъ измѣнить его положеніе милости. Одинъ примѣръ укажетъ намъ, съ какой послѣдовательностью Виклифъ доводилъ до логическихъ заключеній свое мнѣніе, что положеніе человѣка, какъ гражданское, такъ и духовное, опредѣляется только его личнымъ отношеніемъ къ Богу; только его собственный актъ возмущенія противъ Бога можетъ изгнать его изъ церкви. Только его свойства, а не его должность или рангъ, не какая либо декларація противъ него другого человѣка, дѣлаютъ изъ него то, что онъ есть въ дѣйствительности. Даже папа, если онъ не справедливъ, утрачиваетъ свое право на господство. Его повелѣніе, если оно противно волѣ Божіей, не имѣетъ обязательной силы. Виклифъ избѣгаетъ говорить что либо противъ царствующаго папы; но преданность къ нему, выраженная имъ въ терминахъ искреннихъ и сердечныхъ, не составляетъ доказательства противъ права сопротивляться ему, если его повелѣнія противны священному писанію. Очевидно, что общая аргументація Виклифа—если оставить въ сторонѣ его фантастическій коммунизмъ, значеніе котораго, вѣроятно, и не было понято сначала—совпадала съ цѣлями тѣхъ вельможъ, которые подобно Джону Гаунту, герцогу Ланкастерскому желали конфискаціи всей церковной собственности. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ не выходилъ, однако, изъ предѣловъ теоріи; только когда произошелъ великій расколъ въ папствѣ въ 1378 году, онъ выступилъ какъ практическій реформаторъ и становился съ каждымъ днемъ все болѣе непримиримымъ и радикальнымъ. Пока же онъ былъ просто ученымъ оксфордскимъ докторомъ богословія, ученостью котораго правительство могло пользоваться въ вопросахъ относительно церкви. Въ 1374 году онъ былъ назначенъ короной ректоромъ въ Луттервортѣ, въ архидіаконствѣ Лейчестеръ и сохранилъ этотъ приходъ до конца своей жизни; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ епископомъ св. Давида и другими столь же важными особами въ Брюгге съ порученіемъ вести переговоры съ представителями папы о непріятномъ во-

[2]) De Civili Dominio, 1, 17.

просѣ о «провизорахъ». Нечего удивляться, что эти переговоры не привели къ какому нибудь положительному и постоянному соглашенію; но возможно, что кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ и временныхъ уступокъ, принятыхъ тамъ, были и другіе, болѣе важные переговоры, о которыхъ въ то время не было сдѣлано доклада, но которые были потомъ чрезъ три года доложены парламенту.

Виклифъ, какъ общественный дѣятель.

Карьера Виклифа, какъ общественнаго дѣятеля, была начата. Обязанности сельскаго приходскаго священника — мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы онъ пренебрегалъ ими — не помѣшали ему читать въ Оксфордѣ, гдѣ онъ образовалъ школу; время отъ времени онъ появлялся въ качествѣ проповѣдника въ Лондонѣ и его противники должны были признать, что и тамъ вліяніе его было большимъ и прочнымъ. Почти несомнѣнно, что значительной долей своей популярности онъ былъ обязанъ силѣ своихъ нападеній на собственность церкви и что при этомъ его считали орудіемъ антиклерикальной партіи Джона Гаунта. Потому противники, желая нанести ударъ герцогу, нашли наиболѣе удобнымъ нанести его чрезъ Виклифа. Въ февралѣ 1377 года, вѣроятно вслѣдствіе какой нибудь проповѣди, произнесенной въ Лондонѣ, его вызвали въ соборъ св. Павла въ присутствіе епископовъ. Онъ повиновался и появился въ сопровожденіи Джона и лорда Перси, маршала Англіи. Джону сопутствовали четыре фріара, доктора богословія. Невозможно было болѣе ясно отмѣтить противоположность двухъ партій; но перебранка между сторонниками Виклифа и епископомъ Куртенеемъ не позволила приступить къ обсужденію обвиненій, о настоящей сущности которыхъ мы можемъ только догадываться.

Но уже были приняты мѣры, чтобы сообщить папѣ о вредныхъ мнѣніяхъ Виклифа и въ маѣ Григорій XI, только что перенесшій въ Римъ папскій престолъ, издалъ пять буллъ, перечислявшихъ восемнадцать ошибочныхъ мнѣній, отысканныхъ въ сочиненіяхъ Виклифа; въ силу чего онъ, если будетъ упорствовать въ этихъ мнѣніяхъ, долженъ быть арестованъ въ ожиданіи приговора папы. Эти статьи были точными цитатами изъ трактата «О гражданской власти», представлявшаго курсъ лекцій, читанныхъ въ Оксфордѣ. Онѣ касались вопросовъ о церковной собственности и о правѣ государства завладѣть ими, о законныхъ границахъ отлученія отъ церкви, о власти святого престола, какъ обусловливаемой личными достоинствами папы. Виклифа обвиняли въ заблужденіяхъ Марсилія Падуанскаго, сторонника императора въ его борьбѣ противъ папы Іоанна XXII — такое обвиненіе исторически было вѣрно, хотя и вѣроятно, что Виклифъ познакомился съ этими мнѣніями не у самаго Марсилія, а у его сотрудника, схоластика Оккама. Ученіе о евангельской бѣдности, выставленное ими противъ свѣтскости и роскоши авиньонскаго папства, соединенное съ самостоятельно выработанной Фицъ Ральфомъ теоріей

о власти составляло почти всю сумму взглядовъ Виклифа о сущности и условіяхъ духовной власти. Буллы Григорія XI были адрессованы къ королю, церковнымъ властямъ и къ оксфордскому университету. Онѣ получались въ Англіи въ неблагопріятное время. Эдуардъ III умеръ 21 іюня и принцесса Валлійская, бывшая главой правительства юнаго короля, кажется, была расположена къ Виклифу не меньше Джона Гаунта, исключеннаго изъ новаго королевскаго совѣта. Немедленно же по собраніи парламента у Виклифа спросили мнѣнія относительно права воспрещать вывозъ денегъ изъ страны даже по приказанію папы; его отвѣтъ сохранился. Но изъ предосторожности ему приказали молчать объ этомъ вопросѣ. Но по вопросу о папскомъ осужденіи онъ не желалъ молчать. Онъ составилъ защиту инкриминируемыхъ статей и представилъ ее парламенту; хотя правительство и не приняло никакихъ прямыхъ мѣръ для его защиты, невозможно, читая отчетъ о различныхъ обсужденіяхъ его дѣла, не убѣдиться, что несмотря на сильную общественную ненависть къ Джону Гаунту и на то, что извѣстная доля этой ненависти могла падать и на его союзника, Виклифъ въ этомъ случаѣ пользовался значительными поддержкой и довѣріемъ англичанъ.

Если буллы противъ популярнаго оксфордскаго ученаго были приняты дворомъ не особенно благосклонно, то еще менѣе охоты проявилъ университетъ сообразоваться съ ними въ своихъ дѣйствіяхъ; эта неохота еще увеличилась, когда архіепископъ кентербюрійскій и епископъ лондонскій отправили канцлеру приказъ, чтобы мнѣнія Виклифа были изслѣдованы оксфордскими богословами и чтобы его самого отправили въ Лондонъ для суда. Университетъ сначала хотѣлъ стоять на точкѣ зрѣнія своихъ привиллегій и совсѣмъ отказался принять буллы. Въ концѣ концевъ рѣшили держать Виклифа въ стѣнахъ «Черной Залы» (Black Hall), пока не будетъ разсмотренъ вопросъ о его мнѣніяхъ. Отчетъ былъ по существу въ его пользу; его взгляды, говорилось въ немъ, правильны, хотя и выражены такъ, что могутъ возбудить недоразумѣнія: такъ мало склоненъ былъ университетъ принимать обвиненія извнѣ противъ одного изъ своихъ членовъ.

Въ началѣ 1378 года Виклифъ лично предсталъ предъ епископами въ Ламбетѣ; но принцесса Валійская предупредила рѣшеніе, пославъ наканунѣ приказъ епископамъ не произносить приговора и дѣйствительно, когда Виклифъ появился съ писанной защитой, составленной въ выраженіяхъ болѣе осторожныхъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ обычно употреблялъ, на его защиту появились лондонскіе граждане въ сопровожденіи цѣлой толпы буйной черни. Вести процессъ было невозможно и епископы должны были ограничиться скромнымъ требованіемъ, чтобы Виклифъ избѣгалъ обсужденіе опасныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ Виклифъ былъ спасенъ лондонской чернью, повидимому жаждавшей разграбленія церкви. Теперь его признавали уже

не простымъ приверженцемъ ненавистнаго герцога Ланкастерскаго, а защитникомъ національныхъ правъ церкви противъ покушеній папства.

Тѣмъ не менѣе Виклифъ не переставалъ поддерживать Джона Гаунта и въ томъ же году онъ согласился принять на себя его защиту въ чрезвычайно спорномъ дѣлѣ. Два рыцаря убѣжали изъ лондонской Башни, куда ихъ посадили за отказъ выдать плѣнника, освобожденія котораго требовалъ герцогъ, и искали убѣжища въ святилищѣ Вестминстера. Герцогъ отправилъ туда банду вооруженныхъ людей, чтобы захватить ихъ, и въ послѣдовавшей дракѣ одинъ изъ нихъ былъ убитъ, а другой захваченъ. Лондонскій епископъ грозилъ отлученіемъ и Джонъ, чтобы избѣжать враждебности лондонцевъ, настоялъ, чтобы осенью парламентъ собрался въ Глочестерѣ. Тамъ то Виклифъ и защищалъ его. Въ документѣ, впослѣдствіи воспроизведенномъ имъ въ его книгѣ: «О церкви», онъ не пытался извинить убійства, но поддерживалъ право нарушенія убѣжища. Онъ былъ правъ постольку, поскольку привиллегія убѣжища давала поводъ къ частымъ злоупотребленіямъ; но спорные антеседенты случая, уже помимо употребленнаго насилія, дѣлали труднымъ общую принципіальную защиту такого положенія.

Виклифъ, какъ реформаторъ. «Бѣдные проповѣдники».

Въ томъ же 1378 году произошелъ кризисъ въ жизни Виклифа. Папство въ 1377 году возвратилось въ Римъ и теперь послѣ смерти Григорія XI произошли двойные выборы. 7 апрѣля былъ избранъ Урбанъ VI, но французскіе кардиналы, желая имѣть папу своей національности и надѣясь возвратиться въ свой возлюбленный Авиньонъ, объявили выборы не состоявшимися и въ сентябрѣ выбрали анти-папу Климента VII, снова переселившагося въ Авиньонъ. Такимъ образомъ произошелъ великій расколъ, продолжавшійся больше сорока лѣтъ и два ряда папъ царствовали одновременно и непримиримо враждовали между собой. Націи раздѣлились въ признаніи тѣхъ или другихъ папъ; Англія признавала римскаго папу, а Франція, за исключеніемъ небольшого перерыва, упорно держалась его авиньонскаго соперника. Такой ударъ, нанесенной христіанскому міру, сильно подѣйствовалъ и на Виклифа. Давно уже относясь критически къ громадной власти папства, онъ теперь задалъ себѣ серьезно вопросъ о справедливости этой власти вообще, и вскорѣ сдѣлался открытымъ ея противникомъ. Вѣроятно, что именно въ это время онъ съ полной энергіей предался дѣлу распространенія своего ученія въ широкихъ кругахъ англійскаго народа. Для этого онъ воспользовался двумя средствами; планъ и исполненіе его задачи составляютъ его главное право на почетную славу въ потомствѣ. Онъ разослалъ множество «простыхъ священниковъ» или «бѣдныхъ проповѣдниковъ» и для руководства далъ имъ англійскую библію. Возможно, что онъ началъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи нѣсколько раньше; но рас-

колъ былъ такимъ событіемъ, при которомъ Виклифъ нашелъ болѣе необходимымъ, чѣмъ когда нибудь, сдѣлать свои реформы популярными. Сначала «бѣдные проповѣдники» сталкивались съ приходскимъ духовенствомъ не болѣе, чѣмъ прежде фріары; цѣлью ихъ было ученіе простымъ евангельскимъ истинамъ тѣхъ, которые были съ ними незнакомы. Въ дѣлѣ распространенія англійскаго языка Виклифъ только шелъ рука объ руку съ общественными стремленіями своего времени и тутъ онъ находилъ поддержку въ примѣрѣ высшихъ сановниковъ церкви и государства. Но когда проповѣдники отъ простого объясненія перешли къ критикѣ и обвиненію того, что они считали зломъ въ существующей церковной системѣ, ненависть и борьба сдѣлались неизбѣжными.

Библія Виклифа.

Переводъ библіи, сдѣланный Виклифомъ и его учениками—первый полный англійскій переводъ — сильно помогъ ихъ стараніямъ, такъ какъ онъ былъ очень распространенъ и много читался; тексты для проповѣди простоты и бѣдности, для нападенія на роскошь и гордость духовенства были теперь подъ рукой и жадно усвоивались читателями. Въ тоже время Виклифъ бросалъ въ народъ массу небольшихъ рѣзкихъ памфлетовъ и проповѣдей, въ которыхъ онъ излагалъ заключенія, къ которымъ онъ пришелъ въ своихъ большихъ и тяжеловѣсныхъ латинскихъ трактатахъ. Его дѣятельность къ концу жизни была почти невѣроятной; есть основаніе полагать, что въ теченіи семи или восьми лѣтъ кромѣ перевода библіи онъ не только написалъ почти всѣ свои англійскія сочиненія, но и закончилъ и пересмотрѣлъ половину своихъ латинскихъ сочиненій, составлявшихъ не менѣе дюжины большихъ печатныхъ томовъ.

Нападенія на священство и ученіе о пресуществленіи.

Дѣйствуя такимъ образомъ на общественное мнѣніе и направляя свои нападенія уже не только на обладавшихъ собственностью духовныхъ и монашество, а и на прежнихъ своихъ союзниковъ фріаровъ, онъ постепенно пришелъ къ убѣжденію, что корень зла въ церкви нужно искать во власти священства, и такимъ путемъ дошелъ до нападенія на символъ этой власти, на ученіе о пресуществленіи. Онъ сознавалъ, что именно способность «дѣлать Тѣло Христово» составляетъ наиболѣе очевидную и рѣшительную основу власти священства и что такая основа наиболѣе рѣшительно противорѣчитъ равенству всѣхъ христіанъ, т. е. принципу, по его мнѣнію доказываемому священнымъ писаніемъ. Если для него было возможно отказаться отъ общепринятыхъ положеній относительно причащенія, то очищался путь для общей реформы церковной системы на тѣхъ основаніяхъ, къ которымъ онъ такъ серьезно стремился; лѣтомъ 1380 года онъ рѣшился на публичное объявленіе, что элементы причищенія не подвергаются «вещественному» измѣненію въ силу произнесенія священныхъ словъ. Онъ не отрицалъ присутствія Тѣла и крови Христовыхъ, а только измѣненіе вещества въ причастіи. Онъ самъ лично

распространилъ свою ересь въ Оксфордѣ и канцлеръ университета Вильямъ Бертонъ немедленно же созвалъ теологовъ и юристовъ для обсужденія вопроса. Ученіе Виклифа было безъ колебаній осуждено, но самымъ лучшимъ доказательствомъ высокой репутаціи Виклифа служитъ то обстоятельство, что въ этомъ рѣшеніи даже не упоминается его имени. Виклифъ немедленно же аппеллировалъ къ королю и Джонъ Гаунтъ поторопился отправить въ Оксфордъ посла съ требованіемъ молчать о такомъ щекотливомъ вопросѣ.

Виклифъ и общественное движеніе.

Въ слѣдующемъ 1381 году возстаніе крестьянъ въ восточной части Англіи повидимому указывало на вредное вліяніе ученія Виклифа. Но такое утвержденіе недостаточно доказано фактами. Въ общественныхъ условіяхъ Англіи было достаточно причинъ для объясненія возстанія, чтобы было необходимо прибѣгать къ этой; то обстоятельство, что возставшіе изливали свой гнѣвъ въ особенности противъ герцога Ланкастерскаго, можетъ служить нѣкоторымъ и довольно сильнымъ доказательствомъ, что Виклифъ не имѣлъ прямого участія въ возбужденіи возстанія. Тѣмъ не менѣе его коммунистическіе взгляды, хотя и высказываемые имъ со всяческими оговорками, могли раздуть пламя, распространяемые менѣе добросовѣстными изъ его учениковъ.

Архіепископъ Сюдбюри былъ одной изъ жертвъ возстанія; его преемникъ Куртеней, человѣкъ рѣшительнаго характера, проявилъ готовность дѣйствовать противъ ученія, которое теперь уже было невозможно оставить безъ вниманія. Онъ созвалъ синодъ для изслѣдованія обвиненій противъ ложныхъ оксфордскихъ ученій; этотъ синодъ собрался въ монастырѣ «Черныхъ фраіаровъ»—тамъ, гдѣ теперь типографія газеты Times—17 мая 1382 года. Землетрясеніе въ началѣ засѣданій, отъ котораго этотъ соборъ получилъ свое названіе, было истолковано Виклефитами, какъ признакъ гнѣва Божія. Ересь относительно таинства причащенія была осуждена, но опять таки не было высказано осужденіе противъ самого Виклифа; мы можемъ догадываться, что и теперь, какъ четыре года тому назадъ въ Ламбетѣ, было употреблено вліяніе для защиты человѣка, оказавшагося столь цѣннымъ слугой, или что его вліяніе въ Оксфордѣ было такъ велико, что считали неблагоразумнымъ нападать на него. Въ пользу перваго мнѣнія можно замѣтить, что предъ самымъ засѣданіемъ собора Виклифъ не побоялся отправить въ парламентъ энергичный докладъ о широкихъ реформахъ церкви. Все же несмотря на то, что самъ онъ былъ опасенъ, что не назвали и не осудили его, противъ его послѣдователей были приняты суровыя мѣры. Разсказываютъ, однако, что потомъ и его осудили въ соборѣ, созванномъ Куртенеемъ въ Оксфордѣ и что онъ отрекся отъ своего ученія; но такое утвержденіе сопровождается текстомъ его отреченія, которое въ сущности представляетъ повтореніе на англійскомъ языкѣ осужденнаго ученія, такъ что

этотъ разсказъ, и вообще ничѣмъ не подтверждающійся, по всей вѣроятности ведетъ происхожденіе отъ неяснаго отчета о «Соборѣ Землетрясенія» и отъ послѣдующаго отреченія учениковъ Виклифа.

Тѣмъ не менѣе его партіи въ Оксфордѣ былъ нанесенъ тяжелый ударъ, отъ котораго ей трудно было оправиться, и вѣроятно, что руководитель, быстро состарившійся, оставилъ мѣсто труда всей своей жизни и удалился въ свое покойное ректорство въ Лейчестершрѣ. У него не было недостатка въ смѣлости, но уже не было физическихъ силъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать перомъ. Крестовый походъ, предпринятый въ 1383 году епископомъ норвичскимъ противъ приверженцевъ антипапы Климента VII во Фландріи, снова возбудилъ въ немъ прежнюю энергію и онъ писалъ на англійскомъ и на латинскомъ языкахъ одинъ трактатъ за другимъ, не только противъ безумныхъ денежныхъ тратъ на это безплодное и пустое предпріятіе, но и въ защиту всѣхъ реформъ въ ученіи и въ обрядахъ, къ которымъ такъ лежало его сердце. Неудача крестоваго похода сильно говорила въ его пользу и папа Урбанъ нашелъ необходимымъ вызвать его къ себѣ. Но Виклифъ уже былъ пораженъ ударомъ паралича и путешествіе, если бы даже онъ и согласился на него, было для него невозможно. Онъ страдалъ въ Луттервортѣ до 28 декабря 1384 года и въ этотъ день во время обѣдни выдержалъ второй ударъ, отъ котораго и умеръ два дня спустя. Онъ мирно похороненъ съ Луттервортѣ. Почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ 1428 году, во исполненіе рѣшенія Констанцскаго собора 1415 года его останки были вырыты и выброшены. Но его дѣло было сдѣлано, и если въ Англіи въ то время его школа уже не существовала, то въ Богеміи осталась традиція, которая, пройдя чрезъ вліяніе Гуса, охватила всю націю и возбудила ее къ геройскому сопротивленію всѣмъ силамъ католицизма.

Военное искусство.

Омана.

Столѣтняя война, начавшаяся борьбой Эдуарда III и Филиппа Валуа и кончившаяся изгнаніемъ изъ Франціи войскъ Генриха VI въ 1453 году, была эпохой военнаго превосходства англійскихъ стрѣлковъ. Опытъ пользованія Эдуардомъ I стрѣлками изъ лука не пропалъ даромъ для его внука и стрѣлы іоменовъ гораздо больше, чѣмъ копья рыцарей, помогли Эдуарду III въ его побѣдахъ. Его побѣда надъ шотландцами при Галидонъ Гиллѣ была битвой стрѣлковъ; англійская конница почти не участвовала въ битвѣ и одни только стрѣлки разбили и обратили въ бѣгство массы копѣйщиковъ Альбани.

Стрѣлки.

По числу вооруженной конницы, которую Англія могла выставить въ полѣ, она не могла соперничать съ Франціей, когда эта послѣдняя превратилась изъ небольшаго государства, съ которымъ воевали Генрихъ II и Ричардъ I, въ большое и объединенное королевство. У французовъ всегда было вчетверо или впятеро больше кавалеріи, чѣмъ у англичанъ. Съ другой стороны англійскіе стрѣлки были такой силой, которой Франція не могла ничего противопоставить. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ эта часть войска достигла совершенства; по разстоянію своего дѣйствія, по своей убійственной силѣ стрѣльба изъ лука имѣла такое значеніе, которому трудно было бы повѣрить, если бы объ этомъ единогласно не свидѣтельствовали всѣ хроникеры. Стрѣла длиною въ ярдъ дѣйствовала на разстояніи трехсотъ ярдовъ и при этомъ разстояніи пробивала все не покрытое хорошими латами. На болѣе короткомъ разстояніи она пробивала даже латы и сложные покровы, наложенные одинъ на другой, составлявшіе вооруженіе рыцаря. Разсказывали, что она пробивала желѣзные нагрудники, пригвоздала стальные шлемы къ головѣ и легко прострѣливала покровы рукъ и ногъ. Правда, что рыцарское вооруженіе все таки оказывалось полезнымъ; если стрѣла не ударяла прямо и вѣрно, она проходила чрезъ кольчугу, но вѣроятно отбивалась отъ пластинки. Но самымъ вѣрнымъ средствомъ сдѣлать всадника ни на что не годнымъ было стрѣлять по лошади, и стрѣлки скоро выучились этому. Лошади не имѣли защиты, или только частью были защищены на головѣ и груди желѣзными пластинками. Онѣ представляли прекрасную и большую цѣль. Перебить или ранить много лошадей значитъ уничтожить аттаку какого угодно количества рыцарей. Падавшія разрывали линію; но хуже были раненыя; онѣ поворачивались назадъ, метались во всѣ стороны «съ торчащими въ нихъ стрѣлами», уносили съ поля битвы своихъ всадниковъ и мѣшали или опрокидывали даже тѣхъ, у кого лошади не пострадали. Фруассаръ разсказываетъ, что часто цѣлый фронтъ аттакующаго эскадрона уничтожался, лишь только на короткомъ разстояніи въ него стрѣляли. Раненыхъ было больше, чѣмъ убитыхъ; нѣкоторые даже не были и ранены, а просто внезапное замѣшательство и остановки пугали лошадей и онѣ выбрасывали рыцарей изъ сѣделъ, такъ что линія превращалась въ смѣшанную кучу брыкающихся и бьющихся лошадей и людей, болѣе или менѣе удачно старавшихся стать на ноги. Послѣ нѣсколькихъ залповъ и нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ подойти къ врагу, все поле предъ фронтомъ стрѣлковъ было завалено такими кучами убитыхъ и раненыхъ людей и лошадей, такъ что слѣдующіе эскадроны не могли уже идти въ аттаку.

Къ несчастію для Франціи ея пѣхота никогда не отличалась искусствомъ въ употребленіи стрѣляющихъ орудій. Французская пѣхота состояла: или изъ городской милиціи, вооруженной копьемъ и въ кольчугахъ—такова была и англійская милиція въ двѣнадцатомъ вѣкѣ—

или изъ сельчанъ, вооруженныхъ смѣшанными орудіями въ родѣ тѣхъ, которыми былъ вооруженъ старый англійскій файрдъ, или изъ наемниковъ чужестранцевъ—генуэзскихъ стрѣлковъ, бискайскихъ или гасконскихъ людей, вооруженныхъ дротиками. Французскіе короли никогда не обращали вниманія на свою пѣхоту. Говоря о времени до Кресси, Фруассаръ заявляетъ, что «никогда не считали ничего, кромѣ количества *увѣнчанныхъ шлемовъ* (heaumes couronnes')» рыцарей всадниковъ.

Если бы Эдуардъ III и Черный принцъ вздумали бороться съ противниками только посредствомъ аттакъ вооруженной конницы, они потерпѣли бы непзбѣжно пораженіе. Французскіе рыцари были столь же храбры, какъ и англійскіе и были гораздо многочисленнѣе. Именно недостатокъ въ сильной кавалеріи и заставлялъ ихъ прибѣгнуть къ новой тактикѣ, преимущественно оборонительной, заставилъ сдѣлать пѣхоту болѣе важнымъ боевымъ элементомъ. Единственнымъ слабымъ пунктомъ стрѣлковъ было то, что если у нихъ не было защиты на флангахъ, ихъ можно было разстроить и разогнать кавалерійской фланговой аттакой. Это именно и случилось въ несчастной битвѣ при Баннокбурнѣ, гдѣ стрѣлки, дурно разставленные и лишенные помощи кавалеріи, были аттакованы съ фланга небольшой конницей Броса и прогнаны. Тогда кавалерія безъ помощи стрѣлковъ оказалась неспособной разбить карре шотландцевъ, была деморализирована и въ концѣ концевъ бѣжала.

Тактика Эдуарда III.

Эдуардъ III никогда не дѣлалъ такой ошибки, чтобы оставлять стрѣлковъ безъ прикрытія или пускать въ дѣло кавалерію раньше, чѣмъ огонь стрѣлковъ очиститъ для нее путь. Примѣромъ его тактики можетъ служить битва при Креси. Тамъ англійское войско было раздѣлено на двѣ дивизіи подъ начальствомъ принца Валлійскаго и графа Нортгамптона. Въ каждой было по двѣ тысячи стрѣлковъ и восемьсотъ рыцарей. Стрѣлки были разставлены въ формѣ клина, «въ родѣ треугольной обороны», какъ выражается Фруассаръ. Между ними и на флангахъ была разставлена кавалерія, нѣсколько позади—au fond de la bataille. Во второй линіи король оставилъ резервъ изъ двухъ тысячъ стрѣлковъ и семисотъ копѣйщиковъ, а между двумя линіями было разбросано небольшими отрядами болѣе тысячи валлійской и корнваллійской легкой инфантеріи, вооруженной дротиками и длинными копьями. Позиція была на склонѣ холма, на верху котораго стояла вѣтряная мельница, она съ обѣихъ сторонъ прикрывалась двумя деревнями и изгородями, въ силу чего фланговая аттака была дѣломъ труднымъ.

Въ первый разъ въ англійской исторіи Эдуардъ приказалъ рыцарямъ всадникамъ спѣшиться. Тысяча шестьсотъ всадниковъ передовой линіи отправила своихъ лошадей въ арріергардъ и дѣйствовали сжатыми рядами, какъ тяжелая пѣхота. Такимъ образомъ боевая линія состояла попеременно изъ треугольныхъ отрядовъ стрѣлковъ и мелкихъ карре пѣшихъ рыцарей съ длинными копьями. Только семьсотъ вооруженныхъ всадниковъ въ арріегардѣ оставались на лошадяхъ.

Филиппъ Валуа противъ девяти или десятитысячной англійской арміи выставилъ армію, по крайней мѣрѣ въ пять или шесть разъ сильнѣйшую, состоявшую изъ такого количества закованныхъ въ латы всадниковъ, сколько у Эдуарда было войска всякаго рода. Боевой фронтъ, сформированный изъ горожанъ,—такъ какъ бой былъ навязанъ ему противъ его воли горячностью рыцарей его авангарда—состоялъ изъ четырехъ линій: первая, авангардъ генуэзскихъ стрѣлковъ, потомъ линія эскадроновъ конницы подъ начальствомъ графовъ Фландрскаго и Аленсонскаго, потомъ въ третьей и четвертой линіяхъ остальная конница и недисциплинированные и плохо вооруженные отряды пѣшей коммунальной милиціи.

Битва началась пораженіемъ Генуэзцевъ, стрѣльба которыхъ не производила никакого дѣйствія на англійскую линію. Англійскіе стрѣлки на одну ихъ стрѣлу выпускали шесть, такъ какъ они продолжали стрѣлять въ то время, пока итальянцы натягивали свои неуклюжіе луки для выстрѣла. Кромѣ того ихъ луки стрѣляли на болѣе дальнѣе разстояніе и дѣйствіе ихъ было не менѣе убійственнымъ Даже въ томъ случаѣ, еслибы тетивы луковъ итальянцевъ ни ослабли отъ дождя, итальянскіе стрѣлки не могли бы долго держаться. Но дѣйствительно поучительно и составляло эпоху въ битвѣ при Кресси то, что случилось, когда вторая линія («битва») французскихъ рыцарей выдвинулась впередъ, переѣхавъ чрезъ разбитыхъ генуэзцевъ. До сихъ поръ еще не знали, что линія стрѣлковъ могла остановить кавалерійскую аттаку—и именно это теперь и произошло. Лошади и люди лежали кучами, образовались баррикады изъ мертвыхъ и раненыхъ передъ англійскимъ фронтомъ, и только кое гдѣ небольшіе отряды или даже отдѣльные рыцари могли пробиться чрезъ эту массу и сцѣпиться съ англійскими рыцарями, поддерживавшими стрѣлковъ.

Тѣ, которые вступили въ рукопашную съ спѣшившимися рыцарями, были скоро перебиты, а остальные, не желавшіе удалиться и не могшіе двигаться впередъ, тщетно пытались сомкнуться и все болѣе и болѣе падали отъ выстрѣловъ стрѣлковъ по мѣрѣ того, какъ ихъ масса становилась гуще и безопаснѣе. Во время аттакъ валлійская легкая пѣхота выбѣгала изъ за линіи англичанъ и рѣзала сброшенныхъ съ коней. тщетно старавшихся встать на ноги и убраться въ арріергардъ.

Не двинувшись ни на шагъ съ своей позиціи, англичане перебили четвертую часть французской арміи и наконецъ вся масса повернула назадъ и побѣжала къ великому огорченію короля Филиппа, желавшаго продолжать битву.

Битва при Кресси составляетъ эпоху въ военномъ искусствѣ; она дискредитировала употребленіе кавалеріи во всей западной Европѣ, также какъ битва при Земпахѣ сдѣлала это въ центральной Европѣ. Съ этихъ поръ англичане обыкновенно употребляли рыцарей, какъ пѣ-

Значеніе битвы при Кресси.

шихъ солдатъ для прикрытія стрѣлковъ отъ фланговыхъ нападеній. Англійское рыцарство обыкновенно отправляло лошадей въ арріергардъ и раздѣляло судьбу пѣшихъ іеменовъ. Въ теченіе сотни лѣтъ наши арміи старались принимать битву при тѣхъ же условіяхъ, какъ было при Кресси; въ хорошей позиціи, съ флангами прикрытыми лѣсомъ, болотомъ или домами и съ боевой линіей, составленной изъ стрѣлковъ въ перемежку съ отрядами спѣшившейся кавалеріи.

Во Франціи битва при Кресси повела къ еще большему перевороту въ военномъ искусствѣ. Французскіе рыцари, видя, что они не могутъ подъѣхать близко къ врагу, такъ какъ лошадей неизбѣжно убивали, рѣшились подобно своему англійскому врагу попытать счастія пѣшими. Когда въ слѣдующій разъ два войска сошлись въ битвѣ при Пуатье въ 1356 году, французскій король приказалъ всѣмъ своимъ рыцарямъ, кромѣ авангарда копѣйщиковъ и двухъ небольшихъ отрядовъ на крыльяхъ, спѣшиться, отправить лошадей въ арріергардъ, укоротить длинныя копья до шести футовъ и идти впередъ пѣшкомъ.

Пуатье.

Этотъ планъ короля Іоанна оказался неудачнымъ, потому что при Пуатье (или при Мопертюи) англичане избрали позицію на крутомъ скатѣ холма, покрытомъ виноградникомъ и кустарникомъ и защищенномъ изгородью. Пѣшіе рыцари не могли взбираться по склону среди частаго кустарника. Конный авангардъ пытался напасть на англичанъ чрезъ отверстіе въ прикрывавшей ихъ линію изгороди и былъ разстрѣлянъ стрѣлками, стоявшими впереди. Первая линія медленно взобралась на холмъ и вступила въ рукопашную съ англичанами, но была отбита. Она отступила къ второй линіи и произвела въ ней безпорядокъ. Тогда Черный принцъ посадилъ своихъ вооруженныхъ людей на лошадей и двинулся внизъ на спутанную массу, а отдѣльный отрядъ, обойдя лѣсъ, сошелъ внизъ и напалъ на французовъ съ боку. Результатъ былъ поразительный: большинство французовъ добѣжало къ лошадямъ и уѣхало. Только дивизія короля, стоявшая въ третьей линіи, продолжала драться; она была обстрѣляна и потомъ раздавлена кавалерійской аттакой.

Французское рыцарство было настолько подавлено результатомъ этой второй попытки бороться съ англійскими стрѣлками и спѣшившимися вооруженными людьми, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оно не хотѣло принимать битвы въ открытомъ полѣ, а запиралось въ городахъ и замкахъ и позволяло врагу разхаживать по странѣ безъ всякаго риска сраженія. Французы поняли все превосходство оборонительной тактики въ искусствѣ фортификаціи, развивавшемся непрерывно съ одиннадцатаго вѣка. Въ 1373 году они позволили герцогу Ланкастерскому пройти всю Францію отъ Кале до Бордо и пройти мимо воротъ Парижа, не подвергаясь нападенію. Такая политика воздержанія оправдалась результатами: голодъ, утомленіе и нападенія мародеровъ вредили арміи Ланкастера больше, чѣмъ могла повредить пра-

вильная битва. Единственный разъ, когда англичане имѣли въ это время случай дать серьезную битву, былъ въ войнѣ съ испанцами, въ битвѣ при Найери или Навареттѣ. Результаты сраженія были обычные: испанцы Генриха Трастамары привыкли драться конными и только небольшая часть арміи, послушавшись совѣта французскихъ союзниковъ, служившихъ въ рядахъ испанцевъ, спѣшилась и дралась пѣшими. При началѣ битвы испанскія крылья, гдѣ стояла конница, теряли отъ выстрѣловъ сотнями и скоро оставили поле битвы; упорное сопротивленіе было оказано только фалангой пѣшихъ рыцарей въ центрѣ, вынесшей тяжелый урокъ ранѣше, чѣмъ ихъ окружили и разбили.

Въ послѣдніе годы царствованія Эдуарда III, когда дѣла англичанъ во Франціи шли плохо, неудачи, послѣдовавшія за прежними побѣдами, обусловливались не какимъ ли упадкомъ англійской тактики, а осторожной оборонительной тактикой ихъ противниковъ и истощеніемъ Англіи отъ продолжительной войны. Англійскіе ряды все болѣе и болѣе наполнялись чужестранцами—фламандцами, нѣмцами и гасконцами; непобѣдимые англійскіе стрѣлки составляли небольшую часть арміи. Но въ особенности истомляло англичанъ превращеніе войны въ рядъ долгихъ переходовъ отъ одной крѣпости къ другой: Тактика Бертана до Гесклена, бывшаго душой французскаго войска, состояла въ нападеніяхъ на небольшіе оторванные гарнизоны на границахъ Гвіенни. Онъ иногда бралъ ихъ въ плѣнъ, а если для спасенія ихъ двигалась англійская армія, онъ уходилъ и осаждалъ какую нибудь отдаленную крѣпость, гдѣ его всего меньше ожидали. Онъ велъ борьбу ночными нападеніями, засадами, вылазками и всякаго рода военными хитростями, и очень рѣдко принималъ битву въ открытомъ полѣ. Эта система разбивала силы англичанъ, которые были пригоднѣе для большихъ сраженій, чѣмъ для вынесенія продолжительныхъ и утомительныхъ компаній.

Пушки.

Если въ четырнадцатомъ вѣкѣ въ тактикѣ сраженій оборона одерживала побѣду надъ нападеніемъ, а стрѣлки и спѣшившіеся вооруженные люди надъ аттакующей кавалеріей, то въ фортификаціи появляется противоположная тенденція—побѣда нападенія надъ обороной. Постройка замковъ въ Англіи достигла совершенства около времени Эдуарда I и великолѣпныя работы, въ родѣ Карнарвона и Кэрфилли, указываютъ на торжество искусства строителя надъ искусствомъ инженера. Но въ царствованіе его внука въ Англіи впервые начинаютъ употреблять орудіе, въ концѣ концевъ сдѣлавшее замокъ непригоднымъ для защиты. Порохъ начали употреблять въ Европѣ впервые во второй четверти этого вѣка, сначала въ Италіи, вскорѣ потомъ во Франціи и наконецъ въ Англіи. Первыя пушки — мелкія огнестрѣльныя орудія явились позже—были грубыя желѣзныя и мѣдныя орудія, иногда литыя, но чаще сдѣланныя изъ полосъ, скрѣп-

ляемыхъ формой, которая послѣ снималась, и набитыя обручами. Онѣ были небольшія, стрѣляли медленно и подвергались часто несчастнымъ случайностяхъ. Литыя пушки часто разрывались отъ трещинъ въ металѣ, а скрѣпленыя изъ полосъ еще чаще разлетались на куски и причиняли смерть и разрушеніе. Достаточно припомнить типическое несчастіе этого рода, когда такая составная пушка разлетѣлась на куски и убила короля шотландскаго Іакова II при осадѣ Роксбурга. Другая причина слабости артилеріи въ первые дни ея существованія состояла въ непригодности пороха; настоящія пропорціи смѣси селитры, угля и сѣры еще не были хорошо извѣстны; постояннымъ препятствіемъ всегда была нечистота селитры, приготовляемой тогдашними химиками.

Тѣмъ не менѣе при введеніи пушекъ нападеніе получило орудіе, ставившее его въ совершенно иное отношеніе къ оборонѣ и современемъ выгодность нападенія все увеличивалась по мѣрѣ того, какъ постепенно улучшались пушки и порохъ. Какъ ни медленнымъ былъ ихъ огонь — три выстрѣла въ часъ были обычными для большой «бомбарды» — какъ сравнительно ни слабъ былъ ударъ ихъ каменныхъ ядеръ, онѣ все же могли пробить стѣну замка, если ихъ можно было подвезти близко и можно было достаточно долго обстрѣливать эту стѣну. Мангонели (снарядъ для метанія камнями), перрьеры (то же) и тараны (rams) въ прежнее время нигдѣ не имѣли такого рѣшительнаго дѣйствія. Когда нападающіе начали употреблять пушки противъ осажденной крѣпости, защитники вскорѣ поняли, что лучшей защитой для нихъ будетъ тоже употребленіе артилеріи. Пушки, если это было возможно, ставились на стѣнахъ и направлялись на артилерію нападающихъ для того, чтобы прекратить ея огонь, сбить лафеты и палисады, устроенные для ея защиты и ранить пушкарей. Но двѣ вещи препятствовали употреблять пушки для обороны: старыя стѣны города или замка обыкновенно не были достаточно широки и крѣпки, чтобы на нихъ можно было устроить платформу для артилеріи, и если даже можно было помѣстить пушки, нападеніе всегда могло направить на извѣстный пунктъ больше огня, чѣмъ оборона. Узость старыхъ стѣнъ была, однако, главнымъ препятствіемъ: разрядъ пушки всегда могъ сбросить ее со стѣны; если для избѣжанія этого пушку прикрѣпляли, то послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ камни стѣны осыпались, что ослабляло оборону еще больше, чѣмъ огонь нападающихъ. Въ первое время случалось, что осажденные должны были ослаблять или даже прекращать свой огонь, потому что онъ вредилъ имъ самимъ.

Впервые въ столѣтней войнѣ пушки употреблялись французами; флотъ, въ 1348 году напавшій на Соутгамптонъ, былъ снабженъ, какъ видно изъ документовъ французскихъ архивовъ, pot de fer и тремя фунтами пороха (не особенно большой запасъ) для стрѣльбы желѣзными болтами. Въ томъ же году позднѣе французскій военный казначей

доставилъ порохъ и пушки для осады небольшого англійскаго форта Нов Гилльемъ въ Гвіенни. Англичане немного позже начинаютъ пользоваться этимъ важнымъ изобрѣтеніемъ. Въ 1344 году Томасъ Рольдестонъ былъ начальникомъ «королевскихъ машинъ» и ему приказано сдѣлать для нихъпорохъ. Черезъ три года тому же Томасу приказано скупить сразу всю сѣру и селитру, которыя онъ можетъ найти въ продажѣ. Онъ могъ найти второй только 700 фунтовъ по восемнадцати пенсовъ за фунтъ, а первой 310 фунтовъ по восьми пенсовъ.

Одинъ хроникеръ — Виллани — утверждавшій, что англичане при Кресси имѣли нѣсколько пушекъ, «которыя бросали маленькія желѣзныя ядра и пугали лошадей», вѣроятно неправъ. Объ этомъ не упоминается ни въ одномъ англійскомъ источникѣ; ими только что начали тогда пользоваться въ арміи Эдуарда III для цѣлей осады и кажется, еще и не думали употреблять ихъ въ открытомъ полѣ. Съ другой стороны вѣроятно, что Фруассаръ правъ, когда въ слѣдующемъ, 1347, году онъ утверждаетъ, что король Эдуардъ поставилъ нѣсколько бомбардъ въ фортъ, составлявшій центральный пунктъ его фортификацій при осадѣ Кале; пушки задолго до того, какъ ихъ начали дѣлать передвижными и употреблять въ открытомъ полѣ, употреблялись какъ неподвижныя осадныя орудія. Но даже въ большихъ крѣпостяхъ пушекъ еще было немного; въ лондонской Башнѣ въ 1360 году ихъ было только четыре, и всѣ мѣдныя; десять лѣтъ позже въ Кале, сдѣлавшемся теперь главной англійской крѣпостью, ихъ было только пятнадцать; въ 1372 году въ Дуврѣ было шесть пушекъ. Но въ это время наши арміи уже брали съ собой небольшой артилерійскій обозъ для цѣлей осады. Черный принцъ въ своемъ великомъ походѣ по Франціи въ 1356 году, кончившемся битвой при Пуатье, употреблялъ пушки противъ Ромарантена и взялъ его благодаря своей артилеріи, хотя онъ не воспользовался ей въ послѣдовавшей за этимъ большой битвѣ. Въ 1369 году Фруассаръ разсказываетъ, что Джонъ Шандосъ *привыкъ* брать съ собой «пушки и springalds (мортиры)», что предполагаетъ, что это было уже обычнымъ дѣломъ. Но какъ и раньше, пушки брали для осады; въ полѣ ихъ начали употреблять только въ пятнадцатомъ вѣкѣ; полагаемъ, что мы не ошибемся, утверждая, что битва при Нортгамптонѣ была первая англійская битва, когда пушки были употреблены какъ полевыя орудія и что при Форминьи ихъ впервые употребили противъ англичанъ. Во всѣхъ главныхъ битвахъ этого вѣка; при Ажинкурѣ, Вернейлѣ, Кравантѣ, Патей, С. Альбансъ, Тоунтонѣ—мы не встрѣчаемъ пушекъ. При Кастильонѣ и Форминьи французы употребляли ихъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ; во время войны розъ ихъ ввели въ употребленіе при Нортгамптонѣ—гдѣ, впрочемъ, онѣ оказались совершенно безполезными благодаря дождю—при Барнетѣ и Тьюксбюри; но онѣ не имѣли рѣшающаго вліянія ни въ одной изъ этихъ битвъ. Единственная изъ названныхъ нами битвъ,

въ которой онѣ дѣйствительно повліяли на исходъ сраженія, это битва при Кастильонѣ, гдѣ онѣ были поставлены въ хорошо защищенную позицію и оказались полезными, отбивъ внизъ плотныя аттакующія ихъ колонны.

Вообще же время полевой артилеріи еще не наступило. Характерной чертой пятнадцатаго вѣка также, какъ и четырнадцатаго, было преобладаніе на поляхъ битвы стрѣлковъ и спѣшившихся всадниковъ; артилерія оказалась высоко пригодной только при осадѣ.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэса.

Эдуардъ III и его семья поставили англійскій флотъ на такую высоту, которой онъ не достигалъ никогда раньше. Самъ король, Черный принцъ и четвертый сынъ короля Джонъ Гаунтъ неоднократно давали морскія сраженія и своимъ надзоромъ и присутствіемъ принесли огромную пользу развитію флота и общему духу службы. Не даромъ подданные называли Эдуарда «королемъ моря»; только благодаря странному заблужденію короля относительно дѣйствительнаго могущества его страны и его убѣжденію, особенно въ послѣдніе годы его царствованія, что завоевательная миссія Англія на сушѣ, а не на морѣ, великія морскія побѣды Эдуарда не имѣли прочныхъ прямыхъ результатовъ и въ концѣ его продолжительнаго царствованія его флотъ, пренебрегаемый ради арміи, пришелъ въ окончательный упадокъ.

Тѣмъ не менѣе въ теченіе многихъ лѣтъ его царствованіе было временемъ прогресса флота и великолѣпныхъ успѣховъ на морѣ. Битвы при Слюи (или Сюинь), гдѣ французскій флотъ былъ почти уничтоженъ и «Испанцы на морѣ» (Les Espagnoles sur Mer), гдѣ были разбиты испанцы, были такими побѣдами, которыя были бы замѣтными во всякое время и которыя должны были оказать огромное вліяніе на честолюбіе и будущую политику націи, тогда въ первый разъ сознавшей свое могущество. Такъ какъ письмо Эдуарда о результатѣ битвы при Слюи есть самая ранняя изъ существующихъ депешъ и кромѣ того замѣчательно по его скромности и набожности, мы даемъ его переводъ. Письмо адресовано къ сыну Эдуарда, послѣ прозванному Чернымъ принцемъ, которому въ то время было только десять лѣтъ. Оригиналъ на французскомъ языкѣ:

«Дорогой сынъ! Мы знаемъ, что вы желали бы узнать о насъ добрыя новости, что произошло съ нами съ тѣхъ поръ, какъ мы оста-

вили Англію; сообщаемъ вамъ, что въ четвергъ послѣ нашего отъѣзда изъ порта Орвель мы плыли весь день и слѣдующую ночь и въ пятницу около полудня мы прибыли къ берегу Фландріи выше Бланкенберга, гдѣ мы увидали флотъ нашего врага, собравшійся въ портѣ Сюинь и такъ какъ приливъ не позволилъ намъ пойти къ нему на встрѣчу, мы остались тутъ цѣлую ночь. Въ субботу въ Ивановъ день (24 іюня 1340 года) вскорѣ послѣ часа по полудни съ приливомъ мы во имя Господа и въ довѣріи на наше правое дѣло, вошли въ сказанный портъ къ нашему врагу, поставившему свои корабли въ очень сильный строй и благородно защищавшемуся весь этотъ день и слѣдующую ночь. Но Богъ своей силой и чудомъ даровалъ намъ побѣду надъ сказанными врагами, за что мы и благодаримъ Его набожно. И мы сообщаемъ вамъ, что количество кораблей, галеръ и большихъ баржъ нашего врага доходило до ста девяноста, которые всѣ и взяты, кромѣ только двадцати четырехъ; эти ушли и нѣкоторые изъ нихъ потомъ взяты въ морѣ. Число рыцарей и другихъ вооруженныхъ людей доходило до тридцати пяти тысячъ; изъ коего числа по счету бѣжали пять тысячъ. а остальные, какъ намъ сообщили нѣкоторые взятые живыми, лежатъ мертвые въ разныхъ мѣстахъ берега Фландріи. Съ другой стороны всѣ наши корабли, т. е. «Христоферъ» и другіе, потерянные при Миддельбургѣ, теперь взяты обратно и взяты въ этомъ флотѣ три или четыре такой же величины, какъ «Христоферъ». Фламандцы желали пособить намъ отъ начала до конца. Такимъ образомъ Богъ, Господь нашъ, проявилъ намъ Свою милость, за которую мы и наши друзья обязаны воздать Ему хвалу и благодарность. Мы намѣрены оставаться въ рѣкѣ, пока не придемъ къ извѣстнымъ соглашеніямъ съ нашими союзниками и друзьями во Фландріи относительно того, что дѣлать. Да хранитъ васъ Богъ, дорогой сынъ. Дано за нашей частной печатью на нашемъ кораблѣ «Томасъ», въ пятницу наканунѣ Петра и Павла».

Во время Эдуарда полиція въ проливахъ была лучше, чѣмъ при его предшественникахъ и потому пиратство уменьшилось, хотя и не вполнѣ исчезло и берега не были вполнѣ защищены противъ чужестранныхъ набѣговъ. Около 1338 года всѣмъ, имѣвшимъ товары и имущество, было приказано для безопасности переселиться на четыре лье отъ береговъ внутрь страны. Въ 1339 году французская эскадра появилась при Соутгамптонѣ и потребовала сдачи города, но удалилась, не достигнувъ цѣли. Въ томъ же году позднѣе французскіе пираты сожгли нѣсколько рыбачьихъ хижинъ въ Гастингсѣ и привели въ трепетъ Дувръ и Фолькстонъ, а другіе вошли въ Плимутскій портъ и сожгли тамъ нѣсколько кораблей. Разумѣется, англичане немедленно прибѣгли къ репрессаліямъ, вошли въ Булонскій портъ, захватили нѣсколько кораблей, повѣсили дюжину французскихъ капитановъ и сожгли часть города. Вообще, хотя и англійскіе берега сильно страдали, но

вѣроятно больше страдали французскіе. Король неоднократно выставлялъ притязанія Британіи на власть надъ морями и слѣдуетъ признать, что онъ болѣе своихъ предшественниковъ осуществлялъ это притязаніе. Пока онъ держался такой политики, торговля процвѣтала; но послѣ 1360 года морская торговля страны сильно пала; а морскія пораженія Англіи отъ 1372 до 1375 года поставили ее на нѣсколько лѣтъ въ самое печальное положеніе. Но въ этихъ несчастіяхъ и въ томъ, что они остались безъ отмщенія, виновато больше правительство, чѣмъ воинственное настроеніе народа.

Въ 1360 году былъ изданъ и разосланъ во всѣ порты самый несчастный указъ, чтобы корабли вытягивали на берегъ на значительномъ разстояніи отъ воды для безопасности отъ французовъ, которые, какъ было извѣстно, вышли въ море; и однако въ томъ же году Николасъ изъ Линна (или Лимна), оксфордскій фріаръ и хорошій астрономъ, въ компаніи съ другими сдѣлалъ путешествіе для открытія къ сѣверному полюсу. Говорили, что онъ сдѣлалъ свои открытія «благодаря магическимъ искусствамъ», что, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить, какъ «исключительное искусство въ мореплаваніи». Трудно сказать, заслуживаетъ ли довѣрія отчетъ, что онъ предпринималъ экспедицію; но въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и если признать это показаніе, то имя фріара Николаса должно быть поставлено въ началѣ списка, въ которомъ записаны имена Фробишера, Дэвиса, Гудзона, Баффина, Бакка, Бичи, Франклина, Макъ-Клора, Бельчера, Макъ-Клинтока, Нэрса, Коцебу, Врангеля и Норденшильда—путешественниковъ, величайшіе изъ которыхъ были земляками Николаса. Къ несчастію, не сохранилось отчета о его путешествіи.

Раньше, чѣмъ король при возобновленіи войны съ Франціей въ 1359 году оставилъ Англію, была принята мѣра, имѣвшая важное значеніе въ своемъ позднѣйшемъ развитіи. Для покровительства національной торговли совѣтъ съ согласія вызванныхъ имъ въ свое присутствіе туземныхъ и иностранныхъ купцовъ, но безъ согласія парламента, наложилъ пошлину въ шесть пенсовъ съ фунта всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ для содержанія на морѣ флота. Слѣдуетъ отмѣтить и другой пунктъ морского законодательства; изъ отчетовъ о нѣкоторыхъ совѣщаніяхъ въ 1371 году видно, что нейтральные корабли, провозящіе собственность воюющихъ государствъ, Франціи и Испаніи, подлежали захвату, или говоря иными словами, флагъ не прикрывалъ груза.

Съ царствованія Эдуарда III начинается цѣнный отчетъ о морскихъ обычаяхъ, «Черная книга адмиралтейства»; наиболѣе важное изъ содержанія ея мы и сообщаемъ читателямъ.

Адмиралъ, получивъ порученіе, немедленно назначаетъ лейтенантовъ, депутатовъ и другихъ офицеровъ, хорошо знакомыхъ съ морскими законами и древними обычаями. Потомъ онъ освѣдомляется у

нихъ о числѣ и величинѣ всѣхъ кораблей, баржъ и другихъ судовъ, находящихся въ портахъ и о именахъ ихъ собственниковъ. Депутаты должны также произвести изслѣдованіе, сколько моряковъ, пригодныхъ для обороны, имѣется въ королевствѣ, чтобы король всегда зналъ свои морскія силы. Когда приказано снарядить флотъ, адмиралъ, если онъ рыцарь, получаетъ четыре шиллинга въ день, если баронъ, шесть шил. восемь пенсовъ, если графъ, восемь шил. и четыре пенса. На каждаго рыцаря его свиты онъ получаетъ два шил. на каждаго вооруженнаго эсквайра шиллингъ, на тридцать вооруженныхъ людей 66 фун. 13 шил. и 4 д. въ четверть, на каждаго стрѣлка шесть пенсовъ въ день. Онъ обязанъ принять мѣры для надлежащаго отправленія правосудія во всѣхъ восходящихъ къ нему дѣлахъ, «согласно морскимъ законамъ и древнимъ обычаямъ»; для этихъ цѣлей и для помощи ему при исполненіи другихъ его обязанностей отправляются королевскіе приказы къ мэрамъ, шерифамъ и другимъ офицерамъ, чтобы они повиновались ему и его депутатамъ.

Когда собирался флотъ, адмиралъ долженъ былъ выбрать лучшій корабль для короля или для лейтенанта короля; этотъ корабль назывался «королевской палатой». Если присутствовалъ самъ король, то другой хорошій корабль выбирался для управителя двора; потомъ корабли для «залы» (hall), въ которой происходили совѣщанія совѣта, для wardrobe, королевской кладовой; для «погреба» (larder) и для кухни; управитель въ случаѣ надобности забиралъ и другіе корабли. Если присутствовали сынъ, братъ или дядя короля, для нихъ тоже выбирался хорошій корабль. Раньше, чѣмъ адмиралъ выберетъ корабль для себя, онъ долженъ позаботиться о помѣщеніи лордовъ и начальниковъ, которыхъ перевозилъ, и ихъ имущества. Каждый мастеръ и констэбль корабля получалъ шесть пенсовъ; каждый матросъ три пенса съ половиной въ день и добавочныхъ шесть пенсовъ въ недѣлю, какъ «награду»; всякій мичманъ (Sla—boy) получилъ три полупенсы; но мастера, констэбли и мичмана не получали опредѣленной награды.

Такъ какъ адмиралъ былъ начальникомъ матросовъ и былъ обязанъ поддерживать ихъ законы и обычаи, защищать ихъ и въ случаѣ надобности вчинять иски объ ихъ жалованьи, то онъ получалъ вознагражденіе въ четыре пенса изъ всякаго платимаго имъ фунта; за эти четыре пенсы онъ долженъ былъ вывѣшивать на своей главной мачтѣ ночью, когда флотъ находился въ морѣ, два фонаря, чтобы мастера знали, какого курса держаться. Если на флотѣ былъ король, адмиралъ каждый вечеръ долженъ былъ на своемъ кораблѣ подходить къ нему и получать приказаніе, какого курса держаться въ теченіе слѣдующихъ двадцати четырехъ часовъ. Если короля не было, тѣже почести воздавались его лейтенанту. Другіе корабли должны были собираться къ адмиральскому для того, чтобы узнать

о приказѣ короля. Ночью корабль короля или его лейтенанта отличался тремя фонарями, расположенными треугольникомъ; могло быть и больше фонарей, если такъ было угодно его величеству. Вицеадмиралъ имѣлъ одинъ фонарь. Районъ «западнаго» вицеадмирала распространялся отъ Темзы къ югозападу; тутъ онъ могъ имѣть два фонаря также, какъ «сѣверный» вицеадмиралъ къ сѣверу и востоку отъ Темзы; но каждый изъ вицеадмираловъ въ районѣ другихъ могъ зажигать только одинъ фонарь. Если адмиралъ желалъ собрать капитановъ и мастеровъ флота для совѣщанія, онъ выкидывалъ на высотѣ половины мачты «знамя совѣта», чтобы они могли явиться къ нему на ботахъ.

Всѣ имущества и товары, взятые отъ врага лицами, получавшими королевское жалованье, дѣлились на четыре части; король получилъ одну часть, а собственники кораблей другую. Остальная половина дѣлилась такъ: адмиралу, если онъ присутствовалъ при захватѣ, двѣ доли; если же не присутствовалъ, одна; а другимъ присутствовавшимъ остальное—доли были, конечно, прапорціональны числу участниковъ. Изъ собственности, взятой моряками, не состоявшими на королевской службѣ, король не получилъ ничего, но адмиралъ получалъ какъ и въ первомъ случаѣ.

Никто, находясь на кораблѣ или въ странѣ врага, не долженъ былъ принимать святого причастія подъ страхомъ повѣшенія, ни совершать кощунства или похищенія—подъ страхомъ смертной казни. Ни одинъ мастеръ не долженъ былъ поднимать парусовъ, пока не поднялъ ихъ адмиралъ; когда же адмиралъ поднималъ паруса, всѣ обязаны были послѣдовать его примѣру. Точно также ни одинъ корабль не долженъ становиться на якорь, пока адмиралъ не броситъ якоря; когда же онъ станетъ на якорь, всѣ корабли должны становиться такъ близко къ нему, какъ возможно. На морѣ они должны тоже держаться къ нему по возможности ближе; ни одинъ корабль, ни днемъ, ни ночью, не долженъ ни входить въ портъ, ни оставлять его безъ позволенія адмирала. Когда корабль увидитъ на морѣ врага, онъ долженъ выкинуть знамя. Если кораблю позволялось оставить флотъ и встрѣтить чужой корабль, онъ долженъ былъ изслѣдовать его грузъ и бумаги; если окажется, что чужой корабль принадлежитъ врагу или везетъ грузъ, принадлежащій врагу, его и его мастера слѣдуетъ привести къ адмиралу, который и освобождаетъ корабль, если онъ дружественный или удерживаетъ его, если вражескій, «согласно морскимъ обычаямъ». Если корабль окажетъ сопротивленіе, онъ признается вражескимъ и отводится къ адмиралу; но не слѣдуетъ его грабить или безъ нужды вредить ему. Въ случаѣ захвата какого либо корабля никто не долженъ исключать его изъ флота безъ согласія адмирала подъ страхомъ уплаты штрафа величиной въ двойную его цѣнность. Захватившіе вражескій корабль имѣли право на товары и на орудія

верхней палубы, исключая корабельныхъ снастей и другихъ вещей, относящихся къ снаряженію корабля, а также исключая всего того, что исключается древними морскими обычаями. Ни одного матроса не слѣдуетъ бить или оскорблять; всѣ преступники представляются капитаномъ или мастеромъ адмиралу и получаютъ наказаніе по морскому закону.

Въ случаѣ раздѣленія флота вслѣдствіе бури, мастера обязаны идти за адмираломъ, насколько это возможно, иначе ихъ признаютъ мятежниками. При прибытіи въ вражескій портъ адмиралъ назначаетъ достаточный отрядъ для защиты людей, посланныхъ за водой и другими необходимыми продуктами. При нападеніи на замокъ или городъ никто не смѣетъ начать осады безъ приказа адмирала. Войска, высаженныя на непріятельскую территорію за провизіей, не должны идти впередъ, пока не вернутся квартирмейстеры. Никто не долженъ зажигать городъ или деревню безъ приказанія адмирала. Солдатъ и матросовъ нельзя высаживать на берегъ безъ отвѣтственныхъ за нихъ офицеровъ, чтобы они не совершали буйствъ. Ни одинъ ботъ послѣ отплытія флота не долженъ быть отправляемъ обратно въ портъ безъ позволенія адмирала. Ни одинъ корабль «изъ гордости, зависти или ненависти» не долженъ вредить другому. Въ портахъ слѣдуетъ искать воровъ, крадущихъ якоря, канаты и боты. Осужденные двѣнадцатью присяжными за воровство якоря или бота цѣнностью въ двадцать одинъ пенсъ подлежали повѣшенію. Воры якорнаго каната тоже подлежали повѣшенію, какъ бы ни была незначительна цѣнность каната. За обрѣзаніе корабельнаго каната въ томъ случаѣ, если отъ того произошла потеря жизни, смертная казнь. Если потери жизни не было, виновный долженъ исправить поврежденіе и заплатить штрафъ королю. Если онъ не въ состояніи платить штрафа, а собственники преслѣдуютъ его, онъ подлежитъ повѣшенію; но въ этомъ случаѣ онъ осуждается не по иску короля. Тѣже наказанія опредѣляются за поднятіе якоря безъ сообщенія мастеру или экипажу въ случаѣ, если отъ этого послѣдовала смерть или погибель корабля. Если матросъ осужденъ на смерть за кражу товаровъ чужестранцевъ, то эти послѣдніе, если они не враги, получаютъ обратно товары, лишь бы не настаивали на казни преступника. Если въ какомъ нибудь портѣ ограбятъ чужестранный корабль или оскорбятъ его экипажъ, староста (Wurden) и шесть или восемь почетныхъ гражданъ порта сажается въ тюрьму, пока адмиралъ не узнаетъ, кѣмъ совершено преступленіе. Если въ портѣ нѣсколько кораблей, адмиралъ беретъ мастеровъ и казначеевъ (bursers) и четверыхъ людей изъ экипажа и производитъ обыскъ кораблей, пока не найдетъ виновныхъ или неузнаетъ, кѣмъ совершенъ грабежъ. Воровство руля, якоря и другихъ мелкихъ вещей наказывалось, по осужденіи присяжными, сорокадневнымъ тюремнымъ заключеніемъ; тоже преступленіе, совершенное второй разъ, полуго-

довымъ тюремнымъ заключеніямъ, а въ третій—смертной казнью. Ни одинъ лейтенантъ адмирала безъ спеціальнаго порученія не могъ судить преступленія, наказывавшіяся смертью. Различныя мелкія преступленія наказывались штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ. Если человѣкъ ударилъ другого въ спорѣ или началъ драку, онъ не только долженъ былъ вознаградить потерпѣвшаго, но и заплатить королю штрафъ въ пять фунтовъ или потерять руку, нанесшую ударъ, если не получитъ прощенія короля или «верховнаго адмирала». Преступники до сообщенія адмиралу арестовывались корабельнымъ мастеромъ. Въ такомъ случаѣ мастеру долженъ помогать весь экипажъ; всякій, отказывавшійся отъ помощи, подлежалъ тому же наказанію, какъ и совершившій преступленіе. Процессъ въ адмиральскомъ судѣ былъ, какъ утверждаютъ, установленъ въ царствованіе Генриха I.

Если взятый на службу короля корабль уйдетъ и если присяжные признаютъ это, онъ подлежитъ конфискаціи. Матросы, отказывающіеся служить, въ первый разъ наказываются годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а во второй двухгодичнымъ. Договоры между купцами за моремъ или въ предѣлахъ адмиральскаго района должны предъявляться адмиралу; драки или кровопролитіе въ предѣлахъ его юрисдикціи наказывались двухгодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ и штрафомъ. Купцы, входящіе на бордъ пришедшихъ въ портъ кораблей и закупившіе весь грузъ и потомъ продававшіе его по цѣнамъ, высшимъ тѣхъ, которыя просили первопачальные собственники, подвергались тюремному заключенію на полгода и штрафу въ сумму проданнаго груза. Тоже наказаніе ожидало и оптовыхъ скупщиковъ хлѣба, рыбы и другой провизіи въ районѣ власти адмирала. Если староста (Warden) порта или «водяной баллы» собиралъ незаконныя пошлины, онъ подлежалъ тюремному заключенію и штрафу, величиной равному собранной суммѣ. Если кто либо предъявлялъ къ купцу или матросу искъ по дѣлу, подлежащему вѣденію морского суда, онъ по осужденіи подлежалъ штрафу. Объ имуществахъ, найденныхъ на поверхности или на днѣ моря, слѣдуетъ докладывать адмиралу подъ страхомъ наказанія штрафомъ и взносомъ цѣны имуществъ. Всѣ вещи, золото и драгоцѣнности, найденныя на убитомъ или утонувшемъ въ морѣ принадлежали адмиралу, который долженъ былъ половину употреблять на поминъ души усопшаго, а другую половину отдавать семьѣ его, если таковая находилась. Корабельные плотники, требовавшіе излишней платы ко вреду корабельныхъ мастеровъ, штрафовались по усмотрѣнію адмирала. Вывозъ хлѣба безъ спеціальнаго разрѣшенія, кромѣ вывоза въ Байонну, Бордо, Брестъ и Кале, наказывался штрафомъ, равнымъ цѣнѣ вывезеннаго хлѣба.

Очевидно, что дѣла въ адмиралтейскомъ судѣ разбирались съ участіемъ присяжныхъ; необычайное наказаніе налагалось на присяжнаго, «открывшаго совѣтъ короля и совѣтъ своихъ товарищей присяжныхъ».

Ему перерѣзывалась глотка, изъ глотки вытаскивали языкъ и отрѣзали отъ головы.

Во времена Эдуарда плотники и казначеи (pursers) получили значеніе морскихъ офицеровъ. На большихъ корабляхъ было два плотника, и такъ какъ они получали по шести пенсовъ въ день, то очевидно, ихъ считали на кораблѣ важными особами. Клеркъ или казначей получалъ такую же плату, что дѣлало его равнымъ мастеру и констэблю. Ему были поручены всѣ запасы и провіантъ, иногда онъ и закупалъ ихъ; онъ былъ также и корабельнымъ казначеемъ. Что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣлось нѣчто въ родѣ мундира, доказывается записью въ счетахъ, что король далъ мастеру, экипажу и солдатамъ его галеры «Томасъ» плащи изъ сукна.

Изъ отчетовъ этого періода видно, что на корабляхъ были панцыри, шлемы, луки, стрѣлы, рычаги, щиты, большіе щиты (targets и pavises) копья и «firing—barrels». Несомнѣнно, что эти послѣднія были какія то пушки; упоминаніе о нихъ указываетъ на первое присутствіе пушекъ и пороха въ англійскомъ флотѣ. «Очевидно—говоритъ сэръ Николасъ—что пушки составляли часть вооруженія кораблей уже въ 1338 году, и вѣроятно нѣсколько раньше; что около 1372 г. пушки и порохъ были въ общемъ употребленіи; что нѣкоторыя пушки были желѣзныя, и другія бронзовыя или мѣдныя; что существовали ручныя пушки также, какъ и большія, и что порохъ составлялся изъ тѣхъ же веществъ и приблизительно также, какъ и теперь. Въ числѣ припасовъ большаго корабля Christopher of the Tower, въ іюнѣ 1338 г. были три желѣзныя пушки съ пятью камерами, ручная пушка, нѣкоторыя желѣзныя вещи для пушекъ (названіе ихъ въ свиткахъ стерто) и три старыя каменныя бочки,—вѣроятно, для ядеръ. На баржѣ Mary of the Tower была желѣзная пушка съ двумя камерами и мѣдная съ одной камерой. Упоминается также о двухъ желѣзныхъ пушкахъ «безъ припаса»; въ частномъ складѣ короля были двѣ большія мѣдныя пушки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у пушекъ были ручки—въ числѣ королевскихъ расходовъ въ 1372—1374 году упоминаются уплаты за ручки (helvyng) для восьми пушекъ. Въ корабельныхъ отчетахъ за эти годы имѣется много записей относительно пороха и пушечныхъ ядеръ — наиболѣе существенныя таковы: 184 фунта пороха для пушекъ, сдѣланнаго изъ 135 фунт. селитры и 49 ф. сѣры, также 242 ф. сѣры. Попадаются записи уплатъ рабочимъ за дѣланіе пороха и ядеръ для пушекъ лондонской Башни. Было куплено угля и пятьсотъ деревъ (talwode) для растапливанія свинца и сушенія пороха; четыре воза дерева и желѣзные горшки и блюда для сушенія пороха на огнѣ и на солнцѣ, кожаные мѣшки для храненія пороха, двѣ мѣдныя ступки и три желѣзныя пестика, двѣнадцать желѣзныхъ ложекъ для отливанія свинцовыхъ пуль, десять латунныхъ формъ для того же, пара вѣсовъ для взвѣшиванія пороха, тридцать небольшихъ бочеп-

ковъ съ крюками и скобами для храненія пуль, тридцать малыхъ висячихъ замковъ для этихъ боченковъ, 220 фун. селитры, два рѣшета, восемнадцать мѣховъ, глиняные горшки и сковороды для сушенія пороха на огнѣ и на солнцѣ и дерево для угля».

Порохъ иногда назывался «krakes» и Томасъ Райтъ нашелъ въ манускриптахъ четырнадцатаго вѣка рецептъ его приготовленія. Пушечныя камеры были передвижными, онѣ заряжались и вставлялись въ пушку. Такая пушка съ камерой, но 15 вѣка, была на королевской выставкѣ 1891 года. Она состоитъ изъ продольныхъ кусковъ желѣза, скрѣпленныхъ желѣзными обручами. Пушки съ ручками были, вѣроятно, маленькія; они ставились на желѣзныя сошки, и вращались, какъ фальконетъ. Пушки разряжались посредствомъ раскаленныхъ до красна желѣзныхъ прутьевъ.

Фрахты въ четырнадцатомъ столѣтіи были не высоки. Въ 1370 году за корабль съ экипажемъ въ 38 человѣкъ для перевоза изъ Соутгамптона въ Нормандію двадцати солдатъ и шестнадцати стрѣлковъ заплатили всего 30 ф. 6 шил. Въ 1368 году транспортъ изъ Дувра въ Кале на 39 корабляхъ и 13 малыхъ судахъ герцога Кларенса, 457 вооруженныхъ людей, 1280 лошадей стоилъ всего 173 ф. 6 ш. 8 д. Правда, хозяева судовъ стремились къ поднятію цѣнъ, и въ 1330 году было повелѣно, что въ виду возвышенія цѣнъ на провозъ во Францію, въ будущее время не должны требовать больше старой цѣны въ два шиллинга съ всадника и шести пенсовъ съ пѣхотинца. Слѣдуетъ упомянуть, что задолго до 1330 года въ Дуврѣ существовала компанія, называемая The Fare Ship Company, для веденія торговли за проливомъ, корабли этой компаніи отплывали въ назначенный срокъ: каждый корабль дѣлалъ, повидимому, три рейса и потомъ стоялъ, пока снова не наступала его очередь. Компанія находилась подъ управленіемъ четырехъ директоровъ, которые имѣли право настаивать на исполненіи устава посредствомъ штрафовъ, налагаемыхъ на нежелавшихъ исполнять его участниковъ. Штрафы, однако, шли не въ пользу компаніи, а въ пользу короля.

Относительное торговое значеніе англійскихъ портовъ въ этомъ періодѣ, вѣроятно, съ приблизительной точностью можно опредѣлить по числу кораблей, доставленныхъ главнѣйшими изъ нихъ для экспедиціи противъ Кале. По манускрипту Коттоніанской библіотеки слѣдующіе порты поставили кораблей: Фовей—47, Ярмутъ 43, Дармутъ 31, Плимутъ 26, Шорэмъ 26, Лондонъ 25, Бристоль 24, Сандичъ 22, Соутгамптонъ 21 Дувръ 21, Винчельсеа 21, Веймутъ 20, Лоо 20, Линнъ 19, Ньюкэстль 17, Бостонъ 17, Гулль 16, Маргэтъ 15, Гарвичъ 14, Гофордъ 13, островъ Уайтъ 13, Инсвичъ 12, Гукъ 11, Гримеби 11 и Экземутъ 10. Другіе порты поставили менѣе чѣмъ по десяти кораблей каждый; Портсмутъ только 5, Пуль 4, Гартпуль 5, Кардифъ и Мерси только по одному. По числу поставленныхъ матро-

совъ порядокъ такой: Ярмутъ, Фовей, Дармутъ, Лондонъ, Бристоль, Плимутъ, Винчельсеа, Соутгамитонъ, Сандичъ и т. д.

Царствованіе Ричарда II было вообще печально и для королевскаго и для торговаго флота страны. Королевскимъ флотомъ пренебрегали даже болѣе, чѣмъ въ послѣдніе годы царствованія Эдуарда III и хотя въ 1387 году была одержана морская побѣда при Кадзандѣ, обычное положеніе страны въ это несчастное время было состояніе ужаса—и часто ужаса отвратительнаго—что французы нападутъ и завоюютъ ее. Объ отсутствіи дисциплины во флотѣ можно судить по такимъ фактамъ; въ 1377 году графъ Букингамъ и лордъ Фицъ Вальтеръ должны были дѣйствовать сообща противъ французовъ въ Брестѣ, а они вмѣсто того дрались другъ съ другомъ и когда наконецъ вожди, на половину противъ воли, стали дѣйствовать вмѣстѣ, возмутились матросы. Корабли, повидимому, превратились въ притоны порока и варварства, мрачный свѣтъ бросается на обычаи моряковъ разсказомъ, что когда въ 1379 году эскадра Джона Аруделя была захвачена штормомъ, шестьдесятъ женщинъ, бывшихъ на корабляхъ, были выброшены въ морѣ, чтобы облегчить корабли. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ сопровождали флотъ добровольно, а другія были увезены насильно. Почти каждогодно французы грабили берега. Въ 1380 году, по показанію нѣкоторыхъ историковъ, испанцы вошли въ Темзу и сожгли Гревзендъ; англійское правительство все таки и тогда не пробудилось изъ своей летаргіи и самые блестящіе подвиги на морѣ были результатомъ патріотизма и храбрости частныхъ лицъ. Джонъ Фильпоттъ, лондонскій мэръ, на свой счетъ снарядилъ эскадру для сопротивленія соединеннымъ французскимъ, шотландскимъ и испанскимъ пиратамъ, въ 1378 году подъ начальствомъ Джона Мерсера разграбившимъ берега Іоркшира. Въ 1385 году люди Портсмута и Дармута, «не нанятые никѣмъ, какъ говоритъ Вальсингамъ, не купленные никѣмъ, а пришпориваемые только своей доблестью и прирожденной храбростью», устыдили трусливую администрацію, снарядивъ экспедицію къ устьямъ Сены. Въ моментъ наибольшей опасности для королевства правительство позволило большей части флота, а также и огромной арміи, оставить Англію для поддержанія эгоистическихъ притязаній герцога Ланкастерскаго на Кастильскую корону; слѣдствіемъ было то, что торговля почти погибла и остававшіеся въ Англіи корабли по большей части находились въ гаваняхъ, входы въ которыя были загорожены цѣпью. Торговля страдала не отъ одной только неспособности правительства защищать ее; король время отъ времени арестовывалъ всѣ купеческіе корабли, какіе ему вздумается, и не думалъ ни вернуть ихъ собственникамъ, ни дать вознагражденіе. Тѣмъ не менѣе и при Ричардѣ II проходили акты для поощренія торговли страны. Одна мѣра, принятая въ 1390 году и бывшая предтечей позднѣйшихъ «навигаціонныхъ законовъ», предписывала, что «всѣ купцы королев-

ства Англіи должны провозить товары на корабляхъ сказаннаго королевства, а не на иностранныхъ, и собственники этихъ кораблей должны брать за перевозъ разсудительныя цѣны». Такъ какъ этотъ статутъ не исполнялся, то въ слѣдующемъ году Общины подали королю петицію, чтобы въ виду великаго ослабленія и поврежденія англійскаго флота англійскимъ купцамъ не позволялось грузить имущества или товары на иностранный корабль, если можно было перевезти ихъ на англійскомъ, подъ страхомъ конфискаціи такихъ имуществъ и король отвѣтилъ, «да будетъ соблюдаться изданный по этому предмету статутъ», хотя видимо, что заявленіе его величества не имѣло особаго значенія. Что купцы были не всегда искренни въ своихъ заявленіяхъ о благѣ страны, можно судить по утвержденію Вальсингама, что въ 1383 году генуэзскій корабль съ богатымъ грузомъ загнало бурей въ Сандичъ и тогда лондонскіе купцы заставили его уйти во Фландрію, хотя его грузъ былъ бы достаточенъ для удовлетворенія различныхъ потребностей страны; они боялись, что привозъ на рынокъ болѣе свѣжихъ и лучшихъ товаровъ повредитъ продажѣ тѣхъ, которые у нихъ были.

Архитектура и искусство.

Готса.

Переходъ къ „Перпендикулярному“ стилю. Вліяніе Черной Смерти.

Раньше, чѣмъ блескъ царствованія Эдуарда III померкъ среди мрака и замѣшательства его послѣднихъ лѣтъ, начался упадокъ готическаго искусства. Но процессъ упадка былъ медленнымъ; переходъ отъ свободной граціи прежняго стиля къ окостенѣнію и утилитаризму позднѣйшаго продолжался болѣе сорока лѣтъ. Обыкновенно переходнымъ періодомъ отъ декорированнаго стиля къ «перпендикулярному» считаютъ время отъ 1360 года до 1399; но, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, довольно трудно провести хронологическую раздѣльную линію. Можетъ быть, было бы вѣрнѣе отодвинуть первую дату нѣсколько назадъ, такъ какъ Глочестерскій соборъ представляетъ типичное смѣшанное зданіе, а оно построено не много позже 1350 г. и въ концѣ вѣка побѣда перпендикулярныхъ формъ была уже полной. Вѣроятно, «чума Фруассара», самый могучій изъ всѣхъ факторовъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, имѣла нѣкоторое вліяніе на появленіе и развитіе новой архитектуры. Во время зимы 1348—49 года рабочіе умирали какъ мухи и недостатокъ ихъ сильно чувствовался во всѣхъ сферахъ народной жизни. Мы уже видѣли, что парламентъ дѣлалъ разныя попытки контролировать заработную плату не только пахарей и копальщиковъ, но и искусныхъ рабочихъ и въ двадцать пятомъ

году царствованія Эдуарда исправленный статутъ о рабочихъ опредѣлялъ плату «мастера вольнаго каменьщика» въ четыре пенса въ день. Такая плата, равнявшаяся платѣ капрала валлійскихъ вспомогательныхъ отрядовъ (который кромѣ того имѣлъ даромъ одежду, длинный ножъ и пищу), не могла, конечно, привлечь артистическихъ рабочихъ; хотя статутъ до значительной степени и оставался мертвой буквой, но все же, поскольку онъ имѣлъ вліяніе, онъ стремился изгнать рабочихъ изъ страны. Во всякомъ случаѣ любопытно то, что перпендикулярный стиль, который изъ всѣхъ стилей, называемыхъ общимъ именемъ готическаго, наименѣе требуетъ изобрѣтенія, вошелъ въ моду въ такое время, когда талантливые рабочіе (классъ во всякое время рѣдкій) почти исчезли.

Глочестерскій соборъ.

Въ четверть вѣка послѣ чумы новыхъ строеній было воздвигнуто немного; предпринимаемыя работы были скорѣе перестройками, чѣмъ новыми постройками. Можетъ быть, самымъ раннимъ примѣромъ этого приспособленія старыхъ зданій къ новой модѣ была церковь Глочестерскаго аббатства, учрежденія, которое во время почти общаго разоренія процвѣтало. Тѣло убитаго Эдуарда II, перенесенное туда аббатомъ Токей изъ замка Беркелей, все время царствованія Эдуарда III приносило хорошіе доходы. Тысячи пилигримовъ приходили поклониться его гробу и ихъ приношенія тратились не на постройку церкви, какъ сдѣлали бы строители прежнихъ вѣковъ, а не передѣлку поверхности зданія, на вырѣзку новыхъ оконъ въ старыхъ стѣнахъ, на вставку новыхъ стеколъ—однимъ словомъ на облеченіе тѣла двѣнадцатаго вѣка одеждой четырнадцатаго. Для подобныхъ цѣлей ничего не могло быть удобнѣе перпендикулярныхъ формъ и въ особенности перпендикулярной обшивки. Кажется, однако, что въ Глочестерѣ не было примѣнено никакихъ новыхъ формъ и архитектора довольствовались повтореніемъ формъ стараго стиля. Такимъ образомъ тутъ мы видимъ странную комбинацію часто декорированныхъ формъ съ чисто перпендикулярными окнами и стѣнами—и все это поддерживается чисто нормандскимъ, хотя и невиднымъ, скелетомъ.

Характерные признаки перпендикулярнаго стиля.

Не трудно опредѣлить характерные признаки стиля, замѣнившаго всѣ декорированныя формы. Какъ указываетъ само названіе стиля, его главной отличительной чертой была перпендикулярность и главнымъ средствомъ достиженія такого эффекта была прямая обшивка. Это, конечно, не значитъ, что архитекторы этаго періода, передѣлавшіе столько старыхъ зданій, изобрѣли обшивку; они только дали ей преобладаніе, выдвинули ее на первый планъ. Раньше обшивка употреблялась рѣдко, для декорированія небольшихъ и узкихъ пространствъ, а теперь ей покрывали все пространство какъ внутри, такъ и снаружи, стѣну и арки, щиты, парапеты, фундаменты и подпорки. Даже окна позже при полномъ логическомъ развитіи стиля становятся просто орудіемъ размѣщенія обшивки, въ которой дѣлаютъ отверстія

для свѣта. Но перпендикулярность линій господствовала и въ началѣ періода также, какъ въ концѣ его. Обыкновенно перегородки окна идутъ прямо отъ поддоконника до вершины окна. Онѣ уже теперь не наклонныя, не пересѣкаются и не перекрещиваются разнообразными кривыми линіями. Даже когда въ окнахъ появляются малыя арки, все таки чрезъ нихъ пропускаются прямыя перегородки, не обращая никакого вниманія на правила хорошаго вкуса; или перпендикулярность еще болѣе странно выдвигается на первый планъ посредствомъ прорѣзыванія небольшихъ прямыхъ отверстій въ вершинѣ большихъ оконъ. Есть нѣкоторая сила и послѣдовательность въ такой прямолинейной каменной работѣ и несомнѣнно, что эти аггрегаты обшивокъ — причемъ единственнымъ ограниченіемъ ихъ величины былъ страхъ ослабить стѣну, поддерживающую кровлю — были несравненнымъ средствомъ для размѣщенія цвѣтныхъ стеколъ. Но они все же составляли плохую замѣну изящно сгруппированныхъ ланцетовидныхъ оконъ древне англійскаго стиля или изящныхъ «кружевныхъ» оконъ стиля декорированнаго.

Двери и орнаментъ перпендикулярнаго стиля. «Девонширскіе листья».

Двери были одного опредѣленнаго типа — вогнутая арка, причемъ при дальнѣйшемъ развитіи стиля вогнутость увеличивается — вставленная въ квадратную раму и все это обрамленно линейкой по тремъ сторонамъ прямоугольника. По сторонамъ обыкновенно колонки; линейка же и основаніе свода вообще болѣе или менѣе орнаментировались щитами, листьями, животными и «гротесками». Во всякомъ случаѣ характерными были квадратная рама и линейка; онѣ совершенно замѣнили прежнія двери съ верхушкой, раздѣленной на сегменты, хотя верхушки оконъ такого рода были довольно обыкновенными. Окаменѣлость и квадратная форма господствуютъ вездѣ, и въ большемъ и въ маломъ, и въ декоративныхъ вещахъ и въ необходимыхъ. Онѣ распространяются на всѣ детали и на ихъ распредѣленіе; отступленіе отъ природы при изображеніи естественныхъ предметовъ почти абсолютное. Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, какъ объ исключеніи, о рѣзьбѣ въ западныхъ графствахъ, которая хотя и встрѣчается въ церквахъ перпендикулярнаго стиля, и даже его позднѣйшаго развитія, указываетъ на стремленіе вернуться къ природѣ. Эта рѣзьба, называемая «девонширскими листьями», была несомнѣнно мѣстнымъ явленіемъ, вѣроятно результатомъ усилій какого нибудь провинціальнаго художника подражать въ камнѣ естественнымъ листьямъ и цвѣтамъ, которыми украшались по праздникамъ колонны церкви. Кромѣ этого исключенія листья перпендикулярнаго періода чрезвычайно угловаты, чтобы не сказать деревяны. «Крокетъ», который мы видѣли въ зданіи Гуга Бургундскаго двѣнадцатаго вѣка, продолжаетъ существовать и въ концѣ перпендикулярнаго періода, хотя скрюченный листъ, изъ котораго онъ произошелъ, повидимому совершенно забытъ.

Во всякомъ случаѣ даже и въ этой формѣ онъ представляется анахронизмомъ.

Болѣе характеренъ такъ называемый «цвѣтокъ Тюдоровъ» украшеніе, употребляемое уже въ такое время, когда еще ни одинъ Тюдоръ и не мечталъ о бракахъ съ Плантангенетами или съ вдовами Плантангенетовъ. Это украшеніе произошло отъ fleur de lis, перемѣшаннаго съ трилистникомъ или шаромъ; но главный цвѣтокъ скорѣе похожъ на геральдическій ромбъ, чѣмъ на лилію. По изобрѣтенію это бѣдно, но часто производитъ сильный эффектъ, особенно въ позднѣйшихъ работахъ, напримѣръ въ капеллѣ Генриха VII въ Вестминстерѣ, гдѣ лилія имѣетъ заостренныя края, похожія на папортникъ, а небольшой цвѣтокъ между лиліями похожъ на первоцвѣтъ. Зубцы, какъ внутреннее украшеніе щитовъ, перегородокъ и т. п., хотя и были извѣстны и архитекторамъ декорированнаго стиля, становятся модными только теперь: дата такой работы можетъ быть вообще опредѣлена по горизонтальному карнизу, проходящему по краю зубцовъ. Этотъ карнизъ въ перпендикулярномъ періодѣ непрерывный и идетъ не только по верхушкѣ, но и по бокамъ, тогда какъ въ декорированномъ періодѣ онъ отрѣзанъ при каждомъ отверстіи. Лѣпныя карнизы вообще отличаются отъ карнизовъ предшествующаго періода: кажется, какъ будто рабочіе не заботились, какъ это было раньше, сдѣлать какъ можно лучше. Говоря о декорированномъ стилѣ, мы замѣтили, что былъ большой недостатокъ глубины и тонкости рѣзьбы, но ухудшеніе работы и пустота формъ до нѣкоторой степени вознаграждались увеличеніемъ роскоши поверхностныхъ украшеній. Въ перпендикулярномъ же стилѣ карнизы еще болѣе плоски, а гротески, животныя, листья и т. п., украшающія широкіе и мелкіе карнизы, рѣдко производятъ богатый эффектъ.

„Цвѣтокъ Тюдоровъ“.

Конечно, въ зданіяхъ переходнаго времени всѣ эти непріятные признаки замѣтны не такъ сильно; но уже очевидно, что слѣдуетъ ждать худшаго.

Существуетъ немного цѣлыхъ построекъ или цѣлыхъ частей зданій въ этомъ смѣшанномъ или переходномъ стилѣ, хотя прибавленій или измѣненій въ этомъ стилѣ и много. Одно изъ самыхъ раннихъ—это хоры и коридоры Глочестера, коридоры и ворота Казначейства (раньше Garter Chapter House) въ Виндзорѣ и зданіе аббата Литлингтона въ Вестминстерѣ. Церковь Вилльяма Эдингтона въ приходѣ того же названія, освященная въ 1361 году, есть одно изъ рѣдкихъ зданій, которое кажется цѣликомъ построено въ переходный періодъ. Здѣсь въ западномъ фасадѣ мы видимъ окно, которое не вполнѣ принадлежитъ ни къ декорированному, ни къ перпендикулярному стилю. Сѣтки многочисленны и нижнія отверстія въ верхушкѣ окна не продолговатой формы, а короткія, такъ что почти составляютъ шестиугольникъ. Правда, нѣтъ перегородокъ, идущихъ прямо отъ верхушки до низу; но отъ верхушки

Образцы переходнаго стиля. Церковь въ Эдингтонѣ.

низкихъ арокъ, на которыя дѣлится окно, идутъ прямыя перегородки. что составляетъ уже принципъ перпендикулярнаго стиля. Небольшія западныя окна боковыхъ крыльевъ едва различимы отъ работы прошлаго вѣка и ихъ верхушки составляютъ образцы формы декорированнаго «кружева», впрочемъ чаще встрѣчающагося въ свѣтскихъ постройкахъ, чѣмъ въ церквахъ. Но если окна въ Эдингтонѣ не декорированнаго и не перпендикулярнаго стиля, то двери и того и другого стиля; трудно найти болѣе очевидный примѣръ смѣшенія стилей. Двери не заключены въ квадратную рамку, какъ двери перпендикулярнаго стиля, а вдѣланы въ арку съ вершиной сегментами, какъ дѣлалось въ періодъ господства декорированнаго стиля. Но пространство между аркой и вершиной двери заполнено четырьмя типичными перпендикулярными панелями и сама декорированная арка окаймлена квадратной перпендикулярной линейкой.

Работы Вилльяма Викегама. Капелла Новой коллегіи. Другіе образцы стиля.

Этотъ Вильямъ Эдингтонъ былъ великій строитель и позже онъ перестраивалъ Винчестерскій соборъ. Онъ потомъ превратился изъ Вилльяма Эдингтона въ Вилльяма Винчестерскаго и переходный стиль ректора превратился въ почти совершенно развитый перпендикулярный стиль епископа. Онъ умеръ въ 1369 году, но раньше онъ началъ облекать нормандскія кости Винчестерскаго собора перпендикулярнымъ одѣяніемъ, и его дѣло безъ перерыва и съ большой энергіей продолжалось его наслѣдникомъ. Этотъ наслѣдникъ, Вилльямъ Викегамъ, котораго можно считать послѣднимъ великимъ епископомъ-строителемъ среднихъ вѣковъ, произвелъ перестройку трехъ четвертей собора. Антикваріямъ трудно простить ему сдѣланное имъ зло; но мы все таки должны привести въ его оправданіе импозантный характеръ его постройки, а также и постройку имъ зданій въ родѣ капеллъ въ Винчестерѣ и въ Новой коллегіи, — дѣйствительно благородныхъ образчиковъ этого неблагороднаго стиля. Лучше всѣхъ капелла въ Оксфордѣ, начатая въ первый годъ царствованія Ричарда II и конченная на седьмомъ году этого царствованія. Какъ и слѣдуетъ ожидать по времени постройки, здѣсь имѣются по крайней мѣрѣ намеки на переходный стиль. Высокія перпендикулярныя перегородки не доходятъ непрерывно до вершины оконъ и также, какъ въ Эдингтонѣ, изъ центра выходятъ малыя арки. Нѣсколько позже такая форма окна была оставлена, какъ напримѣръ въ хорахъ Іоркскаго собора (Минстера), начатаго, правда, въ 1361 году, но конченнаго только въ 1408 г.

Корабль и западное крыло Кентербюри, начатые около 1380 года, также относятся къ переходному стилю и къ раннему перпендикулярному, но въ нихъ не особенно замѣтны признаки переходнаго. Хотя постройка и одновременна съ Винчестерской, она болѣе развита по стилю. Въ обоихъ случаяхъ нормандскій корабль замѣненъ перпендикулярнымъ; но въ Винчестерѣ это достигнуто посредствомъ прикрышки стараго остова новой обшивкой, такъ что старыя карнизы казались

новыми: а въ кораблѣ Ланфранка, который разваливался, карнизы были разрушены и перестроены заново. Другіе извѣстные образчики этого стиля суть домъ капитула въ Гоуденѣ въ Іоркширѣ и домъ привратника въ аббатствѣ Торнтонъ въ Линкольнширѣ. Къ этому же періоду обыкновенно причисляются и корридоры въ Глочестерѣ; но окна, вѣроятно, относятся къ болѣе раннему времени. Впрочемъ, кровля была предшественницей позднѣйшихъ чудесъ королевскихъ капеллъ и ее, навѣрное, можно приписать работѣ какого нибудь архитектора ранняго перпендикулярнаго стиля.

Кровли. Вестминстеръ-Галль.

Лучшимъ признакомъ перпендикулярнаго стиля можно признать его башни и превосходные своды, къ которымъ можно присоединить и его деревянныя кровли. Немногія изъ нихъ относятся къ лучшему и болѣе древнему времени, но нѣкоторыя несмотря на ихъ позднѣйшее происхожденіе превосходны. Кровля дворца въ Эльтамѣ относится къ царствованію Генриха IV. Кровля св. Стефана въ Норвичѣ, одна изъ лучшихъ въ Англіи, построена при Генрихѣ VIII, и большинство деревянныхъ кровель (чаще встрѣчающихся въ восточныхъ графствахъ) относится къ началу 16 вѣка. Но въ Вестминстерѣ находится одинъ изъ лучшихъ образцовъ работы четырнадцатаго вѣка—это кровля надъ «большой залой Рыжаго»; незначительные останки этой норманской постройки были открыты въ послѣдніе три или четыре года. «Зала», собственно говоря, перестроена до основанія въ концѣ царствованія Ричарда и сохранила доселѣ въ стѣнной рѣзьбѣ и въ бревнахъ кровли ту форму, которую получила въ то время. Такія бревенчатыя кровли несравненно прекраснѣе сводовъ того періода и указываютъ, что по крайней мѣрѣ въ плотничьемъ искусствѣ мы не далеко ушли отъ нашихъ предковъ, жившихъ пятьсотъ лѣтъ раньше.

Дома. Пенсгурстъ и Бодіамъ. Дартингтонъ.

Свѣтская архитектура въ царствованіе Ричарда и въ концѣ царствованія Эдуарда неособенно отличаются одна отъ другой. Эволюція деревенской усадьбы изъ замка продолжалась, но невозможно прослѣдить ее шагъ за шагомъ съ такой точностью, чтобы разсказать о ея послѣдовательномъ развитіи. Вкусъ и фантазія играли все болѣе и болѣе выдающуюся роль въ этой эволюціи, такъ какъ междоусобія перестали играть роль главнаго соображенія. Только на шотландской границѣ еще было необходимо жить на военномъ положеніи. Въ другихъ мѣстахъ опредѣляющимъ факторомъ была уже личность собственника. Въ результатѣ мы видимъ прекрасный замокъ (Галль) въ Пенсгурстѣ, составляющій часть того, что при Эдуардѣ III было обыкновенной усадьбой, построенный въ самомъ началѣ перпендикулярнаго періода и современный съ ранними зданіями Глочестера. А въ Бодіамѣ, начатомъ только въ срединѣ царствованія Ричарда, мы имѣемъ типъ, хотя и позднѣйшій, неприступнаго феодальнаго замка. Послѣдующія измѣненія и добавленія (оставившія впрочемъ Галль въ Пенсгурстѣ сравнительно неприкосновеннымъ) дѣлаютъ затруднительнымъ опредѣле-

ніе абриса старыхъ построекъ; но очевидно, что усадьба Джона Деверё никогда не была пригодна для цѣлей защиты. Съ другой стороны въ Бодіамѣ, построенномъ ветераномъ французскихъ войнъ, составившемъ состояніе грабежомъ, мы видимъ крѣпость, которая должна была радовать глазъ солдата-волонтера. Массивныя стѣны съ круглыми башнями по угламъ и квадратными башнями по срединѣ сторонъ смотрятъ въ удивительно глубокій и широкій ровъ, до краевъ наполненный водой. Къ большимъ воротамъ ведетъ узкая тропинка и длинный опускной мостъ, защищенный круглой башней. Сами ворота имѣютъ три портика (одинъ сохранился на мѣстѣ) и своды надъ промежуточнымъ пространствомъ съ бойницами. Внутри распредѣленіе похоже на оксфорскую капеллу. Съ одной стороны капелла и подъ ней, вѣроятно, конюшни; съ другой стороны небольшого двора жилыя комнаты, банкетная зала и кухни и пекарни. Между этими двумя типами постройки находятся зданія всякаго рода, воздвигнутыя въ эту эпоху. Нѣкоторыя, въ родѣ Больтонъ Кэстль въ сѣверномъ Ридингѣ, очевидно не предназначались для военныхъ цѣлей, хотя и сохраняли военную форму. Другія, въ родѣ Дартингтонъ Галль въ Девонѣ, настоящіе частные дома съ большими фермерскими постройками.

Дартингтонъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что доказываетъ постоянство старыхъ формъ, потому что окна (въ четыре свѣта) построены съ арками, напоминающими арки въ Карнарвонскомъ замкѣ, что переноситъ насъ къ началу тринадцатаго вѣка, къ модѣ чистаго старо-англійскаго стиля. Такіе зданія, какъ Бодіамъ, указываютъ только на надменность или по крайней мѣрѣ на эксцентричность строителя, а не на вкусъ и потребности эпохи. Эти послѣднія были направлены на достиженіе большаго комфорта, что доказывается обширными двойными дворами въ Больтонѣ и въ другихъ мѣстахъ. Это стремленіе къ комфорту увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ богатства и безопасности и поддерживается увеличеніемъ сношеній съ высшими цивилизаціями Италіи и Франціи.

Литература.

Франка Гитса.

Въ добавленіе къ замѣчаніямъ, высказаннымъ нами въ предыдущей главѣ, скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ развитіи драматической литературы до 1500 года. Въ теченіе пятнадцатаго вѣка въ сѣверной и средней Англіи появилось немного мистерій, въ родѣ «Погребенія и Воскресенія Христа» и «Обращенія Павла». Послѣдняя, въ семистрочныхъ стансахъ, интересна по новизнѣ предмета, а также и

потому, что раздѣлена на отдѣлы, что уже было предвѣстникомъ послѣдующаго раздѣленія драматическихъ пьесъ на акты. Параллельно съ ними по времени и мѣсту (на востокѣ средней Англіи) появился новый родъ драмы, порожденный склонностью среднихъ вѣковъ къ аллегоріи и олицетворенію абстрактныхъ идей. Моральная пьеса (Morality) была первымъ шагомъ къ свѣтской драмѣ—и притомъ шагомъ ложнымъ. Но такая экскурсія въ артистическій Cul de sac по крайней мѣрѣ выучила драматурговъ независимости. Тема наиболѣе древнихъ и лучшихъ моральныхъ пьесъ—борьба семи смертныхъ грѣховъ и семи главныхъ добродѣтелей за человѣческую душу—борьба на всю жизнь. Человѣчество, его добродѣтели и пороки, олицетворяются до попытки матеріализировать то, что было общей идеей, лежащей въ основѣ старыхъ мистерій. Эта тенденція къ морализированію замѣтна уже въ Expositor Честерскихъ мистерій и въ Contemplacio, Veritas и т. п. «Salutatio et Conceptio» въ Ковентри. Самая древняя [1]) изъ Morality (при Генрихѣ VI)—это типическій «Замокъ постоянства», въ которомъ герой, Humanus Genus, съ рожденія до смерти осаждается врагами: Mundus, Belyal, Caro и ихъ спутниками. Онъ наконецъ спасается послѣ сцены между Милосердіемъ и другими, подобно герою въ «Salutatio» Ковентри. Другія пьесы въ томъ же родѣ—«Духъ, Воля и Разумъ», «Человѣческій родъ», «Iundus et Infans» и «Всякій». Эта послѣдняя (при Эдуардѣ IV) была такъ популярна, что въ началѣ шестнадцатаго вѣка была напечатана четыре раза. Буддистская исторія о испытаніи дружбы, извѣстная на западѣ въ формѣ легенды о Варлаамѣ и Іосафатѣ, составляетъ основу дѣйствія, но идея изобразить жизнь человѣка посредствомъ сцены его смертнаго часа, вмѣсто изображенія всего хода жизни, были истиннымъ прогрессомъ драматическаго искуства.

Возвращаясь къ четырнадцатому вѣку, мы видимъ, что въ лирической поэзіи не только произошелъ ростъ сложности стансовъ, но и увеличеніе стремленія подражать чувственной красотѣ французскихъ пѣвцовъ. Это можно сказать какъ о религіозной, такъ и о свѣтской лирикѣ. Прекрасные образцы такой поэзіи, религіозной, эротической и политической, мы находимъ въ коллекціи манускриптовъ (№ 2253) четырнадцатаго вѣка. Наиболѣе извѣстныя политическія пѣсни—это пѣсни о плохихъ временахъ Эдуарда II [2]) и знаменитыя пѣсни сѣверянина Лауренса Минота. Этихъ послѣднихъ десять и онѣ воспѣваютъ войны Эдуарда III съ горячимъ патріотизмомъ и презрительной ненавистью къ французамъ и въ особенности къ шотландцамъ. Стихъ поэта двухъ родовъ: метръ съ короткими строчками,

Лирическая поэзія. Политическія пѣсни.

[1]) Ср. Виклифа—De officio Pastorali (1378), гл. XV, изд. Матью и Смита English Guilds (первое упоминаніе о Morality).

[2]) Полит пѣсни—изд. Райта, Камденское Общество, 195, 323.

иногда rime couée, иногда короткіе куплеты, и средне англійскій александрійскій съ сильной цезурой, соединенный постоянными неперекрестными рифмами въ строфы—это типическая мѣра для странствующаго пѣвца. Въ обѣихъ формахъ поэтъ часто пользуется аллитераціей и, понятно, съ большимъ эффектомъ въ длинныхъ строчкахъ.

Баллады.

Національное настроеніе выразилось, однако, не въ политическихъ пѣсняхъ. «Доброе старое время» двѣнадцатаго вѣка, когда средняя Англія кишѣла разбойниками, казалось людямъ конца тринадцатаго вѣка облитымъ привлекательнымъ романическимъ свѣтомъ—дѣйствительность была забыта. Въ разсказахъ объ этихъ людяхъ сосредоточились стремленія къ справедливости, ненависть противъ угнетеній богатыхъ и духовенства, симпатія къ страдающимъ бѣднякамъ—всѣ признаки вновь пробудившейся національной жизни. Отрывки придворныхъ романсовъ, случаи изъ жизни историческихъ и легендарныхъ святыхъ оказались пригодными для доставленія разсказамъ подробностей и мѣстной окраски; самый стихъ, извѣстный метръ балладъ, былъ просто производнымъ отъ семистишія, столь обычнаго въ сѣверныхъ романсахъ. Такимъ образомъ появились баллады о Робинъ Гудѣ въ странѣ близъ возлюбленнаго Шервуда. Онѣ сдѣлались такъ популярны, что о нихъ съ неодобреніемъ упоминаетъ Ланглендъ («Петръ Пахарь») въ 1377 году и Чосеръ, какъ о цѣнимыхъ Пандаромъ («Троилъ и Кресида») въ 1392 г.—это первое упоминаніе о нихъ въ литературѣ. Въ близкомъ отношеніи къ нимъ, на срединѣ пути между настоящимъ романсомъ [1]), на который очень похожъ по формѣ и стиху, и чисто демократическимъ циклomъ о Робинѣ Гудѣ, съ которымъ схожъ по духу, находится «Разсказъ Гамелина»—разсказъ, которымъ Чосеръ, вѣроятно, хотѣлъ воспользоваться какъ основаніемъ для его «Разсказа іемена». Послѣ смерти Чосера этотъ разсказъ вошелъ въ «Кентербюрійскіе разсказы» также, какъ «разсказъ повара»—авторъ оставилъ только введеніе этого послѣдняго разсказа. Той же темой позже воспользовался Томасъ Лоджъ для его новеллы «Розалинда» (1590), которая въ свою очередь послужила источникомъ Шекспировской пьесы: As you like it. «Гамелинъ» написанъ тѣмъ же діалектомъ, какъ и произведенія Чосера, но на югозападѣ средней Англіи около этого времени (средина четырнадцатаго вѣка) появляется группа романсовъ, расчитанная на большую и народную аудиторію посредствомъ старой аллитеративной, не рифмованной строчки. Западъ никогда не находился подъ такимъ сильнымъ норманскимъ и французскимъ вліяніемъ, какъ другія части страны и старая англійская мѣра тамъ никогда вполнѣ не исчезала. Оба эти факта,

[1]) Современные примѣры: „Октавіанъ“ и „Сэръ Ферумбрасъ“. Послѣдній отчасти написанъ такимъ же стихомъ, какъ и „Гамелинъ“, т. е. средне-англійскимъ александрійскимъ съ прибавленіемъ средней рифмы.

и невозможность въ виду лингвистическихъ особенностей дѣйствительно художественнаго развитія обыкновенныхъ мѣръ романсовъ, дѣлали возрожденіе вѣроятнымъ, хотя фонетическія измѣненія въ языкѣ, замѣна искусственнаго распредѣленія фразъ логическимъ и измѣненіе во многихъ случаяхъ ударенія въ словахъ, дѣлали даже тутъ невозможностью придерживаться старыхъ правилъ. Многія романскія слова въ этихъ поэмахъ получили удареніе, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ, хотя въ устной рѣчи это произошло только сто лѣтъ позднѣе, и естественно, что эффектъ, производимый на слухъ, былъ отличенъ отъ звукового эффекта старой длинной строки. Самая ранняя и самая важная изъ такихъ поэмъ—это «Вилльямъ Палернъ», написанная поэтомъ, по имени Вилльямъ, по приказу сэра Гумфри Богуна, графа Герефорда (1355—1361). Нѣсколько позднѣе по времени, вѣроятно, «Chevelere Assigne»—англійская версія саги о Лоэнгринѣ, основанная на французскомъ «Рыцарѣ съ лебедемъ». Сохранились также отрывки романса о Граалѣ, названные «Іосифъ Аримафейскій» и романса о Александрѣ въ такомъ же метрѣ. Имѣя въ виду такое возрожденіе стараго метра, кажется вполнѣ естественнымъ, что Вилльямъ Ланглендъ, по происхожденію съ юго-запада средней Англіи, написалъ свою популярную аллегорію во второй половинѣ вѣка такимъ же метромъ.

Sire Gawain.

Западъ, но на этомъ разъ, вѣроятно, Ланкаширъ, былъ мѣстомъ родины поэта, сдѣлавшаго для высшаго развитія этой формы романса и для украшенія средней-англійской поэзіи вообще болѣе какого либо писателя до Чосера. Онъ родился около 1330 года. Подобно Чосеру въ юности, авторъ «Гавайна» руководился придворными идеалами; также, какъ и Чосеръ, онъ любилъ природу во всѣхъ ея проявленіяхъ и облекалъ и природу и свои идеалы красотой языка и мелодіей стиха, въ которомъ онъ былъ такой же мастеръ, какъ и его юный лондонскій современникъ. Но онъ не былъ, какъ Чосеръ, великимъ поэтомъ, потому что въ его произведеніяхъ всегда присуща дидактическая цѣль; онъ не довѣряетъ внутреннимъ свойствамъ своего предмета и еще менѣе внутренней чистотѣ своего духа, какъ достаточнымъ гарантіямъ вѣрной тенденціи. Онъ отличается отъ простого аллегорическаго писателя только любовью къ формѣ и богатой фантазіей, которыя во всякомъ явленіи жизни и природы видитъ символъ высшей жизни. Его главное и единственное нерелигіозное произведеніе: «Сэръ Гавайнъ и Зеленый рыцарь» (1370) есть первый изъ ряда романсовъ, лучшій образчикъ которыхъ «Королева Фей»; приключенія героевъ представляютъ аллегоріи борьбы человѣка противъ міра, плоти и дьявола. Сэръ Гавайнъ одинъ изъ рыцарей Артура, разсказъ идетъ о данномъ словѣ, о испытаніи и побѣдѣ чистоты; всѣмъ приключеніемъ руководитъ фея Моргана, желающая дать предупреж-

деніе Жиневрѣ [1]). Стихъ—искусное соединеніе старой аллитеративной строки въ строфы неодинаковой длины посредствомъ четырехстишія, начинающагося строчкой съ однимъ удареніемъ, рифмующейся съ второй и четвертой. Замѣчателенъ также «Перлъ» того же поэта, вѣроятно самое раннее изъ сохранившихся его сочиненій, элегія на смерть его двулѣтней дочери. Онъ видитъ ее во снѣ, какъ олицетвореніе чистоты и невинности, на другой сторонѣ свѣтлаго ручья, мѣшающаго ему приблизиться къ ней; разговоръ съ ней въ концѣ концевъ приводитъ его къ смиренію. Форма поэмы очень сложная, очень красивая сама по себѣ и очень искусно сдѣлана, но едва ли пригодна для изображенія темы—простодушной невинности ребенка. Строфы изъ двѣнадцати строкъ съ четырьмя удареніями рифмованы по принципу abab abab bc bc; послѣднее слово каждой стансы въ каждомъ отдѣленіи поэмы повторяется въ первой строкѣ слѣдующей стансы и снова какъ припѣвъ. Отдѣленія, которыхъ двадцать, каждое изъ пяти строфъ (въ пятнадцатой шесть строфъ), связываются повтореніемъ одного и того же или родственнаго слова и послѣдняя строка поэмы мало отличается отъ первой. Стихъ по происхожденію. конечно, романскій и, какъ замѣчаетъ Голанчъ, имѣетъ много общаго съ сонетомъ; въ тоже время несомнѣнно, что авторъ узналъ этотъ стихъ отъ современнаго ему поэта на валлійской границѣ, произведенія котораго обладаютъ тѣми же свойствами и признаками, только менѣе развитыми [2]). Имена обоихъ поэтовъ неизвѣстны. Былъ ли поэтъ «Гавайна» тотъ «философскій Стродъ», которому вмѣстѣ съ «моральнымъ Говеромъ» Чосеръ посвятилъ свою пьесу: «Троилъ и Кресида»? Голанчъ считаетъ это возможнымъ [3]). Его «Чистота» и «Терпѣніе» суть дидактическія аллитеративныя поэмы, написанныя позднѣе и представляютъ живое описаніе Потопа и Іоны.

Чосеръ, его жизнь и воспитаніе.

Около того времени, когда этотъ поэтъ начиналъ писать, можетъ быть, въ домѣ какого нибудь ланкаширскаго дворянина, имя молодого человѣка, Жоффри Чосера, было, вѣроятно, уже извѣстно при лондонскомъ дворѣ. Онъ былъ однимъ изъ іеменовъ или слугъ короля

---

[1]) Можетъ быть, поэтъ имѣлъ въ виду отношенія Эдуарда III къ графинѣ Салисбюри, что повело къ учрежденію ордена Повязки. См. „Pearl" изд. Gollancz.

[2]) Ср. Early Engl. Poems and Lives of Saints—Фурниваля (Phil. Soc. frans).

[3]) Методы двухъ поэтовъ противуположны, но Чосеръ долженъ былъ умѣть цѣнить мастерство своего современника въ техникѣ стиха; любопытно, что и Gawain и froilus — романсы, тема которыхъ душевная борьба. Въ первомъ герой подвергается испытанію и побѣждаетъ, во второмъ героиня подвергается испытанію и падаетъ. Gawain первая и, навѣрное лучшая до Троила разработка такой темы. Что же удивительнаго, что Чосеръ посвятилъ свою первую попытку душевнаго анализа автору Гавайна, хотя и съ коварной улыбкой?

и пользовался прекрасной репутаціей благодаря своему характеру и наружности. Онъ былъ очень привлекателенъ, добродушенъ и имѣлъ мечтательное выраженіе лица, казалось, указывающее на его способность къ глубокому чувству. Эта спокойная наружность немѣшала ему, однако, быть отличнымъ товарищемъ, снисходительнымъ и скромнымъ, и живымъ, хотя иногда и молчаливымъ. Время отъ времени онъ проявлялъ шаловливость натуры, удивлявшую его товарищей своей внезапностью, что обѣщало въ немъ будущаго юмориста. Извѣстно было, что онъ любитъ свои книги; онъ часто на сонъ грядущій зачитывался Овидіемъ или какимъ нибудь другимъ старымъ авторомъ; его друзья читали не мало ронделей и пѣсенокъ (roundel и virelai), написанныхъ имъ на французскомъ и даже на англійскомъ языкѣ. Но онъ не былъ педантомъ, потому что не достигнувъ еще двадцатилѣтняго возраста онъ уже повидалъ свѣтъ и людей. Онъ былъ изъ семейства горожанъ; его отецъ Джонъ былъ виноторговецъ въ Улицѣ Темзы, а Агнеса, его мать, была племянница монетчика Гамо Коптона. Съ ранняго дѣтства онъ слышалъ разсказы о дворѣ и о большомъ мірѣ за Лондономъ [1]) и въ тоже время въ лавочкѣ отца видѣлъ и слышалъ многое, о чемъ припомнилъ въ послѣдующіе годы, когда въ своихъ разсказахъ рисовалъ жизнь демократіи. Чосеры, кажется раньше жили въ Ипсвичѣ, пока дѣдъ Чосера, Робертъ, не пріѣхалъ въ Лондонъ и они, какъ доказываетъ ихъ фамилія (Чулочникъ—Chaucier), были норманскаго происхожденія. Поэтъ родился около 1340 года, потому что въ 1386 году онъ говоритъ о себѣ какъ о сорокалѣтнемъ человѣкѣ, носившемъ оружіе въ теченіе двадцати семи лѣтъ. Ребенкомъ онъ избѣжалъ Черной смерти 1348 года и она должна была оставить на него впечатлѣніе. Въ шестнадцать лѣтъ или около того онъ былъ сдѣланъ пажемъ (сквайромъ) Елизаветы Ульстерской, жены Ліонеля герцога Кларенса, невѣстки короля и такимъ образомъ вступилъ въ прямыя отношенія съ дворомъ. Чрезъ три года онъ отправился съ арміей Эдуарда въ Францію (1359) и узналъ трагическую сторону жизни. Эта экспедиція не отличалась героическими подвигами и успѣхами. Тѣмъ не менѣе и въ ней было достаточно случайностей, неизвѣстныхъ доселѣ Чосеру и привлекшихъ на себя его вниманіе вопреки его привычкѣ ходить опустивъ глаза въ землю. Онъ принималъ участіе въ утомительныхъ походахъ по сѣверу Франціи и присутствовалъ при неудачной осадѣ Реймса, а на досугѣ занимался соколиной охотой и феодальными играми; наконецъ въ одной изъ мелкихъ экспедицій онъ былъ взятъ въ плѣнъ и 1 марта 1360 года выкупленъ королемъ за сумму, меньшую той, которую этотъ послѣдній въ тоже время заплатилъ за лошадь [2]).

[1]) Въ 1338 г. отецъ Чосера сопровождалъ короля и королеву въ Гентъ и Антверпенъ.

[2]) За Чосера—16 ф., за лошадь—16 ф. 13 ш. 8 д.

Это было хорошимъ опытомъ для двадцатилѣтняго юноши. Потомъ онъ сдѣлался лакеемъ королевскаго двора, на его обязанности лежали королевское ложе и гардеробъ, за что въ 1367 году онъ получилъ пенсію въ 20 марокъ въ годъ (140 ф.). Тонъ общества, которое онъ видѣлъ при дворѣ, не могъ не оказать вліянія на человѣка, бывшаго на столько сыномъ своего времени, какъ Чосеръ.

звe- Блестящіе наряды уже приходившаго въ упадокъ и потому обращавшаго болѣе вниманія на внѣшность, чѣмъ на внутренніе рыцарскіе идеалы, рыцарства; увеличеніе роскоши во всѣхъ сферахъ жизни и чрезмѣрныя украшенія въ архитектурѣ, декоративномъ искусствѣ, костюмѣ и въ садоводствѣ; стремленіе къ сдерживанію непозволенныхъ эмоцій и, какъ слѣдствіе этого, увеличеніе серьезности и свѣтской мудрости—все это въ соединеніи съ старыми рыцарскими формами не только формировало личный характеръ поэта, но и давало ему много интересныхъ типовъ людей, порождаемыхъ обыкновенно переходными эпохами. Отношенія различныхъ общественныхъ классовъ, и въ особенности отношенія мужчинъ и женщинъ среди этихъ классовъ, должны были быть до крайности интересны для юмористическаго и наблюдательнаго ума поэта. Какъ и слѣдовало ожидать послѣ всего разсказаннаго нами, первое [1]) произведеніе, вышедшее изъ подъ его пера, «Книга герцогини» (1369) по стилю совершенно придворное, а по методу серьезно и романтично. Поэма по принятому образцу «Романа розы» описываетъ видѣніе; какъ въ «Перлѣ», утраченная любимая особа встрѣчаетъ въ прекрасномъ саду покинутаго ей на землѣ любимаго человѣка. Это, конечно, герцогиня Бланшъ, жена патрона Чосера, Джона Гаунта герцога Ланкастерскаго; стихъ, заимствованный также, какъ и содержаніе, изъ Dit de la Fontaine amoureuse—Машо, за исключеніемъ двухъ короткихъ лирическихъ стансовъ, короткіе рифмованные куплеты. Въ поэмѣ много недостатковъ перваго произведенія. Ученыя ссылки, длинныя запутанныя аллегоріи, философскія банальности, разрушаютъ эффектъ, къ которому стремился поэтъ. Тѣмъ не менѣе уже и тутъ замѣтны дѣйствительная способность къ характеристикамъ и позднѣйшая драматическая сила поэта. Разговоры, правда, слишкомъ длинны и въ нихъ черезъ чуръ много отступленій; но діалогъ между поэтомъ и непзвѣстнымъ рыцаремъ хорошо задуманъ; но замедленіе кризиса, который долженъ произойти неожиданно, разрушаетъ весь эффектъ. Къ раннимъ сочиненіямъ Чосера, вѣроятно, слѣдуетъ причислить его пѣсню и рондо, которыя дышатъ той же безнадежной го-

[1]) Авторитеты несогласны относительно хронологіи произведеній Чосера. Скитъ напр. признаетъ первымъ его произведеніемъ (1366) „Chaucer's A. B. C.“, а за нимъ ставитъ (1367) „Compleynte to Pite“; а Брандль послѣднее считаетъ болѣе раннимъ, чѣмъ A. B. C.“ По мнѣнію этихъ двухъ ученыхъ „Boke of the Duchesse“—третье по счету: Принятый въ текстѣ порядокъ принятъ Теномъ Бринкомъ.

чей любовью, которая выражена въ «Жалобѣ Состраданію» 1370—72, рвой поэмѣ, въ которой Чосеръ употребляетъ свой знаменитый семистрочный стансъ, часто называемый rhyme royal, потому что имъ ользовался и Іаковъ I шотландскій. Въ этой поэмѣ поэтъ разсказыетъ, что онъ намѣренъ былъ подать Сожалѣнію просьбу противъ Жестокости, лишившей его любви, но нашелъ, что Сожалѣніе умерло царствуетъ Жестокость. Больше восьми лѣтъ Чосеръ страдалъ отъ той безнадежной страсти. Брандль безъ достаточныхъ основаній полагаетъ, что дамой его сердца была сама герцогиня Бланшъ и что Осеръ просилъ ея великодушія, а не любви. Несомнѣнно, что дама была по общественному положенію выше его и что его отношенія къ женщинамъ не были счастливыми. Источникомъ главныхъ идей тутъ нять является «Романъ розы»; стихъ, состоящій изъ героическаго мба съ пятью удареніями, распредѣленными слѣдующимъ образомъ b ab bc c, происходитъ изъ Прованса, хотя Чосеръ и усвоилъ его ебѣ посредствомъ искусства построенія и послѣдовательнымъ употребленіемъ новой рифмы въ послѣднемъ куплетѣ (Ср. Тенъ Бринка—Chaucer's Sprache, 347).

Въ 1370 году Чосеръ былъ отправленъ королемъ за границу съ Иностранныя вліянія.
акимъ то важнымъ порученіемъ, а въ 1372 онъ былъ снова отправленъ, на этотъ разъ въ Италію, для заключенія торговаго договора съ генуэзскимъ дожемъ. Это путешествіе составляетъ эпоху въ его литературномъ развитіи, которую часто называютъ періодомъ итальянскаго вліянія, тогда какъ прежній періодъ называется періодомъ французскаго вліянія, а время отъ 1385 года до смерти въ 1400 г.—англійскимъ періодомъ или періодомъ зрѣлости. Эти термины полезны, если помнить, что итальянское и французское вліянія не исключаютъ другъ друга и признавать, что итальянская литература во второй части его жизни оказывала на него вліяніе рядомъ съ французской и научила его тому, чему онъ не могъ выучиться отъ послѣдней. Онъ могъ во время своего пребыванія въ Италіи встрѣтить Петрарку и отъ него, или непосредственно или чрезъ Боккачіо, узналъ исторію о страданіяхъ Гризельды, которую позже буквально перевелъ съ латинскаго, а еще позже ввелъ въ свои разсказы, какъ «разсказъ клерка». Онъ старательно изучалъ Данте и Боккачіо и заимствовалъ у второго изъ нихъ двѣ полныя эпики и множество мелкихъ деталей, а отъ перваго выучился многому въ техникѣ искусства. Искусство Петрарки было слишкомъ утончено и метафизично, чтобы произвести впечатлѣніе на мужественнаго англійскаго поэта; онъ былъ глубоко пораженъ величіемъ Данте, какъ стилиста, но едва ли способенъ былъ вполнѣ оцѣнить его геніальность. Боккачіо, какъ поэтъ уступающій двумъ другимъ, но стоюшій выше ихъ какъ разсказчикъ, навѣрное, былъ ему симпатичнѣе всѣхъ.

Въ 1374 году Чосеръ получилъ мѣсто таможеннаго контролера въ Средина жизни.

лондонскомъ портѣ; этотъ постъ онъ занималъ безъ помощника въ теченіе десяти лѣтъ, причемъ былъ нѣсколько разъ заграницей по разнымъ порученіямъ, и между прочимъ въ 1378 году въ Италіи. Извѣстно, что въ 1374 году онъ женился на нѣкоей Филиппѣ, поселился въ домѣ близъ вороть Сити, въ Альдегэтѣ и получилъ отъ герцога Ланкастерскаго за услуги, оказныя ему и его женѣ, пенсію въ 10 ф. (на наши деньги 100 фун.). Неизвѣстно ничего объ этомъ бракѣ, Филиппа Чосеръ была одна изъ камеръфрау королевы въ 1366 году. Была ли это дѣвичья фамилія его жены? Не была ли она потомкомъ Ричарда Чосера, за котораго бабушка поэта вышла какъ за третьяго мужа? Былъ ли поэтъ женатъ уже въ 1366 году? Все это неизвѣстно. Кажется, что первое предположеніе наиболѣе согласуется съ извѣстными фактами.

Новая фаза.

Къ счастію, гораздо легче прослѣдить ходъ внутренней жизни поэта. Около времени перваго итальянскаго путешествія онъ перенесъ душевный кризисъ, давшій его мышленію и вкусамъ серьезный и религіозный тонъ; это позже, когда онъ возвратился къ своей природной жизнерадостности, сдѣлало для него возможнымъ получить юмористическій и добродушно ироническій взглядъ на людей и жизнь— что и составляетъ отличительную черту его генія. Этотъ кризисъ могъ быть слѣдствіемъ нѣсколькихъ содѣйствующихъ причинъ. Великое религіозное возрожденіе, руководимое Виклифомъ и достигшее тогда апогея, не могло остаться безъ вліянія на поэта. Утомленіе души, порождаемое его безнадежной любовью и пустотой и интригами придворной жизни, несомнѣнно, тоже способствовали кризису. Немаловажно было и вліяніе Данте, которое замѣтно въ легендѣ о св. Цециліи, переведеной королевскимъ стансомъ съ Legenda Aurea Якоба Ворагине, можетъ быть при помощи версіи, содержащейся въ другомъ циклѣ житій святыхъ и позже введенной въ Кентербюрійскіе разсказы, какъ «разсказъ второй монахини». Къ этому же времени относится его переводъ De Contemptu Mundi—Иннокентія, теперь утерянный, хотя отрывками онъ, вѣроятно пользовался въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, и переводъ Homilia de Maria Magdalena—Оригена. Это произведеніе упоминается въ прологѣ къ «Легендѣ о добрыхъ женщинахъ», но не сохранилось. Такъ Бринкъ относитъ къ тому же времени «Азбуку» (ABC), вольный переводъ Pelerinage de la vie Humaine—Гильома де Дегюйлевилля. Произведеніе по достоинству очень не ровно и очень искусственно, что очень портитъ его очевидно серьезное настроеніе.

„Паламонъ и Аркитъ“.

Чисто религіозное настроеніе не могло долго сохраняться у человѣка съ темпераментомъ Чосера; тѣмъ не менѣе слѣдующее его произведеніе, переводъ королевскимъ стихомъ «Тезеиды« Боккачіо въ 1374—1377 годахъ отличается серьезнымъ настроеніемъ. Хотя сохранились только отрывки первоначальной версіи, «Паламонъ и Ар-

китъ», введенные въ позднѣйшія поэмы «Анелида и фальшивый Аркитъ» и «Троилъ и Крессида» (См. Тенъ Бринкъ—Chaucer Studien и Englische Studien, II), они достаточны для указанія, что сюжетъ излагается въ серьезномъ романтическомъ тонѣ. Два благородныхъ родственника, Паламонъ и Аркитъ, любятъ одну даму Эмилію и борятся за нее; Аркитъ сброшенъ съ коня въ тотъ моментъ, когда онъ уже побѣдилъ и побѣжденный Паламонъ получаетъ награду; а его братъ, уже познавая будущій міръ, признаетъ ее не имѣющей цѣны. Въ томъ же настроеніи около этого времени Чосеръ сдѣлалъ прозаическій переводъ De Consolatione Philosophiae—Боэція; эта книга должна была поддерживать его склонность къ скептицизму и въ тоже время заразила его идеями неоплатониковъ.

Въ такомъ настроеніи находился поэтъ, когда Джонъ Гаунтъ, его старый покровитель, побудилъ его написать два слѣдующія его произведенія. Первое изъ нихъ: «Жалоба Марса», случайная пьеса, написаная весной 1379 года, описываетъ въ формѣ искусственной астрологической аллегоріи новую придворную интригу между Джономъ Голландомъ (Марсъ) и Изабеллой Кастильской (Венера), невѣсткой Джона Гаунта. Около этого же времени Чосеръ началъ переводъ «Романа Розы». Несомнѣнно, что послѣдняя часть его не могла поощрить романтическое настроеніе.

„Парламентъ птицъ".

Во всякомъ случаѣ съ этого времени Чосеръ, хотя по временамъ и могъ быть серьезнымъ и всегда цѣнилъ и чтилъ «вѣчно женственное», не терпѣлъ, однако, въ своихъ произведеніяхъ чего либо, отзывающагося сантиментальностью, не противоставляя ей рѣзко обыденной и матеріальной стороны предмета. На это съ особенной ясностью указываетъ Тенъ Бринкъ (Chaucer Studien). Недовольный «Паламономъ и Аркитомъ», произведеніемъ, съ которымъ познакомились только его ближніе друзья, онъ передѣлалъ разсказъ, приспособивъ его къ настроенію рыцаря и ввелъ нѣкоторыя юмористическія и ироническія замѣчанія въ трагическую любовную исторію и это согласовалось не только съ характеромъ стараго опытнаго рыцаря, но и съ собственными взглядами автора на жизнь. Въ 1377 году скончался Эдуардъ III, а въ январѣ 1382 года молодой король Ричардъ женился на принцессѣ Аннѣ Люксембургской, дочери императора Карла IV. Пока шли переговоры о бракѣ, Чосеръ написалъ аллегорію: «Парламентъ птицъ». Принцесса изображена орлицей, за которой ухаживаютъ три орла, прилетающіе съ другими птицами подъ руководствомъ Природы выбрать себѣ подругъ въ Валентиновъ день. Эти орлы изображаютъ Ричарда II, баварскаго принца и маркграфа мейсенскаго, съ которыми Анна въ различное время въ дѣтствѣ была обручена. Въ поэмѣ Природа, у которой много общаго съ платоновскимъ понятіемъ о ней, выраженнымъ Боэціемъ, объявляетъ, что

орлица (т. е. принцесса) настолько выросла, что сама можетъ выбирать супруга и орлица откладываетъ рѣшеніе на годъ.

Въ поэмѣ замѣтно вліяніе Данта. Садъ, который видитъ поэтъ во снѣ, такъ же прекраснъ, хотя и не такъ беззаботно веселъ, какъ «садъ розы», но надъ его вратами надпись того же содержанія, какъ знаменитыя per me si va nella citta dolente (inferno. III, I), и онъ входитъ туда не одинъ и не беззаботно, а руководимый Спиціономъ, какъ Данте входитъ въ адъ съ Виргиліемъ. Отрывокъ изъ Цицерона: De Civitate, извѣстный, въ средніе вѣка подъ названіемъ «Сна Спиціона», повліялъ на Чосера, какъ раньше на Данте. Въ поэмѣ есть, однако, и нѣчто аристофановское въ замѣчаніяхъ другихъ птицъ о королевскомъ ухаживаніи.

„Троилъ и Крессида".

Большинство авторитетовъ согласны въ томъ, что въ томъ же году, какъ и «Парламентъ птицъ», написана «Троилъ и Крессида», вторая изъ эпикъ, заимствованныхъ у Боккачіо, Въ «Филострате» итальянскій поэтъ сдѣлалъ изъ эпизода легенды о Троѣ замѣчательное произведеніе. Чосеръ, не измѣняя разсказа ни въ чемъ существенномъ, не перемѣщая центра интереса, измѣнилъ разсказъ въ поэму, не менѣе замѣчательную и если и менѣе гармоничную, то доказывающее болѣе глубокое пониманіе человѣческой природы. «Троилъ» первая аналитическая повелла на англійскомъ языкѣ и не теряетъ ничего при сравненіи съ произведеніями Ричардсона или Джоржа Элліота и много выигрываетъ при сравненіи съ пьесой Шекспира. Это превосходство произведенія Чосера надъ Шекспировскимъ, конечно, происходитъ не отъ превосходства геніальности, а отъ большой пригодности сюжета для повѣствовательной, а не для драматической формы. Это разсказъ о трагической судьбѣ, ожидающей кроткій, любящій характеръ, который не можетъ сопротивляться обстоятельствамъ и своимъ впечатлѣніямъ. Огорченіе Крессиды, когда она покидаетъ Троила, описано съ ироническимъ сожалѣніемъ и съ нѣкоторой грустью при видѣ слабостей человѣческихъ. Троилъ, горячій любовникъ во вкусѣ Ромео, выучивается наконецъ смѣяться надъ мелочностью и ничтожествомъ міра; въ Пандарѣ драматическое развитіе достигаетъ апогея, причемъ натурализмъ увеличивается по окраскѣ и дѣлается болѣе утонченнымъ, съ громаднымъ выигрышемъ для юмора и ироніи, такъ какъ Пандоръ у Чосера старикъ, а не молодой человѣкъ, какъ у Боккачіо. Такова «маленькая трагедія» Чосера, какъ онъ называлъ ее, моля при этомъ Бога дать ему силу написать «комедію», т. е. исторію съ счастливымъ окончаніемъ.

„Домъ славы". „Легенды о добрыхъ женщинахъ".

Желаніе его исполнилось, когда онъ написалъ «Домъ славы», поэму, въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ либо у Чосера, замѣтно вліяніе Данте. Поэма была начата 10 декабря 1383 года; это игривая фантастическая аллегорія, переполненная добродушнымъ настроеніемъ, хотя подъ поверхностью этаго добродушія и замѣтно серьезное настроеніе, го-

ворящее о невысказанныхъ мечтахъ утомленнаго жизнью поэта. Во многихъ подробностяхъ замѣтно, что Чосеръ думалъ о Божественной Комедіи и «Домъ славы», какъ справедливо замѣчаетъ Тенъ Бринкъ, находится въ такомъ же отношеніи къ этому гигантскому геніальному произведенію, какъ капризъ дамы Славы къ вѣчной справедливости Бога. Чосеръ въ послѣдній разъ въ этомъ воздушномъ видѣніи возвращается къ своимъ старымъ куплетамъ. Въ слѣдующемъ году король позволилъ ему назначить въ таможню временнаго помощника, а черезъ три мѣсяца (февраль 1385 года) это позволеніе превратилось въ постоянное. Эта дата можетъ считаться временемъ вступленія Чосера въ его третій и послѣдній періодъ литературной дѣятельности; пользуясь теперь досугомъ, онъ создалъ нѣсколько важныхъ произведеній — два изъ нихъ рядъ разсказовъ, входящихъ въ общій планъ по образцу Декамерона и «Амето», хотя ни одно не кончено. «Легенда о добрыхъ женщинахъ», или «Легенда святыхъ Купидона», какъ онъ самъ назвалъ это произведеніе, начато въ 1385 году; оно открываетъ этотъ періодъ и стоитъ на пути между прошлымъ и будущимъ. Оно напоминаетъ о прежней дѣятельности поэта потому, что духъ чисто рыцарскій и романтическій, оставленный Чосеромъ въ дни юности, и потому, что поэтъ въ послѣдній разъ пользуется формой аллегорическаго видѣнія. Въ немъ замѣтно итальянское вліяніе, потому что оно состоитъ изъ ряда разсказовъ, соединенныхъ легкой связью въ одну поэму и въ этомъ отношеніи также, какъ и въ употребленіи героическаго куплета, составляетъ предшественника «Кентербюрійскихъ разсказовъ». Идея написать рядъ поэмъ въ похвалу женщинъ, бывшихъ мученицами любви, принадлежала королевѣ и поэтъ восхваляетъ ее въ старательно обработанномъ прологѣ, какъ руководительницу «добрыхъ девятнадцати лэди», а также и въ личности Алцесты и въ образѣ маргаритки. Переводъ «Романа розы» и «Троилъ и Крессида» не понравились ей и Чосеръ чувствовалъ потребность угодить ей, написавъ это произведеніе въ ея честь за ея ходатайство по вопросу о назначеніи ему помощника въ таможнѣ. Во всякомъ случаѣ любопытно, что сохранились только девять изъ числа задуманныхъ разсказовъ и что королева прожила со времени начала поэмы какъ разъ столько же лѣтъ. Общій планъ произведенія основанъ на De mulieribus claris — Боккачіо и тому же Боккачіо Чосеръ обязанъ и общей формой Кентербюрійскихъ разсказовъ, надъ которыми онъ работалъ и которымъ теперь отдавалъ все свое время и энергію.

„Кентербюрійскіе разсказы“.

Декамеронъ представлялъ примѣръ ряда отдѣльныхъ разсказовъ, разсказываемыхъ кампаніей мужчинъ и женщинъ, сошедшихся вмѣстѣ съ извѣстной цѣлью — но на этомъ сходство и прекращается. Цѣль пилигримовъ серьезная, а не эгоистическая и сцена — не садъ спокойной виллы, а постоянно измѣняется. Характеры тоже взяты изъ среды людей

всякаго рода и званія, кромѣ самаго высокаго и самаго низшаго, а не изъ одного класса общества, какъ у Боккаціо. Идея изобразить разные общественные классы и заставить людей, принадлежащихъ къ нимъ, совершить путешествіе на богомолье, несомнѣнно, заимствована изъ «Петра Пахаря» Ланглянда; но въ методѣ приспособленія снова видна рука мастера, потому что цѣль странствованія не абстрактная истина, а старый городъ и соборъ Кентербюри со всѣми его церковными и историческими воспоминаніями; сила характеристики больше и болѣе драматична, чѣмъ у Ланглянда, хотя и самъ Ланглянлъ пошелъ дальше въ этомъ направленіи, чѣмъ допускали аллегорическія названія его лицъ. Возможно, что и Говеръ отрицательно повліялъ на созданіе этаго образцоваго произведенія—потому что въ 1383 году, или около того, было начато великое англійское произведеніе Говера Confessio Amantis. Это произведеніе по сюжету было прямымъ соперничествомъ съ «Легендой о добрыхъ женщинахъ»; по плану и объему оно было шире всего до сихъ поръ написаннаго Чосеромъ. Можетъ быть, «эта послѣдняя слабость благородной души» или покрайней мѣрѣ желаніе не быть превзойденнымъ въ своей собственной сферѣ, дѣйствовали на нѣсколько безпечнаго поэта.

Пилигримы. Смѣшанная кампанія Чосера отправляется изъ Табардъ-Иннъ въ Соутваркѣ, подъ руководствомъ «mine host» (хозяина гостинницы), человѣка довольно оригинальнаго, но способнаго сохранить надлежащую степень дисциплины. Его свита состоитъ изъ совершеннаго благороднаго рыцаря, только что вернувшагося съ войны, которыя онъ велъ во всѣхъ частяхъ свѣта, снявшаго свое вооруженіе, но не свою запыленную куртку, чтобы присоединиться къ компаніи пилигримовъ вмѣстѣ съ сыномъ, юношей, одѣтымъ по послѣдней придворной модѣ и знакомымъ со всѣми подробностями рыцарскаго этикета. У достойнаго рыцаря только одинъ слуга, солидный іоменъ—лѣсникъ, съ вооруженіемъ въ порядкѣ, опытный въ охотѣ и знающій всѣ разсказы о Робинъ Гулѣ. Другой джентельменъ въ компаніи—эпикуреецъ, старый свободный человѣкъ (Franklyn), любимый всѣми за его гостепріимство. Въ компаніи много представителей духовныхъ профессій. Самая привлекательная изъ нихъ пріоресса, «очень простая и вѣжливая». Она очень утонченная, любезная особа съ нѣжнымъ сердцемъ, которая очень старается сохранить свое достоинство, любитъ собакъ и рѣшительно добродушна. При ней монахиня, ея капланша и три священника [1]). Тутъ и монахъ, имѣющій только одинъ недостатокъ:

---

[1]) Это несогласуется съ утвержденіемъ Пролога, что въ Табордъ собрались двадцать девять пилигримовъ, такъ какъ съ тремя священниками ихъ выходитъ 31. Это одно изъ доказательствъ, что Прологъ не былъ окончательно послѣднимъ. Что касается до каплана—монахини, то ср. Sussex Arch. Soc. IX.; Episcopal injunction to the prioress ot Easeburn in 1478 и Дугдэль въ отчетѣ о женскомъ монастырѣ въ Эльстоу.

забвеніе правилъ своего ордена и чрезмѣрную любовь къ охотѣ. Онъ на хорошемъ конѣ, хорошо одѣтъ и хорошо упитанъ. Не менѣе любопытенъ и фріаръ Губертъ съ мягкимъ языкомъ; онъ имѣетъ знакомыхъ во всѣхъ слояхъ общества, кромѣ бѣдняковъ. Образъ сборщика (Summoner) съ его краснымъ опухшимъ лицомъ, узкими глазками и покладливой моралью, также мало привлекателенъ, какъ и образъ его друга, изнѣженнаго исповѣдника (pardoner), съ безбородымъ лицомъ, выпученными глазами, желтыми волосами и визгливымъ носовымъ голосомъ. Тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній—дѣловой человѣкъ, съ удивительной способностью убѣждать людей покупать у него отпущенія. Этой не особенно поучительной группѣ духовныхъ лицъ противупоставленъ не эгоистическій, терпѣливый, ревностный сельскій священникъ, учащій только бѣдныхъ и «учащій ученію Христа и его двѣнадцати апостоловъ и самъ первый слѣдующій ему». Любопытно, что этотъ человѣкъ—братъ пахаря, котораго Лангландъ сдѣлалъ своимъ героемъ и что разсказы кончаются его проповѣдью о покаяніи, какъ «добромъ пути» для людей, отправляющихся въ ихъ духовное странствованіе. Каноникъ и его іеменъ присоединяются къ кавалькадѣ, когда она уже близко къ Кентербюри.

Другія ученыя профессіи представляются оксфордскимъ ученымъ, заботящимся только о книгахъ и потому не могущимъ разжирѣть; адвокатомъ (сержантомъ), ловкимъ, ученымъ и опытнымъ джентельменомъ, совершенно расходящимся съ ученымъ въ мнѣніяхъ о деньгахъ, и докторомъ, тоже любящимъ деньги, но искуснымъ практикомъ и скромнымъ по образу жизни. Экономъ, тоже дѣловой человѣкъ, и женщина изъ Бата, наивная разскащица своей біографіи, очень опытная въ дѣлахъ святого брака, не принадлежатъ къ какой нибудь отдѣльной группѣ; послѣдній типъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы онъ нуждался въ дальнѣйшемъ описаніи. Торговля, промышленность и трудъ представлены купцомъ, матросомъ, поваромъ, ткачемъ, красильщикомъ, обойщикомъ, мелочнымъ торговцемъ, плотникомъ, мельникомъ, старостой и вышеупомянутымъ пахаремъ. Но всѣ они только эскизы; они или не привлекали, вниманія поэта или онъ намѣревался характеризовать ихъ въ прологахъ къ ихъ разсказамъ; но такое намѣреніе, если оно и было у него, осталось неисполненнымъ. Наконецъ, тутъ и самъ Чосеръ, фигура очень цѣнная для плана произведенія, какъ по своимъ реалистическимъ взглядамъ, такъ и потому, что во всѣхъ разсказахъ мы замѣчаемъ присутствіе поэта и его склонность къ ироніи и пафосу. Такимъ образомъ передъ нами всего тридцать четыре характера.

Конструкція разсказовъ.

Чосеръ старается не только расположить разсказы въ такомъ порядкѣ, чтобы лучше выставить контрасты между разсказывающими, но и вложить въ уста каждаго именно такой разсказъ, который наиболѣе подходитъ къ его типу и такимъ образомъ охарактеризовать личность разсказчика. Такимъ образомъ Чосеръ имѣлъ возможность

утилизировать свой литературный опытъ и многое изъ созданнаго имъ за всю его долгую жизнь. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ. Различныя фазы и модусы его мышленія и дѣятельности, чрезъ которыя онъ прошелъ и которыя уже пережилъ, были для него не менѣе полезны, чѣмъ произведенія, написанныя имъ въ періодѣ полной зрѣлости. Съ замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ, несравнимымъ ни съ кѣмъ до конца 16 вѣка, онъ сдѣлалъ различныя симпатіи и вкусы своего продолжительнаго художественнаго развитія выразителями характеровъ его персонажей и такимъ образомъ воспользовался даже недостатками и слабыми сторонами раньше написанныхъ имъ поэмъ. Такъ, напр., оксфордскій ученый разсказываетъ туманную, романтическую, совершенно средневѣковую исторію о Гризельдѣ; благонамѣренная проповѣдь о «раскаяніи» вложена въ уста достойнаго священника и съ замѣчательной ироніей безконечно скучная и морализирующая «Исторія о Мелибеѣ»—«маленькая вещь въ прозѣ»—разсказана имъ самимъ послѣ того, какъ компанія возмутилась противъ сатирическихъ выходокъ по поводу утомительности разсказовъ пѣвцовъ балладъ. Намъ это представляется попасть изъ огня, да въ полымя», также это представлялось, несомнѣнно, и самому Чосеру; но такой «трактатъ» былъ, навѣрное, какъ разъ по вкусу среднимъ людямъ изъ современниковъ поэта.

Кентербюрійскіе разсказы и современная Англія.

Произведеніе Чосера было не только отраженіемъ общества, но и отраженіемъ литературы того времени. Тутъ всѣ типы средневѣковой литературы—рыцарскій и популярный романсъ, священная легенда и эпическая сага, исторія и мифъ, сказка и пѣсня, прозопопея, аллегорія и проповѣдь.

Метръ.

Стихъ тоже различенъ смотря по содержанію. Трагическія исторіи, какъ напр. «Разсказъ монаха», написаны въ октавахъ французскаго происхожденія съ рифмами порядка ab ab bc bc. Патетическія, въ родѣ «разсказа клерка», написаны знаменитымъ Чосеровскимъ стансомъ, или «королевскимъ стихомъ», который, несомнѣнно, провансальскаго происхожденія. Въ «Разсказѣ сэра Топаза» (Rime of Sir Thopas) принята rime Couée и наконецъ, въ прологѣ, почти во всѣхъ интермедіяхъ и большинствѣ разсказовъ (во всѣхъ лучшихъ) мѣра—героическій куплетъ. Строка того же строенія, какъ и въ октавахъ и въ королевскомъ стихѣ; идея комбинировать такія строки въ рифмованные куплеты, вѣроятно, взята Чосеромъ изъ южнаго цикла легендъ о святыхъ, которыя написаны средне-англійскимъ александрійскимъ стихомъ, рифмованными куплетами. Слѣдуетъ помнить, что Чосеръ самъ употреблялъ эту мѣру въ своемъ собственномъ циклѣ легендъ: «Легенды о добрыхъ женщинахъ», другое заглавіе которыхъ: «Легенды о святыхъ Купидона» указываетъ, что поэтъ подражалъ циклу священныхъ легендъ. Наконецъ два разсказа: разсказъ самого Чосера и разсказъ священника—прозаическіе.

Но весь планъ этого великаго произведенія не былъ осуществленъ. Смерть унёсла художника раньше, чѣмъ поэма была закончена и хотя распредѣленіе нѣкоторыхъ изъ разсказовъ по отношенію къ цѣлому достаточно очевидно, тѣмъ не менѣе никогда, вѣроятно, не окажется возможнымъ опредѣлить ихъ настоящее мѣсто. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидно, что и самъ поэтъ не пришелъ къ окончательному рѣшенію. Сначала онъ, кажется, намѣревался заставить каждаго пилигрима разсказать четыре исторіи, двѣ во время путешествія въ Кентербюри, а двѣ на обратномъ пути. Послѣ онъ рѣшилъ дать каждому только по два разсказа, но и этотъ планъ не былъ осуществленъ даже на половину. Эта работа занимала Чосера отъ 1388 года (вѣроятно дата Пролога) до его смерти въ 1400 году—всего двѣнадцать лѣтъ. Жена его умерла въ 1387 году и вскорѣ онъ заложилъ свою пенсію. Филиппа Чосеръ была, можетъ быть, и несимпатичной женщиной, но хорошей хозяйкой. Новая королевская пенсія въ 20 фунтовъ, назначенная въ 1394 году, но платимая неаккуратно, не избавила его отъ долговъ и должность секретаря королевскихъ работъ, занимаемая имъ отъ 1389 до 1391 года, только временно избавила его отъ заботъ. Но онъ хорошо воспользовался роздыхомъ, написахъ «Женщину изъ Бата» и «Разсказъ купца».

Послѣднія произведенія Чосера

Въ 1391 году Чосеръ написалъ «трактатъ объ астролябіи», учебникъ астрологіи для своего десятилѣтняго сына Люиса. Въ послѣднія десять лѣтъ жизни имъ написаны его неоконченная «Королева Анелида и фальшивый Аркитъ», въ которомъ включены отрывки изъ прежняго «Паламона и Аркита», «Жалоба Марса и Венеры», переводъ съ французскаго для герцогини Изабеллы Ланкастерской, и «Похвала женщинъ» и «Goodly Ballade of Chaucer»—оба произведенія посвящены королевѣ—если только это произведенія Чосера. Двѣ баллады посвящены Ричарду, котораго непопулярность быстро вела его къ паденію; ему же посвящена юмористическая «Жалоба своему кошельку», за которую онъ получилъ отъ слабаго, добродушнаго короля охрану отъ кредиторовъ въ 1398 году. Когда Генрихъ IV, сынъ стараго покровителя Чосера, Джона Гаунта, завладѣлъ престоломъ, однимъ изъ первыхъ его дѣлъ было дать поэту пенсію въ 20 марокъ. Чосеръ тогда купилъ аренду на пятьдесятъ три года дома въ саду капеллы св. Маріи въ Вестминстерѣ. Дѣло было кончено на Рождествѣ 1399 года, а 25 октября 1400 года поэтъ умеръ.

Утраченныя произведенія Чосера.

Сочиненія, отъ которыхъ сохранились только заглавія, слѣдующія: «Книга Льва»—о ней упоминается въ «Разсказѣ священника», «Оригенъ о Манделинѣ»—о немъ упоминается въ Прологѣ къ «Легендамъ о добрыхъженщинахъ», переводъ De Miseria Conditionis Humanae—папы Иннокентія,, упоминаемый въ Кембриджскомъ манускриптѣ «Легенды о добрыхъ женщинахъ» и переводъ «Романа розы» [1]).

[1]) Строчки 1—1705 Гласковскаго отрывка теперь признаны подлинными

Сочиненія, ошибочно приписываемыя Чосеру.

Одно время слѣдующія сочиненія предполагались принадлежащими Чосеру и впослѣдствіи включились въ изданія его сочиненій. Теперь извѣстно, что они не его. «Жалоба чернаго рыцаря» принадлежитъ Джону Лидгэту; «Кукушка и соловей» по стилю напоминаетъ Чосера и заимствуетъ двѣ начальныя строки изъ «Разсказа рыцаря»; «Цвѣтъ и листъ» написано одной женщиной въ 15 вѣкѣ; «Сонъ Чосера» напечатанъ въ первый разъ въ 1598 году и, навѣрное, не его. «Судъ любви» написанъ около 1500 года; «Завѣщаніе любви» и нѣкоторыя небольшія поэмы, помѣщенныя въ шестомъ томѣ изданія Альдини, тоже подложныя.

Языкъ Чосера.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о языкѣ Чосера и того времени; во второй половинѣ 14 вѣка борьба за преобладаніе англо-норманскаго и туземнаго англійскаго діалектовъ была окончательно рѣшена въ пользу послѣдняго. Англо-норманскій языкъ уступилъ даже при дворѣ мѣсто модному французскому языку и потому Чосеръ о пріоресѣ, не имѣвшей отношеній съ дворомъ, говоритъ: «по французски она говорила хорошо и бойко, по модѣ Стратфордъ на Боу, потому что парижскій французскій языкъ былъ ей неизвѣстенъ»... Но борьба оставила слѣды и на побѣдившемъ языкѣ въ утратѣ инфлекцій, въ прибавленіи къ словарю большого количества романскихъ словъ, въ общемъ положеніи неувѣренности относительно ударенія въ заимствованныхъ словахъ—и по аналогіи и во многихъ туземныхъ. Это послѣднее обстоятельство было очень выгодно для поэтовъ того времени, которые могли, не оскорбляя слуха, пользоваться тѣмъ или инымъ удареніемъ. Но все-таки въ концѣ концевъ это вело къ дурнымъ слѣдствіямъ, потому что подражатели Чосера, жившіе позднѣе, когда въ разговорной рѣчи колебаній въ удареніяхъ было уже меньше, довели эту свободу, примѣръ которой въ извѣстной, ограниченной степени они находили у своего учителя, до нарушенія музыкальности и ритма въ стихѣ. Тайна версификаціи Часера состояла въ искусствѣ, съ которыми онъ соединялъ двѣ столь различныя метрическія системы, какъ германскую и романскую. И эту тайну нельзя было узнать посредствомъ счета слоговъ и пренебреженія законами ударенія—этимъ объясняются чудовищности Лидгэта. Но Чосеръ оказалъ услуги англійской литературѣ не въ одной только метрикѣ. Мы должны помнить и благодарить его не только какъ «отца англійской

Калузой (Chaucer und Rosanroman—1893) и Скитомъ (Chaucer's Works – 1894). Калуза принимаетъ также 5811 до конца. Но это далеко не установлено. Защита всего перевода Лоунсбюри (Studies in Chaucer) не основательна и опровержена Китриджемъ (Stud. and Not. in Phil. and. Lit). Тенъ-Бринкъ отвергаетъ все, также какъ раньше и Скитъ (Essoys on Chaucer и Iutro duction tothe Prioress's Tale). Линднеръ (Eng. Studien) стоитъ за совмѣстное авторство. Поллярдъ, въ превосходномъ Chaucer Primer сопоставляетъ аргументъ за и противъ отрывка А.

поэзіи», но и какъ «отца англійскаго литературнаго языка». Его произведенія на образованіе формы литературнаго языка имѣли болѣе вліянія, чѣмъ произведенія всѣхъ другихъ писателей, не исключая Виклифа. Діалектъ, на которомъ онъ говорилъ, былъ лондонскій, т. е, діалектъ юго-запада средней Англіи, а Лондонъ въ то время былъ центромъ умственной, торговой и общественной жизни Англіи даже больше, чѣмъ теперь, такъ какъ въ то время у него не было соперниковъ: Манчестера, Ливерпуля, Гласко или Бирмингама. Современный языкъ половины земнаго шара ведетъ свое происхожденіе изъ Лондона, а не отъ университетовъ и не отъ церкви. Чосеръ былъ направляющимъ и формирующимъ посредникомъ для передачи его будущимъ поколѣніямъ. Была сдѣлана безуспѣшная попытка доказать, будто королевскія прокламаціи и другіе правительственные документы были главными агентами въ дѣлѣ созданія единаго литературнаго языка, несомнѣнно, что и они имѣли нѣкоторую долю вліянія, но главную заслугу въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ приписать Чосеру. Виклифъ несомнѣнно приготовилъ для него дорогу своими написанными на англійскомъ языкѣ полемическими памфлетами и установлявшійся литературный языкъ опредѣлился благодаря типографіи Какстона, тоже лондонца по мѣсту жительства, хотя и не по рожденію.

Современники Чосера. Виклифъ.

Въ числѣ людей, которыхъ Чосеръ, вѣроятно, встрѣчалъ въ Савойскомъ дворцѣ Джона Гаунта, былъ и Джонъ Виклифъ. Этотъ почти суровый практическій человѣкъ, величайшій мыслитель своего времени, долженъ былъ произвести впечатлѣніе на придворнаго поэта, хотя бы только своей смѣлостью въ мышленіи и идеализмомъ, дававшимъ всякому его дѣйствію отпечатокъ какой-то оригинальности. Но такъ какъ онъ необладалъ художественнымъ чутьемъ, то и не удивительно, что на литературную дѣятельность Чосера онъ имѣлъ меньшее вліяніе, чѣмъ Лангландъ, менѣе заботившійся о формѣ, чѣмъ о духѣ. Положеніе Виклифа какъ мыслителя и реформатора можно понять только при разсмотрѣніи предшествующихъ событій въ исторіи церкви, а объ этой сторонѣ его дѣятельности уже сказано въ другомъ мѣстѣ, Въ церковной политикѣ онъ былъ послѣдователемъ епископа Гростета, который уже въ тринадцатомъ вѣкѣ поддерживалъ интересы національной церкви противъ интересовъ папства. Но Виклифъ, какъ мыслитель, сознавалъ необходимость найти какую нибудь философскую основу для своей дѣятельности и нашелъ ее въ идеализированной формѣ феодальной теоріи о власти, какъ основанной на взаимности услугъ. Это и составляло его знаменитое ученіе «о господствѣ», развитіе теоріи Ричарда Фицральфа, архіепископа армагскаго. Его теологическіе взгляды въ концѣ концевъ тоже обусловливались его метафизическимъ мышленіемъ, потому что его отрицаніе пресуществленія основывалось на теоріи, что уничто-

женіе есть фикція и что не во власти Бога уничтожить что нибудь, ибо это не въ Его природѣ. Всѣ его сочиненія, даже проповѣди, доказываютъ его любовь къ теоріямъ и составляетъ поясненіе его философскихъ и научныхъ взглядовъ, потому что въ наукѣ онъ былъ едва ли меньшимъ знатокомъ, чѣмъ въ метифизикѣ. Своими вкусами онъ былъ обязанъ своимъ раннимъ университетскимъ занятіямъ, а можетъ быть, до нѣкоторой степени и своему сѣверному происхожденію.

Его вліяніе на литературу. Переводъ библіи.

Виклифъ былъ великій и оригинальный мыслитель, горячій врагъ суевѣрія и въ концѣ жизни нищенствующихъ монаховъ [1]); но онъ не былъ стилистомъ; по если онъ не далъ нашей литературѣ ни одного произведенія искусства, онъ далъ ей многія новыя идеи. Онъ выработалъ полную философскую систему въ рядѣ трактатовъ метафизическаго, этическаго и политическаго содержанія, собранныхъ подъ заглавіемъ Summa Theologia и замѣчательныхъ не столько по оригинальности мыслей, сколько по методу, посредствомъ котораго онъ дедуцируетъ и находитъ философскія основанія для своихъ идей. Его Trialogus (изданный въ 1383 году) трактуетъ въ четырехъ книгахъ въ формѣ діалоговъ о Богѣ, о мірѣ, о добродѣтели, грѣхѣ и искупленіи, о таинствахъ, о служителяхъ церкви (въ особенности о нищенствующихъ монахахъ) и о Страшномъ Судѣ. Онъ въ строго научной формѣ излагаетъ послѣдніе результаты его изысканій, сдѣланныхъ при переводѣ библіи. Онъ былъ первымъ, отстаивавшимъ мысль объ абсолютномъ и единомъ авторитетѣ священнаго писанія и это, вмѣстѣ съ самымъ переводомъ, обусловливало то вліяніе, которое стиль и мысль этой книги имѣли съ тѣхъ поръ на нашу литературу. Въ этомъ отношеніи онъ былъ настоящимъ предшественникомъ реформаціи, хотя онъ не раздѣлялъ протестантскаго ученія объ оправданіи только вѣрой. Въ огромной работѣ перевода библіи на народный англійскій языкъ ему помогалъ Николасъ Герефордъ, Оксфордецъ, учитель въ Коллегіи Королевы; когда въ 1382 году онъ долженъ былъ бѣжать отъ бури, уже тогда поднимавшейся противъ лоллардовъ. Большая часть Ветхаго Завѣта переведена подъ его редакціей [2]), и когда онъ внезапно оставилъ Англію, чтобы лично апелировать къ папѣ противъ приговора отлученія, переводъ былъ законченъ до Баруха III, 20. Виклифъ самъ редактировалъ остальную часть Ветхаго Завѣта и евангелія Матѳея и Марка. Остальная

[1]) Онъ постоянно клеймитъ ихъ названіемъ Cayen (Каинъ), составленнымъ изъ начальныхъ буквъ названія ихъ орденовъ: Кармелиты, Аустины, Якобины (Доминиканцы) и Миноріты (Францисканцы).

[2]) Многое онъ переводилъ самъ, но переводили и другіе (Ср. Германъ Фишеръ: Ueber die Sprache Wyclifs).

часть Новаго Завѣта, вѣроятно, сдѣлана другимъ, но по указанію и подъ редакціей Виклифа [1]).

Едва работа была закончена (1384), какъ замѣтили многія недостатки. Похвальное желаніе быть точнымъ при передачѣ каждаго слова привело переводчиковъ къ употребленію латинизмовъ, источникомъ которыхъ была Вульгата, съ которой они переводили.

Особенно эти недостатки были замѣтны въ работѣ, сдѣланной подъ редакціей Герефорда, державшагося буквальнаго перевода больше, чѣмъ самъ учитель; и потому Виклифъ началъ дѣло пересмотра. Работа была поручена Джону Пурвею и была окончена только въ 1388 году, черезъ четыре года послѣ смерти учителя.

Англійскіе трактаты и памфлеты Виклифа находятся въ близкой связи съ его переводомъ библіи, потому что они имѣютъ непосредственное отношеніе къ библейскому ученію и написаны тѣмъ же сильнымъ и яснымъ, хотя еще и не сформировавшимся, англійскимъ языкомъ. Это по существу моральные, а не теологическіе трактаты: они трактуютъ о тѣхъ же общественныхъ и церковныхъ злоупотребленіяхъ, которыя были предметомъ сатиры Вальтера Мапа въ прошломъ и ироніи Лангланда въ настоящемъ. Самый знаменитый, потому что наиболѣе богословскій, изъ этихъ трактатовъ, озаглавленный Wyket («Калитка»), трактуетъ о великомъ искушеніи для вѣрнаго покинуть узкій путь и «прямыя ворота», ведущія къ «вѣчной жизни» и пойти по широкому пути вѣрованія въ пресуществленіе, «ведущему къ осужденію». Понятіе о человѣческой жизни, какъ о странствованіи съ цѣлью достигнуть наше настоящее жилище—небо, всегда было очень популярнымъ, но въ особенности въ то время, когда возрожденіе еще не пріучило людей видѣть все достоинство и цѣну настоящей, плотской жизни.

Если бы правительство хотѣло и умѣло понять и направить импульсы мышленія и стремленія къ реформѣ, ведущія свое начало отъ Виклифа, вмѣсто того, чтобы подавить ихъ—что оно немилосердно дѣлало въ слѣдующемъ столѣтіи—Англія могла бы пережить великое прогрессивное движеніе въ своей прозаической литературѣ за двѣсти лѣтъ раньше, чѣмъ было въ дѣйствительности. Во всякомъ же случаѣ въ пятнадцатомъ вѣкѣ не было ничего подобнаго, кромѣ зачатковъ такого движенія въ направленіи ритма, даже въ направленіи той случайной страстности, которая была порождена блужденіями въ мистическихъ дебряхъ романтической поэзіи объ Артурѣ. Англійская проза сформировалась много позже.

Виклифъ и Лангландъ.

Во времена Виклифа реформа произошла больше въ содержаніи, чѣмъ въ формахъ и это замѣчаніе примѣняется и къ сотруднику Виклифа,

1) Ср. Эрнстъ Гаснеръ: Beitrage zum Entwickelungsgang der Neuenglisch. Schriftsprache.

Вильяму Лангланду, хотя онъ и былъ художникъ. Тѣмъ не менѣе трудно представить себѣ что либо болѣе различное, чѣмъ темпераменты, теоріи и методы дѣятельности двухъ этихъ людей. Лангландъ былъ настолько же человѣкомъ идеала, какъ и Виклифъ, но его идеальное общество строится на существующемъ порядкѣ вещей посредствомъ реформы личности. Оба видѣли, что въ современной имъ Англіи положеніе дѣлъ дурно; но Виклифъ видѣлъ зло въ системѣ, а Лангландъ въ людяхъ. Если бы люди были совершенными, законами можно бы было и пренебречь; въ Лангландѣ не было ничего, что дѣлало бы его приверженцемъ равенства; онъ не симпатизировалъ лозунгамъ Джона Баля. Онъ не видѣлъ основанія измѣнять роли различныхъ классовъ общества, установленныя феодальной системой; онъ желалъ только внушить каждому стремленіе мужественно исполнять свою роль. «Разумъ долженъ управлять всѣми» — таковъ былъ его отвѣтъ на вопросъ о существованіи дворянина въ то время, когда «Адамъ пахалъ, а Ева пряла»; руководясь такими принципами, онъ не щадитъ ни нищенствующихъ монаховъ, ни лживыхъ пардонеровъ и всѣхъ подобныхъ дармоѣдовъ, не исключая и самого короля.

„Петръ Пахарь". Структура поэмы.

Соотвѣтственно такимъ взглядамъ средствомъ выраженія его идей былъ не полемическій памфлетъ, а аллегорія; идея о значеніи личности и внимательное изученіе людей, а не абстрактнаго человѣка, дѣлаетъ его рисовальщикомъ типовъ и характеровъ и юмористомъ, а не логикомъ. Въ качествѣ реформатора онъ близокъ къ Виклифу, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ юмористъ и драматургъ настолько, что могъ даже имѣть вліяніе на Чосера. Его происхожденіе было болѣе скромно, чѣмъ происхожденіе Чосера; онъ самъ, вѣроятно, принадлежалъ къ числу низшихъ церковниковъ. У него была жена и семья и кажется, что онъ не имѣлъ отношеній съ людьми внѣ предѣловъ своего дома. Онъ родился, вѣроятно, въ Клеобюри Мортимеръ близъ Мальвернъ Гилльса (1332) и, вѣроятно, былъ чтецомъ или пономаремъ при какой нибудь капеллѣ или кладбищѣ въ Лондонѣ. Это все, что намъ извѣстно о его жизни и, однако, нѣтъ ни одного поэта, характеръ котораго яснѣе отражался бы въ его произведеніяхъ. «Видѣніе Вильяма относительно Петра Пахаря» — религіозная аллегорія, которую поэтъ пересматривалъ и передѣлывалъ, вѣроятно, до конца жизни. Манускрипты распадаются на три группы, изъ которыхъ ранняя (1362) на тридцать лѣтъ старше послѣдней (1393), гдѣ поэма увеличилась до несоразмѣрности и утратила даже и то единство, которымъ обладала сначала. Средняя группа манускриптовъ представляетъ поэму, какой она была въ 1377 году; конечно, это наиболѣе интересная и художественная стадія развитія. «Петръ Пахарь» дѣлится на два главные отдѣла. Первый, общій всѣмъ тремъ версіямъ, составляетъ нѣчто цѣлое само по себѣ и лучше въ литературномъ отношеніи второго. Онъ повѣствуетъ нѣсколько безсвязно о странствованіи компаніи мужчинъ и женщинъ къ ракѣ Истины подъ руковод-

ствомъ Петра Пахаря, который въ дальнѣйшемъ развитіи поэмы въ представленіи художника изъ простого представителя англійскаго работника превращается въ типъ самого Христа. Это аллегорія съ большимъ количествомъ отступленій и разсужденій, не имѣющихъ связи съ главнымъ дѣйствіемъ; но это не простая абстрактная морализирующая аллегорія, подобная средневѣковымъ. Тутъ есть и популярные семь смертныхъ грѣховъ; но сцена ихъ исповѣди предъ Раскаяніемъ представляетъ настоящую комическую драму, въ которой характеры не простыя олицетворенія, а живые англійскіе крестьяне и рабочіе. Эти конкретныя фигуры также отличны отъ абстракцій «Танца семи смертныхъ грѣховъ» или «Induction», или даже отъ романтической процессіи въ «Королевѣ фей», какъ Волюне отлична отъ короля Гарта. Мы находимъ параллельныя поэмѣ явленія только въ такихъ пьесахъ, какъ «Roaring Girl» или такихъ поэмахъ, какъ «Jolly Reggars». Другая характерная черта этой первой части версіи 1377 года—это введеніе басни о кошкѣ, которая впервые появилась въ литературѣ въ латинской и французской коллекціи басень въ парижскомъ манускриптѣ 1333 года [1]). Животная басня не была, однако, новостью въ Англіи и составляла часть донормандской традиціи, представителемъ которой былъ Ланглендъ. Хотъ есть олицетвореніе Эдуарда III, котенокъ—принцъ Ричардъ, а компанія крысъ и малыхъ мышей (route of ratones and Smale mys myd hem)—лорды и общины [2]).

Второй отдѣлъ поэмы весьма различенъ въ разныхъ версіяхъ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: жизнь Do wel (т. е. исполняй на землѣ свой долгъ), Do—bet (т. е. переводи библію и совершай дѣла милосердія) и Do—best (сдѣлайся ловцомъ людей, апостоломъ). Въ третьей версіи поэмы эти части расширены посредствомъ введенія множества видѣній теологическаго и моральнаго содержанія, въ родѣ видѣній Счастія, Природы, Разума, Вѣры и Милосердія и видѣнія торжества Петра—и все заканчивается грустнымъ и мрачнымъ видѣніемъ Антихриста. Do—bet, вторая часть кончается торжественно пробужденіемъ поэта при звонѣ колоколовъ утромъ на Пасхѣ; но въ заключеніи Совѣсть ищетъ убѣжища въ храмѣ и осаждена тамъ Гордостью и нерадѣніемъ, потомъ она отправляется искать по широкому свѣту Петра Пахаря, со слезами умоляя о милости. Таковъ послѣ тридцати лѣтъ труда и опыта былъ результатъ, къ которому пришелъ поэтъ, такова его послѣдняя надежда. Такимъ образомъ три великихъ современника представляли себѣ чело-

Do—wel. Do—bet и Do—best.

---

[1]) Латинская версія, очевидно, старше. Басня позже сдѣлалась потомъ очень популярна во всей Европѣ. Она есть и у Лафонтена.

[2]) Ср. Жюсерана — Observations sur la Vision de Piers Plowmon (Revne critique 1879) и изданіе Смита 1888 г., гдѣ принимаетъ выводы Жюсерана.

вѣческую жизнь въ формѣ странствованія, издавна популярной, но только Чосеръ трактовалъ это понятіе въ духѣ новаго времени.

Стихи Ланглянда.

Уже было указано, что по формѣ «Петръ Пахарь» относится къ той группѣ произведеній запада средней Англіи, которая возродила въ томъ вѣкѣ старую англійскую аллитеративную строку, хотя въ формѣ болѣе свободной—что до значительной степени было слѣдствіемъ измѣненій лингвистическихъ и акцентуальныхъ. Въ то же время проявляется тенденція ввести четыре аллитеративныхъ слога вмѣсто трехъ, что приводитъ къ представленію о старой длинной строчкѣ, какъ двухъ короткихъ; это представленіе подтверждается, когда пѣвцы балладъ прибавили украшеніе въ концѣ или даже среднюю рифму. Такимъ образомъ на основѣ такихъ стиховъ, какъ стихъ Ланглянда, въ восточныхъ графствахъ подъ вліяніемъ Франціи развился среднеанглійскій александрійскій стихъ, какой мы встрѣчаемъ въ «Разсказѣ Гамелина», а изъ употребленія средней рифмы развивается короткій куплетъ, типичный примѣръ котораго стихъ «короля Горна».

„Ричардъ Безсовѣтный".

Въ третьей версіи «Петра Пахаря» Ланглендъ болѣе открыто, чѣмъ гдѣ либо, говоритъ о дурномъ управленіи короля Ричарда и слѣдующее его произведеніе было предназначено быть предостереженіемъ этому несчастному обманщику. «Ричардъ Безсовѣтный» (Richard the Redeless) былъ начатъ въ августѣ 1399 года, когда король былъ уже въ плѣну и кончается привѣтствіемъ Генриху IV. Поэма отъ третьей ея части есть аллегорическая басня. Стихъ такой же, какъ и въ большомъ произведеніи Ланглянда, главная фигура котораго получила огромную популярность и вызвала много подражаній. Такова напр. поэма въ аллитеративныхъ стихахъ «Вѣра Петра Пахаря (Piers Plowman's Crede), написанная въ 1393—1400 годахъ. Тотъ же авторъ написалъ «Жалоба Пахаря» (1400), поэму въ восьмистрочныхъ стихахъ съ перекрестной рифмой, въ шестнадцатомъ столѣтіи включенную въ изданіе Чосера подъ заглавіемъ «Разсказъ Пахаря».

Подражатели Ланглянда.

Говеръ.

Писателемъ, совершенно отличнымъ отъ людей, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, былъ Говеръ. Чосеръ былъ художникъ, Виклифъ реформаторъ, а Ланглендъ пуританинъ; но всѣ они, каждый по своему, опередили свое время. Всѣ они, даже Чосеръ, имѣли въ себѣ кое что средневѣковое, но въ большей или меньшей степени они смотрѣли впередъ, къ зарѣ новой жизни пятнадцатаго вѣка. Говеръ, напротивъ, всегда смотрѣлъ назадъ. Онъ не могъ не видѣть, что времена настали дурныя; онъ не могъ не признавать превосходство литературныхъ методовъ, употребляемыхъ Чосеромъ; но обыденный языкъ въ качествѣ литературнаго орудія онъ принялъ только подъ давленіемъ соперничества и онъ не видалъ для своей родины иного спасенія, какъ въ возвращеніи вспять. Онъ вполнѣ консервативенъ, вполнѣ средневѣковый человѣкъ. Онъ былъ ученымъ человѣкомъ, онъ обладалъ значительнымъ художественнымъ чутьемъ, но

не имѣлъ склонности къ разнообразію. Его англійскій стихъ гибокъ и гармоиченъ; его языкъ прозраченъ и по временамъ даже силенъ, но въ немъ нѣтъ блеска, нѣтъ игры фантазіи, еще менѣе воображенія. Онъ серьезенъ, сентенціозенъ и важенъ, но никогда не глубокъ. Онъ можетъ реалистически описывать пороки, въ которыхъ виновенъ любовникъ, но не можетъ обрисовать характера. Онъ можетъ разсказать исторію съ нѣкоторымъ соблюденіемъ пропорцій, но если въ его оригиналѣ отсутствуетъ драматическое зерно, Говеръ не въ состояніи вложить его самъ въ разсказъ. Напротивъ, онъ часто позволяетъ себѣ передѣлывать самыя драматическія части оригинала въ сухой перечень содержанія. Его лучшія и наиболѣе поэтическія произведенія, несомнѣнно, встрѣчаются въ его «Пятидесяти балладахъ» и въ другихъ французскихъ поэмахъ, дошедшихъ до насъ. Въ этихъ небольшихъ поэмахъ особенно умѣстны его естественное изящество и вѣжливость манеры [1]). Онѣ не настолько длинны, чтобы было возможно утомительное трактованіе сюжета; сложность ихъ формы обезпечиваетъ достаточное разнообразіе музыкальности, а ихъ эротическая тема доводитъ морализующія тенденціи до minimum'а. Большинство ихъ написано имъ, вѣроятно, въ молодости, хотя нѣкоторыя, какъ напр. посвященіе «Пятидесяти балладъ» Генриху IV и тридцать пятая баллада, несомнѣнно имѣющая отношеніе къ «Парламенту птицъ», очевидно позднѣйшаго происхожденія.

Его произведенія.

Джонъ Говеръ родился во второмъ или третьемъ десятилѣтіи столѣтія и былъ, по всей вѣроятности, членомъ семейства Роберта Говера, крупнаго поземельнаго собственника въ Суффолькѣ и Кентѣ и до послѣднихъ лѣтъ своей жизни имѣлъ связи въ южныхъ графствахъ. Онъ писалъ о возстаніи Уата Тайлера какъ очевидецъ. Онъ поздно женился и умеръ въ 1408 году слѣпымъ старикомъ въ пріорствѣ св. Маріи Оверисъ (теперь Св. Спасителя) въ Сутваркѣ — въ учрежденіи, которому онъ благодѣтельствовалъ. Первымъ его произведеніемъ была большая поэма на французскомъ языкѣ, теперь утраченная, о добродѣтеляхъ и порокахъ, подъ заглавіемъ Speculum Meditantis. Она, вѣроятно, была написана до смерти Эдуарда III. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Ричарда онъ началъ (1381) другую длинную морализирующую поэму, которая была кончена только къ концу царствованія. На этотъ разъ онъ писалъ ее на латинскомъ языкѣ; въ первой книгѣ онъ подробно описываетъ возстаніе крестьянъ подъ предводительствомъ Уата Тайлера, употребляя прозопопею,

---

[1]) „Баллады“ — Говера — поэмы изъ трехъ стансовъ, каждый въ семь или восемь строкъ, послѣдняя строка составляетъ припѣвъ, за которымъ посвященіе (envoi) въ четыре строки. Порядокъ такой: ababbc(b) C трижды, и envoi bcbC.

какъ сдѣлалъ это Ленгландъ въ своей баснѣ о крысахъ и мышахъ и въ «Ричардѣ Безсовѣтномъ». Въ слѣдующихъ шести книгахъ, составляющихъ только три четверти цѣлаго произведенія, онъ проповѣдуетъ о необходимости болѣе чистой вѣры, о грѣхахъ духовенства и законниковъ, объ опасности ученія лоллардовъ, о чувственности крестьянъ и о жадности купцовъ. То, что у Чосера порождало какія нибудь юмористическія и ироническія черты характера одной изъ его личностей, служитъ Говеру матеріаломъ для рѣзкой сатирической инвективы. Нѣчто въ родѣ продолженія этой поэмы составляетъ Chronica Tripartita, дающая въ латинскихъ гекзаметрахъ враждебный отчетъ о веденіи Ричардомъ дѣлъ отъ 1386 года до его смерти и воцаренія Генриха IV. За этимъ въ двухъ манускриптахъ [1]) слѣдуютъ десять небольшихъ поэмъ (большинство латинскія), которыя или направлены противъ Ричарда или восхваляютъ Генриха Болинброка.

Vox Clamantis.

Въ Vox Clamantis, описавъ дурное современное положеніе, поэтъ рисуетъ пять міровыхъ эпохъ, основываясь на видѣніи Навуходоносора и заканчиваетъ описаніемъ семи смертныхъ грѣховъ. Тотъ же планъ, хотя и давъ отдѣльнымъ частямъ другія пропорціи, онъ принялъ и въ его наиболѣе извѣстномъ произведеніи: «Исповѣдь любовника» (Confessio Amantis 1393 г.) [2]), англійской поэмѣ въ тридцать тысячъ строкъ, написанной тѣмъ же метромъ, какъ и «Книга герцогини». Первые два сюжета онъ сжато излагаетъ въ Прологѣ, а третій составляетъ содержаніе самой поэмы. Заимствовавъ изъ «Романа Розы» идею сдѣлать автора любовникомъ, онъ дѣлаетъ исповѣдникомъ Генія [3]), жреца Венеры. Признанія любовника и составляютъ поэму. Съ примѣсью различныхъ разсужденій объ общемъ знаніи, о философіи и морали, заимствованныхъ изъ популярной книги Secreta Secretorum, Геній разсказываетъ сто двѣнадцать исторій, библейскихъ, классическихъ и средневѣковыхъ, для поясненія семи смертныхъ и множества болѣе мелкихъ пороковъ, въ которые можетъ впасть любовникъ. Ни одно сочиненіе не доказываетъ такъ ясно, какъ это, непослѣдовательность характера Говера. Исповѣдникъ то настоящій слуга богини и съ чувственными подробностями описываетъ искушенія любовника или мистическія тонкости условнаго кодекса любви, излагаемаго въ «Романѣ Розы»; то онъ жрецъ науки, религіи и мо-

---

[1]) Манускрипты Коллегіи Всѣхъ Святыхъ XCVIII и Коттоніанской коллекціи въ Британскомъ музеѣ.

[2]) Теперь извѣстно, что первое изданіе поэмы кончено въ 1398 г. (а не второе, какъ полагали раньше) и что второе, въ которомъ посвященіе Ричарду II замѣнено посвященіемъ Генриху IV, издано только по воцаренію Болинброка. Легко понять переходъ Говера на сторону Генриха, онъ вполнѣ согласуется съ его консерватизмомъ. Ср. Мейеръ—Gower's Beziehungen zu Chaucer и König Richard.

[3]) Геній во второй части Roman de la Rose исповѣдникъ Дамы-Природы

рали. Поэтъ и любовникъ постоянно смѣшиваются съ педантомъ и священникомъ. Единственная пригодная для чтенія часть поэмы—это разсказы; но тонъ и сущность этихъ разсказовъ курьезно противорѣчатъ добрымъ моральнымъ намѣреніямъ автора. Припоминая разсказъ Дидоны, какъ иллюстрацію беззаботности, припоминая, что въ «Сапасе» поэтъ сохраняетъ все свое негодованіе и осужденіе для гнѣва отца, мы вполнѣ поймемъ значеніе эпитета, даннаго Чесеромъ его другу. Неизвѣстно, были ли поэты менѣе дружны къ концу жизни, какъ это утверждаютъ. Можетъ быть, толкованія Чосера о «Туго Apollonens» и «подобныхъ проклятыхъ исторіяхъ» породили между ними холодность; но все же нельзя сдѣлать никакихъ заключеній изъ того обстоятельства, что Говеръ во второмъ изданіи «Исповѣди» выпустилъ похвалу своему другу; тогда Чосеръ уже умеръ и было бы глупо рекомендовать ему перестать писать о любви. Неосновательно и мнѣніе, будто заимствованія одного поэта у другого были причиной ихъ охлажденія, потому что при разсказѣ одинаковой исторіи они оба, очевидно, пользовались одинаковыми источниками.

Университетская наука.

Блэкстона.

Викегамъ. Начало общественныхъ школъ.

Чума, извѣстная подъ названіемъ Черной смерти, опустошившая Англію въ 1349 году, особенно сильно раздѣлила ряды духовенства. Это прямо высказано въ статутахъ, данныхъ графиней Клэръ коллегіи Клэръ Галль не задолго до смерти, въ 1359 году; подобное же желаніе дать странѣ образованныхъ людей несомнѣнно руководило и другими покровителями образованія. Изъ нихъ наиболѣе блестящимъ и оригинальнымъ былъ великій строитель и политикъ Вильямъ Викегамъ, сдѣлавшійся въ 1366 году епископомъ Винчестерскимъ, а въ 1367 лордомъ канцлеромъ. Онъ самъ, вѣроятно, не былъ въ университетѣ, а достигъ почестей какъ способный и практическій человѣкъ. Онъ былъ руководителемъ консервативной церковной партіи противъ того движенія въ богословіи и политикѣ, которое соединялось съ именемъ Виклифа. Но онъ хотѣлъ бороться съ умственнымъ движеніемъ только интеллектуальнымъ орудіемъ; для этого онъ хотѣлъ увеличенія количества способныхъ людей, получившихъ образованіе въ высшихъ школахъ, для поддержанія всяческой ортодоксіи. Вальтеръ Мертонъ и его подражатели изобрѣли средство для содержанія насчетъ благотворительности способныхъ студентовъ университета; грамматическія школы для обученія юношей, слишкомъ мо-

лодыхъ, чтобы быть записанными въ число студентовъ, уже существовали при большихъ монастыряхъ, какъ напр. въ Кентербюри и Іоркѣ. Но Викегаму принадлежитъ та заслуга, что онъ соединилъ требованія элементарнаго и высшаго образованія посредствомъ плана, дѣлающаго его основателемъ англійской системы общественнаго образованія, съ того времени бывшей почти общимъ методомъ образованія высшихъ классовъ общества. Послѣдующія грамматическія школы, начиная съ Этонской коллегіи Генриха VI, были подражаніемъ плану Викегама и вліяніе его оксфордскихъ уставовъ можно ясно прослѣдить въ уставахъ позднѣйшихъ учрежденій до шестнадцатаго вѣка, также какъ основной планъ его построекъ повторяется въ коллегіяхъ даже болѣе новаго времени.

Винчестерская коллегія и новая коллегія въ Оксфордѣ.

Школа Викегама (Винчестерская коллегія св. Маріи) была воздвигнута вблизи его епископскаго дворца въ Вольвесеѣ. Она получила полное обезпеченіе для директора (Warden), десяти членовъ (fellows) главнаго учителя (headmaster), репетитора (usher) и семидесяти учениковъ съ капеланами и хористами. Она была основана въ 1373 году, но окончательно устроилась въ своемъ обширномъ зданіи только въ 1393. Оксфордская коллегія (Винчестерская коллегія св. Маріи въ Оксфордѣ) была устроена для директора и семидесяти бѣдныхъ учениковъ (по возрасту нѣсколько болѣе старыхъ, чѣмъ обыкновенные undergraduates) съ десятью капелланами и тремя другими клериками и съ шестнадцатью хористами для церковной службы. Она основана около 1375 г. и получила въ свое владѣніе «Новую коллегію» въ 1387 году. Основатель продолжалъ пересматривать уставъ и охранялъ интересы своего учрежденія до самой смерти въ 1404 году. Онъ похороненъ въ великолѣпной капеллѣ въ Винчестерскомъ соборѣ, перестроенномъ имъ.

Планъ Винчестера и Новой коллегіи доказываетъ, что Викегамъ хотѣлъ сдѣлать ихъ не просто благотворительными учрежденіями, но крупными церковными корпораціями. Строенія показываютъ на приспособленіе обычнаго монастырскаго плана къ иной общественной цѣли. Въ Оксфордѣ высокая капелла и зала (Галль) съ воротами и башнями защищаютъ отъ холодныхъ вѣтровъ большой низкій четырехъугольникъ, въ которомъ спальни и кабинеты; съ одной стороны коридоры, а съ другой кухни. Тутъ были большая библіотека и аудиторія; за воротами пивоварня и пекарня — однимъ словомъ имѣется все, что нужно для различныхъ нуждъ членовъ. Жилище директора, привиллегіи и учрежденія для гостепріимства — все это устроено не хуже, чѣмъ въ любомъ богатомъ монастырѣ. Всѣ подробности жизни учениковъ до мелочи опредѣлены въ уставѣ Викегама; дѣйствительно его планъ стремился къ совершенству. Опредѣленъ и курсъ обученія въ коллегіи. Викегамъ, какъ первый учредитель, стремившійся къ тому, чтобы ученикамъ коллегіи давалось надлежащее обученіе, есть основатель Оксфордской «туторской» системы; по такой системѣ

почти исключительно и велось обученіе на факультетѣ искусствъ. Въ Новой коллегіи преподавались всѣ отрасли признанной науки; изъ семидесяти учениковъ десять должны были изучать гражданское законодательство, десять каноническое право; два могли заниматься медициной, два астрономіей, а остальные искусствомъ или теологіей. Учебники по искусству продолжали быть тѣми же рутинными учебниками грамматики и логики —Донатъ и латинскій Аристотель; о классическихъ изученіяхъ въ современномъ смыслѣ слова въ то время въ Англіи и не слыхивали. Любопытное слѣдствіе строгости правилъ Викегама сохранялось до 1834 года въ обычаѣ, на основаніи котораго студенты Новой коллегіи могли получить степени безъ всякихъ экзаменовъ. Это произошло отъ того, что учредитель воспретилъ студентамъ добиваться «милостей» или разрѣшеній отъ опредѣленныхъ уставовъ правилъ о мѣстѣ пребыванія и т. п., которыя составляли единственное необходимое предварительное условіе для полученія степени. Викегамъ добился того, что его Винчестерскіе студенты имѣли исключительное право на мѣста въ Оксфордѣ; этимъ онъ обезпечилъ высокій уровень элементарнаго обученія. Но такъ какъ привиллегіи онъ завѣщалъ не своему сословію, а своимъ родственникамъ, то этимъ онъ поставилъ свои коллегіи въ такія обязательства, которыя вели къ спорамъ и искамъ.

Цѣль Викегама была до значительной степени достигнута. Сначала Новая коллегія не давала ученыхъ, но за то она дала нѣсколькихъ способныхъ церковниковъ и въ числѣ ихъ государственныхъ людей: Генриха Чичеле, архіепископа кентербюрійскаго и Вильяма Вайнфлита, епископа винчестерскаго и лорда канцлера, которые сами основали коллегіи по плану Викегама. Въ позднѣйшее время тщательно обдуманный планъ учрежденія принесъ свои плоды; піонеръ возрожденія наукъ въ Оксфордѣ, Вилльямъ Гроспиъ, былъ изъ коллегіи Викегама.

Коллегіи 15 вѣка. Коллегія Магдалины въ Оксфордѣ.

Щедрость Викегама въ соединеніи съ другими причинами на время смутила другихъ покровителей образованія и только почти пятьдесятъ лѣтъ спустя епископъ Флеммингъ линкольнскій, Виклифитъ, сдѣлавшійся ультраортодоксальнымъ, началъ строить «Коллегію благословенной Дѣвы Маріи и всѣхъ Святыхъ въ Оксфордѣ» (Линкольнская коллегія); но она была не устроена до реформы ея въ 1479 г. его наслѣдникомъ, кембриджскимъ воспитанникомъ, Томасомъ Ротерамомъ, лордомъ канцлеромъ въ 1474 году, а потомъ архіепископомъ іоркскимъ. Его идея была оригинальна: онъ хотѣлъ создать коллегіальную церковь теологовъ для успленія сопротивленія университетовъ ереси, въ особенности Виклифизму. Въ 1437 году Чичеле построилъ Коллегію св. Бернарда въ Оксфордѣ (на мѣстѣ, теперь занятомъ Коллегіей св. Іоанна); это былъ небольшой домъ для студентовъ изъ цистерціанскихъ монаховъ и въ 1438 году онъ же учредилъ

«Коллегію Душъ всѣхъ Вѣрныхъ въ Оксфордѣ»—для директора и сорока членовъ или учениковъ, изучающихъ искусство и философію или теологію (24) и каноническое или гражданское право (16). Уставъ списанъ съ устава Викегама, хотя спеціальная цѣль, преслѣдуемая Чичеле — обезпечить бѣдное духовенство и умиротворить души убитыхъ въ французскихъ войнахъ (а онъ самъ былъ приверженцемъ военной политики) дѣлали размѣры его учрежденія болѣе ограниченными. Въ Кембриджѣ лондонскій священникъ Вильямъ Бингамъ основалъ «Божій Домъ» (теперь соединенный съ Коллегіей Христа), небольше учрежденіе для студентовъ грамматиковъ. Нѣсколько лѣтъ позже Генриха VI устроилъ двѣ великолѣпныя коллегіи Итонскую и св. Николая (Королевскую), хотя онъ думалъ только о школѣ въ Итонѣ съ небольшимъ домомъ въ Кембриджѣ. Статуты 1443 года доказываютъ, что молодой король намѣренно устроилъ свою школу и коллегію по образцу епископа Викегама—какъ ни замѣчательна была Итонская коллегія впослѣдствіи, слѣдуетъ признать, что планъ ея устройства не былъ оригинальнымъ. Вскорѣ была основана Коллегія Королевы подъ покровительствомъ сначала Маргариты анжуйской, а потомъ Елизаветы Вудвиль; но это была небольшая коллегія; еще меньшее учрежденіе, «Галль» св. Екатерины (1475), было послѣднимъ изъ учрежденій въ Оксфордѣ до преобразованій во время реформаціи. Въ Оксфордѣ епископъ Вайнфлитъ, бывшій нѣкоторое время главнымъ учителемъ въ Винчестерѣ и Итонѣ, основалъ Коллегію св. Маріи Магдалины на мѣстѣ стараго нищенскаго дома, госпиталя св. Іоанна Крестителя, по тому же плану, какъ и Новая Коллегія, но съ болѣе старательнымъ изученіемъ теологіи и съ опредѣленнымъ впередъ раздѣленіемъ на старшихъ и младшихъ членовъ учрежденія, имѣющихъ привиллегіи и отдѣльныя занятія.

Доходы иностранныхъ монастырей.

Когда Викегамъ пріобрѣлъ для своихъ коллегій помѣстья отъ монастырей на выгодныхъ условіяхъ, это было первымъ симптомомъ ростущаго недовольства монашеской системой, недовольства, выразившагося вполнѣ опредѣленно, когда другой винчестерскій епископъ, Ричардъ Фоксъ, по настоянію епископа Эксетерскаго Ольдгама основалъ Коллегію Тѣла Христова въ Оксфордѣ. Доходы коллегій Всѣхъ Святыхъ, Магдалины и Королевской были обезпечены уничтоженіемъ иностранныхъ пріорствъ, т. е. монастырей, находившихся въ зависимости отъ большихъ французскихъ монастырей и основанныхъ въ то время, когда англійскіе короли были герцогами норманскими. Во время продолжительныхъ войнъ съ Франціей нечего было и думать о посылкѣ доходовъ этихъ монастырей во Францію; при Эдуардѣ II они были секвестрованы и полная конфискація 122 такихъ монастырей, постановленная статутомъ въ 1402 году, была закончена въ 1414 году. Чичеле купилъ по уменьшеннымъ цѣнамъ коронныя земли и Генрихъ VI подарилъ своимъ учрежденіямъ хотя и не всѣ доходы.

назначенные его отцомъ для одной большой коллегіи въ Оксфордѣ. но все же много земель, отнятыхъ у аббатствъ Бекъ и Каннъ, Св. Петра Коншъ и св. Николая въ Анжерѣ.

Упадокъ университетовъ.

Вопреки, однако, всѣмъ этимъ блестящимъ пожертвованіямъ для искусства, теологіи и юриспруденціи, начиная отъ эпохи Черной Смерти до введенія классическихъ изученій при первыхъ Тюдорахъ идетъ быстрое паденіе университетовъ и учености вообще. Этотъ регрессъ можно объяснить различными причинами. Во первыхъ цѣнность прежнихъ пожертвованій сильно уменьшилась съ уменьшеніемъ доходовъ отъ земледѣлія. Напримѣръ, Дургамская коллегія, богато одаренная землями въ 1389 году, находилась въ стѣсненномъ положеніи пятьдесятъ лѣтъ спустя. Такой пробѣлъ только отчасти пополнялся новыми учрежденіями. Во вторыхъ схоластическая теологія и философія отжили свое время, а въ замѣнъ ихъ не было ничего. Вслѣдствіе этого особенное вниманіе обращали на професіональныя, выгодныя занятія гражданскимъ и каноническимъ правомъ; хотя Голькотъ и Де Бюри презрительно отзывались о цивилистахъ, какъ о врагахъ Божіихъ, они не могли конкурировать съ занятіями, не только удовлетворяющими умъ людей, привыкшихъ къ схоластическимъ тонкостямъ, но и открывавшими широкую дорогу къ высшимъ постамъ въ администраціи и дипломатіи. Втретьихъ, различные статуты о «Провизорахъ», особенно статутъ 1390 года, направленный противъ покушеній папы на права владѣльцевъ церковнаго патронатства, вліяли невыгодно на изученіе теологіи, по крайней мѣрѣ въ университетахъ. Несомнѣнно, что назначеніе иностранцевъ въ самыя доходныя бенефиціи было серьезнымъ зломъ и для церкви и для государства, но столь же серьезнымъ зломъ было и то, что права настоящихъ ученыхъ, признанныхъ папами, должны были уступать правамъ необразованныхъ людей, родственниковъ патроновъ. Въ 1417 и 1438 годахъ конвокація пыталась сдѣлать ученую степень необходимымъ условіемъ для полученія большей части приходовъ и время отъ времени университеты добивались изъятій отъ наказаній, опредѣляемыхъ статутомъ Praemunire. Эта агитація, можетъ быть, была единственной въ Англіи попыткой добиться того, чтобы открытая карьера для бѣдныхъ, но способныхъ юношей обусловливалась назначеніемъ на нѣкоторыя изъ общественныхъ должностей людей, получающихъ университетское образованіе.

Университеты и расколъ.

Естественно, что университеты были сильно заняты двумя наиболѣе трудными и спорными вопросами того времени и это обстоятельство тоже порождало нѣкоторый упадокъ въ занятіяхъ чисто умственными вопросами. Первымъ изъ такихъ вопросовъ былъ вопросъ о расколѣ, который вообще серьезно вредилъ всему духовному сословію. Парижъ, въ то время снова начавшій энергичную дѣятельность, руководилъ переговорами о возстановленіи единства латинской церкви; Оксфордъ

скоро примкнулъ къ итальянскому папѣ противъ французскаго, но главнымъ образомъ онъ настаивалъ на созывѣ общаго собора для прекращенія скандала. Одинъ ученый изъ Оксфорда, монахъ изъ Крита, былъ избранъ въ Пизѣ папой подъ именемъ Александра V, а на Констанцскомъ соборѣ бывшій канцлеръ Оксфорда, епископъ Салисбюрійскій Галамъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ. Въ теченіи всего этого періода и Оксфордъ и Кембриджъ проявили рѣшительныя ультрамонтонскія тенденціи. Оксфордъ сопротивлялся ревизіи архіепископа Аруделя въ 1411 году, что чуть не повело къ серьезному столкновенію съ короной и споръ былъ улаженъ только вмѣшательствомъ принца Галя. Въ 1430 году попытка Аруделя визитировать Кембриджъ кончилась процессомъ Барнуэля, послѣ котораго права университета были подтверждены Мартиномъ V. Главнымъ бойцомъ такого ультрамонтанскаго направленія былъ экспектричный епископъ Чичестерскій Роджинальдъ Пикокъ, бывшій раньше членомъ коллегіи Аріель. Отрицаніе имъ власти въ вопросахъ интеллектуальныхъ привело его къ ереси, что и повело его паденіе и подавленіе его ученія.

Университеты и лоллардизмъ

Еще болѣе важнымъ отвлекающимъ отъ науки элементомъ было движеніе, порожденное ученіемъ Виклифа; это движеніе было въ нѣкоторомъ родѣ средневѣковымъ оксфордскимъ движеніемъ. Относительно Оксфорда здѣсь будетъ достаточно сказать, что лоллардизмъ и возбужденные имъ споры и совѣщанія должны были сокрушить науку даже болѣе солидно поставленную, чѣмъ наука позднѣйшихъ схоластиковъ. Бродячіе проповѣдники Виклифа по большей части были оксфордскими учителями менѣе образованнаго класса; его мнѣнія истреблялись въ оксфордскихъ школахъ, но старанія его защитниковъ Николая Герефорда и Филиппа Репингдона (впослѣдствіи епископа линкольскаго, кардинала и преслѣдователя) были такъ популярны въ Оксфордѣ, что были подавлены только самовольными мѣрами архіепископа Куртенея. Университетъ былъ давно раздраженъ противъ монаховъ и фріаровъ, особенно противъ кармелитовъ, дѣятельности которыхъ онъ приписывалъ нарушеніе своихъ привилегій. Оксфордъ продолжалъ быть центромъ реформаціоннаго движенія послѣ провинціальнаго собора въ 1406 году.

Окончательный ударъ старому образованію былъ нанесенъ войнами Розъ. Дисциплина ослабѣла, высшихъ степеней почти никогда не давали и оксфордскій университетъ проявилъ свою слабость своими колебаніями между Ланкастеромъ и Іоркомъ, причемъ его канцлерами были то Невиль, то Вудвиль. Англійское образованіе сильно страдало отъ его изолированности отъ континента, хотя Поджіо Браччіолини и нѣкоторые другіе знаменитые схоластики появились еще въ началѣ 15 вѣка.

Библіотеки. Библіотека герцога Гумфри.

Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что въ теченіе этого періода университеты собирали не одни только дары, которые должны были увеличиться въ отдаленномъ будущемъ, и воздвигали велико-

лѣпныя зданія,—они собрали и орудія, посредствомъ которыхъ въ Англіи современемъ распространилось просвѣщеніе. Многіе выдающіеся люди Англіи посѣтили Италію и услыхали тамъ о новомъ просвѣщеніи. Они собирали книги и во многихъ случаяхъ разумно и благородно распорядились своими коллекціями. Герцогъ Гумфри Глочестерскій, вѣроятно по настоянію своего врача Жильберта Каймера, канцлера Оксфорда отъ 1439 до 1443 года, подарилъ старой университетской библіотекѣ такое количество цѣнныхъ рукописей, что наконецъ при помощи Томаса Кемпа, епископа лондонскаго, въ великолѣпной Богословской школѣ была устроена новая библіотека. Хотя во время реформаціи книги были растасканы, часть Бодлеянской библіотеки сохраняетъ и теперь названіе библіотеки герцога Гумфри. Онъ былъ не только покровителемъ Окклева, Капгрева и Лидгэта, покровителемъ всего, что только было цѣннаго въ тогдашней англійской литературѣ, но и человѣкомъ, понимавшимъ, что наступаетъ время классиковъ. Великій ученый Леонардо Аретино былъ его другомъ; въ числѣ книгъ, подаренныхъ имъ Оксфорду, кромѣ философскихъ, медицинскихъ, астрономическихъ и историческихъ (теологическихъ очень немного), были произведенія чисто литературныя, какъ то сочиненія Овидія, Цицерона, Сенеки, Квинтиліана и даже Данте, Петрарки и Боккаччіо.

Университетская библіотека въ Кембриджѣ.

Ученый и несчастный Джонъ Типтофтъ, графъ Ворчестеръ, оставилъ цѣнную коллекцію рукописей; другой покровитель образованія Вилльямъ Грей, канилеръ въ Оксфордѣ въ 1440—42 годахъ и епископъ въ Эли въ 1454 году, былъ также, какъ и Типтофтъ, ученикомъ Гуарино въ Феррарѣ. Во время своихъ продолжительныхъ занятій у гуманистовъ Италіи онъ пріобрѣлъ 200 рукописей и оставилъ ихъ своей коллегіи—коллегіи Балліоля; изъ нихъ и теперь еще сохранились 152. Кажется, что около того же времени составилась библіотека Кембриджскаго университета; около 1475 года въ нее щедро жертвовалъ архіепископъ Ротерамъ; но въ Кембриджѣ не было классиковъ. Такая литература существовала, однако, въ Англіи, такъ какъ монахи Дургама въ 1416 году имѣли копіи различныхъ сочиненій Виргилія, Овидія, Теренція, Клавдіана, Ювенала, Луканаи Горація, а также популярнаго Стація; но только черезъ нѣкоторое время большая утонченность вкуса и введеніе греческаго языка породили англійское возрожденіе, центромъ котораго сдѣлался главнымъ образомъ Оксфордъ.

Общественное здравіе.

Крейтона.

Санитарныя мѣры и карантины были слѣдствіемъ опытовъ, вынесенныхъ изъ эпохи Черной Смерти и слѣдовавшихъ за ней въ ко-

роткіе промежутки эпидемій. Очищеніе улицъ практиковалось задолго до этого времени; общественное мнѣніе, выражавшееся въ дѣятельности сеньеральныхъ и другихъ судовъ, преслѣдовало нарушенія санитарныхъ правилъ. Сравнительно легкимъ дѣломъ было складывать мусоръ въ кучи или сбрасывать его въ городской ровъ или ближайшую рѣку. Лондонъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ отличался уже наружной чистотой; иностранцы называли его «бѣлымъ городомъ» и одинъ изъ нашихъ поэтовъ, любитель всего древняго, называетъ «Лондонъ маленькимъ, бѣлымъ и чистымъ». Слѣдуетъ замѣтить, что на основаніи санитарнаго изслѣдованія 1343 года кучи навоза, мусора и т. п. находились почти всѣ въ узкихъ проулкахъ, ведущихъ къ Темзѣ. Кучи навоза складывались за городскими стѣнами или за городскимъ рвомъ; во времена Генриха V была общая свалка нечистотъ на Болотѣ (между Моргатомъ и Финсбюри), сдѣлавшаяся столь вредной, что подозрѣвали, что именно отъ нее развиваются болѣзни и потому приказали уничтожить ее. Мясные рынки находились внутри стѣнъ города, недалеко отъ Ньюгета и были постояннымъ предметомъ неудовольствія для всей этой мѣстности благодаря истекавшей въ каналы крови и провоза по улицамъ и переулкамъ разныхъ отбросовъ къ Барнардъ-Кэстлю, откуда ихъ бросали въ Темзу. Первый санитарный актъ, изданный въ Англіи, былъ проведенъ въ кембриджскомъ парламентѣ 1388 года; онъ былъ главнымъ образомъ направленъ противъ выбрасыванія навоза, требухи и другихъ гніющихъ отбросовъ въ рвы, рѣки и пруды, что портило и заражало воздухъ и порождало разныя болѣзни. Слѣдуетъ, однако, сказать, что не смотря на всѣ эти источники заразы въ лондонскомъ городскомъ рву было много превосходной рыбы до временъ Генриха VIII, что вода Темзы была чистая, что въ нее часто заходила изъ моря семга и что въ такомъ характерномъ средневѣковомъ городѣ, какъ Честеръ, въ рѣкѣ Ди, окружавшей двѣ трети города и бывшей мѣстомъ отбросовъ, въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ существовали подъ самыми стѣнами города очень цѣнныя ловли семги и лососи.

Санитарное дѣло сдѣлалось дѣйствительно затруднительнымъ только тогда, когда населеніе быстро переросло свои прежніе предѣлы, когда на прежнихъ пустошахъ, гдѣ раньше находились свалки нечистотъ, появились предмѣстья, когда рѣки и ихъ притоки не были уже въ состояніи поглощать и окислять городскіе отбросы. Что касается до домашней гигіены, то она, понятно, была всего хуже поставлена въ домахъ безъ дворовъ, помѣщавшихся въ бѣдныхъ переулкахъ и проходахъ, которые находились обыкновенно у городскихъ стѣнъ, внутри или внѣ ихъ. Дома болѣе зажиточныхъ горожанъ были окружены садами, но изъ писемъ Пастона (пятнадцатый вѣкъ) видно, что обладаніе садомъ не препятствовало тому, что на самомъ дворѣ были навозныя кучи.

Мусорщики, которые во времена Елизаветы исполняли свои обязанности «какъ въ старину», гораздо болѣе соотвѣтствовали теперешнимъ санитарнымъ смотрителямъ, чѣмъ простымъ возчикамъ нечистотъ. Сначала обязанность удалять нечистоты падала на самихъ домовладѣльцевъ, но въ 1540 году изъ городскихъ отчетовъ Ипсвича видно, что муниципалитетъ назначилъ особыхъ людей для удаленія городскихъ нечистотъ и свалки ихъ въ четырехъ опредѣленныхъ мѣстахъ.

Понятно само собой, что наши предки были выносливѣе насъ по отношенію къ зловреднымъ запахамъ. Тѣмъ не менѣе можно полагать, что они сознавали весь вредъ зараженія воздуха, воды и почвы гніющими веществами и экскрементами. Связь между заразными и другими болѣзнями и такимъ зараженіемъ воздуха и воды была яснымъ мотивомъ санитарнаго распоряженія Эдуарда III въ 1371 году, санитарнаго акта Ричарда II въ 1388 году, санитарнаго ордонанса Генриха V въ 1415 году и акта Генриха VII относительно мясныхъ рынковъ въ 1488—89 годахъ. Такихъ санитарныхъ распоряженій было такъ мало и они были такъ рѣдки, что можетъ показаться, будто англичане въ старое время были равнодушны къ гигіенѣ; но Юмъ совершенно справедливо замѣтилъ, что количество и повтореніе извѣстныхъ мѣръ въ книгѣ статутовъ указываетъ не на то, что цѣль ихъ достигалась и что именно эта цѣль составляла предметъ особаго вниманія правителей, но скорѣе на то обстоятельство, что пренебреженіе этими мѣрами было хроническимъ и постояннымъ и потому вызывало непрестанную законодательную дѣятельность.

Эпидеміи.

Вліянія Черной Смерти не ограничивались уменьшеніемъ населенія и увеличеніемъ заработной платы. Вся національная жизнь была деморализована. Богачи начали жить съ небывалой роскошью, съ вульгарной расточительностью; монахи присоединили къ своимъ помѣстьямъ громадныя фермы и соперничали съ свѣтскими владѣльцами въ роскоши жизни; приходское духовенство покинуло свои приходы и жило въ Лондонѣ, занимая мѣста клерковъ въ канцлерствѣ и казначействѣ. Многіе жили невѣнчанными, количество несчастливыхъ браковъ было значительно, рождаемость была незначительная и молодежь росла среди невѣжества и распутства. А король и лорды занимались войнами съ Франціей. Самымъ печальнымъ слѣдствіемъ Черной Смерти было то, что сѣмена чумы остались въ странѣ и время отъ времени снова начинались эпидеміи. Ленгландъ, поэтъ реалистъ, сравниваетъ болѣзнь съ «дождемъ, который мочитъ насъ, когда мы должны бы были отдохнуть». Вторая эпидемія, поразившая главнымъ образомъ высшіе классы и молодыхъ людей, произошла въ 1361 году, третья въ 1368—69, четвертая въ 1375, пятая въ 1382 и шестая въ 1390 году. Всѣ эти эпидеміи были, можетъ быть, болѣзнями иного типа, отличными отъ чумы, и навѣрное въ это же время бывали

эпидеміи, порожденныя голодомъ или испорченными хлѣбомъ и плодами. Но несомнѣнно, что чума того же типа, какъ и Черная Смерть, конечно не столь жестокая, какъ при первой эпидеміи, тѣмъ не менѣе возбудившая панику и бывшая причиной такой большой смертности, что церковь устроила молебствія и отпускала умирающимъ всѣхъ грѣхи—составляла часть эпидемій 1382 и 1390 годовъ. Послѣднюю изъ этихъ эпидемій даже сравнивали съ Черной Смертью; утверждали, что въ городѣ Іоркѣ она унесла одиннадцать тысячъ — число совершенно невѣроятное, такъ какъ это составило бы двѣ трети населенія. Нѣкоторые города пришли въ упадокъ и вѣроятно, что ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Лондона, Іорка, Бристоля, Ковентри и Плимута, не достигъ потомъ того количества населенія, которое они имѣли въ первой половинѣ 14 вѣка, до временъ Тюдоровъ; а нѣкоторые изъ нихъ, напр. Бодминъ, Сарумъ и Лейчестеръ, даже до царствованія Елизаветы. Старая поговорка гласитъ: «Линкольнъ былъ, Лондонъ есть, а Іоркъ будетъ». Линкольнъ, дѣйствительно, продолжалъ падать; а паденіе Норвича, до большой чумы самого большого города Англіи послѣ Лондона, было еще болѣе замѣтнымъ. Съ другой стороны, графство Кентъ, бывшее мѣстомъ крестьянскаго возстанія въ 1381 году, по населенности занимаетъ первое мѣсто, несомнѣнно благодаря своимъ многочисленнымъ портамъ и своей близости къ англійскимъ владѣніямъ во Франціи. На основаніи податныхъ списковъ подушной подати (Poll-tax) въ 1377 году во всей Англіи, за исключеніемъ Валиса и графствъ палатинатовъ Честера и Дургама, было около двухъ милліоновъ жителей. Это было уже послѣ великой чумы и есть основаніе полагать, что до нея населеніе равнялось четыремъ милліонамъ; такой численности англійское населеніе достигло только послѣ реформаціи.

Земледѣліе.

Корбета.

Раньше, чѣмъ мы приступимъ къ описанію окончательной катастрофы крестьянскаго возстанія и къ изложенію неполитическихъ мѣръ поземельныхъ собственниковъ, поставившихъ ихъ лицомъ къ лицу съ этой катастрофой, скажемъ нѣсколько словъ о дѣятельности тѣхъ земледѣльцевъ, которые уже до катастрофы боролись съ возвышеніемъ заработной платы и постепенно начали изобрѣтать иные и болѣе оригинальные методы для избѣжанія той диллемы, въ которую они попали безъ всякой вины съ ихъ стороны.

Мы видѣли, что помѣстья обрабатывались однимъ изъ двухъ способовъ: или обычнымъ и даровымъ трудомъ вилленовъ, получавшихъ въ замѣнъ даровое владѣніе участками земли, или посредствомъ труда фактически свободныхъ рабочихъ, которые въ томъ случаѣ, если имѣли участки земли, платили за нихъ лорду денежную ренту, причемъ эта рента въ началѣ представляла денежную цѣнность старыхъ обычныхъ повинностей. И въ томъ и въ другомъ случаѣ требуемый для обработки капиталъ доставлялся лордомъ и лордъ, или лично или чрезъ посредство управляющаго (балльи), управлялъ различными земледѣльческими операціями; главной изъ такихъ операцій, хотя и невыгодной для земли, было выращиваніе хлѣба. Очевидно, что эти два способа пользованія помѣстьями были не единственными, къ которымъ должны были прибѣгать владѣльцы, если хотѣли имѣть доходы; можно было отдавать имѣнія въ аренду — способъ обычный въ настоящее время; можно было пользоваться помѣстьемъ для разведенія овецъ и во многихъ случаяхъ помѣстья только и годились для этого. Но ни одинъ изъ этихъ способовъ эксплуатаціи не былъ освященъ обычаемъ; напротивъ оба они находились въ противорѣчіи съ старыми помѣстными традиціями и до тѣхъ поръ, пока старыя системы работали удовлетворительно, было мало шансовъ на введеніе такихъ методовъ; когда сдѣлалось невозможнымъ пріобрѣтать рабочихъ на выгодныхъ условіяхъ, когда было необходимо ограничиваться по возможности небольшимъ количествомъ рабочихъ рукъ на фермѣ, оба эти метода представляли выгодныя стороны, перевѣшивающія обычное отвращеніе къ новшествамъ. Разведеніе овецъ почти освобождало отъ необходимости держать рабочихъ, кромѣ незначительнаго ихъ числа; а отдача въ аренду перелагала тяготу добыванія ихъ съ собственника на арендатора. Если помѣстье не отдавалось въ аренду цѣликомъ, а дѣлилось на нѣсколько мелкихъ фермъ, то фермеры, въ этомъ случаѣ крестьяне, по всей вѣроятности могли обходиться безъ наемныхъ рабочихъ; въ большинствѣ случаевъ ихъ трудъ, при помощи труда ихъ женъ и членовъ семьи, былъ достаточнымъ для обработки земли. Дѣйствительно, при такомъ методѣ многіе изъ свободныхъ рабочихъ, соблазняясь желаніемъ быть самостоятельными, могли дать приличную ренту за позволеніе обрабатывать кусокъ земли, который въ противномъ случаѣ, при обработкѣ его на хозяина, они обработывали бы за чрезмѣрно высокую плату. Всѣ эти соображенія въ концѣ концевъ должны были повліять на наиболѣе проницательныхъ изъ поземельныхъ собственниковъ и неудивительно, что въ наилучше управляемыхъ имѣніяхъ разведеніе овецъ и отдача въ аренду все болѣе и болѣе входятъ въ моду въ то именно время, когда большинство владѣльцевъ, повидимому, прибѣгали только къ реакціоннымъ мѣрамъ.

Улучшеніе въ методахъ пользованія землей.

Здѣсь незачѣмъ распространяться о разведеніи овецъ, такъ какъ

Новая общественная опасность.

объ этомъ намъ придется говорить подробно, когда мы дойдемъ до 15 вѣка, до эпохи, когда овцеводство занимаетъ положеніе главной національной промышленности. Можно замѣтить только, что введеніе овцеводства поощрялось именно въ это время торговой политикой Эдуарда III. Этотъ государь не только обращалъ особое вниманіе на регулированіе и развитіе вывоза шерсти, всегда бывшаго оживленнымъ между Англіей и Фландріей, но дѣлалъ все возможное для убѣжденія фламандскихъ ткачей поселиться въ его странѣ и такимъ путемъ создалъ домашнюю суконную промышленность, вскорѣ настолько развившуюся, что она могла легко потребить всю шерсть, доставляемую англійскими фермерами. Введеніе этой промышленности было несомнѣнно полезно до тѣхъ поръ, пока страна оставалась мало населенной отъ смертности Черной Смерти, потому что такимъ путемъ эксплуатировались многія земли, которыя иначе лежали бы впустѣ за недостаткомъ работниковъ. Но въ концѣ концевъ, какъ мы увидимъ дальше, это было причиной громаднаго общественнаго недовольства. Для осуществленія такого метода эксплуатаціи земли собственникъ долженъ былъ изъять изъ подъ обработки значительное количество земли и превратить ее въ луга и покосы; кромѣ того онъ подвергался искушенію огородить всѣ пустоши помѣстья, не давъ фермерамъ и крестьянамъ достаточнаго вознагражденія за утрату ими права пастбища, что было слѣдствіемъ такого огораживанія; обѣ эти мѣры, уничтожая обычные средства добыванія пропитанія, стремились дезорганизировать крестьянское хозяйство и сильно ограничивали въ тоже время шансы получить занятіе.

Аренда земли и инвентаря.

Съ другой стороны отдача помѣстья въ аренду не имѣла этихъ неудобствъ, а наоборотъ представляла существенныя выгоды, потому что принятію такого метода обработки Англія до значительной степени обязана появленіемъ класса іоменовъ, бывшаго въ теченіе двухъ вѣковъ главной опорой общественной жизни страны. Измѣненіе, произведенное введеніемъ этого метода, отнюдь не было столь революціоннымъ, какъ измѣненіе, сопровождавшее введеніе овцеводства и имѣло мало прямого вліянія на помѣстную систему. Тѣмъ не менѣе косвенныя системы, вліянія какъ уже сказано, были до чрезвычайности важны; она разрушила личную зависимость фермеровъ отъ ихъ лордовъ, на которой основывался феодализмъ и создала новый средній классъ, который былъ самостоятеленъ и современемъ, разбогатѣвъ, постепенно занялъ положеніе немного низшее положенія ихъ прежнихъ хозяевъ. Разумѣется, это произошло не сразу; фермеры не сразу получили то положеніе, которое они заняли впослѣдствіи. Напротивъ, это потребовало много времени и старая аренда весьма отлична отъ той, съ которой мы знакомы теперь. Теперь, когда фермеръ беретъ аренду, онъ находитъ и капиталъ, необходимый для обработки фермы, а на долю собственника въ арендномъ договорѣ при-

ходится только доставленіе земли и построекъ. Фермеры же четырнадцатаго вѣка не могли заключать такихъ договоровъ: они были небогатые люди и если не получали капитала въ формѣ живого и мертваго инвентаря, уже существовавшаго на фермѣ и болѣе не нужнаго собственнику, они не могли взять въ аренду свои новыя владѣнія. Потому заключаемые ими арендные договоры были тѣмъ, что называется арендой земли и скота (Stock and land leases) причемъ арендовалась земля и все необходимое для ея обработки и фермеръ только обязывался платить ежегодную ренту и по окончаніи срока аренды долженъ былъ сдать то же количество сѣмянъ, скота и орудій, которое онъ получилъ или ихъ эквивалентъ въ деньгахъ. Отдача въ аренду скота и овецъ на такихъ условіяхъ была обычнымъ дѣломъ даже до чумы; обычной рентой за корову было пять шиллинговъ въ годъ; бывали примѣры отдачи въ аренду на этихъ условіяхъ и помѣстной земли, но обычной такая аренда стала только во второй половинѣ четырнадцатаго вѣка. Слѣдуетъ замѣтить, что отдача въ аренду помѣстья фермеру, не пріобрѣтавшему этимъ помѣстныхъ правъ лорда, отличалась отъ отдачи въ аренду всего помѣстья firmarius'у или фермеру съ передачей ему всѣхъ сеньеральныхъ правъ — что практиковалось уже давно въ нѣкоторыхъ изъ помѣстій. Часто имѣнія, принадлежавшія капитулу св. Павла, отдавались въ аренду разнымъ канонникамъ—но это совсѣмъ не значило, чтобы уничтожалась система обработки земли подъ управленіемъ балліи. Съ другой стороны договоръ объ арендѣ земли и инвентаря въ большинствѣ помѣстій заключался на пятьдесятъ лѣтъ, послѣ чего система была оставлена и замѣнялась обыкновенной формой арендnаго договора, пожизненнаго или на года. Такъ напр. помѣстья коллегіи Мертона были почти всѣ отданы въ аренду по краткосрочному договору съ инвентаремъ вскорѣ послѣ Черной Смерти, но въ началѣ пятнадцатаго вѣка всѣ эти договоры были замѣнены обыкновенными долгосрочными арендными договорами. Изъ этого можно вывести то заключеніе, что потребовалось около пятидесяти лѣтъ со времени введенія въ имѣніяхъ аренды для появленія основательныхъ фермеровъ—іеменовъ и что только послѣ нѣкоторой опеки и обученія этотъ классъ дѣйствительно сдѣлался независимымъ. Достаточно одного примѣра для указанія какого рода инвентарь давался фермеру вмѣстѣ съ землей. Въ 1360 году Мертонская коллегія отдала въ аренду свои земли въ Ферлей въ Сюрреѣ и фермеръ получилъ «девять лошадей и быка по десяти шиллинговъ каждый, десять коровъ по 11 шиллинговъ, четыре вола по 18 ш. 5 д., двадцать четыре четверти пшеницы по 6 ш. 8 д. четверть, шесть съ половиной четвертей мякины по 4 ш., три четверти и бушель linnestum vescosum по 4 ш.; три четверти и три съ половиной бушеля ячменя по 4 ш. 8 д., двѣ четверти гороху и двѣ четверти вики по 3 ш. 4 д. и сорокъ девять съ половиной

овса по 2 ш.». Это значитъ, что коллегія давала фермеру капиталъ въ 22 фунта; а кромѣ этого тутъ не считается птица и земледѣльческія орудія, которыя тоже давались въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Реакціонныя попытки. Начало возстанія.

Въ то время, какъ нѣкоторые изъ собственниковъ такимъ образомъ устранились отъ непосредственной эксплуатаціи земель и все болѣе и болѣе занимали положеніе ландлордовъ, существующихъ рентой, болѣе консервативные и упорные изъ нихъ продолжали свою безнадежную борьбу съ рабочими. Но съ каждымъ днемъ шансы успѣха дѣлались для нихъ меньшими, такъ какъ населеніе уменьшалось и наконецъ смущенные и приведенные въ отчаяніе нанимателя рѣшились на отчаянную попытку вернуться къ старой системѣ личныхъ повинностей. Не только прекратились обращенія личныхъ повинностей въ денежную ренту, но были устранены происходившія безпрепятственно въ теченіе многихъ лѣтъ освобожденія и льготы и все остроуміе и знанія управляющихъ различныхъ помѣстій были направлены на отысканіе ошибокъ и опущеній въ судебныхъ актахъ, которыя могли служить для собственниковъ поводомъ снова изъявить свои притязанія на устарѣвшія права. Слѣдуетъ признать, что законъ обыкновенно былъ на ихъ сторонѣ, такъ какъ лорды обыкновенно могли добыть какую нибудь старую выписку изъ судебнаго акта, доказывающую, что повинности дѣйствительно существовали когда-то и трудно было добиться доказательствъ въ пользу рабочихъ, какимъ образомъ они были избавлены отъ исполненія этой повинности; даже въ томъ случаѣ, если такое доказательство и существовало, не легко было добиться его признанія, потому что всѣ эти споры разрѣшались въ помѣстномъ судѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ управляющій, а королевскіе суды отказывались вмѣшиваться въ споры между несвободными людьми и ихъ лордами. Кромѣ того послѣдніе всегда могли прибѣгнуть къ помощи парламента; въ первый годъ царствованія Ричарда II былъ проведенъ актъ, на основаніи котораго «ни одинъ примѣръ изъ Domesday, въ силу коего или въ силу дурнаго истолкованія коего вилены утверждаютъ, будто они вполнѣ и окончательно свободны отъ всякихъ повинностей, какъ личныхъ, такъ и съ ихъ земель—не должны считаться по отношенію къ этимъ виленамъ привиллегіей ихъ класса, не должны измѣнять условія ихъ владѣнія и обычаи стараго времени, не должны мѣшать ихъ лордамъ пользоваться ихъ услугами и повинностями, какъ было обычно въ старое время». Правда, этотъ актъ по своему буквальному содержанію касается только притязаній на свободу, основанныхъ на доказательствѣ изъ Domesday; но если ужъ не обращали вниманіе на такое чтимое всѣми доказательство, то невѣроятно, чтобы обращали вниманіе на другія доказательства, которыя могли представить виллены. Статутъ, очевидно, былъ проведенъ для помощи лордамъ на всякій случай, ибо онъ повелѣваетъ, чтобы они «полу-

чили патенты за большой печатью, если имъ это нужно и если они ихъ потребуютъ». Несомнѣнно, что они и требовали такихъ патентовъ, но несомнѣнно также то, что эти патенты были для нихъ вполнѣ безполезными. Потому что рабочіе все это время не были покойными, чтобы въ концѣ концевъ подчиниться, и если лордовъ поддерживали парламентъ и корона, то ихъ противники нашли союзниковъ въ поэтѣ Лангландѣ, въ послѣдователяхъ Виклифа, въ странствующихъ фріарахъ, въ Джонѣ Баллѣ, «безумномъ кентскомъ священникѣ»—всѣ они горячо отстаивали дѣло бѣдняковъ и проповѣдывали ученіе, что рабочій настолько же достоинъ уваженія, какъ и дворянинъ. Балль пошелъ даже дальше и смѣло проповѣдывалъ соціалистическое ученіе, утверждая, что дѣла въ Англіи не пойдутъ хорошо до тѣхъ поръ, пока имущества не будутъ общими, до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать виллены и дворяне; популярность такихъ взглядовъ доказывается переходящими изъ устъ въ уста стихами, начинающимися словами: «когда Адамъ пахалъ и Ева пряла, гдѣ былъ тогда дворянинъ?» Дѣйствительно, въ крестьянствѣ скоро распространилось сильное раздраженіе и появился духъ протеста и сопротивленія, что повело къ образованію того, что теперь назвали бы крестьянскими союзами и къ другимъ опаснымъ сообществамъ, направленнымъ противъ помѣщиковъ и нанимателей. Какъ говорится въ вышеупомянутомъ статутѣ, «они угрожали слугамъ лордовъ потерей жизни и членовъ и собирались большими шайками и соглашались въ такихъ сообществахъ, чтобы всякій помогалъ другому насильственно сопротивляться лордамъ». Когда дѣло доходитъ до такихъ соглашеній, нуженъ незначительный поводъ, чтобы привести въ движеніе толпу и такой поводъ былъ данъ чрезмѣрными налогами, которыми обложили страну для увеличивающихся нуждъ французской войны.

Крестьянское возстаніе.

Въ 1377 году передъ смертью Эдуарда III финансовое положеніе было такъ плохо, что приходилось прибѣгать къ новымъ источникамъ дохода и парламентъ вотировалъ поголовную подать (poll-tax) въ гротъ или четыре пенса на всѣхъ жителей мужского и женскаго пола, достигшихъ четырнадцатилѣтняго возраста, кромѣ настоящихъ нищихъ. Въ 1379 году этотъ налогъ былъ снова вотированъ, причемъ онъ былъ сдѣланъ прогрессивнымъ, начиная съ 6 ф. 13 ш. и 4 д. съ такихъ богатыхъ вельможъ, какъ герцогъ ланкастерскій, до грота съ простого рабочаго. «Великій ропотъ и горькія проклятія были слѣдствіемъ собиранія налога; но послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія крестьянъ, было уничтоженіе въ 1380 году прогрессивности налога и обложеніе всѣхъ жителей какого бы то ни было общественнаго положенія, достигшихъ возраста пятнадцати лѣтъ, новымъ налогомъ въ три грота. Считая на теперешнія деньги, это было налогомъ въ пятнадцать шиллинговъ на голову и не трудно

представить себѣ, какую тяжесть представлялъ этотъ налогъ для ничтожныхъ средствъ средневѣкового половника (cottar) или рабочаго на фермѣ. Пропорціонально онъ былъ тяжелѣе всего именно для этихъ классовъ людей; многіе, навѣрное, повторяли жалобу анонимнаго автора политической пѣсни, писавшаго: «чтобы найти для короля серебро, я долженъ продать сѣмяна; оттого моя земля лежитъ впустѣ безъ дѣла. Они отняли у меня мою скотинку; когда я думаю о своемъ прежнемъ богатствѣ, я готовъ плакать. Это и нищимъ придаетъ смѣлость и въ мірѣ ростетъ недовольство и горе; лучше смерть, чѣмъ такъ мучиться». Новыя стихотворенія распространились по всей странѣ, призывающія всѣхъ возмутиться и растоптать угнетателей. «Джонъ Балль—говорилось въ припѣвѣ—привѣтствуетъ васъ всѣхъ и сообщаетъ вамъ, что онъ ударилъ въ набатъ. Право и сила, воля и искусство—Богъ всѣмъ на помощь». Жребій былъ брошенъ и въ концѣ слѣдующей весны все крестьянство въ графствахъ возмутилось подъ предводительствомъ приходскихъ священниковъ и при поддержкѣ бѣднѣйшихъ жителей городовъ. Возстаніе началось въ Кентѣ убійствомъ сборщика податей нѣкоимъ Вальтеромъ Тайлеромъ, который потомъ двинулся въ Кентербюри для освобожденія изъ тюрьмы Джона Балля, а потомъ въ Лондонъ во главѣ большой шайки, состоявшей изъ ста тысячъ человѣкъ, убивая всѣхъ законниковъ и сжигая всѣ помѣстные акты по дорогѣ. Это движеніе должно быть было слѣдствіемъ заранѣе задуманнаго плана, потому что когда Ватъ Тайлоръ шелъ къ югу отъ Темзы на Блекгитъ, съ сѣвера отъ рѣки двигались къ Миль Энду жители Эссекса, а жители Гертфордшира къ Гайбюри. Возстаніе вспыхнуло во всей странѣ—въ Ст. Альбансѣ, въ Ст. Эдмундсъ-Бюри, въ Винчестерѣ, Кембриджѣ, Норвичѣ, Іоркѣ, Беверлеѣ, Скарборо, Сюрреѣ и Суссексѣ и даже къ западу до Девоншира. Мятежники, повидимому, повсемѣстно были одушевлены одинаковыми идеями; они требовали освобожденія отъ власти поземельныхъ собственниковъ или, какъ выражено въ ихъ петиціи, уничтоженія вилленства какъ института, уменьшенія ренты до четырехъ пенсовъ съ акра, свободнаго доступа на всѣ ярмарки и рынки и установленія свободной крестьянской собственности, зависимой только отъ короля, безъ вмѣшательства дворянъ.

Подавленіе возстанія.

На вопросъ короля въ Миль-Эндѣ: «чего вы хотите?» жители Эссекса кричали: «мы хотимъ, чтобы вы освободили насъ навсегда—насъ и наши земли—и чтобы насъ никогда больше не называли и не считали рабами»... Руководясь тѣми же идеями, виллены Ст. Альбанса заставили аббата выдать имъ грамоты, доказывающія, что они обязанные люди и разбили въ куски жернова, на которыхъ они въ качествѣ обязанныхъ людей должны были работать. Сначала казалось, что движеніе будетъ успѣшнымъ; великъ былъ общій ужасъ, когда Ричардъ II далъ грамоту освобожденія и прощенія всѣмъ жи-

телямъ Эссекса, съ которой они и вернулись радостно домой. Но вскорѣ нашли, что охватившая высшіе классы паника смѣшна, потому что крестьяне скоро утратили своими насиліями сочувствіе горожанъ. Такъ въ Лондонѣ они сожгли Темпль и Савойскій дворецъ, разграбили Тоуеръ и убили кентербюрійскаго архіепископа, казначея и главнаго коммиссара по сбору поголовнаго налога. Въ Ст. Эдмундсъ-Бюри они убили пріора, и во всей странѣ нападали на судей и помѣстныхъ служителей. Убито было также много иностранцевъ; повсемѣстно замки и амбары фермъ были разграблены и разрушены. Подобные поступки не могли возбуждать симпатій въ большинствѣ націи и потому, когда мятежники потеряли своего вождя Вата Тайлора, убитаго лондонскимъ лордомъ мэромъ, кризисъ закончился и Ричардъ II оказался во главѣ арміи, достаточной для подавленія возстанія въ теченіи трехъ недѣль. Эссексъ оказалъ наиболѣе упорное сопротивленіе; тамъ Ричарду пришлось имѣть дѣло съ своими собственными грамотами; но онъ не стѣснялся. «Вы были вилленами, объявилъ онъ, и вы остаетесь вилленами. Вы будете пребывать въ рабствѣ и ваше рабство будетъ не прежнее, а худшее». И тутъ онъ сдержалъ слово. Когда осенью собрался парламентъ, король и совѣтъ представили ему вопросъ объ освобожденіи, но онъ былъ отвергнутъ безъ преній. Общины указали, что грамоты освобожденія, дарованныя королемъ безъ ихъ согласія, совершенно незаконны, а онѣ не давали своего согласія и никогда не дадутъ его, «хотя бы они всѣ умерли въ одинъ день». Напротивъ, онѣ сдѣлали все, что могли, для обезпеченія существованія рабства и увеличенія несвободы крѣпостныхъ. Король согласился на это, были проведены статуты, новелѣвающіе, чтобы всѣ освобожденія, отпущенія и другія обязательства, совершенныя во время послѣдняго возстанія, признавались недѣйствительными и чтобы совѣтъ изыскалъ средства для всѣхъ, принесшихъ жалобы относительно «сожженія, уничтоженія или иного устраненія грамотъ, контрактовъ, обязательствъ и иныхъ актовъ и документовъ», если они доставятъ достаточныя доказательства, что сказанные документы, утраченные такимъ путемъ были таковы по формѣ и содержанію. Чрезъ шесть лѣтъ были приняты дальнѣйшія предосторожности противъ уменьшенія числа вилленовъ: опредѣлили, что всякій мальчикъ или дѣвочка, служившій по обработкѣ земли до двѣнадцати лѣтняго возраста, долженъ заниматься этимъ же трудомъ и впослѣдствіи и что онъ не имѣетъ права учиться какому либо иному ремеслу или промыслу. Были также сдѣланы попытки помѣшать дѣтямъ людей низшихъ классовъ ходить въ школы, дабы они не выходили изъ своего сословія посредствомъ вступленія въ ряды церковниковъ.

Насколько была успѣшна реакція?

Трудно сказать, насколько удачны были всѣ эти попытки сохранить существующее. Нѣкоторые писатели, даже большинство, пред-

полагаютъ, что эти попытки были вполнѣ неудачными и что хотя возстаніе, повидимому, было легко подавлено, вилланы добились своего. По ихъ мнѣнію, самое количество попытокъ подавленія доказываетъ ихъ безполезность. Но подобныя доказательства наврядъ ли убѣдительны, такъ какъ существуютъ отчеты помѣстныхъ судовъ, свидѣтельствующіе о требованіи феодальныхъ повинностей въ теченіи всего пятнадцатаго, и отчасти шестнадцатаго вѣковъ. Въ Вильбюртонѣ, напр., на островѣ Эли измѣненіе произошло только во времена Тюдоровъ; существовали королевскіе замки, гдѣ сервы были освобождены Елизаветой въ 1574 году. Правда, можно считать такіе случаи исключительными, но они конечно согласуются съ жалобой Фицгарберта, писавшаго въ 1523 году, что странѣ приноситъ безчестье удержаніе крѣпостного права. Вообще, кажется, основательнѣе предполагать, что возстаніе не повело къ радикальнымъ измѣненіямъ, но что оно только ускорило уже происходившія измѣненія и обезпечило ихъ окончательное торжество. Дѣйствительно, хотя возстаніе и не сдѣлало рабство явленіемъ вполнѣ устарѣлымъ, оно должно было все болѣе и болѣе убѣждать поземельныхъ собственниковъ, что ихъ игра не стоитъ свѣчъ. Они должны были понять, что хотя повинности были цѣннѣе денежной ренты, замѣнявшей ихъ, они все же проигрываютъ при ихъ возстановленіи; теперь въ ихъ распоряженіи были новые и болѣе выгодные по сравненію съ старой системой методы эксплутированія земли и принятіе такихъ методовъ обезпечивало имъ доходы съ меньшими хлопотами; такихъ доходовъ они не могли бы надѣяться получить, если бы продолжали бороться за поддержаніе стараго. Подобная точка зрѣнія на крестьянское возстаніе, конечно, нѣсколько уменьшаетъ его значеніе, но только нѣсколько — это возстаніе все же остается замѣчательнымъ, какъ первая крупная борьба между капиталомъ и трудомъ въ Англіи.

Исторія торговли

Гевинса.

Задолго до того времени, когда исторія экономической жизни начала излагаться въ учебникахъ, всякій школьникъ знакомился съ нѣкоторыми изъ измѣненій, происшедшихъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ и имѣвшихъ крупное и постоянное вліяніе на общественную жизнь Англіи. Англійскіе историки всегда придавали большее значеніе Черной Смерти и крестьянскому возстанію; поощреніе Эдуардомъ III шерстяныхъ мануфактуръ всегда признавалось введеніемъ въ исторію

развитія англійской промышленности. Развитіе торговли во второй половинѣ 14 вѣка и порожденная этимъ развитіемъ выработанная система организаціи ея по интересу и важности не уступаютъ исторіи развитія промышленности. Торговое законодательство этого періода не было дѣломъ людей, руководившихся опредѣленными экономическими положеніями, которыя они считали бы пригодными для указанія пути къ преодолѣнію всяческихъ затрудненій въ дѣлѣ прогресса. При чтеніи статутовъ и свитковъ парламента мы получаемъ такое впечатлѣніе, что въ законодательствѣ этого періода не было никакой опредѣленности въ дѣлѣ экономической политики. Принципы дѣйствія, теперь признаваемые аксіомами, были добыты тяжелымъ путемъ опыта. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ такіе вопросы, какъ обложеніе налогами, лучшій методъ организаціи обложенія, денежное обращеніе, внѣшняя торговля—встрѣчали затрудненія, которыхъ нельзя было преодолѣть легкимъ средствомъ игнорированія ихъ существованія. Торговый міръ былъ менѣе однороденъ, чѣмъ теперь, отправленіе правосудія менѣе благоустроено, торговая честность менѣе обычна. Законодательство по необходимости было до значительной степени эмпирическимъ и отчасти этому мы должны приписывать частыя и иногда поразительныя измѣненія статутовъ. Кромѣ того акты парламента далеко не такъ легко осуществлялись, какъ теперь; нѣкоторые совсѣмъ не исполнялись. Строгое исполненіе статута еще ничего не доказывало по отношенію къ его вѣроятнымъ результатамъ. Испытаніе принятой мѣры могло вести или къ ея уничтоженію или, наоборотъ, къ болѣе послѣдовательному въ этомъ направленіи законодательству—смотря потому доказывалъ ли опытъ ея безполезность или пригодность.

Торговля шерстію.

Нужно было немного опыта для доказательства, что дружескія отношенія между Фландріей и Англіей необходимы для процвѣтанія обѣихъ этихъ странъ. Недостатокъ шерсти въ Англіи останавливалъ прядильни и станки Фландріи; когда для Англіи закрывались фламандскіе рынки, англійскимъ производителямъ шерсти угрожало разореніе. Въ началѣ описываемаго періода въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ торговля шерстью находилась въ упадкѣ; съ 1336 до 1363 года цѣна шерсти только одинъ годъ, въ 1343 году, были выше средней въ четырнадцатомъ вѣкѣ; въ 1349 году она пала до 1 шиллинга бунтъ, что было самой низшей цѣной въ теченіи ста лѣтъ. Было четыре главныхъ причины такого паденія цѣнъ, о которыхъ намъ слѣдуетъ упомянуть, чтобы понять послѣдующія законодательныя мѣры. Въ 1328 году внезапно произошло измѣненіе въ политикѣ того времени. До тѣхъ поръ преобладала и развивалась система складовъ. Въ этомъ же году Эдуардъ рѣшился сдѣлать опытъ свободной торговли и всѣ склады были уничтожены. Другой статутъ въ этомъ же направленіи былъ проведенъ въ 1334 году. Несомнѣнно, что подобная попытка была преждевременной. Въ то время регулированіе торговли было

необходимо въ интересахъ самихъ торговцевъ. Естественно, что статуты повели къ неувѣренности и замѣшательству въ торговлѣ; купцы при отсутствіи мѣръ для ихъ защиты и покровительства неохотно рѣшились на рискъ иностранной торговли. Съ значительной долей увѣренности мы можемъ приписывать паденіе цѣнъ этой мѣрѣ. Въ 1336 году складочной оптовой торговлѣ страны былъ нанесенъ еще болѣе серьезный ударъ воспрещеніемъ торговли между Англіей и Фландріей. Изъ того, что мы замѣтили о значеніи фламандскихъ рынковъ для англійскихъ производителей шерсти, очевидно, что воспрещеніе было вредно для обѣихъ странъ и мѣра 1336 года можетъ считаться второй причиной паденія торговли. Благодаря услугамъ Якова Артевельде и тому, что Эдуардъ въ войнѣ съ Фландріей нуждался въ помощи Фландріи, дружескія отношенія между Англіей и Фландріей были возстановлены и въ 1341 году Брюгге сдѣлался складочнымъ мѣстомъ англійской шерсти. Въ слѣдующіе четыре года произошло улучшеніе торговли и города Фландріи процвѣтали. Смерть Артевельде (іюль 1345 г.) и послѣдовавшія за ней волненія снова повели къ уменьшенію фламандскаго спроса. Все же не было перерыва въ дружескихъ отношеніяхъ и въ 1347 году фламандцы сопротивлялись стараніямъ графа Людовика отвлечь ихъ отъ союза съ Англіей. Но въ 1348 году было уже необходимо вести переговоры съ городами Брюгге, Гентомъ и Ипромъ по поводу ихъ попытокъ помѣшать ломбардскимъ купцамъ покупать англійскую шерсть; эти города, очевидно, старались понизить цѣны, чтобы обезпечить за собой монополію. Волненія во Фландріи въ теченіи этого года, кончившіяся гражданской войной, фактически уничтожили промышленность и сдѣлали Брюгге отнюдь не безопаснымъ мѣстомъ для дѣловыхъ сношеній. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было паденіе спроса на шерсть. Поэтому паденіе торговли, начавшееся съ измѣненіемъ старой политики, было, вѣроятно, ускорено воспрещеніемъ 1336 года и гражданскими смутами въ Фландріи въ послѣдующіе годы.

Черная смерть и ея слѣдствія.

Была и четвертая причина паденія торговли, очень важная, хотя значеніе ея и преувеличивается. Этой причиной была Черная Смерть. Очень легко приписать этому событію измѣненія, вызванныя иными причинами. Еслибы не произошло этого событія, нѣтъ основанія предполагать, чтобы послѣдующее развитіе торговли было инымъ по существу. Великое бѣдствіе, повидимому, совсѣмъ не повліяло на торговую политику Эдуарда III. Цѣны 1349 года доказываютъ, что Черная Смерть повліяла на ограниченіе иностраннаго спроса на англійскіе продукты и на предложеніе заграничныхъ продуктовъ. Но по отношенію къ иностранной торговлѣ вліяніе Черной Смерти было только непосредственнымъ и временнымъ. Она не имѣла такихъ далеко идущихъ результатовъ въ этой сферѣ экономической дѣятельности, какіе дѣлаютъ ее эрой въ исторіи земледѣльческой промыш-

ленности. Паденіе торговли временно было болѣе чувствительно, чѣмъ оно было бы безъ этого событія. Но само паденіе торговли слѣдуетъ приписать не этой причинѣ, а тому факту, что склады продукта находились внѣ страны.

Французская война и торговля.

Война съ Франціей по отношенію къ торговлѣ не была исключительнымъ зломъ. Субсидіи шерстью, поставка кораблей, подчиненіе торговли требованіямъ иностранной дипломатіи, опасность путешествій, разореніе и опустошеніе Франціи, устраненіе искусныхъ рабочихъ отъ ихъ промысловъ—все это несомнѣнно было серьезнымъ препятствіемъ экономическаго развитія. Но въ другихъ отношеніяхъ страна выиграла. Фламандцы, вѣроятно, не съ такой готовностью приняли бы предложеніе Эдуарда, если бы въ ихъ странѣ не свирѣпствовали внутреннія смуты и если бы Англія не была сравнительно страной безопасности. Возможно, что тѣже причины открыли путь для развитія суконныхъ мануфактуръ въ Англіи. Захватомъ Кале (въ августѣ 1347 г.), за которымъ послѣдовало пораженіе пиратовъ въ проливѣ, Англія обезпечивала за собой торговыя выгоды, которыя до извѣстной степени перевѣшивали бѣдствія войны. Одно изъ величайшихъ препятствій для иностранной торговли состояло именно въ небезопасности пролива отъ грабежей, производимыхъ пиратами. Не малымъ выигрышемъ было превращеніе разбойническихъ гнѣздъ нѣкоторыхъ изъ этихъ грабителей въ складочныя мѣста для англійскихъ товаровъ. Рискъ торговли уменьшился и англійскіе купцы пользовались одной дорогой къ континентальнымъ рынкамъ, сравнительно безопасной. Постоянная нужда въ деньгахъ для военныхъ цѣлей имѣла чрезвычайно важныя слѣдствія въ сферѣ экономической. Она заставила Эдуарда по отношенію къ собиранію таможенныхъ пошлинъ признать необходимость надлежащей организаціи, выгоды которой были значительны, хотя его требованія и сильно истощали ресурсы страны. Эта нужда дѣлала его все болѣе и болѣе зависимымъ отъ народа и заботился ли онъ о развитіи торговли или нѣтъ—онъ былъ вынужденъ обращать вниманіе на интересы торговыхъ классовъ. Потому вообще вѣроятно, что война съ Франціей ускорила развитіе торговли, которое при обычномъ ходѣ событій затянулось бы на болѣе продолжительное время.

Торговая политика Эдуарда III.

Очевидно, что настало время для принятія новыхъ мѣръ относительно торговой политики. Торговля пала, но страна имѣла всѣ средства вступить на путь процвѣтанія. Былъ сдѣланъ опытъ обойтись безъ складовъ англійскихъ товаровъ и онъ не удался. Попытка имѣть иностранные склады повела къ неудовлетворительнымъ результатамъ. Споръ съ ганзеатическими купцами въ 1350—51 году, въ которомъ были виновны не они, а граждане Брюгге, не уменьшилъ тренія съ этимъ городомъ. Если былъ желателенъ иностранный складъ, то теперь у Англіи былъ Кале и въ интересахъ торговли

также, какъ въ интересахъ войны съ Франціей, было необходимо поддерживать дружескія отношенія съ Фландріей. Кале открывалъ легкій доступъ во Францію, а шерсть была настолько необходима для фламандскихъ ткачей, что они были вынуждены взять её у Англіи на какихъ бы то ни было условіяхъ. До тѣхъ поръ, пока складъ находился внѣ Англіи, королевскіе чиновники не могли обезпечить притокъ въ англійское казначейство богатствъ, необходимыхъ для французской войны. Такова причина проведенія важнаго ордонанса о складахъ (1353).

Ордонансъ о складахъ.

Въ этой важной мѣрѣ выразился весь характеръ торговой политики Эдуарда III; несмотря на нѣкоторыя видоизмѣненія въ теченіи послѣдующихъ лѣтъ, эта политика оставалась по существу той же въ теченіи двухсотъ лѣтъ. По поводу крупной субсидіи шерстью (1338), для вывоза шерсти была назначены особые порты Англіи; подобное распоряженіе было сдѣлано и въ новомъ указѣ. Городами складовъ и соотвѣтствующими портами были: Ньюкастль на Тайнѣ, Іоркъ и Гулль, Линкольнъ и Бостонъ, Норвичъ и Ярмутъ, Вестминстеръ и Лондонъ, Кентербюри и Сандуичъ, Винчестеръ и Саутгамптонъ, Кармартенъ, Дублинъ, Устерфордъ, Коркъ и Дрогеда. Мэръ и констебль склада, избираемые каждогодно туземными и иностранными купцами города, имѣли юрисдикцію надъ всѣми, имѣвшими отношеніе въ складу; всѣ ихъ дѣйствія по вопросамъ о долгахъ и договорахъ регулировались торговымъ правомъ, а не общимъ закономъ или обычаями города. При принятіи должности они присягали, что «будутъ вѣрно и добросовѣстно служить королю въ должности, на которую они избраны», что они «добросовѣстно будутъ относиться къ купцамъ склада, что они будутъ воздавать одинаково право всѣмъ, какъ туземцамъ, такъ и иностранцамъ на основаніи указовъ короля и его совѣта и на основаніи торговаго права». Существовало одно важное опредѣленіе для улаживанія споровъ; два иностранные купца, одинъ для сѣвера, другой для юга Англіи, избирались въ качествѣ засѣдателей для охраненія совмѣстно съ мэромъ интересовъ иностранныхъ торговцевъ. Въ судѣ присяжными должны были быть туземцы, если спорящія стороны были туземцами и иностранцы, если разбиралось дѣло иностранцевъ; если одна сторона былъ туземецъ, а другая иностранецъ, присяжные состояли изъ тѣхъ и другихъ поровну. Этотъ указъ великодушно гарантировалъ интересы иностранцевъ, но политика относительно ихъ въ царствованіе Эдуарда измѣнялась такъ часто, что мы не будемъ говорить объ другихъ опредѣленіяхъ указа. Для дѣйствительности договоровъ мэръ долженъ былъ свидѣтельствовать ихъ подъ своей должностной печатью, получая по $^1/_2$ д. за каждый контрактъ ниже 100 ф., и по 1 д. за контрактъ на высшую сумму. Всѣ купцы могли покупать и продавать товары во всѣхъ частяхъ страны съ тѣмъ, чтобы они свозились въ складъ; особыя изъятія даровались получив-

шимъ особыя свидѣтельства перевозчикамъ. Перекупка была воспрещена: въ городахъ складовъ были опредѣлены для торговли извѣстныя улицы или амбары; рента этихъ амбаровъ опредѣлялась мэромъ и констеблемъ при содѣйствіи четырехъ изъ почетныхъ гражданъ. Таможенные сборы были регулированы и для ихъ собиранія назначены особые чиновники; вывозъ золота былъ воспрещенъ всѣмъ, кромѣ иностранныхъ купцовъ, которые могли увозить часть денегъ, незатраченныхъ ими на покупку англійскихъ товаровъ. Такова была организація складовъ. Въ теченіи второй половины четырнадцатаго вѣка складочные города часто измѣнялись и отъ время до времени бывали измѣненія въ указахъ. Но общая политика, за исключеніемъ отношенія къ иностраннымъ купцамъ, оставалась неизмѣнной до потери Кале въ 1558 году, что нанесло смертельный ударъ системѣ складовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время купцами этихъ городовъ считались всѣ торгующіе извѣстными товарами и приносившіе требуемую присягу предъ королевскими чиновниками. Они составляли не столько исключительную торговую компанію, сколько административный органъ. Во время спора о торговыхъ компаніяхъ въ концѣ шестнадцатаго и въ теченіи семнадцатаго вѣковъ многіе приверженцы старой системы съ сожалѣніемъ вспоминали о сравнительно свободной торговлѣ этого времени.

Въ то время пріѣздъ иностранцевъ въ Англію былъ больше путешествій англичанъ заграницу. «Корабельщикъ» Чосера «хорошо зналъ всѣ гавани отъ Готланда до мыса Финистере и всякій ручеекъ въ Бретани и Испаніи». Но онъ не уѣзжалъ далеко отъ дома. Англійскіе купцы, впрочемъ, посѣщали фландрскія ярмарки; они бывали и въ Средиземномъ морѣ; но въ теченіе описываемаго періода большая часть торговли находилась въ рукахъ компаній иностранныхъ купцовъ. Наиболѣе значительной изъ этихъ компаній была Ганза, имѣвшая обширную провинціальную организацію въ Англіи. Ганза была такъ могущественна, что въ 1348 году жаловались, что одинъ изъ ганзеатическихъ купцовъ скупилъ весь свинецъ, добытый въ Корнвилисѣ въ теченіи этого года. Фландрскія галеры выходили изъ Венеціи и періодически посѣщали Англію, куда привозили венеціанскіе товары и произведенія Персіи и Индіи, а въ замѣнъ забирали туземные товары. Такимъ образомъ иностранные товары всякаго рода появлялись на большихъ англійскихъ ярмаркахъ, откуда и распространялись по всей странѣ. Восточные продукты, итальянскій шелкъ и бархатъ, стекло, мѣха и янтарь изъ сѣверовосточной Европы, тонкое бѣлье и сукно изъ фламандскихъ городовъ, вина Гаскони, Испаніи и Греціи, жернова и свѣчи изъ Парижа, желѣзо изъ Норвегіи и Испаніи, ртуть изъ Испаніи и Трансильваніи и разные другіе товары покупались и продавались въ Англіи.

Во время царствованія Ричарда II замѣчаются признаки появленія

«меркантильной системы», господствовавшей въ торговомъ мірѣ отъ временъ Елизаветы до изданія знаменитаго сочиненія Адама Смита. Мы уже говорили о подчиненіи торговли дипломатіи. При Ричардѣ II мы встрѣчаемся съ первымъ «навигаціоннымъ актомъ», который несомнѣнно былъ необходимъ въ силу вредныхъ для флота слѣдствій системы Эдуарда захвата частныхъ кораблей. Черезъ нѣсколько лѣтъ этому закону подражали и въ Шотландіи; но цѣль его не была достигнута, можетъ быть отъ недостатка средствъ для исполненія закона, но вѣроятнѣе потому, что для подобнаго эксперимента еще не настало время. Правительство не могло создать сильный торговый флотъ простымъ парламентскимъ актомъ, дающимъ монополію англійскимъ корабельщикамъ съ исключеніемъ иностранцевъ. Иностранные купцы продолжали появляться въ Англіи и увозить товары страны. Но все же зависть къ иностраннымъ купцамъ нашла выраженіе въ нѣкоторыхъ парламентскихъ актахъ, хотя мѣры противъ нихъ время отъ времени сильно измѣнялись; со стороны торговаго класса замѣчается систематическое стремленіе уничтожить политику Эдуарда III, въ цѣломъ бывшую благопріятной для иностранцевъ. Вліяніе такого измѣненія ясно сказалось въ пятнадцатомъ вѣкѣ.

При просмотрѣ книги статутовъ получается такое впечатлѣніе, что торговля во второй половинѣ четырнадцатаго вѣка была настолько подавлена нелѣпыми распоряженіями, что развитіе ея было почти невозможнымъ. Но мѣропріятія того времени были результатомъ практическихъ усилій людей, не руководившихся никакой теоріей, бороться съ затрудненіями. Эдуардъ III при опредѣленіяхъ для регулированія торговли совѣтовался съ купцами. Нѣкоторыя изъ мѣръ не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія современной экономической науки. Но нужно помнить, что условія всѣхъ экономическихъ вопросовъ измѣнились съ того времени. Въ дѣйствительности оказывается, что торговля была свободнѣе, чѣмъ представляется съ перваго взгляда. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ торговцы получали то, что въ вѣкъ беззаконія и дикости важнѣе свободы, т. е. безопасность. Если собрать изъ статутовъ Эдуарда III всѣ тѣ опредѣленія, которыя имѣли въ виду защиту собственности, уничтоженіе пиратства и контробанды, обезпеченіе честности въ отношеніяхъ между людьми, то количество опредѣленій, возбуждающихъ возраженія, окажется не особенно значительнымъ.

Городская жизнь въ Англіи.

Флетчера.

Въ періодъ, слѣдовавшій за Черной Смертью, въ городской жизни произошло мало видимыхъ измѣненій. Было уже установленнымъ дѣ-

ломъ, что Англія есть королевство въ такомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ въ то время не была королевствомъ ни одна страна въ Европѣ. Опасности, что Лондонъ сдѣлается государствомъ въ государствѣ, какимъ были Венеція и Флоренція среди того «географическаго выраженія», какимъ была Италія, опасности, что пять портовъ составятъ союзъ столь же независимый отъ Вестминстерскаго правительства, какимъ была Ганза въ Священной Римской имперіи, болѣе уже не было. Но съ внѣшней стороны между двумя родами муниципалитетовъ было мало разницы. Почти вездѣ въ Европѣ муниципальныя формы были одинаковы; граждане Лондона пользовались большими полномочіями, чѣмъ граждане Нюренберга. Въ Германіи наврядъ ли было возможно, чтобы глава имперіи, въѣзжая со свитой рыцарей въ Любекъ и Аусбургъ и отправивъ впередъ своего маршала или управляющаго своего двора выбрать жилища для своей свиты въ домахъ гражданъ посредствомъ простого процесса постановки на дверяхъ домовъ креста мѣломъ, нашелъ эти кресты стертыми и «людей и сержантовъ съ лошадьми и сбруей» выдворенными насильственно, «потому что это противно привиллегіямъ города». Именно это случилось въ Лондонѣ за нѣсколько лѣтъ до Черной Смерти; лондонскій шерифъ былъ преданъ за «оказанное презрѣніе» королевскому суду, но былъ торжественно оправданъ; и было установлено, что «на будущее время мэръ и граждане будутъ пользоваться такой же свободой отъ постоя въ сказанномъ городѣ, какой пользовались ихъ предшественники».

Муниципальная свобода.

Право регулированія промысловъ и ремеслъ, повидимому, тоже находилось всецѣло въ рукахъ муниципалитетовъ и только въ 16 вѣкѣ былъ сдѣланъ опытъ созданія ремесленныхъ гильдій и выраженъ въ парламентскихъ актахъ, обязательныхъ для всего королевства—такъ какъ къ этому времени всѣ городскіе обычаи сдѣлались однообразными. Но таможенныя пошлины, ввозныя и вывозныя, и контроль надъ торговлей шерстью были уже національнымъ дѣломъ; города постоянно подавали королю петиціи о позволеніи собрать новыя заставныя пошлины при ихъ воротахъ и мостахъ и часто получали отказы. Въ особенности чеканка монеты была въ Англіи не частнымъ, а совершенно національнымъ дѣломъ, какимъ она не была нигдѣ на континентѣ. Покойный профессоръ Фриманъ въ одной изъ своихъ замѣчательныхъ рѣчей въ Археологическомъ обществѣ былъ совершенно правъ, утверждая, что «исторія Эксетера менѣе важна, чѣмъ исторія Нюренберга только потому, что исторія Англіи важнѣе исторіи Германіи». И это дѣйствительно такъ: какъ ни были ничтожны въ описываемый нами періодъ всѣ англійскіе города, за исключеніемъ Лондона, по сравненію съ германскими, итальянскими и даже южнофранцузскими городами, они уже тогда готовились къ своей дѣятельной роли въ англійской національной жизни. Благодаря французскимъ вой-

намъ Эдуарда III и постоянной нуждѣ въ деньгахъ, благодаря также огромному развитію торговли шерстью, въ которой англичане были монополистами, эта роль должна была быть значительной.

Порты Англіи.

Вся торговая и промышленная жизнь Англіи сосредоточивалась тогда въ городахъ, расположенныхъ по восточнымъ и южнымъ берегамъ отъ Уаша до мыса Корниваллискаго. Къ сѣверу отъ этаго пояса находились Гулль, Ньюкастль и спорный городъ Бервикъ на Твидѣ, славившійся самымъ длиннымъ мостомъ въ Англіи. Кстати—этотъ мостъ часто перестраивался, отчасти въ силу постоянныхъ наводненій Твида, а частію вслѣдствіе пограничныхъ войнъ; бывали времена, когда онъ оставался долгое время разрушеннымъ и «шести стрѣлкамъ, стерегущимъ въ Бервикѣ мостъ на Твидѣ» выдавалось каждый день по «получетверти гороху». Въ 1347 году король разрѣшилъ для перестройки моста собирать по шести пенсовъ съ каждаго корабля, входящаго въ гавань. Къ западу отъ вышеупомянутой линіи находился большой Бристольскій портъ и нѣсколько менѣе значительная Мильфордская гавань; оба эти порта были мѣстомъ отправленія кораблей въ Ирландію и отчасти къ св. Іакову де Компостелла. На основаніи грамоты Эдуарда III (1373) Бристоль былъ сдѣланъ графствомъ, потому что граждане жаловались, что они отчасти подлежатъ юрисдикціи шерифа Глочестершира, а отчасти шерифа Сомерсета, потому обязаны посѣщать графскіе суды, ассизы и слѣдственные суды въ Глочестерѣ и Ильчестерѣ, къ значительной невыгодѣ для себя, и просили, чтобы Бристоль не отягощали посылкой въ парламентъ больше, чѣмъ двухъ человѣкъ—что было результатомъ принадлежности Бристоля къ двумъ графствамъ—странный примѣръ пренебреженія нашихъ предковъ къ великой привиллегіи контролировать королевское управленіе.

Настоящая городская жизнь въ Англіи 14 вѣка сосредоточивалась въ мѣстности между Линномъ и Фальмутомъ. Здѣсь находились пять Портовъ, превратившихся въ значительную конфедерацію соединенныхъ городовъ, окруженныхъ своими старыми стѣнами, поддерживающихъ суровый, иногда тираническій контроль надъ мелкими городками конфедераціи и ревниво охранявшихъ свои права ярмарокъ и рынковъ, и оставшихся дѣйствительнымъ ядромъ морской силы Англіи. Темза, какъ серебряный клинъ вогнанный въ центръ этой береговой полосы, отдѣляла восточные города отъ Пяти Портовъ и ихъ западныхъ пригородовъ. На Темзѣ въ предѣлахъ юрисдикціи лорда мэра и лондонскихъ альдерменовъ отъ Стенса до Янтлеть-Крикъ ярмутскіе рыбаки и сандунческіе моряки могли встрѣчаться, не проламывая другъ другу головъ, чѣмъ они частенько занимались на менѣе нейтральныхъ земляхъ и берегахъ.

Лондонская жизнь въ 14 столѣтіи.

Попытаемся представить себѣ городскую жизнь въ Лондонѣ въ 14 вѣкѣ. Глиняные и деревянные дома начали уступать мѣсто каменнымъ и даже кирпичнымъ — лицамъ, строившимъ изъ этихъ но-

выхъ матеріаловъ давались привилегіи. Къ прежнимъ одноэтажнымъ домамъ присоединялись теперь верхніе этажи, называемые Solars. Они употреблялись какъ спальни, хотя мы не встрѣчаемъ еще упоминанія о parlours или говорильняхъ, т. е. комнатахъ, гдѣ богатый купецъ принималъ покупателя и разсуждалъ съ нимъ о дѣлахъ въ 15 вѣкѣ. Лавочка (Shop) часто еще находилась въ амбарѣ внѣ самаго дома, а товары, разложенные днемъ на прилавкѣ или повѣшенные на окнахъ, на ночь запирались въ погребъ. Въ Solar входили по деревянной и иногда по каменной лѣстницѣ снаружи. Громадныя вывѣски помѣщались не ниже, чѣмъ на девять футовъ надъ уровнемъ улицы, чтобы подъ ними могъ безопасно проѣхать человѣкъ верхомъ на лошади. Даже при такой высотѣ при вѣтрѣ это было, вѣроятно, не особенно пріятно. Тротуаровъ не было, но дорога была поднята по срединѣ, по краямъ находились канавы (kennels—canallos), по которымъ, какъ предполагалось, должна стекать уличная грязь. До описываемаго нами времени обязанности метельщиковъ улицъ исполняло полезное домашнее животное, свинья; но теперь было издано распоряженіе, чтобы свиней не выпускать на улицы и въ переулки города и предмѣстій, всякій, встрѣтившій ихъ, можетъ ихъ убить, но собственникъ имѣетъ право преимущественной покупки за четыре пенса. Кто желаетъ откармливать свинью, долженъ кормить ее у себя дома (Lib. Alb. 235). Въ то время существовали самыя мелочныя опредѣленія относительно цѣнъ, учениковъ и вообще промысловъ всякаго рода; лордъ мэръ и альдермены пользовались почти неограниченной властью во всѣхъ сферахъ городской жизни. Обязанности альдермена, должно быть, были очень не легки тогда. Онъ постоянно былъ обязанъ ходить по городу и провѣрять мѣру, вѣсъ и винную посуду, долженъ былъ измѣрять ale stakes, т. е. длинные столбы, укрѣпленные надъ дверями безчисленныхъ таверенъ, чтобы они не были больше установленныхъ девяти футовъ; долженъ былъ осматривать рыбачьи сѣти, чтобы ихъ отверстія были по крайней мѣрѣ въ два дюйма: долженъ былъ наблюдать, чтобы рыбаки не употребляли садковъ, бредней и крючьевъ (gorce, chotnet, Shofnet, nor kidel). Часто ему приходилось играть роль полисмена и арестовать людей, которые были такъ смѣлы, что бродили съ мечомъ или щитомъ или съ другимъ оружіемъ ради совершенія зла ночью по улицамъ города послѣ того, какъ прозвонятъ въ колоколъ у св. Мартина Великаго и у св. Лаврентія и въ церкви Беркингъ (All-Hallows' Barking); онъ долженъ былъ въ это время запирать пивныя и кабаки, и смотрѣть, чтобы тамъ не остались на ночь какія либо подозрительныя лица. Свидѣтельствованіе матеріаловъ, употребляемыхъ пекарями на основаніи «хлѣбныхъ ассизовъ» было серьезнымъ дѣломъ для городскихъ властей. Напримѣръ легкій хлѣбъ, называемый пуфъ (pouf), долженъ быть такой же закваски и вѣсу, какъ и обыкновенный хлѣбъ; хлѣбъ Господень (panis

dominicus—такъ называемый потому, что на немъ было изображеніе Спасителя) долженъ былъ вѣсить за полпенни столько же, сколько вѣсилъ обыкновенный хлѣбъ въ фартингъ. Не вполнѣ понятно, почему наши предки, выпивавшіе такое огромное количество пива, оставляли пивовареніе въ Сити — и повидимому и въ другихъ городахъ также—въ рукахъ женщинъ, продававшихъ на мѣстѣ вываріваемое ими пиво. Это дѣло считалось низкимъ занятіемъ и горе было той пивоваркѣ, которая нарушала «пивные ассизы». Послѣ нѣсколькихъ штрафовъ, ее выставляли къ позорному столбу въ Уэстчепѣ, гдѣ пьяная чернь, вѣроятно, не была къ ней особенно милостива. Окна домовъ въ это время были по большей части уже стеклянныя. Эдуардъ III далъ хартію гильдіи стекольщиковъ, но камины были еще роскошью, доступной только богачамъ.

Топографія стараго Лондона.

Паули въ своихъ «Картинахъ старой Англіи» указываетъ, что въ древнемъ Лондонѣ естественное поднятіе почвы имѣло большія слѣдствія, чѣмъ въ настоящее время, когда мы едва замѣчаемъ, что соборъ св. Павла стоитъ на дѣйствительно довольно высокомъ холмѣ и что Флитъ Стритъ когда то перерѣзывалась значительной рѣкой, по которой плавали барки. Наши предки на теперешнемъ планѣ города можетъ быть узнали бы Чипсайдъ, Корнгилль, Линденгалль Стритъ, улицу Темзы и Грэсчерчъ Стритъ. Огромный мостъ съ двадцатью арками былъ конченъ въ царствованіе короля Іоанна; о немъ говорили, какъ объ одномъ изъ чудесъ міра; на немъ была улица изъ лавокъ, по срединѣ его подъемный мостъ, гдѣ собирались пошлины съ иностранныхъ кораблей, проходившихъ въ маленькую верфь Кингайта и надъ ними возвышался Тоуэръ съ мрачными останками измѣнниковъ, прикрѣпленными къ пикамъ; онъ былъ мѣстомъ любопытной дуэли между Линдсеемъ графомъ Кравфордомъ и лордомъ Уэллесомъ, посланникомъ при шотландскомъ дворѣ—въ 1390 году. Этотъ послѣдній, которому пришлось проѣхать все королевство съ охраннымъ листомъ Ричарда II, заслуживалъ побѣды и побѣдилъ. Но лондонскій мостъ тоже постоянно нуждался въ исправленіяхъ и Эдуарды неоднократно для поддержанія его прибѣгали какъ къ прямому обложенію, такъ и къ добровольнымъ подпискамъ. Естественно, что стремленіе города расширяться къ западу въ направленіи къ аббатству, гдѣ засѣдали и суды и парламентъ и къ югу къ Сюррейскимъ холмамъ (едва-ли менѣе важныя занятія медвѣжьей силой, пѣтушиными боями и другими менѣе фешенебельными забавами главнымъ образомъ ограничивались Соутваркомъ; лицъ съ дурной репутаціей обыкновенно выселяли изъ Сити и заставляли ихъ платить лодочникамъ за перевозъ)—проявлялось постоянно, хотя непрерывно идутъ жалобы на непроходимость дороги отъ Темпля до Вестминстера. Въ царствованіе Эдуарда III для исправленія дороги была установлена особая пошлина на всѣ ввозимые въ Сити товары, нѣчто въ родѣ октруа. Отъ Лон-

донскаго моста шла большая дорога къ западу и дорога къ континенту, по которой Кентербюрійскіе богомольцы Чосера ѣхали отъ Таббардъ Иннъ въ Соутваркѣ. Столь же почти значительная дорога въ Вальсингамъ въ Норфолькѣ шла отъ восточныхъ воротъ Сити. Такъ какъ эти два мѣста поклоненія пользовались европейской репутаціей, то по этимъ дорогамъ очевидно ѣздили не одни англичане. Жюссеранъ цитируетъ декретъ венеціанскаго сената, позволяющаго Лоренцо Контарини посѣтить изъ Сандуича мощи св. Ѳомы, пока венеціанскія галеры стоятъ въ этомъ портѣ, но онъ долженъ былъ вернуться на свой корабль въ тотъ же день.

Провинціальные города.

Если другіе города въ 14 вѣкѣ и отставали отъ Лондона по блеску и размѣрамъ торговли, то они представляли довольно точную его копію въ ихъ внѣшней и внутренней жизни. Тѣ же мелочныя опредѣленія для надзора надъ всякимъ отъ колыбели до гроба, таже публичность жизни (полное отсутствіе настоящей домашней жизни было, вѣроятно, самымъ серьезнымъ неудобствомъ городской жизни въ средніе вѣка), тоже внѣшнее подчиненіе церковнымъ правиломъ, тотъ же тайный ростъ скептицизма по отношенію къ этимъ правиламъ, который мы видимъ въ добродушной буржуазной насмѣшкѣ Чосера или въ болѣе серьезныхъ нападеніяхъ послѣдователей Виклифа. Церкви Сандуича и Винчельсея, св. Николая въ Ярмутѣ и св. Николая въ Ньюкестлѣ въ 14 вѣкѣ были знамениты по своему великолѣпію; декорированный стиль достигъ въ то время полнаго своего развитія; но духъ единства и братства, оживлявшій прежнихъ строителей этихъ храмовъ, уже исчезъ. Борьба различныхъ монашескихъ орденовъ: монаховъ, черныхъ и бѣлыхъ фріаровъ, пустынниковъ, пардонёровъ и пиллигримовъ разрушали идеальное единство и разрывали незапятнанныя ризы церкви. Въ мірскихъ городскихъ дѣлахъ замѣчалось тоже. На развалинахъ старой купеческой гильдіи, когда то охватывавшей всѣ торговыя и промышленныя общества каждаго города, появились отдѣльные цехи. Муниципальныя и парламентскія права голоса оставались пока почти во всѣхъ случаяхъ въ рукахъ всѣхъ горожанъ, но недалеко уже было время «грамотъ и корпорацій». Когда настало это время, городами управляла узкая олигархія.

Общественная жизнь.

Иностранная торговля и путешествія.

Торговля Англіи постоянно увеличивалась, несмотря на трату людей и денегъ во время непрерывныхъ войнъ съ Франціей и Шотландіей и ужасное опустошеніе, произведенное Черной Смертью, вслѣдствіе котораго въ Лондонѣ пришлось устроить лишнее кладбище зна-

чительныхъ размѣровъ; имъ было занято поле близъ Восточнаго Смитфильда и Spittle Croft—болѣе тридцати акровъ близь Чартергоузъ, гдѣ (по вычисленію несомнѣнно преувеличенному) въ одинъ годъ было зарыто болѣе 50.000 тѣлъ. Такое увеличеніе торговли тѣмъ болѣе любопытно, если принять во вниманіе, что морскія лодки были небольшія и знаніе географіи весьма неудовлетворительно. Тѣмъ не менѣе географическія знанія все же увеличивались, такъ какъ это было время путешествій Марко Поло, Одорика и англичанина Джона Маундевиля. Сомнѣвались въ существованіи послѣдняго; но во всякомъ случаѣ его книга Voiage and Travayle была еще популярнѣе во всей Европѣ, чѣмъ книга Марко Поло; она содержала всѣ географическія свѣдѣнія тогдашняго цивилизованнаго міра. Маундевиль разсказываетъ, что онъ оставилъ Англію въ 1322 году и отсутствовалъ тридцать четыре года, въ это время онъ путешествовалъ по Малой Азіи, Арменіи, Татаріи, Персіи, Сиріи, Аравіи, Верхнему и Нижнему Египту, Халдеѣ, въ большей части Эфіопіи, Амазоніи, Нижней Индіи и большей части Верхней Индіи и на сосѣднихъ островахъ.

Mappa Mundi.

Нужно отдать ему справедливость—онъ не говоритъ, что самъ видѣлъ всѣ тѣ чудеса, о которыхъ разсказываетъ, какъ о существующихъ въ тѣхъ странахъ, которыя онъ посѣтилъ; онъ говоритъ только, что слышалъ о нихъ: одноглазые люди, люди безъ носовъ, люди съ головами ниже плечъ и Sciapodae—люди, у которыхъ только одна нога, на «которой они ходятъ такъ быстро, что удивительно и эта нога такъ велика, что ея тѣнь закрываетъ все тѣло отъ солнца или дождя, когда они ложатся на спину»—все это просто остатки басень Аристотеля и Плинія. Что такія басни пользовались полнымъ довѣріемъ, легко видѣть, посмотрѣвъ на карты тринадцатаго или четырнадцатаго вѣка, извѣстный образчикъ которыхъ представляетъ Mappa Mundi, сохранившаяся въ Герефордскомъ соборѣ. Эта карта не старше 1314 года, потому что при разграниченіи Франціи и БургундіиЛіонъ показанъ на французской территоріи, а онъ присоединенъ къ Франціи только 30 апрѣля 1313 года; другія доказательства тоже подтверждаютъ это. На этой картѣ сирена занимаетъ большую часть Средиземнаго моря, близъ Александріи центавры, близъ Чернаго моря фениксъ, на Нилѣ огромный летящій драконъ.—Salamandra dracon venenos —и къ счастію, рядомъ съ чудовищемъ растетъ его антидотъ, мандрика—растеніе, похожее на человѣческое существо и кричащее, когда его вынимаютъ изъ земли. Въ Африкѣ тоже изображены всѣ чудовища, о которыхъ разсказываетъ Маундевиль.

По отношенію къ этимъ старымъ картамъ любопытно замѣтить, что онѣ всѣ изображаютъ кругъ и что на нихъ Іерусалимъ представленъ въ центрѣ вселенной. Далѣе весь обитаемый міръ заключенъ въ кругѣ, радіусъ котораго идетъ отъ Іерусалима до Геркулесовыхъ Столбовъ или Гибралтарскаго пролива и востокъ помѣщенъ

тамъ, гдѣ у насъ сѣверъ. На этой Герфордской картѣ Шотландія островъ, а Британскіе острова, чрезмѣрно большіе, помѣщены въ юговосточной части карты. Въ Англіи городовъ очень немного и только одна горная цѣпь – горы Шропшира; вообще это гораздо болѣе фантастическое изображеніе, чѣмъ вспомогательное средство для географіи или мореплаванія.

Большихъ путешествій вообще не дѣлали, хотя береговая торговля была довольно развита; при дурномъ состояніи сухопутныхъ дорогъ это было лучшимъ способомъ перевозки. Увеличивалась торговля углемъ и «катты» (cattes—такъ назывались суда для перевозки угля) Уиттингтона и другихъ дѣлали хорошія дѣла. Стоу упоминаетъ объ употребленіи угля по такому поводу: въ этомъ году 1306 по случаю разныхъ жалобъ духовенства и дворянства лондонскому Сити относительно непріятности и опасности заразы отъ запаха сожиганія угля, который употребляютъ теперь кузнецы въ Соутваркѣ, Ваппингѣ и Восточномъ Смитфильдѣ для работы подковъ и прочаго, такъ какъ этотъ уголь дешевъ и они не употребляютъ дровъ и древеснаго угля, король приказалъ мэру и шерифамъ объявить, чтобы всѣ эти кузнецы перестали жечь каменный уголь и дѣлали свои издѣлія на такомъ деревянномъ и угольномъ топливѣ, которое употреблялось раньше». Но это объявленіе не имѣло силы и 11 іюля 1369 года были избраны четыре человѣка для надзора за каменнымъ углемъ, привозимымъ въ лондонское Сити и они присягали, что будутъ хорошо и добросовѣстно вѣсить привозимый уголь и получать за свой трудъ какъ обычно изстари.

Значительная торговля велась съ Франціей, Фландріей, Германіей (Almaine), Италіей и Венеціей; нѣкоторые полагали, что эта торговля не всегда была выгодна для Англіи.

Пираты производили страшныя опустошенія и англійскіе корабельщики въ свою очередь нападали въ видѣ репрессалій на норвежцевъ, пруссаковъ, фламандцевъ, шотландцевъ, испанцевъ и генуэзцевъ—но наши собственные берега были довольно беззащитны отъ вторженій иностранцевъ; въ сущности, только въ царствованіе Генриха V они были безопасны отъ нападенія и наши купеческіе корабли могли безопасно плавать, потому что онъ былъ первымъ изъ англійскихъ государей, имѣвшихъ достаточно сильный военный флотъ. Пираты.

Нѣсколькими смѣлыми штрихами Чосеръ рисуетъ моряка, кое какъ ковыляющаго на клячѣ (rouncy), въ плащѣ, доходящемъ до колѣнъ и кончаетъ свое описаніе похвалой его свѣденіямъ о ближайшихъ берегахъ: «Онъ хорошо зналъ всѣ гавани отъ Готланда до мыса Финистере и всякій ручеекъ въ Бретани и Испаніи».

Шерсть и сукно были главными предметами вывоза и объектомъ законодательной дѣятельности. Вывозилось также и олово; въ Девонширѣ съ выгодой работали серебряные рудники. Въ Англіи жило

не мало иностранныхъ торговцевъ: фламандцевъ, ломбардцевъ и генуэзцевъ—ломбардцы наживали такія большія деньги, что имъ сильно завидовали, такъ что между ними и горожанами случались столкновенія, можетъ быть въ силу того, что они взимали очень большіе проценты; такъ мы видимъ изъ отчета опекуна въ 1374 году, что онъ занималъ деньги, израсходованныя имъ на опекаемаго, и платилъ за фунтъ по четыре шиллинга, «по обычаю Сити».

Обѣды лорда мэра.

Наши купцы тоже богатѣли; но никогда, ни раньше, ни послѣ, мэръ не угощалъ одновременно четырехъ королей до банкета, даннаго государямъ въ 1814 году. Но уже въ 1357 году Генрихъ Пикардъ, мэръ, роскошно угощалъ короля Эдуарда III, Іоанна французскаго, Давида шотландскаго и короля Кипрскаго, кромѣ всѣхъ сыновей короля (за исключеніемъ бывшаго въ то время во Франціи Чернаго Принца) и свиты всѣхъ этихъ королей.

«И потомъ сказанный Генрихъ Пикардъ открылъ свой домъ всѣмъ приходящимъ, которые желали играть въ кости и азартныя игры. Такимъ же образомъ открыла свои покои и лэди Маргарита, его жена. Король Кипрскій игралъ съ Генрихомъ Пикардомъ въ его залѣ и выигралъ у него пятьдесятъ марокъ; но Генрихъ, бывшій очень искустенъ въ этомъ дѣлѣ, выигралъ отъ этого самаго короля тѣже пятьдесятъ марокъ и еще пятьдесятъ, и когда король пришелъ въ дурное расположеніе духа, хотя и скрывалъ это, Генрихъ сказалъ ему: государь мой и король, не огорчайтесь—я не желаю вашихъ денегъ, а только желаю играть съ вами; потому что я пригласилъ васъ сюда не затѣмъ, чтобы разгнѣвать васъ, а затѣмъ, чтобы между прочимъ испытать вашу игру. И отдалъ ему деньги назадъ и щедро одарилъ свиту своими собственными деньгами; кромѣ того онъ далъ много богатыхъ подарковъ королю и другимъ вельможамъ и рыцарямъ, обѣдавшимъ съ нимъ, къ великой славѣ лондонскихъ гражданъ».

Но это было исключеніе, какъ исключеніемъ былъ Уиттингтонъ въ слѣдующее царствованіе. Чосеръ слѣдующимъ образомъ рисуетъ обыкновеннаго купца:

„Тутъ былъ купецъ съ раздвоенной бородкой
Въ нанковомъ сюртукѣ. и онъ сидѣлъ на лошади,
А на головѣ его была фландрская бобровая шапка.
Сапоги его были чисты и блестѣли—
Онъ излагалъ свои резоны очень торжественно.
И всегда старался увеличить свои барыши.
Онъ хотѣлъ бы, чтобы его защищали
Отъ Миддельбурга до Оревеля.
Въ обмѣнъ онъ могъ всегда дать французскія кроны (Sechides).
Этотъ достойный человѣкъ умѣлъ пользоваться своимъ положеніемъ
И не показать виду, что онъ въ долгахъ,
Такъ ловко и умѣло онъ договаривался и занималъ деньги".

Съ торговлей появилось и просвѣщеніе и это въ соединеніи съ

налогами, обусловливаемыми постоянными войнами, въ особенности съ двумя подушными податями—первой 51 года Эдуарда III въ 4 д. на каждаго, достигшаго четырнадцатилѣтняго возраста и второй 4 годъ Ричарда II въ три грота на каждаго мірянина — породили недовольство среди рабочихъ классовъ и послужили поводомъ къ народному возстанію подъ предводительствомъ Вата Таймора и Жака Страу.

Преступленія и наказанія.

Сравнительно съ настоящимъ временемъ количество преступленій было не особенно велико и въ отчетахъ Сити мы встрѣчаемъ немногія указанія о нихъ. Убійство, мошенничество, грабежъ на большой дорогѣ и крупное воровство наказывались повѣшеніемъ; за подлогъ наказывали позорнымъ столбомъ, тому же наказанію подлежалъ обманъ: но иногда преступниковъ сажали въ тюрьму или забивали въ колодки. За первое преступленіе нарушенія клятвы преступникъ становился на высокій стулъ—coram populo и сознавался въ своей винѣ, за второе ставился къ позорному столбу. За ложь и клевету привязывали къ шеѣ мельничный жерновъ и тоже ставили къ позорному столбу. Женщину за кражу ребенка поставили въ thewe—позорный столбъ спеціально для женщинъ; тоже наказаніе полагалось за порчу мѣръ при продажѣ напитковъ, за продажу гнилыхъ съѣстныхъ продуктовъ, за сводничество и за ложное обвиненіе. Тому же наказанію была въ 1375 году подвергнута одна лэди, по имени Алиса Шетеръ (Рилей: «Мемуары»), «обвиненная въ томъ, что она ругательница, такъ что всѣ живущіе вблизи сосѣди были оскорблены и терпѣли непріятности отъ ея ругательствъ и злостныхъ словъ; она сѣяла среди нихъ зависть, несогласіе и вражду и постоянно клеветала, оскорбляла и колола нѣкоторыхъ изъ нихъ, не щадя ни богатаго, ни бѣднаго, къ великому вреду живущихъ тутъ личностей и противно распоряженіямъ Сити».

Въ 1380 году въ Гильдголлѣ предъ мэромъ, альдерменами и шерифами разбиралось курьезное дѣло, когда были приведены два человѣка:

«И ихъ спросили, достаточно ли они сильны, чтобы заработать себѣ на хлѣбъ и одежду и могутъ ли они говорить, и они, Джонъ Вардъ и Ричардъ Линдгамъ, притворились нѣмыми и лишенными языка и ходили по разнымъ мѣстамъ Сити, а въ рукахъ у нихъ двѣ пивныя мѣры, желѣзный крюкъ и щипцы и кусокъ кожи въ формѣ языка, по краямъ обложенный серебромъ, и съ надписью вокругъ: «это языкъ Джона Варда»; и вооруженные такими снарядами, различными знаками они давали встрѣчнымъ понять, что они торговцы, въ знакъ чего и носили сказанныя мѣры, и что разбойники ограбили ихъ и что этимъ крючкомъ у нихъ вытащили языки, а потомъ обрѣзали ихъ щипцами; они производили ужасный шумъ, подобный реву, и открывали рты и всѣмъ, разсматривавшимъ ихъ казалось, что языки

у нихъ отрѣзаны—и это было вредомъ для другихъ бѣдныхъ и больныхъ и яснымъ обманомъ всего народа».

Они сознались въ обманѣ и были приговорены къ заключенію въ Ньюгетѣ впредь до распоряженія и были выставлены къ позорному столбу въ три дня, по часу каждый день.

Позорнымъ же столбомъ наказывались обманъ фальшивыми картами и костями, оскорбленіе словами мэра, продажа гнилой рыбы, выдаванье себя за лекаря, колдовство, занятіе магіей и предсказаніемъ; всякій, выдающій себя за нищаго, получившаго разрѣшеніе просить милостыню, наказывался забиваньемъ въ колодки.

Религіозная драма.

Въ это время еще не было настоящей драмы, но давались драмы религіозныя, miracle—какъ ихъ называли. Первой, о которой упоминается, была Ludus de S. Katharine, которую заставилъ играть въ Дунстеблѣ около 1100 года Жоффри, бывшій послѣ аббатомъ св. Альбанса. Эта пьеса не дошла до насъ, но Матью Парисъ, писавшій около 1240 года, упоминаетъ о ней, какъ о пьесѣ того рода», который мы обыкновенно называемъ miracula». Фицъ Стефенъ, писавшій за пятьдесятъ лѣтъ раньше, говоритъ: «Лондонъ вмѣсто старыхъ театральныхъ зрѣлищъ и развлеченій сцены имѣетъ представленія болѣе благочестивыя: или представленія тѣхъ чудесъ, которыя совершены святыми исповѣдниками или представленія страстей и страданій, въ коихъ мученики проявили свою твердость». Неизвѣстно относилось ли распоряженіе 1258 года въ Annales Burtonenses къ бродячимъ актерамъ или фокусникамъ, плясунамъ, музыкантамъ или миннестрелямъ; но выраженія достаточно ясны: «позволено давать актерамъ пищу, потому что они бѣдны, а не потому что они актеры; но ихъ представленій не слѣдуетъ ни смотрѣть, ни слушать и не слѣдуетъ позволять имъ играть предъ аббатомъ или монахами».

Развлеченій въ четырнадцатомъ вѣкѣ было не много, и въ числѣ ихъ были эти представленія. Авторъ «Вѣры Петра Пахаря» говоритъ: «Мы не посѣщаемъ кабачковъ и пивныхъ на рынкахъ и мираклей—мы этимъ никогда не занимаемся».

«Женщина изъ Бата» Чосера говоритъ о нихъ: «Я посѣщаю вечерни и процессіи, проповѣди и богомолья, чудесныя драмы и свадьбы».

Несомнѣнно, что миракли представлялись на сценѣ, такъ такъ въ «Разсказѣ мельника» говорятся: «иногда, чтобы показать свою ловкость и мастерство, онъ игралъ на подмосткахъ Ирода».

Мы не имѣемъ современнаго описанія этихъ подмостковъ или сцены, но архидіаконъ Рожерсъ, писавшій въ шестнадцатомъ столѣтіи о представленіяхъ въ Честерѣ, говоритъ:

«Всякая компанія (актеровъ) имѣетъ свои повозки и эти повозки представляютъ высокія подмостки въ двѣ комнаты: верхнюю и нижнюю, на четырехъ колесахъ. Въ нижней они одѣваются, а въ верх-

ней комнатѣ играютъ; сверху пространство открыто, такъ что всѣ зрители могутъ видѣть и слышать ихъ. Мѣста, гдѣ они играютъ, были на всѣхъ улицахъ. Они начали у воротъ аббатства и когда сыграли тамъ, то отвезли сцену до высокого креста предъ мэромъ и такъ во всѣ улицы; и на каждой улицѣ раньше ихъ уже были актеры, пока не были сыграны всѣ пьесы, назначенныя на этотъ день и когда кончалось одно представленіе, то извѣстіе передавалось съ одной улицы въ другую, такъ чтобы въ замѣнъ начинали другое представленіе, съ замѣчательнымъ порядкомъ и на всѣхъ улицахъ все время такимъ образомъ шли представленія; видѣть эти пьесы было большимъ утѣшеніемъ, а также и подмостки и сцены на улицахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они рѣшили играть свои пьесы». (M. S. Harl. цит. Райтомъ: «Chester Plays»).

Живопись

Иллюминаціи псалтырей и т. п. этого вѣка указываютъ, что англичане были не плохими художниками и могли соперничать съ своими собратьями на континентѣ; остатки на стѣнахъ церквей доказываютъ, что они были превосходными рисовальщиками. До насъ дошелъ одинъ несомнѣнно подлинный портретъ Ричарда II, вѣроятно одинъ изъ древнѣйшихъ портретовъ въ Англіи.

Онъ нарисованъ на огромномъ кускѣ дуба, составленномъ изъ искусстно соединенныхъ небольшихъ планокъ и обыкновенно висѣлъ сзади мѣста лорда канцлера на южной сторонѣ Вестминстерскаго аббатства. Онъ оставался тамъ до 1775 года, когда его сняли, такъ какъ онъ оказался сильно попорченнымъ париками канцлеровъ, и перенесли его въ Іерусалимскую комнату. Тамъ онъ оставался до мая 1857 года, когда его увезли въ Манчестеръ на выставку. Было очевидно, что живопись не старая, а подправленная. Въ 1866 году его отвезли на выставку портретовъ въ Кенсингтонъ и по ея окончаніи въ августѣ вестминстерскій деканъ по настоянію г. Ричмонда рѣшилъ очистить его. Его передали въ мастерскую опытнаго въ этомъ дѣлѣ художника Генри Меррита и тамъ узнали, что на немъ наложена живопись маслянными красками около 150 лѣтъ тому назадъ. Эту живопись счистили и внизу оказалась первоначальная живопись водянными красками, совершенно отличная отъ прежняго изображенія—съ каштановыми волосами, съ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, какимъ дѣйствительно и былъ король — и теперь этотъ портретъ подъ стекломъ находится на хорахъ Вестминстерскаго аббатства и представляетъ прекрасный образчикъ портретной живописи 14 вѣка.

Музыка. Министрели.

Дни трубадура прошли и его замѣнилъ министрель, человѣкъ почетный и уважаемый. При дворѣ Эдуарда III была цѣлая компанія ихъ: «5 барабанщиковъ, 1 цитристъ, 5 трубачей, 1 тамбуристъ, 2 кларіона, 1 скрипачъ, 3 гобоиста; Джонъ Гаунтъ, жившій по царски въ Тутбюри, въ четвертый годъ царствованія Ричарда II издалъ прокламацію, чтобы каждогодно 16 августа собирался судъ музыкан-

товъ для избранія царя министрелей, для суда надъ тѣми, кто окажется виновнымъ въ дурномъ поведеніи и для выдачи разрѣшеній на будущій годъ.

Въ книгахъ лондонскаго Сити мы встрѣчаемъ указанія на размѣръ платы министрелямъ и видимъ, что они были довольно дороги. Всѣ эти указанія относятся къ царствованію Эдуарда III. «Девяноста вооруженнымъ всадникамъ по 10 марокъ каждому. Министрелю, который съ ними—100 ш.» «Министрелямъ и конюшимъ нашего государя короля 6 ф.» «Николаю Голборну, лондонскому гражданину, за министрелей, 16 ф. 13 ш.»

Чосеръ часто упоминаетъ о нихъ и объ ихъ присутствіи при всякомъ празднествѣ; мы узнаемъ отъ него, какъ обычно было занятіе музыкой среди англичанъ. Сквайръ «могъ сочинять хорошо пѣсни и хорошо танцовать, рисовать портреты и писать». Пріоресса тоже была музыкальной особой: «она хорошо пѣла божественную службу, и очень красиво распѣвала себѣ подъ носъ». Столь же даровитъ былъ и фріаръ: «играя на арфѣ, когда онъ пѣлъ, онъ моргалъ глазами, точно звѣзды въ холодную ночь«.

Что тогда употреблялся органъ, мы видимъ изъ описанія Chounte-cleer въ Nonnes Preestes tale:

> Его голосъ былъ веселѣе органной музыки
> Въ тѣ дни, когда въ церкви поютъ обѣдню.

Но о музыкѣ мы будемъ подробно говорить въ слѣдующей главѣ.

Источники 1348—1399.

a. Общая исторія.

Современные источники: Хроника св. Альбанса и Эвешамская хроника; Найтонъ и Вальсингамъ, оба жившіе при Ричардѣ II; французская Croniqne de la traison et Mort de Richard Deux; Chronicon—Адама Уска, Annales Ricardi и Chronicle of England—Капгрева; Поэмы Говера, Political Songs (изд. Райта и Rolls Series), Rolls of Parliament. Къ новымъ источникамъ, указаннымъ въ V главѣ, можно прибавить: Герднеръ: Houses of Lancaster and Iork; относительно Виклифа и Лоллардовъ предисловіе къ Fasciculi Zizaniorum (Rolls series); хорошій отчетъ о царствованіи Ричарда II у Липгарда Hisrory of England.

b. Отдѣльные предметы.

Религія. Лучшимъ жизнеописаніемъ Виклифа еще и теперь можно считать изданное двадцать лѣтъ тому назадъ въ Лейпцигѣ Готгардомъ

Лейхеромъ; англійскій переводъ, появившійся въ трехъ послѣдовательныхъ изданіяхъ, не полонъ и не вполнѣ удовлетворителенъ; въ послѣднемъ же изданіи (1884) въ немъ такъ много измѣненій, что онъ далекъ отъ оригинала. Изъ англійскихъ біографій заслуживаетъ упоминанія написанная Матью, какъ предисловіе къ его изданію English Works hitherto unprinted (1880) Виклифа. Авторъ эскиза о Виклифѣ въ этой главѣ, мнѣнія и утвержденія котораго основаны на изученіи сочиненій Виклифа и на отчетахъ современниковъ, пользовался и своимъ этюдомъ „Wycliffe und Movements for Reform (1889). Изучающіе предметъ съ интересомъ прочтутъ предисловіе Ширли къ Fasciculi Zizaniorum (1850), хотя оно и требуетъ поправокъ соотвѣтственно новымъ изслѣдованіямъ. Объ отношеніи Виклифа къ политикѣ нѣтъ лучшаго руководства, какъ Const. History Стёбса.

Законодательство, военное искусство, флотъ, архитектура и искусство. См. гл. V.

Исторія университетовъ и школъ: Произведенія, указанныя въ V главѣ, особенно Максвеля Лайта: Oxford и Кларка и Виллиса. Cambridge; Кирби—Winchester College; Моберлея—William of Wykeham; неизданныя Compotus Rolls of Durham College; Макрея—Annals of the Bodleian Library; статьи въ Dict. of Nat. Biography, особенно о Гумфри, герцогѣ Глочестерѣ.

Медицина и общественное здравіе—О. Гаскета—Great Pestilence (1894) излагаетъ исторію Черной Смерти. Другіе источники указаны въ V главѣ. См. также Jessopp—Black Death in East Anglia—Ninet Cent. v. XVI, XVII.

Литература.—Тенъ Бринкъ—Gesch. der. Eng. Lit.; Брандль Алоизъ—Gesch. d. mitteleng. Litt. Paul' — Grundriss, II (1889); Altenenglische Dictungen des NCS. Нач. 2253 изд. Бёддекера (1873): Political Songs—изд. Райта (Rolls Series); Political Songs of England from John to Edward II. изд. и пер. Райта (1839); Вильямъ Шорегамъ — Religions Poem. изд. Райта; Pearl—изд. и пер. Голланча (1891); Sir Gawayne and the Green Knight (1360), изд. Морриса (1864): Чосера—Poetical Works—изд. Морриса (1886) Чосера—Prologue, Knight's tale and Nun's Priest's tale — изд. Морриса и Скита; Чосера: Man of Lawe's tale, Prioresses tale, Minor Poems — изд. Скита; Клюге: Gesch. d. Eng. Sprache въ Paul: Grundriss (1891); Тенъ—Бринкъ: Chaucer; studien въ Zur Gesch. seiner. Entwickelung (1870); Тенъ-Бринкъ: Chaucer-Sprache und. Verskunst (1884); Моребаха: Uber den Ursprung der. N. E. Schrift-Sprache (1888); Dict. Nat. Biog. ст. Chaucer (пр. Гальса). Критическое изданіе произведеній Чосера съ біографіей пр. Скита (6 т. печатается). Виклифъ: Works, изд. Арнольда 3 т. (1869); Engl. Works of Wiclif hitherto unprin (1880); Виклифа — Latin Works—изд. Будденсига, Лоберта Пуля и др. (17 т. 1883—93) Морлея—Engl. Writ. m. IV—VI: Будденсига: Johann Wiclif Seine Zeit (1885); Лехлера: Johann Wicliffe and his Eng. Precursors: Гаснера — Beitrage Zum Entwickelungsgang der neuceng Schrift Sprache anf Grund der mitteleng. Bibelversionen (1891); Ланглендъ: Works—изд. Скита; Жюссеранъ: Le paysan Anglais au Moyen-Age et la Poeme Mystique de Langland (1893); Observations sur la Vision de Piers Plovman (1879); Гильса—Langland (Dict. Nat. Bio.); Кронъ: William Langley's Buch von Peter dem Pflüger (1885); Розенталь—Langland's Metrik (въ Anglia); Pierce the Ploughman's Crede and God Soede the Plough—изд. Скита (1867). Говера—Balades and other Poems (1818) Minnesang, изд. Степгеля; Ausgaben der Romanisch. Philol. (1882) Vox Clamantis-Chronica tripartita—изд. Кокса (1850); Confessio Amantis изъ Паули (3 т. 1857); Мейера: John Gover's Bez. zu Chaucer (1889). См. ст. Gower въ Dict. Nat. Biog.

Земледѣліе. Торольдъ Роджерсъ—Hist. of Agricul. and Prices и Six Centurries of Work and Wages; Ашлей: Economie Hist.; Hacce: Zur Gesch. d. Mittelalt. Feldgemeinschaft in Eng.; Виноградовъ: Villainage in Eng ; Май-

тландъ: Select Pleas In Manorial Courts; Сибомъ—English Village Gommunity; Гоммъ—Village Community.

Промышленность и торговля 1349—1485. Относительно подробностей исторіи торговли необходимо справиться у Раймера—Foedera, въ Rolls of Parliament и Статутахъ. Макферсона — Annals of Commerce составляетъ дополненіе къ неточнымъ выпискамъ Раймера и другимъ источникамъ и содержатъ нѣкоторыя подробности; необходимо также и Торольда Роджерса—Agriculture and Prices, гдѣ подробныя отчеты о цѣнахъ англійскихъ и иностранныхъ товаровъ. Die Hanserecesse, изд. Копмана даетъ подробныя свѣдѣнія о торговыхъ отношеніяхъ Англіи и Ганзеатическихъ городовъ. Englands Wirthschaftliche Entwickel. in Ausgange des Mittelalt.—Охенковскаго и Gild Merchant—Гросса полезны для справокъ о складахъ; Growth of Industry and Commerce —Кунингама даетъ общее представленіе о англійской торговлѣ въ 14 вѣкѣ. См. также Economic History—Ашлея, много данныхъ въ различныхъ исторіяхъ графствъ и мѣстныхъ отчетахъ.

Городская жизнь. Мереветеръ и Стефенсъ — Hist. of Munic. Corporations; Liber Albus of London (изд. Ралея); Бёрровсъ — Cinque Ports; Historic town Series; Жюсеранъ — English Wayfaring life in the Middle Ages; Паули—Bilder aus Alt England; Лофти—Hist. of London. См. Стёбса—Const. Hist., Кунингама—Growth of Eng. ind. and Com., Рожерса—Six Centuries of vork and Wages.

Общественная жизнь. Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ предыдущей главѣ, слѣдуетъ упомянуть Бевана—Mediaeval Geography (1873); the Voiage and travayle of Sir Mandeville; Райта — Early Mysteries; Гона — Ancient Mysteries; Ludus Coventriae; Уорда—Hist. of. Eng. Dram. Lit.; Harl. MSS. 2253 и 2013; Галливель-Филипсъ — The Harrowing of Hell; Робертъ Маннингъ Бруннъ — Handlyng Synne; Fine Arts Quarterly Review; Станлея Memorials of Westminster; работы Рутерфорда и Гуефера о Трубадурахъ; Жюсеранъ:—Eng. Wayf. life; Сегюра: Honour, military and Civil (1602).

ГЛАВА VII.

Конецъ среднихъ вѣковъ—1399—1485.

Царствованіе Генриха IV.

Смита.

Генрихъ IV у Шекспира въ своей рѣчи предъ смертью разсказываетъ о всемъ ходѣ своей странной жизни, но въ концѣ говоритъ, что Богу извѣстно, какими неправедными средствами онъ пріобрѣлъ корону. «Мнѣ извѣстно — прибавляетъ онъ — какъ она тяжела для меня». Это исторія чести, извращенной честолюбіемъ и получившей возмездіе въ разочарованіяхъ и угрызеніи совѣсти. Его шотландскія и валлисскія войны были неудачны. Его старыя друзья, даже родственники, оказались измѣнниками. Нація, когда-то любившая его, утомилась его управленіемъ. Доходы королевства, его собственные обширные домены, таяли въ его рукахъ точно заколдованное золото. Его убитый соперникъ ожилъ въ лицѣ претендента, Лже-Ричарда. Онъ убивалъ враговъ, а люди сожалѣли о ихъ судьбѣ и даже канонизировали ихъ память. Идеалы его юности выродились въ грубое преслѣдованіе; онъ былъ первымъ изъ англійскихъ государей, сжигавшимъ людей во имя религіи. Съ перваго взгляда въ его царствованіи много необъяснимаго, много отвратительнаго и еще больше скучнаго и безполезнаго, мало героическаго и никакихъ признаковъ прогресса.

Признаки новой эры.

Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи мы замѣчаемъ признаки новой и плодотворной жизни. Средневѣковый періодъ заканчивается, великія идеи поблѣднѣли. Начинается новая эра. Церковь дошла до апогея процвѣтанія и независимости; съ этихъ поръ она подготовляетъ свое паденіе своими близкими отношеніями съ королевской

властью. Въ самой королевской власти проявляются вліянія тѣхъ теорій и событій, которыя повели къ образованію въ Европѣ абсолютныхъ монархій. Новые торговые классы, въ поддержкѣ которыхъ этотъ абсолютизмъ находилъ свою опору, начинаютъ проявлять свою силу; у нихъ есть даже свои герои, Виттингтонъ, Жанъ Ньюбюри.

Всего быстрѣе измѣнилось феодальное баронство, какимъ оно было еще въ предшествующемъ вѣкѣ—оно превращается теперь въ современное дворянство, интригами добивается мѣстъ и пенсій вмѣсто того, чтобы бороться за мѣстную независимость.

Начало семейныхъ раздоровъ.

Вообще царствованіе Генриха IV—это время начинаній. То драма, то политическое самоубійство баронства, которая кончается смертью Полей и Невиллей на эшафотѣ, воздвигнутомъ Тюдорами, начинается сценой убійства въ Чиренчестерѣ. Здѣсь всѣ горожане и въ особенности выдавались женщины—съ яростію возстали противъ лордовъ, Монтегю, Голланда, Лумлея, эгоистическое возстаніе которыхъ нарушало только что воцарившееся спокойствіе (февраль, 1400).

Эти безконечные семейные раздоры, уничтожить которые не могли даже кровопролитія Тоутона, Барнета и Тьюксбюри, получили начало въ личной завистн, скопившейся при дворѣ Ричарда II и разгорѣлись яркимъ пламенемъ при дворѣ его наслѣдника. Главнымъ вопросомъ войны Розъ были притязанія Іорка. Эти притязанія были поддерживаемы Гумфри Глочестеромъ, какъ средство возбудить народную вражду къ его соперникамъ, Суффольку и Бофорамъ. Это соперничество ведетъ свое начало отъ положенія Бофоровъ, поддерживавшихъ въ 1410 году принца Валійскаго противъ короля, брата принца и вельможъ и церковниковъ.

Наслѣдственныя права.

Оскорбленіе, нанесенное въ 1399 году современнымъ понятіямъ о наслѣдственномъ правѣ, получило возмездіе въ 1461 году. Болинброкъ выставилъ свои притязанія какъ основанныя на милости Божіей и на томъ фактѣ, что «королевство можетъ погибнуть отъ недостатка правительства»; но онъ пошелъ далѣе и потребовалъ короны, какъ наслѣдникъ по прямой линіи Генриха III. Вѣроятно, онъ не имѣлъ въ виду безсмысленной болтовни о томъ, будто сынъ Генриха III, Эдмундъ Ланкастерскій, Эдмундъ «Кривобокій», былъ лишенъ своего законнаго права и ему предпочтенъ младшій сынъ, Эдуардъ. Но несомнѣнно, что имѣлось въ виду опровергнуть притязанія Мортимера, основанныя на наслѣдствѣ по женской линіи чрезъ Филиппу, наслѣдницу Ліонеля Кларенса, третьяго сына Эдуарда III. Ланкастерское притязаніе основывалось на правахъ Джона Гаунта, четвертаго сына Эдуарда; но это было притязаніе мужской линіи. Эдуардъ IV, низложившій Генриха VI, былъ правнукомъ того Рожера Мортимера, который уже былъ объявленъ Ричардомъ II наслѣдникомъ и дѣти котораго, въ возрастѣ восьми и семи лѣтъ, имѣли права на наслѣдство; узурпаторъ менѣе совѣстливый, чѣмъ Болинброкъ, нашелъ бы возможность устранить эти права

убійствомъ. Притязанія Іоркскаго дома были признаны, хотя и противъ воли, первымъ изъ Тюдоровъ и его супруга Елизавета Іоркская была коронована въ силу ея собственнаго права, которое для большинства казалось болѣе основательнымъ, чѣмъ права ея мужа Генриха, такъ какъ этотъ послѣдній былъ только наслѣдникомъ слабыхъ притязаній Бофоровъ.

Какъ ни мрачно было это царствованіе, въ немъ нѣтъ недостатка въ эпизодахъ и второстепенныхъ вопросахъ, возбуждающихъ интересъ. Темнота и неизвѣстность въ его исторіи отчасти обусловливаются удивительнымъ разногласіемъ источниковъ по отношенію къ наиболѣе рѣшительнымъ пунктамъ этого періода. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они согласны по существу, какъ напр. относительно преданій о дикихъ выходкахъ принца Генриха въ его юности, ихъ показанія трудно примирить съ другими доказательствами, каковыми являются факты его удачной военной карьеры и его дѣятельной роли въ совѣтѣ. Хотя мы и можемъ объяснить нѣкоторыя изъ причинъ необыкновеннаго успѣха возстанія Валлисцевъ, продолжавшагося въ теченіе всего царствованія, не легко разобраться въ запутанныхъ событіяхъ шотландской исторіи или прослѣдить связь шотландскихъ дѣлъ съ возстаніемъ Перси. Удивительны также измѣненія въ политикѣ, когда въ дикой борьбѣ между двумя великими партіями во Франціи, англійская армія то поддерживала Бургундскую партію (1411), то нападала на союзниковъ Бургундіи въ интересахъ орлеанской партіи (1412).

Поясные пункты исторіи этого царствованія.

Какъ ни было безплодно и безрезультатно царствованіе Генриха IV въ другихъ отношеніяхъ, оно завѣщало намъ одинъ результатъ, неоцѣненный для англійской свободы. Въ это время парламентское управленіе достигло апогея своего развитія. Правда, оно зашло дальше своей цѣли и послѣ тридцати восьми лѣтъ преждевременнаго развитія превратилось въ анархію и уступило на двѣсти лѣтъ мѣсто абсолютизму Іорковъ, Тюдоровъ и Стюартовъ; но когда при Карлѣ I палата общинъ снова получила свое мѣсто въ конституціи, она искала своихъ старыхъ правъ въ эпохѣ Ланкастеровъ; она пользовалась прецедентами этого времени какъ орудіями борьбы.

Парламентское правленіе.

Генрихъ IV при восшествіи на престолъ обязался оставить «дурные пути» Ричарда. Онъ обязался управлять не по собственному произволу или по своему личному мнѣнію, а по общему совѣту и согласію. Онъ былъ новымъ «Іудой Маккавеемъ». Онъ былъ первымъ королемъ, помазаннымъ изъ святой чаши, чудесно подаренной св. Ѳомѣ и снова открытой герцогу Генриху Ланкастеру. Онъ былъ предсказаннымъ Мерлиномъ «пастыремъ», которому предназначено «собрать разсѣянное стадо на его потерянное пастбище». Но главное въ томъ, что онъ являлся избранникомъ духовенства, бароновъ и народа. И не смотря на это, не слабость его притязаній давала общинамъ такую власть надъ нимъ съ самаго же начала, а чрезвычайныя труд-

Финансовыя затрудненія Генриха.

ности его положенія и въ особенности удивительныя финансовыя затрудненія. Онъ былъ повелителемъ и владѣльцемъ шести графствъ и всѣхъ обширныхъ доменовъ Ланкастерскаго дома, владѣльцемъ множества конфискованныхъ имѣній, но ни они, ни коронныя земли и доходы не были достаточны для удовлетворенія нуждъ гарнизоновъ и флота, нуждъ безконечной войны и въ особенности для удовлетворенія ненасытныхъ требованій людей, поддержку которыхъ ему пришлось купить обѣщаніями, исполнить которыхъ онъ не имѣлъ средствъ. Въ первый годъ царствованія назначенныя имъ пенсіи доходили до 24000 ф. — суммы, большей той, которую ему давали всѣ его земли, коронныя и частныя. Кале стоилъ 30000 ф. въ годъ, Ирландія, Валлисъ и Мархія по крайней мѣрѣ столько же, столько же стоилъ и дворъ. Съ другой стороны даже при всѣхъ субсидіяхъ и вотированіи увеличенныхъ пошлинъ, которыя онъ получалъ отъ общинъ посредствомъ самаго трогательнаго изложенія королевскихъ нуждъ, средній его ежегодный доходъ едвали былъ больше ста тысячъ фун. Показаніе же главнаго судьи въ парламентѣ въ 1401 году указываетъ, что для обыкновенныхъ ежегодныхъ расходовъ королевства требовалось по крайней мѣрѣ полтораста тысячъ.

Притязанія Общинъ.

Не удивительно, что уже въ 1401 году общины смѣло потребовали, чтобы исправленіе золъ управленія предшествовало вотированію субсидій. На этотъ разъ король отказалъ; это не имѣетъ прецедента, утверждалъ онъ; тѣмъ не менѣе побѣда была на сторонѣ общинъ; съ этихъ поръ становится правиломъ вотировать субсидіи только въ послѣдній день сессіи, когда уже были объявлены отвѣты на петиціи. Это давало общинамъ контроль надъ общественнымъ кошелькомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ фактически и контроль надъ всѣмъ управленіемъ. Съ этихъ поръ общины настаиваютъ на свободѣ преній, вынуждаютъ короля принимать ихъ совѣты въ подробностяхъ управленія, формально жалуются на хозяйство королевскаго двора, на королевскія пенсіи, на злоупотребленіе пожалованіями. Старый протестъ противъ «чужестранцевъ» вновь раздается по поводу брака Генриха съ Жоанной Наварской въ 1403 году; расходы двора ограничиваются двѣнадцатью тысячами въ годъ и, главное, списокъ совѣтниковъ короля требуетъ одобренія парламента. Это послѣднее обстоятельство было характернымъ для Ланкастеровъ рѣшеніемъ основного политическаго вопроса объ обезпеченіи согласія между законодательной и исполнительной властями, вопроса о томъ, какимъ образомъ дать законодательной власти полный контроль надъ исполнительной безъ ограниченія и униженія послѣдней. Этотъ планъ былъ лучше плана, изобрѣтеннаго Добрымъ Парламентомъ 1376 года — плана успленія совѣта десятью или двѣнадцатью лордами, которымъ общины довѣряли.

Если исправленіе золъ до вотированія субсидіи было первымъ правиломъ финансоваго контроля, то наврядъ ли по своему значенію

этому правилу уступало выслушиваніе отчетовъ. Въ 1405 году послѣ того, какъ Генрихъ объявилъ, что короли не даютъ отчетовъ, онъ долженъ былъ подчиниться и позволить назначить аудиторовъ; съ этого времени не было отказовъ въ выслушаніи отчетовъ. Практика вотированія опредѣленныхъ суммъ для опредѣленныхъ цѣлей все болѣе и болѣе становится постояннымъ правиломъ, такъ poundage и tunnage предназначаются для поддержанія флота, пошлина на шерсть для защиты Кале и всего королевства, для королевскаго листа (civil list— какъ называютъ это теперь) были назначены особые источники дохода. Наконецъ, исключительное право общинъ вотировать всѣ денежныя субсидіи возвѣщается по поводу случайнаго нарушенія этого права лордами въ 1407 году.

Такое благоразумное подчиненіе парламентскому контролю было вознаграждено. Общины вмѣшивались въ самыя интимныя дѣла короля; онѣ уменьшали его пожалованія и пенсіи, онѣ изгнали свиту его жены, онѣ говорили ему, что его придворные плуты; ихъ предсѣдатель надоѣдалъ ему аллегорическими проповѣдями. Но при общей измѣнѣ и мятежѣ среди нихъ не было и тѣни измѣны. Онѣ неоднократно провозглашали его права и утвердили наслѣдіе за его сыновьями. Значеніе этой связи между королевской властью и мелкимъ дворянствомъ, іеменами и горожанами всего лучше доказывается могуществомъ, которымъ сразу пользовался Генрихъ V и неуклонной и великодушной преданностью, съ которой народъ помогалъ ему въ его широкихъ замыслахъ.

Вѣрность парламента королю.

Возстаніе Овена Глендовера.

Эдвардса.

Причины возстанія Овена Глендовера были частію политическія, частію соціальныя и частію національныя. Овенъ былъ героемъ студентовъ, рабочихъ и валійскихъ іеменовъ, имѣвшихъ зубъ противъ шерифа или лорда лейтенанта.

Въ промежутокъ времени между смертью Лливелина въ 1282 году и возстаніемъ Глендовера въ 1400—въ Валисѣ бывали возстанія трехъ родовъ. Первое возстаніе принцевъ, которые по зависти къ Лливелину пристали къ Эдуарду I. Второе въ 1294 году было распространенное возмущеніе противъ налоговъ, когда вездѣ въ Валисѣ вѣшали сборщиковъ короля. Третье въ 1315 и 1322 годахъ было вызвано успѣхами шотландцевъ и попыткой Брюса создать имперію кельтовъ.

Въ 1400 году были новыя причины недовольства. Судья и лордъ лейтенантъ (lord marcher) были непопулярнѣе, чѣмъ когда либо, по-

Недовольство въ Валисѣ.

тому что слабость Ланкастерскаго правленія позволяла лордамъ захватывать земли своихъ валійскихъ сосѣдей и пользоваться законами для увеличенія своей власти и владѣній. «Горько было отправленіе правосудія, а несправедливость судей еще горше». Великое общественное возмущеніе въ Англіи, получившее форму крестьянскаго возстанія, отразилось и въ Валисѣ. Крестьяне, перевѣшавъ своихъ управляющихъ, толпами стекались подъ знамена Глендовера и барды Овена восхваляли сыновъ труда и пахарей. Національный духъ ожилъ, несмотря на неудачу попытки сэра Эдварда Лльвайда соединиться съ Брюсами. Валійскіе студенты пріѣзжали изъ Оксфорда, чтобы драться подъ знаменами Глендовера.

Овенъ Глендоверъ былъ валійскій сквайръ, владѣнія котораго находились на восточномъ и западномъ склонахъ Бервина. Онъ изучалъ юриспруденцію въ Вестминстерѣ и находился въ службѣ Генриха Ланкастера раньше, чѣмъ тотъ вступилъ на англійскій престолъ съ именемъ Генриха IV. Лордъ Грей Рутинъ былъ его жадный и тиранническій сосѣдъ, хотѣвшій отнять у него часть его горныхъ владѣній. Онъ тщетно просилъ у короля о справедливости и видѣлъ, что лордъ Грей задумываетъ погубить его, выставляя его королю измѣнникомъ.

Первая стадія возстанія.

Въ 1400 году Овенъ напалъ на лорда Грея и нашелъ, что вся валійская земля, подчиненная англійскому шерифу и лорду лейтенанту, готова возстать. Генрихъ сразу понялъ опасность и съ энергіей, отличавшей его въ началѣ его царствованія, немедленно двинулся въ Валисъ. Овенъ удалился въ твердыню Сноудона и Генриху пришлось уйти, ничего не сдѣлавъ кромѣ опустошенія страны Глендовера, «глена священныхъ водъ», которая была беззащитной. Король предложилъ прощеніе и страна на время успокоилась. Но опасность не исчезла и противъ валлійцевъ были приняты суровыя законодательныя мѣры: ни одинъ валлійецъ не могъ оставаться на службѣ; валлійцы должны были исправить замки своихъ правителей; митинги были воспрещены безъ разрѣшенія англійскихъ чиновниковъ; немилосердно преслѣдовали бродячихъ бардовъ.

Судьей сѣвернаго Валиса и оберегателемъ замковъ, охранявшихъ сѣверъ отъ Честера до Карнарвона, былъ упорный и честолюбивый Генрихъ Перси. Въ 1401 году была сдѣлана попытка прервать эту линію замковъ захватомъ Конвея, ключа къ горному Карнарвонширу. Замокъ былъ захваченъ въ великую пятницу, когда гарнизонъ былъ въ городской церкви; но «Горячая Шпора» снова взялъ его приступомъ. Пока Генрихъ Перси занималъ замки, ареной дѣятельности Овена былъ югъ, гдѣ люди Кардигана и Кармартена были готовы возстать противъ оберегателей замковъ, стоявшихъ среди ихъ горъ. Сила и безъ того уже почти пустая казна Перси были истощены, когда Овенъ въ Кармартенѣ поклялся искоренить англійскій языкъ. До конца лѣта король появился въ сѣверномъ Валисѣ, потомъ двинулся черезъ сред-

ній Валисъ, чтобы встрѣтить Глендовера, не щадя по дорогѣ ни церквей, ни дѣтей и ставя лошадей у высокаго алтаря аббатства Страта Флорида, мѣста упокоенія старыхъ валійскихъ королей. Земли мятежниковъ были раздѣлены между оставшимися вѣрными королю валисцами и потомъ король, боясь зимы, ушелъ. Овенъ точно колдовствомъ снова появился и среди зимы сдѣлалъ рѣшительное нападеніе на линію сѣверныхъ крѣпостей. Ему пришлось, однако, снять осаду Карнарвона и удалиться съ своимъ бѣлымъ знаменемъ и золотымъ дракономъ. Гарлешъ былъ освобожденъ арміей, пришедшей по сугробамъ изъ Честера.

Овенъ и англійскіе лорды.

Овенъ снова оживилъ мечту Брюса объ имперіи кельтовъ. До конца 1401 года онъ началъ переговоры съ Генрихомъ Перси и его послы отправились къ ирландскимъ лордамъ и къ шотландскому королю. Онъ стремился соединить нѣсколькихъ могущественныхъ бароновъ, зависимыхъ отъ него, противъ короля Англіи. Побѣда при Файрниви въ началѣ 1402 года привлекла на его сторону и лорда Грея, а большая побѣда при Бринъ Гласъ лѣтомъ того же года доставила ему союзъ Эдмунда Мортимера.

Овенъ началъ свою карьеру, какъ защитникъ угнетенныхъ рабочихъ:

„Богъ и Марія всегда защищаютъ
Всякаго страдающаго сына труда“.

Но нищета и несправедливость сдѣлали его успѣхъ столь быстрымъ и рѣшительнымъ, что онъ принялъ титулъ «грознаго государя-князя» и вошелъ въ сношенія съ недовольными англійскими вельможами. Въ 1403 году Генриху пришлось имѣть дѣло уже съ сильной лигой. Глендоверъ готовъ былъ подчинить себѣ весь Валисъ и идти къ сѣверу на соединеніе съ Перси. Овенъ не закончилъ покоренія Гланморгана, когда появился король и напалъ на Перси прежде, чѣмъ они соединились съ валисцами при Шревсбюри, лѣтомъ 1403 года. Пораженіе Перси разрушило планы Глендовера.

Овенъ—принцъ Валійскій.

Но онъ продолжалъ работать съ непреклонной энергіей. Въ теченіе осени 1403 года всѣ замки по берегамъ южнаго Валиса отъ Кидвелли до Чепстоу находились въ крайней опасности; въ 1404 году состоялся союзъ между Карломъ VI французскимъ и Овеномъ, «милостію Божіей принцомъ Валійскимъ въ четвертый годъ нашего царствованія».

Сдѣлавшись принцемъ валійскимъ, Овенъ хотѣлъ низвергнуть Генриха и посадить на англійскій престолъ молодого графа Маршъ. Но этотъ планъ неудался вслѣдствіе плѣна лэди Спенсеръ. На минуту казалось, что счастье оставило его. Собрать войско изъ крестьянъ было также легко, какъ и раньше; но это войско терпѣло постоянныя пораженія отъ англійской арміи, которой начальствовалъ принцъ

Генрихъ, особенно несчастны для него были битвы при Гросмонтѣ и Майнайдъ Пайлль Мелинъ.

Одно время полагали, что Овенъ несмотря на все его колдовство убитъ. Онъ исчезъ; его бардъ печально спрашиваетъ, гдѣ онъ пребываетъ и зоветъ его домой, чтобы управлять валисцами какъ ихъ государь. Преданіе гласитъ, что Овенъ скрывался въ пещерѣ на дикомъ берегу Меріонета.

Возвращеніе планы Овена.

Въ 1406 году мы встрѣчаемъ снова Овена принцемъ валійскимъ, съ такими же широкими планами и государственными задачами, какъ и раньше. Въ письмѣ къ Карлу VI, написанномъ въ этомъ году, онъ высказывается относительно своихъ цѣлей. Такихъ цѣлей было три. Первая независимость Валиса и Овенъ, какъ его принцъ. Вторая церковная независимость Валиса и валійское архіепископство св. Давида. Третья—введеніе образованія въ Валисѣ посредствомъ основанія двухъ университетовъ: одного въ сѣверномъ, другого въ южномъ Валисѣ. Планы Овена представляютъ поразительный контрастъ съ узкими, эгоистическими стремленіями того жестокого, чувственнаго вѣка вырожденія. Онъ самъ былъ головой выше вождей и государственныхъ людей того желѣзнаго вѣка. Извѣстно достовѣрное описаніе его личности, хотя онъ въ этомъ описаніи и играетъ роль въ сценѣ, совсѣмъ не исторической:

„По чести, онъ достойный джентельменъ,
Чрезвычайно начитанный и искусный
Въ дипломатіи, храбрый какъ левъ,
Удивительно добродушный и щедрый,
Какъ мины Индіи".

Переговоры между новымъ принцемъ Валиса и Петромъ де Луна, уговаривающимъ Карла VI поддержать его у папы Бенедикта XIII. интересны хотя бы по тому, что они характеризуютъ обоихъ. Петръ де Луна былъ человѣкъ мужественный, а Овенъ Глендоверъ боролся противъ непредвидѣнныхъ затрудненій и несчастій съ такимъ же успѣхомъ, какъ и противъ искушеній внезапныхъ поворотовъ счастія. Его планы во всякомъ случаѣ не были фантастическими. Валисъ былъ раньше независимъ и столѣтнее подчиненіе не заставило валисцевъ забыть объ этомъ. На своей родинѣ, при свободѣ дѣйствій, Овенъ могъ улучшить положеніе рабочихъ, бывшихъ его главной опорой и страдавшихъ теперь отъ тиранніи чужестранныхъ лордовъ и отъ упадка земледѣлія. Валисъ во времена могущества Овена былъ независимымъ и въ церковномъ отношеніи. Епископы Овена не зависѣли отъ Кентербюри и онъ надѣялся, что валійское архіепископство будетъ создано властью папы. Папу просили также учредить два университета въ Валисѣ, чтобы угодить этимъ студентамъ и бардамъ, сдѣлавшимъ такъ много для Глендовера. Характеръ валій-

ской литературы сильно измѣнился при Овенѣ. Любовныя пѣсни Дафайда объ Гвилима, отмѣчавшія золотой вѣкъ валійской поэзіи, замѣняются военными одами Іоло Гоша—литературой болѣе мужественный и энергичной, но менѣе граціозной. Самъ Глендоверъ вѣрилъ въ силу образованія. Онъ понималъ, что независимая церковь должна воспитывать священниковъ въ коллегіяхъ у себя дома и его любовь къ чтенію заставляла его, человѣка, изучавшаго Данта, желать дать своему народу умственную и политическую свободу.

Его неудача и смерть.

Но его планамъ не было суждено осуществиться. Французская армія, высадившаяся въ Мильфордской гавани, чтобы помочь ему, не могла вторгнуться въ Англію и положить конецъ борьбѣ. Она дошла только до Ворчестера и противъ нее поднялась вся Англія. Такой большой гарнизонъ невозможно было держать въ Валисѣ къ качествѣ оборонительнаго отряда и ему пришлось вернуться домой. Природа боролась противъ Глендовера, какъ она боролась раньше противъ Генриха. Положеніе рабочихъ сразу не улучшилось. Въ 1407 году зима была такая суровая, что птицы мерзли. Полагали, что Овенъ колдовствомъ можетъ повелѣвать бурямъ; но онъ не могъ заставить солнце свѣтить, и пшеницу ростп. Находить союзниковъ становилось все труднѣе и труднѣе; энергія молодого принца Генриха подавляла одно возстаніе за другимъ. Бангорскій епископъ, приверженецъ Овена, былъ взятъ вмѣстѣ съ графомъ Нортумберландскимъ при Брамгамъ Муръ въ 1408 году; въ 1409 году на границахъ продолжались военныя дѣйствія. Съ этого времени до смерти Глендовера въ 1415 году валійскій принцъ сохранялъ свою независимость въ предѣлахъ стараго Валиса Левелина, хотя ни на минуту не наслаждался полнымъ спокойствіемъ. Принцъ Генрихъ постоянно осаждалъ его замки и помѣщалъ въ нихъ свои гарнизоны. «Но это было безполезно, потому что приходилъ Глендоверъ и ставилъ въ замокъ новыхъ людей».

Англія и Валисъ послѣ смерти Глендовера.

Послѣ смерти Глендовера Валисъ занимаетъ по отношенію къ Англіи новое положеніе. До сихъ поръ онъ боролся за независимость, а теперь онъ соединяется съ той или другой изъ англійскихъ партій. Его военные элементы, тѣ дикіе элементы, которыми пользовался Глендоверъ въ послѣднее время своего управленія, участвовали во французскихъ войнахъ и валійцы дрались при Ажинкурѣ за Генриха, какъ они дрались за Глендовера при Ворчестерѣ. Когда французскія войны кончились, валисцы нашли занятіе въ войнахъ Розъ, сначала на сторонѣ Іорковъ, а потомъ подъ предводительствомъ Іспера Пемброка, поддерживая Ланкастерцевъ въ несчастные для нихъ дни и наконецъ, посадили на англійскій престолъ Тюдоровъ. Только при Тюдорахъ Валисъ дѣйствительно былъ подчиненъ англійскому управленію. Овенъ Глендоверъ и Ісперъ Пемброкъ, каждый въ свое время, независимо управляли Валисомъ; пока не было силь-

ной власти, разбойничьи вожди управляли самостоятельно цѣлыми округами. Тюдоры сдѣлали Валисъ частью управляемаго ими королевства.

Но идеалы Овена Глендовера не были забыты. Законодательство Тюдора сдѣлало поземельныхъ собственниковъ и правительственныхъ чиновниковъ англичанами, но сыны труда и барды продолжали мечтать, что Овенъ Глендоверъ, подобно Артуру, спитъ до того дня, когда настанетъ время освобожденія родины. Ни одинъ человѣкъ не имѣлъ такой прочной и постоянной власти надъ воображеніемъ валійскаго народа.

Религія.

Пуля.

Вліяніе и дѣятельность Виклифа.

Значеніе Виклифа какъ учителя основывалось на томъ, что онъ обладалъ двумя спеціальными дарованіями. Во первыхъ, онъ былъ замѣчательно послѣдовательнымъ и готовымъ на всевозможные труды, пока не убѣждался въ правильности своихъ заключеній. Онъ былъ не только глубокимъ теологомъ и философомъ, но онъ изучалъ почти всѣ отрасли знанія, которыя въ его время составляли часть багажа ученаго схоластика. Классиками мало занимались въ четырнадцатомъ вѣкѣ и незачѣмъ указывать на дефекты свѣденій Виклифа въ этомъ отношеніи. Но за то онъ былъ знатокомъ въ математическихъ наукахъ, особенно въ оптикѣ и даже въ медицинѣ. Какъ мастеръ своего дѣла, онъ вѣроятно не имѣлъ себѣ равныхъ. Во вторыхъ, съ этой высокой степенью учености онъ соединялъ полную искренность въ дѣлѣ преслѣдованія истины, что увлекало его слушателей. Оцѣнивать его методъ и способъ разсужденія, сравнивая ихъ съ методами великихъ схоластиковъ предшествующаго вѣка, значитъ быть совершенно несправедливымъ къ нему; онъ жилъ въ такое время, когда схоластическій методъ почти утратилъ свою жизненность и запутался въ безплодномъ стремленіи къ мельчайшимъ различеніямъ. Можно признать, что философія Виклифа была не выше его поколѣнія; но онъ зналъ потребности этого поколѣнія и удовлетворялъ имъ; не въ философіи онъ являлся новаторомъ.

Въ формальномъ изложеніи теологіи—кромѣ его позднѣйшей доктрины о таинствахъ—онъ тоже не особенно замѣтно отклоняется отъ метода, обычнаго его современникамъ. Его новые взгляды на то, что можно назвать теологической политикой, его ученія о власти и о евангельской бѣдности, сами по себѣ не оригинальны; они были, такъ сказать, ловко наложены сверху, а не ассимилированы съ со-

держаніемъ его теологіи. Виклифъ пользовался значеніемъ, какъ учитель, не столько вслѣдствіе своихъ нововведеній, сколько вслѣдствіе полнаго обладанія общепринятой теологической системой. Добившись авторитетнаго положенія, онъ могъ воспользоваться имъ какъ средствомъ для пропаганды своихъ мнѣній, которыя онъ составилъ себѣ во время своихъ занятій науками; послѣ 1380 года несмотря на то, что его ученіе о таинствахъ было оффиціально осуждено, его вліяніе въ Оксфордѣ было такъ сильно, что приходилось прибѣгнуть къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ для его подавленія.

Судьба ученія Виклифа въ Оксфордѣ и въ странѣ.

Въ маѣ 1382 года, какъ мы уже говорили, соборъ въ зданіи Блакфріаровъ осудилъ еретическія ученія и архіепископъ отправилъ въ Оксфордъ въ качествѣ своего комиссара для прекращенія ихъ распространенія кармелита Петра Стокса. О Виклифѣ не упоминалось, но значеніе порученія, даннаго Стоксу, было очевидно. Кромѣ того, университетъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ нарушеніемъ архіепископомъ его привилегій и старое соперничество между монахами и мірскимъ духовенствомъ рѣшило дѣло въ пользу Виклифа. Навряд ли было простой случайностью, что новый канцлеръ, Робертъ Райгге, только что передъ этимъ назначилъ одного изъ наиболѣе преданныхъ послѣдователей Виклифа, Николая Герефорда, университетскимъ проповѣдникомъ; а теперь на эту должность онъ назначилъ другого приверженца Виклифа, Филиппа Репингдона. Стоксъ боялся за свою жизнь и не смѣлъ публиковать архіепископскаго мандата. Когда онъ пытался защищать свою миссію, онъ былъ устрашенъ появленіемъ людей съ спрятаннымъ подъ плащами оружіемъ. Не только канцлеръ, но и прокторы были противъ него. Когда Соборъ вызвалъ Райгге въ Лондонъ, мужество окончательно покинуло канцлера; онъ отрекся отъ всякой симпатіи къ осужденнымъ доктринамъ и получилъ прощеніе. Ему дали новый мандатъ о подавленіи ученія Виклифа въ университетѣ, но онъ сначала объявилъ, что не смѣетъ публиковать его. Королевскій приказъ принудилъ его къ этому; въ Оксфордѣ поднялась такая буря, что Райгге заставили смѣнить правовѣрнаго диспутанта, что было поводомъ присылки ему новаго мандата. Главные приверженцы Виклифа были отставлены отъ ихъ академическихъ должностей и двое изъ нихъ, Герефордъ и Репингдонъ, отлучены отъ церкви. Они тщетно умоляли о помощи Джона Гаунта; они не могли убѣдить его, что ученіе Виклифа о таинствахъ не представляетъ ничего ужаснаго. Союзъ герцога съ партіей Виклифа былъ окончательно разорванъ. Реформаторы потеряли мужество и раньше конца года всѣ они, за исключеніемъ Герефорда, который повидимому отправился заграницу, отреклись отъ своихъ заблужденій. Значеніе виклифитовъ въ Оксфордѣ на нѣсколько лѣтъ было уничтожено.

Въ университетѣ ученія Виклифа нашли приверженцевъ въ большинствѣ случаевъ просто въ качествѣ теоретическихъ положеній, ко-

торыя допускали удобно аргументацію; въ странѣ же ихъ практическія слѣдствія привлекали и вліяли на умы людей. Для страны эти положенія имѣли значеніе, какъ рѣшительное нападеніе и на церковную систему и на владѣнія церкви; они были не только отрицаніемъ нѣкоторыхъ догматическихъ вѣрованій, въ особенности ученія о пресуществленіи, но и отрицаніемъ власти священника, особенно его власти отлучать отъ церкви. Кромѣ этихъ отрицательныхъ положеній ученики Виклифа съ особой силой настаивали на обязанности священника часто проповѣдывать и признавали чтеніе библіи обязательнымъ какъ для духовенства, такъ и для мірянъ. Таковы были практическія формы, въ которыхъ выражалось ученіе, имѣвшее цѣлью поставить евангельскій законъ на мѣсто преданія и церковнаго авторитета. Въ послѣдніе годы жизни Виклифа въ силу слишкомъ очевидныхъ золъ, существующихъ въ англійской церкви, и еще болѣе вслѣдствіе продолжавшагося въ церкви раскола, количество послѣдователей Виклифа увеличивалось. Ихъ обыкновенно называли лоллардами—названіе, происхожденіе котораго сомнительно; оно при жизни Виклифа несомнѣнно было ругательнымъ прозвищемъ, а теперь санкціонировано обычаемъ и не имѣетъ ничего позорнаго и оскорбительнаго.

Лолларды.

Трудно опредѣлить численность лоллардовъ; Найтонъ, писатель конца вѣка, говоритъ, что всякій изъ двухъ встрѣчныхъ на улицѣ людей былъ виклефитъ, но онъ былъ каноникомъ св. Маріи въ Лейчестерѣ, а Лейчестерширъ былъ главнымъ мѣстомъ распространенія лоллардизма. Изъ Лейчестера ихъ вліяніе распространялось въ Нортагамптонширъ. Лоллардскія колоніи были также на границахъ графствъ Глочестеръ и Ворчестеръ и въ позднѣйшее время въ Кентѣ. Въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Герефордширѣ и въ Бристолѣ, они появлялись спорадически, но вліяніе защищаемыхъ ими мнѣній достаточно свидѣтельствуется постоянной поддержкой ихъ рыцарями шировъ въ парламентѣ. Въ 1382 году былъ проведенъ статутъ противъ ереси, но на основаніи петиціи общинъ онъ былъ въ томъ же году отмѣненъ. Предполагалось, что у лоллардовъ есть еще друзья при дворѣ и достовѣрно, что сильная партія хотѣла по крайней мѣрѣ воспользоваться возбужденнымъ ими движеніемъ противъ могущества духовенства. Принятыя противъ нихъ мѣры были нерѣшительны и слѣдствіе, начатое архіепископомъ Куртенеемъ въ Лейчестерѣ въ 1389 году, кончилось оправданіемъ всѣхъ обвиняемыхъ въ ереси. Замѣчательнымъ доказательствомъ ихъ упорства можетъ служить билль о двѣнадцати статьяхъ, излагавшихъ ихъ заключенія въ пользу реформы какъ въ организаціи, такъ и въ доктринѣ, и представленныхъ парламенту въ 1395 году: нѣкоторые изъ лоллардовъ были вынуждены отречься и на слѣдующій годъ созванный новымъ архіепископомъ Арунделемъ соборъ осудилъ ихъ еретическія мнѣнія.

Можно догадываться, что причина, по которой церковники не же-

Актъ о Haeretico comburendo. Свѣтскія ученія лоллардовъ.

лали дѣйствовать противъ лоллардовъ энергично, состояла въ томъ, что искренность и честная дѣятельность «бѣдныхъ проповѣдниковъ» въ сельскихъ округахъ считались заглаживающими ихъ догматическія заблужденія. Достовѣрно то, что терпимость, проявленная епископами, вызвала горькіе упреки современныхъ хроникеровъ, которые хвалятъ только одного Деспенсера Норвичскаго за рѣшительность, съ которой онъ вынудилъ еретиковъ своей эпархіи къ подчиненію угрозой костромъ. Но сожженіе не разрѣшалось ясно закономъ за ересь (въ отличіе отъ очевиднаго отступничества), пока послѣ переворота, посадившаго на престолъ Генриха IV не наступила реакція въ пользу строгаго церковничества. Въ 1401 году архіепископу Аруделю удалось провести статутъ De Haeretico, опредѣлявшій отношенія къ еретикамъ. Необходимость этаго акта представлялась столь настоятельной, что за нѣсколько дней до принятія статута одинъ лоллардскій священникъ, по имени Саутръ, былъ сожженъ. Самъ по себѣ актъ исполнялся мало: нѣкто Бадби, портной въ Эвешамѣ, былъ сожженъ въ 1410 году, а Уайчъ, священникъ, сожженъ спустя тридцать лѣтъ. Сэръ Джонъ Ольдкастль и пострадавшіе съ нимъ въ царствованіе Генриха V, хотя и были признаны преступниками противъ церкви, но это обвиненіе было настолько смѣшано съ обвиненіями въ измѣнѣ, что ихъ наврядъ ли можно безъ оговорки причислить къ жертвамъ религіознаго преслѣдованія. Тоже замѣчаніе, вѣроятно, примѣнимо къ значительному большинству изъ двадцати человѣкъ, сожженныхъ въ слѣдующіе пятьдесятъ лѣтъ.

Въ дѣйствительности скоро религіозный элементъ лоллардизма сдѣлался второстепеннымъ по отношенію къ политическому и соціальному. При ланкастерскомъ домѣ лолларды считались союзниками парламентской оппозиціи. Въ 1410 году рыцари шировъ подали петицію о конфискаціи земель епископовъ и крупныхъ аббатовъ; это предложеніе часто повторялось лоллардами, особенно въ возстаніи Жака Страу въ 1431 году. Когда на тронъ вступилъ Генрихъ V, противъ лоллардовъ были приняты болѣе рѣшительныя мѣры. Опасность, которой они угрожали государству, была изложена въ поддерживаемой вліятельными людьми петиціи въ 1406 году; въ 1414 году былъ проведенъ актъ, вооружавшій свѣтскихъ судей новымъ полномочіемъ содѣйствовать церковнымъ властямъ и усиливавшій строгости акта 1401 года. Этимъ было завершено законодательство противъ лоллардовъ. Секта вскорѣ еще болѣе утратила свои религіозныя особенности и, за исключеніемъ немногихъ стариковъ, ея приверженцы затерялись среди арміи мятежниковъ противъ общественнаго порядка. Если какая нибудь традиція и соединяетъ лоллардовъ съ реформаціоннымъ движеніемъ шестнадцатаго вѣка, то эта связь столь незначительна, что вызываетъ вниманіе развѣ антикварія, а не историка. Когда снова появился за-

просъ на англійскую библію, никто и не подумалъ пересмотрѣть и исправить переводъ Виклифа; дѣло было сдѣлано совершенно заново.

Виклифиты въ Оксфордѣ. Преслѣдованіе ихъ.

Мы уже говорили, что судьба лоллардовъ въ Оксфордѣ была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отлична отъ ихъ судьбы въ остальныхъ частяхъ Англіи. Разразившаяся надъ ними въ 1382 году гроза устранила ихъ изъ университета на много лѣтъ; тѣмъ не менѣе бдительный надзоръ за книгами, читаемыми въ университетѣ, представлялся необходимымъ. Послѣ воцаренія Генриха V школа снова получила вліяніе. Насколько оно обусловливалось недовольствомъ на архіепископа Арунделя за то, что онъ энергично пользовался своей властью, насколько оно вызывалось болѣе мѣстными и болѣе интеллектуальными стремленіями ученыхъ—трудно сказать съ увѣренностью.

Несомнѣнно одно, что виклифиты снова заняли свое прежнее положеніе и составляли вліятельную партію въ университетѣ. Въ 1407 году архіепископъ созвалъ въ Оксфордѣ соборъ и тамъ были не только приняты строгіе приказы противъ чтенія сочиненій Виклифа, но и была сдѣлана попытка регулировать университетскія занятія. Черезъ два года университетъ долженъ былъ назначить комитетъ для изслѣдованія сочиненій Виклифа; комитетъ засѣдалъ долго и наконецъ большинствомъ голосовъ принялъ докладъ въ пользу осужденія 267 статей. Въ университетѣ началось волненіе и партіи были сильно раздражены; въ 1409 году Арундель прислалъ приказъ канцлеру, требуя суровыхъ наказаній противъ виклифитовъ. Университетъ угрюмо исполнилъ эти инструкціи. Статьи было приказано хранить въ общественной библіотекѣ; всякій, получавшій степень, долженъ былъ присягать, что не будетъ поддерживать ни одну изъ нихъ; всякій глава коллегіи долженъ былъ присягать, что не допуститъ въ коллегію никого, подозрѣваемаго въ ереси.

Оксфордскіе лолларды держались крѣпко, но вскорѣ количество ихъ начало быстро уменьшаться. Правда, епископъ Флемингъ еще въ 1427 году основалъ коллегію съ цѣлью противодѣйствія еретическому движенію; но вѣроятно, онъ при этомъ просто вспоминалъ объ Оксфордѣ, какимъ онъ зналъ его двадцать лѣтъ тому назадъ. Немногія традиціи лоллардизма сохранялись до средины столѣтія; но какъ жизненная сила лоллардизмъ исчезъ и его паденіе содѣйствовало быстрѣйшему упадку университета. Каковы бы ни были теологическія заблужденія школы, основанной Виклифомъ, она состояла изъ наиболѣе серьезныхъ и искреннихъ членовъ университета. Толчекъ, данный ей независимому мышленію, хотя онъ и повелъ къ опаснымъ послѣдствіямъ, былъ все же лучше механической рутины, въ которую впалъ университетъ при послѣдующихъ генераціяхъ.

Царствованіе Генриха V.

Смита.

Превращенію традиціоннаго «дикаго» принца Галя въ суроваго, сдержаннаго и нѣсколько деспотическаго короля Генриха V соотвѣтствовало измѣненіе, происшедшее въ національномъ настроеніи. Недовольство, измѣна, недостатки въ деньгахъ замѣнились воинственнымъ энтузіазмомъ и щедрыми субсидіями. Всѣ жили въ согласіи. Тѣло Ричарда II было перенесено въ Вестминстеръ, наслѣдникъ Перси и графы Маршъ и Гунтингдонъ получили свои права. Ересь была подавлена и лолларды получили ударъ въ лицѣ ихъ главы, Джона Ольдкэстля. Не смотря на то, что онъ былъ великимъ полководцемъ и личнымъ другомъ короля, его арестовали, судили и осудили. Лолларды грозили, что въ январѣ 1414 года въ С. Жильсѣ соберутся сто тысячь человѣкъ, но неудача ихъ была столь же рѣшительна, какъ и неудача чартистовъ въ 1848 году. Ольдкэстль, убѣжавшій изъ Тоуэра, былъ объявленъ внѣ закона; въ 1417 году онъ былъ захваченъ въ Валисѣ и обезглавленъ въ С. Жильсѣ. Онъ былъ опасенъ для Генриха своими связями съ шотландцами, съ валійскими мятежниками, съ Мортимерами и съ «куклой» (mawmett) въ Шотландіи, т. е. съ Лже-Ричардомъ. Послѣ упорной зашиты и смерти Ольдкэстля лоллардство исчезло, какъ политическая и общественная сила. Съ этихъ поръ дѣла еретиковъ не разбирались въ первой инстанціи епископами, а вѣдались мировыми судьями.

Измѣненіе національнаго настроенія. Сэръ Джонъ Ольдкэстль.

Удивительное событіе 1415 года доказало, однако, что далеко не все такъ благополучно, какъ казалось. Наканунѣ отправленія во Францію среди войскъ, собранныхъ въ Саутгамптонѣ, среди родственниковъ и довѣренныхъ короля открылся заговоръ, бывшій возобновленіемъ союза Мортимеровъ и Перси съ шотландцами и валисцами и указаніемъ на соединеніе притязаній на престолъ Мортимера и Іорка. Главами заговора были Ричардъ Іоркъ, недавно сдѣланный Генрихомъ V графомъ Кембриджскимъ, лордъ Скропъ Мэшемъ, близкій другъ короля и товарищъ его «по комнатѣ и за столомъ, въ совѣтѣ и на охотѣ», и Томасъ Грей, рыцарь съ сѣвера. Ихъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы тотчасъ по отъѣздѣ короля увезти въ Валисъ молодого Эдмунда Мортимера, графа Маршъ. Но молодой графъ оказался умнѣе своихъ приверженцевъ и открылъ заговоръ. Три виновные вельможи были казнены.

Заговоръ Мортимера.

Въ понедѣльникъ 11 августа 1415 года Генрихъ всего съ 2000 рыцарей и съ 6000 стрѣлками отправился на завоеваніе королевства, въ нѣсколько разъ большаго и болѣе населеннаго, чѣмъ его государ-

Нападеніе на Францію. Мотивы Генриха.

ство. Это смѣлое предпріятіе не было простымъ отвѣтомъ на подарокъ Дофиномъ мяча въ насмѣшку надъ воинственными стремленіями Генриха; вѣроятно, оно было уже давно задумано имъ. Именно этимъ давно задуманнымъ планомъ можно объяснить его политику примиренія, его рѣшеніе подавить дома всѣ элементы безпорядка, его благопріятныя предложенія шотландцамъ. Существуютъ разсказы, правда довольно сомнительные въ смыслѣ достовѣрности, но указывающіе на цѣли Генриха. Разсказывали, что Генрихъ IV рекомендовалъ сыну войну, какъ средство упроченія династіи. Говорили, что духовенство тоже настаивало на войнѣ, какъ на средствѣ предотвратить нападенія на церковныя имущества. Черезъ три мѣсяца послѣ восшествія на престолъ Генриха посланники его во Франціи предъявили его притязанія. Его требованія были намѣренно оскорбительными. Онъ требовалъ, кромѣ 2,600,000 кронъ, всѣхъ провинцій, отданныхъ по миру въ Бретиньи въ 1360 году, всѣхъ провинцій, которыми когда либо владѣлъ или на которыя изъявлялъ притязанія англійскій король— и при этомъ онъ не отказывался отъ своего общаго притязанія на французскую корону. Вѣроятно, ставя такія чрезмѣрныя требованія, Генрихъ имѣлъ въ виду сложить отвѣтственность за войну на Францію. Несомнѣнно, что въ тоже время печальное положеніе Франціи казалось ему Божественнымъ призывомъ возстановить въ ней порядокъ силой. «Никогда во Франціи не было столько грѣха, какъ теперь—говорилъ онъ герцогу Орлеанскому—и не удивительно, что Богъ разгнѣвался на нее».

Битва при Ажинкурѣ. Союзъ съ императоромъ.

Въ виду этого онъ велъ переговоры одновременно съ обѣими партіями, борющимися во Франціи; онъ былъ готовъ жениться и на Катеринѣ французской и на Катеринѣ бургундской. Его вторженіе имѣло почти религіозный характеръ; король сурово наказывалъ за обычное своеволіе войскъ, за оскорбленія, какъ словомъ, такъ и дѣйствіемъ. Онъ заботился о томъ, чтобы явиться въ Нормандію, какъ ея законный государь. Когда послѣ пятинедѣльной осады 22 сентября 1415 года былъ взятъ ключъ въ Нормандіи, Гарфлёръ, Генрихъ дружелюбно отнесся къ жителямъ. Походъ въ Кале не смотря на его смѣлость. вѣроятно, былъ разсчитанъ, какъ демонстрація для всей Франціи. На походѣ былъ повѣшенъ одинъ солдатъ, укравшій распятіе (этимъ случаемъ Шекспиръ воспользовался для описанія окончанія житейскаго поприща Бардольфа). Битву при Ажинкурѣ 25 октября легко объяснить невѣроятной ошибкой французовъ и ихъ слѣпымъ презрѣніемъ къ врагамъ, также какъ и убійственностью стрѣльбы изъ англійскихъ луковъ и превосходнымъ расположеніемъ войскъ Генриха. Но эта битва, въ которой какіе нибудь три тысячи стрѣлковъ и тысяча рыцарей, почти не понеся никакихъ потерь, разбили вчетверо большую рыцарскую армію Франціи, могла быть признана англійскимъ пришельцемъ рѣшеніемъ въ его пользу самого Бога битвъ. Въ Англіи битва при

Ажинкурѣ оживила старый воинственный пылъ, во Франціи она повела къ союзу съ герцогомъ Бургундскимъ; въ Европѣ она привлекла на сторону Генриха Испанію, Голландію и Ганзу. Въ апрѣлѣ 1416 года императоръ Сигизмундъ, какъ представитель засѣдавшаго въ Констанцѣ собора, явился въ Дувръ для заключенія мира между Франціей и Англіей. Но когда въ августѣ онъ оставилъ Англію, давленіе обстоятельствъ заставило его замѣнить старый союзъ его дома съ Франціей оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ съ Генрихомъ противъ Франціи. Соединеніе всего христіанства, подавленіе ереси, реформа церкви, бывшіе цѣлью собора, были близки и сердцу Генриха. Вліяніе Генриха на Соборъ чрезъ его посла Роберта Галлама, епископа Салисбюри, а потомъ чрезъ епископа Бофора, теперь соединилось съ вліяніемъ Сигизмунда; такое соединенное англогерманское вліяніе устранило французскаго папу и обезпечило 11 ноября 1417 года избраніе Отто Колонны, Мартина V.

Завоеваніе Нормандіи.

Въ 1417 году съ десятитысячной арміей Генрихъ, начавъ съ Канна, взялъ всѣ главные города Нормандіи и Мена. Руанъ, второй городъ Франціи, былъ взятъ въ январѣ 1419 года послѣ шестимѣсячной осады. Убійствомъ герцога Бургундскаго людьми дофина отдало новаго герцога въ руки Генриха. Даже голодавшій Парижъ привѣтствовалъ его. Въ маѣ 1420 года по миру въ Труа Генрихъ былъ признанъ регентомъ и наслѣдникомъ Франціи съ исключеніемъ дофина; въ іюнѣ Генрихъ женился на Катеринѣ, дочери Карла VI. Въ декабрѣ оба короля и герцогъ Бургундскій торжественно вступили въ Парижъ.

Безнадежность предпріятья Генриха.

Такимъ образомъ Генрихъ, повидимому, осуществилъ свой великій планъ. Но въ сущности говоря, только теперь началась безнадежная часть его дѣла. Французы уже были раздражены его грубостью и «повелительными манерами». Онъ отвѣчалъ только: «это невозможно» или «это должно быть сдѣлано»—разсказываетъ хроникеръ с. Дениса. Въ 1421 году онъ получилъ дурныя вѣсти изъ Англіи и долженъ былъ уѣхать туда на два мѣсяца. Кларенсъ былъ разбитъ и убитъ при Боже шотландцами, состоявшими во французской службѣ. Герцогъ Бретанскій соединился съ дофиномъ. Тщетно Генрихъ пытался заставить французовъ принять рѣшительную битву, двинувшись къ Луарѣ. Изъ Англіи не приходили подкрѣпленія; «никогда онъ не бывалъ въ такой нуждѣ»—говорилъ онъ своему народу. Осада Мо заняла у него восемь мѣсяцевъ, рука смерти уже тяготѣла надъ нимъ. Онъ старался отвѣтить на призывъ герцога Бургондскаго о помощи, но онъ уже давно страдалъ отъ подагры, а потомъ отъ дизинтеріи; онъ не могъ сѣсть на лошадь; 31 августа онъ умеръ въ Венсенѣ.

Смерть Генриха.

Послѣдними его словами было увѣщаніе друзьямъ продолжать до конца его дѣло; «онъ не виновенъ въ кровопролитіи; раньше, чѣмъ онъ вынулъ мечъ, онъ совѣтывался съ святыми людьми». Когда чи-

тали покаянный псаломъ и капеланъ прочиталъ: «Ты создалъ стѣны Іерусалимскія», умирающій король сказалъ: Господи Боже, Ты знаешь, что я былъ намѣренъ возстановить стѣны Іерусалимскія». Генрихъ былъ несомнѣнно однимъ изъ послѣднихъ средневѣковыхъ героевъ по своей искренней, фанатической религіозности, по своей суровой, иногда узкой легальности, по своимъ концентрированнымъ, страстнымъ и невозможнымъ цѣлямъ. Въ теченіи многихъ поколѣній его память оставались стимуломъ дѣйствія для англичанъ. Но своимъ непосредственнымъ наслѣдникамъ онъ оставилъ роковое наслѣдіе безнадежной иностранной политики, истощенное королевство и несогласную царственную семью.

Царствованіе Генриха VI. Усилія Бедфорда. Осада Орлеана.

Карлъ Возлюбленный умеръ черезъ шесть недѣль послѣ своего зятя. Въ ноябрѣ 1422 года англичане въ Парижѣ провозгласили французскимъ королемъ Генриха VI, нѣсколько раньше дофинъ былъ провозглашенъ королемъ Карломъ VII. Англичане занимали важнѣйшую часть Франціи; по ихъ военному и политическому положенію, по ихъ союзникамъ и искусству полководцевъ, они, повидимому, были гораздо сильнѣе, чѣмъ ихъ враги. Но съ этого времени было неизбѣжнымъ пробужденіе національнаго духа французовъ и послѣдующее изгнаніе пришельцевъ. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ государственная мудрость, неутомимая энергія и высокія нравственныя качества Бедфорда помогли англичанамъ отсрочить неизбѣжную судьбу. Въ 1423 году онъ заключилъ Амьенскую лигу съ двумя герцогами Бургундскимъ и Бретанскимъ, самъ женился на сестрѣ перваго и запечатлѣлъ союзъ побѣдой при Кревантѣ, изгнавшей французовъ съ бургундской территоріи. Въ 1424 году за освобожденіемъ Іакова шотландскаго изъ его восемнадцатилѣтняго плѣна въ Англіи послѣдовалъ его бракъ съ Жоаной Бофоръ, которую онъ воспѣлъ въ своей поэмѣ, какъ «прекрасный и свѣжій цвѣтокъ, какого я не видалъ никогда до этого часа».

Шотландскій король попытался отозвать своихъ шотландскихъ подданныхъ изъ французской службы. Ихъ бурность и непреодолимое отвращеніе къ англичанамъ иногда вели къ несчастьямъ. Такъ напр. графы Буханъ и Дугласъ настояли на нападеніи на англичанъ при Вернейлѣ (1424) и оба пали въ этой битвѣ, еще разъ доказавшей, что стрѣльба изъ лука уравновѣшиваетъ низшую численность англійской арміи. «При Ажинкурѣ было много принцевъ и народа. Кревантъ было славное дѣльце, а Вернейль былъ самымъ ужаснымъ и самымъ лучшимъ изъ всѣхъ этихъ дѣлъ».—Таково мнѣніе Ворена, бургундскаго хроникера, который самъ былъ во всѣхъ трехъ сраженіяхъ. Въ 1425 году были подчинены Менъ и Шампань. Въ 1426 году нападающіе продолжали двигаться къ югу. Въ 1427 году несмотря на неудачи они были еще настолько сильны, что рѣшились на важное предпріятіе пройти линію Луары. Салисбюри въ посланіи къ лондон-

намъ говоритъ, что въ этомъ году взято тридцать восемь городовъ и въ октябрѣ онъ началъ осаду Орлеана. Несмотря на его смерть и сопротивленіе гарнизона въ городѣ чувствовался недостатокъ пищи. Искусная защита Джономъ Фальстольфомъ обоза и рѣшительная его побѣда, «битва сельдей», надъ большой французской арміей были новымъ доказатсльствомъ превосходства англійскихъ войскъ въ открытомъ полѣ. Орлеанъ казался погибшимъ. Нормандія, Менъ, Пикардія, Иль-де-Франсъ, Орлеане и Шампань были въ рукахъ англичанъ; на югѣ въ ихъ рукахъ была большая часть Гвіени и Гаскони; Бретань съ запада, Фландрія и Бургундія съ востока, вмѣстѣ съ англичанами, тѣснили Францію. Въ совѣтѣ Карла VII занимались интригами; многіе совѣтывали королю удалиться въ Испанію или Шотландію.

Несмотря на кажущуюся силу англичанъ, ихъ положеніе уже было непрочнымъ. Еще раньше Амьенскаго договора Гумфри, герцогъ Глочестерскій, женился на Жакелинѣ, наслѣдницѣ Голландіи и Генегау, убѣжавшей отъ мужа, Іоанна, герцога Брабанта. Такой бракъ входилъ въ виды Генриха IV. Но Филиппъ Бургундскій былъ кузеномъ Іоанна и Жакелины и наслѣдникомъ ихъ земель. Эти территоріи по своему положенію имѣли огромное значеніе для Бургундіи. Потому Бедфордъ въ 1424 году долженъ былъ умиротворить его, давъ ему другія земли. Но Глочестеръ продолжалъ нападать на Генегау; онъ опустошилъ Брабантъ, непосредственно оскорбилъ герцога Бургундскаго и принялъ отъ него вызовъ на поединокъ. Глочестеръ погубилъ политику Бедфорда и положительно ничего не сдѣлалъ для себя лично. Онъ оставилъ Жакелину въ Генегау, измѣнивъ ей съ Элеонорой Кобгамъ, одной изъ ея фрейлинъ. Черезъ два мѣсяца герцогъ Бургундскій справился съ своими врагами. Бедфорду удалось предотвратить поединокъ; но вредъ уже былъ сдѣланъ. Жакелина убѣжала въ Голландію и продолжала выставлять свои несчастныя притязанія.

Англійскія потери. Поведеніе Глочестера.

Въ мартѣ 1429 года Іоанна Д'Аркъ, «Божья дѣвушка», появилась въ Шинонѣ и убѣдила Карла въ своей божественной миссіи освободить Орлеанъ и отвести его въ Реймсъ короноваться. Въ теченіи десяти дней она исполнила первую изъ этихъ задачъ, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ вторую. Самъ Бедфордъ призналъ ея появленіе сильнымъ ударомъ для англичанъ, удивительно и чудесно поднявшимъ храбрость французовъ. «Таковъ былъ языческій трепетъ, говоритъ онъ, возбуждаемый этой дьявольской ученицей, именуемой дѣвственницей, употреблявшей чары и колдовство». Вѣроятно, она была права, полагая, что рѣшительное нападеніе на Парижъ нанесло бы смертельный ударъ могуществу англичанъ. Но Карлъ былъ настолько же неспособенъ къ смѣлости, какъ и къ благодарности; при первомъ же несчастіи онъ нашелъ поводъ отпустить свои войска. Потому въ 1430 году англичане получили возможность передать Парижъ управ-

Жанна д'Аркъ. Ея смерть.

ленію герцога Бургундскаго отъ лица Генриха, недавно вѣнчаннаго королемъ Англіи. Въ маѣ дѣвственница, давно сознавая, что ея миссія покончена и желавшая, «чтобы Богъ снова послалъ ее пасти овецъ ея отца», слышавшая въ послѣднее время голоса, предупреждавшіе ее о смерти, была взята въ плѣнъ близъ Компьена. Въ теченіи двѣнадцати мѣсяцевъ ее держали въ тюрьмѣ, ее допрашивали инквизиторы, угрожали, оскорбляли ее, обращались съ ней съ непонятнымъ коварствомъ и жестокостью, довели до того, что она покушалась на самоубійство, а другой разъ отреклась отъ мнимой ереси. Наконецъ 30 мая 1431 года она была сожжена на кострѣ на площади въ Руанѣ. Вина въ этой жестокости падаетъ на Бургундію, продавшую ее англичанамъ за десять тысячъ франковъ, на Бедфорда и Варвика, ненавидѣвшихъ ее, какъ человѣка, разрушившаго всѣ ихъ планы, на Карла, который могъ бы легко спасти свою спасительницу, на парижскій университетъ и норманское духовенство, мотивомъ поведенія которыхъ были низкій оппортунизмъ и священническая зависть. Трудно было бы и ожидать, чтобы тогдашніе англичане были выше предразсудковъ, въ которыхъ былъ повиненъ даже Шекспиръ; но нѣтъ словъ, достаточно суровыхъ для выраженія всей гнусности ихъ сообщниковъ.

Коронація Генриха въ Парижѣ. Аррасскій Конгрессъ. Смерть Бедфорда. Бракъ Генриха. Потеря Нормандіи и Гвіени.

Убійство Іоанны повело къ временному подъему духа среди англичанъ. Въ декабрѣ 1431 года Генриха короновали въ Парижѣ, какъ короля Франціи. Но такой успѣхъ былъ только временнымъ. Въ этомъ же году сословія Англіи проявили мирныя желанія и до конца года Бургундія заключила перемиріе съ Франціей. Въ ноябрѣ 1432 года умерла жена Бедферда, Анна бургундская, «прекрасная и добрая лэди, любимая парижанами». Бедфордъ оскорбилъ Бургундію, женившись черезъ четыре мѣсяца на Жакетѣ Люксембургской, вассалкѣ Бургундіи. Это фактически уничтожило бургундскій союзъ, опору политики Генриха V. Въ 1434 году отказъ отъ мирныхъ соглашеній и постоянныя возстанія крестьянъ въ Нормандіи доказывали, что дѣло англичанъ пронграно. На Аррасскомъ конгрессѣ 1435 года предложеніе англичанъ уступить Нормандію было отвергнуто. Англичане не хотѣли отказаться отъ французской короны; подобное отреченіе означало бы признаніе всего ихъ прошлаго тираніей и уничтожило бы всякую попытку въ будущемъ снова пріобрѣсти Францію. Но именно отказъ англичанъ и далъ герцогу Бургундскому поводъ окончательно стать на сторону Франціи. Это было роковымъ ударомъ для надменнаго герцога Бедфорда. Въ сентябрѣ онъ умеръ въ Руанѣ; это былъ хорошій полководецъ и хорошій правитель, сильный человѣкъ, принесшій себя въ жертву безнадежному дѣлу. «Онъ былъ благороднымъ по добродѣтели также, какъ по происхожденію, мудрымъ и щедрымъ, его боялись и любили» (Норманская Хроника). Въ 1436 году французы завладѣли Парижемъ, даже Кале осаждался цѣлый мѣсяцъ фла-

мандцами. Тамъ, гдѣ Бедфордъ потерпѣлъ неудачу, наврядъ ли могли имѣть успѣхъ другіе. Они одинъ за другимъ уходили или умирали на своемъ посту—герцогъ Іоркскій, старый графъ Варвикъ, два Бофора. Постепенно преобладаніе получила мирная политика кардинала Бофора. Герцогъ Орлеанскій былъ освобожденъ въ 1439 году съ обязательствомъ попытаться устроить соглашеніе. Тѣмъ не менѣе война подъ руководствомъ герцога Іоркскаго продолжалась отъ 1439 до 1445 года. Въ 1445 году графъ Суффолькъ, родственникъ Бофоровъ, устроилъ бракъ Генриха VI съ Маргаритой Анжуйской, племянницей Карла VII; этотъ бракъ повелъ къ погибели Ланкастеровъ. Она была красива и великодушна, но она была дочерью нищаго Рене и пріѣхала въ Англію безприданницей. Люди говорили, что Суффолькъ за королеву, не стоившую и четырехъ марокъ, заплатилъ цѣлую провинцію; онъ былъ вынужденъ купить перемиріе и бракъ уступкой Мена и отказомъ отъ притязаній на французскую корону. Генриху оставалось владѣніе Нормандіей и Гвіенью. Но нападенія не получавшихъ жалованья и недисциплинированныхъ англійскихъ гарнизоновъ дали французамъ поводъ къ нарушенію условій перемирія; нормандскія крѣпости быстро перешли въ руки французовъ и битва при Форминьи въ 1450 году разрушила вѣру въ непобѣдимость англичанъ въ открытомъ полѣ. Въ августѣ 1450 года въ Англіи получились извѣстія, что въ Нормандіи у насъ не осталось и пяди земли. Таже судьба постигла и старыя англійскія владѣнія въ Гвіенни. Они состояли изъ береговой страны отъ Байонны до Рошели и куска земли, простиравшейся внутрь страны на восемьдесятъ миль. Но когда три знатныхъ южныхъ рода: Арманьяки, Альбреты, и Фуа, стали французскими, Бордо сдался французамъ. Вечеромъ 23 іюня 1451 года герольдъ взошелъ на башню и «формально призвалъ помощь изъ Англіи». Отвѣта не было и черезъ недѣлю Дюпуа торжественно вступилъ въ городъ. Байонна пала въ августѣ. Въ слѣдующемъ году Тальботъ, графъ Шевсбюри, послѣдній изъ героевъ столѣтней войны, переживній тридцать четыре компаніи и до сихъ поръ вспоминаемый въ народныхъ легендахъ на Гаронѣ подъ именемъ короля Талабо, былъ разбитъ и убитъ при Шатильонѣ. Такимъ образомъ исчезли послѣдніе остатки наслѣдства Элеоноры Аквитанской, даннаго англійской коронѣ 300 лѣтъ тому назадъ. Легко было понять зло, которое приносило Англіи это наслѣдство; но за то очень легко упустить изъ виду то обстоятельство, что именно оно лишало Англію ея узкаго островнаго характера и направляло на широкія заграничныя предпріятія ту энергію, которая въ слѣдующіе тридцать лѣтъ направилась по пути гражданскихъ раздоровъ.

Результаты войны.

Столѣтняя война рѣшительно замѣнила кавалерію пѣхотой, феодальнаго рыцаря іоменомъ-стрѣлкомъ; она повела примѣненіе артилеріи къ цѣлямъ осады. До конца ея уже было очевидно, что длин-

ный лукъ долженъ будетъ вскорѣ уступить мѣсто мушкету и что для поддержанія общественнаго порядка будутъ необходимы постоянныя арміи.

Политическимъ слѣдствіемъ войны было созданіе блестящаго, но эфемернаго бургундскаго государства, существовавшаго сто лѣтъ и пробужденіе напряженнаго французскаго патріотизма, ставшаго для французовъ религіей.

Англизированіе Нормандіи

Въ англійской политикѣ ни при Эдуардѣ III, ни при Генрихѣ V, война не была цѣлью сама по себѣ. Въ основѣ воинственной политики перваго лежали широкія, хотя и нѣсколько смутныя торговыя цѣли. Генрихъ имѣлъ опредѣленную цѣль создать въ Нормандіи вторую Англію, которая сдѣлала бы его владыкой проливовъ и дала ему рѣшительной голосъ въ европейскихъ дѣлахъ. Для этого были совершены многія реформы, уничтожены соляные налоги и пошлины, уничтожено разбойничество; англійскимъ дворянамъ предлагали земли для поселенія, была сдѣлана попытка колонизировать четыре большіе морскіе порта англійскими торговцами и ремесленниками. Туземнымъ мануфактурамъ дали привиллегіи и регулировали ихъ. По англійскому образцу была введена система представительства трехъ сословій и составленному такимъ образомъ парламенту были переданы полномочія обложенія налогами. Судебная система была реорганизована на основаніи англійскихъ ассизовъ и мѣстныхъ судовъ. Введена была даже милиція. Это, дѣйствительно, была честная и послѣдовательная попытка примѣнить англійское управленіе къ новой Англіи — попытка, основанная какъ и въ Англіи, на дворянствѣ, духовенствѣ и офиціальныхъ классахъ, безъ поддержки которыхъ, дѣйствительно, было бы невозможно такъ долго удержать Нормандію. Но за то и всѣ недостатки ланкастерской системы управленія повторились въ Нормандіи. Политическая основа системы была слишкомъ узка; права голоса слишкомъ ограничены, особенно въ городахъ. Англійскіе колонисты скоро превратились въ французовъ, норманское дворянство оказалось непримиримымъ и мѣстный патріотизмъ оказался слишкомъ силенъ для того, чтобы съ нимъ могла справиться чужестранная организація. Это былъ смѣлый и упорно проводимый въ жизнь экспериментъ, но онъ былъ сдѣланъ слишкомъ поздно.

Бофоръ и Глочестеръ. Появленіе партіи мира. Арестъ и смерть Глочестера. Смерть Бофора, его характеристика.

Отъ 1422 до 1447 года исторія Англіи состоитъ изъ соперничества между Бофоромъ и Глочестеромъ. Глочестеръ погубилъ политику своихъ братьевъ во Франціи, а теперь съ той же надменной жадностью онъ уничтожилъ всѣ шансы своего дома на упроченіе династіи. Онъ началъ съ того, что потребовалъ для себя регентства въ Англіи; лорды согласились дать ему титулъ протектора. Онъ нападалъ на всѣ мѣры своего дяди Генриха Бофора, епископа Винчестерскаго, бывшаго тогда канцлеромъ и возбудилъ противъ него вооруженное возстаніе лондонцевъ. Въ 1426 году Бедфорду пришлось пріѣхать изъ Франціи съ

цѣлями посредничества—миръ можно было возстановить только тѣмъ, что епископъ отказался отъ званія канцлера и уѣхалъ изъ Англіи на два съ половиной года, будто бы по поводу крестоваго похода противъ богемскихъ гусситовъ. Въ казначействѣ не было денегъ и тѣмъ не менѣе Глочестеру удалось вытянуть у него большую сумму на свое жалованье, въ формѣ выгодныхъ опекъ и въ видѣ займа на его безплодныя иностранныя предпріятія. Когда Бофоръ вернулся въ Англію въ 1428 году, онъ пріѣхалъ уже кардиналомъ. Глочестеръ воспользовался старой подозрительностью англичанъ по отношенію къ папскимъ легатамъ и новымъ раздраженіемъ противъ попытокъ папы добиться отмѣны статутовъ о «провизорахъ». Бофору пришлось уступить національному настроенію; короновавъ въ слѣдующемъ году короля, онъ заставилъ своего соперника отказаться отъ должности протектора. Тѣмъ не менѣе нація была на сторонѣ Глочестера при его нападеніяхъ на Бофора въ 1431—32 годахъ; онъ былъ въ состояніи занять всѣ важныя государственныя должности своими приверженцами, пока возвращеніе его брата въ Англію не лишило его главнаго мѣста въ совѣтѣ и не заставило его на время быть поскромнѣе и болѣе сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ. Но только не на долго; въ апрѣлѣ 1434 года онъ уже критиковалъ веденіе военныхъ дѣйствій его братомъ. Бедфордъ снова отправился во Францію, чтобы провести послѣдній годъ своей жизни въ безнадежномъ дѣлѣ. Смерть Бедфорда окончательно заставила Бофоровъ склониться къ миру; король тоже все болѣе и болѣе склонялся къ нему. Глочестеръ, какъ глава военной партіи и какъ покровитель герцога Іоркскаго, поощрялъ народъ требовать войны, — хотя онъ и не хотѣлъ платить военныхъ издержекъ, — и клеймилъ всѣ попытки мирныхъ переговоровъ, какъ измѣну и подкупъ. Но его враги пользовались милостью короля и поддержкой лордовъ и отбили его яростное нападеніе на нихъ въ 1439 году. На слѣдующій годъ они отомстили ему, обвинивъ его супругу въ колдовствѣ, ересн и измѣнѣ; она при посредствѣ магіи растопила предъ огнемъ восковое изображеніе короля, чтобы такимъ путемъ погубить его; въ числѣ ея сообщниковъ были извѣстный колдунъ и клерикъ изъ Оксфорда, «знаменитый во всемъ мірѣ своимъ знаніемъ астрономіи и черной магіи». Съ открытой головой и босыми ногами она должна была въ теченіи трехъ дней публично каяться на лондонскихъ улицахъ и потомъ посажена въ тюрьму на всю жизнь. а ея сообщники были казнены. Съ 1435 года ея мужъ считался наслѣдникомъ короны. но этотъ случай доказывалъ, что онъ лишился своего вліянія. Когда онъ предложилъ, чтобы Генрихъ женился на дочери графа Арманьяка, Бофоры возстали противъ этого; они отправили всѣхъ людей и всѣ деньги, сколько могли собрать, не для помощи Іорку въ Нормандіи, а для предпріятія герцога Сомерсета (Джона Бофора) въ Гіенни. Но когда

дѣйствительно состоялся бракъ съ Маргаритой Анжуйской, парламентъ и нація начали недовѣрять и подозрѣвать Бофоровъ и ихъ представителя Суффолька. Очевидно, что въ 1446 году Суффолькъ при помощи королевы составилъ планъ низверженія герцога. Парламентъ 1447 года былъ созванъ въ Эдмундсъ-Бюри, такъ какъ Лондонъ былъ еще подъ вліяніемъ популярной политики и популярнаго поведенія «добраго герцога» Гумфри. При появленіи Глочестера, онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ своей свитой. Такой ударъ былъ ужасенъ для человѣка съ его темпераментомъ, съ его здоровьемъ, давно разстроеннымъ излишествами; онъ былъ пораженъ параличемъ и черезъ пять дней умеръ. Ходили слухи, будто его убили. Дѣйствительно, относительно его интригъ и контръ-интригъ Суффолька мы знаемъ очень мало, но несомнѣнно, что онъ умеръ естественной смертью. Черезъ шесть недѣль за нимъ послѣдовалъ въ могилу и его соперникъ кардиналъ. За два дня до смерти онъ приказалъ отслужить по себѣ публичную панихиду, прочитать завѣщаніе и торжественно простился съ своими служащими. Даже въ послѣдніе четыре года своего удаленія отъ двора онъ оставался, какъ и во всѣ сорокъ восемь лѣтъ управленія Ланкастеровъ, столпомъ государства. Онъ не щадя себя отдавалъ на служеніе государству свою мудрость и преданность, свое европейское вліяніе, свои громадныя богатства. Его обвиняли въ личномъ и фамильномъ честолюбіи, онъ получалъ отъ короны выгодные патенты и былъ самымъ крупнымъ торговцомъ шерстью въ королевствѣ; онъ былъ надмененъ и любилъ пышность. Въ этомъ онъ былъ не лучше своихъ современниковъ. Тѣмъ не менѣе онъ достоинъ занять свое мѣсто въ ряду великихъ духовныхъ государственныхъ людей среднихъ вѣковъ, — въ ряду, начинающемся съ Дунстана и заканчивающемся Вольсеемъ.

Характеристика Глочестера.

Иной долженъ быть приговоръ исторіи о Гумфри, герцогѣ Глочестерскомъ, этомъ яркомъ примѣрѣ ничтожества славы среди своихъ современниковъ. Упорный, безпринципный и жадный, пьяница и распутникъ, онъ добился дешевой репутаціи нѣкоторой щедростью и поверхностнымъ покровительствомъ литературѣ и искусству. Но его безумный эгоизмъ погубилъ военную политику его великихъ братьевъ. Онъ пользовался своей популярностью для разрушенія всѣхъ проэктовъ мира. Его интриги довели управленіе до безсилія и банкротства и возбудили слѣпой и неразумный предразсудокъ противъ королевы и Суффолька. Онъ поставилъ герцога Іоркскаго въ положеніе соперника короля и такимъ образомъ сдѣлалъ войну Розъ неизбѣжной.

Паденіе Суффолька. Возстаніе Кэда.

Паденіе Суффолька было жертвой памяти Глочестера. Оно было также первымъ шагомъ партіи, которая вскорѣ сдѣлалась партіей Ричарда Іорка. Суффолька, бывшаго теперь главнымъ совѣтникомъ короля и иниціаторомъ французскаго брака, народъ обвинялъ въ по-

терѣ Нормандіи и въ уступкѣ Мена и Анжу; роковымъ для него признакомъ было убійство Портсмутскими моряками его коадьютора, епископа Моллейнса. Въ парламентѣ 1450 года Суффолькъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ. Тщетно онъ указывалъ на свои заслуги, на то, что его отецъ и четыре брата потеряли жизнь во Франціи, что онъ самъ провелъ тамъ семнадцать лѣтъ. Королю пришлось оставить его; онъ былъ изгнанъ и по дорогѣ въ Кале былъ захваченъ королевскими кораблями и послѣ суда казненъ; голова его была выставлена на мачтѣ. Всякій, кто прочтетъ его прощальное письмо къ его сыну, не усомнится въ томъ, что онъ былъ невинной жертвой народныхъ предразсудковъ и партійной несправедливости. Сохранились пѣсни того времени, нѣчто въ родѣ ужасной пародіи на погребальную службу, доказывающія, какъ велика была радость, съ которой народъ принялъ извѣстіе о казни «лисицы». Были ли приверженцы Іорка, какъ это полагали заграницей, прямыми виновниками въ этомъ дѣлѣ или нѣтъ—во всякомъ случаѣ за смертью Суффолька послѣдовало событіе, которое приходится признать прямымъ вызовомъ со стороны Іоркской партіи. На Троицу 1450 года въ Кентѣ началось возстаніе нѣкоего Джона Кэда, назвавшагося Джономъ Мортимеромъ, кузеномъ герцога Іорка. Подъ предводительствомъ этого «кентскаго вождя», этого «Джона всеисправляющаго», іомены и дворянство Кента и Суссекса возстали, не безпорядочными толпами, а правильными отрядами подъ главенствомъ констеблей сотенъ. Они образовали настоящій лагерь въ Блэкгитѣ, составили пятнадцать статей своихъ требованій и требовали, чтобы Іоркъ и его друзья заняли въ королевскомъ совѣтѣ мѣста партіи Суффолька. Нѣкоторые лондонцы и даже войска короля были не прочь брататься съ ними. Кэдъ возвратился въ Лондонъ, захватилъ и обезглавилъ казначея, лорда Сэя и другихъ непопулярныхъ сановниковъ. Около того же времени въ Ультширѣ чернь побила камнями епископа Салисбюрійскаго, совѣтника короля. Правительству пришлось войти въ соглашеніе съ мятежниками; была объявлена амнистія мятежникамъ Кента, Сюррея Суссекса и Эссекса. Они возвратились домой. Черезъ недѣлю Кэдъ, не положившій оружія, былъ убитъ шерифомъ Кента. Но не смотря на казни, недовольство продолжало проявляться въ этихъ графствахъ. А въ это время герцогъ Іоркскій оставилъ Ирландію и вернулся домой съ жалобами на недовѣріе, съ обвиненіями «въ отсутствіи правительства», онъ такъ устроилъ дѣло, что «королевскій дворъ былъ устрашенъ». И дѣйствительно его положеніе было очень сильное. Онъ былъ возможнымъ наслѣдникомъ престола, такъ какъ у Генриха не было дѣтей, хотя онъ и происходилъ отъ Эдуарда III только по женской линіи, но за то эта линія была старшей, чѣмъ Ланкастерская; по мнѣнію современниковъ его права на корону были болѣе законными, чѣмъ права короля. Сомерсетъ могъ считаться наслѣдникомъ

Возвращеніе Іорка. Протекторатъ Іорка. Первая битва войны Розъ. Іоркъ требуетъ короны. Битва при Тоутонѣ.

по мужской линіи Джона Гаунта, но только въ томъ случаѣ, если легитимація Бофоровъ каноническимъ закономъ и парламентомъ была бы признана дѣйствительной вопреки устраненію ихъ отъ наслѣдія короны Генрихомъ IV, а также и Ричардомъ II. Во всякомъ случаѣ большинство признавало Іорка законнымъ наслѣдникомъ Въ теченіи пятнадцати лѣтъ онъ служилъ во Франціи и въ Ирландіи сравнительно съ другими съ замѣтнымъ успѣхомъ. Среди крупнаго дворянства у него была сильная партія. Онъ былъ своякомъ четырехъ Невиллей, лордовъ Салисбюри, Фокенберга, Латимера, Абергавенни, Гумфри Стаффорда, герцога Букингама, и Генриха Перси, графа Нортумберланда, и дядей Мовбрея, герцога Норфолька, и Ричарда, графа Варвика. Онъ являлся представителемъ знатнаго дома Мортимеровъ, а также потомкомъ Ліонеля Кларенса и Эдмунда Іорка. Кромѣ того парламенты 1450 и 1451 года были за него. Томасъ Юнгъ, представитель Бристоля, былъ отправленъ въ Тоуэръ за внесеніе петиціи объ объявленіи Іорка наслѣдникомъ. Въ 1452 году Іоркъ собралъ войска, чтобы наистаивать на удаленіи Сомерсета, какъ виновника потери Нормандіи; но ни Кентъ, ни Лондонъ не были готовы поддержать его оружіемъ и онъ былъ принужденъ покляться, что въ будущемъ будетъ прибѣгать только къ законнымъ средствамъ. На слѣдующій годъ окончательная потеря Гвіени, помѣшательство короля и рожденіе принца Валійскаго заставили Іорка дѣйствовать. Онъ былъ избранъ протекторомъ и его соперникъ посаженъ въ тюрьму; Салисбюри получилъ канцлерство, а Томасъ Буркье, другой родственникъ Іорка, архіепископство кентербюрійское. Внезапное выздоравленіе короля послѣ восемнадцати мѣсячной болѣзни и возвращеніе Сомерсета заставили партію Іорка вооружиться для самозащиты и при Ст. Альбансѣ 22 мая 1455 года произошла первая изъ четырнадцати битвъ войны Розъ, число убитыхъ было невелико, всего «какихъ нибудь шесть дюжинъ»; но въ числѣ ихъ былъ Сомерсетъ. Іоркъ побѣдилъ; король снова захворалъ и протекторъ снова получилъ власть, но только на три мѣсяца, когда король опять выздоровѣлъ. Послѣ этого три года продолжалось перемиріе; герцогъ Іоркскій «ждалъ королевы, а она его (Paston Letters). Въ мартѣ 1456 года въ соборѣ св. Павла произошло торжественное умиротвореніе, причемъ обѣ партіи шли парами, Іоркъ подъ руку съ королевой—и такъ далѣе. Но это было непрочнымъ перемиріемъ, во время котораго Варвикъ пріобрѣталъ популярность въ качествѣ начальника Кале и оберегателя проливовъ. Къ сентябрю 1459 года королева была готова; Салисбюри былъ вызванъ въ Лондонъ; онъ собралъ своихъ іоркширскихъ фермеровъ, призвалъ своего сына Варвика, поразилъ королевскія войска при Блэкгитѣ и оба графа сошлись съ Іоркомъ въ Людлоу. Но небольшіе отряды Іорка не могли противустоять значительной королевской арміи; Варвикъ и Салисбюри убѣжали въ Кале, а Іоркъ въ Ирландію. Ихъ возвращеніе

въ іюнѣ было торжественнымъ шествіемъ чрезъ Кентъ въ Лондонъ, за которымъ послѣдовала рѣшительная побѣда при Норгамптонѣ, гдѣ пало много ланкастерскихъ полководцевъ и самъ король былъ взятъ въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ парламентѣ Іоркъ прямо поставилъ свои притязанія на корону; но интересно при этомъ то обстоятельство, что несмотря на отсутствіе и смерть четырнадцати ланкастерскихъ пэровъ лорды имѣли настолько храбрости и здраваго смысла, чтобы сопротивляться и сослаться на свою присягу Генриху. Результатомъ былъ компромиссъ: Генрихъ признанъ королемъ по смерть, а Іоркъ объявленъ его наслѣдникомъ. Но черезъ нѣсколько недѣль іорксисты были разбиты при Вакфильдѣ, головы вождей были выставлены Маргаритой на стѣнахъ Іорка и голова протектора украшена въ насмѣшку короной. Но королева сама погубила свое дѣло своей арміей грабителей, собранной ей на границахъ Англіи; эта армія, правда, одержала вторую побѣду при С. Альбансѣ, но она была такъ недисциплинирована, что королева не смѣла ввести ее въ Лондонъ. Пока королева вела переговоры, Варвикъ и Эдуардъ, графъ Маршъ, двигались съ запада и спасли дѣло Іорка. «По совѣту лордовъ юга» 4 марта королемъ былъ провозглашенъ Эдуардъ IV. Это было громаднымъ скачкомъ въ ученіи о наслѣдственномъ правѣ; парламентъ призналъ новаго короля только черезъ восемъ мѣсяцевъ. Въ это время произошла стычка при Феррибриджѣ и черезъ два дня большая битва при Тоутонѣ (29 марта) Дезорганизированное ланкастерское войско отступило къ сѣверу, чтобы произвести новый наборъ, но его преслѣдовалъ Варвикъ съ его солдатами съ валійской границы и изъ Кента. Въ Лейчестерѣ къ нему присоединился Эдуардъ съ свѣжими войсками, стекавшимися къ нему изъ сѣверныхъ и среднихъ графствъ и жаждующими мщенія дикимъ сѣверянамъ, «съ странной рѣчью и преданнымъ грабежу и пожранію добычи». Битва въ Вербное воскресенье (1461 года) была наиболѣе упорной изъ всѣхъ сраженій этой войны; она началась въ четыре часа утра и рѣшена была только послѣ полудня прибытіемъ приверженцевъ Мовбрея, которые послѣ продолжительнаго похода изъ Норфолька пришли какъ разъ во время, чтобы занять правое крыло и напасть на врага съ востока. Во время сраженія падалъ снѣгъ; когда бѣжавшіе столпились на затопленныхъ лугахъ, «рѣка убила ихъ въ тотъ день тысячи». Хроникеры утверждаютъ, что іорксистовъ было 48 тысячъ, а ланкастерцевъ 60 и что герольды сосчитали больше двадцати тысячъ убитыхъ. Наврядъ ли можно принять эти цифры. Но достовѣрно, что графы Нортумберландъ, Девонширъ и Уильтширъ, и лорды Клиффордъ, Дакръ, Невилль, Уэльсъ, Манлей и многіе рыцари и сквайры пали на полѣ битвы или были взяты въ плѣнъ и казнены. Генрихъ и Маргарита убѣжали къ сѣверу и оттуда въ Шотландію. Они удержали только нѣкоторыя крѣпости: Альнуикъ, Бамборо и Дунстанборо на сѣверѣ, Гарлехъ на за-

падѣ. Наказаніе за «не прямые пути» Генриха IV, за самоубійственныя иностранныя войны Генриха V, за фаворитизмъ и неспособность Генриха VI пало на династію. Англія нуждалась въ сильномъ государѣ и нашла его въ Эдуардѣ IV.

Конституція при Ланкастерахъ.

Царствованіе Ланкастеровъ было опытомъ и опытомъ неудачнымъ въ сферѣ конституціи. Самымъ поразительнымъ и характернымъ признакомъ этого опыта было временное согласіе между совѣтомъ и парламентомъ. Со времени воцаренія Генриха IV совѣтники назначались парламентомъ, ихъ жалованье, процедура и правила засѣданій совѣта опредѣлялись парламентомъ. Результатомъ было полное прекращеніе старой вражды къ совѣту. Его вмѣшательство въ отправленіе правосудія, его рѣшенія по поводу различныхъ петицій не были больше предметомъ жалобъ, какъ въ 14 вѣкѣ. Раньше ревностно оберегаемые статуты о «Складахъ» и «Провизорахъ» были теперь переданы въ его распоряженіе. Даже полномочіе обложенія налогами было передано ему до подробностей доходовъ и расходовъ. Въ парламентѣ образовался обычай вотировать извѣстную сумму и предоставлять совѣту право собирать ее займомъ подъ обезпеченіе таможенныхъ пошлинъ. Такая практика продолжалась до 1447 года и на десять лѣтъ пережила реальное согласіе между двумя учрежденіями. При наступившемъ финансовомъ банкротствѣ невозможно было оставить метода, оказавшагося довольно удачнымъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока былъ живъ Бофоръ съ его готовностью давать въ заемъ изъ своихъ громадныхъ средствъ и при его установившейся репутаціи финансиста.

Развитіе силы парламента.

Другой характерной чертой этого конституціоннаго опыта было признаніе значенія парламента. Смѣло требовали свободы слова, эту свободу отстаивали многіе изъ спикеровъ. Въ 1407 году палата общинъ обезпечила свое исключительное право на вотированіе денегъ. Петиція должна становиться статутомъ безъ измѣненій и это привело къ употребленію биллей, т. е. петицій, облеченныхъ въ форму статута. Откладывая вотированіе денегъ до послѣдняго дня сессіи, обезпечивали правило, чтобы исправленіе золъ предшествовало вотированію субсидій. Опредѣленіемъ частныхъ фондовъ обезпечивалось надлежащее употребленіе субсидій. Бережливостью вотированій обезпечивалось то, что палатѣ давался подробный докладъ о прежнихъ субсидіяхъ.

Регулированіе выборовъ.

Еще болѣе любопытна попытка правительства Ланкастеровъ очистить представительную систему въ самыхъ ея источникахъ. На основаніи нѣсколькихъ статутовъ отъ 1406 до 1445 года было ограничено вмѣшательство въ выборы шерифовъ. Отчетъ о выборахъ дѣлался за печатями избирателей. За ложный отчетъ наказывали штрафомъ въ 100 фунтовъ. Условіемъ для избранія было сдѣлано мѣстожительство. Были изданы правила, чтобы іеменовъ не избирали въ

качествѣ рыцарей и чтобы никто, не имѣвшій вольнаго владѣнія (фригольда) въ 40 шилл., не пользовался правомъ голоса.

Политическая теорія Фортескью.

Не безъ основанія сэръ Джонъ Фортескью утверждаетъ, что въ его время англійское королевство было конституціонной и ограниченной монархіей. Король не могъ издавать законы или облагать налогами безъ парламента или засѣдать въ качествѣ судьи въ своихъ судахъ. Но dominium была regale—настоящимъ монархическимъ правленіемъ по значительнымъ полномочіямъ, довѣреннымъ коронѣ, по ея внѣзаконнымъ полномочіямъ въ случаѣ иностраннаго нашествія, по ея прерогативѣ прощенія и справедливости (equity) и по ея наслѣдственности.

Причины неудачи конституціи.

Естественно спросить: почему же такая попытка сдѣлать парламентъ прямымъ орудіемъ управленія потерпѣла такую печальную неудачу? Причина этого отчасти состояла въ томъ, что нація еще не пріобрѣла свойствъ, необходимыхъ для такой высокой ступени самоуправленія, а отчасти въ недостаткахъ представительной системы того времени.

Не полнота представительства.

Прежде всего представительство было неполнымъ. Общины представляли олигархію фригольдеровъ, управлявшихъ огромной, не имѣющей права голоса массой виллановъ и ремесленниковъ. Сама палата общинъ была еще болѣе исключительнымъ классомъ рыцарей и гражданъ, старавшихся проводить такія нелѣпыя и тираническія мѣры, какъ воспрещеніе всѣмъ людямъ ниже званія фригольдера держать собакъ или воспрещеніе виллананамъ отдавать въ школы ихъ дѣтей. По статуту 1430 года такой деспотизмъ фригольдеровъ былъ увѣковѣченъ въ Англіи на цѣлыхъ четыреста лѣтъ.

Народные предразсудки.

Во вторыхъ Общины были рабами слѣпыхъ предразсудковъ. Для нихъ грубіянъ Ѳома Ланкастерскій былъ святымъ, а Гумфри Глочестеръ политическимъ мученикомъ. Когда мѣстная исполнительная власть оказывалась жертвой интригановъ, надменныхъ дворянъ и подкупныхъ чиновниковъ, онѣ осуждали корону и министровъ. Когда изданные палатой законы противъ роскоши оказались недѣйствительными, она полагала, что помочь этому горю можетъ только перемѣна династіи. Когда велись переговоры о мирѣ, палата кричала объ измѣнѣ—и притомъ она сама дѣлала этотъ миръ неизбѣжнымъ, такъ какъ отказывалась вотировать военныя издержки,

Слабость парламента.

Третьимъ деффектомъ было отсутствіе гарантій въ прочности результатовъ рѣшеній какого либо парламента. Сознаніе этого объясняетъ постоянную тенденцію общинъ видѣть въ какомъ нибудь вельможѣ борца за конституцію и стремленіе къ ежегоднымъ парламентамъ и продолжительнымъ сессіямъ. Такой деффектъ могъ быть устраненъ только кабинетскимъ правительствомъ и организованной администраціей.

Въ это время основа и единица представительной системы, старое

Паденіе системы графства: право голоса въ городахъ.

вѣче графства, приходило въ упадокъ. Появленіе мировыхъ судей лишило его значительной доли его власти. Оно снова попало въ руки шерифа, который назначалъ своихъ собственныхъ кандидатовъ и кандидатовъ какого-нибудь лорда. Одновременно и боруги старались избавиться отъ своихъ парламентскихъ обязанностей и сопровождающихъ ихъ тяжестей; ихъ внутреннее управленіе было узкой олигархіей, выборы попадали часто въ руки корпорацій, ихъ представители были боязливыми, непатріотическими реакціонерами.

Суровая дисциплина Іоркскаго и Тюдорскаго деспотизма, пробуждающее вліяніе реформаціи, воспитательное вліяніе борьбы противъ Карла I и Лоуда, противъ генералъ-маіоровъ Кромвеля, противъ декларацiи Іакова II, были необходимы, чтобы англійскій народъ снова принялся за великое дѣло парламентскаго самоуправленія съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, пріобрѣтенный съ большимъ трудомъ, но за то прочный.

Общій характеръ войны Розъ.

Войну Розъ описывали, какъ простую борьбу аристократическихъ партій. Относительно военной стороны дѣла отъ сраженія при С'Альбансѣ до битвы при Тьюксбюри, дѣйствительно, характерно то обстоятельство, что въ нихъ, по замѣчанію Комина, участвовали только дворяне и ихъ свита. Но было бы очень поверхностнымъ взглядомъ на дѣло игнорировать тѣ глубокія причины, которыя повели къ такой упорной борьбѣ, и не понять важныхъ результатовъ борьбы. Безъ сильнаго народнаго недовольства династіей навряд ли могла образоваться Іоркская партія. Народное же недовольство было слѣдствіемъ продолжительныхъ французскихъ войнъ, ихъ деморализующаго вліянія и униженія въ послѣдней ихъ стадіи. Оно было также результатомъ преждевременнаго развитія парламентарныхъ учрежденій, затемняемаго притомъ роковыми вліяніями; «дворяне были плевелами въ прекрасномъ саду, которыхъ надо было скосить до чиста, чтобы дать появиться доброй и хорошей травѣ». Наконецъ, оно было слѣдствіемъ продолжительнаго періода «недостатка управленія», наиболѣе всего проявлявшагося въ банкротствѣ центральной власти и въ ея неспособности поддерживать порядокъ. Доходы шли по большей части на пенсіи «знатнымъ лордамъ и другимъ». Въ 1433 году долгъ уже былъ въ пять разъ больше дохода. Новые средства обложенія вызывали только мятежный ропотъ. Въ одно время даже судьямъ не платили въ теченіи одиннадцати лѣтъ. Королю приходилось жить поставками (purveyance) и это было однимъ изъ обвиненій въ длинномъ счетѣ націи съ Суффолькомъ и Сомерсетомъ. «Вы сдѣлали короля такимъ бѣднякомъ, что онъ теперь проситъ милостыню у дверей», и «клялись Богомъ, сокрушившимъ адъ, что настанетъ же разсчетъ». Еще хуже была мѣстная анархія. Такія частныя войны, какъ война на западѣ между лордомъ Бонвиллемъ и графомъ Девонскимъ или на Сѣверѣ между Перси и Невиллями были обыч-

нымъ явленіемъ. Письма Пастона указываютъ намъ на положеніе Норфолька и Суффолька; открытыя организованныя убійства, дороги, занятыя шайками разбойниковъ, тысячная толпа съ пушками, осаждающая и разрушающая замокъ лорда и благородный авторъ такихъ дѣяній, оправдываемый потому, что шерифъ получилъ королевскій приказъ подобрать благосклонныхъ присяжныхъ (такой приказъ, случайно сообщаютъ намъ авторы, можно было получить въ Лондонѣ за 6 шил. 8 д.). Даже оксфордскіе и кембриджскіе студенты облеклись въ военные доспѣхи и терроризировали и грабили сосѣднія графства. Дѣйствительно, при ослабленіи центральной власти снова появился феодализмъ знатныхъ вельможъ, причемъ цѣлью ихъ была не независимость провинцій, а личныя выгоды и приращеніе личнаго богатства; ихъ орудіями были ихъ громадныя помѣстья, шайки людей, которыхъ они держали въ качествѣ свиты и коронныя обязанности, которыми они торговали. Они вели почти королевскій образъ жизни; у каждаго былъ свой совѣтъ, свои приказы и титулы «ихъ высочествъ». Герцогъ Норфолькъ назначалъ своихъ людей судьями и шерифами, натравлялъ своихъ фермеровъ на присяжныхъ, «очевидно и ужасно устрашалъ суды», насиліемъ освободилъ убійцу, покупалъ ложные приговоры, осаждалъ по поводу частнаго спора Касторъ-Кэстль съ тремя тысячами войска, посылалъ въ парламенты своихъ «наемныхъ слугъ». Но удивительно, что Пастону въ Норфолькѣ тайной успѣха въ жизни казалось пріобрѣтеніе милости такого знатнаго лорда: «пусть на вашей сторонѣ будетъ его лордство, ибо отъ сего зависитъ весь законъ и пророки». Когда Звѣздная палата сдѣлала своей задачей обузданіе такихъ нобльменовъ, было уже поздно для общественнаго благосостоянія.

Распредѣленіе партій.

Естественно, что географическое раздѣленіе округовъ, придерживавшихся той или другой партіи, обусловливалось принадлежностью знатныхъ родовъ округа къ той или иной партіи. Пограничныя съ Валисомъ марки пристали къ іоркской партіи, какъ представительницѣ дома Мортимеровъ. Норфолькъ и Суффолькъ находились подъ вліяніемъ Мовбреевъ. За родомъ Невиллей слѣдовали Кентъ и Дургамъ, Варвикширъ и Уильтширъ. Большіе города на югѣ и весь морской берегъ были за Іорка; это объясняется тѣмъ, что они надѣялись получить отъ этой партіи болѣе сильное правительство и лучшее охраненіе морей, и ихъ враждой къ іерархіи, отождествляемой съ царствующей династіей. Съ другой стороны за Перси, Дакрами и Клиффордами слѣдовала большая часть Іоркшира и Нортумберланда; графы Вестерморландъ, хотя и были Невиллями, стояли за Ланкастеровъ. Въ Валисѣ силу имѣли Тюдоры и Бофоры. Главные лорды въ Буксѣ и Оксфордширѣ, въ Стаффордѣ и Дорсетѣ, въ Сомерсетѣ и Девонѣ принадлежали къ ланкастерской партіи. Старое герцогство Ланкастера включило графство Герефордъ, Дерби, Лейче-

стеръ, Линкольнъ, Эссексъ и Нортгамптонъ; многіе фермеры изъ этихъ округовъ стекались подъ знамена королевы Маргариты Но помѣстья лордовъ рѣдко находились въ одной мѣстности и потому партіи были перемѣнны. Такъ напр. на сѣверѣ іорксисты были сильны въ Рэби и Миддльгамѣ, въ Сендалѣ и Пикфильдѣ. Іоркспстъ лордъ Ловель оспаривалъ Оксфорширъ у Веровъ. Вообще это была война болѣе населеннаго и болѣе прогрессивнаго юга противъ болѣе аристократическаго и болѣе дикаго сѣвера. До нѣкоторой степени тутъ было и классовое раздѣленіе: горожане и торговцы подъ предводительствомъ немногихъ знатныхъ родовъ стояли противъ большинства вельможъ, дворянства и высшаго духовенства. Можно также считать войну Розъ борьбой между представителями наслѣдственнаго права и парламентомъ, или между идеалами абсолютной и органической монархіи, или между новымъ общественнымъ строемъ и старой феодальной и церковной системой.

Но наиболѣе простое и лучшее объясненіе состоитъ въ личныхъ отношеніяхъ небольшого кружка знатныхъ людей. Это объясняетъ незначительность численности участвующихъ въ битвахъ, уравновѣшенное состояніе партій и внезапность оборотовъ счастія, личную ненависть и хладнокровную жестокость вождей и, наконецъ, то любопытное обстоятельство, что во все время войны торговля и промышленность, даже отправленіе правосудія, шли своимъ ходомъ.

Царствованіе Эдуарда IV.

«Король долженъ угождать Общинамъ въ этой странѣ, потому что иначе онѣ ворчатъ и говорятъ, что король губитъ страну и является великимъ врагомъ и угнетателемъ Общинъ и не вознаградилъ тѣхъ, которые помогали ему. Это надо принять въ соображеніе или ему придется плохо и, мнѣ кажется, это основательно». Подобная угроза въ устахъ одного изъ іорксистовъ объясняетъ, почему въ теченіе десяти лѣтъ послѣ воцаренія перваго короля изъ дома Іорковъ все еще продолжались мятежи, битвы и перевороты. Получивъ корону, Эдуардъ совсѣмъ не намѣревался быть королемъ партіи. Онъ говорилъ, что не желаетъ быть болѣе милостивъ къ одному человѣку, чѣмъ къ другому—«и ни къ одному въ Англіи». Но его товарищи по оружію ожидали торжества партіи. Варвику, опытному солдату, моряку, государственному человѣку и дипломату, девятнадцатилѣтній мальчикъ Эдуардъ долженъ былъ представляться простымъ орудіемъ. И однако великій графъ и его родъ были необходимы для короля. Неутомимая Маргарита высадилась въ 1462 году на сѣверѣ и тамъ

шла непрерывная борьба изъ за сѣверныхъ крѣпостей до тѣхъ поръ, пока послѣдніе отряды ланкастерцевъ были разбиты въ битвахъ при Геджели-Моръ и Гексгамѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1464 года.

Ссора съ Невиллями.

Для обезпеченія прочности новой династіи было необходимо отдѣлить Ланкастеровъ отъ ихъ иностранныхъ союзниковъ. Уже были заключены перемирія съ Бургундіей и Шотландіей; Варвикъ составилъ планъ союза съ Франціей, хотѣлъ женить Эдуарда на сестрѣ французской королевы. Когда онъ уже готовился переправиться во Францію, чтобы вести объ этомъ переговоры, Эдуардъ объявилъ, что онъ уже пять мѣсяцевъ тому назадъ женился на лэди Елизаветѣ Грей. Она была вдова ланкастерца-рыцаря и дочь ланкастерца лорда Риверса, который самъ сдѣлался лордомъ и составилъ карьеру посредствомъ брака. Это былъ страшный ударъ для іорксистовъ и для гордости Невиллей. Но ихъ ожидало худшее. При посредствѣ браковъ шестеро членовъ семьи Вудвиллей сдѣлались членами высшаго дворянства. За этимъ въ 1466 году послѣдовали еще два подобныхъ повышенія. Могущество Невиллей еще было громадно, потому что лордъ Джонъ Монтегю получилъ конфискованныя имѣнія Перси. Но король создалъ грозный противовѣсъ этому могуществу въ семьѣ Вудвиллей. Потомъ онъ воспретилъ обрученіе своего брата Георга Кларенса съ дочерью Варвика, Изабеллой. Наконецъ, онъ отправилъ Варвика съ порученіемъ заключить миръ съ королемъ Франціи, а самъ въ это время заключилъ договоръ о бракѣ и союзѣ съ герцогомъ Бургундскимъ. Результаты такой политики понятны.

Народное возстаніе. Битва при Барнетѣ и Тьюксбюри.

Въ апрѣлѣ 1469 года возсталъ Іоркширъ подъ предводительствомъ нѣкоего Робина Редесдаля и также, какъ Кентъ при Джонѣ Кэдѣ, жаловался, что ближайшій родственникъ короля устраненъ изъ совѣта. Лорды Латимеръ и Фицгугъ изъ рода Невиллей присоединились къ возстанію, къ нимъ изъ Кале присталъ и Варвикъ, заключивший бракъ своей дочери съ Кларенсомъ. Эдуардъ былъ разбитъ Варвикомъ при Эджкоттѣ и взятъ въ плѣнъ. Съ характерной для него граціей и притворствомъ, король согласился на все и объявилъ, что побѣдители его лучшіе друзья. Но въ слѣдующемъ году произошло новое возстаніе въ Линкольширѣ и король послѣ легкой побѣды надъ мятежниками при Лозкоатъ-Фильдѣ объявилъ, что онъ нашелъ доказательства сообщничества съ мятежниками Варвика и Кларенса. Объявленные измѣнниками, захваченные врасплохъ Эдуардомъ, они убѣжали во Францію и соединились тамъ съ королевой Маргаритой, старымъ врагомъ Варвика, убійцей его отца. Въ сентябрѣ 1470 года чрезъ одиннадцать дней послѣ высадки Варвика при Дармоутѣ онъ былъ повелителемъ королевства, а Эдуардъ бѣжалъ во Фландрію. Несчастный король Генрихъ, эта тѣнь короля, былъ привезенъ изъ Тоуэра и посаженъ на тронъ. Но въ мартѣ 1471 г. Эдуардъ при помощи бургундцевъ возвратился домой, высадился, какъ

когда то Генрихъ IV, при Равенспурѣ и объявилъ также, какъ когда то Генрихъ, что онъ требуетъ только своего герцогства. Люди стекались къ нему, Кларенсъ перешелъ на его сторону, Лондонъ открылъ свои ворота популярному королю. Битва при Барнетѣ на Пасхѣ въ туманное утро навсегда рѣшила паденіемъ «дѣлателя королей», Варвика, и его брата Монтегю долгую борьбу Розъ и закончила бурную исторію средневѣковаго баронства типическимъ смѣшеніемъ кровопролитія, измѣны и отчаянной храбрости. Пораженіе арміи Маргариты при Тьюксбюри черезъ три недѣли было неизбѣжнымъ заключеніемъ драмы. Такъ же неизбѣжна была и судьба Генриха—это просто было однимъ изъ убійствъ, тайна которыхъ хорошо охраняется стѣнами Тоуэра.

Кларенсъ.

Положеніе Эдуарда было теперь обезпечено. Но у него былъ еще врагъ, которому нужна было отомстить—его собственный братъ, «коварный» Кларенсъ, стоявшій на пути честолюбивыхъ надеждъ Ричарда, герцога Глочестера, и родственниковъ королевы, Вудвиллей. Предоставленный самому себѣ, Эдуардъ, вѣроятно, забылъ бы и простилъ прошлые грѣхи Кларенса противъ него. Но самъ Кларенсъ возбуждалъ страхъ и безпокойство при дворѣ и въ странѣ своими жалобами и разговорами. Онъ упорно оспаривалъ наслѣдіе Невиллей у своего брата, женившагося на другой дочери Варвика, Аннѣ. Онъ самовольно распорядился съ одной женщиной, обвиненной имъ въ отравленіи его супруги. Онъ упорно утверждалъ, что двое изъ его слугъ, казненныхъ за колдовство и за оскорбленіе чести короля, невинны. Онъ самъ объявилъ, что король незаконный сынъ. Наконецъ, Эдуардъ арестовалъ его и, боясь его интригъ съ Бургундіей и Шотландіей, призналъ его виновнымъ въ государственной измѣнѣ и въ 1478 году казнилъ. Разсказъ, будто его утопили въ бочкѣ мальвазіи, основанъ на единодушномъ свидѣтельствѣ хроникеровъ.

Эдуардъ IV и Франція.

Современный французскій хроникеръ утверждаетъ, что въ Англіи ни одинъ король, не ведущій иностранной войны, не можетъ долго царствовать. Въ 1475 году Эдуардъ съ 13000 войскомъ снарядился для нападенія на Францію. Обязанный къ этому условіями своего союза съ Карломъ Смѣлымъ, герцогомъ Бургундскимъ, Эдуардъ, можетъ быть, также искалъ и популярности. Но Карлъ не былъ въ состояніи оказать ему дѣятельной поддержки. Людовикъ XI воспользовался надлежащимъ моментомъ для предложенія мирныхъ условій. Онъ довольно дешево откупился отъ врага—за 15000 ф. и за пожизненную пенсію въ десять тысячъ фунтовъ. Черезъ три мѣсяца лучшая армія, когда либо оставлявшая берега Англіи, вернулась домой; народъ роптalъ противъ взяточниковъ совѣтниковъ, которымъ приписывали весь позоръ такой неудачи. Время было такое, что роптать противъ короля уже не смѣли. Они угрюмо подчинялись увеличивающимся строгостямъ новаго управленія. Говорили, что они «со-

гласны посадить въ парламентъ самаго черта, лишь бы не вотировать новыхъ субсидій» и тѣмъ не менѣе имъ пришлось подчиняться коронѣ, когда она заставляла «всякаго вносить добровольно то, что ему было угодно или, лучше сказать, что ему было неугодно». Имъ приходилось терпѣть, что «богатыхъ вѣшали за кошелекъ, а бѣдныхъ за шею», что съ духовенствомъ обращались такъ, какъ будто оно обязано было удовлетворять всякое требованіе короля, что парламентъ фактически пересталъ имѣть какое либо значеніе, что король безпрепятственно вступилъ на путь открытаго разврата и невоздержанности, приведшій его къ внезапной смерти на сорокъ первомъ году жизни (1483). Онъ вступилъ на поприще общественной дѣятельности много обѣщавшимъ юношей, онъ былъ прирожденнымъ полководцемъ и прирожденнымъ популярнымъ правителемъ, несомнѣнно чувственнымъ и легкомысленнымъ человѣкомъ, но способнымъ къ энергическимъ дѣйствіямъ и къ неуклоннымъ стремленіямъ, добродушнымъ и вѣжливымъ, интересовавшимся искусствомъ и литературой, добрымъ къ окружающимъ, вѣрнымъ своимъ министрамъ, одареннымъ особыми талантами къ деталямъ управленія и къ организаціи, вполнѣ сознающимъ значеніе и важность новыхъ торговыхъ стремленій націи—однимъ словомъ, человѣкомъ съ большими дарованіями, физическими и умственными. Но страсти того времени, его собственная безпечность, измѣна Варвика и Кларенса, вліяніе фаворитовъ погубили его и развратили. Онъ умеръ ничтожнымъ и изношеннымъ распутникомъ.

Царствованіе Ричарда III.

Царствованіе и характеръ Ричарда III странно привлекаютъ вниманіе историка. Какъ ни кратко было это царствованіе, оно полно драматическихъ инцидентовъ и не разрѣшимыхъ историческихъ проблемъ. Оно отмѣчено также дѣятельнымъ и многознаменательнымъ законодательствомъ. Обычное мнѣніе о Ричардѣ приписываетъ ему столь противуестественную гнусность, что отъ «Историческихъ сомнѣній» Горація Вальполя до настоящаго времени не прекращаются попытки его реабилитаціи. Но вообще эти попытки слѣдуетъ признать неудавшимися. Правда, что разсказъ Мора заимствованъ у Мортона, ожесточеннаго врага Ричарда. Возможно также, что онъ не былъ убійцей Кларенса и что разсказъ объ обрученіи Эдуарда съ лэди Елизаветой Бутлеръ—что дѣлало дѣтей Эдуарда незаконными—не былъ ни на чемъ не основанной клеветой. Ясно также, что онъ обладалъ большими способностями, храбростью, энергіей и проницательностью, что у него было много качествъ, свойственныхъ вели-

кимъ государямъ. Кромѣ того, нужно помнить, что онъ воспитывался въ тяжелой школѣ и что онъ почти не встрѣчалъ людей, которымъ могъ бы довѣрять. Но какія бы мы оправданія не приводили для него, все же останется многое противъ него. Убійство принца Эдуарда при Тьюксбюри, убійство Генриха VI и двухъ принцевъ въ Тоуэрѣ заставляли и ланкастерцевъ и іорксистовъ ненавидѣть его. Для нихъ онъ былъ «адской собакой, которая загонитъ насъ всѣхъ на смерть». Для народа эти убійства, казнь Гастингса, Риверса и Грея, клевета на собственную мать, циническій проектъ жениться на племянницѣ, несмотря на раздѣлявшую ихъ кровь, были преступленіями, черезъ чуръ сильными даже для того преступнаго вѣка.

Послѣ смерти Эдуарда IV Ричардъ, пользуясь общей ненавистью противъ Вудвиллей, захватилъ въ свои руки мальчика короля и его брата, во время засѣданія совѣта внезапно арестовалъ Гастингса и во дворѣ Тоуэра безъ суда обезглавилъ его на обрубкѣ дерева. 2 іюня при помощи герцога Букингама онъ добился предложенія принять корону, какъ «несомнѣнный сынъ и наслѣдникъ Ричарда, покойнаго герцога Іорка, — дабы послѣ великихъ тучь солнце справедливости и милости озарило насъ».

Въ сентябрѣ герцогъ Букингамъ былъ оскорбленъ и доведенъ до отчаянія, повидимому, отказомъ дать ему вознагражденіе за его безчестный поступокъ. Генрихъ Ричмондъ приготовлялъ нападеніе на Англію изъ Бретани; на югѣ, западѣ и въ среднихъ графствахъ начались возстанія. Они были, однако, подавлены. Герцогъ, армія котораго была задержана разливомъ Северна, былъ взятъ и казненъ. Въ январѣ 1484 года собрался парламентъ, призналъ Ричарда королемъ и вотировалъ ему пожизненно tunnage, poundage и пошлину на шерсть. Духовенство тоже вотировало ему десятину и признало его «благородное настроеніе и благочестіе». Иностранная политика Ричарда тоже было удачна. Онъ заключилъ перемиріе съ Шотландіей и съ герцогомъ Бретанскимъ и вынудилъ Ричмонда искать убѣжища во Франціи. Онъ привлекъ на свою сторону папу обѣщаніемъ стараго «сыновняго и католическаго повиновенія». Весь годъ прошелъ въ неутомимыхъ заботахъ объ упроченіи своего положенія посредствомъ реорганизаціи флота, поѣздокъ по странѣ, щедрыхъ даровъ жаднымъ лордамъ и значительнымъ городамъ въ родѣ Іорка и Гулля и даже іеменамъ, у которыхъ сгорѣли амбары, или потерявшимъ мѣста клеркамъ. Въ особенности Ричардъ добивался популярности въ Іоркширѣ и на сѣверѣ. Никогда ни одинъ человѣкъ не работалъ такъ усердно, чтобы предотвратить неизбѣжное. Но его надежда и гордость, сынъ его Эдуардъ, внезапно умеръ и «родители почти обезумѣли отъ горя». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла и королева и Ричардъ потерялъ поддержку Невиллей, съ которыми еще нужно было считаться. Веръ, графъ Оксфордъ, бѣжалъ изъ тюрьмы и присоеди-

нился къ изгнанникамъ заграницей. Ричарду пришлось созвать милицію графствъ, чтобы предохранить страну отъ нашествія. Въ виду крайней нужды ему пришлось нарушить свой недавній статутъ противъ добровольныхъ займовъ. Можетъ быть, онъ искренно выразилъ свою радость, когда наконецъ Генрихъ Ричмондъ 7 августа 1485 года высадился въ Мильфордской гавани, онъ могъ дѣйствительно чувствовать облегченіе при наступленіи кризиса. Кризисъ скоро кончился. Измѣна Перси и Станлеевъ оставила Ричарду только одного союзника, Джона Говарда, человѣка, котораго онъ сдѣлалъ герцогомъ Норфолькомъ. 22 августа Ричардъ, отчаянно борясь до конца, палъ при Босвортѣ. Долгая борьба закончилась. Ричардъ палъ, какъ недавно палъ Эдуардъ IV, предъ коалиціей ланкастерцевъ и іоркистовъ. Генрихъ, потомокъ Джона Гаунта, Бофоровъ и французской королевы Екатерины, долженъ былъ жениться на Елизаветѣ Іоркъ, потомкѣ Ліонеля Кларенса и герцогини люксембургской Жакетты.

Законодательство. Прекращеніе дома Плантагенетовъ.

Какъ ни было бурно и полно волненій царствованіе Ричарда, онъ находилъ время для законодательной дѣятельности, ярко характеризующей эту эпоху и имѣвшей серьезное значеніе для будущаго. Для улучшенія судебной процедуры для права быть присяжнымъ теперь требовалось владѣніе вольной землей (freehold land), приносящей 20 шил. въ годъ. Воспрещенъ былъ ввозъ всѣхъ товаровъ, производимыхъ въ Англіи, какъ то шелку, луковъ, шерстяныхъ тканей; исключеніе было сдѣлано только для книгъ. Паденіе искусства стрѣльбы изъ лука повело къ воспрещенію другихъ занятій спортомъ и употребленія самострѣловъ. Устроена была королевская почта посредствомъ конныхъ гонцовъ. Для помощи и защиты англійскимъ торговцамъ заграницей были назначены консулы. Одинъ актъ, покровительствовавшій покупателямъ противъ «тайныхъ соглашеній», содержитъ уже въ себѣ принципъ статута «of Uses»—1536 года; другой, уничтожавшій добровольные займы, «разорившіе многихъ и оставившіе ихъ дѣтей нищими», былъ предшественникомъ конституціонныхъ положеній, окончательно обезпеченныхъ только «Биллемъ о Правахъ» 1689 года. Актъ, которымъ первый изъ Тюдоровъ успѣлъ ограничить злоупотребленія «liveries» (содержанія лордами свиты), былъ предложенъ уже его предшественникомъ. Суровость Тюдоровъ относительно бродягъ была повтореніемъ мѣръ, принимаемыхъ Ричардомъ для очищенія дорогъ отъ распущенныхъ солдатъ. Но даже «добродѣтели тирана безполезны». Его государственная мудрость также мало помогла ему, какъ и его преступленія. Послѣдній изъ великаго дома Плантагенетовъ, соединявшій въ своемъ лицѣ и дурныя и хорошія качества этого дома, заканчиваетъ эту странную фамильную исторію. Люди двѣнадцатаго вѣка вѣрили, что эта семья произошла отъ злого духа, воплотившагося въ лицѣ прекрасной дамы. «Мы всѣ произошли отъ дьявола—говорилъ Ричардъ I—и всѣ мы пойдемъ къ дьяволу».

И дѣйствительно, въ краткой и жестокой карьерѣ Ричарда III, въ его возмутительномъ безстыдствѣ, въ его отчаянной борьбѣ противъ судьбы, въ его внезапной и свирѣпой кончинѣ, есть что то демоническое. Великіе короли изъ этого дома одинъ за другимъ расходывали почти не человѣческую энергію для достиженія невозможнаго. Генрихъ II тщетно работалъ для созданія континентальной монархіи, Эдуардъ I—для подавленія независимости Шотландіи, Эдуардъ III и Генрихъ V для созданія второй Англіи въ Лангедокѣ или Нормандіи, Ричардъ III для изнасилованія народной совѣсти. Несмотря на всю силу воли, они, одинъ за другимъ, терпѣли крушеніе своихъ плановъ. Но изъ зла вышло добро: они достигли другихъ цѣлей, непредвидѣнныхъ ими самими: появленія англійскаго самоуправленія, шотландской національности и пробужденія французскаго патріотизма. Неудача Ричарда III была равнозначительна установленію безспорнаго права и популярнаго деспотизма Тюдоровъ.

Военное искусство.

Омана.

Замѣчательно, какія незначительныя измѣненія произошли въ военномъ искусствѣ какъ англичанъ, такъ и французовъ, въ продолжительный интервалъ между двумя актами великой драмы столѣтней войны. При Ажинкурѣ враги находились въ тѣхъ же взаимныхъ отношеніяхъ, какъ и при Пуатье. Борьба, которую они вели въ этотъ промежутокъ времени, не особенно поучительна; при Гомильдонѣ оказалось, что англійскіе стрѣлки такъ же хорошо дѣйствовали противъ шотландцевъ, какъ и всегда, англичане очень легко разбивали гораздо болѣе многочисленную армію при посредствѣ однихъ только стрѣлковъ почти безъ вмѣшательства тяжеловооруженной конницы. Битва при Шревсбюри была первой, въ которой англичане дрались съ англичанами же съ тѣхъ поръ, какъ стрѣлки сдѣлались рѣшителями въ битвѣ. Эта битва была очень кровавой и упорной и такъ какъ борящіеся дрались одинаковымъ оружіемъ и съ одинаковой тактикой, то дѣло и было рѣшено численностью. Съ другой стороны французы ничему не выучились въ феодальныхъ стычкахъ Арманьяковъ и Бургундцевъ; исключеніе составляетъ только кампанія 1411 года, когда небольшой отрядъ вспомогательныхъ англійскихъ войскъ, данныхъ Генрихомъ IV бургундцамъ, выигралъ битву при С. Клудѣ и рѣшилъ судьбу всей кампаніи. Два крупные опыта противъ чужестраннаго врага, битвы при Роосбекѣ и Никополисѣ, были также не особенно

поучительны для французовъ. Въ первой изъ этихъ битвъ спѣшившіеся рыцари Франціи и копѣйщики Гента, сражавшіеся массивными колоннами, сошлись при равныхъ условіяхъ и болѣе тяжеловооруженная колонна наконецъ раздавила болѣе легкую. При Никополисѣ та же тактика, испробованная противъ легкой конницы дисциплинированной пѣхоты (янычаровъ) турокъ, повела къ страшному пораженію; тяжеловооруженные рыцари были истощены послѣ первыхъ удачныхъ аттакъ и были неспособны выдержать битву съ послѣдовательными подкрѣпленіями враговъ, по численности меньшихъ.

Единственное отличіе между арміями, дравшихся при Ажинкурѣ и при Пуатье, были сравнительно незначительно. Съ обѣихъ сторонъ рыцари имѣли болѣе тяжелое вооруженіе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Послѣдніе остатки старой кольчуги исчезли; cammail вокругъ шеи былъ замѣненъ прочнымъ стальнымъ ошейникомъ (gorget); для прикрытія бедръ вмѣсто кольчуги четырнадцатаго вѣка внизу грудной пластинки (нагрудника) были прибавлены массивныя пластинки. Обычай драться пѣшими заставлялъ рыцарей бросить длинное копье и прибѣгнуть къ болѣе короткому и къ болѣе тяжелому орудію, главными родами котораго были палица, мечъ, топоръ и алебарда. Большинство изъ этихъ орудій, и въ особенности сѣкира, для дѣйствія ими требовали обѣихъ рукъ и потому шитъ былъ почти ненуженъ въ битвѣ и сохранялся только для геральдическихъ цѣлей. Кромѣ измѣненія въ вооруженіи въ арміи Генриха V нужно отмѣтить еще тотъ фактъ, что отношеніе стрѣлковъ къ тяжеловооруженнымъ людямъ увеличилось; во время Эдуарда III это отношеніе было иногда два къ одному и рѣдко болѣе трехъ или четырехъ къ одному; въ пятнадцатомъ столѣтіи оно выросло до шести или семи, иногда даже до десяти стрѣлковъ на каждаго копѣйщика. При Ажинкурѣ, однако, отношеніе было только пять къ одному—отношеніе исключительно малое для той эпохи.

Компанія Генриха въ 1415 году сначала не обѣщала особенно большихъ успѣховъ. Взятіе одного города Гарфлёра потребовало нѣсколькихъ недѣль и стоило жизни пятой части всей арміи. Слѣдовавшій за этимъ походъ по сѣверной Франціи казался безумнымъ предпріятіемъ, такъ незначительны были силы короля и такъ велики были выставленныя противъ него силы. Послѣ странствованія въ теченіи нѣсколькихъ дней среди болотъ Соммы, Генрихъ казался погибшимъ; казалось, что онъ будетъ окруженъ или погибнетъ отъ голода раньше, чѣмъ найдетъ дорогу къ Кале. Если бы послѣдующія кампаніи не доказали его способностей какъ полководца, мы были бы склонны назвать весь планъ похода фантазіей какого нибудь странствующаго рыцаря.

Битва при Ажинкурѣ можетъ считаться оправдывающей смѣлость Генриха V, хотя способный полководецъ, если бы такой былъ у фран- Ажинкуръ.

цузской арміи, раздавилъ бы англичанъ, даже не подвергаясь риску рѣшительной битвы. Ставъ между англичанами и единственнымъ мѣстомъ, гдѣ они могли найти и безопасность и провизію, конетабль Франціи былъ бы въ состояніи заставить короля Генриха предложить ему битву, но могъ не принять ее на такихъ условіяхъ, которыя были выгодны для врага. Оставаясь на мѣстѣ, онъ могъ погубить англичанъ столь несомнѣнно, какъ и нападеніемъ на нихъ. Но дѣло въ томъ, что ни одинъ обыкновенный феодальный дворянинъ, поставленный во главѣ большей по численности арміи, не смѣлъ отказываться отъ битвы, если ему предлагали ее; если бы онъ отказался, армія стала бы драться безъ его разрѣшенія. Несомнѣнно, что король Генрихъ зналъ объ этомъ, когда онъ вывелъ свой небольшой отрядъ и вызвалъ французовъ къ нападенію.

Сила позиціи англичанъ состояла въ томъ, что она съ обоихъ фланговъ была защищена деревнями и лѣсами и была достаточно обширна, чтобы позволить арміи развернуть весь свой фронтъ—но не больше. Другой фактъ давалъ имъ добавочное преимущество: на милю впередъ мѣстность была скользкимъ вспаханнымъ полемъ, пропитаннымъ сильными дождями, лившими всю прошлую недѣлю. Армія Генриха была размѣщена по старому плану, какъ при Кресси: правая и лѣвая стороны и центръ состояли каждая изъ небольшого отряда тяжело вооруженныхъ рыцарей, окруженныхъ съ обѣихъ сторонъ двумя отрядами стрѣлковъ, поставленными въ формѣ треугольника и защищенными линіей скирдъ и стоговъ.

Французы повторили ту же ошибку, какъ и при Пуатье. Они опять спѣшили почти всѣхъ своихъ всадниковъ и поставили ихъ тремя массивными линіями, одну позади другой—по фронту не шире, чѣмъ была разставлена англійская армія. Только на крылахъ были небольшіе эскадроны конницы подъ начальствомъ капитановъ съ копьями, которымъ было приказано ѣхать прямо впереди войска и напасть и очистить путь отъ стрѣлковъ, такъ чтобы ихъ товарищи могли двинуться безпрепятственно. Битва и началась безполезной аттакой этихъ эскадроновъ. Почти всѣ лошади и большинство всадниковъ были застрѣлены прежде, чѣмъ они могли доѣхать до скрывавшихъ стрѣлковъ скирдъ, немногіе пробились затѣмъ, чтобы погибнуть въ рукопашной. Тогда дошла очередь и до главныхъ корпусовъ; битва была рѣшена въ силу того обстоятельства, что рыцарское вооруженіе было теперь необыкновенно тяжело. Пройти милю въ полномъ вооруженіи по пропитанной влагой вспаханной нивѣ было невозможно. Въ теченіе нѣкотораго времени первая линія шла, падая на каждомъ шагу на руки или даже на колѣни. Но когда они подошли къ англичанамъ на разстояніе выстрѣла, они были уже совершенно безъ силъ и прямо попадали въ грязь, подвергаясь выстрѣламъ стрѣлковъ. Когда выстрѣлы кончились и французы были разрѣжены, король Генрихъ рѣ-

шился приказать всей своей арміи перейти къ наступленію. Его собственная конница сильно страдала отъ грязи и только нападеніе стрѣлковъ съ топорами, сѣкирами и мечами рѣшило битву. То обстоятельство, что незакованные въ желѣзо люди побѣдили рыцарей, которыхъ было вшестеро больше, на открытомъ полѣ, составляетъ одно изъ историческихъ чудесъ. Но они побѣдили; хроникеры разсказываютъ, что рыцари стояли безпомощно и были избиваемы, а стрѣлки «били по ихъ панцырямъ топорами, точно молоткомъ по наковальнѣ» и валили ихъ одинъ на другого, такъ что мертвые лежали тремя рядами. Дѣйствительно, рыцарское вооруженіе становилось смертельнымъ капканомъ, когда рыцарь утомлялся.

Остатки разбитой французской линіи были опрокинуты на вторую, которая теперь двинулась въ свою очередь впередъ по вспаханной землѣ, усыпанной ихъ предшественниками. Англичане слѣдовали по ихъ стопамъ и начался второй бой, не менѣе убійственный. Пѣхота и третья линія благоразумно рѣшили не вмѣшиваться въ дѣло и оставили поле битвы, за исключеніемъ вождей, графовъ Мерль и Дамартина, которые отказались бѣжать и раздѣлили судьбу своихъ сотоварищей второй линіи.

Такъ кончилась эта удивительная битва, одной изъ удивительныхъ особенностей которой было то, что вся потеря англичанъ не доходила до ста человѣкъ, хотя въ числѣ убитыхъ были два знатныхъ пэра, Іоркъ и Суффолькъ; первый, человѣкъ сильной комплекціи, говорятъ, умеръ не столько отъ ранъ, сколько отъ утомленія и тяжести вооруженія. Французы же потеряли десять тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ почти всѣхъ замѣтныхъ командировъ; а не павшіе въ битвѣ почти всѣ были взяты въ плѣнъ. Ажинкуръ оказался еще болѣе убійственнымъ, чѣмъ Пуатье и именно потому, что бѣгство, сравнительно болѣе легкое при болѣе легкомъ вооруженіи четырнадцатаго вѣка, было невозможно при тяжеломъ вооруженіи пятнадцатаго. Если человѣку не удавалось уйти назадъ и найти своего пажа и лошадь въ арріергардѣ, онъ былъ осужденъ или на смерть или на плѣнъ.

Даже Ажинкуръ не уничтожилъ укоренившагося убѣжденія французовъ въ способности закованныхъ въ желѣзо рыцарей безъ помощи другихъ родовъ оружія порвать англійскія линіи, состоявшія изъ стрѣлковъ и тяжелой конницы. Кровавыя битвы при Кравантѣ и Вернейлѣ были новыми варіаціями той же темы и имѣли почти тотъ же результатъ, за исключеніемъ подробностей въ числѣ убитыхъ разбитой арміи. «Битвы селедокъ» представляетъ нѣкоторыя особенности. Очень небольшой англійскій отрядъ (около тысячи стрѣлковъ и тысяча двѣсти человѣкъ парижской милиціи, состоявшей въ англійскомъ войскѣ) былъ захваченъ въ открытомъ полѣ, когда онъ эскортировалъ большой обозъ провіанта для осаждающей Орлеанъ

арміи. На него напали рыцари, по численности превышающіе его въ пять разъ, и онъ только успѣлъ составить лагерь изъ повозокъ. Стрѣлки взобрались на повозки, а вспомогательный отрядъ французскихъ копѣйщиковъ занялъ промежутки между ними. На такую временную фортификацію бросились рыцари дофина съ обычнымъ результатомъ и удалились, потерявъ много убитыхъ.

Съ 1415 до 1471 года Англія ни на минуту не пребывала въ мирѣ, за сорокалѣтней войной съ Франціей почти непосредственно началась война Розъ. Съ точки зрѣнія военнаго искусства единственнымъ важнымъ открытіемъ въ теченіи всего этого періода было то, что послѣ многихъ лѣтъ французы нашли, наконецъ, средство противиться до тѣхъ поръ побѣдоносной тактикѣ своихъ враговъ. И у той и у другой націи въ это время было мало перворазрядныхъ полководцевъ, заслуживающихъ упоминанія—прежде всего два англійскіе короля Генрихъ V и Эдуардъ IV. Способныхъ генераловъ, бывшихъ хорошими предводителями армій, но не сдѣлавшихъ новыхъ открытій въ военномъ искусствѣ, было не мало и на той и на другой сторонѣ—среди англичанъ заслуживаютъ упоминанія Бедфордъ, Салисбюри, Тальботъ и Варвикъ, «дѣлатель королей»; среди французовъ полководцы-кондотьеры Дюнуа, Ла Гиръ, Потонъ де Ксентрайль и коннетабль Ришмонъ.

Великая французская война отъ 1415 до 1453 года была сначала до конца войной осадъ, хотя для разнообразія было и значительное количество сраженій. Собственно говоря, предъ англичанами стоялъ вопросъ: какимъ образомъ съ небольшими отрядами войскъ и съ еще меньшимъ количествомъ денегъ выдержать столько времени, чтобы взять тысячи крѣпостей въ такой странѣ, которая была переполнена замками и укрѣпленными городами? Такая проблема съ самаго начала была бы безнадежной, еслибы не было двухъ обстоятельствъ: значительная часть французскаго народа (бургундская партія) на сѣверѣ Франціи оказывала нападавшимъ болѣе или менѣе дѣятельную помощь и ресурсы и налоги съ завоеванныхъ округовъ Франціи помогали содержать армію англичанъ. Генрихъ V и Бедфордъ также, какъ Наполеонъ I, войной поддерживали войну. Имѣются данныя, доказывающія, что король Генрихъ расчитывалъ на покрытіе Англіей только четверти его военныхъ расходовъ: несчастные округа сѣверной Франціи должны были платить и кормить почти всю его армію. Только благодаря этому и возможно понять, что война поддерживалась такъ долго; безъ помощи бургундцевъ и безъ налоговъ, сбираемыхъ съ Парижа, Нормандіи и Шампани англичане были бы не въ состояніи удержаться въ завоеванныхъ ими мѣстностяхъ. Когда герцогъ Бургундскій заключилъ миръ съ французскимъ королемъ и когда истощенные округа сѣверной Франціи наконецъ возстали, англичане уже не могли сохранить своихъ завоеваній. То обстоятель-

ство, что война продолжалась еще долго послѣ того, какъ по Аррасскому договору бургундцы перешли на сторону французовъ, можно приписать двумъ причинамъ: истощенію французовъ и тому, что въ рукахъ англичанъ находились еще многія крѣпости въ Нормандіи, Менѣ и Анжу. Если Генриху V и Бедфорду стоило не мало труда и времени, чтобы взять ихъ, то теперь Карлу VII нужно было не мало времени, чтобы вернуть ихъ себѣ. Но послѣ 1438 года всѣ выигрыши были на одной сторонѣ и англичане просто упорствовали, чтобы доиграть до конца, хотя эта игра, сколько бы она времени не продолжалась, должна была кончиться ихъ пораженіемъ. Ошибочное чувство національной гордости заставляло ихъ упорствовать и обвинять всякаго государственнаго человѣка, который подобно несчастному Суффольку старался покончить войну и удержать хоть небольшой кусокъ пріобрѣтенной территоріи вмѣсто того, чтобы ставить себѣ невозможную задачу удержать все.

Печальное время отъ 1438 до 1453 г., когда Англія старалась продолжать французскую войну на свой собственный счетъ, старалась совершить невозможное и при этомъ роптала на налоги, бывшіе необходимыми, и ворчала по поводу всякой копѣйки, отправляемой за проливъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ грустныхъ періодовъ англійской исторіи. Насколько недостаточны были дѣлаемыя усилія, можно судить по тому обстоятельству, что тотъ самый народъ, который отправлялъ три или четыре тысячи человѣкъ для защиты своихъ послѣднихъ владѣній во Франціи при Форминьи и Кастильонѣ, выставилъ 60000 человѣкъ нѣсколько лѣтъ спустя въ гражданской войнѣ при Тоутонѣ.

Арміи Генриха V и послѣ его смерти арміи Бедфорда и Тэльбота въ ихъ англійской части составлялись на началѣ договора. Пэры или рыцари, намѣревавшіеся отправиться на войну во Францію, должны были набрать нѣсколько сотъ стрѣлковъ и копѣйщиковъ, которыхъ правительство и брало на жалованье. Вождей вознаграждали пожалованіемъ земель и титуловъ во Франціи, а стрѣлки и всадники получали большую плату и надежды на добычу. Люди, вродѣ сэра Джона Фальстольфа, составляли на войнѣ большія состоянія даже въ томъ случаѣ, если получали отъ короны только половину того, чего требовали отъ нее. По мѣрѣ того, какъ продолжалась война, появилась цѣлая армія ветерановъ наемниковъ, которые провели лучшую часть своей жизни во Франціи. Возвращеніе въ Англію, когда Нормандія и Гвіенна были окончательно потеряны, нѣсколькихъ дюжинъ кастеляновъ, потерявшихъ свои замки и тысячи стрѣлковъ, потерявшихъ жалованье и лишенныхъ возможности грабить, было одной изъ немаловажныхъ причинъ, сдѣлавшихъ возможной войну Розъ. При склонности дворянъ къ междуусобной войнѣ не могло быть большаго искушенія, какъ существованіе готовой арміи дисци-

плинированныхъ солдатъ, не имѣвшихъ занятія. Всякій человѣкъ съ деньгами могъ безъ всякихъ хлопотъ получить въ свое распоряженіе столько наемныхъ людей или «свиты», при посредствѣ которыхъ велась война Розъ, сколько онъ могъ содержать.

Конецъ Столѣтней войны.

Но прежде, чѣмъ мы будемъ говорить о войнѣ Розъ, необходимо объяснить съ чисто военной точки зрѣнія потерю послѣднихъ англійскихъ владѣній во Франціи. Англійская армія, и безъ того небольшая, должна была быть раздѣлена на такое количество гарнизоновъ въ силу необходимости занимать всѣ взятыя укрѣпленныя мѣста, что въ полѣ можно было держать обыкновенно не больше трехъ или четырехъ тысячъ людей. Даже при крупныхъ предпріятіяхъ, въ родѣ осады Орлеана, было употреблено въ дѣло только семь или восемь тысячъ. Англійскіе стрѣлки были сильно смѣшаны съ чужестранцами наемниками, но все же ихъ было достаточно для образованія фронта, до сихъ поръ непобѣдимаго. Но французы наконецъ бросили свою привычку позволять англичанамъ занять позицію и потомъ нападать на нихъ большими массами. Битва при Божё, первая выигранная французами, была выиграна именно нападеніемъ на копницу, когда она была отдѣлена отъ стрѣлковъ рѣкой и не ожидала нападенія. Битва при Патей, когда былъ разбитъ англійскій отрядъ, осаждавшій Орлеанъ, имѣла тотъ же характеръ. Отступавшая армія Тальбота заняла позицію, гдѣ командиръ намѣревался принять битву, когда французскій авангардъ напалъ на него прежде, чѣмъ стрѣлки имѣли время поставить свои сошки. Несформированный фронтъ былъ разорванъ, битва превратилась въ неправильную рукопашную свалку, и дѣло было рѣшено численностью. При Форминьи, битвѣ 1450 г., результатомъ которой была потеря Нормандіи, небольшая англійская армія имѣла время сформироваться по старой традиціи въ линію, въ которой стрѣлки и копѣйщики поддерживали другъ друга. Но французы благоразумно отказались отъ аттаки, вывели впередъ нѣсколько пушекъ и начали обстрѣливать англичанъ на разстояніи внѣ выстрѣловъ изъ луковъ. Это вынудило англичанъ оставить ихъ позицію и броситься на пушки. Битва стала неправильной, ряды смѣшались, но дѣло еще могло бы быть спасено, когда на полѣ битвы появилась новая французская армія и напала на незащищенные фланги и тылъ англичанъ, которые теперь были выбиты изъ позиціи и дрались въ открытомъ полѣ. Прибытіе этого новаго корпуса рѣшило судьбу сраженія и вся англійская армія была перебита; изъ четырехъ тысячъ не спаслось и пятисотъ человѣкъ. Битва при Кастильонѣ, послѣдняя битва великой французской войны, похожа на Форминьи тѣмъ, что англичане не ждали, стоя по старой традиціи въ позиціи, а аттаковали врага. Ветеранъ Тальботъ, надѣясь захватить французовъ неподготовленными, предпринялъ отчаянное дѣло—нападеніе на укрѣпленный лагерь, въ которомъ было много артилеріи — аттакой фа-

ланги, состоявшей изъ тяжеловооруженныхъ людей и стрѣлковъ. Попытка была безнадежная; аттакующая колонна была разнесена на куски и хотя немногіе проникли въ палисады, результатъ битвы ни на минуту не былъ сомнителенъ. Таковъ былъ конецъ попытки англичанъ удержать Францію. Форма тактики, пригодная для защиты, оказалась непригодной, когда врагъ отказался отъ аттакъ. Когда французы выучились воздерживаться отъ нападенія и вынуждать къ нападенію своихъ враговъ, методъ Эдуарда III и Генриха V оказался недѣйствительнымъ.

Слѣдуетъ упомянуть, что во время французской войны постоянно употреблялась осадная артилерія, оказавшаяся болѣе дѣйствительной, чѣмъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Если осаждающихъ не прогоняла пришедшая на спасеніе осажденныхъ армія, осадный паркъ обыкновенно съ успѣхомъ дѣлалъ свое дѣло. Кампаніи 1451 и 1452 годовъ, въ которыхъ послѣдовало изгнаніе англичанъ изъ Нормандіи и Гвіенни, были замѣчательны по большому количеству употребляемыхъ осадныхъ пушекъ и по той скорости, съ которой Жанъ Боро, артилеристъ Карла VII, выбивалъ англичанъ изъ одной твердыни за другою.

Война Розъ. Методы набора.

Мы уже замѣтили, что Англія, которой было очень трудно выставить трехъ или четырехъ тысячную армію для французской войны, оказалась способной выставлять дѣйствительно значительныя силы въ братоубійственной войнѣ Розъ. Объясненіе этого явленія не особенно трудно; правительство, собирая людей для борьбы за моремъ, брало ихъ на жалованье на продолжительное время и должно было содержать ихъ далеко отъ дома. Арміи гражданской войны собирались внезапно, въ торопяхъ, скоро распускались и были обучаемы и организуемы личными усиліями лордовъ и рыцарей, помѣстья и жизнь которыхъ зависѣли отъ того, сколькихъ людей они могутъ выставить въ поле. Типическая армія въ этотъ періодъ состояла изъ трехъ элементовъ. Во первыхъ «люди хозяйства», свита лорда, профессіональные солдаты, которыхъ онъ всегда держалъ у себя, по большей части ветераны французской войны. Во вторыхъ вооруженные люди, которые набирались по системѣ коммиссій (порученій); эти рекруты представляли, собственно говоря, старую національную милицію; но было затруднительно собрать милицію графства, когда два коммиссіонера, каждый съ королевскимъ приказомъ, вербовали людей въ разные лагери. Благоразумные люди не обращали вниманія на требованія коммиссаровъ и ожидали результата битвы, чтобы рѣшить, котораго короля они признаютъ. Въ особенности города слѣдовали такой политикѣ и позволяли соперникамъ рѣзать другъ друга, сколько имъ было угодно, раньше, чѣмъ рѣшить, кто ихъ законный повелитель. Третьимъ и самымъ важнымъ элементомъ армій того времени были люди, собранные по системѣ, извѣстной подъ названіемъ livery и maintenance. Эта система напоминала о старомъ до-

нормандскомъ феодализмѣ; она состояла въ томъ, что рыцари и сквайры каждаго округа обязывались письменнымъ соглашеніемъ служить крупному сосѣднему лорду, во всякомъ мѣстѣ поддерживать его дѣло, отъ судебнаго мѣста до поля битвы, въ обмѣнъ получая его защиту и помощь въ случаѣ надобности. Крупный лордъ давалъ своимъ приверженцамъ свой значекъ (livery), т, е. онъ позволялъ имъ носить его гербъ — Медвѣдя или Жезлъ (Ragged Staff), Узелъ Стаффорда (Stafford Knot), Бѣлаго Лебедя и т. п. — и обязывался поддерживать (maintain) ихъ, т. е. защищать и отстаивать ихъ дѣло. Они съ другой стороны обязывались выходить въ поле подъ его знаменемъ со всѣми фермерами и зависимыми отъ нихъ людьми, которыхъ могли собрать. Достаточно одного примѣра для уясненія характера этихъ отношеній: въ 1449 году Вальтеръ Стрикландъ, сквайръ изъ Вестерморланда, имѣвшій довольно важное значеніе въ этой мѣстности, договорился съ Ричардомъ Невиллемъ, графомъ Салисбюри, «слѣдовать за нимъ въ поле со всѣми своими фермерами, стрѣлками, конными и въ панцыряхъ—69 человѣкъ, алебардщиками (billmen), конными и въ панцыряхъ—74 человѣка; стрѣлками пѣшими—71 человѣкъ, аллебардщиками пѣшими—76 человѣкъ»—всего съ 290 человѣкъ. Въ договорѣ есть оговорка, что призывъ къ оружію не долженъ нарушать вѣрности Стрикланда его государю королю, но это простая формальность. Въ началѣ войны іоркисты всегда утверждали, что они лучшіе друзья короля и желаютъ только избавить его отъ дурныхъ совѣтниковъ; во второй части войны они уже посадили своего короля. Если простой сквайръ могъ выставить въ поле около 300 человѣкъ, неудивительно, что пэръ, привлекшій къ себѣ нѣсколькихъ такихъ приверженцевъ и давшій имъ свою «ливрею», могъ собрать армію въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Всѣ сильные люди въ Англіи придержпвались этого обычая; самымъ выдающимъ примѣромъ этого можетъ служить слѣдующій: въ 1459 году королева Маргарита анжуйская отправилась съ принцемъ валійскимъ въ Чеширъ и завербовала все джентри этого графства, давъ имъ всѣмъ значекъ Бѣлаго Лебедя. Армія, сражавшаяся при Блоръ-Гитѣ, повидимому, цѣликомъ состояла изъ этихъ приверженцевъ королевы, получившихъ ея «ливрею». Очевидно, что когда такая система livery and maintenance широко распространилась, право собирать рекрутъ посредствомъ коммиссій (королевскихъ порученій) было уже сравнительно не важно для борящихся партій. Крупные лорды при такомъ способѣ и безъ того держали въ рукахъ всю боевую силу графствъ и порученіе поставить подъ ружье своихъ послѣдователей только легализировало существующій фактъ. Однако, ради легальности было обычно издавать такой документъ, хотя Нортумберландъ слѣдовалъ за Перси, а Варвикширъ за Невиллемъ не потому, что у нихъ былъ такой документъ, а потому, что мѣстные сквайры и безъ того уже

были обязаны слѣдовать за ними или потому что носили ихъ «ливрею».

Битвы войны Розъ по большей части слѣдовали одному типу, единственнымъ образчикомъ котораго до сихъ поръ была битва при Шревсбюри. Обѣ стороны дрались по старой англійской модѣ, съ линіями, состоявшими изъ стрѣлковъ и тяжело вооруженныхъ людей, расположенныхъ тремя большими линіями («битвами»—battles). Всѣ дрались пѣшими, хотя въ послѣдніе годы французской войны англичане и могли выучиться у своихъ противниковъ удобству оставлять часть своихъ тяжеловооруженныхъ людей конными. Количество и достоинство стрѣлковъ съ обѣихъ сторонъ дѣлали битвы кровавыми; но такъ какъ стрѣлки нейтрализировали другъ друга, то не они выигрывали сраженіе. Обѣ стороны не могли долго выдерживать перестрѣлку и кончали ее какъ можно скорѣе. Единственной битвой, рѣшенной стрѣлками, была битва при Эджкотѣ, гдѣ іоркисты, большинство изъ которыхъ были валисцы, имѣли немного стрѣлковъ и были выбиты изъ поля дождемъ стрѣлъ сѣверянъ-мятежниковъ. При Тоутонѣ іоркисты имѣли перевѣсъ при перестрѣлкѣ, но такъ какъ арміи скоро сошлись и начали рукопашную, то день былъ рѣшенъ не лукомъ, а алебардой и мечомъ.

Артиллерія.

Обѣ стороны имѣли большую артиллерію. При Портгамптонѣ укрѣпленный лагерь ланкастерцевъ былъ окруженъ пушками, но ими мало пользовались, потому что сильная буря утромъ въ день сраженія затопила укрѣпленія и подмочила порохъ, такъ что было сдѣлано только нѣсколько залповъ. При Барнетѣ и у Варвика и у Эдуарда IV было много пушекъ; безполезная канонада поддерживалась въ теченіи всей ночи, предшествующей битвѣ, но при туманѣ на слѣдующее утро оба полководца не могли воспользоваться своей артиллеріей. При Тьюксбюри Эдуардъ IV употребилъ пушки, чтобы обстрѣливать лѣвое крыло ланкастерцевъ, занявшихъ сильную позицію, чтобы заставить ихъ оставить ее и перейти къ нападенію. Наиболѣе полезны, повидимому, оказались пушки въ стычкѣ близъ Стамфорда, извѣстной подъ названіемъ Lose-Coat Field. Тамъ линкольнширскіе мятежники, пытавшіеся захватить лагерь короля Эдуарда, были разсѣяны огнемъ артиллеріи и разбѣжались, не сдѣлавъ даже попытки снова собраться (1470). При нѣкоторыхъ осадахъ сила пороха проявилась съ несомнѣнностью: наиболѣе извѣстный примѣръ употребленія пороха представляетъ разрушеніе Варвикомъ стѣнъ Бамборо, такъ что «большіе камни летѣли въ море»; послѣ чего онъ взялъ приступомъ бреши, сдѣланныя новымъ артиллерійскимъ обозомъ, оставленнымъ королемъ въ Лондонѣ въ предшествующую зиму (1465).

Ружья.

Достойно замѣчанія, что въ Англіи въ первый разъ мелкія огнестрѣльныя орудія употреблялись во время войны Розъ. Въ 1461 году Варвикъ привелъ къ С. Альбансу отрядъ бургундскихъ стрѣлковъ изъ

аркебуза, нанятыхъ имъ во Фландріи; они оказали мало услугъ и хроникеры замѣчаютъ, что сильные вѣтра, свирѣпствовавшіе въ этотъ февральскій день, были достаточны, чтобы затушить имъ фителя и помѣшать имъ стрѣлять. Во второй разъ аркебузы употребляли въ 1471 году, когда Эдуардъ IV собралъ, тоже во Фландріи, нѣсколькихъ стрѣлковъ изъ ружья для сопровожденія его при приготовляемой имъ смѣлой попыткѣ завоевать свое королевство. Они высадились съ нимъ въ Равенспурѣ, но мы не встрѣчаемъ указаній на участіе ихъ въ битвѣ при Барнетѣ. Дѣйствительно, пригодность лука по сравненію съ аркебузомъ была такъ велика, что невѣроятно, чтобы этотъ послѣдній особенно часто употреблялся въ Англіи. До средины шестнадцатаго вѣка стрѣлки изъ лука выставили противъ стрѣлковъ изъ ружья, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они имѣли рѣшительное преимущество предъ ними. Въ царствованіе Елизаветы, когда вездѣ на континентѣ давно уже употреблялось огнестрѣльной оружіе, въ арміи Лейчестера во Фландріи и во флотѣ, разсѣявшемъ армаду, мы встрѣчаемъ еще стрѣлковъ изъ лука. Только въ семнадцатомъ вѣкѣ окончательно исчезаетъ длинный лукъ; даже въ 1642 году дѣлали предложеніе вооружить лондонскую милицію старымъ національнымъ оружіемъ.

Мы уже говорили, что война Розъ выдвинула только одного перворазряднаго полководца-короля Эдуарда IV. Варвикъ, «дѣлатель королей», самый выдающійся солдатъ того времени, былъ только способнымъ вождемъ, въ родѣ многихъ англійскихъ генераловъ во время столѣтней войны. Онъ не внесъ нововведеній въ военное искусство, онъ не могъ похвалиться, какъ король Эдуардъ, что не проигралъ ни одного сраженія. Если при Барнетѣ онъ потерпѣлъ пораженіе просто отъ несчастія, то вторую битву при С. Альбансѣ онъ проигралъ отъ неудачной тактики.

Наоборотъ, королю іоркистовъ удавалось одержать побѣды во всѣхъ его сраженіяхъ отъ Нортгамптона до Тьюксбюри. Не трудно понять причины этого: онъ былъ не только способнымъ солдатомъ и геніальнымъ полководцемъ, но и однимъ изъ первыхъ командировъ, понимавшимъ значеніе времени въ военномъ дѣлѣ. Походы Эдуарда стольже замѣчательны, какъ и его побѣды; захватъ имъ Лондона форсированнымъ маршемъ въ впду всей ланкастерской арміи черезъ недѣлю послѣ битвы при С. Альбансѣ, быстрый походъ, разсѣявшій въ 1470 году линкольнширскихъ мятежниковъ, продолжительная и трудная погоня за королевой Маргаритой, закончившаяся его походомъ въ тридцать двѣ мили наканунѣ Тьюксбюри — были крупными военными событіями. Арміи враговъ Эдуарда, повидимому, всегда находились подъ командой скорѣе военнаго совѣта, чѣмъ одного генерала и такъ какъ недоставало толчка, даваемаго однимъ человѣкомъ, онѣ не были въ состояніи парировать съ надлежащей быстротой, быстрые удары Эдуарда. Даже старый солдатъ Варвикъ въ кампаніи,

закончившейся битвой при Барнетѣ, былъ вполнѣ уничтоженъ своимъ прежнимъ ученикомъ.

Вообще говоря, война Розъ не произвела значительныхъ перемѣнъ въ англійскомъ военномъ искусствѣ. Поученіе, данное этой войной, было политическаго, а не военнаго характера—и это поученіе было не скоро забыто. Нація поняла, что все, что угодно, лучше, чѣмъ война за наслѣдіе престола, и радостно признала королемъ любого человѣка, лишь бы онъ далъ ей «сильное правительство», хотя бы право такого человѣка на престолъ было столь несовершено, какъ право Генриха Тюдора. Не менѣе ясно было и то, что вопіющее зло livery and maintenance должно было быть уничтожено. Первое и послѣднее усилія Генриха VII были направлены къ уничтоженію этого зла и въ концѣ его царствованія въ Англіи не осталось ни одного крупнаго барона, который могъ бы безпокоить страну шайкой своихъ домачадцевъ (свиты) или конфедераціей недисциплинированныхъ сквайровъ и рыцарей, связанныхъ съ нимъ договоромъ и носившихъ на рукавахъ своего платья его значекъ.

Со времень войны Розъ въ Англіи не собиралось такихъ большихъ армій. Въ слѣдующемъ вѣкѣ произошло столь же крупное измѣненіе въ составѣ англійскихъ войскъ, какъ и въ ихъ тактикѣ и вооруженіи. На поляхъ Босворта закончились средніе вѣка.

Флотъ.

Лэйрда Клоуэса.

Многіе техническіе термины, употребляющіеся теперь въ королевскомъ и торговомъ флотахъ, употреблялись и въ началѣ пятнадцатаго вѣка. Въ различныхъ расходныхъ счетахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о «вантахъ», «штагахъ», «бакштагахъ», «кабельтовахъ», «найтовахъ», «буксирныхъ кабельтовахъ», «буккритахъ», «реяхъ», «бакъ», «шкивахъ», «вертлюгахъ», «стропахъ», «лотъ-линяхъ», «боканцахъ», «юферсахъ у вантъ» (dead eyes), «лотахъ», «буйренахъ», «верхнемъ люкъ-тролѣ», каютахъ, забестанѣ, «обжиганіи дна корабля», «блокахъ», «галсахъ», «люкѣ», «помпахъ», и т. п. употребляемыхъ повидимому съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и теперь. Корабли измѣрялись ton-tights или тоннами и повидимому были по большей части въ триста или четыреста тонн. Украшенія были иногда очень показными на видъ, хотя и безвкусными. Въ 1400 году одно изъ королевскихъ судовъ и его мачта были выкрашены въ красный цвѣтъ, корабль былъ украшенъ золотыми лентами и повязками, —

каждая лента окружала лилію, а каждая повязка леопарда,—а также золотыми lyames или ремнями, на каждомъ изъ которыхъ охотничья собака съ золотымъ ошейникомъ. Другой корабль Goad Pace of the Tower былъ также раскрашенъ въ красную краску, причемъ борты, каюта и корма были другихъ цвѣтовъ, а на бовспритѣ находился большой золотой орелъ съ короной въ клювѣ. Trinity of the Tower былъ тоже красный. Изображенія св. Георга, св. Антонія, св. Екатерины и св. Маргариты находились на коронѣ съ четырьмя щитами королевскихъ гербовъ въ золотомъ ошейникѣ и двумя щитами съ гербомъ св. Георга, окруженными подвязкой. Въ каютѣ были нарисованы на пестромъ фонѣ два большіе орла. Nicholas of the Tower былъ выкрашенъ въ черный цвѣтъ и «напудренъ» (powderd) бѣлыми страусовыми перьями, форъ-штевень и лѣпныя украшенія были вызолочены. Въ одной части каюты были большіе щиты съ гербами короля, а въ другой изображеніе св. Христофора. У многихъ кораблей паруса были раскрашены или съ вышитыми гербами и значками; если они не были вышиты или раскрашены, то часто бывали разныхъ цвѣтовъ. Корабли покрывались множествомъ флаговъ, знаменъ и значковъ, такъ что большой флотъ на морѣ при хорошей погодѣ представлялъ великолѣпное зрѣлище.

Сэръ Гаррисъ Николасъ замѣчаетъ, что Англія въ царствованіе Генриха IV не вела фактически войны съ Франціей, но двѣ страны въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ находились въ постоянно враждебныхъ отношеніяхъ. Настоящаго мира не было, а только перемиріе и хотя постоянно ждали, что оно будетъ нарушено, формально оно никогда не нарушалось. Это царствованіе полно морскихъ битвъ, береговыхъ набѣговъ, пиратскихъ грабежей и репрессалій; едва ли кровопролитіе было бы большимъ и безопасность меньшей, если бы не существовало номинально перемирія. Вообще въ этомъ были виновны англичане. Перемиріе было непопулярно, потому что для нихъ война была выгоднѣе. Потому они не упускали случая пограбить французскіе корабли или опустошить французскіе берега. Для этихъ цѣлей они даже собирали большіе флоты; было не мало значительныхъ сраженій; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ количество погибшихъ кораблей считалось десятками, а погибшихъ людей тысячами. Положеніе усложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что французы болѣе или менѣе неоффиціально помогали валисцамъ и шотландцамъ въ ихъ борьбѣ съ Англіей, такъ что между монархами было перемиріе, а народы до крайности ненавидѣли другъ друга. Всякій англичанинъ и многія англичанки только и мечтали о войнѣ съ французами. Когда въ 1404 году французы появились у острова Уайта, жители пригласили ихъ высадиться и обѣщали имъ шестичасовой срокъ для отдыха и подкрѣпленія силъ, если потомъ они доставятъ удовольствіе подраться съ ними; когда въ томъ же году французы высадились въ Дармоутѣ, женщины этого

города храбро сражались и помогли ихъ пораженію. Короли и правительства могли заключать миръ только на бумагѣ. Для англійскаго народа война была спортомъ и одно только присутствіе француза служило достаточнымф поводомъ для военныхъ дѣйствій.

Генрихъ IV въ началѣ царствованія, боясь правильной войны съ Франціей и ведя войну съ Шотландіей, чтобы не сдѣлаться непопулярнымъ, облагая народъ для созданія сильнаго флота, заставилъ духовныхъ лордовъ дать ему десятину съ ихъ собственности, а нѣкоторыхъ изъ свѣтскихъ лордовъ заставилъ взять на себя добровольную обязанность содержать на морѣ флотъ. Такъ какъ эта мѣра оказалась не дѣйствительной, Генрихъ въ 1401 году отправилъ въ морскіе порты и нѣкоторые другіе города и мѣстечки приказы о постройкѣ въ каждомъ по одному кораблю для морской охраны, но палата общинъ протестовала противъ изданія такихъ приказовъ безъ ея согласія и вынудила короля уничтожить его предписанія. Такъ какъ въ силу этого королевскій флотъ былъ недостаточнымъ, Генрихъ черезъ годъ или черезъ два попытался устроить дѣло, заключая съ купцами и собственниками кораблей договоры о защитѣ морей, но и этотъ опытъ оказался неудовлетворительнымъ — и въ концѣ 1406 года король рѣшилъ не полагаться больше на купцовъ, а создать, насколько возможно, флотъ при содѣйствіи палаты общинъ. Неудача попытки сдѣлать при помощи торговаго флота то, что должно быть сдѣлано при посредствѣ военнаго флота, любопытна потому, что подобныя попытки часто дѣлались въ Англіи и несомнѣнно будутъ дѣлаться и впредь. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ торговый корабль можно было—во всякомъ случаѣ съ виду—превратить въ сносный военный корабль, поставивъ на немъ за нѣсколько фунтовъ стерлинговъ передніе и задніе баки и марсовый бакъ—постройки, въ то время не составлявшія части корабля, даже военнаго, и въ случаѣ надобности снимаемыя, такъ какъ они стояли на палубѣ на балкахъ. Но торговые корабли строились не такъ прочно, какъ спеціально предназначенные для военныхъ цѣлей; матросы торговаго флота не были столь дисциплинированы, столь пригодны къ дѣйствію и не имѣли такихъ навыковъ въ обращеніи съ оружіемъ, какіе пріобрѣтались службой въ королевскомъ флотѣ подъ начальствомъ королевскихъ офицеровъ.

Любопытную исторію, характеризующую невѣжество жителей англійскихъ внутреннихъ графствъ относительно морскихъ дѣлъ и суевѣрія того времени, разсказываетъ Вальсингамъ. Около праздника св. Мартина (1406), говоритъ онъ, когда англійскіе корабли отправлялись въ Бордо, они вступили въ море, не посѣщаемое моряками этой страны и четыре корабля, принадлежавшіе Линну, были внезапно поглощены вихремъ, бывающимъ иногда въ испанскихъ моряхъ; этотъ вихрь три раза въ день проглатывалъ флотъ и снова выкидывалъ его на поверхность. Для предупрежденія такой ужасной опасности

на корабляхъ обычно ставились изображенія святыхъ и послѣ избѣгнутой опасности обыкновенно къ мощамъ святыхъ приносились въ жертву небольшіе серебрянные кораблики.

При Генрихѣ IV впервые появляется назначеніе на постъ «адмирала Англіи». Раньше назначались офицеры подъ названіемъ «адмирала южнаго, сѣвернаго и западнаго флотовъ; въ 1405 году Сэръ Томасъ Ланкастеръ, впослѣдствіи герцогъ Кларенсъ, былъ назначенъ адмираломъ Англіи.

Пиратство. Мы уже неоднократно упоминали о пиратствѣ въ англійскихъ моряхъ. Генрихъ V, рыцарственный государь и справедливый человѣкъ, принимавшій горячее участіе во всемъ касавшемся мореплаванія и торговли, не могъ вполнѣ уничтожить его, но слѣдуетъ сказать къ его чести, что онъ дѣлалъ все возможное для его уничтоженія. Понявъ съ самаго начала своего царствованія все значеніе этого вопроса, желая уничтожить пиратство въ Англіи, не заботясь о томъ, захотятъ или нѣтъ другія державы присоединиться къ его реформамъ, онъ поручилъ канцлеру при открытіи парламента обратить его вниманіе на частое нарушеніе перемирія на открытомъ морѣ, въ портахъ и на берегахъ королевства, въ силу чего многіе, имѣвшіе свободный проѣздъ или защищаемые своимъ промысломъ, убиваются или грабятся къ великому безчестью и позору короля и противно его достоинству, и на то обстоятельство, что народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поддерживаетъ и поощряетъ преступниковъ. Вслѣдствіе сего опредѣляется, что всѣ подобные поступки будутъ считаться измѣной, что въ каждомъ портѣ долженъ быть назначенъ «оберегатель» спокойствія для изслѣдованія такихъ преступленій и для наказанія преступниковъ, и чтобы при всѣхъ порученіяхъ, даваемыхъ этому офицеру, къ нему присоединялись два судьи. Владѣльцы кораблей, балингеровъ и иныхъ судовъ должны присягать предъ оберегателемъ передъ отправленіемъ въ море, что они будутъ сохранять перемиріе и что въ случаѣ взятія ими какого либо приза они приведутъ его въ свой портъ и дадутъ оберегателю полный отчетъ раньше продажи товаровъ. Эта мѣра возымѣла нѣкоторое дѣйствіе; въ 1415 году два балингера изъ Ньюкастля, снаряженные противъ шотландцевъ, захватили два фламандскіе корабля, нагруженные, какъ предполагали, товарами врага и отвели ихъ въ Шельду, гдѣ они были взяты оберегателемъ и отведены въ Ньюкастль для слѣдствія. Этотъ чиновникъ несмотря на жалобы корабельщиковъ честно исполнилъ свой долгъ и убѣдившись въ фактахъ, передалъ призъ и все, что было на корабляхъ, фламандскимъ собственникамъ. Мы не знаемъ, однако, были ли наказаны корабельщики Ньюкастля.

Пиратство далѣе было ограничено приказомъ 1413 года, чтобы торговые корабли не выходили въ море въ одиночку и соглашеніемъ 1414 года между Англіей и Испаніей, чтобы въ теченіе года ни одинъ

вооруженный корабль, принадлежащій одной изъ этихъ державъ, не выходилъ изъ порта, не давъ обезпеченія въ томъ, что онъ не будетъ вредить подданымъ или собственности другого государства.

Генрихъ V и Флотъ.

Генрихъ пользовался всякимъ случаемъ для увеличенія и улучшенія своего флота. Онъ захватывалъ или арестовалъ корабли и людей, онъ строилъ корабли и покупалъ ихъ заграницей. Собственный его корабль, — Святой Духъ, былъ построенъ въ Саутгамптонѣ и стоилъ 496 фун. Онъ былъ украшенъ носителями королевскихъ гербовъ, лебедемъ и антилопой; это, вѣроятно, тотъ корабль, на которомъ, какъ разсказываютъ, былъ лозунгъ Генриха: Une sanz pluis. На другомъ королевскомъ кораблѣ, Іоаннѣ, были изображены корона и скипетръ, а на мачтѣ вмѣсто ванъ-клота или флюгера королевскій султанъ, вѣнчанный англійскій левъ. Шпиль корабля былъ украшенъ тремя лиліями, на кораблѣ было пять малыхъ фонарей и одинъ большой. Въ 1417 году у Англіи былъ королевскій, отдѣльный отъ наемнаго, военный флотъ изъ двадцати семи кораблей, изъ которыхъ три: Іисусъ, Королевская Троица и Святой Духъ были первоклассными, восемь были карраками или большими кораблями, шесть были nefs (корабли) и остальныя баржи или балингеры. Генрихъ, повидимому, имѣлъ постоянныхъ офицеровъ этого флота, потому что мастерамъ (капитанамъ) каждаго онъ давалъ годичное жалованье по 6 фун. 13 шил., по 4 капитанамъ большихъ кораблей и каррак, по 5 капитанамъ простыхъ кораблей (nefs) и по 3 фун. 6 шил. 8 капитанамъ балингеровъ. Въ тоже время частные люди, доставлявшіе корабли для временной службы, получали поощренія изданіемъ приказа объ аккуратной уплатѣ денегъ съ тонны — по 3 шил. 4 д. съ тонны за четверть года за оснастку наемныхъ судовъ. Петиція палаты общинъ, на основаніи которой былъ изданъ этотъ приказъ, замѣчательна тѣмъ, что въ ней встрѣчается такое выраженіе: «флотъ есть великая поддержка богатства, выгодъ и процвѣтанія сего королевства». Это выраженіе можно считать источникомъ выраженій въ предисловіяхъ къ современнымъ парламентскимъ актамъ о поддержаніи дисциплины во флотѣ. Таково выраженіе, что «по Божественному Промыслу богатство, безопасность и могущество въ королевствѣ зависятъ главнымъ образомъ отъ флота».

Другая петиція палаты общинъ, о которой упоминаетъ Николасъ, бросаетъ свѣтъ на обычаи и навыки, господствовавшіе въ торговомъ флотѣ въ первой четверти пятнадцатаго вѣка. Корабль, по имени Христоферъ, изъ Гуля, нагруженный 240 тоннами вина, былъ во время стоянки въ Бордо, приготовляясь къ путешествію въ Англію, «по соглашенію всѣхъ купцовъ, капитановъ и моряковъ Англіи, находившихся тамъ, избранъ *адмираломъ* всего англійскаго флота на плаванье домой ради безопасности и охраны всего флота», т. е., какъ бы сказали теперь, капитанъ корабля былъ избранъ командиромъ

всей отправлявшейся домой флотиліи. На основаніи такого избранія всѣ купцы, капитаны и моряки присягнули предъ констеблемъ Бордо-согласно древнимъ обычаямъ, «употребляемымъ во всѣ времена», сохранять своего адмирала до прибытія въ Англію. Но когда на переходѣ Христоферъ подвергся нападенію, онъ былъ оставленъ всѣми другими кораблями и попалъ въ руки генуезскихъ пиратовъ. Собственники Христофора жаловались, что захватъ корабля разоряетъ ихъ и безчеститъ весь флотъ Англіи и просили, чтобы собственники другихъ кораблей флотиліи вознаградяли ихъ за стоимость корабля. Король повелѣлъ, что бы всѣ бывшіе въ флотиліи были вызваны къ канцлеру, который по совѣщаніи съ тремя или четверьмя судьями, можетъ принять мѣры, какія сочтетъ нужными; было дано полномочіе не только заставить трусливыхъ купцовъ и капитановъ вознаградить за убытокъ, но и наказать ихъ тюремнымъ заточеніемъ.

Рыбныя ловли.

Въ 1416 году случались споры по поводу рыбныхъ промысловъ, какъ и въ послѣдующее время, такъ какъ эти промыслы уже были и въ то время значительными. Кажется, что за нѣсколько времени до этого года рыба ушла отъ нѣкоторыхъ мѣстъ англійскаго берега и что вслѣдствіе этого рыбаки уходили къ берегамъ Исландіи, Норвегіи и другихъ странъ. Они ловили рыбу въ водахъ, теперь именуемыхъ территоріальными; норвежцы и шведы протествовали и требовали, чтобы Генрихъ запретилъ своимъ подданнымъ такое нарушеніе ихъ правъ. Рыбаки отвѣчали, что если будутъ удовлетворены требованія чужестранцевъ, то королевству будетъ нанесенъ великій вредъ и просили Генриха повелѣть, чтобы рыбаки могли ходить рыбачить куда и какъ имъ угодно; но король, будучи государемъ просвѣщеннымъ и не желая нарушать законныхъ правъ подданныхъ другихъ государей, отвѣтилъ: «король подумаетъ» (Le Roy s'avisera) — тѣмъ дѣло и кончилось. Тѣмъ не менѣе Генрихъ нисколько не хотѣлъ оставить старыхъ притязаній англійскихъ государей на власть надъ ближайшими морями и, какъ объясняетъ авторъ книга Libel of English Policie (около 1430 года), это и было основаніемъ его заботливости о флотѣ.

Въ его царствованіе былъ укрѣпленъ Портсмутъ. Въ мартѣ 1418 г. были уплачены деньги за постройку тамъ башни для защиты королевскихъ кораблей, города и сосѣднихъ мѣстъ; въ 1421 году снова нашли деньги для постройки новой башни въ Портсмутѣ и для жалованья клерку королевскаго флота. Французы блокировали этотъ портъ въ 1416 году. Несомнѣнно, что именно это повело къ мудрому рѣшенію укрѣпить его, какъ морской арсеналъ.

Общій видъ и характеръ моряка пятнадцатаго вѣка превосходно описанъ Чосеромъ въ его «Кентербюрійскихъ разсказахъ»:

Здѣсь былъ корабельщикъ съ запада.
Я присягнулъ бы, что онъ изъ Дармоута.

Онъ кое какъ ѣхалъ на клячѣ.
Весь согнувшись до колѣнъ.
На ремнѣ у него висѣлъ кинжалъ.
Около шеи подъ руку;
Жаркое лѣто сдѣлало его совсѣмъ бурымъ.
И, конечно, онъ былъ славный парень.
Не мало вина выпивалъ онъ
Изъ бочки, пока боцманъ спалъ—
Совѣсть у него была не изъ очень строгихъ;
Если онъ дрался и имѣлъ силу,
То всякаго отправлялъ домой по водѣ.
Но по умѣнью, знанію приливовъ,
Знанію теченій и береговъ
Не было подобнаго ему отъ Гуля до Карфагена.
Выносливъ онъ былъ и разуменъ.
И познакомился съ многими бурями.
Онъ прекрасно зналъ всѣ гавани
Отъ Готланда до мыса Финистере
И всякій ручеекъ въ Бретани и Испаніи;
Его барка называлась Магдалиной.

Генрихъ VI пренебрегалъ флотомъ и моряками и приводилъ въ негодованіе торговцевъ своими беззаконными поступками. Одинъ разъ онъ отдалъ въ залогъ кардиналу Винчестерскому всѣ таможни Лондона и Саутгамптона и обязался сдѣлать, что можетъ, для поощренія торговли въ этихъ портахъ ко вреду для другихъ. Другой разъ онъ захватилъ все олово въ Саутгамптонѣ и продалъ его въ свою пользу. Въ противность статутамъ онъ давалъ иностраннымъ купцамъ позволеніе перевозить шерсть, покровительствовалъ ганзеатическимъ городамъ и итальянцамъ ко вреду своихъ подданныхъ. Морская и торговая политика короля вызывала волненія въ большихъ торговыхъ и корабельныхъ центрахъ и была главной причиной его паденія, такъ какъ она возмущала флотъ и сдѣлала для Варвика легкимъ дѣломъ подкупить часть флота и привлечь его на сторону іорксистовъ и побѣдить оставшійся вѣрнымъ королю флотъ, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія. Іоркскій домъ слѣдовалъ какъ разъ противоположной политикѣ. Онъ проявлялъ недовѣріе къ иностранцамъ и покровительствовалъ англійскимъ морякамъ.

Флотъ Генриха VI.

Въ 1843 году Арчибальдъ открылъ въ пескѣ и гравелѣ на берегу острова Вальней при началѣ Морекамбъ-Бай нѣсколько очень интересныхъ остатковъ кораблей, несомнѣнно относящихся къ царствованію Генриха VI. Предполагаютъ, что на этомъ мѣстѣ потерпѣлъ крушеніе военный корабль. Нѣкоторые изъ остатковъ заслуживаютъ описанія, напримѣръ пушка въ десять футовъ длины; она изъ кованнаго железа и сдѣлана по образцу самыхъ старыхъ изъ извѣстныхъ намъ пушекъ. Стволъ ея состоитъ изъ трехъ железныхъ полосъ, каждая въ треть дюма толщины, расположенныхъ въ цилиндрической формѣ и помѣщеныхъ въ длину одна рядомъ другой, подобно доскамъ

бочки, по повидимому не спаянныхъ. Они поддерживаются посредствомъ обручей, набитыхъ одинъ за другимъ и въ мѣстахъ соединенія перевязанныхъ крѣпкими желѣзными кольцами. Но главная особенность этой пушки состоитъ въ томъ, что у ней два жерла и два запала, казенная часть находится по срединѣ между двумя концами и стрѣлять изъ пушки можно въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ одновременно. Близъ каждаго жерла кольцо для подвѣшиванія. Вторая пушка, двухъ футовъ длины и двухдьюймоваго калибра, составлена также изъ продольныхъ полосъ, но онѣ спаяны и скованы.

У ней нѣтъ цапфъ или тарельной части, но къ ней канатами прикрѣплены два большія кольца по одному съ каждой стороны, близъ середины. Найдено литое изъ желѣза сферическое ядро, соотвѣтствующее ея калибру. Двѣ другія пушки изъ литого желѣза очень коротки и тяжелы; предполагаютъ, что это «chambers» или подвижныя осадныя орудія. Онѣ окованы желѣзными трубами и въ каждой зарядъ пороха. Въ другой каморѣ (chamber) надъ порохомъ пыжъ изъ веревки. Тутъ же найдены двѣ желѣзныя трубки по 15 и 18 дюймовъ; можетъ быть, это дула ручной пищали. Ядеръ найдено нѣсколько образцовъ, въ томъ числѣ шесть гранитныхъ отъ $3^1{}_2$ до 6 дюймовъ въ діаметрѣ, одно изъ глинистаго желѣзника 6 дюймовъ въ діаметрѣ, другое изъ сѣраго песчаника такой же величины; одно ядро изъ кованнаго желѣза въ 5 дюймовъ въ діаметрѣ, вѣсящее 18 фунтовъ, ядро изъ литаго желѣза въ два дюйма, однодюймовое ядро изъ литаго желѣза, обвернутое въ свинецъ и два свинцовыя ядра, повидимому съ ядромъ внутри. У одного изъ ядеръ внутреннее ядро изъ кремня, а у другого квадратный кусокъ кованнаго желѣза. Любопытно, что еще и теперь нѣкоторые изъ трибъ на сѣверной границѣ Индіи льютъ ядра такимъ образомъ. Полковникъ Дюранъ во во время экспедиціи 1891 года былъ раненъ ядромъ, внутри котораго былъ гранатъ. Британское правительство выставило на Королевской Морской выставкѣ 1891 года большую пушку времени Генриха VI. У ней два привязанныя кольца; она 8 футовъ 6 дюймовъ длины. Калибръ $4^1/_2$ дюймовъ, а вѣсъ 8 пент. 20 фун. Подходящее къ ней желѣзное сферическое ядро вѣсило бы 10 или 11 фунтовъ

Въ Вальнеѣ въ той же кучѣ остатковъ разбитыхъ кораблей найдены два компаса, такъ хорошо устроенные, что послужили образцомъ для одного изъ лучшихъ мастеровъ инструментовъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и теперь такъ же обыкновенны, какъ они были, несомнѣнно, въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Эти компасы или dividers находятся теперь въ гидрографической канцеляріи адмиралтейства.

Вооруженіе кораблей.

Въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній принятіе пушекъ на кораблѣ не устранило совершенно луковъ и самострѣловъ. Въ манускриптахъ нѣкоего Джона Ру, капелана Guy's Cliff, иллюстрировавшаго біографію его современника, графа Варвика, есть изображеніе стрѣл-

ковъ изъ лука, стрѣляющихъ черезъ пушку; послѣдняя помѣщена en Barbette, такъ что она смотритъ чрезъ бульварки корабля. На другомъ изображеніи въ этихъ манускриптахъ корабль, одинъ изъ тѣхъ, которые снаряжены для Варвика Вильямомъ Себургомъ, художникомъ, и Джономъ Рэемъ, портнымъ изъ Лондона. Корабль, обшитый досками съ рулемъ и кормовой каютой или «круглымъ домомъ». Въ бульваркахъ имѣются отверстія, чрезъ которыя смотрятъ пушки. На главной мачтѣ имѣются ванты, марсъ и большой квадратный парусъ, бизань-мачта много меньше и у ней одинъ парусъ съ рифами. Марсъ украшенъ девизомъ графа, извилистымъ жезломъ. Вверху развивается то, что въ сохранившемся счетѣ Себурга и Рэя описано, какъ «большой флагъ въ сорокъ ярдовъ длины и семь ширины, съ большимъ медвѣдемъ и грифономъ, держащимъ извилистый жезлъ и большой крестъ св. Георга». Крестъ св. Георга рядомъ съ жезломъ, а другія украшенія на концѣ флага. Эти украшенія стоили 1 ф. 6 ш. 8 д.; Ру умеръ въ 1491 году. Поэтому очевидно, что отверстія для пушекъ въ бульваркахъ кораблей стали дѣлать въ Англіи за нѣсколько лѣтъ до того времени, когда они, какъ это предполагалось, были впервые употреблены французами.

Union jack.

Возможно, что начало настоящаго союзнаго флага (Union Jack) можно найти въ флагѣ, повидимому случайно употреблявшемся во время несовершеннолѣтія Генриха VI. Кажется, что въ это время или раньше любимымъ французскимъ знаменемъ былъ голубой флагъ съ бѣлымъ крестомъ и что Джонъ, герцогъ Бедфордъ, принялъ этотъ флагъ и соединилъ бѣлый крестъ съ краснымъ крестомъ св. Георга, сдѣлалъ его если не англійскимъ національнымъ, то по крайней мѣрѣ своимъ собственнымъ флагомъ. Въ современномъ союзномъ флагѣ бѣлый край креста св. Георга шире, чѣмъ край ирландскаго Андреевскаго креста. Причина этого неизвѣстна; но возможно, что края креста св. Георга совсѣмъ не представляетъ собой каемки, а остатокъ бѣлаго французскаго креста и, стало быть, переживаніе старыхъ притязаній Англіи на суверенитетъ надъ Франціей.

Флотъ при Эдуардѣ IV.

Эдуардъ IV настолько улучшилъ свой флотъ и настолько возстановилъ морскія силы страны, что въ 1475 году, несмотря на безпорядки и упадокъ королевской власти при его предшественникѣ, онъ имѣлъ возможность собрать для экспедиціи во Францію не меньше пятисотъ кораблей. Понимая значеніе расширенія торговли, онъ не щадилъ трудовъ для поощренія англійскихъ купцовъ, въ большомъ количествѣ поселившихся въ Нидерландахъ и заключилъ трактаты съ Даніей, Кастиліей, Бургундіей и ганзеатическими городами. Ричардъ III также обращалъ вниманіе на королевскій и на торговый флоты и всячески старался о расширеніи торговли и о сохраненіи власти надъ морями. По всей вѣроятности, какъ предполагаетъ Кэмпбелль, его мѣры были прежде всего направлены на упроченіе положенія его

самого и его семьи, и тѣмъ не менѣе онѣ были полезны для народа. Странно, что въ критическій моментъ своего царствованія онъ совершилъ ту же ошибку, которую четыреста лѣтъ до него совершилъ Гарольдъ. Когда ему грозило нападеніе, онъ распустилъ флотъ или потому что онъ полагалъ, что въ немъ нѣтъ настоятельной надобности, или потому, что ему трудно было содержать флотъ на морѣ; такимъ образомъ, хотя у него были необходимые корабли и люди и хотя флотъ, вѣроятно, былъ преданъ ему, онъ не былъ въ состояніи бороться съ Генрихомъ тамъ, гдѣ борьба была бы, вѣроятно, успѣшной.

Мы уже указывали на трактатъ Libel of English Policie, повидимому написанный около 1430 года. Въ немъ встрѣчается много цѣнныхъ указаній относительно морского и торговаго положенія Англіи въ 15 вѣкѣ; краткое изложеніе этого трактата будетъ подходящимъ заключеніемъ даннаго выше обозрѣнія морской жизни и стремленія народа въ періодъ, закончившійся битвой при Босуортѣ.

Этотъ рифмованный трактатъ, кажется, напечатанъ впервые Гаклитомъ и озаглавленъ De Politia Conservativa Maris. Авторъ его неизвѣстенъ, но онъ очевидно человѣкъ необычно патріотически настроенный и проницательный. Въ введеніи говорится слѣдующее: «Здѣсь начинается прологъ процесса книги англійской политики, увѣшевающей всю Англію удержать море, и именно проливы, показывающей, какая выгода проистекаетъ изъ сего и какое почтеніе и спасеніе для Англіи и для всѣхъ англичанъ». Каждая глава имѣетъ отдѣльное заглавіе.

Въ прологѣ авторъ указываетъ на пользу и необходимость для Англіи сохраненія власти надъ морями и говоритъ, что императоръ Сигизмундъ, пріѣзжавшій во Францію къ Генриху V, совѣтывалъ этому королю хранить Дувръ и Кале какъ два глаза. Въ первой главѣ ясный и точный отчетъ о товарахъ Испаніи и Фландріи и о торговлѣ между этими странами; авторъ замѣчаетъ, что одна страна не можетъ жить безъ другой, но что испанская шерсть не можетъ обрабатываться фламандцами безъ примѣси англійской и что поэтому торговля этихъ странъ въ силу ихъ положенія подвергается опасности, если онѣ не будутъ жить въ мирѣ съ Англіей. Говоря другими словами, Англія, сохраняя власть надъ морями, можетъ имѣть вліяніе на двѣ наиболѣе могущественныя торговыя націи. Это положеніе, говоритъ авторъ, выражено девизомъ на золотомъ *ноблѣ* восемнадцатаго года царствованія Эдуарда III.

„Нашъ ноблъ указываетъ мнѣ четыре вещи:
Короля, корабль, мечъ и власть надъ морями“.

Вторая глава трактуетъ о товарахъ и торговлѣ Португаліи. Португальцы, говоритъ авторъ, всегда были нашими друзьями и между

нами и ними всегда существовала добрая торговля, хотя въ это время потокъ торговли начиналъ уже обращаться къ Фландріи. Авторъ говоритъ о торговлѣ и пиратствѣ жителей Бретани, описываетъ преступленія, совершаемыя этими людьми на англійскихъ берегахъ и особенно на берегахъ Норфолька. Купцы, говоритъ авторъ, когда то представляли Эдуарду III, что несмотря на миръ между нимъ и герцогомъ Бретани приватеры этого герцогства захватывали ихъ корабли; король чрезъ своихъ пословъ жаловался на это герцогу, а тотъ въ отвѣтъ указалъ, что приватеры эти изъ Ст. Мишеля и Ст. Мало, которые хотя и принадлежатъ къ его владѣніямъ, но къ несчастію не повинуются ему, такъ какъ тамъ живутъ люди, дѣлающіе все, что имъ угодно. Потому Эдуардъ приказалъ укрѣпить Дармуть, Плимутъ и Фовей и далъ жителямъ разрѣшеніе снаряжать приватеровъ для крейсированія у береговъ Бретани. Это скоро довело бретанцевъ до такого несчастнаго положенія, что съ этого времени герцогъ съ радостью взялъ на себя отвѣтственность за доброе поведеніе двухъ своихъ непокорныхъ портовъ.

Четвертая глава занимается товарами Шотландіи и шотландской торговлей съ Фландріей. Авторъ говоритъ, что шотландская шерсть не годится для обработки также, какъ испанская, если ее не смѣшать съ англійской. Далѣе онъ замѣчаетъ, что всѣ предметы домашняго хозяйства, всѣ мелочные товары, даже колеса и колесныя спицы ввозятся шотландскими кораблями въ обмѣнъ за шотландскіе товары, и что потому Англія, обладая проливами, можетъ во всякое время держать въ рукахъ Шотландію и Испанію, уничтоживъ торговлю, безъ которой онѣ не могутъ существовать.

Въ пятой главѣ авторъ разсматриваетъ торговлю Пруссіи, ганзеатическихъ городовъ и Германіи и зависимыхъ отъ нихъ континентальныхъ странъ; въ шестой торговлю Генуи съ Африкой и Индіей, а въ седьмой торговлю Венеціи и Флоренціи—во всѣхъ этихъ главахъ онъ указываетъ на важность для Англіи власти надъ морями. О Фландріи говорится въ восьмой главѣ, въ которой авторъ разсказываетъ о жалобахъ жителей Нидерландъ на дерзость корабельщиковъ ганзеатическихъ городовъ и говоритъ, что со стороны англійскихъ купцовъ это самоубійственная политика давать свои имена для поддержанія торговли иностранцевъ, имѣющихъ дѣла съ Фландріей. Девятая глава представляетъ восхваленіе богатства и торговаго значенія Ирландіи. Десятая глава описываетъ торговлю съ Исландіей изъ Скарборо и Бристоля. Въ одиннадцатой главѣ авторъ говоритъ о морской силѣ Эдгара, Эдуарда III и Генриха V. Въ двѣнадцатой онъ патетически увѣщеваетъ англійскихъ государственныхъ людей внимательно отнестись къ важности того, что онъ говорилъ и подумать объ обязанности сохранить власть надъ морями, отъ чего существенно за-

висятъ, по его мнѣнію, миръ, благосостояніе и процвѣтаніе этого острова.

Невольно думается, что этотъ трактатъ долженъ былъ имѣть большое вліяніе на стремленія къ увеличенію флота и торговли, отличавшія времена Тюдоровъ. Онъ напечатанъ только въ третьей четверти шестнадцатаго вѣка, но писанныя копіи его были многочисленны и были извѣстны всѣмъ въ теченіи полутораста лѣтъ; невозможно отрицать, что стремленія, одушевлявшія автора этой книги, были тѣ самыя, которыми проникнуты были капитаны и торговые авантюристы золотого Елизаветинскаго вѣка.

Открытія и изобрѣтенія

Раймунда Бизли.

Участіе Англіи въ томъ распространеніи европейской культуры и христіанства, которое медленно, но постоянно происходило въ теченіи среднихъ вѣковъ, несомнѣнно составляетъ значительный контрастъ съ ея участіемъ въ великомъ движеніи шестнадцатаго вѣка. Католическіе миссіонеры, итальянскіе города, испанскіе крестоносцы и скандинавскіе пираты—всѣ были гораздо дѣятельнѣе нашихъ соотечественниковъ до вѣка Елизаветы. Торговцы мореходы или авантюристы Средиземнаго и Балтійскаго морей далеко опередили населеніе британскихъ острововъ въ качествѣ піонеровъ западнаго общества, столицей котораго былъ Римъ. Ни одинъ изъ великихъ изслѣдователей въ средніе вѣка не былъ англичаниномъ, ни одно изъ великихъ средневѣковыхъ открытій не можетъ быть приписано намъ. Норвежскіе викинги нашли путь въ Гренландію и Америку въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкахъ, и въ девятомъ обогнули Сѣверный мысъ; итальянскіе сухопутные путешественники и мореплаватели тринадцатаго и четырнадцатаго вѣковъ открыли пути въ Индію и Китай и начали океаническія плаванія къ западу и югу въ то самое время, какъ Марко Поло достигъ Китая; португальцы пятнадцатаго вѣка блестяще завершили эти медленныя и трудныя усилія прежнихъ вѣковъ. До времени Каботовъ наши открытія были почти всѣ случайными и нѣкоторые изъ имѣвшихъ наиболѣе успѣха изслѣдователей среднихъ вѣковъ, служившихъ англійской коронѣ, были иностранцами, также какъ Норвежцы Отгере и Вульфстанъ при королѣ Альфредѣ. Тѣмъ не менѣе ранняя исторія нашихъ національныхъ изслѣдованій, давно забытая ради ея результатовъ—исторія нашихъ колоній—заслуживаетъ воспоминанія сама по себѣ.

Все это время англичане, какъ морской народъ, медленно, но вѣрно выдвигались на первое мѣсто среди христіанскихъ націй. И если отъ седьмого до пятнадцатаго вѣка мы сдѣлали немного для теоріи и практики европейскихъ открытій, для завоеванія міра для христіанской цивилизаціи, то все же мы сдѣлали кое что. Наше участіе въ этой работѣ можетъ быть поставлено рядомъ съ участіемъ Франціи, ганзеатическихъ городовъ на сѣверогерманскомъ берегу, средневѣковой Испаніи, Венгріи или Россіи.

Какъ въ другихъ христіанскихъ государствахъ, такъ и въ Англіи, пиллигримы, торговцы и путешественники слѣдовали одни за другими, какъ руководители изслѣдованій, раньше чѣмъ наступила эпоха колонизаціи, распространившая европейскую культуру. За религіознымъ движеніемъ слѣдовало торговое и за нимъ движеніе искателей приключеній, въ которомъ стремленіе къ разнузданной свободѣ шло рука объ руку съ стремленіемъ къ знанію.

Древнія путешествія англичанъ

Начало англійскихъ изслѣдованій ведетъ насъ въ первый вѣкъ англійскаго христіанства, къ англосаксонской цивилизаціи седьмого вѣка. Эпоха ирландскихъ миссій Теодора съ Тарса и Бэды есть также эпоха первыхъ англійскихъ отчетовъ о путешествіяхъ. Первыя свѣденія о пиллиграмахъ представляютъ и первыя доказательства интереса англичанъ къ великому міру, находящемуся за предѣлами ихъ острововъ.

Пиллигримы.

Аркульфъ и Виллибальдъ, двое изъ наиболѣе извѣстныхъ путешественниковъ въ теченіи двухсотъ лѣтъ между распространеніемъ ислама и смертью Карла Великаго, оба имѣли отношеніе къ Англіи и извѣстны намъ въ связи съ нашимъ обращеніемъ въ христіанство и съ нашими попытками передать христіанство нашимъ братьямъ, язычникамъ Германіи.

Толчекъ къ странствованіямъ въ святыя мѣста континента и Сиріи былъ данъ болѣе древними странствованіями къ святымъ мѣстамъ Ирландіи. Большая часть Англіи была обращена ирландскими миссіями между 633 и 664 годами и въ серединѣ седьмого вѣка образовалась привычка ходить на поклоненіе въ Ирландію у земляковъ Бэды въ Нортумбріи, у южныхъ англичанъ и даже у франковъ Галліи. Епископъ Ажильбертъ Дорчестерскій провелъ въ Ирландіи долгое время «ради чтенія священнаго писанія»; другіе, вродѣ Чада Лихтфильдскаго, отправлялись на святой островъ вести монашескую жизнь въ ранней молодости «ради Царства Небеснаго». Іона, самый знаменитый изъ ирландскихъ монастырей, мѣсто пребыванія Колумбы и Айдана, былъ духовной столицей Нортумбріи, пока въ 664 году на синодѣ въ Витби король Освью не замѣнилъ повиновеніе Ирландіи повиновеніемъ Риму. Когда церковь Патрика распространила свои колоніи до сѣверной Италіи, Юры и Констанцскаго озера, она отправляла монаховъ чрезъ океанъ въ Исландію и выставляла въ С. Брандапѣ притязаніе на от-

рытіе западнаго континента, такъ что интересъ, возбужденный этимъ въ англійскихъ обращенныхъ, можетъ считаться нѣкоторымъ приготовленіемъ къ открытію англичанами чуждыхъ имъ странъ.

Первые англійскіе путеводители.

Путешествіе Аркульфа представляетъ первый англійскій отчетъ о путешествіи. Даже болѣе того: онъ представляетъ первый путеводитель въ средніе вѣка, въ то мрачное время, которое настало послѣ появленія Магомета, когда христіанская цивилизація была близка къ погибели. Аркульфъ былъ франкскимъ или галликанскимъ епископомъ, бывшимъ въ Святой землѣ около 690 года; при своемъ возвращеніи онъ былъ загнанъ бурей въ Іону, гдѣ и нашелъ пристанище въ полуанглійскомъ, полуирландскомъ монастырѣ Колумбы, находившемся тогда подъ управленіемъ аббата Адамнана. Онъ разсказалъ о своемъ путешествіи: его разсказъ записанъ аббатомъ и представленъ послѣднему изъ великихъ Нортумбрійскихъ королей, Альдфриту Мудрому при его дворѣ въ Іоркѣ. Два извлеченія изъ этого отчета, одно полное, другое сокращенное, были сдѣланы Бэдой изъ Ярроу, великимъ ученымъ того времени, чтобы помочь англичанамъ найти дорогу къ святымъ мѣстамъ. Главный интересъ той эпохи состоялъ только въ пилигримствѣ, но достигались и иныя цѣли — распространеніе знанія, хотя только ради цѣли поклоненія святымъ мѣстамъ. Связь сѣверной Англіи съ ирландскимъ прозелитизмомъ и южной Англіи съ континентальнымъ христіанствомъ иллюстрируются путешествіемъ Аркульфа, сдѣлавшимся извѣстнымъ въ Европѣ именно благодаря его пребыванію въ ирландскомъ монастырѣ, благодаря отчету аббата и извлеченію изъ этого отчета, сдѣланному первымъ англійскимъ историкомъ.

Франки и саксы знакомились съ міромъ, благодаря пилигримствамъ сначала къ ближайшимъ, потомъ къ болѣе отдаленнымъ и къ болѣе уважаемымъ изъ святыхъ мѣстъ. Англичане переправлялись взадъ и впередъ чрезъ ирландскій проливъ ради поклоненія и обученія, необыкновенно заинтересовались прибытіемъ пилигрима изъ Іерусалима и въ теченіе перваго столѣтія послѣ обращенія (655—750 г.) побывали въ Римѣ, Константинополѣ, Египтѣ и Палестинѣ.

Путешествія Виллибальда.

Въ 721 году, въ то время, какъ Бэда еще продолжалъ собирать всѣ знанія своего времени для пользы англійской религіи, въ Палестину отправился англичанинъ, по имени Виллибальдъ, племянникъ Бонифація Кредитона, апостола Германіи, который впослѣдствіи продолжалъ дѣло своего дяди и сдѣлался главой и руководителемъ тѣхъ англійскихъ миссій въ центральной Европѣ, которыя въ ближайшемъ будущемъ рѣшили судьбу римской церкви. Онъ заслуживаетъ особаго упоминанія, какъ первый изъ путешественниковъ англичанъ, какъ давшій одинъ изъ самыхъ интересныхъ средневѣковыхъ отчетовъ о путешествіи въ Палестину. Его путь, кажется, шелъ по одной изъ главныхъ дорогъ пилигримовъ и торговцевъ—чрезъ Саутгамптонъ и

Руанъ, чрезъ Альпы въ Неаполь и Катанію, «гдѣ гора Этна—и когда этотъ волканъ начинаетъ изверженіе, они берутъ вуаль св. Агаты и держатъ его противъ огня и онъ сразу прекращается». Оттуда чрезъ Самосъ и Кипръ Виллибальдъ достигъ сѣверной Сиріи и прибылъ въ Эмессу, «въ страну сарацинъ», гдѣ вся компанія, избѣжавшая мусульманскихъ разбойниковъ южной Галліи, была посажена въ тюрьму какъ шпіоны. Они были освобождены благодаря вмѣшательству одного испанца; но Виллибальдъ лично отправился въ Дамаскъ и оправдался предъ калифомъ отъ подозрѣнія въ шпіонствѣ; «мы пришли съ запада, гдѣ садится солнце, и мы не знаемъ никакой земли за нимъ—а только воду». Онъ утверждалъ, что это слишкомъ далеко для того, чтобы приходить оттуда шпіонить; калифъ согласился и далъ ему пропускъ во всѣ мѣста Палестины и онъ съ этимъ пропускомъ прошелъ Святую Землю вдоль и поперекъ въ теченіи слѣдующихъ пяти лѣтъ, причемъ оставить ее было также трудно, какъ и вступить въ нее, такъ какъ на востокѣ начинались преслѣдованія христіанъ и жизнь Виллибальда подвергалась опасности.

Подобно Аркульфу онъ видѣлъ всѣ чудеса Сиріи—дѣйствительныя и легендарныя—источники Іора и Дана, соединяющихся въ рѣку Іорданъ», вершину горы Таборъ, «гдѣ преобразился нашъ Господь», «мѣсто обращенія Павла», галилейское озеро, «по коему ходилъ Христосъ и по которому пробовалъ ходить Петръ, но началъ тонуть», гору искушеній, «сухую землю, когда то тоже рѣка, въ которой крестился Господь», славную церковь св. Елены въ Вифлеемѣ и всѣ чудеса Іерусалима. Особенно тронуть онъ былъ созерцаніемъ двухъ колоннъ «у сѣверной стѣны и у южной стѣны» въ церкви Вознесенія на Масляничной горѣ, ибо «тотъ человѣкъ, который можетъ проползти между колоннами и стѣнами освободится отъ всѣхъ грѣховъ». Онъ видѣлъ гробницы патріарховъ и ихъ женъ въ Гебронѣ, большой монастырь Маръ Саба близъ Мертваго моря у Кедрона; когда онъ возвращался изъ Іудеи къ Акрскому заливу чрезъ пустыни Самаріи онъ «встрѣтилъ льва, угрожавшаго намъ страшнымъ ревомъ». Прибывъ наконецъ къ «горѣ Ливанской, гдѣ она входитъ въ море», Виллибальдъ и его спутники были отправлены подъ эскортомъ въ Тиръ», въ шести «миляхъ отъ Сидона», откуда и отправился на кораблѣ въ Константинополь». Но раньше этого, горожане осмотрѣли насъ, не спрятали ли мы чего нибудь; а если бы было такъ, они предали бы насъ смерти. Виллибальдъ въ бытность свою въ Іерусалимѣ купилъ бальзамъ и наполнилъ имъ тыкву, наливъ наверхъ горнаго масла; въ Тирѣ, открывъ тыкву, они понюхали масло и не подозрѣвали что внутри бальзамъ. И такъ отпустили насъ».

Они находились на морѣ всю зиму по дорогѣ чрезъ Левантъ и Эгейское море и прибывъ благополучно въ Новый Римъ, пробыли тамъ два года, пребывая въ дружбѣ съ греками при иконоборцахъ-

императорахъ. Виллибальдъ помѣщался въ церкви, гдѣ «находилось тѣло Іоанна Хризостома и каждый день могъ видѣть мѣсто упокоенія святыхъ».

Наконецъ онъ отплылъ «съ послами папы и императора» въ Сицилію и «оттуда къ Вулкану, гдѣ находится адъ Теодорика [1]). И они отправились на берегъ посмотрѣть, что это за адъ и Виллибальдъ пожелалъ пойти на вершину горы, гдѣ отверстіе, но былъ прогнанъ пепломъ, набросаннымъ кучами около краевъ, точно снѣгъ». Но онъ все таки видѣлъ,, «какъ столбъ пламени и дыма вылеталъ изъ бездны съ шумомъ, подобнымъ грому и какъ пемза, употребляемая писателями, выбрасывалась съ пламенемъ изъ ада и падала въ море и выбрасывалась на берегъ, гдѣ люди и собираютъ ее».

Отчетъ Виллибальда прочли папѣ Григорію III; онъ былъ опубликованъ съ одобренія церкви. Для насъ онъ имѣетъ особую цѣнность, какъ отчетъ о первомъ и типичномъ англійскомъ пилигримствѣ, какъ самый древній путеводитель, сохранившій для насъ дѣйствія и идеи христіанскаго миссіонера въ эпоху упадка христіанской цивилизаціи, когда вновь обращенныя сѣверныя націи только что начали составлять противовѣсъ распространенію ислама, когда римская имперія и католическая церковь еще были соединены и когда византійцы только что начали оправляться отъ завоеваній ислама въ седьмомъ вѣкѣ. Виллибальдъ, латинянинъ и англичанинъ, свободно дружитъ съ константинопольскими греками; сравнительно съ большинствомъ западныхъ европейцевъ его взгляды были довольно широкими. Испанецъ помогъ ему въ Эмессѣ и Дамаскѣ, императоры Византіи были къ нему благосклонны, папа одобрилъ его книгу. Его путешествіе было для англичанъ фактическимъ открытіемъ библейскаго міра; его пребываніе въ Германіи также, какъ пребываніе Виллиброрда и Бонифація, помогло распространенію среди англичанъ свѣденій о центральной Европѣ. Hodoeporicon или путеводитель Виллибальда былъ результатомъ великаго общественнаго и религіознаго движенія, которое слѣдовало за обращеніемъ въ христіанство; когда это движеніе прекратилось, прекратились и изслѣдованія новыхъ странъ англичанами; открытія представляютъ естественную дѣятельность здоровыхъ и сильныхъ обществъ, они результатъ здоровой и, такъ сказать, переполненной до краевъ жизни государства.

Путешествія Отгера и Вульфстана.

Новое возрожденіе духа изслѣдованій совпадаетъ съ возрожденіемъ національной жизни въ царствованіе Альфреда. Великій король запад-

---

[1]) Пустынникъ въ Липари сказалъ другу папы Григорія I (Великаго), что онъ видѣлъ душу короля Теодорика, управлявшаго Италіей 493—526, брошенную въ кратеръ вулкана за его аріанство и за убійство сенаторовъ Боэція и Симмаха. Эта исторія возвѣщена міру въ „Діалогахъ“ папы Григорія.

ныхъ саксовъ описываетъ, какъ норвежскіе вожди Отгеръ и Вульфстанъ изслѣдовали сѣверный и сѣверовосточный берега Европы; эти ихъ путешествія были настоящими путешествіями для открытій, цѣль ихъ было узнать о мірѣ ради самого знанія. Но это не все. Самъ Альфредъ посылалъ каждогодно въ послѣдній періодъ своего царствованія посольства въ Римъ и въ 883 году отправилъ Сигельма и Этельстана съ подарками въ Индію «къ св. Ѳомѣ и св. Варфоломею» чрезъ Іерусалимъ. Онъ создалъ флотъ и оживилъ торговлю и образованіе среди своего народа съ той же непобѣдимой энергіей, съ какой онъ хотѣлъ узнать, каковъ міръ внѣ предѣловъ его страны. Только о первой изъ этихъ экспедицій мы знаемъ хоть что нибудь, но отчеты Отгера и Вульфстана были записаны королемъ и введены въ его «Описаніе Европы»—наша первая научная географія—гдѣ Альфредъ пытался изъ очерка «Павла Орозія» сдѣлать что-то похожее на «Всемірную Исторію». Послѣ замѣчательно яснаго и хорошаго описанія береговъ Германіи, теченія Рейна и Дуная, раздѣленія нѣмецкихъ племенъ и націй востока и юговостока «отъ страны Кариптійцевъ къ югу до Альпъ и къ востоку до Болгаръ и Грековъ» — король говоритъ о датчанахъ и отдѣляющемъ ихъ отъ Британіи океанѣ. Потомъ онъ говоритъ о морѣ къ сѣверу отъ Даніи, о берегахъ старой Саксоніи, устьѣ Эльбы, проливѣ между Швеціей и Даніей и заканчиваетъ упоминаніемъ о финнахъ и норвежцахъ къ сѣверу и западу отъ Швеціи и исторіей путешествія Отгера. «Отгеръ сказалъ королу Альфреду, что онъ жилъ къ сѣверу отъ всѣхъ норвежцевъ, на континентѣ у западнаго моря и къ сѣверу отъ него была пустыня, гдѣ жили только финны, охотники и рыбаки. Онъ желалъ узнать, далеко ли простирается эта земля и не живетъ ли кто къ сѣверу отъ нея. Потому онъ плылъ къ сѣверу три дня до того мѣста, куда ходятъ китоловы и потомъ еще три дня, гдѣ земля поворачиваетъ къ востоку (вокругъ Сѣвернаго мыса). Потомъ онъ плылъ четыре дня къ востоку, пока земля не поворотила къ югу (въ Бѣлое или внутреннее море) и плылъ вдоль берега еще пять дней къ устью рѣки, куда и вошелъ и тутъ земля населенная» (около теперешняго Архангельска). Потомъ разсказавъ о Бирміанцахъ» или «Пермскихъ русскихъ», Отгеръ началъ разсказывать о своей собственной странѣ, «очень длинной и узкой», съ небольшимъ кускомъ плодородной земли между болотами и берегомъ—не больше шестидесяти миль, а въ самомъ узкомъ мѣстѣ только въ три мили; на другой же сторонѣ болотъ Швеція и Лапландія, гдѣ большія прѣсноводныя озера».

Другое путешествіе Отгера было къ порту, находившемуся на разстояніи мѣсяца плаванья къ югу отъ его страны, причемъ «онъ плылъ вдоль берега, съ правой его стороны были *Ирландія* и потомъ острова, которые между Ирландіей и Англіей, а по лѣвую сторону на всемъ протяженіи пути была Норвегія. Къ югу большое море, такое боль-

шое, что другого берега не видно», раздѣляющее Норвегію отъ Ютландіи. Еще черезъ пять дней Отгеръ доплылъ до «страны, гдѣ раньше жили англы», на германскомъ берегу, причемъ Данія была по лѣвую сторону, а на право море и подчиненныя Даніи острова.

Изъ того же мѣста старой родины англовъ отплылъ Вульфстанъ, другой изъ норвежскихъ вождей, находившихся на службѣ у Альфреда; онъ плылъ вдоль балтійскихъ береговъ, сначала мимо Готланда и страны шведовъ, потомъ въ Рижскій заливъ до начала Ботническаго, причемъ онъ ничего не говоритъ, чтобы рѣшить вопросъ, входитъ ли этотъ заливъ въ арктическое море, какъ полагало большинство греческихъ географовъ, признававшихъ Скандинавію большимъ островомъ.

Но вернемся къ описанію Альфреда. Разсказавъ объ этихъ трехъ путешествіяхъ, король начинаетъ описывать берега и рѣки Греціи, Болгаріи, Македоніи, Фракіи, Далмаціи и Истріи; къ югу отъ послѣдней находится «часть Средиземнаго моря, называемая Адріатическимъ моремъ», а «къ западу Альпы, а къ сѣверу пустыня между Каринтійцами и Болгарами». Италія, «очень длинная, окружена моремъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверо-запада, гдѣ Альпы, начинающіяся въ странѣ Нарбонны и кончающіяся въ Далмаціи». До сихъ поръ все идетъ гладко. Географія Галліи курьезнѣе: изъ трехъ ея провинцій Бельгія или «Бельгійская Галлія» имѣетъ океанъ съ запада, *юга* и сѣвера; Аквитанія «*къ западу* отъ Луары, имѣетъ океанъ *къ югу*. Испанія, «которая представляетъ треугольникъ» имѣетъ Аквитанію къ сѣверо-*западу*, однимъ угломъ противъ острова Кадикса, другимъ противъ Нарбонны и третьимъ противъ «Браганцы въ Галисіи». Противъ Ирландіи черезъ море Испанія находится на одной линіи съ устьемъ Шаннона. Британія всего длиннѣе къ сѣверо-востоку; тутъ длина ея вчетверо больше ширины; къ западу отъ нея Ирландія, а къ сѣверу Оркнейскіе острова. Ирландія или «Скотландія» со всѣхъ сторонъ окружена океаномъ; такъ какъ лучи заходящаго солнца падаютъ на нее болѣе непрерывно, чѣмъ въ другихъ странахъ, то климатъ тамъ мягче». Къ сѣверо-западу отъ Ирландіи находится «крайняя земля, называемая Туле, извѣстная немногимъ, потому что она очень далеко».

Несмотря на нѣкоторыя ошибки въ подробностяхъ, не легко въ началѣ среднихъ вѣковъ найти болѣе основательный отчетъ о положеніи европейскихъ странъ, чѣмъ этотъ разсказъ короля западныхъ саксовъ, не легко встрѣтить болѣе ясное доказательство распространенія христіанскаго знанія и предпріимчивости, которыя медленно, но непрерывно развивались среди христіанъ вопреки нападеніямъ чужестранныхъ варваровъ. Но такихъ людей, какъ Альфредъ Вессекскій, не много и до эпохи Елизаветы мы не встрѣтимъ, даже въ первые дни крестовыхъ походовъ, такого соединенія мышленія и дѣятельности въ исторіи англійскихъ открытій. Королю посчастливилось воспользоваться знаніями викинговъ о сѣверномъ океанѣ, но совершенное

имъ лично дѣло не было результатомъ счастливой случайности, а слѣдствіемъ героическаго упорства. Онъ дѣйствительно больше всякаго другого историческаго дѣятеля былъ выше своего народа и своего времени; было не легкимъ дѣломъ создать предпріимчивую и мореходную націю изъ разбитыхъ, дезорганизованныхъ и огрубѣвшихъ земледѣльцевъ, давно забывшихъ о томъ, что когда-то они были мореплавателями.

Древнія карты.

Въ эпоху между смертью Альфреда и крестовыми походами Англія не играла никакой роли въ дѣлѣ изслѣдованій и открытій. Ея народъ не желалъ соперничать съ жителями Амальфи и другихъ торговыхъ итальянскихъ республикъ на большихъ торговыхъ дорогахъ юга; на сѣверѣ открытія викинговъ отъ Лабрадора до Новгорода были сдѣланы самими викингами. Единственными слѣдами интереса англичанъ къ странамъ, находящимся внѣ предѣловъ Англіи, между 900 и 1100 годами были первыя карты десятаго и одиннадцатаго вѣковъ; двѣ изъ нихъ, сохранившіяся до нашего времени, относятся къ англосаксонскому періоду [1]). Эти карты не смотря на всѣ ихъ недостатки относятся къ Герефордской картѣ тринадцатаго вѣка, какъ фактъ относится къ фикціи. Кромѣ того можно указать на отчеты немногихъ путешествій къ святымъ мѣстамъ, въ родѣ путешествій Андрея Витмана въ 1020 году, Свейна Годвинесона въ 1052 году, епископа Ильдреда ворчестерскаго въ 1056 году. Мы можемъ умолчать о сомнительныхъ путешествіяхъ валійскаго монаха Тейло и Джона Скота Эригены въ дни Альфреда и о бѣгствѣ англичанъ съ сыновьями Эдмунда Желѣзнобокаго въ Венгрію и Константинополь, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ служили въ варяжской гвардіи восточныхъ императоровъ. Все это представляетъ только частичное доказательство открытія большой европейской сухопутной дороги къ юговостоку, открытія, бывшаго слѣдствіемъ обращенія Венгріи при королѣ Стефанѣ и приготовившаго крестовые походы; въ дѣлѣ изслѣдованія и открытія не было совершено ничего новаго или важнаго. Этотъ путь былъ хорошо извѣстенъ еще во время норманскаго завоеванія и въ строгомъ смыслѣ слова не было никакого открытія неизвѣстныхъ странъ, которое могло бы быть приписано англичанамъ отъ смерти Альфреда до открытія Мэкемомъ Мадеры около 1360 года. Но путешествія Сэевульфа въ 1102 году и Аделяра въ 1114 году и подвиги англійскихъ крестоносцевъ въ 1147 и 1190 годахъ на берегахъ Испаніи и Сиріи даютъ намъ нѣкоторое представленіе о предпріимчивости англичанъ въ двѣнадца-

---

1) Одна изъ нихъ ($8^1/_2$ дюймовъ и 7) отъ конца англосаксонскаго періода, замѣчательно хороша. Надписи очень мелки, море—сѣраго цвѣта, горы—зеленаго. Персидскій заливъ, Чермное море, Нилъ и другія воды Африки — краснаго цвѣта. Вселенная представляетъ четыреугольникъ, окруженный океаномъ, а не на подобіе пояса, какъ на другихъ картахъ того же и позднѣйшаго времени.

томъ вѣкѣ, хотя они и не прибавили ничего къ нашимъ свѣденіямъ и находились въ предѣлахъ прежнихъ южныхъ и скандинавскихъ изслѣдованій. Около этого времени появляются зачатки постояннаго англійскаго военнаго и торговаго флота, зачатки нашей сколько-нибудь значительной торговли съ странами континента; въ это время положено основаніе нашему постоянному прогрессу, подготовившему подвиги и открытія шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ. Переходимъ теперь къ концу среднихъ вѣковъ. Въ тринадцатомъ вѣкѣ мы имѣемъ географическія теоріи Рожера Бэкона и Герефордскую карту. Въ четырнадцатомъ публикована знаменитая англійская коллекція популярныхъ средневѣковыхъ сказаній о чужихъ странахъ, такъ называемыхъ сказаній сэра Джона Мандевиля. До конца пятнадцатаго мы узнаемъ о рыбной торговлѣ восточныхъ портовъ съ Исландіей, о таинственномъ путешествіи Николая изъ Лимна, во всѣ страны, «лежащія подъ сѣвернымъ полюсомъ», о сношеніяхъ англійскихъ моряковъ съ ганзеатическими городами, съ Балтикой, этимъ Mare Clausum сѣвера, съ Тевтонскими рыцарями Пруссіи и съ Португаліей.

До времени Кабotовъ не было непрерывности въ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ; положеніе католической Англіи, за исключеніемъ періодовъ завоеваній заграницей, было чисто островнымъ въ тринадцатомъ, четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкахъ и мы должны довольствоваться указаніемъ на два или три наиболѣе интересныхъ пункта въ исторіи англійской предпріимчивости и географическихъ свѣденій въ этомъ періодѣ среднихъ вѣковъ не потому, чтобы они имѣли такое же общее значеніе, какъ подвиги изслѣдователей Елизаветинскаго вѣка, но потому, что они указываютъ, что національная энергія не всегда ограничивалась четырьмя британскими морями.

Сэевульфъ и Аделяръ.

1. Сэевульфъ ворчестерскій и Аделяръ изъ Бата—это два англичанина, побывавшіе въ Сиріи въ началѣ двѣнадцатаго вѣка. Изъ отчета Аделяра, въ которомъ будто бы были извѣстія объ Аравіи, Египтѣ и Багдадѣ, не сохранилось ничего; о его путешествіи мы знаемъ только по указаніямъ хроникеровъ; но Сэевульфъ оставилъ наиболѣе полный изъ всѣхъ англійскихъ путеводителей пиллигримствъ—онъ полнѣе другихъ потому, что написанъ купцомъ и путешественникомъ, а не просто пиллигримомъ.

Отправившись, по преданію, по настоянію своего исповѣдника, епископа Вульфстана ворчестерскаго, черезъ три года послѣ перваго завоеванія Іерусалима латинянами въ 1099 году, Сэевульфъ описываетъ шесть дорогъ изъ Италіи въ Сирію и такимъ образомъ даетъ намъ доказательство торговаго развитія южной Европы съ того времени, какъ писалъ Виллибальдъ. Его дорога чрезъ Корфу, Коринфъ и Аѳины привела его въ Родосъ, гдѣ «когда то былъ идолъ, именуемый Колоссомъ, одно изъ семи чудесъ свѣта, разрушенный персами вмѣстѣ со всей римской страной, по пути ихъ въ Испанію. Это тѣ

самые Колоссіане, къ которымъ писалъ св. Павелъ». Потомъ чрезъ портъ «Мира въ Ликіи, гавань *Адріатики*, такую же, какъ Константинополь есть гавань Эгейскаго моря» въ Яффу послѣ тринадцати недѣль плаванія. Чудеса Іерусалима и другихъ святыхъ мѣстъ производятъ на него такое же впечатлѣніе, какъ и на людей восьмого вѣка. Въ церкви Святого Гроба Сэевульфъ видѣлъ «пупъ земли, который Христосъ измѣрилъ собственными своими руками, въ срединѣ совершивъ спасеніе», какъ говорится въ псалмѣ: «ибо Богъ мой Царь, совершая спасеніе въ срединѣ земли»; чрезъ Іорданъ онъ видѣлъ Аравію, «ненавистную всѣмъ почитающимъ Бога, но въ которой находится гора, откуда Илія былъ взятъ на небо въ огненной колесницѣ»; въ Гевронѣ онъ нашелъ сохранившійся «дубъ Авраама», гдѣ, какъ говорятъ пиллигриммы, патріархъ когда то «сидѣлъ и вкушалъ пищу съ Богомъ», въ Канѣ Галилейской онъ отмѣчаетъ «домъ святого Архитриклина». Проѣхавъ Святую Землю, онъ не хотѣлъ ѣхать дальше и вернулся моремъ, избѣжавъ сарацинскихъ кораблей и бурь, которыя на его глазахъ по дорогѣ къ Яффѣ разбили около двадцати кораблей флота пиллигримовъ и торговцевъ, стоящаго тогда тамъ на якорѣ.

Сэевульфъ былъ первымъ изъ путешественниковъ, слѣдовавшимъ за крестоносцами и оставившимъ намъ свои замѣтки. Эти замѣтки представляютъ цѣнное свидѣтельство великаго внутренняго возрожденія средневѣкового христіанства, внѣшнимъ и видимымъ выраженіемъ котораго были крестовые походы; но это отнюдь не отчетъ о какихъ либо новыхъ изслѣдованіяхъ; религіозные интересы преобладаютъ даже сравнительно съ прежнимъ временемъ и мы можемъ только сожалѣть, что до насъ не дошелъ болѣе научный трактатъ Аделяра, объ изслѣдованіи имъ «причинъ вещей и тайнъ природы».

Англичане во время крестовыхъ походовъ.

2. Англичане участвовали въ испанскомъ крестовомъ походѣ противъ западныхъ мусульманъ, главнымъ образомъ во второмъ и третьемъ крестовыхъ походахъ. Въ 1147 году флотъ изъ ста шестидесяти кораблей, по большей части англійскихъ, отплылъ изъ Дармоута въ Сирію и по дорогѣ рѣшилъ осадить Лиссабонъ и окончательно завоевалъ его для христіанскаго міра. Въ 1189—90 году флотъ Ричарда I помогалъ завоеванію и удержанію Сильва близъ мыса св. Винцента. Въ обоихъ этихъ предпріятіяхъ было больше изслѣдованій, чѣмъ это представляется съ перваго взгляда; южная Испанія въ теченіе четырехсотъ лѣтъ была чуждой христіанству и ея пріобрѣтеніе было дѣйствительнымъ расширеніемъ горизонта знанія.

Открытіе Мадеры.

3. Въ связи съ морскими битвами Эдуарда III въ проливѣ мы имѣемъ списки англійскихъ кораблей, эти списки, можетъ быть, и не представляютъ части хроники объ англійскихъ изслѣдованіяхъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но съ одной стороны указываютъ на значеніе такихъ фортовъ, какъ Дармоутъ, для флотовъ двѣнадцатаго

вѣка, а съ другой стороны являются подготовленіемъ къ путешествію Мэкема [1]), бывшему, разумѣется, не простой счастливой случайностью, выпавшей на долю земледѣльческой націи. Около 1360 года Робертъ Мэкемъ бѣжалъ изъ Бристоля съ Анной д'Арфе и былъ бурями загнанъ отъ французскихъ береговъ къ острову Мадерѣ, гдѣ любовники умерли отъ истощенія и отчаянія. Такова исторія оригинальнаго открытія въ тотъ великій вѣкъ, который былъ переходнымъ временемъ отъ среднихъ вѣковъ къ новой Европѣ, когда итальянцы, португальцы и испанцы соперничали въ поискахъ за новымъ небомъ и новой землей. Это нашъ вкладъ въ тотъ продолжительный подготовительный процессъ четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣковъ, результатомъ котораго были открытія Колумба, Васко де Гамы и Магеллана.

Марра Mundi.

4. Наконецъ, Герефордская карта 1275—1300 года) есть изображеніе обычныхъ представленій англичанъ о вселенной въ концѣ среднихъ вѣковъ. Наши болѣе древнія карты за немногими исключеніями простые эскизы, эта Марра Mundi тринадцатаго столѣтія есть уже попытка изобразить весь міръ съ его главнѣйшими подробностями, населеніе и продукты каждой страны.

Но среди многочисленныхъ ея ошибокъ затерпваются ея немногія достоинства. Если бы мы на основаніи арабскихъ рисунковъ не знали, что возможна и худшая пародія на географію, для нашихъ современниковъ трудно бы было повѣрить, что можетъ существовать что нибудь болѣе нелѣпое, чѣмъ Герефордская карта. Достаточно сказать, что въ ней все или легендарно или грубо извращено. Настоящая форма Средиземнаго моря и сѣверныхъ морей, всѣхъ европейскихъ странъ, настолько же искажена, какъ и форма Азіи или Африки. И чѣмъ дальше отъ Англіи, тѣмъ больше легендарныхъ изображеній: минотавры и Гоги-Магоги Татаріи, чудища далекаго востока съ лошадиными ногами, собачьими головами, отвисшими ушами, одноногія, четырехглазыя, безголовыя племена и гермафродиты, живущіе при экваторѣ.

Эту карту можно считать коментаріемъ къ тѣмъ страннымъ мѣстамъ сочиненій Рожера Бэкона, гдѣ онъ тратитъ свое время и свой геній на объясненіе арабскаго винигрета изъ географическихъ данныхъ и фантазіи, на теорію центра земли, изъ котораго могутъ быть про-

[1]) Въ версіи Гаклита отчета Гальвано мы читаемъ, что „Мадера была открыта англичаниномъ Мэкемомъ, который, отплывъ изъ Англіи въ Испанію съ украденной имъ женщиной, загнанъ былъ бурей къ этому острову и бросилъ якорь въ заливѣ, теперь называемомъ Махико, по имени Мэкема; и такъ какъ его возлюбленная страдала морской болѣзнью, онъ вышелъ на землю съ нѣкоторыми изъ спутниковъ; корабль отплылъ и женщина умерла отъ горя. Мэкемъ потомъ добылъ лодку, сдѣланную изъ дерева, и пришелъ къ берегу Африки безъ руля и паруса; Мавры сочли это чудомъ и отправили его къ королю Кастиліи".—Довольно неясное изложеніе фактовъ.

ведены равныя линіи ко всякой точкѣ ея поверхности. Мы можемъ получить, разсматривая эту карту, дальнѣйшія свѣденія въ томъ родѣ, какія мы получаемъ изъ путешествій сэра Джона Мандевиля, изъ этой удивительной коллекціи модныхъ разсказовъ путешественниковъ, которая такъ долго считалась дѣйствительнымъ отчетомъ о дѣйствительныхъ путешествіяхъ. Можно также сопоставить эти нелѣпости съ удивительно точными и совершенными итальянскими береговыми картами, или Портолани, относящимися къ тому же времени. Все это заставляетъ насъ сознаться въ нашей продолжительной отсталости въ такомъ дѣлѣ, которое потомъ сдѣлалось предметомъ гордости для англичанъ. До національнаго пробужденія въ вѣкъ Генриха VIII и Елизаветы мы не были великой націей изслѣдователей, даже не были великой торговой націей. Самое большое, что мы стояли на среднемъ уровнѣ развитія.

Архитектура

Готика.

Упадокъ Готики.

Тотъ стиль, который мы называемъ перпендикулярнымъ, достигъ апогея своего развитія до конца царствованія Ричарда II. Чрезъ полтораста лѣтъ воцарилась Елизавета, при которой этотъ стиль уже исчезъ. Исторія этого періода есть исторія упадка этого стиля, который самъ по себѣ представлялъ вырожденіе и упадокъ готическаго. Мало по малу исчезало все, что цѣнили старые готическіе строители. Перестали обращать вниманіе на стиль, все замѣнилъ утилитарный результатъ. Такъ, напр., окна сдѣлались простыми приспособленіями для доступа свѣта и для выставки стекла. Оконный средникъ утончился и само окно превратилось въ простую рамку изъ нѣсколькихъ прозрачныхъ панелей. Вопросъ о трудности дѣлать красивыя кривыя въ каменной работѣ обошли простымъ способомъ примѣненія прямыхъ линій, такъ что, наконецъ, при Тюдорахъ мы видимъ, что вершины оконъ состоятъ изъ двухъ прямыхъ, наклонныхъ другъ къ другу подъ тупымъ угломъ или слегка закругленныхъ линій. Стиль фактически пересталъ быть опредѣленнымъ. Процессъ паденія, правда, былъ чрезвычайно медленнымъ и старая традиція имѣла сдерживающее вліяніе на каменьщиковъ и рабочихъ.

Башни Кентербюри, Сомерсета и коллегіи Магдалины.

Архитекторы времени Плантагенетовъ Ланкастерскаго и Іоркскаго домовъ заслуживаютъ, однако, упоминанія за построенныя ими башни. Большая центральная башня Кентербюри, Bell-Harry Tower, безспорно ихъ chef d'oeuvre. Это первый предметъ, обращающій на себя вни-

маніе современнаго путешественника; она составляетъ роскошный центръ группы, образуемой второстепенными кровлями и башнями. Она не особенно высока—235 футовъ, что немного по сравненію съ башнями на континентѣ. Она не замѣчательна и по орнаментамъ, такъ какъ работа перпендикулярнаго стиля производятъ скорѣе мягкій, чѣмъ сильный эффектъ. Но по пропорціямъ она безупречна. Чосеръ и его пиллигримы не видали ее, такъ какъ она выстроена въ послѣднее десятилѣтіе пятнадцатаго вѣка. Башня въ Кентербюри не единственный примѣръ; подобныя удачныя строенія перпендикулярнаго стиля не ограничивались однимъ періодомъ. Почти столь же импозатна центральная башня въ Іоркѣ, хотя она почти на сто лѣтъ старше. Центральныя башни Глочестера и Бристоля тоже дѣлаютъ честь позднѣйшимъ архитекторамъ перпендикулярнаго стиля; послѣдняя того же времени, какъ и кентербюрійская Bell-Harry Tower. Небольшія церковныя башни, составляющія главныя архитектурныя достопримѣчательности Сомерсетшира, относятся къ тому же времени. Нѣкоторыя изъ нихъ—въ Райнгтонѣ, Брислингтонѣ и Таунтонѣ напримѣръ—прекрасно орнаментированы, имѣютъ нѣсколько этажей съ большими окнами, съ двойными подпорками по угламъ и нѣкоторыя съ небольшими висячими башенками. Отдѣльныя колоколенки, столь обыкновенныя въ Италіи, встрѣчаются почти только въ эту эпоху. Онѣ довольно обычны въ приходскихъ церквахъ, хотя встрѣчаются только въ одномъ кафедральномъ соборѣ, именно въ Чичестерѣ, гдѣ отдѣльная колокольня этого стиля. Попадаются случайно и такія, въ которыхъ замѣчается чистота и, если можно такъ выразиться, аттическая простота чистаго древняго англійскаго стиля. Такова башня Коллегіи Магдалины въ Оксфордѣ, которая въ первоначальномъ видѣ стояла отдѣльно, какъ колокольня, хотя эффектъ теперь портится позднѣйшими прибавленіями къ двумъ сторонамъ ея основанія. Нижніе этажи совершенно просты, орнаментъ, въ которомъ замѣчается большая умѣренность, употребленъ только въ окнахъ колокольни, парапетѣ и башенкахъ. Такимъ образомъ достигается эффектъ торжественности и покоя, который отсутствуетъ въ болѣе декорированныхъ строеніяхъ.

Вѣерообразный сводъ.

Знаменитый орнаментальный сводъ, извѣстный подъ именемъ вѣерообразнаго, также долженъ быть отнесенъ къ особенностямъ перпендикулярнаго стиля и, дѣйствительно, представляетъ настоящую лебединую пѣснь готической архитектуры. Въ болѣе древнихъ образцахъ, какъ, напримѣръ въ корридорахъ Глочестерскаго собора, эти большіе вѣера съ ихъ обширнымъ круговымъ абрисомъ, повидимому, исходятъ изъ узкихъ столбовъ съ боковъ и сходятся въ центрѣ. Они нѣсколько тяжелы, но замѣчательно прекрасны и неправильное пространство, остающееся между ними и покрытое изящной рѣзьбой, производитъ удовлетворительное впечатлѣніе на глазъ. Въ заднемъ

хорѣ Петерборо вѣера такъ велики, что включаютъ два просвѣта боковыхъ крыльевъ въ центральномъ просвѣтѣ; но не всегда слѣдовали этому примѣру; въ капеллѣ Королевской коллегіи въ Кембриджѣ и въ позднѣйшей капеллѣ св. Георга въ Виндзорѣ вернулись къ прежнему образцу Глочестерскаго собора, хотя форма вѣера и измѣнена. Тамъ большое ребро свода доведено до центра безъ перерыва, здѣсь введена широкая плоская полоса чѣмъ-—дается идея (хотя можетъ быть и ложная) объ устойчивости постройки. Навѣрное, архитекторъ капеллы Генриха VII всего менѣе думалъ о прочности постройки. Не только не допускали введенія какихъ либо объясненій со стороны изумленнаго богомольца, напротивъ архитекторъ стремился, повидимому, къ тому, чтобы возбудить въ немъ трепетъ. Съ крыши висятъ громадныя подвѣски, которыя, повидимому, нужно поддерживать столбами. Обыкновенно онѣ поддерживаются брусьями отъ стѣны и внутренними подпорами; и это на глазъ производитъ эффектъ чудеснаго. Позднѣйшій примѣръ такого рода крыши представляетъ крыша, построенная кардиналомъ Вольсеемъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ надъ хоромъ Оксфордскаго собора; она чрезвычайно изящна, хотя навряд ли заслуживаетъ похвалъ, расточаемыхъ ей знаменитымъ архитекторомъ, будто она одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, когда либо построенныхъ. Орнаментальныя детали такихъ крышъ капеллъ, слѣдуетъ сознаться, нѣсколько монотонны; но ихъ громадные размѣры (Коллегіи Короля 78 футовъ вышины), масса украшеній на каждомъ квадратномъ футѣ внутренней стороны и удивительное остроуміе ихъ конструкціи оправдываютъ слова, что при Тюдорахъ «стиль расплылся въ блескѣ». Но блескъ ограничивался внутренностью церкви, каменными сводами, экранами, галлереями церкви, деревянными балдахинами и скамьями. Снаружи въ этомъ періодѣ капеллы были невзрачны и при Тюдорахъ самыя богатыя украшенія, какъ напримѣръ украшенія внѣшней стороны капеллы въ Вестминстерѣ, производятъ довольно жалкій эффектъ. Нѣкоторые и, можетъ быть, многіе изъ крестовъ на дорогахъ и на рынкахъ, еще и теперь украшающіе Англію, относятся къ періоду перпендикулярнаго стиля, но ихъ, пожалуй, можно отнести уже къ свѣтской архитектурѣ.

Замки. Гурстмонсо.

Въ царствованіе Ланкастерскаго и Іоркскаго домовъ постройка замковъ постепенно вышла совершенно изъ употребленія. Количество разрѣшеній укрѣплять замки (licentiae kernellare), которое отъ сто восьмидесяти одного при Эдуардѣ III дошло до шестидесяти въ царствованіе его сына, пало внезапно до восьми въ царствованіе Генриха IV; въ послѣдующія царствованія одно разрѣшеніе дано Генрихомъ V, пять Генрихомъ VI и три Эдуардомъ IV. Названіе: замокъ еще сохранилось, а иногда и форма его; но уже не было претензій на постройку настоящей крѣпости. Тѣмъ не менѣе эти мнимыя крѣпости имѣли импозатный видъ, хотя военное значеніе ихъ и было

ничтожно. Внутри они представляли обычный типъ деревенскаго дома знатнаго лица—рядъ открытыхъ дворовъ съ покоями вокругъ и большой залой съ одной стороны главнаго двора. Самымъ лучшимъ типомъ такого замка—усадьбы можно считать Гурстмонсо въ Суссексѣ, сохранившій до сихъ поръ внѣшнія стѣны, хотя вандализмъ собственниковъ уничтожилъ всю внутренность. Онъ былъ построенъ при Генрихѣ VI въ первой половинѣ пятнадцатаго вѣка, стало быть въ срединѣ перпендикулярнаго періода. Это почти квадратное строеніе, въ каждой его сторонѣ болѣе 200 футовъ. По стѣнамъ башенки выше 80 футовъ высоты. Его окружаетъ ровъ, при входѣ крѣпкія ворота и подъемный мостъ. Въ немъ одинъ большой и два малые двора, большая и высокая зала и кухня, пекарня, темница и множество рядовъ комнатъ и домашнихъ службъ, конюшня и капелла. Онъ двухъэтажный, покрайней мѣрѣ частію; части соединены галлереями, входъ въ которыя по винтовымъ лѣстницамъ. Удобство зданія несомнѣнно, но не менѣе замѣчателенъ и его воинственный видъ. Вѣроятно, такая была мода и строитель, Джонъ Финесъ, дравшійся при Ажинкурѣ, предпочиталъ жилище воинственнаго вида. Гурстмонсо собственно усадьба, окруженная стѣнами замка и замковымъ рвомъ и составляетъ связующее звено между замкомъ и величественными Тюдоровскими домами, въ которыхъ уже нѣтъ аттрибутовъ замка. Эта форма была принята великими благотворителями, въ родѣ Вилльяма Викегама и Вилльяма Уайнфлита, для основанныхъ ими въ это время коллегій; эту форму мы видимъ въ четыреугольникѣ и капеллѣ Всѣхъ Святыхъ, въ крытомъ дворѣ и корридорахъ коллегіи Магдалины съ жилищемъ основателя, капеллой и залой. Большая часть Пенсгурста, Чальфильда и Торнбюри и безчисленное количество другихъ знаменитыхъ мѣстъ тоже относятся къ этому періоду и на нихъ основана традиція, сохранявшаяся до позднѣйшаго времени. Постройки Вольсея въ Гамптонъ Куртѣ и въ Церкви Христа представляютъ образчики наиболѣе грандіознаго стиля свѣтской архитектуры; въ нихъ идея роскошнаго дворца уже совершенно замѣнила идею о сильной крѣпости.

Живопись и скульптура.

Архитектура даже при ея упадкѣ оставалась единственнымъ искусствомъ, въ которомъ англичане проявляли нѣчто подобное геніальности. Живопись оставалась для нихъ чуждымъ искусствомъ почти до періода, который помнятъ дѣды нашихъ современниковъ. Англійская скульптура, въ тринадцатомъ вѣкѣ такъ много обѣщавшая и прогрессировавшая по отношенію къ надгробнымъ памятникамъ и въ началѣ четырнадцатаго, остановилась на цѣлое столѣтіе.

Нѣкоторыя изъ гробницъ этого періода несомнѣнно импозантныя сооруженія, но ихъ достоинства главнымъ образомъ архитектурныя: большинство изъ нихъ въ большей или меньшей степени подражанія или варіанты болѣе древнихъ сооруженій, въ родѣ гробницы Эдуар-

да II. Но строители такихъ монументовъ, какъ памятникъ лэди Арунделъ въ Чичестерѣ и Вилльяма Викегама въ большомъ соборѣ, возстановленномъ имъ, конечно заслуживаютъ упоминанія. Любопытно во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что строитель памятника Вильяма былъ предшественникомъ реализма нашихъ лучшихъ современныхъ скульпторовъ—онъ не упустилъ изъ виду ни одной жилки и складки на сложенныхъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе до средины пятнадцатаго вѣка мы не можемъ указать ни на одного англійскаго художника, скульптора или живописца, заслуживающаго имени художника: старые художники, мастеръ Вальтеръ и мастеръ Вилльямъ, въ царствованіе Генриха III разрисовавшіе Виндзоръ и Вестминстеръ, Одонъ и Эдвардъ, вырѣзавшіе «дерево Іессе» и тому подобное для покоевъ короля и королевы, были, вѣроятно, настолько же художниками въ современномъ смыслѣ этого слова, насколько тѣ шерифы Уильтшира и Саутгамптона, которые получили приказъ короля исполнить эти работы.

Вильямъ Аустинъ.

Только въ царствованіе Генриха VI, т. е. въ серединѣ перпендикулярнаго періода, мы встрѣчаемъ англичанина, создавшаго удивительное произведеніе искусства. Это Вилльямъ Аустинъ, подрядчикъ и творецъ превосходной гробницы графа Ричарда Бошама въ церкви св. Маріи въ Варвикѣ. Это изображеніе вооруженнаго человѣка изъ литой мѣди, съ мечомъ и кинжаломъ, съ шлемомъ на головѣ, и у ногъ его прирученный медвѣдь; изображеніе стоитъ на гробницѣ съ четырнадцатью рѣзными изображеніями и съ восемнадцатью меньшими изображеніями ангеловъ. Вся стоимость гробницы и канеллы, въ которой она поставлена, вычислена въ 2458 фун. 4 ш. 7 д., сумма громадная для того времени (1442—1465). Этотъ памятникъ доказываетъ, что въ Англіи могли лить металлъ не хуже подобнаго и почти современнаго произведенія Гиберти.

Декоративная живопись.

Въ предыдущей главѣ, говоря о царствованіи Генриха III, мы обращали вниманіе читателя на появленіе работъ фреско, главнымъ образомъ масляными красками, что было прогрессомъ сравнительно съ прежнимъ (а также и позднѣйшимъ) раскрашиваніемъ или золоченьемъ рѣзной каменной или деревянной работы. Тоже декоративное искусство употреблялось и въ періодъ декорированнаго и особенно часто въ періодъ стараго перпендикулярнаго стиля. Большинство живописи въ Чартеръ Гоузѣ въ Вестминстерѣ относится къ позднѣйшему періоду, хотя не невѣроятно, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній суть реставрированныя старыя произведенія. Вѣроятно это относительно живописи на осмиугольной колоннѣ Фавершамской церкви, гдѣ костюмы ясно указываютъ на старо-англійскую эпоху. Подобныя произведенія существуютъ въ Арунделѣ и другихъ мѣстахъ, хотя въ Арунделѣ дата приблизительно опредѣляется временемъ постройки церкви, перестроенной въ 1380 году. Такой стѣнной живо-

писи больше въ однихъ графствахъ и меньше въ другихъ; но нѣтъ основанія полагать, что искусство достигало большаго совершенства или что произведенія второй половины четырнадцатаго вѣка были лучше произведеній первой половины или что, наоборотъ, послѣднія были выше первыхъ. Можно считать доказаннымъ, что въ пятнадцатомъ вѣкѣ искусство быстро падало, потому что лучшія изъ этихъ фрескъ почти безъ исключенія старше по времени. Напримѣръ большія и старшія по времени фигуры въ Вестминстерѣ безспорно лучше позднѣйшихъ. Конечно, очень трудно точно опредѣлить дату этихъ произведеній; одно изъ немногихъ, о которыхъ можно говорить съ полной увѣренностью — это балдахинъ гробницы Анны, супруги Ричарда, воздвигнутый вскорѣ послѣ ея смерти; дата эта цѣнна потому, что превосходный археологъ, видѣвшій разрушенныя фрески въ капеллѣ св. Стефана, призналъ, что онѣ работы того же мастера. Сохранилась квитанція на полученіе 20 фун. мастеромъ Петромъ Сакристомъ за разрисовку этого балдахина отъ 19 года царствованія Ричарда II (1396)), но выраженія въ этой квитанціи указываютъ, что это было уплатой за работу вообще и что онъ былъ просто подрядчикомъ, такъ что, хотя дата и опредѣлена, мы не знаемъ ни имени, ни національности, ни положенія художника.

Живопись водяными красками.

Въ Англіи практиковались пользованіе рельефами, употребленіе поддѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней, золоченіе и серебреніе разныхъ металловъ; особый родъ работы, хотя относящійся скорѣе къ искусству вышиванія, чѣмъ къ живописи, былъ въ это время національнымъ искусствомъ. Это производство раскрашенныхъ прозрачныхъ рисунковъ на сукнѣ для церковныхъ хоругвей и подобныхъ цѣлей. Эта живопись водяными красками и мы имѣемъ доказательство, что такая промышленность была настолько развита, что обращала на себя вниманіе иностранцевъ. Итальянскій художникъ, работавшій въ Болоньи въ 1410 году, упоминаетъ о копіяхъ, сдѣланныхъ по его заказу и данныхъ ему резидентомъ въ Павіи, нѣкоимъ Теодорикомъ Фландерсомъ, который «добылъ ихъ въ Лондонѣ отъ работавшихъ тамъ художниковъ». Спеціально упоминается въ этомъ документѣ объ историческихъ фигурахъ и о другихъ предметахъ, но объ ихъ художественныхъ достоинствахъ не говорится ни слова. Насколько существовало что нибудь, похожее на школу англійскаго искусства въ эпоху, соотвѣтствующую переходному и старому перпендикулярному стилю архитектуры, мы не знаемъ; но, вѣроятно, съ нѣкоторой достовѣрностью можно принять мнѣніе покойнаго сэра Чарльза Истлэка, что относительно матеріаловъ и техническихъ пріемовъ практика англійскихъ художниковъ была сходной съ практикой послѣдователей Жіотто. Къ несчастію, въ Англіи не было никого, похожаго на Жіотто.

Англійская музыка.

Pokстро.

Смѣло можно утверждать, что до средины настоящаго столѣтія самые ученые и трудолюбивые историки искусства въ Европѣ совершенно ошибались въ хронологіи знаменитыхъ школъ музыкальной композиціи въ этой странѣ и на континентѣ въ теченіи среднихъ вѣковъ.

До указаннаго времени и даже позднѣе они единодушно полагали, что такъ называемая первая фламандская школа, процвѣтавшая и достигшая такого блеска подъ главенствомъ Гильельма Дюфе во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка, была первой изъ существовавшихъ музыкальныхъ школъ. Теперь намъ извѣстно, что такое мнѣніе ложно и не имѣетъ основаній. Изысканія покойнаго Вилльяма Шаппеля, дополненная изысканіями Куссмакера, доказали, что въ Англіи по крайней мѣрѣ за сто пятьдесятъ лѣтъ до того времени, когда музыкальному искусству систематически обучалъ Гильельмъ Дюфе въ Нидерландахъ, уже существовали двѣ отдѣльныя и вполнѣ развившіяся школы композиціи.

„Sumer is icumen in“ Джонъ Форнсетъ.

Первая англійская школа,—дѣйствительно древнѣйшая, слѣды которой можно найти—была основана въ третьемъ десятилѣтіи тринадцатаго вѣка Джономъ Форнсетомъ, монахомъ знаменитаго монастыря въ Ридингѣ въ Беркширѣ. Отчетъ объ этой школѣ сохранился въ книгѣ, написанной самимъ основателемъ въ 1226 году и сохраняющейся теперь подъ названіемъ Ридингскаго манускрипта въ Британскомъ музеѣ. Этотъ манускриптъ, кромѣ другихъ сокровищъ, содержитъ самую древнюю изъ до сихъ поръ открытыхъ свѣтскихъ композицій, канонъ или рондо (Round) для шести голосовъ, теперь извѣстный подъ названіемъ Reading Rota, столь же мелодичный, какъ итальянское Fa-la лучшаго періода и, принимая во вниманія время, когда онъ написанъ, замѣчательный въ отношеніи контрапункта. Поэма, на которую написана эта музыка, это Весенняя пѣснь, написанная на сѣверномъ діалектѣ и графически описывающая виды и звуки свѣтлаго майскаго утра, съ его благоухающими цвѣтами, съ его пасторальными красотами, съ богатымъ хоромъ голосовъ природы, среди которыхъ преобладаетъ пѣснь кукушки. Обработка сюжета столь геніальна, что эта «Рота», хотя и составлена шестьсотъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, еще и теперь можетъ производить эффектъ и слушается съ удовольствіемъ. Кромѣ этой любопытной реликвіи въ книгѣ имѣются четыре латинскихъ стиха (Motets) для трехъ или четырехъ голосовъ, также написанные Джономъ Форнсетомъ, а также

нѣсколько стишковъ и другихъ литературныхъ отрывковъ, имѣющихъ цѣнность для археологіи.

Queen of Euene.

Другая книга, написанная нѣсколько лѣтъ позже, хотя навѣрное не позже средины тринадцатаго вѣка, безспорно относящаяся къ той же первой школѣ, содержитъ три стиха подобнаго же характера и прекрасный англійскій гимнъ Queen of euene for yeblisse (Царица Небесная, благословенная). Эта книга тоже сохраняется въ Британскомъ музеѣ (MSS. Арунделя № 248); въ другой нашей работѣ мы назвали ее Чосеровскими манускриптами, такъ какъ она содержитъ Angelus ad Virginem, о которомъ упоминается въ «Разсказѣ мельника»; она въ соединеніи съ еще болѣе цѣнными Ридингскими манускриптами даетъ намъ единственное свидѣтельство о существованіи первой англійской школы. Свѣдѣнія, доставляемыя намъ этими немногими короткими и прекрасно написанными страницами, неоцѣненны.

Джонъ Дунстебль.

Вторая англійская школа основана во второе десятилѣтіе пятнадцатаго вѣка Джономъ Дунстеблемъ; время его рожденія неизвѣстно, хотя извѣстно, что онъ погребенъ въ старой «церкви Сити», св. Стефана въ Вальбрукѣ, въ 1453 году.

До послѣднихъ лѣтъ было извѣстно существовавшіе только двухъ незначительныхъ отрывковъ изъ сочиненій и композицій Джона Дунстебля; но недавно были открыты нѣкоторыя важныя работы въ Ватиканской библіотекѣ и въ очень цѣнномъ манускриптѣ, извѣстномъ раньше подъ названіемъ Piacenza Codex, а теперь принадлежащемъ Филармоническому лицею въ Болоньи. Изысканія Вилльяма Барклая Сквайра недавно открыли еще большую коллекцію въ библіотекѣ въ Моденѣ.

Кромѣ этихъ интересныхъ композицій, написанныхъ для своего времени въ очень высоко развитомъ стилѣ, въ библіотекѣ коллегіи Троицы въ Кембриджѣ имѣются манускрипты, извѣстныя теперь подъ названіемъ Cambridge Roll, которые можно считать самымъ цѣннымъ изъ всѣхъ, до сихъ поръ открытыхъ отчетовъ о второй англійской школѣ.

Cambridge Roll.

Въ этихъ манускриптахъ имѣются двѣнадцать пѣсней (Carols) и интересная рукописная національная пѣснь, написанная на свиткѣ пергамента въ семь дюймовъ ширины и шесть футовъ семь дюймовъ длины; на одной сторонѣ пергамента написана музыка треугольными черными нотами на пяти красныхъ линейкахъ, а на другой церковный трактатъ, не имѣющій никакого отношенія къ сюжету. Пѣсни написаны англійскими стихами, въ большинствѣ случаевъ съ латинскимъ припѣвомъ. Національная пѣснь—это поэма, воспѣвающая битву при Ажинкурѣ 1415 года и озглавленная «Нашъ король пошелъ въ Нормандію» (Our Kyng went forth to Normundy; каждому стиху предшествуетъ припѣвъ

Deo gracias anglia
Redde pro victoria.

Авторъ этихъ композицій неизвѣстенъ, но стиль ихъ настолько напоминаетъ стиль Джона Дунстебля, что довольно вѣроятно, что вся эта серія принадлежитъ ему [1]).

О третьей англійской школѣ не имѣется достовѣрныхъ отчетовъ; архивы по всей вѣроятности были уничтожены во время опустошеній войны Розъ. Все, что мы знаемъ объ этой школѣ, такъ это то, что ея основатели, Джонъ Гамбой, Томасъ Сентвиксъ и Генри Габенгтонъ, были первыми композиторами, получившими академическія степени докторовъ музыки. Первые доктора музыки.

Четвертая англійская школа основана Робертомъ Ферфексомъ, докторомъ музыки, получившимъ степень въ 1511 году и оставившимъ многочисленныя сочиненія, большинство которыхъ сохранилось въ «манускриптахъ Ферфекса» въ музыкальной школѣ въ Оксфордѣ вмѣстѣ съ композиціями сэра Джона Фелиппесъ, Вилльяма и другихъ маэстро того же времени. Ферфексъ.

Магія и колдовство.

Стиля.

Въ теченіе четырнадцатаго вѣка было достаточное количество случаевъ суда о колдовствѣ, чтобы усилить народную вѣру въ него. Хроникеры продолжаютъ говорить о сношеніяхъ съ демонами, можетъ быть, уже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и Чосеръ съ улыбкой разсказываетъ, что феи, раньше жившія во всякомъ лѣсу, исчезли— безъ сомнѣнія прогнанныя добрыми фріарами, бродящими по странѣ. Извѣстныя намъ дѣла о колдовствѣ вѣдались архидіакономъ или королевскимъ судомъ; такъ напримѣръ у одного человѣка нашли книгу о магіи и голову мертваго человѣка; его освободили за недостаткомъ доказательствъ, хотя книгу и голову сожгли. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ преступленіе колдовства становится важнымъ въ политическомъ отношеніи — легкость обвиненія, незначительность доказательствъ, необходимыхъ для поддержанія этого обвиненія и трудность доказать невиновность — все это дѣлало обвиненіе въ колдовствѣ удобнымъ орудіемъ для того, чтобы повредить или устранить врага. Совѣтываться съ колдуномъ о смерти короля считалось почти равнозначительнымъ злому умыслу и покушенію на жизнь короля и старая связь между колдуньей и отравительницей (въ классическихъ языкахъ оба понятія выражаются однимъ словомъ) не была забыта. Колдунъ, пред-

---

[1]) Полное изданіе Camridge Roll недавно сдѣлана Фуллеромъ Майтландомъ и Рокстро.

сказывавшій событія, могъ найти средства и совершить ихъ. Измѣненіе отношеній народа къ преступленію, усиленіе страха и ужаса проявляются въ лоллардскихъ трактатахъ, въ слѣдствіяхъ, производимыхъ епископами, въ статьяхъ Сорбонны 1398 года и въ такихъ документахъ, какъ порученіе, данное епископу линкольнскому въ 1406 году.

Колдовство и политика.

Въ 1419 году вдовствующая королева Жоанна была арестована, вѣроятно по обвиненію въ томъ, что она совѣтывалась съ колдуномъ; но въ особенности людей поразило дѣло, которое повело къ убійству Іакова I шотландскаго Вальтеромъ графомъ Атоль (1437), которому его магъ предсказалъ, что онъ будетъ носить корону. Несчастный результатъ такого пророчества только усилилъ страхъ народа, когда при приближеніи совершеннолѣтія короля Генриха VI начали разсказывать, будто жена протектора Элеонора Кобгамъ, герцогиня Глочестерская, спрашивала дьявола относительно жизни короля и о своей судьбѣ и растопила медленно предъ огнемъ восковое изображеніе короля ради того, чтобы съ его изображеніемъ растаяло и его тѣло. Колдунья, Маргарита Журденъ (которую за десять лѣтъ до этого уже предавали суду совѣта, но и освободили за отсутствіемъ доказательствъ), отъ которой она получила амулеты и при помощи ихъ очаровала распутнаго протектора, доставила ей изображеніе короля и ввела къ ней извѣстнаго мага, мастера Рожера. Рожеръ добился услугъ Соутвеля, каноника св. Стефана, благословившаго его приготовленія для призыва дьявола; черезъ его слугъ враги Глочестера и получили свѣдѣнія. Стоу разсказываетъ о публичной выставкѣ на позорищѣ Рожера Болинброка въ его странномъ одѣяніи, съ мечемъ и скипетромъ въ рукѣ, а рядомъ его раскрашенный тронъ съ мѣдными фигурами въ каждомъ углу. Результатъ извѣстенъ: Глочестеръ палъ, его супруга подвергнута публичному покаянію, магъ казненъ, а колдунью сожгли за ересь. Другой казнью за колдовство—одинаково позорной для англичанъ, для французскаго духовенства и для парижскаго университета—было сожженіе Орлеанской дѣвы, колдовство которой главнымъ образомъ состояло въ томъ, что она имѣла вѣтку мандрагоры и вѣрила въ существованіе фей.

Чисто политическимъ дѣломъ было обвиненіе противъ герцогини Бедфордъ, которую по ея собственному требованію судили въ 1470 г. Нѣкто Томасъ Уэкъ, сквайръ, представилъ свинцовое изображеніе рыцаря, разломанное по срединѣ и связанное проволокой, оставленное въ деревенскомъ приходскомъ домѣ отрядомъ солдатъ, и утверждалъ, что при посредствѣ этого изображенія герцогиня зачаровала короля и заставила его жениться на ея дочери, Елизаветѣ Вудвиль. Совѣтъ оправдалъ герцогиню, но обвиненіе снова появилось въ 1483 г. и составляло одно изъ основаній для низложенія Эдуарда V. Другой случай въ 1477 году указываетъ, какимъ образомъ вельможи поль-

зовались обвиненіемъ въ колдовствѣ. Нѣкто Томасъ Бурдетъ, сынъ нормандскаго мундшенка короля Генриха VI, былъ огорченъ тѣмъ, что Эдуардъ IV во время одного изъ его пріѣздовъ застрѣлилъ его любимаго оленя и желалъ, какъ утверждали обвинители, чтобы голова оленя, рога и все вошли въ убившаго его человѣка. За это его судили, осудили за отравленіе, колдовство и чарованіе и казнили въ Тибурнѣ.

Любопытно, что ни Стоу, ни Шекспиръ не упоминаютъ о восковомъ изображеніи Генриха VI; оба, вѣроятно, полагали, что это слишкомъ серьезное дѣло, чтобы говорить о немъ, въ родѣ того, какъ теперь въ учебникахъ химіи не описывается приготовленіе взрывчатыхъ веществъ. Сохранились указанія на процессъ изготовленія такихъ изображеній. Въ трактатѣ какого-то Артефіуса описывается процессъ приготовленія пустого креста для припятія духа и подъ нимъ изображеніе требуемаго предмета, т. е. тѣла. Основаніе приготовленія креста состоитъ въ томъ, что форма духа неизвѣстна, а крестъ имѣетъ длину и ширину и потому и представляетъ наиболѣе пригодный и общій субститутъ надлежащей формы. Мы можемъ составить представленіе о заговорахъ такого «клерка», какъ мастеръ Рожеръ. Его орудія состояли изъ книги о магіи, переплетъ ея съ застежками, на переплетѣ съ лѣвой стороны изображеніе дьявола въ его обычномъ видѣ, а на правой магическія буквы дьявола, воззванія для его призыва, мѣсто, время и употребляемое курево для вызова. Такая книга зарывается съ надлежащими церемоніями на три дня въ мѣстѣ, гдѣ сходятся три дороги. За нѣсколько дней до заговора, магъ приготовляется для совершенія церемоніи, слушая обѣдни и, если возможно, кладя свои орудія на алтарь; избирается подходящее мѣсто и церемонія начинается въ планетный часъ. Самъ магъ одѣтъ въ священническое облаченіе, его компаньоны въ бѣлыя рубашки; они поютъ литанію и евангеліе; чертится кругъ; въ немъ вписывается имена Бога и ангеловъ этого дня, охраняющихъ и помогающихъ при церемоніи. Вокругъ круга чертятся пятиугольники и произносятся буквы злого духа; потомъ по порядку благословляютъ кругъ, огонь и курильницу и призываютъ ангеловъ четырехъ вѣтровъ и семи планетъ; всѣ присутствующіе продолжаютъ пѣть. Потомъ магъ встаетъ и призываетъ нужныхъ ему духовъ; весь воздухъ вокругъ круга кишитъ страшными видѣніями, но духъ еще не появляется. Магъ призываетъ сильнѣе и громче, и показывая пятиугольникъ, приказываетъ ему появиться. Наконецъ дьяволъ появляется къ своемъ видѣ, отвѣчаетъ на вопросы и исполняетъ приказанія. Магъ приказываетъ ему уйти съ миромъ, курильницу тушатъ и вся компанія удаляется, продолжая распѣвать литаніи. Мнѣнія о положеніи мага и его спутниковъ расходились: большинство теологовъ полагало, что они вступаютъ въ тайный договоръ съ дьяволомъ, а

Призываніе духовъ.

общественное мнѣніе подозрѣвало существованіе прямого отношенія, а самого мага представляли себѣ человѣкомъ, пользующимся своими знаніями о нѣкоторой власти, которой обладаетъ, но не пользуется церковь, и подвергающимся очень значительному и несомнѣнному риску, если онъ оказывался неискуснымъ или небрежнымъ. Легально, кажется, преступленіе колдовства наказывалось по общему праву, если произошелъ какой либо вредъ; если же разбиралось церковными судами, то колдуна жгли на основаніи королевскаго приказа de heretico comburendo. Вѣроятно, большинство сожженныхъ за ересь начиная съ 1440 года были сожжены именно за колдовство.

Алхимія. Чосеръ и Говеръ.

Рукописный списокъ алхимиковъ даетъ намъ имена дюжины англійскихъ писателей по этому вопросу въ теченіи четырнадцатаго столѣтія; къ концу вѣка большое вниманіе было обращено на эту науку. Говеръ и Чосеръ изображаютъ теорію и практику; вѣроятно Чосеръ началъ заниматься этимъ вопросомъ именно вслѣдствіе вліянія Говера. Обычной теоріей была та, что всѣ металлическія вещества состоятъ изъ ртути, или расплавленнаго начала, и сѣры, или начала твердаго и качества металла зависятъ отъ большей или меньшей степени чистоты этихъ началъ. Потому алхимики и искали элексировъ для очищенія металловъ отъ нечистотъ, чтобы сдѣлать ихъ совершенными. Говеръ говоритъ о трехъ камняхъ, обладающихъ такимъ свойствомъ— одинъ дѣйствуетъ на тѣло, другой на чувства и разумъ, а третій на минералы, уничтожая ржавчину, запахъ и твердость. Чосеръ рисуетъ алхимика за работой съ необыкновенной точностью въ подробностяхъ, доказывающей его личный интересъ въ дѣлѣ, и съ такими только указаніями на теорію, которыя могутъ быть понятны для практическаго человѣка. Онъ указываетъ намъ шарлатана, обманывающаго свою жертву фокусами или потаенными пружинами въ его тиглѣ и настоящаго работника, употребляющаго настоящія сѣру и ртуть и другія вещества, минеральныя, растительныя или животныя, время отъ времени теряющаго свои матеріалы отъ взрывовъ своихъ герметически закупоренныхъ сосудовъ или вслѣдствіе того, что известь и бура соединяются, образуютъ жидкость и растворяютъ его глиняные тигли. Но и шарлатанъ и настоящій алхимикъ одинаково разоряютъ всѣхъ, кто имъ повѣрилъ, и статутъ 1403 года, воспрещавшій умноженіе золота и серебра, мы можемъ приписывать вліянію «Разсказа Іемена» и описаннаго тамъ положенія дѣлъ.

Возрожденіе алхиміи около 1450 года.

Въ теченіи двухъ поколѣній ничего не было слышно объ алхиміи, пока у герцога Гумфри не истощились денежныя средства и онъ снова не призвалъ къ работѣ алхимиковъ. Произведенія Луллія были переведены съ провансальскаго на латинскій въ 1443 году и многіе просили у короля разрѣшенія заняться изученіемъ алхиміи; нѣкоторыя изъ этихъ разрѣшеній особенно любопытны. Вскорѣ королевское казначейство опустѣло и такъ какъ алхимики продолжали указывать

на «полезные методы, посредствомъ коихъ золотая и серебренная монета можетъ быть увеличена въ нашемъ королевствѣ Англіи», то король Генрихъ VI далъ въ 1456—7 году три порученія комиссіямъ изслѣдовать представленные имъ планы и сдѣлать о нихъ докладъ. Второе изъ этихъ порученій описываетъ элексиръ слѣдующимъ образомъ: «имъ можно излечить всѣ болѣзни, продолжить человѣческую жизнь до крайняго предѣла, сохранить человѣчеству здоровье и силу тѣла и духа, ясность и бодрость; имъ безъ труда можно исцѣлять всѣ раны; онъ лучшее и самое вѣрное средство противъ ядовъ; при этомъ могутъ быть получены и многія другія выгоды для насъ и общества нашего королевства, какъ напримѣръ превращеніе металловъ въ настоящее золото и чистое серебро». Слѣдствіемъ этихъ коммиссій, кажется, было уменьшеніе надеждъ Генриха на алхимію: занятія ей постепенно исчезали при воцареніи Эдуарда IV (можетъ быть отъ недостатка въ щедрыхъ покровителяхъ), хотя разрѣшенія давались до 1477 года.

Поэты.

Нѣкоторыя свѣденія о популярной алхиміи мы получаемъ изъ нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ поэмъ того времени. Риплей (который по преданію отправилъ золото въ Родосъ для войны съ турками), въ своей Compound of Alchemy (1471), посвященной Эдуарду IV, разсказываетъ о братствѣ лондонскихъ алхимиковъ. Они, кажется, жили въ Вестминстерѣ (съ архидіакономъ, очевидно, они заключили сдѣлку) и приходили въ Лондонъ искать дураковъ, которые шли за ними, надѣясь при ихъ посредствѣ разбогатѣть. Золотыхъ дѣлъ мастера и купцы, дававшіе имъ деньги, конечно рады бы были получить хоть часть ихъ; ихъ арестовали и отводили въ Ньюгетъ или Лудгетъ, гдѣ и подвергали допросу. Но ихъ ловкія извиненія удовлетворяли купцовъ; ихъ освобождали и они снова отправлялись въ Вестминстеръ.

„И когда они тамъ сидѣли за виномъ,
То говорили, что у монаховъ денегъ много.
Далъ бы Богъ (говоритъ одинъ), чтобы у меня было столько,—
Гей, го! прогонимъ заботу и пусть чаша идетъ вокругъ!
Пей (говоритъ другой), средство есть—
Я мастеръ этого искусства
И ручаюсь, что и мы попользуемся.

Риплей иронически совѣтуетъ аббату любить людей, которые скоро возстановятъ бѣдность св. Бенедикта.

Томасъ Нортонъ (1477) разсказываетъ, что всѣ классы общества, даже краснильщики и ткачи, стремились къ богатству такимъ путемъ, а страна бѣднѣла. Въ одной главѣ онъ разсказываетъ объ опасностяхъ, которымъ подвергается алхимикъ и иллюстрируетъ это примѣромъ изъ жизни своего современника, Томаса Дальтона, глочестерскаго монаха, бывшаго раньше клеркомъ Джона Дельвиса, сынъ котораго былъ при дворѣ Эдуарда. По донесенію Дельвиса король от-

правилъ за Дальтономъ Томаса Герберта, который арестовалъ его и послѣ довольно грубаго обращенія привезъ его ко двору. Дальтонъ здѣсь сознался, что онъ дѣлалъ золото для Дельвиса, но отказался отъ новыхъ попытокъ, утверждая, что истратилъ весь свой матеріалъ. и Эдуардъ отпустилъ его съ небольшимъ вознагражденіемъ. По дорогѣ Гербертъ захватилъ несчастнаго алхимика и обѣщаніями и угрозами заставлялъ его заняться дѣломъ, держалъ его въ тюрьмѣ въ Глочестерскомъ замкѣ въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ и даже вывелъ его на казнь; но всѣ его угрозы и обѣщанія были напрасны. Нортонъ, однако, вѣрилъ въ его искусство и жалуется, что насиліе лишило страну благополучія:

„Уничтожить налоги и повинности въ этой странѣ,
Отчего произошли бы любовь и милость
Между рыцарствомъ, священствомъ и общиной“.

Вѣроятно, единственнымъ результатомъ изученія алхиміи въ это время было значительное количество разныхъ напитковъ, эссенцій, спиртовъ и т. д., приготовленіемъ которыхъ занимались дамы во времена Тюдоровъ. Большинство ихъ были извѣстны очень давно, но распространеніе алхиміи въ широкихъ кругахъ популяризировало ихъ. Примѣромъ этаго можетъ служить извиненіе алхимика, какого нибудь мелкаго іемена, скрывающаго свою настоящую цѣль и утверждающаго, будто онъ приготовляетъ глазныя капли для своего отца.

Школа Чосера.

Франка Гита.

Превосходство Чосера въ особенности ясно доказывается тѣмъ, что въ теченіи цѣлаго столѣтія послѣ его смерти онъ оставался единственнымъ источникомъ вдохновенія для поэтовъ. Въ Шотландіи это еще не было несогласно съ оригинальностью, но этаго нельзя сказать объ Англіи. Эпоха религіозныхъ преслѣдованій и иностранной войны, за которой слѣдовали междуусобія, была неблагопріятна для такого откровеннаго, симпатическаго и юмористическаго пониманія жизни, какое проявилось въ «Кентербюрійскихъ разсказахъ». Молодые версификаторы подражали Чосеру — пѣвцу «Романа Розы», а не Чосеру — изобразителю жизни своихъ земляковъ, даже не Чосеру — подражателю итальянской литературѣ.

Окклевъ. Изъ этихъ поэтовъ Томасъ Окклевъ (родился 1369, умеръ 1450) былъ близокъ Чосеру лично и его стихъ чаще другихъ напоминаетъ

легкую манеру его учителя. Характеръ его и жизнь напоминаютъ о Робертѣ Гринѣ. Онъ также, какъ и Гринъ, любилъ удовольствія, также былъ слабъ характеромъ, обладалъ той же роковой легкостью выраженія, имѣлъ тотъ же высокій идеалъ женственности. Все, что намъ извѣстно о его жизни, можно найти въ его Male Regle, его Complaint и его «Діалогѣ» съ старымъ нищимъ въ прологѣ къ Governail of Princés (1411 или 1412), самомъ большомъ и самомъ честолюбивомъ изъ его сочиненій. Написанное съ цѣлью получить покровительство молодого принца Генриха, этаго «Образца принца» (Mirror for Princes), оно было основано на De Regimine Principum — Эгидія Колонны, составленнаго для Филиппа Красиваго. Различныя стороны обязанностей государя, иллюстрированныя примѣрами изъ библіи, классиковъ, отцовъ церкви и англійской исторіи, излагаются «королевской рифмой» (rhyme royal), мѣрой, мало пригодной для такой темы. Въ прологѣ есть трогательное мѣсто, гдѣ, называя Чосера дорогимъ учителемъ, Окклевъ жалуется, что смерть «сдѣлала намъ непоправимое зло», прибавляя при этомъ:

„Она могла бы отложить свое мщеніе до тѣхъ поръ,
Пока не появился бы человѣкъ равный ему;
Но это было бы невозможно. Она знала, что этотъ островъ
Никогда не породитъ подобнаго тебѣ человѣка“.

Окклевъ съ успѣхомъ разсказываетъ двѣ исторійки изъ Gesta Romanorum; «Разсказъ жены Іерислава» (Мерилая) и «Разсказъ Іопотаса» — оба Чосеровскимъ стансомъ. Его баллады по тону не лирическія произведенія и по формѣ неправильны. Лучшія мѣста его произведеній несомнѣнно тѣ, гдѣ его любовь къ женщинамъ возвышается и идеализируется до степени религіозной эмоціи. Потому лучшая его поэма—это Modir of God, которая на основаніи Эдинбургскихъ манускриптовъ долгое время приписывалась Чосеру. Заключеніе «Письма къ Купидону», написанное тѣмъ же метромъ (rhyme royal), проникнуто тѣмъ же духомъ. Еслибы у Окклева было больше чувства пропорціи, если бы онъ сдерживалъ выраженія своихъ угрызеній совѣсти и обладалъ болѣе тонкимъ инстинктомъ при выборѣ мѣры стиха, его произведенія были бы гораздо выше.

Джонъ Лидгэтъ (1372—1451) былъ человѣкъ съ большей силой, съ болѣе реальнымъ взглядомъ на жизнь и съ большимъ юморомъ, чѣмъ Окклевъ. Онъ могъ сдѣлаться настоящимъ талантливымъ разсказчикомъ (ср. его Chorle and Bird) и легкимъ сатирикомъ, но онъ былъ монахомъ въ Бюри — профессія мало подходящая къ наиболѣе симпатичнымъ его темамъ—а кромѣ того онъ черезъ чуръ поклонялся Чосеру, что было для него, какъ поэта, гибелью. Первая половина его жизни прошла въ томъ, чтобы какъ нибудь согласовать свое поведеніе съ правилами монастырской жизни. Это было не легкимъ дѣломъ, такъ какъ юность онъ провелъ столь же дико, какъ Окклевъ

Жизнь и произведенія Лидгэта

(см. «Завѣщаніе Лидгэта»). Тѣмъ не менѣе онъ былъ плодовитымъ писателемъ и писалъ повѣствовательныя, богословскія, гагіологическія, философскія и научныя поэмы, кромѣ нѣкоторыхъ случайныхъ пьесъ. Онъ уже достигъ половины своей жизни, когда началъ свою первую значительную поэму; Troy Book (1420), передѣлка Historia Troyana—Гвидо Колонны, была начата въ 1412 году по требованію принца Генриха и должна была служить дополненіемъ пристрастному взгляду на дѣло, выраженному въ «Троилѣ и Крессидѣ» Чосера и дополнить до-бретанскую исторію нашего племени, опущенную Лайамономъ и его предшественниками. Поэма состоитъ изъ тридцати тысячъ строчекъ героическаго куплета, гораздо болѣе гладкаго, чѣмъ въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Въ юности Лидгэта Чосеръ исправлялъ и улучшалъ «ложныя слѣды его грубого пера» (Life of Our Lady) и въ «Исторіи Трои» онъ оплакиваетъ утрату этой помощи.

Стихи Лидгэта.

Легко видѣть, что Лидгэтъ не соблюдалъ и не зналъ тѣхъ строгихъ правилъ, которыя ставилъ себѣ Чосеръ, прививая романскіе принципы метра къ сильному стволу туземнаго метра. Лидгэтъ позволялъ себѣ туже свободу въ постановкѣ ударенія въ стихѣ, которую онъ находилъ у Машо и Грансона, свободу, которой несомнѣнно пользовался и Чосеръ въ первыхъ своихъ попыткахъ; онъ не дѣлалъ усилій измѣнить положеніе цезуры, которая у него всегда на второмъ слогѣ. Объясненіе его грубостей въ его стихахъ состоитъ скорѣе въ неумѣломъ подражаніи принципамъ романскаго стихосложенія, чѣмъ въ недостаткахъ уха [1]). Наиболѣе важные изъ его произведеній, «Исторія Ѳивъ» (1422), навѣянное «Разсказомъ рыцаря» и предназначенное быть одной изъ «Кентербюрійскихъ» серій, написано тѣмъ же героическимъ куплетомъ, а его наиболѣе популярная, но и наиболѣе скучная поэма, Falls of Princes, написанная для Гумфри, герцога Глочестера, между 1430 и 1438 годами, есть передача королевской рифмой французскаго перевода Боккаччіо De Casibus Virorum Illustrium. Тема была симпатична для народа, видѣвшаго трагическую судьбу трехъ своихъ королей въ теченіи одного столѣтія. Источникомъ вдохновенія былъ опять таки Чосеръ. («Разсказъ монаха»); сюжетъ не утратилъ популярности до выхода послѣдняго изданія Mirror for Magistrates въ 1620 году. Лидгэтъ написалъ также «Жалобу чернаго рыцаря», а въ молодые годы (1403) «Стеклянный храмъ», аллегорическую поэму, раньше приписываемую Гэвсу (Gawes). Въ позднѣйшіе годы онъ составилъ для ордена житія святыхъ Албана, Эдмунда и Маргариты въ стихахъ. Тутъ ничто не измѣняетъ его покойной, нѣсколько легковѣсной музѣ. Для нашихъ современниковъ случайныя

---

[1]) Онъ часто опускаетъ „анакрузисъ“ и первую тезу послѣ цезуры, но такая вольность объясняется не романской, а англійской традиціей. „Эпическую“ цезуру онъ употребляетъ чаще Чосера.

произведенія Лидгэта объ общественныхъ вопросахъ, въ родѣ «Сатирическаго описанія ея сіятельства» или «Баллады о странныхъ головныхъ уборахъ» («Мелкія поэмы» изд. Галливеля), всегда будутъ привлекательнѣе и заставлаютъ сожалѣть, что онъ тратилъ свою энергію на болѣе честолюбивыя произведенія [1]) Когда въ слѣдующемъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ безконечную морализирующую аллегорію «Времяпровожденіе и удовольствіе» (1506), мы понимаемъ, что возмущеніе Уатта и Сюррея наступило не слишкомъ быстро.

Прозаики. Реджинальдъ Пикокъ. Малори.

О прозѣ этаго періода достаточно сказать нѣсколько словъ. Repressor of overmuch Blaming the Clergy—Реджинальда Пикока (написано въ 1449 году) представляетъ рѣзкое и остроумное нападеніе на лоллардовъ, написанное педантическимъ стилемъ пуриста, отвергавшаго, какъ въ слѣдующемъ вѣкѣ отвергалъ Ашамъ, сокровища романскаго словаря, введенныя въ нашъ языкъ Чосеромъ и Виклифомъ. Единственнымъ мастеромъ и первымъ художникомъ въ прозѣ былъ Томасъ Малори, переводъ котораго нѣсколькихъ французскихъ романсовъ объ Артурѣ подъ названіемъ Morte d'Arthur былъ законченъ въ 1469—50 году. Его стиль вполнѣ оригиналенъ. Справедливо утверждаютъ, что произведеніе Малори составляетъ такую же стадію въ развитіи англійской прозы, какъ произведенія Чосера въ развитіи англійской поэзіи. Оба должны были создавать или, по крайней мѣрѣ, умѣрять и полировать орудіе своей мысли; такая услуга языку никогда не забудется при оцѣнкѣ ихъ произведеній. Такіе писатели, какъ Малори и Геродотъ, «хотя они и сохранили много красотъ некритическаго дѣтства литературы, оба уже искусственны; ихъ умѣнье или ихъ добрый геній заставляетъ насъ не обращать вниманія на критическій, оцѣнивающій процессъ, на сознательную реторику, безъ которыхъ они не могли бы писать такъ, какъ они писали» [2]).

Сэръ Джонъ Фортескью

Другой писатель, пользовавшійся прозой, какъ орудіемъ доказательства а не какъ средствомъ художника — это Джонъ Фортескью (1394—1476), наиболѣе извѣстное сочиненіе котораго: Governance of England (написанное послѣ 1471 года), воспроизводитъ вкратцѣ аргументы его латинскаго сочиненія De Laudibus Legum Angliae, какъ введеніе къ изученію причинъ, производящихъ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ государство. Главную причину онъ видитъ въ бѣдности короны; позже Генрихъ VII уничтожилъ это зло. Стиль Фортескью ясный и нѣсколько реторическій, хотя его аргументація не всегда систематична.

---

[1]) Полная библіографія его произведеній (онъ написалъ всего больше 130000 строкъ) въ превосходной статьѣ о Лидгэтѣ—Сиднея Ли въ Dict of Nat. Biog.: London Lickpenny, въ теперешнемъ видѣ по крайней мѣрѣ, не принадлежитъ ему.

[2]) Пр. Патонъ Керъ, въ превосходномъ эскизѣ объ англійской прозѣ къ концу 16 вѣка, въ предисловіи къ English Prose Selections, т. I (1893).

Какстонъ.

Къ концу столѣтія, на границѣ между средневѣковымъ и новымъ временемъ, стоитъ Вильямъ Какстонъ, типографщикъ, переводчикъ и издатель, бывшій самъ дѣятельнымъ работникомъ въ дѣлѣ распространенія знаній. О наиболѣе важной его заслугѣ, объ основаніи первой англійской типографіи, мы будемъ говорить дальше; но его услуги, какъ переводчика и издателя и какъ человѣка, обезпечившаго окончательное торжество лондонскаго діалекта въ той формѣ, какую ему придалъ Чосеръ, не менѣе дѣйствительны, хотя, можетъ быть, и менѣе очевидны. Онъ ясно видѣлъ, что раньше того, какъ Чосеръ своими трудами украсилъ и сдѣлалъ прекраснымъ нашъ англійскій языкъ, въ этомъ королевствѣ была грубая и несвязная рѣчь, какъ это видно изъ старыхъ книгъ, «и онъ рѣшилъ не выпускать изъ своей типографіи ни одной книги, не написанной на столичномъ діалектѣ». Такимъ образомъ онъ не хотѣлъ печатать переводъ Polychronicon—Гайгдена, сдѣланный Тревизой на западномъ діалектѣ, пока не исправилъ его сообразно своему рѣшенію. Самъ онъ перевелъ «Собраніе исторій Трои» и «Игра въ шахматы» — доминиканца Якоба Кассолиса и девятнадцать другихъ сочиненій свободнымъ и чистымъ англійскимъ языкомъ. Но онъ не былъ рабскимъ подражателемъ англійскаго языка Чосера. Его задачей было, какъ онъ говоритъ самъ [1]), принять средній діалектъ современнаго ему образованнаго лондонца; потому кентскія особенности великаго поэта отсутствуютъ въ работахъ Какстона; тѣмъ же объясняется и присутствіе въ нихъ большого количества сѣверныхъ формъ [2]). Онъ рѣшилъ поставленную имъ себѣ задачу въ умѣренномъ, но прогрессивномъ духѣ и потому его работу можно сопоставить съ дѣломъ Чосера по ея важности для исторіи литературнаго англійскаго языка, а пособіе типографскаго станка давала увѣренность въ прочности результатовъ его труда.

Земледѣліе

Корбетта.

Характеръ періода. Различіе въ мнѣніяхъ о немъ.

Съ подавленіемъ крестьянскаго возстанія и проведеніемъ актовъ 1389 года объ обезпеченіи помѣщиковъ достаточнымъ количествомъ земледѣльческихъ рабочихъ виллановъ, мы оставляемъ одинъ изъ самыхъ ненормальныхъ періодовъ исторіи англійскаго земледѣлія и снова всту-

---

[1]) Прологъ къ Eneydas.

[2]) О лингвистическомъ вліяніи Какстона ср. Германа Ромстедта: Engl. Schriftssprache bei Caxton (1891).

насмъ въ продолжительный періодъ медленной эволюціи, о которомъ нельзя сказать чего либо выходящаго изъ рамокъ обычнаго теченія жизни. Въ жизни деревенскихъ округовъ воцаряется снова спокойствіе, непрерываемое въ теченіе болѣе ста лѣтъ никакимъ выдающимся событіемъ, такъ какъ измѣненія были постепенными и медленными, какія обыкновенно замѣчаются только послѣ ихъ завершенія и по большой части не замѣчаются современниками. Дѣйствительно, въ хроникахъ и современныхъ отчетахъ замѣтки о земледѣліи такъ рѣдки, что даже теперь, послѣ старательныхъ изысканій, существуютъ нѣсколько школъ истолкованія данныхъ и историки держатся самыхъ противорѣчивыхъ взглядовъ на общій характеръ эпохи. Съ одной стороны насъ убѣждаютъ, что пятнадцатый вѣкъ и первая четверть шестнадцатаго были «золотымъ вѣкомъ для англійскаго работника» (Рожерсъ—Six Centuris of Work and Wages) и что никогда ни одно европейское общество не пользовалось такимъ грубымъ благосостояніемъ, какъ англійскіе іемены въ это время (Гайндманъ—Basis of Socialism), а съ другой стороны нѣкоторые писатели считаютъ это время крайне бѣдственнымъ и увѣряютъ, что въ это время только немногіе годы не отмѣчались «голодомъ и болѣзнями» (Дентонъ—England in 15 Century). Нѣкоторые писатели, признавая, что въ концѣ періода было достаточно нищеты и недовольства, все таки считаютъ, что первое время этого періода было временемъ процвѣтанія и полагаютъ, что «первая половина пятнадцатаго вѣка болѣе всякой другой эпохи была осуществленіемъ мечтаній крестьянъ объ Аркадіи» (Протеро—Pioneers and Progress of Eng. Farming). Наконецъ есть и четвертая школа (Кунингамъ—Growth of industry und Commerce), утверждающая, что пространство запашекъ постоянно уменьшалось, но что развитіе суконной промышленности и послѣдующее введеніе въ деревенскихъ округахъ домашней мануфактуры болѣе или менѣе уравновѣшивали простекавшія изъ упадка земледѣлія потери.

Такое разнообразіе мнѣній указываетъ, какъ мало въ сущности намъ извѣстно и заставляетъ насъ быть крайне осторожными въ принятіи или отверженіи этихъ взглядовъ. Тѣмъ не менѣе почти несомнѣнно, что оба крайніе взгляда представляютъ преувеличеніе. Если бы положеніе рабочихъ было хоть сколько нибудь сноснымъ во всѣхъ округахъ до царствованія Генриха VIII, невозможно предположить, чтобы оно внезапно сдѣлалось такъ дурно, чтобы заставить Томаса Мора въ шестнадцатомъ вѣкѣ объявить, что положеніе рабочаго скота гораздо лучше. Съ другой стороны еслибы весь этотъ періодъ былъ временемъ голода и эпидемій, трудно понять, почему это не повело къ тѣмъ же слѣдствіямъ, какъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, почему въ странѣ не было волненій и возмущеній. Правда, въ теченіи многихъ лѣтъ этого періода велась гражданская война между партіями Алой и бѣлой Розъ, но всѣ авторитеты согласны

въ томъ, что эта борьба была только борьбой дворянскихъ партій и что масса націи не принимала въ ней никакого участія и не была ей даже заинтересована. Даже при возстаніи Кэда въ 1450 году соціальныя причины, повидимому, не играли роли и въ жалобѣ кентскихъ общинъ, представленной королевскому совѣту, содержатся только политическія требованія, за исключеніемъ уже давно повторяющихся жалобъ на статутъ о рабочихъ. Сэръ Джонъ Фартескью, писавшій около того же времени и желавшій объяснить кажущееся худшее положеніе французовъ, говоритъ объ англичанахъ: «народъ богатъ и имѣетъ все необходимое для существованія»—замѣчаніе, навряд ли болѣе согласимое съ предположеніемъ о голодѣ, чѣмъ замѣчаніе Полидора Вергилія, утверждающаго, что «въ Англіи болѣзни рѣдки и тамъ меньше употребляютъ лекарствъ, чѣмъ въ другихъ странахъ». Скептики скажутъ, что это доказываетъ только ужасное положеніе другихъ странъ, но вѣдь именно въ этомъ то и дѣло.

Указаніе на положеніе рабочихъ.

Обратимся теперь къ свидѣтельствамъ, на которыя указываютъ защитники того или другого изъ крайнихъ взглядовъ. Тѣ, которые утверждаютъ, будто крестьянство чрезвычайно процвѣтало, повидимому, основываетъ свои взгляды на дошедшихъ до насъ отчетахъ о цѣнахъ. Эти отчеты собирались съ замѣчательной и похвальной энергіей, такъ что теперь въ распоряженіи историковъ масса цѣнныхъ фактовъ. Въ качествѣ доказательства положенія нѣкоторыхъ округовъ въ извѣстное время они неопровержимы, но для общихъ выводовъ они навряд ли имѣютъ такое рѣшающее значеніе. Очевидно, что часто необходимо исправлять свѣдѣнія относительно одного періода прибавленіемъ фактовъ относительно другого, и тогда сдѣлать средній выводъ; а такой процессъ часто даетъ результаты, весьма различныя для разныхъ единицъ времени. При исчисленіи дѣлается также много догадокъ. Напримѣръ разсчитываетъ (Gibbins—Indusriul History of England), что въ началѣ пятнадцатаго вѣка обыкновенный рабочій на фермѣ съ женой и ребенкомъ получалъ около 3 фун. 15 ш., а содержаніе ему стоило только 3 ф. 5 ш. Очевидно, что доходъ его превышалъ расходъ и это приводится для доказательства процвѣтанія рабочаго. Но разсчетъ не только упускаетъ изъ виду, что у рабочаго могло быть нѣсколько дѣтей, но и предполагаетъ, что онъ имѣлъ работу триста дней въ году, при чемъ заработная его плата равнялась тремъ пенсамъ въ день. Это кажется правдоподобнымъ, но доказательствъ этого неимѣется. Напротивъ, имѣются указанія, что даже въ томъ случаѣ, если рабочій имѣлъ постоянно занятія, онъ получилъ заработную плату только пять дней въ недѣлю или двѣсти шестьдесятъ дней въ году. При Генрихѣ IV прошелъ актъ, повелѣвающій, «чтобы рабочіе не нанимались въ праздничные дни и даже на кануны праздниковъ, когда они работаютъ только до полудня; тогда они должны наниматься на полдня», т. е. по субботамъ

и въ праздники рабочій получалъ только половинную плату — все это уменьшало его работу на одинъ день въ недѣлю. Такимъ образомъ, вмѣсто предполагаемыхъ 3 ф. 15 ш. заработная плата за двѣсти шестьдесятъ дней будетъ только 2 ф. 1 ш. 8 д., или менѣе предполагаемаго расхода, что доказываетъ нѣкоторую произвольность разсчета. При этомъ мы тутъ предположили, что рабочій постоянно имѣетъ занятія, а нельзя сомнѣваться, что это было скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ, и что въ пятнадцатомъ вѣкѣ, также какъ и въ настоящее время, многіе часто не находили работы и съ трудомъ поддерживали свое существованіе. Вообще кажется невѣроятнымъ, чтобы рабочимъ классамъ жилось лучше, чѣмъ прежде, и конечно, въ пятнадцатомъ вѣкѣ не было улучшеній въ направленіи уменьшенія количества часовъ труда. Продолжительность рабочаго дня видна изъ акта, проведеннаго въ 1495 году — и никогда рабочій день не былъ длиннѣе. Съ средины марта до средины сентября работа должна была идти отъ 5 часовъ утра до 7 или 8 вечера, съ перерывомъ въ полчаса для завтрака и въ полтора часа для обѣда и отдыха. Зимой работа продолжалась до заката солнца. Можетъ быть, не всегда соблюдались такія распоряженія закона, но они по крайней мѣрѣ указываютъ, къ чему стремились наниматели.

Санитарное положеніе деревенскихъ округовъ.

Свидѣтельства, посредствомъ которыхъ старались доказать, будто въ теченіи всего этого времени въ Англіи свирѣпствовали голодъ и эпидеміи, представляются одинаково недостаточными, такъ какъ они основываются главнымъ образомъ на отчетахъ о городахъ. Такъ напримѣръ, указывали, что въ 1406 году въ Лондонѣ была сильная эпидемія и Генрихъ IV не хотѣлъ даже проѣзжать по улицамъ, что въ 1438 году лондонскій хроникеръ приходитъ въ полное отчаяніе по поводу смертности, что въ 1449 году парламентъ изъ страха предъ эпидеміей торопливо перенесли изъ Вестминстера въ Винчестеръ, что въ 1476 году Гулль потерялъ больше полтора тысячъ жителей, а изъ остальныхъ многіе убѣжали изъ города, такъ что городъ опустѣлъ, что въ 1477 году «невѣроятное количество» людей умерло въ Норвичѣ и, наконецъ, что въ одномъ Лондонѣ горячка при первомъ ея появленіи унесла тридцать тысячъ народу. Всѣ эти замѣтки о эпидеміи, даже предполагая, что онѣ не преувеличены, имѣютъ малое отношеніе къ дѣлу, если хотятъ доказать, что болѣзни необыкновенно свирѣпствовали во всей странѣ; въ нихъ ни слова не говорится о деревенскихъ округахъ и, повидимому, нѣтъ никакаго основанія предполагать, чтобы они страдали отъ необычной смертности. Случайно, правда, лондонскій хроникеръ упоминаетъ смутно о большой эпидеміи во всей Англіи, но по всей вѣроятности онъ имѣетъ въ виду только одни города, точно также, какъ и сэръ Джонъ Пастонъ, увѣрявшій своего корреспондента, будто въ 1471 году была «всеобщая смертность, какая только ему была извѣстна въ Англіи»,

но при этомъ онъ прибавляетъ: «я не слыхалъ ни объ одномъ боругѣ въ Англіи, свободномъ отъ болѣзни». Потому если нѣтъ рѣшительныхъ доказательствъ, что крестьянство особенно страдало, безполезно указывать, какъ это дѣлаетъ Дентонъ, на то, что неосушенная и заброшенная земля, стоячія воды на поверхности полей, тѣсные, нездоровые дома, недостаточная пища и изобиліе гнилой рыбы, употребляемой въ пищу предрасполагали земледѣльческое населеніе къ болѣзнямъ; всѣ эти условія существовали и въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда, какъ признаютъ писатели, народъ процвѣталъ. Дѣйствительно, всѣ описанія пятнадцатаго вѣка, какъ тѣми, которые полагаютъ, что это была бѣдственная эпоха, такъ и тѣми, которые считаютъ его золотымъ вѣкомъ, кажутся черезъ чуръ ярко окрашенными и несомнѣнно, что утвержденія тѣхъ и другихъ черезъ чуръ обобщены. Какъ въ другіе вѣка было безконечно много разнообразія, такъ и въ пятнадцатомъ одному классу могло житься хорошо, а другой приходилъ въ упадокъ. Даже члены одного и того же класса въ разныхъ мѣстностяхъ находились не въ одинаковомъ положеніи и вѣроятно, что въ тотъ самый моментъ, когда значительная часть поденщиковъ и мелкихъ владѣльцевъ несвободныхъ участковъ земли превратились въ зажиточныхъ фермеровъ, другая часть того же общественнаго класса быстро опускалась и, наконецъ, создалась та масса пауперовъ, которая такъ отягощала страну во времена Тюдоровъ.

Сравненіе съ положеніемъ современныхъ рабочихъ.

Терминъ «золотой вѣкъ» вызываетъ еще другое возраженіе, потому что онъ вызываетъ сравненіе со всѣми послѣдующими вѣками и предполагаетъ, что даже въ настоящее время рабочимъ живется не лучше, чѣмъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ, что во всякомъ случаѣ благосостояніе ихъ ниже. Это наврядъ ли такъ, если мы примемъ во вниманіе нѣкоторые факты современной жизни. Напримѣръ, ужасы войны теперь совершенно неизвѣстны, даже мятежи мало вѣроятны, эпидеміи очень рѣдки, а голодъ вещь невообразимая—вообще работа регулярнѣе и рабочій день короче. Прибавьте къ этому то обстоятельство, что, хотя издержки на поддержаніе жизни увеличились въ десять разъ, заработная плата увеличилась по крайней мѣрѣ въ той же пропорціи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ гораздо высшей. Товары, которые теперь рабочій можетъ купить на свою заработную плату, вѣроятно, лучшаго качества и, конечно, болѣе разнообразны. Средній рабочій потерялъ только въ двухъ отношеніяхъ. Кромѣ того, что онъ теперь не имѣетъ земли, онъ не имѣетъ и общихъ правъ на лѣсъ и пастбище, что дополняло бы его доходы; между нимъ и нанимателемъ теперь существуетъ большая, по сравненію съ пятнадцатымъ вѣкомъ, пропасть по отношенію къ суммѣ матеріальнаго комфорта, находящагося въ распоряженіи этихъ двухъ классовъ. Но эти двѣ стороны не имѣютъ большой важности по сравненію съ несомнѣнно

происшедшими существенными улучшеніями и даже теперь онѣ не не считались бы серьезнымъ зломъ, еслибы крестьянинъ не получалъ теперь лучшаго образованія, разбившаго безповоротно его старыя идеи о его положеніи въ обществѣ и открывающаго ему глаза на возможность улучшенія его участи.

Надѣемся, что этого довольно для устраненія предположенія, будто положеніе Англіи въ эту эпоху можетъ быть выражено въ какой нибудь одной формулѣ или что будто возможно составить такое вѣрное представленіе о цѣлой націи, которое одинаково было бы примѣнимо ко всѣмъ классамъ населенія и къ началу и къ концу этого періода. Наоборотъ, по отношенію къ земледѣльческимъ классамъ свидѣтельства столь противорѣчивы и ихъ такъ мало, что почти невозможно составить опредѣленное мнѣніе и единственно, что можно сдѣлать—это предъявить читателю возможно большое количество фактовъ и предоставить ему самому дѣлать выводы, если это ему угодно. Потому для начала упомянемъ о нѣкоторыхъ изъ фактовъ, повидимому доказывающихъ, что извѣстная доля благосостоянія существовала въ теченіи большинства лѣтъ пятнадцатаго вѣка, хотя низшіе классы и не всегда пользовались завиднымъ существованіемъ.

Постройки.

Одинъ изъ наиболѣе поразительныхъ фактовъ, который можетъ считаться свидѣтельствомъ относительно экономическаго положенія страны, состоитъ въ продолжающейся строительной дѣятельности. Вездѣ существуютъ приходскія церкви, построенныя въ это время; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, въ Лавенгамѣ и Лонгъ-Мельфордѣ въ Суффолькѣ, принадлежатъ къ числу лучшихъ въ Англіи; еще большее число церквей увеличено и построено въ позднѣйшемъ декорированномъ перпендикулярномъ стилѣ; все это доказываетъ, что были сбереженія и что населеніе увеличивалось.

Кирпичныя постройки.

Подобный же фактъ, указывающій на тѣже явленія, состоитъ въ введеніи въ употребленіе кирпича, искусство производства котораго было забыто со времени римлянъ. Введеніе кирпича произошло около 1400 года; сначала, вѣроятно, кирпичъ ввозили изъ Сѣверной Германіи моремъ въ восточныя графства. Такъ мы видимъ, что въ 1406 году его употребляли въ Эссексѣ, въ 1438 году въ Кембриджѣ и въ 1442 году въ Лондонѣ. Въ этомъ году кирпичъ начали дѣлать и въ Англіи; въ апрѣлѣ этого года былъ построенъ кирпичный заводъ для постройки студенческихъ комнатъ въ Итонѣ; было заказано 66 тысячъ. Отъ 1442 года до 1451 Генрихъ VI, кажется, употребилъ 2.469,100 кирпичей для своихъ новыхъ построекъ; въ 1475 г. кирпичники, которые всѣ были лондонцы, должны были позаботиться объ устройствѣ новаго завода. Въ настоящее время сохранилось немного остатковъ такихъ кирпичныхъ построекъ; но это естественно объясняется происшедшими одновременно крупными улучшеніями въ архитектурѣ домовъ, что вело къ постройкѣ первыхъ деревенскихъ

домовъ, дѣйствительно заслуживающихъ этого названія, и къ введенію каминовъ въ фермерскихъ домахъ. Теперь подъ рукой былъ сравнительно дешевый и прочный матеріалъ и не было больше необходимости доставать съ большими затратами камень изъ далекихъ каменоломень Іоркшира или Нормандіи. Потому дома усадьбъ увеличились въ величинѣ, къ залѣ и амбарамъ прибавляли двѣ или три комнаты, а иногда и второй этажъ. Тѣмъ не менѣе признавалось достаточнымъ имѣть одну спальную, обои и обшивки дома тоже употребляли рѣдко; дома, въ которыхъ было четыре постели для всѣхъ членовъ семьи и хозяйства, считались уже роскошно меблированными. Мебели же болѣе легкой почти не было, да и та главнымъ образомъ относилась къ кухоннымъ принадлежностямъ. Хотя англичане всегда были любителями праздниковъ и теперь начали цѣнить и хорошіе дома, они не имѣли еще представленія о комфортѣ и если допускали какое нибудь внутреннее убранство, то въ видѣ блестящихъ кострюль и сковородъ.

Политическія указанія: ростъ класса фермеровъ, законы противъ роскоши, увеличеніе заработной платы.

Конституціонная исторія этого періода тоже указываетъ на общее улучшеніе положенія деревенскихъ жителей. Въ 1406 году право голоса было признано принадлежащимъ всѣмъ, имѣвшимъ право быть присяжными въ судѣ графства, но въ 1430 году оно было отнято у нихъ и ограничивалось людьми, имѣвшими вольное поземельное владѣніе (фригольдерами), приносившее сорокъ шиллинговъ чистаго дохода, за исключеніемъ всѣхъ налоговъ (около двадцати фунтовъ на наши деньги), и причиной этого было быстрое увеличеніе класса состоятельныхъ людей, которые, хотя и не имѣли «цѣнности» въ глазахъ палаты, уничтожившей прежній статутъ, тѣмъ не менѣе «претендовали на голосъ, равный съ самыми достойными рыцарями и эсквайрами» и угрожали въ непродолжительномъ времени отнять всю власть надъ выборами у «прирожденныхъ джентльменовъ». Факты подобнаго рода не вполнѣ ясны; но если нужно болѣе очевидное доказательство, то его можно найти въ статутахъ «о костюмахъ», 1463 и 1482, направленныхъ противъ фермеровъ и рабочихъ, щеголевато одѣвавшихся и въ послѣдующемъ изданіи статута о рабочихъ, въ которомъ указывается на постоянное возвышеніе заработной платы. Актъ 1482 года, правда, довольно нелогично утверждаетъ, будто благодаря несоблюденію прежнихъ законовъ о роскоши «королевство пришло въ большую нищету и бѣдность и вѣроятно впадетъ въ еще большую», но если бы это было вѣрно, то навряд ли Общины въ 1495 году санкціонировали бы слѣдующія заработныя платы: для балльи (управляющаго) 26 шил. 8 д. вмѣсто 14 шил. 4 д.; для обыкновеннаго хозяйственнаго слуги съ пищей 16 шил. 8 д. и 4 шил. на одежду—вмѣсто 15 шил. и 3 шил. 4 д.; для другихъ рабочихъ безъ пищи 5 д. въ день зимой и 6 д. лѣтомъ, тогда какъ раньше они получали 4 и 5 д.

Ливреи и свита.

Въ теченіи цѣлаго вѣка въ книгу статутовъ вводились акты противъ «ливрей» или содержанія большого количества свиты. Это воспрещалось какъ политически опасное; но вмѣстѣ съ тѣмъ это свидѣтельствуетъ о роскоши и расточительности тогдашнихъ вельможъ и объ богатствѣ, позволявшемъ имъ удовлетворять ихъ желанія. Напримѣръ, графа Варвика сопровождали въ парламентъ шесть сотъ ливрейныхъ слугъ, и не меньше двухъ сотъ девяноста составляли въ 1449 году свиту менѣе значительнаго лица, нѣкоего Вальтера Стракланда, депутата-управителя Кендаля въ Вестморландѣ. Эти люди не были, какъ въ прежнее время, простыми фермерами-тенантами, а по большей части наемными слугами, которыхъ надо было кормить, одѣвать, вооружать и давать помѣщеніе и которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ получали еще и жалованье. Невозможно сомнѣваться въ благосостояніи дворянина, могшаго въ теченіи долгаго времени содержать такой штатъ; его благосостояніе не могло быть ниже того, которымъ пользовался тотъ же общественный классъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, примѣромъ чего можетъ служить сэръ Джонъ Арундель утонувшій въ 1380 году у береговъ Бретани и «потерявшимъ не только свою жизнь, но и свое одѣяніе»—всего пятьдесятъ двѣ одежды изъ золотой парчи. Слѣдуетъ помнить, что расточаемое такимъ образомъ вельможей, дворяниномъ или сквайромъ богатство должно было во всякомъ случаѣ получаться изъ доходовъ процвѣтающаго земледѣлія. Ибо единственная торговля, которой безъ вреда для своего достоинства могли заниматься поземельные собственники того времени, былъ вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ и, навѣрное, не многіе изъ нихъ занимались этимъ; большинство жило рентами. Знаменитый сэръ Джонъ Фальстольфъ и лордъ Кромвель, два самыхъ богатыхъ человѣка въ пятнадцатомъ вѣкѣ, могли увеличивать свое богатство войной и отправкой на континентъ овса и солода (помѣстье послѣдняго послѣ его смерти цѣнилось въ 66,334 фун.); но въ большинствѣ случаевъ богатство дворянина состояло изъ его фермы и роскоши не могло бы существовать безъ существованія зажиточныхъ фермеровъ.

Ландлорды и фермеры.

Нѣкоторые, склонные болѣе мрачно смотрѣть на положеніе дѣлъ въ то время, будутъ отстаивать то положеніе, что поземельные собственники были въ состояніи удовлетворять своимъ склонностямъ къ роскоши не потому, что ихъ фермеры были зажиточны, а потому, что ренты были чрезмѣрно высоки. Но въ дѣйствительности это было рѣдкимъ случаемъ; въ пятнадцатомъ вѣкѣ, повидимому, ренты были, наоборотъ, чрезвычайно низки и ландлорды были снисходительны. Это доказывается не только изученіемъ условій сохранившихся договоровъ объ арендѣ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ слѣдующемъ столѣтіи, когда несомнѣнно чрезмѣрно высокія ренты сдѣлались обычнымъ явленіемъ, люди сожалѣли о прежнемъ положеніи дѣлъ. Это

вѣроятно и на основаніи апріорныхъ соображеній, потому что изъ того, что было сказано выше о введеніи контрактовъ аренды земли и инвентаря, очевидно, что въ началѣ ландлордамъ было трудно найти подходящихъ фермеровъ, что несмотря на это количество лицъ, желавшихъ сдать землю, постоянно увеличивалось и потому они, понятно, не могли налагать обременительныхъ условій. Для подтвержденія такихъ соображеній достаточно указать на контракты объ арендѣ земель нѣкоторыхъ Оксфордскихъ коллегій; мы видимъ изъ нихъ, что фермеръ не только получалъ инвентарь, но обыкновенно ландлорды платили за всѣ исправленія и потери въ инвентарѣ, если они произошли безъ вины фермера и были настолько серьезны, что могли доставить ему серьезное затрудненіе. Напримѣръ въ 1430 году Новая коллегія прекратила свое самостоятельное хозяйство въ помѣстьи Альтонъ-Бэрнсъ въ Ультширѣ и отдала его фермеру по контракту съ землей и инвентаремъ. Количество отданной во аренду земли было 108 акровъ, инвентарь былъ оцѣненъ въ 74 ф. 7 ш. 3 д. Фермеръ взялъ аренду на короткій срокъ, но имѣются доказательства, что система въ главныхъ ея чертахъ оставалась въ силѣ въ теченіи цѣлыхъ ста лѣтъ, контрактъ обыкновенно возобновлялся съ тѣмъ же фермеромъ каждые пять или десять лѣтъ; въ 1530 году инвентарь записанъ, какъ еще неуплаченный. Во все это время рента измѣнилась отъ 14 ф. въ началѣ до 14 ф. 10 ш. въ 1484 году и до 15 ф. 10 ш. и четверти овса въ 1530; говоря другими словами—если считать только пахатную землю—отъ 2 ш. 5 д. за акръ до 3 ш. Это во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать даже высокой оцѣнкой, такъ какъ фермеръ снялъ цѣлое помѣстье, а въ немъ должны были быть пустоши и, вѣроятно, нѣкоторыя усадебныя права. Далѣе, было условлено, что коллегія платитъ за всѣ исправленія и всѣ потери отъ мора скота, если они превышали 10%. Такъ напр. въ 1484 году собиратель рентъ заплатилъ фермеру 1 ф. 12 ш, 2 д. за исправленія и поставилъ ихъ въ счетъ коллегіи. Въ 1447 году коллегія тоже заплатила за двадцать два барана, издохшихъ въ прошломъ году, за двадцать четыре овцы и семнадцать свиней; въ 1448 году за девяносто два барана, четырнадцать овецъ и десять свиней, а въ 1452 г. за пятнадцать барановъ, двадцать пять овецъ и шесть свиней. Рискъ, взятый на себя коллегіей, былъ довольно большой; это должно было значительно уменьшать тяжесть ренты, даже предполагая, что фермеръ всегда платилъ ренту. А это, конечно, было не всегда, ибо изъ счетовъ видно, что собиратель ренты почти постоянно не доставлялъ ее цѣликомъ.

Альтонъ-Бэрнсъ представляетъ типическій примѣръ, но по отношенію къ недоимкамъ ренты онъ едва ли представляется типичнымъ; для полученія точныхъ данныхъ обратимся къ счетамъ Такелей, въ Эссексѣ, другаго помѣстья, принадлежавшаго Новой коллегіи. По от-

чету за 1475 годъ всѣ доходы коллегіи, включая и старыя повинности, переложенныя на деньги и ренту трехъ отдѣльныхъ фермъ помѣстья, должны были равняться каждогодно 65 ф. 12 ш. 6 д. Но сборщикъ ренты часто не могъ собрать всю эту сумму; въ 1474 году на нихъ была недоимка въ 220 ф., и въ 1475 году эта недоимка увеличилась до 240 ф. Не малая часть всей ренты состояла изъ неосуществимыхъ притязаній и безнадежныхъ долговъ; одна изъ недоимокъ составляла сумму ренту, не плативщейся въ теченіи девяноста пяти лѣтъ, а другой долгъ за двадцать два года. Разныя несчастія, постигшія фермера, могли, конечно, объяснить ихъ долги; но въ этомъ случаѣ невѣроятно, чтобы недоимки считались въ отчетахъ въ качествѣ долговъ; въ отчетахъ имѣются примѣры скидки и уменьшенія ренты, когда для сего имѣлись дѣйствительныя основанія. Факты этого рода доказываютъ, какъ долготерпѣливы были иногда нѣкоторые ландлорды, и напоминаютъ показаніе писателя позднѣйшей эпохи, который, говоря о монастыряхъ и восхваляя ихъ, какъ поземельныхъ собственниковъ, говоритъ: «Они никогда не мстили за какія либо оскорбленія, но добровольно прощали ихъ; они не увеличивали рентъ и не брали штрафовъ съ своихъ арендаторовъ. Да, счастливъ былъ человѣкъ, бывшій фермеромъ аббатства, ибо рѣдко было слышно о фермерѣ, котораго бы выгнали, отнявъ у него ферму, и онъ не боялся какихъ либо штрафовъ за неуплату ренты, если его принудила къ этому необходимость». Въ царствованіе Эдуарда VI, когда это было написано, такихъ ландлордовъ уже не было, но въ пятнадцатомъ вѣкѣ было еще много монастырей, подававшихъ примѣръ, съ которымъ согласовались и другіе ландлорды.

Положеніе іеменовъ. Семейство Пастоновъ. Семейство Латимеровъ.

Для уясненія того, насколько процвѣтали іемены при подобной системѣ, приведемъ два примѣра, одинъ начала, а другой конца вѣка. Первый примѣръ мы заимствуемъ изъ пастоновскихъ документовъ; они разсказываютъ о происхожденіи дворянской семьи отъ нѣкоего Клемента, обыкновеннаго хорошаго хозяина, который во времена Ричарда II ѣздилъ на мельницу на неосѣдланной лошади и самъ возилъ новозку на рынокъ, «какъ подобаетъ доброму хозяину». Неизвѣстно, былъ ли онъ виланомъ или мелкимъ фригольдеромъ, но во всякомъ случаѣ онъ держалъ ферму въ помѣстьи Жиммингамъ, въ приходѣ на Норфолькскомъ берегу, между Пастономъ, отъ котораго семья и получила свою фамилію, и Кромеромъ, и женился на крѣпостной женщинѣ, сестрѣ «серва» въ сосѣднемъ городѣ Сомертонѣ, сдѣлавшагося атторнеемъ и священникомъ. Какъ аккуратный человѣкъ, онъ съ годами постепенно увеличивалъ свои владѣнія и, наконецъ, въ Пастонѣ у него было около 120 акровъ, которые онъ обработывалъ однимъ или двумя плугами и имѣлъ небольшую вѣтряную мельницу, но онъ не имѣлъ мызы «ни тутъ, ни въ другомъ мѣстѣ». Когда у него родился сынъ Вильямъ, онъ уже былъ настолько богатъ, что могъ

отдать его въ школу и дать ему хорошее образованіе. Всю жизнь отецъ держалъ свою ферму, но сынъ учился такъ хорошо, что сдѣлался адвокатомъ, хотя для этого Клементу Пастону пришлось занять денегъ. Вильямъ добился своего, сдѣлался очень ловкимъ адвокатомъ и управляющимъ епископа норвичскаго. Его репутація скоро настолько установилась, что въ 1421 году онъ сдѣлался сержантомъ, и въ 1429 году судьей суда общихъ исковъ, богатымъ человѣкомъ и эсквайромъ, который могъ взять себѣ жену изъ дворянской семьи и купилъ много земли не только въ Пастонѣ, но и помѣстья Оксниде и Грешамъ съ сеньоріей въ Бактонѣ и рынкомъ въ Кромерѣ. Въ позднѣйшее время семейная резиденція въ Оксниде сдѣлалась знаменитымъ домомъ, а хозяева ея графами Ярмутъ. Второй примѣръ—извѣстная исторія отца Гуга Латимера, лейчестерскаго фермера, котораго епископъ описываетъ въ проповѣди предъ Эдуардомъ VI слѣдующимъ образомъ: «мой отецъ былъ іеменомъ и не имѣлъ собственной земли; у него была только ферма въ три или четыре фунта въ годъ и онъ такъ работалъ въ ней, что содержалъ полдюжины людей. Онъ ходилъ за сотней овецъ и моя мать доила тридцать коровъ. Онъ былъ въ состояніи дать королю вооруженнаго человѣка съ лошадью. Онъ посылалъ меня въ школу, а сестеръ выдалъ замужъ съ приданнымъ въ пять фунтовъ каждой. Онъ былъ гостепріименъ для бѣдныхъ сосѣдей и давалъ бѣднымъ милостыню—и все это онъ дѣлилъ изъ своей фермы». Можетъ быть, нельзя полагаться вполнѣ на достовѣрность первой изъ этихъ исторій, потому что она разсказывается врагомъ Пастоновъ, и тѣмъ не менѣе обѣ эти исторіи, каждая по своему, указываютъ, что положеніе мелкаго фермера въ то время не было мрачнымъ и заставляютъ насъ полагать, что выраженіе: «веселая Англія» не была безсмысленной фразой. Нужно замѣтить, однако, что въ то время, когда проповѣдывалъ епископъ, все это уже измѣнилось, потому что онъ прибавляетъ: «тотъ, кто теперь держитъ эту ферму, платитъ шестнадцать фунтовъ въ годъ или больше и не можетъ сдѣлать ничего для своего государя, для себя и своихъ дѣтей или дать чарку вина бѣдному»—замѣчательный контрастъ, напоминающій намъ, что въ нарисованной нами картинѣ изображены только свѣтлыя стороны и что необходимо изобразить и тѣневыя. До извѣстной степени онѣ омрачаютъ все пятнадцатое столѣтіе, но такъ какъ главнѣйшія причины жалобъ становятся очевидными въ началѣ періода Тюдоровъ, то будетъ удобнѣе отложить разсказъ о нихъ до этого времени.

Промышленность и торговля.

Гевинса.

Численность промыслового населенія.

Грегори Кингъ вычисляетъ, что въ концѣ семнадцатаго вѣка ремесленниковъ съ семьями было 240 тысячъ, а рабочихъ и «недомашнихъ слугъ» 1,275,000 изъ всего населенія 5,500,520. Послѣдній классъ включаетъ всѣхъ получавшихъ заработную плату, но не половниковъ. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Кинга Дефое утверждаетъ, что «тѣ, кто дѣлаетъ продаваемые ими товары, хотя бы они имѣли лавки для ихъ продажи, называются ремесленниками; таковы: кузнецы, башмачники, слесаря, столяры, плотники, рѣщики, токаря и тому подобные; другіе, которые только дѣлаютъ или заставляютъ дѣлать товары, продаваемые другими, называются мануфактуристами или артистами». Ниже ихъ на соціальной лѣстницѣ стоятъ рабочіе и слуги, соотвѣтствующіе второму классу въ вышеприведенной цитатѣ изъ Кинга. «Подъ именемъ рабочаго я понимаю, говоритъ Дефое, бѣдняка поденщика, котораго мы называемъ собственно рабочимъ человѣкомъ, который работаетъ отчасти для себя, а иногда служитъ и работаетъ за плату, какъ слуга или рабочій». Кингъ дѣлаетъ вычисленіе, а Дефое дастъ свое описаніе въ такое время, когда измѣненія, начавшіяся въ пятнадцатомъ вѣкѣ, были уже значительно распространенными. Потому они не могутъ служить вполнѣ достовѣрнымъ основаніемъ для оцѣнки количества промышленныхъ классовъ въ ранній періодъ. Но распространеніе домашняго производства и ростъ торговли и промышленности въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ не настолько измѣняютъ относительную численность отдѣльныхъ классовъ общества, чтобы вычисленіе Кинга не могло доставить намъ средство дать нѣкоторое опредѣленіе тѣхъ условій, которыя существовали въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Внося различныя поправки, можно считать, что промыслового населенія было отъ пятисотъ до шестисотъ тысячъ изъ всего количества населенія въ 2,500,000 человѣкъ. Слѣдующій отчетъ о положеніи Англіи въ 1399—1486 годахъ примѣняется къ этимъ классамъ, а не къ болѣе зажиточнымъ и не къ пауперамъ и бродягамъ, которыхъ, вѣроятно, было не меньше 40,000; о положеніи женщинъ, исключительно занимающихся земледѣліемъ, тутъ упоминается только случайно.

Значеніе сочиненія Рожерса.

Изслѣдованія Торольда Рожерса представляютъ лучшее основаніе для сужденія о періодѣ между тринадцатымъ и восемнадцатымъ вѣками. Выводы его изъ отчетовъ о цѣнахъ, сдѣланные имъ съ такой замѣчательной подробностью, не всегда правильны. Но сами факты представляютъ достовѣрный отчетъ о дѣйствительно совершенныхъ сдѣлкахъ; всякій можетъ провѣрить точность его заключеній и изъ

его матеріала самъ нарисовать картину прошлаго. Свѣдѣнія Торольда Рожерса заимствованы изъ такихъ различныхъ источниковъ и данныхъ такъ много, что будущія изысканія, вѣроятно, не внесутъ существенныхъ измѣненій въ среднія данныя относительно разсматриваемаго періода. Можно замѣтить, однако, что большинство свѣдѣній относится къ округамъ къ югу отъ линіи, проведенной отъ Северна до Уаша, такъ что сомнительно, чтобы ихъ можно было признать вѣрными и относительно сѣверныхъ графствъ.

Заработная плата.

Средняя величина заработной платы искуснаго работника или ремесленника отъ 1401 до 1485 года, если типомъ этого класса принять плотника, была около $5^3/_4$ д. въ день. Въ теченіе этого періода заработная плата повысилась отъ $4^3/_4$ д. до 6 д., въ день или, переводя на современныя деньги, отъ 28 ш. 6 д. до 36 ш. въ недѣлю. Но эти подробности даютъ только смутное представленіе о дѣйствительномъ положеніи рабочаго. Къ счастію, отчетъ о цѣнахъ столь полонъ, что не представляется затрудненій для оцѣнки покупательной способности заработной платы въ каждомъ году. Очевидно, что при изслѣдованіи положенія рабочихъ классовъ въ пятнадцатомъ столѣтіи мы не можемъ руководиться среднимъ уровнемъ комфорта какого либо изъ классовъ современныхъ ремесленниковъ. Домашняя экономія и народныя привычки измѣнились такъ сильно со времени введенія машинъ, что было бы нелѣпо пользоваться рабочимъ бюджетомъ настоящаго времени. Основаніемъ нашихъ расчетовъ долженъ служить средній комфортъ класса мелкихъ промышленниковъ южнаго Стаффордшира до того времени, когда промышленность была преобразована введеніемъ машинъ. Эти люди имѣли работниковъ и учениковъ, но ихъ общественное положеніе навряд ли было выше положенія обыкновенныхъ ремесленниковъ. Они жили въ изобиліи, но не пользовались никакими предметами роскоши, которые въ силу измѣненій въ предложеніи превратились въ предметы необходимости, и ихъ житейскія привычки не измѣнялись въ теченіи многихъ лѣтъ. Для образованія яснаго представленія о положеніи промышленныхъ классовъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ необходимо рѣшить и другой трудный вопросъ—а именно о количествѣ занятій, какое могъ имѣть въ теченіе года искусный ремесленникъ. Актъ 1403 года опредѣлялъ, что ни одинъ рабочій не долженъ наниматься на недѣлю, что никакіе рабочіе: плотники, каменьщики, красильщики, живописцы, кровельщики, не должны получать платы за праздники или въ кануны праздниковъ, когда они работаютъ только до полудня, подъ страхомъ штрафа 20 ш. Но опредѣленія этого акта не вездѣ соблюдались и Торольдъ Рожерсъ даетъ многочисленные примѣры непрерывной работы въ теченіи болѣе трехсотъ дней въ году. Для безопасности, однако, слѣдуетъ принять, что въ среднемъ рабочій могъ имѣть работу только въ теченіи 260 дней.

Если мы подсчитаемъ теперь количество пищи, одежды и другихъ предметовъ, необходимыхъ въ теченіи года для рабочаго, его жены и четырехъ дѣтей, plus опредѣленная сумма на другія расходы, то окажется, что въ среднемъ рабочій могъ отъ 1401 до 1442 года покупать на 32—36% больше, чѣмъ ему было необходимо, а отъ 1443 до 1485 года на 49—53%. Говоря иными словами, искусный ремесленникъ могъ отъ 1401 до 1485 года жить комфортабельно и сберегать въ среднемъ 30 или 40 ш. въ годъ. Но годъ на годъ не приходился и беззаботные изъ ремесленниковъ могли находиться въ плохомъ положеніи въ дурные годы. Въ этомъ расчетѣ совершенно не приняты во вниманіе то прибавленіе къ рессурсамъ рабочаго, которое представляло небольшое земельное владѣніе, а также и возможные заработки другихъ членовъ семьи кромѣ ея главы. Въ этотъ періодъ движимость даже богатыхъ купцовъ была «бѣдна», и ремесленникъ, вѣроятно, могъ устроить свой домъ комфортабельно, соотвѣтственно понятіямъ того времени, за 3 или 4 фунта.

Низшіе ремесленники и простые рабочіе.

Низшіе ремесленники и большинство земледѣльческихъ рабочихъ получали на 30 или 40% меньше сравнительно съ искусстными ремесленниками; но въ теченіе этого періода замѣчается большое, пропорціонально, увеличеніе ихъ заработной платы. Очевидно, что они не могли жить такъ хорошо, какъ высшій классъ рабочихъ и не могли имѣть такихъ сбереженій. Ихъ занятіе было менѣе правильнымъ, и они должны были болѣе страдать въ дурные годы. Но мы должны принять во вниманіе, что средній комфортъ среди этого разряда рабочихъ былъ ниже, чѣмъ обычный для искусныхъ рабочихъ и что поэтому и они имѣли больше, чѣмъ необходимо для безбѣднаго существованія. Изъ многочисленныхъ данныхъ въ таблицахъ Торольда Рожерса относительно расходовъ на пищу рабочихъ, когда они нанимались съ пищей, очевидно, что и этотъ классъ жилъ хорошо и рѣшительное улучшеніе въ ихъ положеніи произошло въ теченіи пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго вѣка. Экономный рабочій могъ дѣлать сбереженія и такимъ образомъ стать самъ или поставить своихъ дѣтей на высшую ступень общественной лѣстницы безъ лишенія удобствъ или жизненныхъ необходимостей, обычныхъ въ то время. Вообще говоря, промышленные классы имѣли достаточныя средства существованія и средній уровень комфорта поднимался. Они жили въ домахъ, а не въ подвалахъ и чердакахъ, какъ живутъ теперь рабочіе въ большихъ городахъ и они, по крайней мѣрѣ, могли пользоваться свѣжимъ воздухомъ; но ихъ жилища все таки не были такъ удобны, какъ жилища обыкновенныхъ ремесленниковъ въ Іоркширѣ или Ланкаширѣ. Они страдали постоянно отъ чумы, смущавшей все искусство средневѣковыхъ медиковъ. Опасности для жизни дѣтей и взрослыхъ были гораздо большими, чѣмъ въ настоящее время. Выживали только сильные и выносливые и средняя продолжительность

жизни была меньшей, чѣмъ въ настоящее время. Но такія недостатки не были слѣдствіемъ экономическихъ причинъ и уменьшеніе или устраненіе ихъ не можетъ быть приписано дѣйствію системы конкуренціи, а улучшенію санитарнаго дѣла и развитію медицинскихъ наукъ. Останавливаясь исключительно на этихъ недостаткахъ и пренебрегая точными данными относительно заработной платы и цѣнъ, можно нарисовать жизнь рабочихъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ очень мрачными красками. Вѣроятно, было болѣе пауперовъ относительно всего населенія, но, навѣрное, было меньше бѣдности и если мы будемъ судить о пятнадцатомъ вѣкѣ на основаніи лучшаго критерія—именно на основаніи способности къ улучшеніямъ и степени возможности для промышленнаго населенія подняться выше по общественной лѣстницѣ, оно выдержитъ благопріятное для него сравненіе съ любымъ изъ періодовъ англійской исторіи.

Политика цеховъ.

Намъ слѣдуетъ теперь прослѣдить вліяніе увеличивающагося житейскаго комфорта и увеличенія скопленія капиталовъ на систему промышленности, на законодательство и на развитіе промышленности. Цехи, естественно, настаивали на извѣстномъ срокѣ пребыванія въ ученикахъ, обыкновенно семилѣтнемъ, и налагали на разбогатѣвшихъ своихъ членовъ большія повинности и другія ограниченія. Въ этой политикѣ имъ помогали и статуты, проникнутые тѣмъ же духомъ монополіи и покровительства. Подобная политика всегда преслѣдуется всѣми организованными промыслами и профессіями, какъ защита противъ конкуренціи рабочихъ, привыкшихъ къ низшему уровню житейскихъ потребностей; мы, привыкшіе съ одобреніемъ относиться къ подобнымъ же стараніямъ адвокатовъ, докторовъ, дантистовъ, учениковъ и ремесленниковъ, не имѣемъ никакого основанія обвинять въ этомъ цеховыхъ пятнадцатаго вѣка. Сомнительно, чтобы низшіе классы рабочихъ дѣйствительно страдали отъ этой политики; мы уже указывали на ростъ заработной платы и результатомъ этой политики въ Англіи было появленіе значительнаго количества фабрикантовъ, достаточно богатыхъ для того, чтобы съ успѣхомъ пережить испытанія въ шестнадцатомъ вѣкѣ, но настолько небогатыхъ, что они соприкасались съ своими рабочими; продукты ихъ производства постепенно пробили себѣ дорогу на европейскіе рынки. Актъ 1410 года опредѣлялъ, что ученикомъ въ нѣкоторыхъ промыслахъ можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ 20 ш. въ годъ въ рентѣ или въ землѣ. Лондонскіе граждане жаловались въ 1429 году, что они «сильно огорчены и обезпокоены» этимъ актомъ, ибо на основаніи лондонскаго обычая всякій «не виланъ по положенію, а свободный могъ сдѣлаться самъ или отдать своего сына или дочь въ ученики всякому свободному человѣку Сити» и «всякій свободный человѣкъ могъ принять такого ученика». Тогда былъ проведенъ актъ, давшій законодательную санкцію этому обычаю и исключающій Лондонъ изъ дѣйствія статута Генриха VI. Но

жалобы лондонскихъ гражданъ не были внушены имъ ихъ симпатіями къ земледѣльческимъ рабочимъ, которыхъ надежды на пріобрѣтеніе лучшаго положенія въ обществѣ до значительной степени уничтожались вышеупомянутымъ статутомъ.

Союзы поденщиковъ.

Утверждаютъ, что притѣсненія поденщиковъ мастерами вызвали къ существованію ассоціаціи первыхъ для защиты ихъ интересовъ. Но принявъ къ свѣдѣнію всѣ доказательства относительно такъ называемыхъ ассоціацій поденщиковъ, мы не видимъ, чтобы они имѣли какое нибудь значеніе въ промышленной системѣ пятнадцатаго вѣка. Сомнительно, чтобы онѣ имѣли какое нибудь экономическое значеніе и, конечно, онѣ не имѣли ничего общаго съ настоящими рабочими союзами, появившимися въ Англіи только въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ систематическое угнетеніе мастерами поденщиковъ недоказано. Случайные споры между мастеромъ и рабочимъ по поводу незначительныхъ вопросовъ не могутъ считаться доказательствомъ общественнаго переворота. Поденщики пятнадцатаго вѣка отнюдь не думали соединяться противъ мастеровъ. Если настаивали на соблюденіи статутовъ о рабочихъ, то попытка повысить заработную плату могла вызвать подобныя объединенія. Актъ 1425 года констатируетъ, что «ежегодными собраніями и братствами каменьщиковъ въ ихъ общихъ капитулахъ и собраніяхъ открыто нарушается и насилуется дѣйствіе статутовъ о рабочихъ, извращается законъ къ великому вреду всей общины» и «по особому требованію общинъ» всѣ лица, принимавшія участіе въ такихъ собраніяхъ, признаются преступниками (фелонами) и наказываются тюремнымъ заключеніемъ.

Статуты о рабочихъ.

Статуты о рабочихъ нѣсколько разъ подтверждались и передѣлывались при государяхъ Ланкастерскаго дома. Общее же содержаніе очень похоже на статутъ объ ученикахъ, проведенный въ царствованіе Елизаветы и кодифицировавшій тридцать четыре акта этаго рода, неуничтоженныхъ до 1563 года. Ошибочно предполагать, что актъ Елизаветы былъ первымъ, уполномочивавшимъ мировыхъ судей опредѣлять величину заработной платы. Широкія полномочія давались имъ и въ пятнадцатомъ вѣкѣ относительно регулированія заработной платы. Невозможно для насъ въ поставленныхъ нами границахъ говорить объ этомъ интересномъ рабочемъ законодательствѣ съ такой подробностью, какой оно заслуживало бы. Мы уже упомянули о законахъ относительно работы по праздникамъ и наканунѣ праздниковъ и о статьѣ акта Генриха IV относительно учениковъ. Удостовѣреніе въ томъ, что ученикъ имѣлъ требуемую собственность, предъявлялось мировому судьѣ. Новыя полномочія были даны судьямъ въ 1415 году и чрезъ два года было опредѣлено наказаніе за требованіе чрезмѣрной заработной платы. Но въ 1424 году судьи получили полномочіе налагать наказанія и на мастеровъ, если они даютъ плату выше опредѣленной въ законѣ. Изъ содержанія самихъ статутовъ очевидно, что

они рѣдко исполнялись—что вполнѣ подтверждается и отчетомъ о дѣйствительно существовавшей заработной платѣ. Но нѣкоторые работники, повидимому, подвергались непріятностямъ благодаря попыткамъ правительства и властей понизить ихъ плату. Мы уже упоминали о каменщикахъ; въ 1415 году актъ констатируетъ, что «слуги и рабочіе бѣгаютъ изъ графства въ графство, потому что статуты и указы о нихъ исполняются не во всѣхъ ширахъ.

Шерстяная промышленность.

Увеличеніе уровня комфорта и ростъ капитала въ теченіе всего этого періода вели къ развитію шерстяныхъ мануфактуръ. Что на внутреннихъ рынкахъ былъ значительный спросъ, это очевидно изъ того разнообразія шерстяныхъ тканей, о которомъ мы находимъ указанія въ сочиненіи Торольда Рожерса по поводу покупокъ и продажъ частныхъ лицъ и корпорацій. Англійское сукно вывозилось уже въ 1265 году и въ это время иностранный спросъ долженъ былъ быть довольно значительнымъ. Капиталы притекали въ эту промышленность и суконщикъ, посредникъ въ шерстяной промышленности, получилъ большое значеніе въ промышленной системѣ. При большемъ раздѣленіи труда промышленность давала занятіе чесальщикамъ, прядильщикамъ, присучальщикамъ и другимъ рабочимъ, мужчинамъ и женщинамъ, — профессіямъ, раньше неизвѣстнымъ; эти работы быстро распространились и въ деревенскихъ округахъ. Такимъ образомъ появилась система, извѣстная подъ названіемъ домашней мануфактуры, несомнѣнно имѣвшая свои выгодныя стороны, но въ концѣ концевъ приведшая къ большему злу и замедлившая прогрессъ рабочихъ классовъ. Такимъ образомъ организованная промышленность очень легко вела къ злоупотребленіямъ, извѣстнымъ въ настоящее время подъ общимъ названіемъ sweating system. Рабочіе, слабые и изолированные, съ трудомъ объединялись для защиты своихъ интересовъ. Они были вполнѣ во власти посредниковъ и ихъ занятія, зависимыя до значительной степени отъ воли или каприза одного человѣка или небольшой группы людей въ ихъ округѣ, были необезпечены и непостоянны. Уже въ царствованіе Эдуарда IV оказалось необходимымъ провести актъ противъ такъ называемой truck system (расплаты съ рабочими продуктами). Актъ опредѣляетъ, что «такъ какъ до сего времени въ суконномъ промыслѣ рабочіе вынуждены брать большую часть своей заработной платы иголками, поясами и другими ненужными имъ товарами по такой цѣнѣ, которая не превышаетъ ихъ заработную плату, а также и выдаваемая имъ для обработки шерсть не имѣла надлежащаго вѣсу, (что смущаетъ и мужчинъ и женщинъ), посему всякій суконщикъ, мужчина и женщина, должны платить чесальщикамъ, прядильщикамъ и т. п. деньгами и давать имъ шерсть надлежащаго вѣса». Книга статутовъ въ это время переполнена актами, регулирующими шерстяную промышленность; ихъ слишкомъ много, чтобы говорить

о нихъ подробно, но ихъ количество указываетъ на разнообразіе и значеніе этой промышленности.

Второстепенныя отрасли шерстяной промышленности, вѣроятно, соединялись обыкновенно съ земледѣльческими занятіями, но очевидно, что уже появился классъ рабочихъ, существованіе котораго всецѣло зависѣло отъ заработной платы. Актъ 1448 года упоминаетъ о «мужчинахъ: ткачахъ, валяльщикахъ и краспльщикахъ, и женщинахъ (websters), чесальщицахъ и прядпльщицахъ», которые не знаютъ другихъ занятій и «по необходимости ради существованія должны имѣть эти занятія». Самыя раннія наши извѣстія о заработной платѣ работницъ при домашней системѣ доказываютъ, что имъ платили очень мало. Большее разнообразіе условій, въ какихъ находилась промышленность, то обстоятельство, что многіе изъ работниковъ вербовались изъ бѣднѣйшихъ классовъ общества, который никогда не былъ дисциплинированъ цеховой системой, и отсутствіе средствъ для поддержанія болѣе высокаго уровня существованія, – все это порождало злоупотребленія, которыя были устранены въ лучшихъ организованныхъ отрасляхъ промышленности. Дѣйствительно, имѣются основанія для предположенія, что періодъ перехода отъ старой системы къ новой отличался бѣдствіями, аналогичными тѣмъ, которыя были вызваны крупными измѣненіями восемнадцатаго вѣка, хотя нѣкоторыя изъ причинъ—напримѣръ, чрезмѣрная дороговизна средствъ существованія, тяжелые налоги для французской войны и плохіе законы о бѣдныхъ, бывшіе столь тяжелыми для рабочихъ массъ—отсутствовали въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Колебанія правительства, выражавшіяся въ частыхъ измѣненіяхъ закона указываютъ, какъ трудно было регулировать быстро развивавшуюся промышленность.

Покровительство туземной промышленности.

Но въ пятнадцатомъ вѣкѣ развитіе замѣчается не въ одной только шерстяной промышленности. Каталогъ отраслей промышленности въ статутахъ Ричарда III и Эдуарда IV, покровительствуемыхъ противъ иностранной конкуренціи, указываетъ, что спросъ увеличивался и на другіе товары. Кромѣ тканей упоминаются желѣзо, горшечный товаръ, сѣдла, панцыри и разные туземные продукты. Требованія покровительства туземной промышленности, вѣроятно, появились не раньше того времени, когда англійскіе фабриканты нашли, что они могутъ конкурировать съ иностранцами не на однихъ только мѣстныхъ рынкахъ, которые до сихъ поръ они снабжали произведеніями своихъ фабрикъ. Точно также появленіе отдѣльнаго класса лавочниковъ и торговцевъ повело къ ограниченіямъ мелочного торга иностранныхъ купцовъ, что ганзеатическіе купцы признавали нарушеніемъ ихъ привиллегій.

Merchant Adventurers.

Въ числѣ другихъ признаковъ роста капитала и промышленности въ пятнадцатомъ вѣкѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ было появленіе Merchant Adventurers. Въ началѣ они были лондонской торговой ком-

пеніей, первую грамату въ качествѣ организованной ассоціаціи получили въ 1407 году и очень быстро добились богатства и вліянія. Появленіе кампаніи англійскихъ купцовъ, исключительно занимавшихся вывозомъ шерстяныхъ тканей, доказываетъ, какъ сильно увеличился иностранный спросъ на англійскія сукна со времени царствованія Эдуарда III. Въ теченіи трехсотъ лѣтъ кампанія играла важную роль въ торговой исторіи Англіи. Она сдѣлалась образцомъ для другихъ кампаній въ шестнадцатомъ и въ семнадцатомъ вѣкахъ и въ теченіи всей своей исторіи имѣетъ близкое отношеніе съ развитіемъ меркантильной системы. Она вела торговлю главнымъ образомъ съ Нидерландами, гдѣ ея рынкомъ былъ сначала Брюгге, а потомъ Антверпенъ. Уже въ описываемое нами время не было недостатка въ тѣхъ раздорахъ и несогласіяхъ съ иностранными купцами и оптовыми торговцами (Staplers), которые достигли наибольшаго развитія въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Исторію этихъ раздоровъ мы должны, однако, отложить до слѣдующей главы.

Ганзеатическіе купцы и Staplers.

Англійская иностранная торговля находилась еще главнымъ образомъ въ рукахъ оптовыхъ купцовъ, складовъ и различныхъ кампаній иностранныхъ купцовъ, какъ то, ганзеатическихъ, венеціанцевъ, флотъ которыхъ, извѣстный подъ названіемъ «Фландрскихъ галлеръ», періодически посѣщалъ Саутгамптонъ и другіе порты, и флорентійскихъ купцовъ. Въ теченіи этаго періода были проведены многіе акты парламента, регулирующіе складочную торговлю Англіи. Купцы Генуи, Венеціи, Каталоніи, Арагона и т. д. и купцы Бервика были изъяты изъ дѣйствія этихъ актовъ, ограничивавшихъ складочную торговлю однимъ городомъ Кале. Въ предыдущей главѣ мы дали общій абрисъ организаціи складовъ и намъ теперь нѣтъ надобности подробно говорить о различныхъ измѣненіяхъ въ этой организаціи въ это время, такъ какъ по существу система регулированія оставалась неизмѣнной. Было указано, что акты о складахъ съ большимъ успѣхомъ обходились купцами, для которыхъ опредѣленія актовъ были стѣснительны. При отсутствіи надлежащей системы надзора такая страна, какъ Англія, въ которой много ручейковъ и тихихъ заливовъ, представляетъ большія удобства для непозволенной торговли. Въ 1430 году были опредѣлены наказанія за несоблюденіе статутовъ о складахъ; въ другомъ актѣ того же года говорится, что «разные иностранные моряки Фландріи, Голландіи, въ разныхъ портахъ и заливахъ королевства привозятъ контробандой складочные товары». Другой актъ уничтожалъ всѣ разрѣшенія на вывозъ складочныхъ товаровъ въ другіе порты, кромѣ Кале, данные раньше купцамъ Ньюкэстля и Бервика. Въ 1432 году было опредѣлено, что за вывозъ складочныхъ товаровъ въ другіе порты, кромѣ Кале, виновный уплачиваетъ цѣну товара, за исключеніемъ шерсти, вывозимой по спеціальному разрѣшенію. Ввозить такіе товары въ заливы и рѣки и т. д. признавалось

фелоніей, но и этотъ статутъ обходили. Но его снова подтвердили съ исправленіями въ 1435 и 1439 годахъ. Актъ 1448 года жалуется на уменьшеніе пошлинъ въ Кале и на различные причины упадка складовъ. Купцы складовъ должны пользоваться всѣми прежними привилегіями и были выработаны новыя опредѣленія относительно ихъ торговли. Таковы нѣкоторыя изъ попытокъ сохранить систему контроля надъ иностранной торговлей страны, вскорѣ оказавшуюся совершенно непригодной. Дѣло въ томъ, что интересы разныхъ ассоціацій иностранныхъ купцовъ, складочныхъ купцовъ, въ числѣ которыхъ были и англичане и иностранцы, туземныхъ купцовъ, желавшихъ создать національную, находящуюся въ рукахъ самихъ англичанъ торговлю, и увеличивавшагося класса разныхъ лицъ, для которыхъ было выгоднѣе вести недозволенную торговлю, чѣмъ торговать сообразно съ признанными въ то время правилами — далеко не совпадали. Споры съ ганзеатическими купцами иллюстрировали паденіе старой системы. Ихъ постоянныя жалобы на захватъ ихъ кораблей и товаровъ, на нарушеніе ихъ привилегій и на причиняемыя этимъ серьезные убытки указываютъ, съ какой завистью смотрѣли на нихъ. Англичане съ другой стороны жаловались на неправильную торговлю, на уклоненіе отъ исполненія статутовъ и т. п.—всѣ эти обвиненія въ царствованіе Эдуарда VI повели къ уничтоженію ихъ привилегій и къ побѣдѣ англійской кампаніи Merchant Adventurers.

Трудность регулированія торговли по старой системѣ чувствовалась не только въ отношеніяхъ различныхъ кампаній купцовъ. Статуты объ Employment и статуты, регулирующіе ввозъ и вывозъ монеты и слитковъ, подвергались постояннымъ измѣненіямъ. Въ 1401 году вывозныя золото и серебро конфисковались за вычетомъ извѣстныхъ издержекъ и иностранные купцы принуждались употреблять половину привозимаго ими металла на покупку англійскихъ товаровъ. Золотая и серебряная монета Шотландіи и Фландріи «изгонялась» изъ королевства и ввозъ ея былъ воспрещенъ. Черезъ два года въ виду недостатка серебряныхъ фартинговъ и полупенсовъ было опредѣлено, чтобы третья часть ввозимаго металла чеканилась для устраненія недостатка и золотыхъ дѣлъ мастерамъ было воспрещено переплавлять полупенсы и фартинги. Другой актъ того же года опредѣлялъ, что деньги, полученныя иностранцами, купцами или частными лицами, за ввозимые товары расходывались на покупку англійскихъ товаровъ. Этотъ статутъ былъ подтвержденъ въ 1404 году и таможенные чиновники обязаны были брать съ иностранныхъ купцовъ обезпеченіе въ исполненіи этого закона. Чужестранцы обязывались продать свои товары въ теченіи четверти года, но это опредѣленіе было уничтожено въ 1405 году, потому что оно «оказалось вреднымъ какъ для короля и его королевства, такъ и для сказанныхъ иностранныхъ купцовъ». Чужестранцы не могли продавать свои товары другъ другу

Статуты объ Employment и другіе.

и имъ были назначены извѣстныя мѣста для продажи. Другіе акты въ томъ же направленіи, болѣе или менѣе стѣснительные, были проведены при Генрихахъ V и VI. Актъ 1410 года констатируетъ, что «нѣкоторые иностранные купцы въ Лондонѣ и другихъ городахъ содержатъ большіе дома и иногда привозятъ въ годъ 1000 или 2000 кусковъ тонкаго бѣлаго сукна, красятъ его сами, дѣлаютъ изъ него одежды и складываютъ ихъ въ ихъ домахъ и складываютъ тонкую шерсть, золото и серебро въ боченкахъ, и вывозятъ ихъ изъ королевства, не платя субсидіи или пошлины». Не удивительно, что такіе поступки, противные законамъ страны, возбуждали вражду противъ иностранныхъ купцовъ.

Торговые трактаты.

Однимъ изъ обычныхъ методовъ, употребляемыхъ въ теченіи этого періода, для обезпеченія рынковъ для англійскихъ товаровъ было заключеніе торговыхъ трактатовъ. Въ рѣдкіе годы не было какого нибудь международнаго соглашенія, вліявшаго въ большей или меньшей степени на англійскую торговлю; эти соглашенія доказываютъ, какъ сильно развилась и какъ далеко распространялась эта торговля. Наиболѣе важные изъ этихъ трактатовъ тѣ, которые регулируютъ торговлю между Фландріей и Англіей. Трактатъ 1467 года, одинъ изъ длиннаго ряда приведшихъ къ Magnus Intercursus (1496), представляетъ образчикъ соглашеній того времени, регулирующихъ самую важную отрасль англійской торговли. Подданные обѣихъ странъ, торговцы шерстью, кожами, провіантомъ или другими предметами, получаютъ свободный доступъ по сушѣ и по морю, свободу покупать и продавать всякіе товары, за исключеніемъ военныхъ запасовъ, съ уплатой повинностей, установленныхъ для свободной торговли между обѣими странами. Государи этихъ странъ въ случаѣ неурожая могутъ воспрещать вывозъ провіанта. Рыбаки обѣихъ странъ могутъ свободно заниматься своимъ промысломъ во всѣхъ частяхъ моря, не нуждаясь въ формальномъ разрѣшеніи или пропускѣ; если необходимость заставитъ ихъ войти въ какой либо портъ противоположнаго берега, ихъ слѣдуетъ принять дружелюбно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они уплатили обычныя пошлины, не совершали обмана и не дѣлали вреда. Затѣмъ слѣдуютъ статьи относительно нейтральныхъ кораблей и относительно пиратства—главной опасности для купцовъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Въ теченіе этого періода заключались и другіе трактаты съ Франціей, Кастиліей, Португаліей, Пруссіей, Даніей и городами Средиземнаго моря. Но вѣроятно, договаривающіяся стороны не всегда строго соблюдали условія, взятыя ими на себя, хотя эти условія очень подробны и выработаны старательно. Герцогъ Бургундскій воспретилъ продажу англійскихъ товаровъ въ Фландріи вопреки прямому обязательству дозволять свободу торговли. Иностранные корабли и товары захватывались англійскими моряками противно трактатамъ, гарантировавшимъ ихъ безопасность, и иностранцы прибѣгали къ ре-

прессаліямъ. Венеціанскіе купцы жаловались, что они не смѣютъ пользоваться разрѣшеніемъ въѣзда въ Англію, не имѣя спеціальнаго пропуска. Потому существованіе торгового договора не было еще гарантіей, что купцы могутъ безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ. Несмотря на это, все же несомнѣнно, что торговыя сношенія усилились и что большее однообразіе и одинаковость торговыхъ привилегій были результатомъ многочисленныхъ торговыхъ трактатовъ между европейскими странами. Такимъ путемъ было много сдѣлано и для общаго развитія международнаго права и въ дѣлѣ распространенія промышленности и торговли посредствомъ мирныхъ переговоровъ.

На основаніи существованія пиратства въ это время было бы ошибочно предполагать, что торговля падала. Наоборотъ, вѣроятно, что именно развитіе торговли и при этомъ недостатокъ надлежащихъ средствъ ея защиты дѣлали занятіе пиратствомъ столь выгоднымъ. Это зло не ограничивалось одними только профессіональными, если можно такъ выразиться, пиратами. Даже признанныя кампаніи купцовъ не рѣдко совершали поступки, которые нельзя назвать иначе, какъ пиратствомъ. Въ торговлѣ, дѣйствительно, царило беззаконіе и при подобныхъ условіяхъ грабежи пиратовъ не возбуждали такого страха и не смущали купцовъ въ такой степени, какъ это бываетъ при развитіи чувства законности. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ исповѣдываніе христіанства и внѣшняя респектабельность не представлялись несогласными съ жизнью насилія и грабежа, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже правительство, которое должно бы было употреблять противъ пиратовъ строжайшія мѣры, поощряло ихъ грабежи. Навѣрное, пираты никогда не пользовались такой безнаказанностью, какъ именно въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Грабежи и преступленія разнаго рода безнаказанно совершались на берегахъ и по пути купеческихъ кораблей. Ни одинъ торговецъ не былъ безопасенъ даже на рѣкахъ и въ гаваняхъ родной страны. Пираты грабили и жгли такіе значительные города, какъ Сандунчь и Саутгамптонъ; они увозили не только всѣ товары, какіе могли забрать, но и мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, которыхъ и держали до выкупа. Купцы, не получая отъ правительства защиты жизни и собственности, были вынуждены прибѣгать для своей безопасности къ собственнымъ средствамъ. Самымъ лучшимъ методомъ борьбы съ пиратами, наиболѣе часто примѣняемымъ, было для купеческихъ кораблей отправляться въ плаваніе вмѣстѣ и въ такомъ количествѣ, чтобы быть въ состояніи отразить нападеніе; правительство иногда помогало такимъ добровольнымъ усиліямъ. Въ 1406 году Генрихъ IV далъ купцамъ по 3 ш. съ каждой ввозимой бочки вина и нѣкоторую часть уплатъ въ склады для цѣлей обороны. Были назначены два адмирала, одинъ для сѣвера, другой для юга, съ полной юрисдикціей въ морскихъ дѣлахъ и полномочіями организо-

Пиратство.

вать флотъ. Но это оказалось безуспѣшнымъ. Подобный же планъ былъ принятъ въ 1453 году, но черезъ два года оставленъ. Единственнымъ удовлетворительнымъ средствомъ былъ бы сильный флотъ, но еще не было условій, необходимыхъ для его созданія. Страна еще не могла выдержать расходовъ на содержаніе сильнаго флота, хотя Генрихъ V и обращалъ большое вниманіе на постройку кораблей и построилъ въ Саутгамптонѣ три знаменитыхъ корабля—Trinity, Grace de Dieu и Holy Ghost—и Эдуардъ IV на три года возстановилъ навигаціонную политику Ричарда II, развитіе англійскаго мореходства было предоставлено усиліямъ частныхъ лицъ. Купцы начинали понимать всю важность этого дѣла и были достаточно богаты, чтобы строить корабли значительной величины; это доказывается дѣятельностью Джона Тавернера изъ Гингстона-на-Гуллѣ и знаменитаго Вилльяма Каннинга изъ Бристоля, изъ которыхъ послѣдній, какъ говорятъ, имѣлъ кораблей на 2470 тоннъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были въ 900 тоннъ.

Libelle of Englishe Polycye.

Торговыя понятія того времени прекрасно уясняются въ Libelle of Englyshe Polycye, политической поэмѣ, написанной въ концѣ 1436 г., о которой мы уже говорили выше. Авторъ, повидимому, человѣкъ знающій и сообщаетъ много интересныхъ подробностей о торговлѣ того времени. Въ поэмѣ мы встрѣчаемъ аргументы, имѣвшіе такое вліяніе на писателей шестнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ. Авторъ жалуется, что англійскіе купцы вывозятъ свои товары на иностранныхъ корабляхъ ко вреду туземныхъ корабельщиковъ и что иностранцы купцы имѣютъ въ Англіи болѣе привилегій, чѣмъ англійскіе за границей. Онъ осуждаетъ ввозъ предметовъ роскоши въ выраженіяхъ, которыя одобрили бы писатели меркантильной школы. Его аргументы относительно Ирландіи и Валиса напоминаютъ намъ о вѣкѣ, когда началось преднамѣренное подчиненіе интересовъ колоній и зависимыхъ странъ интересамъ метрополіи. Настроеніе и отчасти выраженія автора Libelle воспроизводятся въ нѣсколько позднѣйшей поэмѣ о торговой политикѣ Англіи [1]).

Городская жизнь.

Флетчера.

Дисентегрирующія вліянія.

Бросивъ послѣдній взглядъ на жизнь англійскихъ городовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, мы замѣтимъ мало дѣйствительныхъ различій между

---

[1]) Political Poems (изд. Райта—Rolls Series).

четырнадцатымъ и пятнадцатымъ вѣками. Дизентегрирующія начала, вліявшія на внутреннюю жизнь отдѣльныхъ промысловъ и гильдій, продолжали дѣйствовать и повели къ почти полному торжеству цеховъ. Новыя «хартіи инкорпораціи», которыя начали давать съ царствованія Генриха VI, ограничивали права подачи голоса при выборахъ какъ парламентскихъ, такъ и муниципальныхъ, почти исключительно свободными членами цеховъ, а цехи постепенно все болѣе и болѣе становились узкими корпораціями. Раньше они были обществами, имѣвшими задачей соединеніе въ однихъ рукахъ труда и небольшихъ капиталовъ и обезпеченіе равнаго вознагражденія всѣмъ рабочимъ одного цеха; а теперь они стремились къ тому, чтобы сдѣлаться ассоціаціями для помѣщенія капитала. Когда имъ удавалось это, положеніе рабочихъ на общественной лѣстницѣ понижалось; они утрачивали шансы сдѣлаться мастерами. Хотя конкуренція не сдѣлалась еще главной пружиной промысла вмѣсто обычая, зародыши ея уже появились, и идеи меркантилизма, приписываемыя нѣкоторыми Эдуарду IV, вѣроятно, поощряли ее.

Упадокъ Пяти Портовъ.

Начало четырнадцатаго вѣка было золотымъ вѣкомъ для Пяти Портóвъ, а начало пятнадцатаго золотымъ вѣкомъ для городовъ Норфолька. До конца парствованія Ричарда II французскій флотъ отмстилъ Винчельсею и Райю, Гастингсу и Портсмуту, даже такимъ отдаленнымъ мѣстамъ, какъ Дармутъ и Ярмутъ, за свое пораженіе при Слюи и въ битвѣ Espagnols sur mer. Положеніе дѣлъ не улучшилось при короляхъ Ланкастерскаго дома. Въ парламентѣ постоянно слышатся жалобы на «пренебреженіе охраны моря, т. е. пролива между Дувромъ и Кале и всего англійскаго пролива. Ипратовъ было много и они жгли одинъ городъ за другимъ. Были, правда, случайные взрывы энергіи. Генрихъ V въ бытность свою еще принцемъ Валійскимъ, былъ Лордомъ-Оберегателемъ пяти Портовъ и Генрихъ Пай изъ Фавершама одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ французами и испанцами въ предшествующемъ царствованіи. Генрихъ V отплылъ изъ Саутгамптона, давно бывшаго главнымъ портомъ для венеціанскихъ галеръ, съ самымъ большимъ флотомъ, когда либо снаряженнымъ средневѣковой Англіи, для завоеванія сѣверной Франціи; но царствованіе Генриха VI болѣе замѣчательно постоянными разграбленіями англійскихъ прибрежныхъ городовъ французскими эскадрами и приватерами, чѣмъ дѣятельными мѣрами защиты и возмездія. Потому то Пять Портовъ горячо поддерживали іоркскую партію уже въ 1450 году, если, конечно, возстаніе Джека Кэда можно считать іорксистскимъ. Даже графъ Варвикъ, бывшій руководителемъ морскихъ дѣлъ Англіи, не могъ защитить Сандуичъ отъ страшнаго разграбленія французами въ 1457 году.

Города Норфолька.

Несомнѣнно, однако, что если какая часть Англіи процвѣтала въ пятнадцатомъ вѣкѣ—такъ именно графство Норфолькъ. Хотя Норвичъ въ

спискахъ распредѣленія налоговъ не всегда фигурируетъ вторымъ городомъ королевства,—его неоднократно опережалъ Бристоль и одинъ разъ Іоркъ,—но онъ чаще стоитъ въ положеніи второго послѣ Лондона города Англіи, чѣмъ какой либо другое мѣсто. Покойный профессоръ Торольдъ Рожерсъ указываетъ, что обложеніе графства Норфолькъ, т. е. графства, въ которомъ было много небольшихъ городковъ съ суконной промышленностью, было больше всякаго другого графства (если изъ обложенія Мидльэссекса исключить Лондонъ). Большія церкви Норфолька относятся по большей части къ пятнадцатому вѣку. Небольшіе города, въ родѣ Айльшама и Сѣвернаго Вальшама, были знамениты каждый своей спеціальностью шерстяной мануфактуры. Небольшія старыя гавани, теперь еще болѣе, если возможно, обмѣлевшія, чѣмъ даже меньшіе изъ Пяти Портовъ, въ родѣ Лимна (до новѣйшихъ исправленій) и Уэльса, къ которому теперь ведутъ грязные полувысохшіе каналы—даже крошечныя деревушки въ родѣ Клея и Блакенея, въ сравненіи съ которыми современный Винчельсей кажется шумнымъ рыночнымъ мѣстомъ—считали свои корабли десятками, а грузы тысячами тоннъ. Существуетъ старое преданіе, будто въ Клеѣ жило такое множество купцовъ Ганзы, что для нихъ было отведено особое мѣсто на кладбищѣ; несомнѣнно, что жители Клея жаловались королю вмѣстѣ съ жителями Іорка, Лондона, Кольчестера, Ярмута, Норвича и Линна на торговцевъ-пиратовъ Висмара и Роштока, грабившимъ ихъ корабли въ открытомъ морѣ. Линнъ былъ настолько большимъ городомъ, что у него была своя факторія въ большомъ далекомъ портѣ Ганзы, въ Бергенѣ къ Швеціи. Всѣ посѣщавшіе сѣверный Норфолькъ знакомы съ блестящей церковью Ворстеда, которую видно съ большой восточной желѣзной дороги между Норвичемъ и Кромеромъ; но можетъ быть никому не приходитъ въ голову, что нитки, изъ которыхъ ткутся наши чулки, получили свое названіе отъ этого мѣстечка.

Шерстяная промышленность.

Но было бы столь же ошибочно предполагать, что шерстяная промышленность существовала только въ Норфолькѣ, какъ и предполагать, что она ведетъ свое начало только съ пятнадцатаго вѣка. Всегда слѣдуетъ помнить, что средневѣковая статистика самая недостовѣрная вещь въ мірѣ. Временныя причины: пожары, французы, голодъ, эпидеміи, постоянно лишали города ихъ значенія на нѣсколько лѣтъ—и можетъ быть они никогда послѣ уже не получили его вновь. Обыкновенно скидывали со счетовъ 6000 фун., съ «разоренныхъ городовъ и округовъ» изъ 38000 фунтовъ налоговъ, называемыхъ десятиной и пятнадцатой; и мы видимъ, что даже такіе города, какъ Ярмутъ, Линкольнъ и Кембриджъ постоянно требуютъ своей доли въ такомъ освобожденіи отъ налоговъ. Ярмутъ, можетъ быть, черезъ чуръ быстро подвергся упадку по сравненію съ его прежними соперниками и позднѣйшими союзниками, Пятью Портами; Линнъ, несомнѣн-

но, былъ важнѣйшимъ портомъ Норфолька въ теченіи пятнадцатаго вѣка,—такъ что вообще довольно трудно опредѣлить точно время процвѣтанія или упадка того или другого изъ городовъ. Можетъ быть, мы не будемъ далеко отъ истины, если резюмируемъ ихъ положеніе слѣдующимъ образомъ: 1) шерстяная промышленность распространялась. Мы можемъ привести два свидѣтельства этого: первое, крупное уменьшеніе въ сборахъ вывозной пошлины на шерсть, которое идетъ почти паралельно съ увеличеніямъ пастбищъ и уменьшеніемъ пахотныхъ полей; и второе, постоянныя старанія правительства, о которыхъ свидѣтельствуетъ статистика, удержать дѣтей земледѣльческихъ рабочихъ въ профессіи ихъ отцовъ, тогда какъ они стремились—и статуты тщетно пытались бороться противъ этого стремленія—уйти въ города и найти занятіе въ новыхъ промышленностяхъ. Рожерсъ утверждаетъ, что обезлюденіе деревенскихъ округовъ въ пользу городовъ началось со времени крестьянскаго возстанія 1381 года, если не раньше (слѣдуетъ при этомъ помнить, что одно изъ главныхъ средствъ для виллана сдѣлаться свободнымъ состояло въ его пребываніи въ теченіи года и одного дня въ привилигированномъ городѣ); онъ приводитъ въ примѣръ «искъ о вилланствѣ» противъ свободныхъ гражданъ Гравезенда, предъявленный сэромъ Симономъ Бурлеемъ, какъ одну изъ причинъ, непосредственно ускорившихъ это возстаніе.

2) Но самый этотъ притокъ въ города рабочихъ—людей, которые на первое время готовы были взять любую работу и за любую плату—естественно усилилъ дифференцированіе классовъ городскаго населенія, которое уже начиналось и о которомъ мы уже говорили выше. Потому рядомъ съ богатствомъ и роскошью крупныхъ торговцевъ, которыхъ мы имѣемъ уже право называть капиталистами, мы видимъ огромную нищету среди класса подещиковъ,—нищету, вѣроятно, даже большую, чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ, такъ какъ монастыри и другія подобныя учрежденія разорились и перестали исполнять свои благотворительныя и религіозныя обязанности, а также и цехи все болѣе и болѣе утрачивали свой прежній характеръ товариществъ.

3) Повидимому, нѣтъ основанія сомнѣваться, что шерстяная промышленность, хотя и локализированная еще до значительной степени въ восточной Англіи, распространилась уже спорадически въ значительной части всей страны. Населеніе Англіи въ началѣ пятнадцатаго вѣка, также какъ и въ началѣ шестнадцатаго, было, вѣроятно, около двухъ съ половиной милліоновъ и при этомъ, вѣроятно, отношеніе городскаго населенія къ деревенскому было какъ 1 къ 12. Но такъ какъ одинъ писатель считаетъ населеніе Лондона въ 40,000, а другой въ 130,000, то было бы неблагоразумно дѣлать какіе либо выводы изъ подобныхъ данныхъ.

И однако, чѣмъ больше роешься въ средневѣковыхъ документахъ, Ильчестеръ.

тѣмъ чаще наталкиваешься на совершенно неожиданныя свидѣтельства о промышленности и муниципальной жизни. Кто бы могъ подозрѣвать, что старая деревня Сомерсетшира, Ильчестеръ — онъ навряд ли что нибудь большее, чѣмъ деревня—лагерь на Ивелѣ или «Іеовиль Риверъ», вѣроятно, ведущій непрерывно муниципальную жизнь со времени римлянъ, въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкахъ по своему значенію считался почти равнымъ Бристолю. Онъ стоитъ на старой римской дорогѣ, называемой Foss-Way, на полдорогѣ между Батомъ и Эксетеромъ. Подобно Лондону, онъ имѣлъ свою «Чипъ» или рыночную улицу. Въ немъ было пять церквей, два большихъ креста, женскій монастырь, за стѣнами больница для прокаженныхъ, монастырь доминиканцевъ и знаменитая богадѣльня, основанная нѣкоимъ Робертомъ Веелемъ въ 1426 году. Гайманъ, давшій очень интересный отчетъ о религіозныхъ учрежденіяхъ Ильчестера въ Antiquary за сентябрь 1883 года, указываетъ, что обезпеченіе землями, данное Веелемъ госпиталю, было такъ велико и такъ быстро увеличивалось, что равнялось обезпеченію городской корпораціи. Альдермены Ильчестера, несомнѣнно, разжирѣли и такъ какъ не было повода для того, чтобы заботиться о промыслахъ, то городъ, повидимому, и не имѣлъ шерстяной промышленности, которая въ шестнадцатомъ вѣкѣ начала развиваться во многихъ городахъ восточнаго Сомерсета. Упадокъ города былъ быстрымъ и въ 1540 году Леландъ нашелъ только одну церковь, которая еще не разрушилась. Значеніе Ильчестера обусловливалось не существованіемъ какой либо отрасли промышленности, а тѣмъ, что онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ столицей провинціи и центромъ большого округа. Но такіе города, какъ Кендаль на сѣверѣ, Салисбюри и Винчестеръ на югѣ, Кольчестеръ на востокѣ, были извѣстны по спеціальнымъ шерстянымъ мануфактурамъ до царствованія Генриха VII. То обстоятельство, что Ковентри давно уже имѣлъ значеніе, какъ центръ правильной промышленности, вѣроятно доказываетъ, что въ другихъ мѣстностяхъ средней Англіи существовали шерстяныя фабрики; въ статутахъ Эдуарда IV много намековъ на различные промыслы—какъ-то чесальщиковъ, прядильщиковъ, ткачей, валяльщиковъ и стригальщиковъ. Потому можно признать, что уже тогда началось то раздѣленіе труда, которое составляетъ отличительный признакъ новаго вѣка конкуренціи.

Эпидеміи. Невозможно составить представленія о городской жизни въ пятнадцатомъ вѣкѣ не упоминая о частыхъ эпидеміяхъ и мѣстныхъ голодовкахъ, постоянно повторявшихся со времени Черной Смерти 1348 года. Въ 1400 году мы впервые слышимъ о ввозѣ хлѣба, вѣроятно на ганзеатическихъ корабляхъ, съ береговъ Балтійскаго моря. Условія жизни въ современномъ населенномъ городѣ Англіи, хотя, несомнѣнно, и «менѣе прекрасны», но, вѣроятно, болѣе здоровы—благодаря дренажу, чѣмъ въ деревенскихъ округахъ. Въ средніе вѣка

было, навѣрное, не такъ. У каждой изъ главныхъ оксфордскихъ коллегій былъ «чумный домъ» въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, куда и выселялись члены коллегіи, когда «болѣзнь» начинала свирѣпствовать подъ тѣнью башни св. Маріи. Въ 1406 году «чума, говоритъ Дентонъ въ своей «Англіи въ 15 вѣкѣ», была такъ сильна въ Лондонѣ, что Генрихъ IV предпочиталъ рискъ быть захваченнымъ на Темзѣ пиратами на пути изъ Кента въ Эссексъ, чѣмъ ѣхать по обычному пути чрезъ лондонскій мостъ. Послѣ шести сильныхъ эпидемій въ теченіи двадцати восьми мѣръ чума въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ 1477 года унесла втрое больше людей, чѣмъ имъ погибло въ гражданскихъ войнахъ въ теченіи предыдущихъ пятнадцати лѣтъ». За шесть лѣтъ до того сэръ Джонъ Пастонъ писалъ: «я боюсь, что теперь большая смертность въ Норвичѣ и въ другихъ городахъ Норфолька; увѣряю васъ, что теперь величайшая смертность, какую я видалъ въ Англіи». Въ 1485 году мы впервые слышимъ о Sweating Sickness (тифѣ), которая была обычной эпидеміей въ послѣдующіе семдесятъ лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, показная роскошь все болѣе увеличивалась. Отчетъ о блестящемъ угощеніи, предложенномъ Эдуарду IV Вилльямомъ Каннингомъ, бристольскимъ купцомъ, въ 1461 году въ его великолѣпномъ домѣ съ черепичными полами, богатыми окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, съ роскошными занавѣсами, красивые деревянные дома, и теперь еще украшающіе улицы Тьюксбюри, въ одномъ изъ которыхъ по преданію былъ въ 1471 году заколотъ кинжаломъ принцъ Эдуардъ Ланкастерскій, въ особенности блестящія постройки въ коллегіяхъ нашихъ двухъ университетовъ, обязанныя своимъ происхожденіемъ Чичелею, Вайнфлиту и Генриху Виндзорскому—все это указываетъ на эпоху, когда начали цѣнить комфортъ, по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ общества. Но, какъ говоритъ Куннингамъ, гости Каннинга, вѣроятно, спали по нѣскольку въ одной постели, а столы его были вѣроятно такіе, что мы постыдились бы ихъ поставить для школьнаго угощенія, а другой мебели было мало или совсѣмъ не было.

Въ заключеніе принять ли мрачный взглядъ Дентона, что Англія регресировала отъ смерти Эдуарда I до воцаренія Генриха VIII или болѣе оптимистическій взглядъ Рожерса, что происходило постоянное, но непрерывное увеличеніе житейскаго комфорта—это будетъ зависѣть отъ позднѣйшихъ данныхъ, какія мы будемъ имѣть. Имѣется теперь достаточно данныхъ для защиты того или другого изъ этихъ взглядовъ.

Народное здравіе.

Крейтона.

На сколько значительно историки расходятся во взглядахъ на со-

Исчезновеніе проказъ.

ціальное положеніе Англіи въ пятнадцатомъ столѣтіи, на столько же мало они сходятся во мнѣніяхъ о состояніи народнаго здравія въ теченіи этого періода. Одно только несомнѣнно—а именно, что проказа исчезла въ странѣ къ этому времени.

Въ царствованіе Генриха VI были изданы новыя хартіи двухъ наиболѣе прославившихся изъ старыхъ госпиталей для прокаженныхъ, а именно для госпиталей Дургама и Линкольна. Хартія, данная первому изъ нихъ, заключала распоряженія касательно двухъ прокаженныхъ (между тѣмъ какъ нѣкогда въ этомъ госпиталѣ содержалось шестьдесятъ человѣкъ больныхъ проказой), на случай «если таковые найдутся въ этой мѣстности»; что же касается хартіи, данной второму госпиталю, то хотя этотъ послѣдній и упраздняется, получая другое назначеніе, тѣмъ не менѣе дѣлаются распоряженія на случай поступленія прошеній отъ больныхъ проказой, при чемъ высказывается желаніе, «чтобы больные такого рода никогда больше не появлялись». Исчезновеніе проказы въ Англіи въ XV столѣтіи можетъ считаться такимъ образомъ неопровержимо доказаннымъ; а это обстоятельство, въ свою очередь, можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ того факта, что нужда, въ томъ видѣ въ какомъ она всегда проявлялась въ средніе вѣка, почти совершенно исчезла.

Не смотря на войну Алой и Бѣлой Розы, этотъ періодъ былъ для Англіи временемъ мирнаго процвѣтанія, появленія дѣльныхъ земледѣльцевъ и ихъ здоровыхъ сыновей, приличныхъ ремесленниковъ и ихъ трудолюбивыхъ учениковъ, эпохой воздвиженія изящныхъ церквей какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ,—наконецъ это было время, когда верховный судья Фортескью, сравнивая сельскія общины Англіи и Франціи, вывелъ заключеніе въ пользу первыхъ: «Они ѣдятъ въ достаточномъ количествѣ мяса и рыбы; носятъ хорошую шерстяную одежду, дома ихъ изобилуютъ теплыми одѣялами и другими шерстяными вещами; у нихъ большіе запасы хозяйственной утвари; они снабжены въ избыткѣ всѣми сельско-хозяйственными орудіями и вообще они пользуются всѣмъ, что требуется для спокойной, обезпеченной жизни, приличной ихъ общественному положенію и возможной при ихъ состояніи». Въ концѣ же этого самого столѣтія, Филиппъ Комминъ, историкъ вполнѣ компетентный во всемъ, что касается его родины—Франціи, подтверждаетъ взглядъ на контрастъ между общинами Англіи и Франціи, и въ свою очередь выводитъ заключеніе въ пользу первой, при чемъ настаиваетъ на томъ обстоятельствѣ, что гражданская война нисколько не вліяла ни на домашній покой, ни на благосостояніе народа.

По счастливой случайности сохранилось достаточно хроникъ XV ст. потому легко можно набросать точную исторію этой эпохи, считая отъ времени Эдуарда III и Ричарда II, т. е. отъ времени непосредственно предшествовавшемъ XV столѣтію, до времени Генриха VIII,

т. е. до времени, слѣдующаго за XV ст. Конецъ XIV столѣтія былъ неоспоримо несчастнымъ періодомъ въ исторіи Англіи; правленіе перваго Тюдора было не менѣе бѣдственно для народа, хотя и по другимъ причинамъ.

Виклифъ дѣлаетъ многознаменательное замѣчаніе по поводу перваго періода, а именно онъ говоритъ, что монахи перестали навѣщать жилища бѣдняковъ «благодаря вони и нечистоты»—замѣчаніе, которое можно толковать двоякимъ образомъ: а именно либо такъ, что монахи стали болѣе брезгливыми, что и было въ дѣйствительности; либо въ томъ смыслѣ, что жилища бѣдняковъ стали еще грязнѣе, чѣмъ они были до того времени, когда страшная смертность поколебала общественныя основы и деморализовала всѣ классы и сословія.

Что касается времени правленія перваго изъ Тюдоровъ, то у насъ имѣются факты доказывающіе до очевидности, что страна наводнилась бѣдняками, изгнанными изъ ихъ родовыхъ помѣстій и вынужными бродить безъ пристанища, что тюрьмы переполнялись заключенными, и между ними свирѣпствовала горячка, и что, наконецъ, въ это-то именно время пауперизмъ принялъ ужасающіе размѣры, такъ что съ этихъ поръ существованіе его въ Англіи сдѣлалось обыкновеннымъ явленіемъ. Но однако мы не имѣемъ никакого основанія переносить положеніе вещей, существовавшее до XV стол., на эту эпоху или же предполагать, что начало позднѣйшаго порядка вещей коренилось въ этомъ столѣтіи. Англія XV столѣтія съ одной стороны успѣла оправиться отъ бѣдствій предъидущей эпохи, съ другой—не успѣла еще погрузиться въ бѣдствія послѣдующихъ временъ. Даже голодъ, появленіе котораго всецѣло зависѣло въ то время отъ случайностей, только однажды, а именно въ 1438 г., достигъ размѣровъ, превосходящихъ обыкновенный мѣстный недородъ, да и то больше всего отозвался на Шотландіи и Франціи, и былъ послѣдствіемъ двухъ или нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ.

Но хотя XV столѣтіе и не отмѣчается въ лѣтописяхъ Англіи ни голодными годами, ни низкимъ уровнемъ общаго благостоянія, однако и оно не избѣгло эпидемій; при этомъ слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что въ Англіи эпидеміи были прямымъ наслѣдіемъ такъ называемой «Черной Смерти», внесенной извнѣ и повторявшейся въ теченіе XIV столѣтія отъ четырехъ до пяти разъ, при чемъ охватывалась вся страна, хотя это бѣдствіе и не достигало тѣхъ размѣровъ, какіе оно приняло при первомъ своемъ появленіи. Эти взрывы всеобщаго заболѣванія (по большей части чумнаго характера) продолжались и въ XV столѣтіи; между прочимъ, между 1405 и 1407 году свирѣпствовала эпидемія, которая, по словамъ хроникера С. Альбанса, поразила много бѣдныхъ семей, лишивъ ихъ потомства. Другая эпидемія была вызвана голодомъ 1438 года и отзывалась до 1439 г.; ей-то и дано было названіе «чумы» (pestilence); не мѣшаетъ замѣтить кстати, Эпидеміи.

что болѣзнь эта, по словамъ хроникеровъ, гораздо чаще свирѣпствовала въ государствѣ нежели обыкновенно принято это думать. (Въ Шотландіи, какъ извѣстно, голодъ повлекъ за собой сначала диссентрію 1438 г., а затѣмъ въ концѣ этого года появилась и чума, прозванна «безпощадной» —the Pestilence sans Mercy). Затѣмъ въ 1464—65 годахъ, вновь появилась эпидемія и по словамъ Кройландской хроники «тысячи гибли, какъ гибнутъ овцы подъ ножемъ». Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно осенью 1471 года, сэръ Джонъ Пастонъ пишетъ изъ окрестностей Винчестера. «Къ кому ни обратись съ разспросами, къ паломникамъ ли, проходящимъ черезъ нашу страну, или къ другимъ странникамъ, идущимъ, или ѣдущимъ изъ какой бы то ни было части нашего государства, не надѣйся услышать утѣшительную вѣсть о томъ, что хоть какое либо мѣстечко Англіи не было поражено эпидеміей» —эпидемія же эта, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, была именно чума. Спеціальное упоминаніе «*мѣстечекъ*» въ вышеприведенномъ отрывкѣ весьма многознаменательно, такъ какъ съ этого времени эпидемія локализировалась въ городахъ, при чемъ одновременно поражались лишь нѣкоторые изъ нихъ. Непрерывныя же и общія эпидеміи, появлявшіяся въ XIV столѣтіи черезъ 5—6 лѣтъ, затѣмъ въ слѣдующемъ столѣтіи черезъ 9—10 лѣтъ, вѣроятно совершенно прекратились съ эпидеміей 1464 года. «Черная смерть» какъ будто сама себя истощила, по крайней мѣрѣ что касается до всей страны; и хотя до самаго окончанія эпидеміи, т. е. до 1666 г. все еще въ деревняхъ и, вообще за городомъ, были случаи заболѣваній этого же типа, однако въ теченіе послѣднихъ 200 лѣтъ болѣзнь эта появлялась въ Англіи лишь лѣтомъ и осенью и притомъ въ наибѣднѣйшихъ кварталахъ городовъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ Лондонъ пострадалъ больше всѣхъ. Даже изъ краткихъ отчетовъ XV столѣтія видно, что въ теченіи многихъ лѣтъ эпидемія принимала въ столицѣ болѣе, или менѣе угрожающіе размѣры. Изъ числа другихъ болѣе значительныхъ городовъ Норвичъ, Экзетеръ, Іоркъ, Ньюкастль и Гулль чаще другихъ посѣщались этимъ бѣдствіемъ, при чемъ послѣдній городъ былъ абсолютно опустошенъ тремя эпидеміями, появлявшимися между 1472 и 1478 годами. Самыя же подробныя свѣдѣнія имѣются объ эпидеміи XV столѣтія въ Оксфордѣ.

По словамъ Антонія Вуда, почерпнувшимъ свои свѣдѣнія изъ реестровъ Колледжей, чума, съ большей или меньшей силой свирѣпствовала болѣе тридцати разъ въ теченіи XV столѣтія въ Оксфордѣ, такъ что занятія съ учениками должны были прекратиться, что повело къ развитію праздности и «другихъ пороковъ» среди учащейся молодежи, и вынудила многихъ вліятельныхъ лицъ совѣщаться о томъ, не перенести-ли университетъ въ другой городъ, тѣмъ болѣе что Колледжи и ученическія квартиры закрылись, потому что лучшіе изъ нихъ под-

верглись эпидеміи, благодаря которой цѣлые кварталы города были совершенно опустошены.

Войны между Ланкастерскими и Іоркскими домами, говоритъ Коммингъ, не распространили своего вліянія на жизнь сельскаго народонаселенія, задѣвъ лишь людей знатнаго происхожденія и лицъ зависящихъ отъ нихъ. Но историкъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что сраженія были кровопролитны, что были частыя передвиженія войскъ, и что, по всей вѣроятности, этими обстоятельствами и вызывалась чума, какъ оно случилось и два столѣтія спустя во время борьбы между королемъ и Парламентомъ. Судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, самый ужасный чумный періодъ въ XV столѣтіи былъ между 1464 и 1479 годахъ; 1471 годъ, осенью котораго Серъ Джонъ Пастонъ слышалъ разсказы о чумѣ, свирѣпствовавшей въ городахъ отъ всякаго прохожаго паломника или разношика, былъ годомъ битвъ при Барнетѣ и Тьюксбери. Пока рѣчь идетъ о счастливомъ положеніи сельскаго народонаселенія Англіи по сравненію съ французскимъ, мы можемъ относиться съ довѣріемъ къ словамъ Фортескью и Коммина; но разъ мы допускаемъ, что война со своими послѣдствіями,—избіеніемъ людей и лошадей и занятіемъ городовъ войсками, — неминуемо влечетъ за собой эпидеміи, то мы должны признать что и сельское населеніе, хотя бы и косвеннымъ образомъ, страдало отъ вражды своихъ правителей. Особенности вліянія эпидемій на народонаселеніе и на его благосостояніе, безъ сомнѣнія ощущаемыя въ XV столѣтіи такъ же сильно, какъ и въ позднѣйшія времена, будутъ разсмотрѣны нами при обзорѣ царствованія Генриха VIII.

Общественная жизнь.

Костюмъ женщинъ.

Безъ сомнѣнія обычаи цивилизованной страны, особенно же такой, которая, подобно Англіи, поддерживаетъ постоянныя сношенія съ народами материка, подвергаются въ теченіи столѣтія значительнымъ измѣненіямъ. Кофточка «cote-hardie» вошла впервые въ моду въ царствованіи Эдуарда III, и леди временъ Ричарда II продолжали носить ее.

Этотъ нарядъ, плотно охватывающій талью, и застегивающійся напереди, былъ весьма изященъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что пуговицы женскихъ нарядовъ того времени, играли немаловажную роль, въ чемъ мы можемъ убѣдиться при взглядѣ на изображеніе Элеоноры Корнъ, выбитомъ на медали, хранящейся въ церкви Флеминга (1391). Рукава ея платья тѣсны и достигаютъ почти до запястія, и начиная отъ плеча

до кисти руки, на каждомъ рукавѣ болѣе 63 пуговицъ. Не удивительно, что поэтъ говоритъ:

Пуговицы ея крѣпки
И изукрашены лазурью.

Обычай носить плотно облегающую одежду безъ сомнѣнія повелъ къ необходимости нѣсколько тѣсно шнуровать таліи, которыя при этомъ носились длинными, какъ и платья.

Но къ этому времени вошли въ моду жакетки, плотно охватывающія талію, иногда съ рукавами, иногда и безъ рукавовъ. Жакетки эти спускались до бедръ, края ихъ убирались мѣхомъ, а юбки шились изъ матеріи другого цвѣта. Волосы покрывались сѣткой, закрывающей всю голову. При выѣздахъ женщины иногда носили башлыки, какъ мужчины, длинные концы которыхъ обворачивались вокругъ головы. Но Good Wife изъ Бата носила шляпу.

«Я могу поклясться, что головной ея уборъ, который она носила по воскресеньямъ, стоилъ десять фунтовъ, такъ онъ былъ изященъ. Панталоны она носила пурпуроваго цвѣта и новые башмаки».

«Она ловко сидѣла на копѣ, окутанная въ длинную вуаль; но головѣ она носила широкую шляпу; мантія покрывала ее, а ноги были вооружены острыми шпорами».

Но ея нарядъ не могъ считаться фешенебельнымъ, такъ какъ она носила *длинную* вуаль, вышедшую на время изъ моды.

Женскіе наряды мало измѣнялись до 1420 года, когда рукава кофтъ начали носиться короткими, лишь до локтя и безъ пуговицъ. Знатныя леди стали носить платья съ короткими тальями, и широкими рукавами, похожими на рукава рясы, и четыреугольные воротнички, спадавшіе на плечи. Въ это-же самое время вошла въ моду странная прическа, а именно: головная сѣтка носилась широкая, а волосы взбивались по обѣ стороны пышными начесами, которые дѣлались все выше, и выше, такъ что походили на рога, вслѣдствіе чего и весь головной уборъ получилъ названіе «рогатой куафюры». Лидгэтъ раскритиковалъ эту прическу въ своей: «пѣснѣ о женскихъ рогахъ». Вотъ что онъ говоритъ:

Головной уборъ.

«Ученые, авторитетные люди говорятъ, что природа снабдила рогами звѣрей какъ орудіями защиты; упорство же и настойчивость— качества совершенно противоположныя жепственности. Но своевольныя женщины, несдержанныя и вспыльчивыя какъ тигры, желая вселять страхъ, пренебрегли совѣстью. Не слушай внушеній гордости, отбрось роги»!

На верху, въ самомъ центрѣ, между рогами иногда помѣщалась подушечка, ня которую женщины знатнаго происхожденія прикрѣпляли маленькую корону. Этотъ головной уборъ все болѣе утрировался, но наконецъ, въ царствованіи Эдуарда IV, онъ былъ замѣненъ вы-

сокой шапочкой въ видѣ башни, или бабочкой, при чемъ въ обоихъ случаяхъ надѣвалась вуаль, до того длинная, что ее приходилось перекидывать черезъ руку для того, чтобы она не волочилась по землѣ. «Бабочка» была ничто иное, какъ видоизмѣненіе шапочки; названіе же свое этотъ головной уборъ получилъ отъ двухъ украшеній, имѣющихъ видъ крыльевъ и расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ головнаго убора. По медали съ изображеніемъ леди Сэ, выбитой въ 1473 г. и хранящейся въ церкви Броксборна, мы можемъ составить себѣ понятіе объ этомъ головномъ уборѣ. Онъ нѣсколько напоминаетъ головные уборы нормандскихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, или же бельгійскихъ сестеръ милосердія (beguine).

Волосы зачесывались гладко вверхъ, такъ что ихъ вовсе не было видно изъ подъ шапки.

Платья которыя носили въ то время леди, плотно охватывали талію, шнуровались, были низко вырѣзаны у шеи, для того чтобы видна была цѣпочка, которую носили обязательно на шеѣ, на пальцахъ носили кольца. Носили также кушаки и такой объемистый тренъ, что его приходилось перебрасывать черезъ руку.

Хозяйка дома

Въ XV вѣкѣ женщина занимала извѣстное положеніе въ обществѣ. Она была хозяйкой дома и не пренебрегла наблюденіемъ за своимъ хозяйствомъ; въ отсутствіи супруга она играла роль chatelaine, въ чемъ мы легко можемъ убѣдиться, прочтя слѣдующій отрывокъ изъ письма Маргариты Пастонъ къ ея супругу Джону Пастону (1449 г.).

«Глубокочтимый мною супругъ! Привѣтствую васъ и прошу пріобрѣсть нѣсколько самострѣловъ и пружинъ для тетивы, а также ружейныхъ замковъ, такъ какъ запасъ вашъ почти совершенно истощился, между тѣмъ какъ мы никогда еще такъ сильно не нуждались въ этихъ вещахъ. Я полагаю, что вы могли бы достать все необходимое у сэра Джона Фальстольфа, если бы пожелали обратиться къ нему. Я желала бы также, чтобы вы пріобрѣли короткіе (ij или ij) болты и засовы для дверей».

«Партридчъ (Partrychs) и его приверженцы до того боятся, чтобы вы не застигли ихъ въ расплохъ, что, какъ мнѣ сообщили, они сдѣлали большія приготовленія въ домѣ: укрѣпили двери продольными и поперечными болтами, устроили бойницы во всѣхъ частяхъ дома, гдѣ возможно стрѣлять какъ изъ самострѣловъ, такъ равно и изъ ружей; прорѣзали много отверстій почти у самаго пола для ружей. Не имѣя самострѣловъ, невозможно стрѣлять въ нихъ».

Но госпожа Пастонъ истая женщина, а потому не ограничивается вышесказаннымъ, а даетъ своему супругу кое какія порученія:

«Я бы попросила васъ купить для меня одинъ фунтъ миндалю и одинъ фунтъ сахару, а также матеріи на платье вашему ребенку; послѣднюю вы можете купить по болѣе дешевой цѣнѣ и лучшаго качества у женщины Хансъ (Hayis); такъ по крайней мѣрѣ мнѣ гово-

рили. А затѣмъ я прошу васъ купить вышитой черной матеріи для меня на башлыкъ xliiijd или iiijs ярдовъ, такъ какъ здѣсь нельзя достать ни хорошей матеріи, ни хорошихъ вышивокъ. Что же касается до платья для ребенка, если у меня будетъ матеріалъ, то я велю сшить его дома.

И такъ, изъ вышеприведеннаго отрывка мы видимъ, что въ тѣ времена супруги жили дружно и согласно, не менѣе чѣмъ живутъ въ наше время: жена заботилась о своемъ хозяйствѣ, а также о карманѣ своего супруга, что видно изъ того, что она собиралась шить дома платье для ребенка, если у нея будетъ необходимый матеріалъ. По меньшаго и нельзя было ожидать отъ женщины, которая въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ къ супругу даетъ ему слѣдующій совѣтъ:

«Прошу васъ, будьте умѣрены въ употребленіи мяса и напитковъ, такъ какъ діэта есть наивѣрнѣйшее средство для сохраненія здоровья».

Жена раздѣляла трапезу своего мужа, сидѣла возлѣ него послѣ обѣда, дѣлила съ нимъ его досугъ, когда онъ былъ дома, въ его-же отсутствіе принимала его гостей. Дѣла у нея было достаточно, такъ какъ на ея обязанности лежало управленіе всѣмъ домомъ; кромѣ того въ кругъ ея обязанностей входилъ и присмотръ за сѣнными дѣвушками, которыя набирались изъ хорошихъ семей и которыхъ она обучала домашнему хозяйству; дѣвушки же держались на ровной ногѣ съ членами семьи. Онѣ вмѣстѣ пряли, ткали, расчесывали ленъ, шили и вышивали. Кромѣ того были птички и бѣлки, о которыхъ надо было заботиться, чистить ихъ клѣтки и кормить ихъ; были и часы, назначенные для музыки и для бесѣдъ. Женщины танцовали, играли въ шашки и въ веревочку, слѣдили за литературой, т. е. читали вновь появляющіеся романы, плели вѣнки изъ цвѣтовъ своего сада. Садъ игралъ видную роль въ сельской жизни того времени, въ чемъ мы можемъ убѣдиться изъ нижеслѣдующаго отрывка разсказа Чосера (Chaucer's Frankelyns Tale») о томъ, какъ друзья Доригены старались разсѣять ея меланхолію.

«Когда друзья убѣдились, что пребываніе на берегу моря не успокаиваетъ, а, напротивъ, растраиваетъ ее, они постарались развлечь ее другимъ образомъ; они располагались съ ней на берегахъ рѣкъ или у цѣлебныхъ источниковъ, и вообще въ разныхъ пріятныхъ мѣстностяхъ. Они устраивали танцы, играли въ шашки и карты. Такъ однажды рано утромъ они собрались въ саду, куда отправили съѣстные припасы, собираясь провести тамъ цѣлый день и устроить тамъ игры. Случилось это 6-го мая, утромъ; цвѣты и листья распускались и садъ разукрасился нѣжнѣйшими тонами; руки же человѣческія такъ необыкновенно разукрасили этотъ садъ, что поистинѣ его ни съ чѣмъ сравнить нельзя было, развѣ съ земнымъ раемъ. Аро-

матъ цвѣтовъ, свѣжесть зелени, прелесть сада—могли бы разсѣять всякую тоску, исцѣлить всякую болѣзнь; развѣ ужъ слишкомъ тяжелая болѣзнь, или горе не поддавались дѣйствію этого чуднаго сада».

Хорошее описаніе сада этого времени, мы находимъ въ поэмѣ «The Squyr of Lowe Degre», и повидимому этотъ садъ былъ въ тоже время и птичникомъ.

«Когда я вышелъ въ садъ, то глазамъ моимъ представилась чудная, тонущая въ зелени бесѣдка. Посреди бесѣдки возвышалось дерево, съ красотой котораго ничто въ свѣтѣ сравниться не могло. Это былъ кипарисъ [1]), первое изъ деревьевъ, выбранныхъ Іисусомъ. Тутъ же росли и другія, нѣжныя деревья и цвѣты—красная роза, и лилія, букъ, береза, лавръ, финиковая пальма и рябина съ ея кистями висящими до земли, и кленъ, и ель, и тополь, и платанъ, съ его толстыми вѣтвями, изъ которыхъ нѣкоторыя проникали въ бесѣдку, другія украшали ее снаружи.

«На каждой вѣткѣ сидѣли птицы, распѣвающія свои чудныя мелодіи; здѣсь были соловьи и снигири, и дятлы, сороки и попугаи; здѣсь горлицы ворковали днемъ и ночью, свистали скворцы и дрозды, а ласточки перерѣзывали воздухъ во всѣ стороны. Радовалась веселая пѣсенка жаворонка, между тѣмъ какъ воробей старался перекричать его; вдругъ раздовались звуки дубоноса, вьюрка, чижа, чернаго дрозда и многихъ другихъ птицъ».

Изъ дома женщины выходили свободно, не избѣгая общества мужчинъ; онѣ любили собирать полевые цвѣты, въ хорошую погоду устраивали пикники, брали съ собой хлѣба, вина, рыбы и главное пастетъ изъ голубей, и пировали на зеленой травкѣ. Онѣ ѣздили верхомъ, участвовали въ псовой и соколиной охотѣ, охотились на кроликовъ. Турниры не могли состояться безъ ихъ присутствія; мало того, благодаря рыцарскому взгляду на женщинъ, имъ нерѣдко давался орденъ подвязки. Имъ оказывалось глубочайшее почтеніе, и Мелюзина говоритъ своимъ сестрамъ о Раймондѣ, не оказавшаго имъ должнаго вниманія.

«Клянусь честью, человѣкъ только что проѣхавшій мимо насъ, имѣетъ видъ джентельмэна, а между тѣмъ поступилъ какъ холопъ, не поклонившись женщинамъ, мимо которыхъ проѣхалъ».

Воспитаніе дѣвушекъ.

Изъ поэмы изданной приблизительно въ 1430 г. подъ заглавіемъ: «Какъ хорошая женщина воспитываетъ свою дочь», мы ясно видимъ какимъ правиламъ хорошее общество предписывало подчиняться при воспитаніи дѣвушекъ; здѣсь точно указывались какимъ образомъ сдѣ-

[1]) По преданію Крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ, былъ сколоченъ изъ трехъ различныхъ деревьевъ, въ томъ числѣ и изъ кипариса.

лать ихъ пригодными для жизни, какъ выдавать ихъ замужъ, какіе совѣты давать имъ для будущей семейной жизни.

Въ дѣвушкѣ слѣдовало развивать любовь къ Богу, она должна была посѣщать церковь, не взирая даже на дождь, охотно давать милостыню, и въ церкви молиться, а не болтать. Нечего говорить о томъ, что она обязана была вѣжливо обращаться со всѣми, когда же наступитъ время выходить замужъ, то она должна была руководствоваться слѣдующими совѣтами:

«Если бы мужчина началъ за тобой ухаживать, и пожелалъ бы свататься къ тебѣ, не оказывай ему пренебреженія, кто бы онъ ни былъ, но познакомь его съ твоими друзьями, такъ какъ не годится быть скрытной въ такихъ случаяхъ; не сиди съ нимъ, и не стой возлѣ него, чтобы не подавать повода къ злымъ толкамъ, такъ какъ огласка можетъ повредить тебѣ, мое дорогое дитя».

Она обязана была любить своего мужа, отвѣчать ему кротко, чтобы и онъ любилъ ее; она должна была пріобрѣсть хорошія манеры, не быть грубой, не смѣяться громко. «Смѣяться тихо и мягко,— поведеніе ея внѣ дома тоже подчинялось извѣстнымъ правиламъ.

«Не ходи слишкомъ скоро по улицамъ, не мотай головой, не пожимай плечами, не говори слишкомъ много; не употребляй грубыхъ словъ, и помни, что всѣ эти манеры свойственны лишь лицамъ низкаго происхожденія».

Пить она должна была умѣренно, хотя, повидимому, смотрѣли снисходительно на такое нарушеніе скромности, на случай если бы искушеніе было слишкомъ велико. «Потому что, если бы ты часто была въ нетрезвомъ состояніи, то это было бы постыдно». Въ обращеніи съ мужчинами она должна была быть осмотрительной и отнюдь не принимать подарковъ.

Она должна была наблюдать, чтобы слуги ея работали и самой работать съ ними. Если бы случилось сдѣлать промахъ по хозяйству, то его слѣдовало исправить тотчасъ-же. Ключи она должна была держать при себѣ, быть осмотрительной въ выборѣ лицъ, которымъ оказываетъ довѣріе. Съ дѣтьми ей совѣтывали обращаться слѣдующимъ образомъ:

«А если бы дѣти твои были непокорны, и не хотѣли повиноваться тебѣ, или бы совершили проступокъ, не кляни ихъ и не ругай, а возьми тонкую розгу и бей ихъ до тѣхъ поръ, пока они не повинятся и не признаютъ своей вины».

Если прибавить къ этому, что она должна была быть благодѣтельницей окружающихъ, лечить ихъ въ случаѣ болѣзни, то у насъ составится представленіе о томъ, какова была домашняя жизнь женщинъ того времени.

Поэма «Какъ мудрый мужъ воспитывалъ своего сына» можетъ служить параллелью къ предъидущей; она содержитъ весьма полезныя

наставленія, которыя могли бы быть пригодными и въ наше время, какъ видно изъ слѣдующаго отрывка, содержащаго совѣты о вступленія въ бракъ:

Если ты пожелаешь жениться, не руководствуйся расчетомъ; собери свѣдѣнія объ образѣ ея жизни, и совѣтую тебѣ, постарайся выбрать супругу кроткую, тихую, вѣжливую и мудрую. Если бы оказалось что она бѣдна, то не обращай на это вниманія, такъ какъ она можетъ, при случаѣ, оказать тебѣ больше услугъ, нежели богатая жена.

«Пріятнѣе ѣсть скромные, домашніе блюда покойно и мирно, чѣмъ имѣть за столомъ сотни блюдъ, приправленныхъ воркотней и отсутствіемъ заботливости. А потому запомни мудрое правило: не женись изъ-за богатства, хотя бы невѣста твоя принесла въ приданное помѣстія и деньги».

Въ лѣтописи Harl MS. 5,086, писанной въ 1475 г. начертаны всѣ правила поведенія эсквайра. Начинаются эти правила совѣтомъ «babee» (такъ называютъ во всей рукописи эсквайра) говорить: «Богъ помочь!» при входѣ въ комнату отца; затѣмъ, поклонившись присутствующимъ, стать передъ нимъ на колѣни. Онъ не долженъ былъ садиться, пока ему не разрѣшатъ, долженъ былъ стоять покойно, не чесаться и не опираться ни обо что. Онъ обязанъ былъ уступать свое мѣсто, старшимъ, молчать и исполнять всякое приказаніе.

Въ полдень во время обѣда, онъ обязанъ былъ принести чистой воды для своего отца, чтобы онъ могъ помыть руки, подать ему полотенце и не отходить, пока отецъ не помоетъ рукъ и пока не будетъ прочтена предобѣденная молитва. Хлѣбъ свой онъ долженъ разрѣзать на деревянной тарелкѣ, а не ломать его и супъ ѣсть ложкой, а не пить его, во время ѣды онъ не долженъ былъ набивать рта; прежде чѣмъ пить, онъ долженъ былъ вытирать губы; ни въ какомъ случаѣ не вмакивать мяса въ солонку, или держать вилку во рту.

Онъ обязанъ былъ пробовать всякое блюдо, которое ему подадутъ, имѣть чистый ножъ и чистую деревянную тарелку для сыра.

По окончаніи обѣда, онъ обязанъ былъ почистить ножъ и отложить въ сторону. вымыть руки, и тогда лишь ему разрѣшалось подойти къ столу своего отца.

«Стойте тутъ, не сходите съ мѣста, пока не будетъ прочтена благодарственная молитва, а тогда пусть нѣкоторые изъ васъ идутъ принести воды, другіе пусть держатъ полотенце, остальные пусть льютъ отцу воду на руки.

Чосеръ въ нѣсколькихъ словахъ набрасываетъ портретъ эсквайра

„Онъ былъ вѣжливъ, любезенъ, услужливъ,
И за столомъ разрѣзывалъ мясо для своего отца“.

Мальчиковъ воспитывали либо въ привилегированныхъ пансіонахъ.

Воспитаніе мальчиковъ.

либо нанимали для нихъ учителей, которые ходили на домъ. Кромѣ того существовали каѳедральныя и монастырскія школы, такъ называемыя грамматическія школы (grammar schools) и до 1485 года ихъ было много въ странѣ, въ чемъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ нижеслѣдующій перечень лучшихъ изъ нихъ: въ Дербп, въ С. Альбансѣ, въ Бюри С. Эдмундъ, въ Тетфордѣ, въ Норталлертонѣ, двѣ школы въ Экзетерѣ, школа въ Мельтонѣ Моубрэ, Винчестерскій колледжъ въ Герефордѣ, въ Wotton under-Edge, въ Пенритѣ, въ Освестри, въ Севенокскѣ, въ Гейгамъ Феррерсъ, въ Евельмѣ, Этонскій колледжъ, Лондонское коммерческое училище, школы въ Чичестерѣ, Ипсвичѣ и Вэнфлитѣ; въ слѣдующемъ же столѣтіи число школъ приблизительно увеличилось въ четыре раза.

Приводимъ отрывокъ изъ письма ученика Этонской школы, Вилльяма Пастона, къ «высокочтимому и обожаемому брату» Джону, отъ 23 февраля 1479 года.

«Симъ извѣщаю васъ, что я получилъ ваше письмо, съ приложеніемъ viidj^{d} [1]), на каковыя деньги я долженъ былъ купить себѣ пару туфель. Кромѣ того увѣдомляю васъ, что деньги переданныя вами, черезъ джентельмэна, по имени Ѳома Ньютонъ, а именно xiij^{s} iiij^{d}, въ уплату за мое содержаніе были вручены моему хозяину, а также и долгъ мой уплаченъ моему кредитору, Мру Ѳомѣ Стевенсону, который сердечно благодаритъ васъ. Вы меня увѣдомили въ письмѣ объ отправкѣ xij ф. Фигъ и viij ф. винограда. Я ихъ не получилъ, но не сомнѣваюсь что вскорѣ получу, такъ какъ Альведеръ (Alvedyr) сказалъ мнѣ, что они были отправлены на другомъ суднѣ. Что же касается молодой барышни, то я разскажу вамъ какимъ образомъ я съ ней познакомился; отецъ ея умеръ; у нея двѣ сестры, изъ которыхъ старшая засватана; я былъ на обрученіи съ моимъ хозяиномъ, такъ какъ меня пригласилъ самъ женихъ, Вилльямъ Сванъ, живущій въ Этонѣ».

Остальная часть письма посвящена описанію возлюбленной, ея положенія въ свѣтѣ и ея надеждъ, и нѣкоторымъ латинскимъ стихамъ собственнаго сочиненія.

Что касается дисциплины, соблюдаемой въ Этонѣ, то о ней намъ дастъ понятіе Туссеръ, который, какъ видно, сохранилъ живое воспоминаніе о наказаніи постигшемъ его.

«Изъ школы Св. Павла меня перевели въ Этонъ, гдѣ я долженъ былъ изучать латинскія фразы; тутъ же я тотчасъ получилъ пятьдесятъ три удара за малый проступокъ, или, вѣрнѣе, безъ всякой вины, Смилуйся, Удалль [2]), надъ бѣднымъ мальчикомъ.

---

[1]) Стоимость денегъ была въ 15 разъ больше, чѣмъ теперь.

[2]) Завѣдующій Этонскимъ колледжемъ съ 1534—1641 г. „Біографія автора“ раздѣленная на „пятьсотъ пунктовъ о хорошей брачной жизни“

Нѣкій Вальтеръ Пастонъ пишетъ изъ Оксфорда, 30 іюня 1479 г. и сообщаетъ о томъ, что онъ получилъ степень бакалавра.

«Извѣщаю васъ, если васъ интересуетъ это извѣстіе, что я получилъ степень бакалавра. Случилось это въ пятницу, 17-го, а въ понедѣльникъ я отпраздновалъ это событіе. Леди Гаркуръ и еще одинъ человѣкъ обѣщали прислать мнѣ къ пиру дичи; но оба меня обманули. Но мои гости удовольствовались тѣмъ мясомъ, которое у меня было.

Наряды мужчинъ много разъ мѣнялись въ теченіе этого столѣтія, и роскошь достигла такихъ размѣровъ, что парламентъ нашелъ нужнымъ издать законы противъ роскоши, раздѣленные на семь отдѣльныхъ актовъ. Мужской костюмъ.

Глава VIII трактуетъ о содержаніи и объ одеждѣ слугъ. Платья мужчинъ должны были изготовляться изъ матеріи не дороже двухъ марокъ за штуку, женщинамъ дозволялось носить вуали, цѣна которыхъ не превышала бы Xii*d* за вуаль. Глава IX предписываетъ ремесленникамъ и земледѣльцамъ носить платья безъ украшеній, строго запрещая носить какія бы то ни было драгоцѣнные камни; жены же ихъ не имѣли права носить шелковыя вуали, а также мѣха, за исключеніемъ овчинъ, козьяго, кошачаго или лисьяго мѣха. Глава X посвящена джентельменамъ, не имѣющихъ рыцарскаго званія, и эсквайрамъ. Первые не имѣютъ права убирать свои платья мѣхомъ, или носить драгоцѣнныя вещи; но эсквайры, годовой поземельный доходъ которыхъ достигалъ двухъ сотъ марокъ, имѣли право носить платья изъ шелковой матеріи, ленты, кушаки и другіе наряды, умѣренно убранные серебромъ. Жены же ихъ, дочери и другія дѣти пользовались правомъ носить мѣха, лишь бы не горностаевые; драгоцѣнными камнями могли убирать лишь головы. Глава XI поясняетъ, что купцы, горожане и бюргеры, пользующіеся ежегоднымъ доходомъ въ 100 ф., а также ихъ жены и дѣти, имѣютъ право носить такую же одежду, какую носятъ знатные люди, ежегодный поземельный доходъ которыхъ достигаетъ 100 ф. Глава XII запрещаетъ рыцарямъ землевладѣльцамъ, годовой доходъ которыхъ достигалъ 200 ф, носить парчевую одежду или дорогіе мѣха, какъ напр. куній и горностаевый. Глава XII регулируетъ одежду клерковъ; а XIV—одежду пахарей и другихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, «которые не должны носить какую либо одежду, кромѣ сдѣланной изъ чернаго или бураго сукна, цѣною въ 12 пенсовъ; кушаки же ихъ должны быть изъ полотна, сообразно съ ихъ состояніемъ». Натурально, законы эти ознаменовались скорѣй нарушеніемъ ихъ, чѣмъ исполненіемъ.

Во времена Ричарда II роскошь въ одеждѣ значительно усилилась: начали носить болѣе длинные рукава, да и все платье шилось все длиннѣе, и длиннѣе, такъ что наконецъ они стали волочиться по землѣ; края вырѣзывались въ видѣ листьевъ или же другимъ фантастиче- Роскошь одежды.

скимъ образомъ, и Чосеръ не даромъ осмѣиваетъ безумную моду этихъ временъ, въ своей проповѣди противъ гордости (lecture of the pride).

«Я считаю грѣхомъ нынѣшнюю излишнюю роскошь въ нарядахъ, такъ дорого отзывающуюся на бѣдномъ народѣ. Такъ дорого стоятъ эти вышивки, оборки, кружева, вырѣзки, тканыя, плетеныя или крученыя украшенія и тому подобныя выдумки тщеславія, и еще дороже разныя легкіе мѣха на платье, разныя прорѣзы дырочекъ, разныя вырѣзки ножницами, все это соединенное съ чрезмѣрной длиной одежды, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ—одежды, волочащихся по песку и грязи, ѣдутъ ли люди на лошади или идутъ пѣшкомъ». Примѣромъ излишествъ въ одеждахъ въ эту эпоху можетъ служить сэръ Джонъ Арундель, утонувшій въ 1379 году; утверждаетъ, что у него было 52 новыхъ перемѣны одеждъ изъ парчи и тканей, такъ что его костюмъ по роскоши былъ лучше костюмъ любого короля. Послѣднее, впрочемъ, сомнительно, если повѣрить разсказу, что у Ричарда II было одно платье изъ парчи съ драгоцѣнными камнями, стоившее 30 т. марокъ. Въ это царствованіе появилась странная мода носить сапоги съ длинными носками—длина ихъ иногда доходила до того, что они прикрѣплялись на колѣняхъ золотыми или серебряными цѣпями.

Этотъ странный обычай носить обувь съ длинными носками, держался долгое время, въ чемъ мы можемъ убѣдиться изъ Парламентскаго акта объ одеждѣ (3 Ed. III cap. 5): ни одинъ дворянинъ, за исключеніемъ лордовъ, будь это эсквайръ, джентельменъ или другого званія лицо, не долженъ употреблять или носить послѣ праздника Св. Петра, башмаки или сапоги съ носками, длина которыхъ превышала бы два вершка (twoinches) подъ страхомъ наложенія штрафа въ пользу короля, въ размѣрѣ трехъ шиллинговъ и четырехъ пенсовъ. А если бы вопреки указу послѣ вышесказаннаго праздника Св. Петра, какой либо башмачникъ пошилъ сапоги или башмаки съ длинными носками, кому либо изъ вышеназванныхъ лицъ, то и онъ подлежитъ штрафу за каждую пару въ размѣрѣ четырехъ шиллинговъ и четырехъ пенсовъ, въ пользу короля.

Чосеръ рисуетъ намъ вѣрную картину того, какъ одѣвались въ это время лица различнаго состоянія. Бѣдный дворянинъ ѣздилъ верхомъ въ загрязнившейся отъ долгаго употребленія бумазейной одеждѣ, но эсквайры были разборчивѣе.

„Расшито было его платье, точно лугъ
„Усѣянный бѣлыми и красными цвѣтами
„Платье онъ носилъ короткое, съ длинными
„Широкими, расшитыми рукавами“.

Мелкій землевладѣлецъ (jeoman).

„Носилъ зеленое платье и шапку съ павлиньими перьями
„У кушака висѣли стрѣлы

„На рукѣ у него былъ щитъ,
„На боку съ одной страны сабля, и пряжка,
„Съ другой кинжалъ
„Хорошо наостренный;
„На груди онъ носилъ серебряную икону Св. Христофора.
„И рожокъ онъ бралъ съ собой; кушакъ былъ зеленый.

Купцы одѣвались скромно, носили смѣшанную одежду.

„На головѣ Фландрская шляпа
„Сапоги тѣсно охватывали его ноги".

Болѣе состоятельные люди носили болѣе яркое платье.

„У кушака его, бѣлаго какъ молоко,
„Висѣли кинжалъ и шелковый кошелекъ.

Мельники носили сабли и пряжки на боку, и о нхъ нарядахъ говорится кратко: «онъ носилъ бѣлую одежу и синюю шапку».

Духовныя лица:

„Носили длинное, синее платье
„А на боку висѣлъ у нихъ ржавый клинокъ.

Что касается «Sompnour» то мы имѣемъ свѣдѣнія лишь объ его головномъ уборѣ:

„Онъ носилъ на головѣ огромнаго размѣра вѣнокъ [1])
„Похожій на вывѣску пивной".

Въ царствованіи Генриха IV начали носить оригинальный нарядъ, съ широчайшими рукавами, висѣвшими до земли и фантастично разукрашеными мѣхомъ; даже слуги носили этотъ костюмъ, что приводило Оклева (Occleve) въ негодованіе:

„Страна наша не нуждается теперь въ метлахъ
„для подметанія уличной грязи, такъ какъ
„рукава могутъ служить даровыми метлами,
„метущими улицы и въ сухое и въ дождливое время".

Въ 1412 г., когда принцъ Іэльскій посѣтилъ своего отца, Генриха IV, на немъ былъ весьма странный костюмъ. Сшитъ онъ былъ изъ голубаго атласа, и на немъ было много петель, при чемъ у каждой петли висѣла иголка съ шелковой ниткой.

Впрочемъ какъ во время его царствованія, такъ равно и царствованія его отца наряды мужчинъ стали гораздо скромнѣе, по сравненію съ тѣми нарядами, которые носились во времена Ричарда II или

[1]) Еще и теперь два или три цеха въ Лондонѣ, въ Сити, сохранили обычай надѣвать на голову вѣнки во время праздниковъ; вѣнокъ-же, о которомъ выше идетъ рѣчь былъ, по видимому, безобразно великъ, если могъ поспорить съ вывѣской.

Генриха VI, когда вновь стали утрпровать. Въ это царствованіе носили оригинальный головной уборъ, состоящій изъ толстаго куска матеріи, обвороченнаго вокругъ головы, на подобіе тюрбана, съ длинной полосой матеріи, которая прикрѣплялась къ кушаку, такъ что шляпу эту можно было отбрасывать черезъ плечо. До этого носились шляпы съ длинными висящими лентами. Затѣмъ стали носить высокія шляпы, почти безъ краевъ и съ однимъ перомъ.

Шляпы

Панталоны носились тѣсно облегающіе, а сюртуки до того короткіе, что въ 1463 году былъ изданъ указъ, въ силу котораго облагался штрафомъ въ двадцать шиллинговъ всякій, кто носитъ платье, не достигающее извѣстной длины. Этотъ же самый указъ налагалъ штрафъ въ шесть шиллинговъ, восемь пенсовъ на всякаго, кто носитъ подушечки, набитыя шерстью или хлопчатой бумагой подъ подкладкой платья. Волосы завивались и носились длинными.

Костюмъ этого періода, взятый въ цѣломъ, былъ живописенъ и давалъ просторъ фантазіи.

Вооруженіе стало разнобразнѣе послѣ времени описаннаго нами, когда только что начали носить панцырь. Этотъ-же періодъ Чосеръ описываетъ слѣдующимъ образомъ въ своей «Пѣснѣ Сэрѣ Тонаса».

Вооруженіе.

«Онъ носилъ бѣлые, кожаные, лакированные штаны и рубашку, а сверхъ рубашки куртку, а сверхъ куртки нагрудникъ для защиты своей груди; а сверхъ нагрудника кольчугу, изготовленную весьма прочно евреями. Сверхъ всего этого онъ носилъ вооруженіе, бѣлое какъ лилія, и весьма пригодное для сраженія. Щитъ его былъ выкованъ изъ червоннаго золота, посреди щита было отверстіе въ которомъ вставленъ былъ карбункулъ [1]). На ногахъ у него были тегры изъ вываренной кожи (cuir bouilli). Ножны его сабли были сдѣланы изъ перламутра, шлемъ изъ блестящей латуни [2]), копье изъ нѣжнаго кипариса».

Судя по медали выбитой на памятникѣ сэра Реджинальди Кобгама въ 1403 г., хранящейся въ Лингфильдской церкви, въ Сюрреѣ, мы видимъ, что онъ былъ закованъ въ панцырь, носилъ забрало, украшенное дорогими каменьями. Грудь, ноги и бедра были покрыты кольчугой. Онъ носилъ перчатки, на головѣ шлемъ, а на плечахъ онъ носилъ геральдическую мантію. На правомъ боку висѣла у него сабля, на лѣвомъ его кинжалъ miséricorde

На медали сэра Ѳомы Свинберна въ малой церкви Горкеслей въ Эссексѣ, выбитой въ 1412 г. мы видимъ, что къ верхнему краю нагрудника и къ рукавамъ придѣланы были круглыя латы для защиты плечъ и локтей; На медали Ричарда Диксона, выбитой въ 1438 г. и находящейся въ Чиренчестерской церкви, мы видимъ, что круглыя

---

[1]) Геральдическая бляшка, въ центрѣ которой изображены лучи.

[2]) Латунь—металъ похожій на мѣдь.

латы на плечахъ замѣнены продолговатыми, а находившіяся на локтяхъ замѣнены нарукавниками (gardes des bras). Узенькія латы, названныя Tuilles, прикрѣплялись посредствомъ кожаныхъ штрипокъ къ таліи и опускались до бедръ. Въ 1444 г. была выбита медаль Вилльяма Финдерна, хранящаяся въ церкви Чильдрей (Беркъ); на ней онъ изображенъ въ короткой курткѣ, съ короткими рукавами, покрытыми гербами. Медаль Генриха Парпса, эсквайра, 1460 г., хранящаяся въ церкви Гильдершамъ, (Камбсъ) доказываетъ, что вооруженіе стало крѣпче, особенно же значительнѣе стали такъ называемыя «gardes des bras»; у него есть копье, прикрѣпленное къ нагруднику, его сабля виситъ не сбоку, а впереди. Начиная съ этого времени до 1485 г. вооруженіе мало измѣнялось, хотя начало терять свой чисто солдатскій характеръ, и принимать все болѣе и болѣе капризный, фантастическій видъ, на забралѣ иногда носилась цѣпь украшенная драгоцѣнными камнями, и носящая названіе «orle».—Кавалеристы были вооружены саблей, кинжаломъ, копьемъ, и кромѣ того у нихъ висѣлъ, прикрѣпленный къ сѣдлу, молотъ, чтобы отбивать непріятельское оружіе, или же топоръ, или соединеніе копья съ топоромъ, при чемъ надо замѣтить, что послѣднее оружіе должно было быть весьма смертоносно. Пѣхотинцы были вооружены луками или самострѣлами, оружіемъ похожимъ на копье и подъ часъ снабженнымъ крючкомъ для того чтобы возможно было захватывать уздечку лошади, и другими орудіями подобнаго же рода.

Ружья были въ ходу, а на картинахъ XV столѣтія мы видимъ изображенія пушекъ, которыя сначала дѣлались изъ желѣза, и ставились на деревянные лафеты; позднѣе же, какъ видно изъ манускрипта [1]) поэмы Лидгэта, хранящагося въ Британскомъ музеѣ (18Д. ii) пушки снабжались колесами, впрочемъ онѣ, по всей вѣроятности наносили лишь малый вредъ; что можно заключить изъ отчета Голиншеда о сраженіи при Барнетѣ въ 1471 г.: «Обѣ стороны имѣли сильную артилерію, но артилерія графа была лучше артилеріи короля, а потому первая стрѣляла безпрерывно ночью; причемъ однако мало наносила вреда арміи короля, такъ какъ ядра летѣли слишкомъ далеко, потому что армія короля находилась гораздо ближе, нежели предполагалъ графъ или его приближенные. А въ лагерѣ короля царствовала такая тишина, что нельзя было составить себѣ понятія о томъ, гдѣ онъ находится».

Турниры въ это время достигли полнаго разцвѣта и служили школой для рыцарскихъ подвиговъ, такъ что повидимому было бы грѣшно утверждать, что однажды, по крайней мѣрѣ, злоупотребили играми турнировъ, а эти послѣдніе обратили въ арену безумнаго заго-

---

[1]) Въ этомъ MP есть хорошее изображеніе паломниковъ Чосера, отправляющихся въ путь.

вора. А между тѣмъ это случилось въ 1400 году, когда въ Оксфордѣ предполагались состязанія между графомъ Гентингдономъ и двадцатью рыцарями съ одной стороны и графомъ Салисбюри съ такимъ же числомъ рыцарей съ другой, при чемъ на этомъ турниръ долженъ былъ быть приглашенъ король Генрихъ IV, котораго предполагалось убить. Но заговоръ былъ открытъ королю графомъ Рутландомъ.

Случалось, что на турнирахъ затѣвалось единоборство между двумя борцами, какъ напр. было въ Лондонѣ въ 1406 г., между графомъ Кентскимъ и графомъ Маръ и между сэромъ Джономъ Корниваллійскимъ и лордомъ Бомономъ противъ двухъ шотландцевъ, при чемъ побѣдили Англичане.

Въ 1466 году было знаменитое состязаніе между л. Скальсомъ и бастардомъ Бургундскимъ, бывшимъ тогда въ Англіи, и вызвавшимъ лорда Скальса, брата королевы; бой долженъ былъ происходить верхомъ и пѣшкомъ.

«Король, приказавъ устроить арену въ Вестъ-Смитфильдѣ для борцовъ и весьма красивыя и дорого стоющія галлереи для присутствующихъ леди, пожелалъ и самъ присутствовать на турнирѣ. Первый день они ломали копья другъ съ другомъ, при чемъ оба вышли съ честью изъ боя. На другой день состязаніе продолжалось верхомъ. У лошади лорда Скальса было на лбу стальное украшеніе съ длинной, острой пикой, такъ что въ тотъ моментъ, какъ оба состязавшіеся съѣхались, (неизвѣстно случайно-ли или потому что лошадь была такъ пріучена), лошадь лорда Скальса воткнула свою пику прямо въ ноздри лошади бастарда, такъ что вслѣдствіе сильной боли эта послѣдняя стала на дыбы и опрокинулась вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ на бокъ, а въ это время лордъ Скальсъ ѣздилъ вокругъ съ саблей въ рукѣ до тѣхъ поръ, пока король не приказалъ маршалу помочь приподняться бастарду, который громко заявилъ: «Я не могу считать себя побѣжденнымъ, потому что, хотя моя лошадь и измѣнила мнѣ, но я увѣренъ что одержу побѣду». Но король не допустилъ продолженія состязанія въ этотъ день».

«На другое утро, оба явились на арену пѣшкомъ, съ двумя длинными копьями, и храбро сражались, но, наконецъ, копье лорда Скальса вонзилось въ шлемъ бастарда, такъ что онъ чуть, чуть не былъ опрокинуть на колѣна; тогда король внезапно бросилъ въ арену жезлъ [1]), и маршалы разняли сражающихся. Но бастардъ, недовольный своей участью, и вполнѣ увѣренный въ своемъ умѣніи владѣть длиннымъ копьемъ, просилъ короля дозволить ему продолжать состязаніе. Лордъ Скальсъ соглашался, но король объявилъ, что не можетъ дать этого разрѣшенія, не собравъ совѣта; и такъ, составивъ совѣтъ маршала, констебля, и офицеровъ арміи, король обсуждалъ этотъ вопросъ,

[1]) Warder—жезлъ похожій на маршальскій.

основываясь на военныхъ законахъ; затѣмъ герцогъ Кларенсъ, бывшій тогда англійскимъ констеблемъ и герцогъ Норфолькскій, маршалъ, объявилъ бастарду, что если онъ желаетъ продолжать состязаніе, то это возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ согласился стать по отношенію къ своему противнику въ то же положеніе, въ какомъ онъ былъ, когда ихъ разняли. Бастардъ, услышавъ подобное рѣшеніе, взялъ назадъ свой вызовъ».

Пища и поваренное искуство.

За турнирами, естественно, слѣдовали банкеты, гастрономическая наука настолько уже развилась, что имѣются отчеты о menus тогдашнихъ обѣдовъ и писались книги поваренныхъ рецептовъ. Вотъ, напр., menu королевскаго обѣда по случаю празднованія Генрихомъ IV его брака съ Жанной Наварской въ 1403 году.

Первая перемѣна.

Fyllettes in galentyne (мясо, завернутое въ сухари, травы, специи — гдѣ преобладалъ корень травы galyngale), Vyand ryall (изъ вина, меду, риса, специй и тутовой ягоды—подлежаще просоленію), Gross chare (говядина, баранина и т. д.), Cygnettes (молодые лебеди), Capoun of haut grece (жирный каплунъ), Fesauntys (фазаны), Chewetys (пирожки изъ мяса и рыбы. «Вотъ рецептъ первыхъ: возьмите свиное мясо и разрѣшьте его на куски и рубите и кладите на сковороду и поджарьте, дѣлайте корку, какъ для пирога и кладите туда соль, имбирь, перецъ, покройте и пеките въ печи и подавайте на столъ), A sotelte (пирожное изъ тѣста или сахара).

Вторая перемѣна.

Venyson with furmenty (ветчина съ furmenty, изъ пшеничной муки, молока и сахара), Gelye (желе), Porcellys (поросенокъ), Conynge (кролики), Bittore (выпь), Puleyng farcez (фаршированная курица), Pertryche (куропатка), Leche fryez (пирожное изъ сливокъ, рыбьяго мяса, сахара и миндаля), Krawne bruse (вареннаго мясо, тогда всякое мясо называть brawn), A sotelte.

Третья перемѣна.

Creme de Almaundys (миндальный кремъ), Perys in syrupe (груши въ сиропѣ), жаренная ветчина, вальдшнепы, кулики, кролики, перепелки, Snytys (бекасы), Crustade (драчена), осетрина, соя, A sotelte.

Рыбныя перемѣны.

Первая.

Vyaunde ryall. Sew Lumbarde (ломбардскій хлѣбъ), соленая рыба, Lampreys powderyd (минога съ пряностями), щука, жареная семга, ломбардская драчена, A sotelte.

Вторая

Purpayis en frumente (морская свинка съ соусомъ), желе, семга, барвена (gurnard), Plays (палтусъ), пирогъ изъ миноги, Leche fryez, Soltelti въ формѣ Panteryse coronys (вѣнчанная пантера).

Третья.

Миндальный кремъ, груши въ сиропѣ, Teuche en brace (лини), Troutez, вареная камбола, окуни, жареная минога, Lochys (гольцы) семга, крабы и креветки, Soltelte въ формѣ коронованнаго орла.

Иногда эти Soltelles были очень изящны, какъ это видно изъ Фабіанскихъ отчетовъ объ обѣдѣ 1421 г. коронаціи королевы Екатерины (изд. 1811 г.). Въ первую перемѣну:

Sotyltie, называемая пеликанъ въ гнѣздѣ съ своими птенцами и изображеніе св. Екатерины, держащей книгу и споряшей съ учеными, въ правой рукѣ у ней изрѣченіе: madame le royne—а пеликанъ отвѣчаетъ: C'est la signe, et du roy, pur tenir joy, et a tont sa gent, Elle mete sa entent.

Во второй перемѣнѣ:

Sotyltie, называемая пантерой и изображеніе св. Екатерины съ колесомъ въ рукѣ и свиткомъ въ другой съ изрѣченіемъ: La royne ma file, in ceste ile, par bonne reson, aves renoun.

Въ третьей:

Мартовскій хлѣбъ (большой плоскій сладкій бисквитъ) съ фигурами ангеловъ, среди нихъ изображеніе св. Екатерины, держащей свитокъ съ изрѣченіемъ: Il est escrit pur voir et dit, per mariage pur, cest guerre nedure.

И наконецъ.

Sotyltie, называемая тигръ, смотрящійся въ зеркало, и человѣкъ, сидящій на лошади, хорошо вооруженный и держащій въ рукѣ хвостъ тигра съ изрѣченіемъ: par force sanz reson je ay pryse ceste beste, и одной рукой дѣлающій видъ, что бросаетъ зеркало на тигра и тигръ держитъ такую надпись: Gile the mirrour me fete distoure.

Роскошь стола.

Роскошь все больше и больше увеличивалась и меню банкета при коронаціи Генриха IV было болѣе выработаннымъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ Viand royall (см. выше) съ золотыми гербами, хлѣбъ въ формѣ золотаго укрѣпленнаго замка, красное leche (пирожное) съ вытисненными львами, custarde royall (драчена) съ вытисненнымъ золотымъ леопардомъ, держащихъ лилію, желе, на которомъ написано: «Тебѣ. Бога, хвалимъ», бѣлое leche съ вытисненной красной антилопой, вокругъ ея шеи корона съ золотой цѣпью, фламандскій хлѣбъ съ леопардомъ и золотыми лиліями.

Sotylties дѣлались особенно изящными. Въ третьей перемѣнѣ Sotyltie—Богородица съ ребенкомъ на рукахъ, въ рукахъ ея корона. По сторонамъ колѣнопреклоненные св. Георгій и св. Денисъ подаютъ ей изображеніе короля Генриха, держащаго въ рукѣ слѣдующую балладу:

O blessyd Lady, Cristes moder dere
And thou, seynt George, that called art her knyght,
Holy seynt Denys, o marter most entere,
The sixt Henry here present in your syght,
Shedyth, of your grace, on hym your hevenly lyght;
His tender youth vith vertue doth avaunce,
Borne by discent and by title of right
Iustly in 2 reygne in Englande and Fraunce.

(О благословенная Дѣва, матерь Христа и ты, св. Георгъ, ея ры-

царь и св. Денисъ, совершеннѣйшій мученикъ, пролейте по милости вашей, вашъ небесный свѣтъ на здѣсь присутствующаго Генриха Шестого; пусть процвѣтаетъ съ добродѣтелью его юность, ибо ему по происхожденію и по праву принадлежатъ два королевства, Англія и Франція).

Поваренное искусство дошло до такого процвѣтанія, что въ концѣ столѣтія разрѣзыватель кушанья (carv-r) имѣлъ различныя термины для разрѣзыванія различныхъ частей мясныхъ продуктовъ.

Одна изъ первыхъ англійскихъ поваренныхъ книгъ — это рукописная forme of cury compiled of the chef maister cokes of Kyng Richard the Secunde, содержащая 196 репентовъ—нѣкоторые изъ нихъ очень курьезны, какъ напр. вареная морская свинка съ миндальнымъ пирогомъ и соусомъ, маринованая семга, вываренная въ водѣ и потомъ истолченная въ ступкѣ съ миндалемъ, молокомъ, рисовой мукой, солью, и сахаромъ—и окрашенная краснымъ корнемъ. Оригинальное блюдо также «gyngawdry».

«Возьми powche (желудокъ) и легкія трески, вахны (тоже родъ трески—haddock), щуки и другихъ рыбъ, кипяти ихъ, вынь и разрѣжь мелко; возьми хлѣба и вина, слой хлѣба, галантина съ хорошимъ перцемъ и солью; брось туда рыбу и кипяти и положи туда amydon (крахмалу) и окрась въ зеленую краску».

Мы не имѣемъ мѣста, чтобы выписать еще нѣсколько рецептовъ изъ этого свитка и изъ noble boke off cookry ffor a prince houssolde or eny other estetely houssolde, написанной послѣ 1467 года. Блюда такія же, какъ и въ настоящее время; много рецептовъ рыбныхъ блюдъ, что, конечно, объясняется количествомъ постныхъ дней. Благодаря трудности перевоза и отсутствію льда морская рыба была рѣдка, хотя въ Темзѣ тогда ловили семгу и, слѣдовательно, рыбные пруды или садки, какъ ихъ называютъ, были обычными во всей странѣ; рѣчная рыба, не рѣдко не свѣжая, была обычной пищей. Растительная пища была тоже обычной, даже въ Forme of Cury, гдѣ упоминаются бобы, капуста, морковь, лукъ, огурцы, грибы, рисъ, земляная груша, салатъ и шпинатъ. Травы употреблялись въ изобилiи и почти во всякое блюдо входило пряности. Пирожное подавалось и за обѣдомъ и за ужиномъ—первый былъ въ одиннадцать или двѣнадцать часовъ, а послѣдній въ четыре или пять. Употреблялись французскія и германскія вина, иногда съ сильными приправами и подслащенные и превращенные въ мальвазію и кларетъ, съ такими варіаціями, какъ мальвазія, Bastard, Romney и кипрское вино; обычный напитокъ, впрочемъ, былъ эль, подаваемый при всякихъ блюдахъ, и иногда замѣняемый медомъ, мясо подавалось на золотыхъ, серебряныхъ, оловянныхъ и деревянныхъ блюдахъ, или на деревянныхъ тарелкахъ, столъ всегда покрывался чистой полотняной скатертью. Несомнѣнно употреблялись и салфетки, какъ это видно изъ Ordinances хозяйства

Георга, герцога Кларенса. Вилокъ не было, но до обѣда и послѣ обѣда чисто вымывали руки.

Хлѣбъ былъ разнаго рода: wastel—или втораго сорта, бѣлый хлѣбъ, Pouf или Puffe и Demesne, demeine или Panis Dominicus, изъ тонкой муки съ вытисненнымъ изображеніемъ Спасителя, кромѣ того Tourte или Trete, очень грубый черный хлѣбъ. Лондонскій Сити сильно слѣдилъ за хлѣбомъ, не только за его качествомъ, но и за цѣной, которая опредѣлялась сообразно съ цѣной пшеницею; въ Liber Albus говорится:

«Согласно обычаю Лондонскаго Сити испытаніе хлѣба должно дѣлаться каждый годъ послѣ праздника св. Михаила четырьмя избранными для сего и присягнувшими людьми; соотвѣтственно вѣсу; опредѣленному такимъ испытаніемъ, пекари должны печь въ теченіи всего этого года. Методъ этой процедуры слѣдующій: четыре вышеупомянутые присяжные должны купить три четверти зерна—а именно одну на набережной въ Чипъ, другую при Greschirche, или при Биллингготъ, и третью у Кинъ-Гитсъ (Queen-Hythe)—изъ этого зерна они дѣлаютъ wastel, легкій хлѣбъ и черный хлѣбъ. Послѣ того, какъ съ большой тщательностью они испекутъ эти хлѣба, они представляютъ ихъ горячими въ Гильдголль мэру и альдерменамъ—и тамъ эти горячіе хлѣбы взвѣшиваются. Тогда расчитывается цѣна, по которой куплено слѣдующее зерно и опредѣляется расходы въ 8 пенсовъ на каждую четверть; высчитывается также цѣна, по которой продаются отруби и вычитается изъ продажной цѣны».

Городскія власти строго смотрѣли за продажной цѣной и наказывали тѣхъ, которые продавали легкій хлѣбъ или съ подмѣсями.

(1476) «Въ этомъ году лондонскимъ мэромъ былъ Робертъ Бассетъ, строго наказывавшій пекарей; за легковѣсный хлѣбъ онъ многихъ изъ нихъ присудилъ къ позорному столбу въ Корнгиллѣ. А также одна женщина, Агнеса Дайнти, торговка масломъ, за продажу масла, смѣшаннаго съ старымъ, была сперва вымазана масломъ, а потомъ поставлена къ позорному столбу» (Голиншедъ).

Заботливость городскихъ властей простиралась не на одинъ хлѣбъ, а и на пиво и вино; въ Liber Albus опредѣляются цѣны вина и пива. По отношенію къ этому народному напитку они были такъ бдительны, что назначались особыя люди, называемыя «Знатоки эля» (Ale Conners—и теперь еще существующая дѣятельность), обязанности которыхъ всего лучше опредѣляются ихъ присягой (во времена Генриха V):

«Вы присягнете, что если узнаете о пивоварѣ или поварѣ или пирожникѣ въ вашемъ приходѣ, которые продаютъ галлонъ лучшаго элю за цѣну, выше $1^1/_2$ пенни или галлонъ второго сорта дороже пенни, или не въ запечатанной мѣрной посудѣ, полной чистымъ элемъ; или варятъ пиво меньше, чѣмъ онъ варилъ до этого воз-

званія или въ силу этого воззванія прекратили свою торговлю и промыселъ, или какъ нибудь поступаютъ противно симъ опредѣленіямъ—вы должны сообщить о такихъ и объ ихъ именахъ альдерману вашего прихода. Вы присягаете, что если отъ васъ потребуютъ отвѣдать эль какого нибудь пивовара, вы сдѣлаете это и въ томъ случаѣ, если эль хуже, чѣмъ онъ былъ до этого воззванія, вы съ согласія вашего альдермена, опредѣлите цѣну этого эля по вашему усмотрѣнію и если кто нибудь будетъ потомъ продавать этотъ эль выше этой цѣны, вы сообщите о семъ сказанному альдермену. Вы не должны за взятки, обѣщанія, по знакомству, ненависти или по иной причинѣ скрывать, щадить или злостно вредить ни одному пивовару, разнощику, повару или пирожнику, дѣйствующихъ противно сказаннымъ правиламъ; когда у васъ потребуютъ испробовать элю, вы не должны отказываться безъ основательной причины, вы должны исполнять хорошо и законно все, что относится къ вашимъ обязанностямъ. Да помогаетъ вамъ Богъ и Его святые».

Всякій промыселъ регулировался цехомъ, опредѣлявшимъ цѣны. Такимъ образомъ намъ извѣстны цѣны на птицу въ царствованіе Генриха IV;

«Лучшій лебедь долженъ продаваться за 4 пенса, лучшій гусь за 6 пенсовъ, лучшій каплунъ за 6 пенсовъ, лучшая курица за 6 пенсовъ, лучшій цыпленокъ за 2 пенса, лучшій кроликъ со шкуркой за 5 пенсовъ, безъ шкурки за 3 пенса (ни одинъ иностранецъ не долженъ продавать кроликовъ безъ шкурки), лучшая дикая утка за 3 пенса, лучшая домашняя утка за $2^1/_2$ пенса, лучшій горокъ за 2 пенса, лучшая перепелка за пени, четыре жаворонка—пенни, вальдшнепъ—3 пенса, куропатка—4 пенса, куликъ—3 пенса, фазанъ—12 пенсовъ, каравайка—6 пенсовъ, дюжина дроздовъ—6 пенсовъ, дюжина снигирей—одно пенни; цапля—шестнадцать пенсовъ, выпь—восемнадцать пенсовъ, бѣлая цапля—восемнадцать пенсовъ, дюжина голубей—8 пенсовъ» (Liber Albus).

ИСТОЧНИКИ—1399—1485.

а) Общая исторія.

Современные источники. Вальсингамъ (до 1422), Оттербурнъ (до 1419). Адамъ Ускъ (до 1404), Chonicle - Капгрева и его панегирикъ: De illustribus Henricis, разныя Lives Генриха V (въ Rolls Series), томы Rolles Series о французскихъ войнахъ, Chronicles св. Альбана (1421—1461), хроника Джона Гардинга, Recuel des Chronique—бургундца Ворена и сочиненіе Монтреле: Reduction of Normandy въ Rolls Series; отдѣльныя томы въ Camden Series съ подробностями о царствованіи Эдуарда VI. Веркуорта и дру-

гихъ; Croyland Chronicle, томы Rolls Series о Ричардѣ III; Мора—Эдуардъ V и Ричардъ III, Фабіана—new Chronicles (до 1485); письма епископа Бекинтона и Repressor—епископа Пикока (оба въ Rolls Series); Елиса—Original Letters, Фортескью—Governance of England, въ особенности Paston Letters. А также Political Songs, Parliament Rolls, Foedera, Privy Council Records. Сочиненіе Галля, хотя и написанное при Тюдорахъ, имѣетъ значеніе современнаго источника, въ немъ много указаній на утраченныя источники.

Новыя сочиненія Лучшій отчетъ, и повѣствовательный и критическій, о всемъ періодѣ, у Стёбса — Const. His. т. III, полезныя подробности у Рамсая—Lancaster and York. Цѣнныя критическія работы —предисловія къ различнымъ вышеупомянутымъ частямъ Rolls, Camden и друг. Series. Прекрасный очеркъ Гердиеръ—Lancaster and York. Общественная и литературная исторія періода у Грина: Истор. Англ. народа. Объ отдѣльныхъ періодахъ: Омана—Warwick the Kingmaker и Герднеръ—Richard III.

Валійская исторія. Chronicles—Кайгрева и Адамъ Ускъ, Елиса—Original Letters, поэмы Іоло Гоха, Wylie—History of the Reign of Henry IV.

б) Спеціальныя вопросы.

Религія. Кромѣ вышеупомянутыхъ книгъ о Виклифѣ Фокса—Acts and Monuments, Максвеля—Лайта—History of University of Oxford, Antony a Wood—History and Antiquities of Oxford и Стёбса—Const. His. of Eng. Латинскіе источники: Chron. Angl. 1328—1388. Chronicle Адама Уска; Найтона—de Eventibus Anglicis; Мальверна—Continuation of Higden's Polychronicon; Вилькинсъ—Concilium Magnum Britannicum; Лосерта—The Trial of Richard Wyche; его же—Mith. der. Inst. für Oest. Gesch.-forsch; Шуля—въ Eng. His. Rev.

Военное дѣло какъ въ главѣ V.

Флотъ. Гаргревскіе, Гарлеянскіе и Лансдоунскіе манускрипты; Chronicles—Найтона, Вальсингама и Фабіана; Polychronicon—Гайгдена; Scotichronicon — Жоанна Фордунъ (Rolls Series); Memoires—Пьера де Фенена; Histoire de Charles VI—Жана Лефевра; Histoire de Charles VI—Ювенала де Урсина (1652); Мино—Poems; изданія Record Commission и сочиненія Сельдена, Принна, Іэля и Николаса; указанныя въ V главѣ; Экстона—Maritime Dicaelogy (1684); Naval histories—Лидіарда и Буркетта (1735 и 1720).

Открытія и изслѣдованія.—Гаклита—Voyages; Pilgrim memoires въ изданіяхъ общества l'Orient — Latin, Serie Geograph, и Avesac — Recueil de l'hist. de la Goeg.; Бэда—Historia Ecclesiastica, Orosius - короля Альфреда; старыя карты—англо-саксонская карта 16 вѣка въ Британскомъ музеѣ, MS. Cotton, Fib v, Psalter, ad, MSS. 28, 681. Mappa Mundi въ Герефодскомъ (факсимиле Гавергаля) Travels — Мандевилля, Discoveries of the world — Гальвано, Рожеръ Беконъ оцентрѣ міра въ Opus Majus.

Искусство. см. V гл, съ приб. Hist. of Sculptnre—Любке.

Музыка. Общая исторія музыка Бурнея (4 т. 1776—1789), Гавкинса (5 т. 1776), Бусби (2 т. 1819) и Рокстро (1886). См. также Куссмакера—His. de l'harmonie du Moyen Age; Амброса—Gesch. der Musik (4 т.); и статьи въ Diction of Music and Musicians—Грове и въ Encycl. Brit.

Магія и колдовство. Введеніе въ Proceedings against Dame Alice Kyteler—Райта содержитъ нѣкоторыя оффиціальныя документы относительно кол-

довства въ Англіи. Сочиненія Дельріо и Корнелія Агриппы даютъ полныя свѣдѣнія относительно вѣрованій и обрядовъ. См. главу V.

Литература Оклевъ — De Regimine Principum. Minor Poems (изд. Фурнивалля), Лидгата—Temple of Glass; Guy af Warwick, изд. Zupitza; Select Minor Poems; Сидней Ли—ст. Lydgate въ Dict. Nat Biogr.; Пикокъ—the Repressor; Treatise Proving Scripture to be the Rule of Faith (1688): Малори—Le Morte d'Arthur изд. Соммера съ статьёй о прозѣ Малори—Ланга; Фортескью Works; De Laudibus Legum Angliae съ пер. Грегора; the Governance of England и пр. изд. Плюммера. Блэда—Life of Caxton; Рёметедта—Die Engl. Schriftspr. bei Caxton., Шиппера—Englis Metr. См. также Dict. of Nation. Biogr. ст. Gower, Lydgate, Malory и Caxton—Сиднея Ли и Fortescue—Макдонеля.

Земледѣліе 1381—1500. Дентонъ—England in 15 Century; Рожерса — Six Centuries of Work and Wages и Hist. of Agric. and Prices; Кунингамъ—Growth of Engl. Indus and Comm.; Фортескью — De Laudibus Legum Angliae; Фицгербертъ—Surveyinge.

Промышленность и торговля см. гл. V.

Городская жизнь см. гл. V. Privy Council Records; Дентонъ—England in 15 Century, Paston Letters; Тульмина Смита— Hist. of Guilds; Hist. Towns Series; Довелля—Hist. of Taxes and Taxation; Леланда—Itenerary, Грегори—Chronicle, Antiquary.

Общественное здравіе см. гл. V.

Общественная жизнь, см. V и VI. Paston Letters; Ирль—Engl Plant Names from to to 15 cent.; The Babees Book; Райта—Womankind in Western Europe; Карлиля — Concise Description of the grammar Schools in Eng. and Wales. Пегге — The Fôrme of Cury; Noble Boke off Cookry; Варнера—Antiquitates Culinariae; Quarterly Review—статья Mediaeval Cookery; Рилей—Liber Albus of the City of London (въ Rolls Seris); Рилей—Memorials of London in 13, 14, 15 centuries.

ГЛАВА VIII.

Начало новой исторіи Англіи 1485—1509.

Царствованіе Генриха VII.

Смита.

Бэконъ въ своей «жизни Генриха VII» сравниваетъ его съ Людовикомъ XI и Фердинандомъ Арагонскимъ. «Этихъ трехъ монарховъ слѣдуетъ ставить во главѣ всѣхъ королей того времени». Каждый изъ нихъ былъ великимъ преобразователемъ. Людовикъ XI «освободилъ корону Франціи изъ подъ опеки», т.-е. довелъ монархическую власть до возмужалости. Со временъ Фердинанда и его энергичной супруги Изабеллы началось вѣковое преобладаніе Испаніи надъ Европой, какъ въ вопросахъ войны, такъ равно въ дипломатіи и въ управленіи. Но Генрихъ Тюдоръ былъ не только основателемъ могучей династіи, не только положилъ начало рѣшительной и плодотворной политикѣ, онъ былъ первымъ представителемъ тѣхъ особенностей въ характерѣ Тюдоровъ, того соединенія непоколебимой рѣшительности съ врожденнымъ тактомъ, благодаря которымъ эти правители столь многаго достигли.

Одаренный отъ природы высокими качествами, Генрихъ VII былъ закаленъ преслѣдующей его судьбой, и такимъ образомъ получилъ воспитаніе, которое рѣдко удается получать монархамъ.

Рано оставшись при матери—вдовѣ, заключенный одиннадцати лѣтъ въ темницу, изгнанный изъ предѣловъ отечества въ пятьнадцать лѣтъ вмѣстѣ со своимъ дядей, принужденный дрожать за свою жизнь, на которую покушался Ричардъ III., окруженный интригами Бретанскаго двора, онъ лишь на двадцать первомъ году жизни могъ убѣдиться, что наконецъ и ему улыбнулось счастье. Но разъ оно улыбнулось ему, онъ съумѣлъ вполнѣ воспользоваться этимъ. Преслѣдуемый изгнанникъ, сомнительный авантюристъ 1485 г., онъ умеръ въ 1509 г.,

прославившись во всей Европѣ своею мудростію и своимъ богатствомъ. Бернардъ Андре, въ духѣ того времени, сравниваетъ его труды съ трудами Геркулеса. Такъ въ его описаніи Эдуардъ IV и Ричардъ III соотвѣтствуютъ Немейскому льву и Эриманѳійскому вепрю; партіи Розъ сравниваются съ Гидрой, а Джонъ де ла Поль — съ оленемъ Аркадіи. Маргарета Бургундская изображаетъ амазонку; шотландскій король—Критскаго быка, а Мартинъ Свартъ (Martin Swart)—благодаря нѣкоторой преувеличенной метафорѣ—сравнивается съ лошадьми Діомеда. Непокорные подданные — это Стимфалійскія птицы; управленіе Бургундіей Максимиліаномъ, Филиппомъ и Маргаритой—отождествляется съ трехъ-головымъ Геріономъ; Перкинъ Уарбекъ въ Ирландіи изображаетъ Cacus'a въ пещерѣ; а яблоки Гесперіды—ничто иное, какъ золотыя лиліи Франціи.

Бэконъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Генрихъ VII вѣчно велъ борьбу, изъ которой всегда выходилъ побѣдителемъ. Потрясающіе эпизоды слѣдующихъ за нимъ четырехъ царствованій легко могутъ отвлечь вниманіе отъ его царствованія. Его исторію многіе называютъ даже скучной; а между тѣмъ она, совершенно напротивъ, весьма интересна и драматична. Главный ея недостатокъ заключается въ неимѣніи документальныхъ свидѣтельствъ современниковъ. Отчеты парламентскіе — сухи и кратки; государственные документы, столь пространные въ царствованіи Генриха VIII, въ предъидущее царствованіе были весьма малосодержательны. Единственные два историка того времени были оба иностранцы, да къ тому-же одинъ изъ нихъ, Полидоръ Виргилій, писалъ свою исторію нѣсколько позднѣе; исторія-же Андрé отличается пустой болтовней панегириста; такъ что по многимъ причинамъ исторія царствованія Генриха VII болѣе походитъ на біографію; къ тому же она особенно подвергается опасности «обратнаго чтенія», ошибкѣ столь обыкновенной въ новѣйшее время: опасность заключается въ предугадываніи слѣдствій. Для современниковъ этой эпохи не существовало рѣзкой черты, отграничивавшей эту эру; они даже весьма медленно приходили къ сознанію, что война Бѣлой и Алой Розы совершенно окончилась. Мы же, съ своей стороны, просматривая исторію этого періода, слишкомъ склонны къ тому, чтобы отыскивать въ ней будущее. Самый вѣрный взглядъ на этотъ періодъ—это считать его временемъ переходнымъ: уже появляются новыя вѣянія и зарождаются новыя идеи; но и тѣ и другія находятся еще въ состояніи зародышевомъ.

Книгопечатаніе уже вводится въ употребленіе; но первые его результаты дѣйствуютъ разрушительно, почти парализуютъ литературу. Открыта какъ Южная, такъ равно и Сѣверная Америка, но до царствованія Елизаветы это открытіе почти не вліяетъ на промышленность и торговлю Англіи. Съ Колетомъ и Эразмомъ «новая наука» проникаетъ въ Оксфордъ; но не замѣтно пока и намека на критиче-

ское отношеніе къ догматамъ церкви. Мортонъ и Варгамъ оба пытались произвести реформу въ монастыряхъ; но движеніе это осталось безъ послѣдствій до тѣхъ поръ, пока его не вызвалъ вновь Вольсей. Сношенія сначала съ Британіей, затѣмъ позднѣе съ Кастиліей наводятъ насъ на мысль, что наступила эра дипломатіи; но много времени прошло прежде, чѣмъ былъ принятъ принципъ политическаго равновѣсія; много прошло времени до тѣхъ поръ, пока паны и ихъ легаты замѣнились конференціями и дипломатами. Тоже самое можно сказать и объ общественныхъ сословіяхъ: Дворяне дискредитованы и напуганы, но тѣмъ не менѣе мало что измѣнилось въ ихъ классѣ и лишь не ранѣе какъ по истеченіи пятидесяти лѣтъ деспотизма начинаетъ возникать на развалинахъ церкви новое дворянство Русселлевъ, Кавендишей, Парровъ, Дудлеевъ, Пагетовъ, Сеймуровъ. Изъ этого-то переходнаго состоянія, присущаго этому времени, возникаютъ весьма странные контрасты: такъ первый трактатъ о свободной торговлѣ появляется, такъ сказать, бокъ о бокъ съ закономъ, запрещающимъ ростовщичество; одновременно предпринимается крестовый походъ и ученое путешествіе съ цѣлью открыть Сѣверо-западный путь. Вплоть до 1505 года претензіи Іоркистовъ на признаніе ихъ правъ все еще грозятъ опасностью династіи; но въ 1495 г. статуты о государственной измѣнѣ служатъ какъ бы прообразомъ теоріи семнадцатаго столѣтія о верховномъ правѣ народа. Такимъ образомъ средніе вѣка какъ бы постоянно приходятъ въ столкновеніе съ вѣяніями новыхъ временъ. Даже характеръ самого короля какъ бы отражаетъ то одни взгляды, то противоположные. Его расположеніе къ духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ, нѣкоторая сдержанность и надменность въ его манерахъ, подозрительность, справедливая, но чрезвычайная самонадѣянность; даже его внѣшность, «почтенная и похожая на внѣшность духовнаго лица»—все это напоминаетъ намъ правителя среднихъ вѣковъ; кромѣ того онъ былъ, подобно Генриху II человѣкомъ дѣла; онъ любилъ дѣльныхъ людей и цѣнилъ ихъ, какъ Эдуардъ I; онъ былъ краснорѣчивъ, какъ Эдуардъ III; его Вестминстерская часовня, «одно изъ изящнѣйшихъ и красивѣйшихъ зданій Европы», представляла типъ средневѣковой архитектуры. Но его отвращеніе отъ войны, его система наказаній пенями, а не смертной казнью, его система шпіонства, его сознаніе важности хорошаго состоянія финансовъ, его щедрость во всемъ, что било въ глаза, концентрація власти въ его рукахъ,—все это характеристичныя черты Фридриха Великаго или Петра Великаго. Тоже самое можно сказать о его искусной и запутанной дипломатіи, о его заботливости о законахъ, о его стремленіи уменьшить привиллегіи духовенства. Онъ былъ окруженъ атмосферой терпимости, далеко не присущей островитянину, и безъ сомнѣнія пріобрѣтенной имъ во время годовъ, проведенныхъ имъ заграницей въ качествѣ изгнанника и эмигранта. Сохранились

Характеръ Генриха VII.

анекдоты о немъ, доказывающіе, что онъ былъ далеко не такимъ невозмутимымъ, какимъ его многіе считаютъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ умѣлымъ и справедливымъ монархомъ, и по многимъ причинамъ заслуживаетъ названія великаго монарха.

Жизнь его была умѣренная и незапятнанная; онъ работалъ много, и работалъ для блага своей страны; онъ нашелъ Англію при вступленіи на престолъ растерзанною внутренними раздорами, и передалъ ее своему преемнику мирною, единою, въ полномъ порядкѣ; она была одинока, онъ доставилъ ей право властнаго голоса на конгрессахъ Европы.

Начало царствованія.

Корону, за которую дрался Ричардъ при Босвортѣ, Генрихъ смѣлой рукой надѣлъ на свою голову, прежде чѣмъ покинулъ поле сраженія, 22-го августа, 1485 г. Этотъ поступокъ казалось вытекалъ не столько изъ желанія воспользоваться побѣдой, какъ изъ желанія подчиниться вердикту Бога сраженій, произнесенному въ его пользу. Какъ бы права его на престолъ ни казались сомнительны съ новѣйшей точки зрѣнія, но мы должны признать, что онъ былъ единственнымъ представителемъ Ланкастерской линіи, а принятое имъ на себя обязательство жениться на Елизаветѣ, старшей дочери Эдуарда IV, обезпечивало за нимъ поддержку со стороны приверженцевъ Іоркской линіи. Поэтому онъ прежде всего поторопился заключить въ Тоуеръ Эдуарда, графа Варвика, сына Кларенса; при своемъ-же торжественномъ вступленіи въ Лондонъ онъ публично возобновилъ свое обязательство по отношенію къ Елизаветѣ. Онъ чувствовалъ себя на столько прочнымъ, что рѣшился праздновать коронацію 30 октября, а затѣмъ, недѣлю спустя, обратился къ парламенту съ требованіемъ подтвердить свершившійся фактъ торжественнымъ заявленіемъ, «что наслѣдіе престола остается за нимъ и за его потомствомъ».

Вскорѣ послѣ этого онъ добился и папской буллы, подтвердившей эту декларацію и санкціонировавшей ее. А когда, въ январѣ 1486 г., онъ посредствомъ состоявшагося брака съ Елизаветой, соединилъ Ланкастерскую линію съ Іоркской, то казалось, что права его на королевскій титулъ неоспоримы; но вскорѣ оказалось, однако, что дѣло обстоитъ далеко не такъ благополучно, — а именно на пасху вспыхнуло возстаніе лордовъ-іоркистовъ, Ловеля и Стаффордовъ. Возстаніе это было неудачно: Ловель бѣжалъ за границу, а братья Стаффорды были схвачены. Но событіе это само по себѣ было угрожающимъ; продолжительная борьба между приверженцами Алой и Бѣлой Розы повлекла за собой непримиримую вражду и ненависть между противниками; чувства іоркистовъ походили на искру, тлѣющую подъ золой.

Искра эта вспыхнула яркимъ пламенемъ отчасти благодаря отказу короля въ коронаціи Елизаветы, отчасти благодаря заключенію графа Варвика въ Тоуерѣ, и наконецъ благодаря появившимся въ народѣ

слухамъ о томъ, будто Ричардъ, герцогъ Іоркскій, младшій изъ принцовъ, которыхъ, какъ предполагалось, умертвилъ Ричардъ III, живъ и появится съ цѣлью собрать вокругъ себя старыхъ друзей своего дома.

Ламбертъ Симнель.

Іоркская партія всегда была сильна въ Ирландіи; а потому, когда въ началѣ 1487 г. въ Дублинѣ появился юноша, выдающій себя за бѣжавшаго изъ Тоуера Эдуарда Плантагенета, онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ и былъ коронованъ въ Дублинскомъ соборѣ подъ именемъ «Эдуарда VI». Настоящее его имя было Ламбертъ Симнель, и онъ былъ сыномъ пекаря въ Оксфордѣ. Хитрый и безпринципный священникъ подготовилъ его къ роли, которую ему пришлось розыграть, и по всей вѣроятности королева, мать Елизаветы, тщеславная интригантка, оскорбившись обидой, нанесенной ея дочери, поощряла его.

Мѣры къ которымъ прибѣгнулъ Генрихъ VII, характеризуютъ его обыкновенную политику въ такихъ случаяхъ. Онъ созвалъ свой совѣтъ, и добился, чтобы вдовствующую королеву посадили въ монастырь. Онъ велѣлъ торжественно провезти тѣло настоящаго Эдуарда Плантагенета по улицамъ Лондона. Онъ объявилъ амнистію всѣмъ мятежникамъ, которые явятся въ извѣстный день.

Между тѣмъ мятежники успѣли добиться обѣщанія помощи отъ Джона Поля, графа Линкольна, зятя Эдуарда IV, и отъ Маргариты, вдовствующей герцогини Бургундской и старшей сестры Эдуарда IV. Эта послѣдняя, богатая и злопамятная женщина, «обладающая умомъ мужчины и лукавствомъ женщины», составила отрядъ изъ двухъ-тысячъ наемныхъ солдатъ подъ начальствомъ Мартина Сварта. Графъ Линкольнъ былъ провозглашенъ наслѣдникомъ престола во время послѣдняго царствованія. Оба готовились воспользоваться этимъ обстоятельствомъ на случай, если бы представилась возможность іоркисту вступить на престолъ. Но когда Ловель и Линкольнъ явились со своей вооруженной силой изъ Ирландіи, имъ пришлось убѣдиться, что какъ Іоркширъ, такъ и сѣверныя провинціи не согласны были возстать ради партіи, поддерживаемой ирландскими и германскими войсками.

Во время сраженія при Стокѣ Линкольнъ былъ убитъ, что касается лорда Ловеля, то онъ спасся лишь благодаря тому, что успѣлъ скрыться въ потайной комнатѣ въ собственномъ своемъ домѣ въ Минстеръ-Ловель. Симнель былъ схваченъ, получилъ прощеніе, но въ знакъ презрѣнія къ нему онъ былъ назначенъ слугой на кухнѣ короля. Но это возстаніе послужило урокомъ Генриху VII; въ 1487 г., въ ноябрѣ, онъ изъявилъ согласіе на коронованіе Елизаветы. Возстаніе это кромѣ того отвлекло его вниманіе отъ нападенія короля Франціи, Карла VIII, на герцогство Бретань, считавшееся до тѣхъ поръ независимой территоріей, и бывшее вѣрной союзницей Англіи.—Однако нападеніе Карла VIII на Бретань дало поводъ Ген-

риху VII созвать парламентъ, и, воспользовавшись чувствомъ зависти, съ какимъ парламентъ относился къ Франціи, уговорить его «разрѣшить ему налогъ въ двѣ пятнадцатыхъ». Эдуарду Вудвиллю также разрѣшено было собрать въ Англіи волонтеровъ на помощь бретанцамъ. Но полнѣйшее пораженіе бретанцевъ въ 1488 г., при С. Обенѣ, а затѣмъ смерть герцога Бретани, причемъ дочь его и наслѣдница, Анна, тотчасъ-же обручилась съ Максимиліаномъ, еще болѣе обострили отношенія между Франціей и Англіей. Мелкіе отряды англійскихъ солдатъ были разсѣяны въ Бретани и во Фландріи. Французскій король былъ принужденъ заключить миръ съ молодой герцогиней, вернуть ей ея города, и разрѣшить ей вступленіе въ бракъ черезъ представителя съ Максимиліаномъ, въ декабрѣ, 1489 г. Въ этомъ году парламентъ разрѣшилъ крупную субсидію на предполагаемую войну. Но попытка собрать налоги вызвала опасное возстаніе въ Іоркширѣ. Казалось, что ненависть народа ко всякаго рода новымъ налогамъ можетъ послужить поводомъ іоркистамъ къ новымъ интригамъ. Этимъ объясняется, можетъ быть, почему Генрихъ, не смотря на свой союзъ съ Максимиліаномъ и на обѣщаніе защищать Бретань, допустилъ французскія войска вторгнуться въ Бретань, и заставили или уговорили молодую герцогиню вступить въ бракъ съ Карломъ VIII, не смотря на ея бракъ чрезъ представителя съ Максимиліаномъ. Такимъ образомъ состоялось окончательное округленіе владѣній Франціи, а одна изъ «дверей Англіи во Францію» была закрыта. Событіе это подготовило возможность вторженія французовъ въ Италію, происшедшаго въ 1494 году и признаваемаго многими за начало новой исторіи. Бракосочетаніе Карла VIII съ Маргаритой было торжествомъ для Франціи и казалось униженіемъ для Англіи; но оно повлекло за собой выгоды прочнаго мира, такъ какъ въ силу договора, заключеннаго въ Этапль (Etaples) въ ноябрѣ 1492 г. между обѣими державами, и затѣмъ по вторичному договору, война между Англіей и Франціей сдѣлалась невозможной до 1512 г. Лично для себя Генрихъ получилъ громадную сумму въ 100,000 ф. отъ Франціи. Если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что предпринятая Генрихомъ экспедиція ограничилась лишь двадцати-дневной осадой Булони, то мы будемъ имѣть полное право заподозрить, какъ выражались возмущенные воины того времени, «что король не посовѣстился ощипать дворянство и народъ и перьями ихъ одѣть самого себя». Его подданные были поражены неожиданнымъ разъясненіемъ короля: «что разъ война была начата, то она сама должна оплатиться».

Но при этомъ надо замѣтить, что престолъ не былъ еще на столько проченъ, чтобы рисковать затѣять войну; въ 1492 году въ Іоркѣ появился нѣкій Перкинъ Варбекъ. Ирландцы рады были случаю и охотно признали бы его іоркскимъ принцемъ, все равно Варвикомъ, Перкинъ Варбекъ.

или побочнымъ сыномъ Ричарда III, или, наконецъ, Ричардомъ, младшимъ изъ принцевъ, заключенныхъ когда то въ Тоуерѣ.

Онъ избралъ послѣднее, и подъ видомъ Ричарда былъ принятъ сначала во Франціи, а затѣмъ и Маргаритой Бургундской. Эта послѣдняя признала его своимъ племянникомъ, помогала ему усовершенствоваться въ исполненіи принятой на себя роли и держала его два съ половиной года при своемъ дворѣ.

Напрасно Генрихъ обращался съ просьбой къ правителямъ Фландріи о томъ, чтобы они отослали «парня» (le garçon). Тогда онъ прервалъ торговыя сношенія между Англіей и Фландріей. Но съ одной стороны французская партія во Фландріи продолжала поддерживать претендента, съ другой Максимиліанъ, вообразившій, что новый король Англіи согласится на войну противъ Франціи, также помогалъ ему. Нѣтъ основаній предполагать, что эти монархи или эмигранты іоркисты придавали вѣру претензіямъ Перкина; но въ немъ они видѣли подходящее орудіе. Онъ долженъ былъ служить приманкой, а потому и быть выставленнымъ впередъ, а когда интриги іоркистовъ достигли бы своей цѣли, то его предполагалось убрать. Между тѣмъ Генрихъ, «дѣйствуя контръ-минами», узналъ посредствомъ своихъ шпіоновъ, кто именно въ Англіи поддерживаетъ заговоръ. Онъ схватилъ вожаковъ, главныхъ изъ нихъ казнилъ, какъ измѣнниковъ, не исключая и Вилльяма Станлея, государственнаго казначея и родственника своего, человѣка, который своими дѣйствіями въ сраженіи при Босвортѣ спасъ его жизнь и доставилъ ему корону. Эта быстрыя и строгія мѣры, хотя и не пресѣкли вполнѣ заговора, но привели заговорщиковъ въ смущеніе. Такимъ образомъ Перкинъ могъ высадиться на берегахъ Англіи не раньше 1494 года. Отбитый поселянами при Дилѣ, отброшенный при Ватерфордѣ, онъ искалъ убѣжища въ Шотландіи. Іаковъ IV принялъ его радушно, женилъ его на своей родственницѣ, Екатеринѣ Гордонъ, и взялъ его съ собой въ Англію, въ 1496 г. Но и Іакову скоро надоѣло это пустое предпріятіе. Въ 1497 г. Варбекъ вернулся въ Ирландію. Оттуда онъ снова пустился въ путь съ тѣмъ, чтобы еще разъ попытать счатья; онъ высадился въ Корнваллисѣ, гдѣ къ нему присоединилось нѣсколько человѣкъ недовольныхъ Корнваллійцевъ. Но лорды и дворянство вооружились противъ него; онъ былъ отброшенъ отъ Экзетера, скрылся въ монастырѣ при Больё. Жизнь ему оставили и, проведя его по улицамъ Лондона, посадили въ Тоуеръ.

Въ 1499 году послѣ попытки бѣжать, онъ и его товарищъ по заключенію, графъ Варвикъ, были казнены. Безъ сомнѣнія, Генрихъ въ этомъ случаѣ руководствовался скорѣй политическими воззрѣніями, чѣмъ чувствомъ справедливости; а именно его вѣроятно побудило къ этому появленіе новаго самозванца, выдававшаго себя за заключеннаго графа. Очевидно также, что Фердинандъ Арагонскій не могъ рѣ-

шиться дать свое согласіе на бракъ своей дочери съ принцемъ Артуромъ, пока хоть одна «капля сомнительной королевской крови» грозила опасностью наслѣдованію престола.

Дружба съ Шотландіей и Испаніей.

Во время эпизода съ Перкиномъ Варбекомъ, длившагося семь лѣтъ, Генрихъ постоянно наталкивался на враждебное отношеніе со стороны Шотландіи. Іаковъ III, сочувствовавшій и содѣйствовавшій своему родственнику, потомку Ланкастерскаго дома, погибъ въ 1488 году въ сраженіи со своими мятежными подданными. Іаковъ IV возобновилъ старыя сношенія съ Франціей; и лишь въ 1498 году состоялось соглашеніе на бракъ его со старшей дочерью короля, Маргаритой. Давно, еще въ 1491 году начались переговоры по поводу этого бракосочетанія; но свершилось оно лишь въ 1502 году. Несогласія между обѣими державами длились два столѣтія. Бракосочетаніе съ дочерью Тюдора положило начало мирнаго періода, не смотря на битвы при Флоденѣ, Сольвей-Моссъ и Пинки, а наступившій міръ сдѣлалъ возможнымъ послѣдующее за тѣмъ соединеніе обоихъ королевствъ въ царствованіе Стюартовъ. Результатъ этотъ былъ достигнутъ благодаря умѣлой дипломатіи испанскаго посланника въ Англіи, Айялы (Ayala); потому что Испанія сознавала, что Англія должна чувствовать себя безопасной, для того чтобы имѣть возможность присоединиться къ «священному союзу», задачей котораго была охраненіе Италіи и папы отъ притязаній Франціи. Союзъ съ Испаніей можетъ считаться самымъ положительнымъ проявленіемъ иностранной политики Генриха. Генрихъ Тюдоръ сходился даже «по природѣ и по нраву» съ Фердинандомъ Арагонскимъ, котораго Макіавелли и Гвичіардини считали типомъ удачнаго правителя. Ихъ положеніе, ихъ интересы и ихъ характеры были схожи. Принцу Артуру было всего одинъ годъ отъ роду, когда сталъ обсуждаться вопросъ о его бракосочетаніи съ Екатериной Арагонской. Дружескія отношенія между Испаніей и Англіей основывались на старыхъ традиціяхъ обѣихъ странъ, а для Фердинанда и Изабеллы, которые въ то время вели борьбу съ Гранадскими Маврами,—борьбу, достигшую высшей степени напряженности,—дружба эта была необходима, тѣмъ болѣе, что имъ единовременно угрожала Франція занятіемъ Руссильона и Серданьи, а также своими покушеніями противъ Неаполитанской вѣтви Арагонскаго рода. И такъ казалось очевиднымъ, что Максиміліанъ, Римскій король, долженъ былъ быть включенъ въ союзъ. Между имъ и Франціей было много поводовъ къ войнѣ во Фландріи, Бургундіи, Швейцаріи и Италіи, не говоря уже о Бретани. Но прежде, чѣмъ подписать окончательный трактатъ, надо было обойти много дипломатическихъ затрудненій. «Максиміліанъ безденежный» былъ наименѣе надежный изъ всѣхъ; Фердинандъ—наименѣе добросовѣстный; Генрихъ, можетъ быть, наиболѣе выигрывалъ. Въ іюлѣ, 1496 года онъ присоединился къ «Священной Лигѣ», а это могло служить вѣрнымъ доказательствомъ того,

что онъ предложилъ свои условія и обезпечилъ за собой вознагражденіе: предоставленіе Перкина его судьбѣ, возобновленіе торговли съ Фландріей, начало соглашенія съ Шотландіей и возобновленіе переговоровъ о бракосочетаніи принца Артура. Внезапная смерть Карла VIII, короля Франціи, вступленіе на престолъ Людовика XII, и вытекающее изъ этихъ событій распаденіе Священной Лиги,—все это не уничтожило прочныхъ результатовъ, достигнутыхъ Генрихомъ. Въ ноябрѣ, 1501 г. состоялось торжественное бракосочетаніе Артура и Екатерины въ соборѣ Св. Павла. Шесть мѣсяцевъ спустя молодой принцъ скончался. Но такъ какъ Артуру было всего 16 лѣтъ, то вѣроятно и бракъ его былъ лишь формальнымъ, а братъ его Генрихъ съ разрѣшенія папы былъ обрученъ съ молодой принцессой, хотя бракосочетаніе состоялось лишь послѣ его вступленія на престолъ, въ 1509 г.

Въ послѣдніе годы своего царствованія, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ государственныхъ бумагъ, у Генриха VII бродили идеи о томъ, чтобы, послѣ смерти Изабеллы воспользоваться колебаніемъ власти Фердинанда въ Кастиліи. Руководствуясь этой идеей, онъ заключилъ тѣсный союзъ съ зятемъ Фердинанда, эрцгерцогомъ Филиппомъ, котораго буря случайна занесла въ одинъ изъ англійскихъ портовъ въ 1506 г.; онъ предложилъ бракъ между собой и сестрой Филиппа Маргаритой; онъ даже предлагалъ жениться на дочери Фердинанда, Іоаннѣ; извѣстно было, что она была безумна; но бракъ съ нею доставилъ бы Генриху регентство надъ Кастиліей. Наконецъ онъ устроилъ бракъ чрезъ посредство представителей между принцессой Маріей, дѣвочкой 12 лѣтъ и сыномъ Филиппа, Карломъ Кастильскимъ, 8 лѣтъ. Какъ извѣстно Фердинандъ былъ сильно встрѣвоженъ всѣмъ этимъ, можетъ быть всѣ эти планы Генриха и были направлены къ тому, чтобы вызвать подобный результатъ, но тѣмъ не менѣе они знакомятъ съ дипломатіею тѣхъ временъ, причемъ самъ Генрихъ выказалъ себя съ весьма дурной стороны въ тѣхъ брачныхъ планахъ, которые онъ составлялъ послѣ смерти Елизаветы Іоркской, въ 1503 г. Его подробные распросы касательно молодой вдовы, королевы Неаполитанской, можно приписать нравамъ того времени, не слишкомъ деликатнымъ въ такихъ вещахъ; но его предложеніе жениться на вдовѣ своего собственнаго сына, возмутительно во всякое время, и негодованіе мало смягчается тѣмъ предположеніемъ, что это былъ лишь дипломатическій подходъ для избѣжанія необходимости возвратить ея приданное. Въ поступкѣ Генриха VII съ семействомъ де ла Поль, послѣдняго бойца Бѣлой розы, мы также находимъ нѣчто, что можно извинить лишь доводами абсолютной неизбѣжности.

Въ 1506 году, въ бытность у него Филиппа, онъ заключилъ условіе со своимъ гостемъ и плѣнникомъ, въ силу котораго послѣдній долженъ былъ ему выдать графа Суффолькскаго, Эдмунда де ла Поль;

онъ же обязывался пощадить его жизнь. Но затѣмъ носились слухи о томъ, что король оставилъ сыну своему инструкціи, схожія съ тѣми, какія Соломонъ получилъ отъ Давида; достовѣрно то, что вскорѣ по вступленіи на престолъ, Генрихъ VIII предалъ казни графа безъ предварительнаго суда.

Иностранныя державы не вѣрили въ прочность новой династіи до самаго конца царствованія перваго изъ Тюдоровъ. Но мы имѣемъ много доказательствъ того, что задолго до этого, онѣ признавали въ Генрихѣ первостепеннаго монарха и дипломата. «Удивительно, какъ ему все извѣстно» писалъ итальянскій посланникъ; «онъ получаетъ спеціальныя сообщенія о каждомъ событіи; купцы постоянно сообщаютъ ему обо всемъ».

Не только отсутствіе въ немъ всякихъ англійскихъ предразсудковъ, не только его вѣчно бодрствующая предусмотрительность и трудолюбіе, но и концентрація европейской политики вокругъ французскаго двора способствовали такому положенію короля Англіи. Его почти непрерывныя удачи сильно вліяли на поколѣніе, преклоняющееся передъ счастьемъ. Самъ-же онъ похвалялся тѣмъ, что благодаря его родственнымъ связямъ съ Шотландіей съ одной стороны, Бургундіей и Кастиліей—съ другой, онъ окружилъ Англію мѣдной стѣной.

Тяжесть налоговъ.

Ясно также, что престолъ его, столь не прочный въ первые годы его царствованія, былъ достаточно проченъ къ концу его. Уже въ 1495 году его увѣренность въ своей силѣ выразилась въ манифестѣ, въ которомъ онъ заявилъ законнымъ повиновеніе подданныхъ фактическому государю. Увѣренность эта проявляется также въ большей недобросовѣстности при накопленіи богатствъ, какое отличалось время управленія финансами Эмпсона и Дудлея. При жизни своей архіепископъ Мортонъ имѣлъ, по всей вѣроятности, болѣе сдерживающее, конституціональное вліяніе; извѣстно, что послѣ его смерти только однажды въ теченіи девяти лѣтъ былъ созванъ парламентъ. Но о самомъ Мортонѣ шли въ народѣ разсказы о томъ, какую дилемму онъ изобрѣлъ относительно плохихъ плательщиковъ («вилка Мортона»): «скупые могутъ платить изъ своихъ экономій; расточительные доказываютъ своею жизнію, что у нихъ есть чѣмъ платить». Но послѣ 1499 года обѣ эти «пьявки» (Эмпсонъ и Дудлей) заключали людей, обвиненныхъ по суду въ тюрьмы, гдѣ и держали ихъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не выкупались крупными суммами; заключали людей и безъ всякаго вердикта; выжимали послѣдній фартингъ во имя феодальныхъ обязанностей; силой вымогали у судей неправильные вердикты, и пренебрегали всѣми древними уголовными законами, лишь бы вынуждать къ платѣ денежной пени. Безъ сомнѣнія, стремленіе къ накопленію богатствъ обратилось въ страсть у Генриха VII; но начало этой политики, благодаря которой послѣ смерти его въ его сундукахъ оказалось болѣе двухъ милліоновъ фунтовъ, основывалось на разумныхъ

принципахъ. Онъ видѣлъ, что плохое состояніе финансовъ было именно тѣмъ подводнымъ камнемъ, о который разбилось судно прежнихъ Ланкастеровъ; онъ сознавалъ, что обыкновенные доходы казны должны быть независимы отъ скаредности парламентовъ. Ни въ чемъ онъ не былъ такъ непоколебимъ, какъ во взиманіи налоговъ; въ 1489 году новый налогъ, субсидія, вызвалъ возстаніе въ Сѣверной Англіи; въ 1495 году возсталъ противъ этого налога Корнвалисъ, и мятежники, занявъ Блакгитъ, угрожали Лондону, такъ что только благодаря правильному сраженію возможно было сбить ихъ съ позиціи. Не считая крупныхъ субсидій на войну, разрѣшенныхъ каждой изъ семи парламентскихъ сессій, бывшихъ при Генрихѣ, онъ въ 1492 году выхлопоталъ себѣ крупный даръ, который актомъ 1495 года получилъ законную санкцію. Въ 1504 году онъ получилъ парламентскую санкцію на феодальные дары его старшему сыну и дочери. Мѣропріятія, которыя поколебали прочность престола предшественниковъ Генриха, лишь укрѣпляли, по видимому, власть Тюдоровъ. Даже Ирландіей, въ которой прежніе короли терпѣли постоянныя неудачи, ему удалось управлять не безъ успѣха. Линія Іорковъ имѣла большое вліяніе на ирландскихъ помѣщиковъ, частью благодаря территоріальному вліянію Ричарда Іоркскаго и воспоминанію о немъ, но преимущественно, безъ сомнѣнія, благодаря инстинкту опозиціи правительству, столь присущему ирландцамъ. Такъ они съ жаромъ приняли сторону Ламберта Симнеля, хотя даже ирландцы не могли серьезно повѣрить его вымыслу. Они въ 1488 г. номинально признали новую династію, но требовали оставленія въ должности лорда-депутата графа Кильдара, главы Жеральдиновъ, бывшаго главнымъ вожакомъ возстанія. Наконецъ и Варбекъ встрѣтилъ первыхъ и послѣднихъ приверженцевъ именно въ Ирландіи. Но если мы внимательнѣе взглянемъ на факты, то убѣдимся, что нерасположеніе ирландцевъ къ королю все больше, и больше теряло подъ собой почву. Когда жалобы на Кильдара стали раздаваться такъ громко, что его въ 1492 г. отставили отъ должности, онъ смѣло глядѣлъ въ глаза своимъ врагамъ въ Вестминстерѣ, и выразилъ желаніе, чтобы его защитникомъ былъ никто другой, какъ самъ король.

Генрихъ VII и Ирландія.

Наконецъ, когда врагъ его, епископъ Митскій (of Meath) сказалъ королю: «вы видите, что вся Ирландія не можетъ справиться съ нимъ», то король отвѣтилъ: «въ такомъ случаѣ пусть онъ правитъ всей Ирландіей»! Между тѣмъ сэръ Эдуардъ Пойнингъ (Edward Poyning) за два года (1494—96) сдѣлалъ много хорошаго въ этой странѣ; особенной извѣстностью пользуется обнародованный имъ актъ (Poynings Act), въ силу котораго ирландская магистратура подчинялась англійской. Онъ также много сдѣлалъ для усиленія королевскаго авторитета; утвержденіе этого послѣдняго въ четырехъ графствахъ, (Дублинѣ, Митѣ, Кильдарѣ, Лоутѣ) было поручено Кильдару, бывшему

депутатомъ съ 1496 по 1513 г. Такимъ образомъ даже въ Ирландіи, въ концѣ царствованія Генриха VII царили внѣшніе миръ и порядокъ, хотя подъ этой покойной поверхностью бушевала борьба между Фицжеральдами и Бутлерами, между англійскими провинціями и «дикой Ирландіею (Wild Irish) и между различными ирландскими главами и племенами, такъ что и тогда придерживались обыкновенной политики — «предоставить Ирландіи жариться въ собственномъ соку».

Однимъ изъ выдающихся событій этого времени былъ такъ называемый великій союзъ, «Intercursus Magnus» т. е. трактатъ съ Фландріей, заключены по истеченіи двухъ-лѣтняго перерыва въ торговыхъ сношеніяхъ между обѣими державами (1494—96). Этотъ перерывъ тяготилъ обѣ стороны, на что ясно указываетъ Бэконъ: «Король любилъ богатства и деньги, а потому ему тяжело было переносить застой въ торговлѣ, или засореніе воротной вѣны, распредѣляющей кровь въ организмѣ». Поэтому объявленіе о заключеніи трактата было встрѣчено въ Антверпенѣ и въ Лондонѣ торжественными процессіями и пирами. Трактатъ этотъ освободилъ торговлю между обѣими странами отъ всякихъ стѣсненій; онѣ обязались помогать другъ другу противъ пиратовъ и открыть свои торговыя гавани для купцовъ обѣихъ странъ. Но конечный результатъ трактата заключался однако въ томъ, что монополія суконнаго производства перенесена была изъ Фландріи въ Англію и эта перемѣна окончательно утвердилась послѣ разгромленія Антверпена Альбой. Intercursus Magnus.

Въ одномъ случаѣ, однако, Генрихъ понесъ крупную потерю; въ 1487 году, Колумбъ, отчаиваясь въ поддержкѣ со стороны Португаліи, отправилъ брата своего, Варѳоломея, ко двору Генриха VII съ цѣлью попытаться, не удастся-ли ему здѣсь найти возможность исполнить свое великое предпріятіе. Варѳоломей былъ схваченъ пиратами, и прежде чѣмъ ему удалось имѣть доступъ къ Генриху VII, Колумбъ открылъ Вестъ-Индію.

Любопытно было-бы знать, каковы были бы послѣдствія, если бы открытый Новый Свѣтъ попалъ подъ владычество Англіи, а не Испаніи. Во всякомъ случаѣ не вина бристольскихъ купцевъ, что случилось такъ: въ 1480 г. они снарядили два корабля, чтобы найти «островъ Бразилію», а въ 1494 г. Джонъ Каботъ открылъ ос. С. Іоанна. Генрихъ принялъ его въ свои владѣнія, а, тому «кто открылъ новый островъ—10 ф.»—значится въ реестрахъ; въ 1498 году онъ послалъ сына Джона Кабота, Себастьяна Кабота, который и открылъ Нью-Фаундлендъ, Новую Шотландію, Лабрадоръ и Флориду. Но открытія эти возбудили зависть Испаніи; она могла предложить болѣе 10 ф., чтобы завладѣть новымъ міромъ, и ей удалось подкупить Севастьяна Кабота, перешедшаго на ея сторону до 1516 г. И такъ Испанія захватывала западныя страны, Португалія проникала на востокъ; Англіи оставалось искать Сѣверо-западнаго пути.

Новая монархія

Гассаля.

Новой монархіей Гринъ называетъ тотъ періодъ, когда Англія de facto управлялась самодержавными королями. Это было слѣдствіемъ чрезвычайной слабости исполнительной власти во времена Ланкастеровъ, «и поводомъ къ сильному столкновенію между королевской властью и парламентомъ во время Стюартовъ, между исполнительной и представительной или законодательной конституціонными властями». Въ этомъ періодѣ измѣнилось взаимное положеніе короны, парламента и церкви.

Наступила новая эра въ иностранной политикѣ, торговля значительно расширилась. Этотъ періодъ былъ временемъ особаго расцвѣта жизни и свободы, предпріимчивости, искусства, литературы, религіи, а, позднѣе, политики.

Началомъ «новой монархіи» можно считать вступленіе на престолъ Эдуарда IV, а окончательнымъ ея установленіемъ—царствованіе Генриха VII. Она не только можетъ считаться началомъ новаго періода, и усиленія власти королевской, которая одна могла противостоять бурнымъ переворотамъ во всѣхъ сферахъ мысли и жизни; она кромѣ того доставила новой исполнительной власти торжество надъ старой законодательной.

Отношенія между королевской властью и парламентомъ, между исполнительной и законодательной властями, могутъ основываться на трехъ базисахъ: законодательная власть можетъ быть подчинена королевской власти, и тогда результатомъ будетъ самодержавная монархія. Или же исполнительная власть контролируется законодательной, что мы видимъ въ конституціонныхъ монархіяхъ; или же объ власти равны и независимы другъ отъ друга, образцемъ чего служатъ Соединенные Штаты. Въ періодъ Новой Монархіи законодательная власть совершенно подчинилась исполнительной. Въ теченіи четырнадцатаго столѣтія, не смотря на разростаніе конституціонной жизни, не была проведена точная граница правамъ короля. «Потому что всякій разъ, какъ подтверждались права народа», говоритъ епископъ Стёбсъ въ своихъ работахъ о XIV столѣтіи, «мы встрѣчаемъ и противоположное подтвержденіе самодержавія короля. Въ теоріи—власть короля дѣлается все болѣе самодержавной, въ то время какъ на практикѣ она все болѣе ограничивается волей народа». Но хотя подтвержденіе понятія о божественномъ правѣ и претензіи Ричарда II на несбыточныя монархическія права и были поколеблены революціей 1399 г. и послѣдовавшимъ за ней междуцарствіемъ во время Лан-

кастеровъ, однако оказалось, что теорія абсолютизма лишь временно пошатнулась.

Преобладаніе законодательной власти.

Послѣ сверженія съ престола Ричарда, впервые въ Англіи законодательная власть одержала верхъ, а во время несовершеннолѣтія Генриха VI, совѣтъ, подчиненный парламенту, управлялъ государствомъ. Но оказалось, что совѣтъ не умѣлъ вести дѣло управленія государствомъ, и его неспособность къ сохраненію порядка, вмѣстѣ съ слабохарактерностью и неумѣлымъ правленіемъ Генриха VI, вызвали необходимость прибѣгнуть къ тому, что называли тогда новой теоріей государственнаго управленія—хотя при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи легко убѣдиться, что эта новая теорія во многихъ пунктахъ была тождественна съ тѣмъ, что Ричардъ II такъ безъуспѣшно старался ввести. Различныя обстоятельства совпали такимъ образомъ, что дали теоріи этой силу и доставили ей популярность.

Реакція

Насилія, совершаемыя въ тѣ времена, навели многихъ на мысль, что монархическая власть представляетъ единственную защиту и оплотъ для слабыхъ классовъ общества. Идея о томъ, что всѣ права высшихъ классовъ имѣютъ источникомъ монархическую власть, и что особа короля есть воплощеніе монархической власти, легко проникла въ народъ и была имъ сочувственно принята. Какъ только общины окончательно убѣдились, что лорды перестали стоять во главѣ народа, что они, напротивъ того, вовлекли страну во всѣ бѣдствія междоусобной войны, руководствуясь своими личными и партійными интересами,—онѣ сгруппировались вокругъ престола и, составляя его сильнѣйшую опору, вмѣстѣ съ тѣмъ нашли въ немъ защитника. Такимъ образомъ парламентъ пришелъ къ убѣжденію о необходимости создать прочную монархію и употребилъ всѣ доступныя ему мѣры для того, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе. Поэтому по словамъ Галлама «въ конституціи парламента конца среднихъ вѣковъ не было и слѣда республиканскихъ началъ. Все, повидимому, вытекало изъ монархической власти, и служило на пользу и во славу короля. Голоса челобитчиковъ, даже въ тѣ времена, когда Нижняя Палата находилась въ наиболѣе недовѣрчивомъ настроеніи, не теряютъ своего почтительнаго тона, а прерогативы престола всегда признаются въ пророковѣщательныхъ и торжественныхъ выраженіяхъ».

Элементы королевской власти.

Легальная теорія признавала за королемъ неотъемлемое и единое право земельной собственности, и поэтому-то юристы разсматривали законъ о престолонаслѣдіи съ точки зрѣнія обыкновеннаго права на наслѣдство недвижимаго имущества, т.-е. признавали права старшаго сына. Идея о *легитимаціи*, т.-е. о ненарушимомъ правѣ законнаго наслѣдника, сильно прогрессировала въ теченіи четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій. Генрихъ IV, Эдуардъ IV, Ричардъ III и Генрихъ VII—всѣ заявляли, кромѣ другихъ соображеній, и о наслѣдственномъ правѣ на престолъ, а существованіе такихъ требованій «свидѣтельствуетъ о

возрастаніи вѣры въ доктрину, которая со временемъ легла въ основу вѣры въ вѣрноподанничество». Будучи разсматриваемъ какъ источникъ всякаго частнаго права землевладѣнія, опираясь со временъ Эдуарда I на наслѣдственныя права—такъ какъ въ законѣ не признавалось никакого перерыва въ престолонаслѣдіи—престолъ занялъ весьма твердую позицію. Король сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю исполнительную власть, «которая служитъ источникомъ и базисомъ королевскихъ прерогативъ». Онъ пользовался правомъ создавать государственныя должности, и права на занятія этихъ должностей опредѣлялись имъ. Онъ былъ источникомъ справедливости, верховнымъ хранителемъ мира, и судьей въ духовныхъ и коммерческихъ дѣлахъ. Политическое правленіе сосредоточивалось въ королѣ, правившемъ при помощи судовъ и своихъ совѣтниковъ. На практикѣ король нерѣдко пользовался законодательнымъ правомъ, хотя подразумѣвалось, что онъ не долженъ отмѣнять рѣшеній трехъ сословій. Онъ не былъ обязанъ созывать парламентъ, и его право на изданіе законовъ посредствомъ указовъ рѣдко оспаривалось. И такъ въ теоріи король былъ всемогущъ; но на практикѣ ему весьма трудно было управлять государствомъ безъ совѣта и согласія сословныхъ представителей [1]).

Примѣненіе теоріи абсолютизма.

Таково было дѣйствительное положеніе короля въ концѣ среднихъ вѣковъ. Ричардъ II поплатился жизнею за то, что «принялъ теорію за фактъ».

Монархи изъ фамиліи Тюдоровъ убѣдились, что нація твердо вѣритъ въ теорію и отнюдь не прочь придерживаться фактовъ. Лишь когда Стюарты пытались развить теорію, потерявшую подъ собой всякую почву, нація возстала и на всегда устранила абсолютизмъ.

Но во время диктатуры Тюдоровъ нація видѣла только лучшую сторону теоріи королевской власти. Въ эту эпоху необходимъ былъ властный король, и въ то время, какъ духовенство настаивало на повиновеніи, какъ на религіозной обязанности, юристы поддерживали теорію системой вѣрноподданничества, вѣрности, присягой и закономъ объ измѣнѣ. Во времена правленія королей слабохарактерныхъ эти обязательства недостаточны были для поддержанія порядка, но благодаря политическому самоубійству баронства, поддержкѣ со стороны духовенства и общинъ, династія Тюдоровъ, поддерживая миръ въ странѣ и усиливая повиновеніе подданныхъ, встрѣтила въ народѣ полную готовность признать религіозную и легальную санкцію теоріи о королевской власти.

Новая монархія и политическое развитіе.

Многіе, однако, утверждали, что, съ точки зрѣнія конституціи, весь періодъ отъ 1460 до 1640 г. есть ничто иное, какъ пробѣлъ, и что

---

1) Легко можно доказать, что въ Англіи король никогда одинъ не пользовался законодательной властью.

великая революція «только ухватилась за ту нить политическаго развитія, которую прервала война Алой и Бѣлой Розъ». Но подобныя утвержденія очевидно неточны. Первые результаты «Новой Монархіи», конечно, почти равнялись революціи и въ теченіи около шестидесяти лѣтъ парламентская конституція на практикѣ была уничтожена; но съ паденіемъ Вольсея политическое развитіе страны продолжалось, и шаги ея на пути прогресса были хотя медленны, но вѣрны и непрерывны.

Правленіе королей изъ Іоркскаго дома было деспотическимъ правленіемъ, но въ противоположность съ правленіемъ Тюдоровъ оно не пользовалось популярностью. Въ царствованіе Эдуарда IV, исполнительная власть освободилась отъ путъ, наложенныхъ на нее частью во времена первыхъ трехъ Эдуардовъ, но главнымъ образомъ во времена правленія Ланкастеровъ. Со временъ Эдуарда I корона не пользовалась еще такимъ могуществомъ; и такимъ образомъ на время прекратилась великая борьба между исполнительной и законодательной властью побѣдой первой изъ нихъ. Эдуардъ IV такимъ образомъ открылъ путь для Тюдоровъ; но онъ предвосхитилъ методъ ихъ правленія, а никакъ не присущій ему духъ. Въ его царствованіе недовольные сдерживались единственно терроромъ. Онъ мало обладалъ способностью предвидѣнія, личныя его правила были почти такъ-же безпорядочны, какъ безпорядочно было слабое правленіе Генриха VI., и этой-же системы придерживались и его преемники.

«Хотя при Генрихѣ IV, Общины пользовались такой властью, какой никогда ни до него, ни послѣ, покрайней мѣрѣ въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ имъ не удавалось достичь», однако многія изъ ихъ требованій оказались преждевременными.

Побѣда 1399 года была тоже преждевременной побѣдой, такъ какъ факты доказали, что нація еще не была подготовлена къ парламентскому самоуправленію, предложенному ей Ланкастерами, и парламентъ рѣшительно не былъ способенъ служить орудіемъ управленія. Монархія Тюдоровъ никоимъ образомъ не должна разсматриваться, какъ время перерыва въ англійской конституціональной жизни; Тюдоры были популярны, а отсутствіе постоянной арміи доказывало, что даже Генрихъ VIII могъ разсчитывать на поддержку всѣхъ сословій. Для того, чтобы обезпечить за собой отдыхъ послѣ треволненій временъ династическихъ и соціальныхъ переворотовъ, граждане готовы были согласиться признать, что диктаторскій авторитетъ, обыкновенно извѣстный подъ названіемъ королевскаго самодержавія, составляетъ необходимой аттрибутъ самаго понятія о королевской власти.

И такъ сила, на которую опирался престолъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, «покоилась на прочности монархической идеи, на богатствѣ короля, на легальныхъ объясненіяхъ теоріи верховной власти». До паденія Ланкастеровъ казалось, что по мѣрѣ того, какъ въ теоріи королевская власть дѣлалась болѣе и болѣе абсолютной, на практикѣ

она все болѣе и болѣе ограничивалась народною волей. Но когда нація, въ полномъ ея составѣ, заинтересована была въ поддержаніи претензій королевской власти, для королей было уже легко преувеличить королевскіе аттрибуты и до безконечности расширить поле своихъ прерогативъ. Генрихъ VII, воспользовавшись отсутствіемъ соперниковъ, а также желаніемъ народа обезпечить наслѣдство престола, получилъ отъ покорнаго парламента прерогативы, узаконенныя статутами, онъ съ успѣхомъ пользовался неограниченной исполнительной и судебной властью короны, усилилъ и организовалъ орудіе своего авторитета, королевскій совѣтъ, дѣлалъ займы безъ согласія парламента, и усилилъ представительство. Но самъ народъ соглашался подчиняться такому правленію, а парламентъ потворствовалъ ему. Ради достиженія спокойствія и порядка страна готова была попуститься нѣкоторыми правами конституціональной свободы.

Права сословій. Новая монархія опиралась на новыя силы, возникшія въ новыя времена: на торговлю, замѣнившую феодализмъ, на индивидуализмъ, занявшій мѣсто церковной системы. Съ вступленіемъ на престолъ Генриха VII начались измѣненія равновѣсія между церковью и государствомъ, между престоломъ и сословіями, а при Генрихѣ VIII, эти измѣненія окончательно установились. Центръ тяжести въ великомъ государственномъ строеніи измѣнилъ свое положеніе въ теченіи эпохи, протекшей отъ Норманскихъ завоеваній до сраженія при Босвортѣ. Отъ 1066 г. до Великой Хартіи корона, духовенство и общины соединялись противъ феодальныхъ инстинктовъ баронства; начиная-же отъ Великой Хартіи до революціи 1399 г. бароны, общины и, отчасти, духовенство, соединились противъ агрессивныхъ дѣйствій короны. Со временъ низложенія Ричарда II до вступленія на престолъ Генриха VII королевскій домъ, баронство и общины сдѣлались добычей внутреннихъ несогласій. Послѣ царствованія Ланкастерской и Іоркской линій, духовенство, которое одно только изъ трехъ сословій не пострадало во времена войнъ Алой и Бѣлой розъ, повидимому сохраняло довольно строгое единеніе и силу; изъ его рядовъ все еще избирались министры; оно обладало большинствомъ въ палатѣ лордовъ; у него сосредоточивались крупныя богатства.

А между тѣмъ, несмотря на сохраненія власти, церковь потеряла вліяніе на народъ; это вліяніе, которое въ одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ сослужило ему великую службу въ борьбѣ за свободу, было подточено по многимъ причинамъ. Движеніе Лоллардовъ, эпоха Возрожденія, все увеличивающаяся секуляризація духовенства, союзъ съ иностранными державами или зависимость отъ нихъ — все это понемногу способствовало той потерѣ популярности, которая постепенно поражала духовенство въ пятнадцатомъ и въ началѣ шестнадцатаго вѣковъ. Духовенству угрожало раззореніе, оно было лишено возможности прибѣгнуть къ защитѣ

обезсиленныхъ бароновъ, съ которыми оно еще недавно отождествляло себя, а потому ему оставлялось только вполнѣ подчиниться королевской власти, стать оплотомъ короны, и такимъ образомъ спастись отъ грозящей ему гибели.

До начала войнъ Алой и Бѣлой Розы высшее сословіе пользовалось неограниченнымъ вліяніемъ въ странѣ. «Если принять въ расчетъ земельную собственность бароновъ, то этого было достаточно, чтобы служить противовѣсомъ соединенному вліянію короны и остальныхъ двухъ сословій». Духовенство не могло противустоять имъ, а палата общинъ хотя и заняла весьма важное конституціонное положеніе въ царствованіи Генриха IV, однако было очевидно, что въ дѣйствительности она зависѣла отъ лордовъ, и что авансы, сдѣланные ей въ царствованіи Ланкастеровъ, были преждевременны. Въ это время высшее сословіе и духовенство были господствующими классами, а остальныя сословія соглашались на ихъ преобладаніе. Въ особенности палата общинъ не умѣла дѣйствовать самостоятельно отъ лордовъ, когда вспыхнула война Алой и Бѣлой Розъ. Во время этой войны, высшее сословіе, такъ сказать совершало политическое самоубійство. «Ослабленная не малочисленностью, а потерей власти и престижа» палата лордовъ подпала подъ власть энергичнаго правителя. Сраженія при Барнётѣ и Тюксбюри въ 1471 году разстроили временный союзъ Ланкастеровъ и Іоркистовъ противъ Эдуарда IV, и судьба средняго баронства, какъ политической силы, была рѣшена.

Торжество высшаго сословія послѣ сраженія при Босвортѣ длилось не долго. Своимъ бракосочетаніемъ Генрихъ вновь соединилъ Ланкастерскую и Іоркскую партіи и принялся за возстановленіе національнаго равновѣсія. Возстановленіе равновѣсія между сословіями.

Безсиліе престола происходило больше всего отъ временныхъ причинъ, и энергичный монархъ, слѣдующій опредѣленной политикѣ и поддерживаемый народомъ, могъ привести въ порядокъ политическіе факторы государства и открыть въ будущемъ путь для болѣе здороваго прогресса. И такой-то именно политикѣ придерживался Генрихъ VII.

При его вступленіи на престолъ равновѣсіе силъ было нарушено, благодаря полному отсутствію энергіи у землевладѣльцовъ баронетовъ. Общины, лишенныя своихъ естественныхъ руководителей, бароновъ, къ которымъ онѣ потеряли всякое довѣріе, не имѣющія возможности, да и не желающія бороться съ могущественнымъ королемъ, перестали интересоваться политикой, предоставили высшіе классы, богатое купечество и крупныхъ землевладѣльцевъ, благоусмотрѣнію короля, стали заниматься торговлей и литературой и съ тѣхъ поръ и началось накопленіе богатства, въ ихъ рукахъ, которое, въ послѣдствіи сдѣлало для нихъ возможнымъ вести борьбу съ Карломъ I. Высшее духовенство, не пользующееся популярностью въ народѣ и зависимое

отъ престола, дѣйствовало совершенно согласно съ видами и желаніями короля и не препятствовало нисколько концентраціи власти въ рукахъ одного Генриха VII.

Такимъ образомъ Генрихъ VII получилъ возможность лишить всякаго значенія древнее баронство, положить основаніе къ зарожденію новаго дворянства, и если не создать, то способствовать созданію средняго сословія. Нація вполнѣ ему сочувствовала въ его строгости по отношенію къ высшему сословію и къ крупнымъ собственникамъ. Порядокъ—вотъ въ чемъ чувствовалась самая настоятельная нужда въ то время, и въ благодарность за возстановленіе порядка люди готовы были способствовать королевской политикѣ, охраняющей народные интересы, уничтожающей привиллегіи высшихъ классовъ и унижающей баронство. Со временъ Эдуарда III монархическая власть была слаба, а слѣдовательно и всякій авторитетъ былъ слабъ. Конституціонные эксперименты Ланкастеровъ потерпѣли неудачу, Англія потеряла свои иностранныя владѣнія и торговля ея пала. Страна страдала отъ безпорядковъ, которые достигли кульминаціонной точки во время войны Алой и Бѣлой Розъ. На сколько однако дѣло шло о торговомъ классѣ, то въ этой войнѣ выразилось лишь желаніе народа избавиться отъ некомпетентнаго правителя, такъ какъ единственная надежда на возстановленіе порядка основывалась на вступленіи на престолъ энергичной линіи королей. Однимъ словомъ, приходилось выбирать между анархіей и деспотизмомъ. Возрожденіе наукъ, коммерческая предпріимчивость, всеобщее утомленіе политической борьбой, эгоизмъ высшихъ сословій, непопулярность духовенства,—всѣ эти обстоятельства мирили народъ съ диктаторствомъ Тюдоровъ. Пока король не требовалъ денегъ; онъ могъ дѣлать, что ему вздумается. онъ могъ вымогать деньги у богатыхъ, лишь бы не трогать среднихъ классовъ.

И такъ Генрихъ VII, не имѣя сильнаго баронства, которое могло бы противостоять ему, пользуясь поддержкой народа и парламента, все болѣе и болѣе притѣснялъ древнее дворянство. Это достигалось какъ изданіемъ закона о государственной измѣнѣ, тяжелыми пенями за всякаго рода проступки, такъ и вообще при посредствѣ Королевскаго Совѣта. Въ 1487 г. прошелъ актъ, учреждающій Звѣздную Палату, и вслѣдъ за этимъ начались отрѣшенія отъ должностей, наказанія шерифовъ за недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу, запрещенія скопищъ и всякихъ противузаконныхъ собраній.

Генрихъ VII стремился къ окончательной нивеллировкѣ классовыхъ привиллегій. Нѣкоторыя лица изъ числа древнихъ дворянъ занимали при немъ должности, но они были поставлены на одну ступень съ остальными чиновниками, дѣлящими труды короля въ правленіи государствомъ. Вліяніе средняго дворянства слабѣло, а древнее дворянство, за малыми исключеніями, мало по малу исчезало. Лишь нѣко-

торые, какъ напр. Герцогъ Норфолькъ, служили какъ бы связью между временами Плантагенетовъ и временами Тюдоровъ. «Гражданскія войны приподняли новые слои почвы» и возсозданіе новаго дворянства изъ подъ обломковъ древняго было начато Генрихомъ VII, и продолжалось Генрихомъ VIII и Елизаветой.

Новое дворянство.

И такъ, въ концѣ пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго вѣковъ было приступлено къ заполненію новыми людьми опустѣвшихъ рядовъ дворянства. Классъ, который выдвинулъ изъ своихъ рядовъ лицъ, заполнившихъ пустоту, образовавшуюся вслѣдствіи войнъ, конфискацій, лишенія правъ, былъ тотъ, который можно бы назвать высшимъ сельскимъ классомъ, образовавшимся отъ сліянія рыцарей графствъ со свободными землевладѣльцами не дворянскаго происхожденія, которые послѣ Эдуарда I стремились отдѣлиться отъ класса бароновъ. Этотъ новый классъ въ пятнадцатомъ столѣтіи посвятилъ себя хлѣбопашеству и торговлѣ шерстью и другими продуктами своихъ стадъ. Изъ этого-то класса Генрихъ VII по преимуществу выбиралъ своихъ перовъ. Такимъ образомъ новое перство опиралось на богатство; ему были чужды традиціи стараго дворянства и, наконецъ, оно всецѣло было предано королю, которому было обязано своимъ положеніемъ и отъ котораго ожидало новыхъ милостей.

Хотя баронство конца среднихъ вѣковъ было тщеславно, эгоистично, обладало малой совѣстливостью и не пользовалось симпатіей, но все же оно всегда сохраняло болѣе возвышенное понятіе объ отвѣтственности, лежащей на немъ, нежели новое дворянство Тюдоровъ. Политика землевладѣльцевъ-бароновъ была политикой островитянъ; это было «удивительное олицетвореніе силы и непостоянства». Характеристика-же продажныхъ дворянъ новой формаціи поистинѣ еще болѣе отталкивающая, чѣмъ анархистскіе и жестокіе обычаи древнихъ бароновъ. Но настоящая цѣль этой перемѣны была, однако, обращеніе феодальныхъ лордовъ въ землевладѣльцевъ-джентри.

Въ теченіи всего своего царствованія Генрихъ VII создалъ лишь пять новыхъ перствъ, а именно: графство Батъ, Ирландское графство Ормондъ, и графства Добени, Ченей и Бургъ. Правда, что въ 1485 г. были созваны въ парламентъ лишь 29 лордовъ, но эта малочисленность была слѣдствіемъ случайныхъ причинъ, несовершенолѣтія представителей перствъ, и ни чѣмъ не объяснимаго отсутствія нѣкоторыхъ перовъ, какъ то лордовъ Огль, Дакръ и Скропъ. Позднѣе прекратившіеся перства снова возродились; Говарды и Ферреры снова вошли въ милость, и хотя было еще нѣсколько перовъ, лишенныхъ правъ, позднѣйшіе парламенты Генриха VII состояли изъ сорокъ перовъ, что и считалось полнымъ числомъ въ этомъ столѣтіи. И такъ, хотя мы и видимъ въ теченіе всего царствованія Генриха VII стремленіе съ его стороны возвышать новыхъ людей и пользоваться ими, хотя мы даже можемъ указать на тотъ классъ, изъ

котораго должны были быть созданы новые перы, однако было бы преувеличеніемъ сказать, что Генрихъ сдѣлалъ больше, чѣмъ указать своимъ преемникамъ на новый политическій путь.

Возвышеніе Общинъ.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи палата общинъ заняла въ парламентѣ первенствующее мѣсто, которое съ тѣхъ поръ и осталось за ней. Даровавъ право представительства городамъ и мѣстечкамъ Валлиса, Кале и Честеру, Генрихъ VII въ 1543 году прибавилъ къ прежнему числу членовъ еще тридцать два члена рыцарей и гражданъ; а въ 1549 году мы впервые видимъ сына пера, добивающагося избранія въ палату общинъ. Кромѣ того въ шестнадцатомъ столѣтіи измѣненіе во взаимномъ положеніи членовъ графствъ и городовъ служитъ новымъ многознаменательнымъ доказательствомъ роста и вліянія средняго класса. Въ пятнадцатомъ столѣтіи, хотя представители городовъ пользовались большимъ авторитетомъ въ дѣлахъ финансовыхъ, они не играли никакой роли въ государственныхъ дѣлахъ. Представители графствъ, рыцари, всегда играли первенствующую роль въ палатѣ Общинъ. Но съ наступленіемъ шестнадцаго столѣтія произошла перемѣна: граждане обсуждали государственные вопросы наравнѣ съ представителями графствъ, а въ 1529 году въ парламентѣ лидеръ палаты общинъ, Ѳома Кромвелль, былъ представителемъ города Таунтонъ.

Соціальная и экономическая политика Тюдоровъ.

Представители городовъ были отчасти обязаны просвѣщенной политикѣ Генриха VII тѣмъ выдающимся положеніемъ, которое они занимали въ палатѣ въ царствованіи Генриха VIII и Елизаветы. На сколько Генрихъ VII стремился къ уничтоженію стараго дворянства, на столько ему дорого было процвѣтаніе торговаго класса. Въ этомъ-то и заключается главная черта правленія Тюдоровъ, какъ соціальныхъ преобразователей: политика ихъ царствованія отличается систематической заботливостью о процвѣтаніи торговли, а также среднихъ и низшихъ сословій. Они занимались вопросами о заработной платѣ, объ отношеніяхъ труда къ капиталу. Они интересовались земледѣліемъ и овцеводствомъ, заботились о народномъ образованіи. Въ пятнадцатомъ столѣтіи одинъ изъ общественныхъ классовъ быстро возвышался — а именно тотъ, который былъ спеціально заинтересованъ въ установленіи прочной монархической власти, имѣющей возможность водворить порядокъ въ странѣ. Этому классу покровительствовали и Эдуардъ IV и Ричардъ III: оба заключали торговые договоры съ иностранными державами и оказывали покровительство торговлѣ посредствомъ многочисленныхъ законоположеній. Генрихъ VII употребилъ всѣ усилія, чтобы выдвинуть впередъ средній классъ. Онъ поощрялъ торговлю и промышленность, онъ поддерживалъ интересы англійскаго судоходства требованіемъ, чтобы «вина и лѣсъ изъ Гаскони и Лангедока непремѣнно перевозились на англійскихъ судахъ»; онъ старался, прибѣгая къ средствамъ, которыхъ современные экономисты, конечно, не одо-

брили бы, воспрепятствовать ввозу безполезныхъ предметовъ роскоши, напр. лентъ, регулировать цѣну на различные сорта шерсти и предупредить вывозъ золота.

Благодаря ему Севастьянъ Каботъ открылъ Нью-Фаундленъ; благодаря его дипломатіи былъ заключенъ «великій договоръ» въ 1496 г., а это событіе составляло эпоху въ исторіи торговли Англіи съ Фландріей, а позднѣе, въ 1506 году былъ заключенъ новый трактатъ, урегулировавшій торговыя сношенія между Англіей и Фландріей; этотъ послѣдній трактатъ былъ составленъ до такой степени въ пользу Англіи, что въ Нидерландахъ онъ получилъ названіе: «Malus Intercursus». Политика Генриха VII, которую продолжали Генрихъ VIII и Елизавета, преобразила Англію изъ бѣдной и малонаселенной страны въ богатую и населенную. Эпоха Тюдоровъ создала дисциплинированный средній классъ, а съ нимъ возникла и новая политическая сила въ странѣ. Меркантильныя тенденціи безъ сомнѣнія, способствовали къ расширенію народнаго ума, имѣли благотворное вліяніе на иностранную политику, а также способствовали развитію политической экономіи. Но въ тоже время торговый духъ болѣе всякаго другого фактора способствовалъ усиленію власти торговаго класса и устраненію всякаго соперничества. Въ царствованіи Генриха VII Англія нуждалась «въ конституціонной и правительственной организаціи»—и достигла ее. Равновѣсіе силъ въ государствѣ измѣнило центръ своей тяжести: сила, вѣсъ и вліяніе королевской власти возросли, благодаря временной потерѣ дворянствомъ своего престижа и прежняго политическаго положенія, благодаря подчиненію духовенства и съ согласія общинъ.

Усиленіе королевской власти.

Но кромѣ всеобщаго подчиненія всѣхъ классовъ королевской власти, еще много другихъ обстоятельствъ способствовали необыкновенному усиленію престола во времена царствованія Генриха VII. Въ самомъ соединеніи домовъ Ланкастерскаго и Іоркскаго уже таилось сліяніе сословій.

Земли, конфискованныя у лордовъ, перешли во владѣніе короля и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда конфискованныя земли возвращались ихъ владѣльцамъ, все-же извѣстная часть ихъ оставалась въ рукахъ короля. Всѣ возмущенія этого царствованія расширяли королевскія пріобрѣтенія, и не даромъ говорилось, «что измѣна болѣе выгодна для Генриха VII, чѣмъ какая-либо другая отрасль дохода». Онъ всегда былъ очень осмотрителенъ въ денежныхъ дѣлахъ, а при помощи системы ссудъ и даровъ, и феодальныхъ вымогательствъ, благодаря которымъ Эмпсонъ и Дудлей заслужили такую позорную извѣстность, онъ до того увеличилъ свои доходы, что въ послѣдніе годы своего царствованія могъ смѣло обходиться безъ парламента. Его скаредный образъ жизни и его походъ во Францію также способствовали этому. Бэконъ говоритъ, что «его войны всегда служили ему источникомъ

пріобрѣтенія», и далѣе: «Люди не боялись утверждать, что король ощипываетъ дворянство и народъ, чтобы одѣться въ ихъ перья». Такими путями власть и первенствующее значеніе престола достигли такого развитія, какого до тѣхъ поръ никогда не имѣли.

И такъ царствованіе Генриха VII было временемъ большаго измѣненія въ конституціонномъ равновѣсіи; престолъ de facto былъ самодержавнымъ,—и хотя Тюдоры не обладали ни постояннымъ войскомъ, ни организованной полиціей, они достигли власти безъ большаго труда. Если бы не безумное правленіе Генриха VIII и волненія реформаціи, самодержавіе могло легко сдѣлаться постояннымъ и конституціонное равновѣсіе было бы уничтожено.

Церковь

Гентона.

Кардиналъ Мортонъ и „Utopia".

Исторія церкви въ Англіи, во время царствованія Генриха VII сосредоточивается въ личности одного человѣка, котораго во многихъ отношеніяхъ можно считать представителемъ церкви этой эпохи Джонъ Мортонъ, кардиналъ и канцлеръ, епископъ Эли и примасъ всего соединеннаго королевства Англіи—тотъ самый, который составилъ планъ соединенія обѣихъ Розъ, который вызвалъ возстаніе Букингама, который былъ правой рукой короля Генриха VII—съ перваго взгляда, повидимому, больше принадлежитъ государству, чѣмъ церкви. Совмѣстительство различныхъ должностей, занимаемыхъ имъ, неминуемо влекло его—какъ замѣчаетъ совершенно вѣрно одинъ великій историкъ, — къ проявленію въ нѣкоторыхъ случаяхъ нерѣшительности и непослѣдовательности, доказательствомъ чему служитъ, напр., тотъ случай, когда канцлеръ-архіепископъ позволилъ убѣдить себя измѣнить приговоръ противъ недобросовѣстнаго душеприкащика, на томъ—де основаніи, что онъ будетъ осужденъ «на вѣчную муку въ аду». (Sic) [1]). Но, тѣмъ не менѣе Мортонъ исполнялъ свои церковныя обязанности съ такимъ же рвеніемъ и добросовѣстностію, какъ и административныя и законодательныя, и кромѣ того онъ глубоко интересовался всѣми движеніями этого сложнаго и безпокойнаго періода. Онъ понималъ значеніе общественнаго переворота того времени и стремился доставить матеріальное благосостояніе классамъ, пострадавшимъ отъ земледѣльческой революціи. Онъ на свой счетъ ремонтировалъ дворцы въ своихъ многочисленныхъ эпархіяхъ, воз-

[1]) Стёббса—„Lectures on Medieval and Modern History".

велъ много зданій въ Оксфордѣ (къ которымъ можно причислить и несравненное по красотѣ зданіе такъ называемаго перпендикулярнаго стиля Богословской школы), провелъ великій каналъ отъ Петерборо до Уисбеча, носящій и по сю пору названіе канала Мортона, построилъ башню церкви въ Уисбечѣ и перестроилъ Рочестерскій мостъ. Онъ же, безъ сомнѣнія, доставилъ Томасу Мору свѣдѣнія, на которыхъ основываются единственныя вѣрныя представленія о царствованіи Ричарда III.

Въ введеніи ко «*Утопіи*», мы видимъ точнее воспроизведеніе его громаднаго хозяйства, многообразныхъ интересовъ, ласковаго обхожденія; вся сцена открывается передъ нашими глазами: бесѣда вокругъ жарко-горящаго огня, слушатели съ любопытствомъ внимающіе разсказу, сикофанты, готовые, кажется, хватать на лету слова своего патрона, спокойная, мудрая терпимость самаго кардинала. Возникаютъ дебаты по поводу главныхъ соціальныхъ золъ и великій архіепископъ говоритъ о нихъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ того, чья «рѣчь остроумна, краснорѣчива и милосердна, обращеніе мягко, но серьезно и мудро». У него-то именно Моръ и научился сочувствовать страданіямъ народа, а также правдивости и смѣлости рѣчи объ этихъ страданіяхъ. Онъ на половину принадлежитъ прошлому, на половину будущему: въ немъ интересы среднихъ вѣковъ связываются съ интересами Тюдоровъ, если не съ интересами новаго времени.

Церковники, какъ государственные чиновники.

Исторія его карьеры служитъ намъ указаніемъ, какимъ образомъ короли пятнадцатаго столѣтія оказывали покровительство духовнымъ лицамъ. Серъ Джонъ Фортескью [1]) замѣчаетъ въ своей схемѣ о преобразованіи королевскаго совѣта, что: «нѣтъ надобности назначать двѣнадцати духовнымъ членамъ совѣта такое большое жалованіе, какое назначается двѣнадцати свѣтскимъ членамъ» и причина объясняется способомъ назначать на должности, принятымъ въ тѣ времена. Гасконь (Gascoyne), будучи на столько же сатирикомъ, какъ и реформаторомъ, говоритъ: »Iam ecclesiae et episcopatus sunt pensiones et mercedes servorum regum et dominorum mundanorum«. Папа смотрѣлъ сквозь пальцы на эти злоупотребленія до тѣхъ поръ, пока церковь платила дань.

Услуги, за которыя король платилъ Мортону, носили, безъ сомнѣнія, политическій характеръ, но наибольшія награды получаемыя имъ, король заимствовалъ у церкви.

Великіе епископы того времени были или слугами короля, или отпрысками древнихъ дворянскихъ фамилій. Ѳома Буркье (Thomas Bourchier) былъ возведенъ въ санъ архіепископа, «потому что въ жилахъ его также древняя кровь»; богатѣйшія эпархіи страны принадлежали Джоржу Невиллю, брату того Невилля, которому короли были обя-

[1]) Изд. Плюммера. 146.

заны престоломъ (the King-maker). Можетъ быть и хорошіе люди получали назначенія въ тѣ времена, но самая система была ложная и и носила въ своемъ лонѣ зачатки паденія. Подобный методъ назначенія на должности не способенъ былъ создать дѣятельныхъ высшихъ должностныхъ лицъ, хотя создавалъ людей терпимыхъ, гостепріимныхъ и роскошно живущихъ. И такъ ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что въ царствованіе Генриха VII не было вовсе или было мало религіозныхъ преслѣдованій, не было или рѣдко встрѣчалась ученая, или духовная дѣятельность [1]). По крайней мѣрѣ для высшаго духовенства это время было временемъ покоя, и благополучіе распространилось и на монастыри.

Упадокъ монастырей.

На многихъ большихъ монастыряхъ не слишкомъ тяжелымъ бременемъ лежали ихъ обязанности. Аббаты были отпрысками древнихъ родовъ, и жили, какъ жили тогда всѣ землевладѣльцы, добрыми хозяевами, оказывающими нѣсколько устарѣлыя благодѣянія бѣднымъ. Большая часть монастырей продолжала держаться оппозиціи,—недальновидной, не имѣющей будущности, но безкорыстной—противъ тенденцій того времени. На своихъ земляхъ они придерживались старой системы воздѣлыванія въ то время, какъ ихъ сосѣди, землевладѣльцы свѣтскіе давно обратились къ скотоводству, а своихъ пахарей и батраковъ (villans) погнали въ города искать работы, вмѣсто которой они часто попадались на висѣлицу за нищенство, или разбой. Монастырскія владѣнія продолжали управляться по старой системѣ отдачи въ аренду и землепашество продолжало держаться долго послѣ того, какъ оно было признано невыгоднымъ съ экономической точки зрѣнія.

Сельское населеніе, пока было здорово и способно къ работѣ, находило таковую; старики же и больные получали милостыню. Подобное положеніе вещей было, конечно, лишь переходнымъ. Монастыри, назначеніе которыхъ было служить пріютомъ младшимъ сыновьямъ знатныхъ фамилій, не могли долго продолжать вести убыточное хозяйство или служить единственной поддержкой бѣднымъ. Въ теченіи царствованія Генриха VIII банкротство быстро подготовлялось. Большіе монастыри продолжали еще гордо держаться на поверхности, но меньшіе начинали одинъ за другимъ закрываться по неимѣнію средствъ и неимѣнію персонала.

Въ 1494 году въ силу буллы папы Александра VI [2]) закрылись монастыри въ Моттисфонтѣ и Суффильдѣ, въ первомъ монастырѣ оставалось лишь 3 каноника; во второмъ—два монаха и настоятель; зданія же обратились въ развалины. Древніе же колледжи въ Оксфордѣ и Кембриджѣ основались изъ нѣкоторыхъ монастырей. Эти прецеденты были многозначительные.

---

[1]) Stubbs „Lectures“ p. 369.

[2]) Gasquet. „English Monasteries“ p. 62.

Но положеніе монастырей было шатко не только благодаря плохимъ финансамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, была и моральная испорченность. При этомъ необходимо отбросить всѣ преувеличенные слухи, распускаемые тѣми лицами, которыя отвѣтственны за жестокія возмездія, послѣдовавшія тридцать лѣтъ спустя. Но что условія монастырской жизни далеко не были удовлетворительны, явствуетъ ужъ изъ того, къ какимъ мѣрамъ прибѣгалъ Мортонъ, съ согласія и разрѣшенія папъ.

Въ 1489 г. по просьбѣ короля и архіепископа, папа Инокентій VIII даровалъ послѣднему право ревизовать монастыри, лежащіе въ его епархіи, налагать на духовныя наказанія, а въ случаѣ надобности обращаться къ помощи свѣтской власти [1]).

Необходимость подобныхъ ревизій ясна изъ заявленія, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, монахи ведутъ жизнь безнравственную и развратную, «на погибель своимъ душамъ, оскорбляя Господа Бога, религію, и вызывая скандалъ». Особенно выдающимся примѣромъ можетъ служить большое аббатство С. Альбанъ; это подтверждается собственноручнымъ письмомъ Мортона къ аббату, письмомъ, раскрывающимъ ужасную картину безнравственности. Монахи, принадлежащіе къ этой общинѣ, не только вели компанію съ развратными женщинами, но одна изъ этихъ женщинъ получила значительную должность въ женскомъ монастырѣ, подчиненномъ аббатству; а пріорства въ городахъ Прей и Санвелль сдѣлались разсадниками разврата. «Добродѣтель въ загонѣ, религія унижена». Мортонъ не успокоился, пока не удалось ему вооружиться всѣми правами, какъ свѣтскими, такъ равно и духовными, для исправленія и наказанія виновныхъ. Парламентъ [2]) даровалъ ему обширныя полномочія заключать въ тюрьму виновныхъ въ невоздержности и другихъ порокахъ; а согласіемъ, выраженнымъ въ папской буллѣ на легатскую ревизію, отмѣнялись статуты о неприкосновенности.

Мортонъ посѣтилъ епархіи Салисбюри, Рочестера и Ворчестера два раза, и одинъ разъ епархіи Винчестеръ, Экзетеръ, Батъ и Уэльсъ, Лихфильдъ и Ковентри, и Линкольнъ. Мы, къ счастью, обладаемъ полными отчетами о мѣстныхъ ревизіяхъ коллегіальной церкви въ Саутвеллѣ и епархіи Норвичь, а также актами «Ripon Chapter».

Но видимому архіепископъ не посѣтилъ Саутвелль—свѣтское училище; но было произведено слѣдствіе капитуломъ относительно поведенія низшихъ духовныхъ лицъ [3]). Въ отчетахъ свалены въ одну кучу мелкіе и крупные проступки, безъ всякаго различія: кутежи, нарушеніе воскреснаго дня, отхаркиваніе во время богослуженія,

---

[1]) Wilkins, „Concilia“: iii 630—32.
[2]) Statutes at Large, ii 65.
[3]) Southwell Visitation (Camden Society, 1890).

отказъ пѣть такъ называемое pryksong, (т. е. пѣть гармонично), посѣщенія тавернъ — встрѣчаются часто; проступки въ родѣ того, что кто либо изъ духовныхъ заснулъ въ церкви, ставятся бокъ о бокъ съ адюльтеромъ. Богослуженіе правится нерадиво, а «Ѳома Картрайтъ имѣетъ странную привычку пѣть, не вслушиваясь ни въ пѣніе, ни въ музыку другихъ». Норвичская эпархія — болѣе обширное поле для наблюденій — отличалась еще болѣе скандальнымъ поведеніемъ духовныхъ лицъ; но однако изъ отчета не видно ничего дѣйствительно серьезнаго. У насъ имѣются свѣдѣнія о сорока четырехъ монастыряхъ, обревизованныхъ архіепископомъ, при чемъ ревизія эта происходила нѣсколько нерегулярно, каждые шесть лѣтъ.

Восточная Англія была богата и благоденствовала, такъ что здѣсь мало признаковъ уменьшенія числа лицъ, принявшихъ иноческій санъ; но даже и въ этихъ графствахъ, какъ видно изъ отчетовъ, встрѣчались монастыри, постоянно страдавшіе отъ плохаго состоянія финансовъ. Посѣщеніе епископомъ Гольдуелемъ въ 1492 году аббатства въ Вимондгамѣ доказало истину вышесказаннаго. Во время управленія аббатомъ Джономъ Киртелингомъ, занимавшимъ это мѣсто въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ, все шло плохо. Дисциплина не поддерживалась, зданія не ремонтировались. Не велись отчеты о доходахъ и расходахъ. Аббата смѣстили, а дальнѣйшее слѣдствіе продолжалось. Въ 1514 году епископъ Ричардъ Никъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ, такъ какъ монастырь оказался окончательно обветшалымъ, а монахи развращенными. Всевозможные пороки процвѣтали: пьянство и пированіе, безумные кутежи и полнѣйшее неуваженіе къ монастырскому уставу. Пріора удалили; но затѣмъ у насъ не имѣются свѣдѣній о какихъ либо мѣрахъ, клонящихся къ реформѣ. Монастырь Норвичскій былъ въ такихъ же условіяхъ; въ 1492 году оказалось, что дисциплина ослаблена, хотя не было замѣчено крупныхъ скандаловъ. Ворота часто не запирались на ночь, безпутные свѣтскіе люди участвовали въ обѣдахъ монаховъ; поговаривали о похищеніяхъ, во всякомъ случаѣ здѣсь позволяли себѣ слишкомъ много шутокъ и болтовни, даже въ церкви. Женщины имѣли доступъ въ обитель, а слуги монастырскіе жили здѣсь со своими семьями. Въ 1514 году дѣло пошло еще хуже. Разсказывали, что пріоръ тайно скрылъ общественную печать и употреблялъ ее для того, чтобъ прикладывать на представленія, безъ сомнѣнія въ свою пользу. Подозрительныя женщины бывали въ монастырѣ, а по ночамъ устраивались танцы въ большомъ залѣ.

Откармливали овецъ въ стѣнахъ монастыря, братья нищенствующихъ орденовъ были въ пренебреженіи, не было учителя при школѣ, а число монаховъ пало до десяти. Повидимому кое что было сдѣлано для поправленія положенія, потому что при слѣдующемъ посѣщеніи съ одной стороны были жалобы слишкомъ дикія, чтобы ихъ считать

правдоподобными, съ другой онѣ касаются печальнаго неразумія молодыхъ монаховъ, которые играли въ карты и шашки, и глупаго тщеславія регента, желающаго носить бальные красные башмаки и костюмъ для верховой ѣзды. Менѣе значительные монастыри были менѣе опозорены. Монастырь С. Бенета въ Гульмѣ и большой монастырь въ Вальсингамѣ, о которомъ стало извѣстно въ Европѣ благодаря посѣтившему его Эразму въ 1511 г., обители августинскихъ канониковъ, и многія женскія монастыри въ Восточной Англіи,—всѣ были ревизованы. Всюду встрѣчались скандалы, особенно въ богатыхъ обителяхъ, какъ, напр., въ Вальсингамской, или-же упадокъ и долги.

Но въ большей части случаевъ монастырская жизнь протекала мирно и неинтересно; и если монахи не творили блага, то не причиняли и зла.

Они большею частью были или богатыми людьми, обладающими знаніями и мирно живущими въ своихъ обителяхъ, или бѣдняками, возносящими молитвы къ небу о своихъ сосѣдяхъ, на милостыню которыхъ они расчитывали въ своей нуждѣ. Великое теченіе времени, казалось, не затрогивало ихъ, по крайней мѣрѣ въ это царствованіе. Имѣющіе земельную собственность были хорошими помѣщиками, но плохими хозяевами.

Религіозныя обязанности свои они исполняли, но религіознымъ духомъ не были проникнуты. Въ ихъ полусонной жизни не было никакихъ стимуловъ.

Приходскіе священники.

Но все это, однако, не всѣми переносилось безъ борьбы. Случалось, что монастыри посылали умѣлаго и честолюбиваго аббата на высокія церковныя должности; и если можно вѣрить декану Колету и его проповѣдямъ, а также Эразму въ его рѣчахъ (Colloquies), то многіе стремились къ повышеніямъ.

«Какъ сильно честолюбіе и стремленіе къ почестямъ и высокимъ должностямъ въ людяхъ принадлежащихъ къ церкви», говоритъ Колетъ: «Какъ они бѣгутъ, почти до потери дыханія, отъ одной должности къ другой, отъ меньшей къ большей, отъ низшей къ высшей! Кто не видитъ этого? Кого это не печалитъ?.. Что мы ищемъ теперь въ церкви, кромѣ выгодныхъ мѣстъ и почетныхъ должностей? Да и въ этихъ самыхъ возвышеніяхъ на что мы расчитываемъ, кромѣ титуловъ и доходовъ? Мы не думаемъ о томъ, какія занимаемъ отвѣтственныя, великія должности, должности которымъ и цѣны нѣтъ».—(«Convocation» Sermon,—Лупгонъ; Life of Colet, p. 121).

И что не всегда эта погоня была безуспѣшна, доказывается многими примѣрами. Изъ нихъ самый убѣдительный, какъ уже и было сказано раньше, это примѣръ предшественника Колета въ деканствѣ св. Павла. Д-ръ Робертъ Шерборнъ занималъ доходныя должности (prebendaries) св. Павла съ 1489 по 1496 г., былъ магистромъ при

госпиталѣ Пресвятой Троицы, близъ Кингсторпа въ 1492 г., архидьякономъ въ Бёксѣ, 1495 г., архидьякономъ въ Таунтонѣ и въ пребендаріи Уэльса, въ 1496 г., архидьякономъ Гантса, деканомъ св. Павла, въ 1499 г. ректоромъ Альресфорда, Ганта, въ 1501 году, епископомъ св. Давида, въ 1504 г., епископомъ Чичестера въ 1508 г. Такой человѣкъ легко опередилъ своихъ собратьевъ — приходскихъ священниковъ. Но перечень его успѣховъ ничтоженъ по сравненію съ успѣхами Мортона.

Заштатные священники и нищенствующіе монахи.

Отъ монаховъ и приходскихъ священниковъ перейдемъ къ заштатнымъ. Ихъ было весьма много: почти большая часть англійскихъ духовныхъ лицъ не имѣла ни прихода, ни связанныхъ съ нимъ обязанностей, а ограничивалась панихидами въ каппелахъ. Безъ сомнѣнія эти-то лица и были главной причиной потери церковью ея престижа: они часто жили въ семьяхъ частныхъ лицъ, гдѣ занимали невысокое положеніе, и унизились до уровня лицъ, съ которыми имъ приходилось жить. Нищенствующее монашество тоже пало; невозможно не убѣдиться изъ показаній того времени, что въ концѣ пятнадцатаго столѣтія нищенствующіе монахи, какъ классъ, пали весьма низко. Имъ повредила ихъ популярность; всякіе отбросы общества нахлынули въ ихъ ряды, съ цѣлью воспользоваться ихъ льготами и жить подаяніемъ болѣе спокойно, нежели это было бы имъ возможно безъ этого.

«Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы ѣсть и пить», говоритъ содержатель трактира у Эразма: «вы болѣе, чѣмъ люди; но для работы вы не владѣете ни руками, ни ногами»; однако въ этихъ самыхъ «colloquy» Эразмъ свидѣтельствуетъ о простотѣ жизни и религіозности многихъ францисканцевъ. Лучшіе люди изъ ихъ среды ко многому стремились и многаго достигли; но древній обѣтъ нищенства часто терялъ свое значеніе и служилъ лишь покровомъ лѣнивымъ и далеко не религіознымъ людямъ. Худшіе изъ нихъ были полными невѣждами, лучшіе—вожаками, піонерами въ томъ интеллектуальномъ движеніи, которому предстояло измѣнить весь общественный строй Англіи. Если Чосеръ и другіе позднѣйшіе сатирики одинаково насмѣхаются надъ монахами и нищенствующими монашескими орденами, если провозвѣстникъ «Новаго ученія» въ Англіи, Томасъ Моръ пострадалъ отъ нападеній невѣжественнаго духовенства, то все же онъ обратился къ Чартеръ-Гоузъ, когда нуждался въ совѣтѣ и когда вступилъ на путь, превратившій его изъ отшельника въ человѣка дѣла.

Признаки силы церкви. Церковныя постройки.

Не смотря на насмѣшки, заслуженныя или незаслуженныя, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ царствованіи Генриха VII духовенство, какъ цѣлое, было популярно, а церковь могущественна, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Духовенство составляло касту, имѣющую свои отдѣльныя интересы и свои чувства, но это была далеко не обособленная каста: она имѣла связи со всѣми семействами

страны; если оно было развращено, то и свѣтскіе люди были слишкомъ заинтересованы въ его дѣлахъ, чтобы рѣшиться на реформы. А интересъ народа въ устройствѣ церкви выражался болѣе вѣскими доказательствами, чѣмъ стремленіе свѣтскихъ людей посвящать своихъ сыновей духовному званію. Эта была эпоха воздвиженія великихъ церквей, не епархіальныхъ, а приходскихъ.

Большіе размѣры церквей, великолѣпная архитектура указывали на чувства народа. Церковь св. Михаила въ Ковентри, св. Маріи въ Редклифѣ, Пресвятой Троицы въ Гуллѣ, церкви въ Ньюваркѣ и Бостонѣ, и многія сельскія церкви очевидно строились для народа и народомъ. Это была эпоха реставраціи и постройки церквей. Епископы во время своихъ посѣщеній не разъ требовали подобныхъ работъ, и въ записяхъ времени Ланкастеровъ неоднократно въ реестрахъ упоминается о дарахъ въ видѣ матерьяловъ на починку священныхъ зданій. Признавая, что въ началѣ эпохи Возрожденія университеты прославились изящнѣйшими постройками, нужно сказать, что деревня не отстала отъ нихъ. Рядомъ съ прекраснымъ зданіемъ башней коллегіи Магдалины въ Оксфордѣ, дѣломъ рукъ Вольсея, мы смѣло можемъ поставить малоизвѣстное зданіе, приходскую церковь св. Пробуса и св. Граціи въ Корнваллисѣ, зданіе, равняющееся по изящной красотѣ своей, по массивной величинѣ, по чудной архитектурѣ съ Оксфордской башней. И эта ревность къ возведенію церквей не была мѣстнымъ увлеченіемъ. Въ Корнваллисѣ и Линкольнскомъ графствѣ, въ Норфолькѣ и среднихъ провинціяхъ,—напр., громадное зданіе церкви въ Спренчестерѣ—всюду мы находимъ одинаковое богатство и изобиліе построекъ. Многознаменательнымъ для популярности церкви, съ точки зрѣнія ея матерьяльной силы, служитъ то обстоятельство, что въ городахъ возведеніе церквей шло бокъ о бокъ съ возведеніемъ муниципальныхъ зданій и съ ростомъ муниципалитета. Многія изъ гражданскихъ зданій, болѣе или менѣе значительныхъ, современны съ великими церквями «перпендикулярнаго стиля» и схожи съ ними по архитектурѣ. Масса народа была искренно религіозна: но для зоркаго глаза иностранныхъ посѣтителей уже замѣтны были проявленія новыхъ вѣрованій. «У многихъ» говоритъ «Итальянскій отчетъ объ Англіи» (Camden Society, p. 23) «различныя понятія о религіи»; но въ общемъ, по замѣчанію этого самаго наблюдателя, народъ религіозенъ: «Всѣ они ежедневно посѣщаютъ церковь, а въ общественныхъ мѣстахъ читаютъ постоянно Отче Нашъ (женщины носятъ въ рукахъ длинныя четки, и всякій умѣющій читать беретъ съ собой книгу съ молитвами Божіей Матери и читаютъ ее стихъ за стихомъ въ церкви, не громко, на манеръ духовныхъ лицъ); они всегда присутствуютъ на обѣднѣ въ своихъ приходскихъ церквяхъ по воскресеніямъ, подаютъ богатыя милостыни, потому что они не могутъ дать меньше монеты, сорокъ штукъ которой равня-

лись бы золотому дукату; кромѣ того они исполняютъ всѣ обряды, исполнять которые обязанъ каждый хорошій христіанинъ». Очевидно, что такого рода люди дѣлали богатыя пожертвованія, и не смотря на обѣднѣніе многихъ монастырей, внѣшній видъ церквей былъ роскошенъ. «Больше всего», читаемъ мы въ вышецитированномъ источникѣ—«богатые люди этого народа расточаютъ церквамъ сокровища; нѣтъ ни одной приходской церкви, какъ бы мала она ни была, которая не обладала бы серебряными распятіями, свѣтильниками, чашами, кадилами и дискосами. Нѣтъ также монастыря даже нищенскаго ордена, который не имѣлъ бы всѣхъ этихъ вещей изъ того же металла, не говоря ужъ о другихъ украшеніяхъ, достойныхъ собора. Вы можете себѣ представить послѣ этого, какая роскошь царитъ въ украшеніяхъ церквей богатыхъ Бенедиктинцевъ, Картезіанцевъ и Цистерціанъ, монастыри которыхъ скорѣй походятъ на дворцы бароновъ, чѣмъ на обители монаховъ, о чемъ вы можете судить по ракѣ Ѳомы Кентербюрійскаго».

Посѣщеніе богослуженія было весьма популярно, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія. Даже хоровое служеніе, посѣщать которое обязаны были монахи въ силу своего устава, и чтеніе мѣстныхъ каноновъ, читавшіеся по обычаю въ ихъ церквахъ, усердно посѣщались.

Въ отчетѣ о ревизіи Норвичской эпархіи есть, конечно, жалобы на небрежное посѣщеніе богослуженія; но небрежность эта проявлялась лишь отдѣльными лицами, или же въ особенно распущенныхъ монастыряхъ, и всегда строго преслѣдовалась.

Каноникъ Герефорда въ своихъ запискахъ о фактахъ, очевидцемъ которыхъ онъ самъ былъ восемь лѣтъ спустя даетъ намъ точную картину прежнихъ обычаевъ. Въ полночь весь соборный причтъ подымался для служенія заутрени, и богослуженія слѣдовали обыкновенно другъ за другомъ, начиная отъ пяти часовъ утра до вечерни.

«И каждый воскресный и праздничный день колоколъ церкви св. Ѳомы призывалъ къ процессіи, а деканъ посылалъ своего служителя дать знать головѣ. А тогда послѣ оповѣщенія голова посылалъ экзекуторовъ по приходскимъ церквамъ, дать знать гражданамъ о томъ, чтобы они являлись къ головѣ съ тѣмъ, чтобы участвовать въ процессіяхъ и чтеніи. Если не было проповѣди, то читалось поученіе въ часовнѣ каждый воскресный и праздничный день, хотя бы прихожане и были въ церкви во время обѣдни. Въ извѣстный присутственный день былъ заключенъ договоръ между головой и общиной, въ силу котораго если бы первый не явился для участія въ процессіи и слушанія проповѣди, то онъ повиненъ былъ уплатить 12 д. за каждый пропускъ; каждый же альдерманъ 8 д., каждый гражданинъ съ правомъ голоса на выборахъ—4 д., гражданинъ или гильдейскій купецъ 4 д., если окажется, что они отсутствовали и, бывши на такомъ разстояніи, что могли слышать звонъ колокола, не яви-

лись, и это соглашеніе было вписано въ книгу обычаевъ (custom-book) того города. Такой ревностью», прибавляетъ строгій реформаторъ: «отличались тогда свѣтскіе люди по отношенію къ выдумкамъ духовенства». И затѣмъ, не безъ грусти прибавляетъ: «ибо это тяжелое бремя казалось легкимъ» [1]).

Проповѣди, о которыхъ упомянуто выше, не были такъ часты, какъ въ послѣдующія времена.

Гасконь (Gascoigne) говоритъ: «Episcopi quasi nullos ad proedicandum miserunt», а неохота, съ какой епископы разрѣшали проповѣдникамъ говорить свои проповѣди, свидѣтельствуетъ о невѣжествѣ духовенства, взятаго въ его цѣломъ. Но литургія была въ одно время и популярнымъ богослуженіемъ и такимъ, которое хотя и читалось на неизвѣстномъ языкѣ, было, вѣроятно, почти повсюду «понятно народу»; онъ научался понимать его не только благодаря многозначущему ритуалу, но и благодаря часто повторяющемуся изданію народной книжки, озаглавленной «Народная книга о литургіи» [2]), которая въ одно время содержала и объясненіе и набожные коментаріи о великомъ служеніи прославленія, и благодаренія. Часословъ (Primer [3]), въ своихъ различныхъ видахъ, былъ книгой, служившей и для общественныхъ и для домашнихъ благочестивыхъ упражненій, а потому каждая благомыслящая семья обладала ею. Книгопечатаніе тоже понемногу способствовало распространенію церковныхъ поученій: Книга въ родѣ книги Пинсона (Pynson) о ходѣ богослуженія (1497 г.) указываетъ, на сколько популяризація религіи шагнула впередъ.

Однако участіе, принимаемое въ эти времена народомъ въ богослуженіи, было скорѣй пассивное, чѣмъ активное. Но за то дѣятельность народа выразилась въ весьма значительной степени въ паломничествахъ, столь популярныхъ въ ту эпоху. Хотя эти послѣднія и были прерваны или отклонены отъ своего направленія благодаря покоренію Святой земли магометанами, однако время не уничтожило этого обычая. Паломничество

Многіе предпринимали далекія странствованія и возвращались укрѣпленные въ вѣрѣ; другіе довольствовались болѣе близкими паломничествами, въ собственной своей странѣ и отправлялись на богомоліе къ мощамъ Св. Ѳомы Кентербюрійскаго.

---

[1]) Цитировано у Гаскета: Эдуардъ VI и книга объ общественныхъ молитвахъ, стр. II.

[2]) Издана каноникомъ Симмонсомъ для общества „Early English Text".

[3]) Primer — книга содержащая, частью въ англійскомъ, частью въ латинскомъ текстѣ, а иногда исключительно на англійскомъ языкѣ, „Часы Пресвятой Богородицы", вечернія молитвы и литаніи, семь покаянныхъ псалмовъ,—XV пс. о семи смертныхъ грѣхахъ, панихиды, псаломъ славословія, молитву Господню, молитву Пресвятой Богородицы, символъ вѣры, десять заповѣдей, семь смертныхъ грѣховъ (Perry, Students History of the Church of England).

Не всѣ многочисленные пилигримы были духовнаго званія; и отчетъ объ ихъ паломничествѣ записанъ на вѣчныя времена въ «Кентербюрійскихъ разсказахъ».

Такъ о «женщинѣ изъ Бата» говорится:

«Трижды была она въ Іерусалимѣ, она проѣзжала много бурныхъ потоковъ, она была въ Римѣ и въ Болоньи, въ Галиціи, у С. Іакова и въ Кёльнѣ.

Во времена Генриха VI, въ теченіи одного года, 2,433 англичанина посѣтили Компостеллу.

Со временъ Чосера до конца среднихъ вѣковъ паломничество мало измѣнило свой характеръ.

Эразмъ, въ своихъ описаніяхъ посѣщеній Вальсингама и Кентербюри, набрасываетъ картины, полныя жизни. Рака Св. Ѳомы была самая роскошная и самая популярная въ Англіи. Эразмъ, обладающій въ одно и тоже время зоркимъ взглядомъ наблюдателя и глубокимъ уваженіемъ къ древности антикварія, описываетъ видѣнное имъ слѣдующими словами:

«Желѣзные щиты заграждаютъ входъ, но открываютъ видъ на пространство между крайнимъ концомъ церкви и мѣстомъ, которое называется хорами. Оттуда вы поднимаетесь по лѣстницѣ, подъ которой съ сѣверной стороны находится входъ въ подвалъ. Тутъ находится деревянный алтарь, посвященный Пресвятой Дѣвѣ, не большой и замѣчательный лишь своею древностью; своей простотой онъ можетъ пристыдить безумную роскошь нашего времени. Говорятъ, что у этого алтаря святой въ послѣдній разъ передъ смертію простился съ Пресвятой Дѣвой, послѣ чего ему отсѣкли голову; тутъ же на алтарѣ лежитъ острый конецъ того меча, которымъ отсѣкли голову лучшему изъ служителей алтаря...

...«Послѣ того, какъ мы спустились въ склепъ, обладающій своими святынями, намъ показали разсѣченный черепъ мученика. — Показываете-ли вы кости?—спрашиваетъ посѣтитель.—Это не дозволяется. Но въ деревянной ракѣ заключается золотая и когда эта послѣдняя была извлечена посредствомъ канатовъ, глазамъ нашимъ представились неисчислимыя богатства. Меньше всего было видно золота, всюду блестѣли, свѣтились, искрились драгоцѣнные камни рѣдкой величины и красоты, изъ которыхъ многіе достигали величины гусинаго яйца. Пріоръ, взявъ палочку въ руки, указывалъ на каждый камень, называя его по французски, а также имя жертвователя; большинство изъ этихъ драгоцѣнностей были пожертвованы королями».

Внѣшнее богатство церквей въ царствованіе Генриха VII достигло высшей степени. Но паломничества распространили слухи объ этихъ сокровищахъ, и жадность послѣдующихъ поколѣній разрушила или захватила эти богатства.

Рядомъ съ этими доказательствами матеріальнаго преуспѣванія церк-

ви, все болѣе и болѣе проявлялись признаки того, что она становилась Эрастіанской. Богатствами своими она была обязана не только любви народа, но въ большой степени испорченности нравовъ. Церковь и государство.

Положеніе, занимаемое ею, поддерживаемое духовными лицами, бывшими въ то же время министрами короля, все болѣе и болѣе зависѣло отъ престола. Церковные суды продолжали свою дѣятельность и сохраняли свое могущество. Единичныя лишенія правъ, въ томъ числѣ даже указъ Эдуарда I о Circumspecte agatis, мало повредили ихъ захватамъ. Обширная арена гражданской юрисдикціи, въ которую вторглись духовные трибуналы и которая нерѣдко служило поводомъ къ дебатамъ и столкновеніямъ со свѣтскою властію въ прежнія времена, нынѣ окончательно осталась во власти церкви. Наконецъ всѣ иски брачные и наслѣдственные попали въ руки къ адвокатамъ духовнаго званія. Клерикальныя льготы мало сокращались и большое число лицъ, клериковъ только по имени, имѣли возможность требовать этихъ льготъ. Но, съ другой стороны, очевидно, что церковь весьма рѣдко вступалась за духовное лицо, подвергшееся суду свѣтской власти, и не мало обвиненныхъ лицъ духовнаго званія подвергались такому же наказанію, какъ и свѣтскіе люди, наказанію возложенному на нихъ тѣми же самыми судами.

И такъ положеніе церкви было хотя и неспокойно, но тѣмъ не менѣе блестяще и могуче. Чувствовалась необходимость въ реформахъ и, можетъ быть, къ нимъ слишкомъ медлили прибѣгнуть. Характеристическая черта этой эпохи—всепоглощающая роскошь,—коснулась и духовнаго класса, и исказила идеалъ духовнаго сана.

Въ этотъ моментъ церковь, казалось, находилась на самой вершинѣ несущихъ ее волнъ, и итальянскій наблюдатель могъ смѣло сказать, имѣя, безъ сомнѣнія, ввиду великаго мужа-священника, стоящаго по правую руку короля, что «духовенство было верховнымъ рѣшителемъ судебъ страны, какъ во время мира, такъ и во время войны» [1]).

Желаніе постояннаго движенія въ законодательствѣ—продуктъ новѣйшихъ временъ. Мы думаемъ, что изъ года въ годъ парламентъ долженъ издавать новые законы, что каждый государственный человѣкъ долженъ измышлять какой либо новый проектъ новаго закона; что разъ онъ перестаетъ создавать программы—онъ тѣмъ самымъ перестаетъ быть государственнымъ человѣкомъ. Не такъ обстояло дѣло въ средніе вѣка: само собой разумѣется, что парламентъ могъ всегда найти необходимость издать новый законъ; но по средневѣковымъ понятіямъ, потребность въ законодательствѣ таилась не въ неизбѣжномъ прогрессѣ человѣческаго рода, а въ порочности людей. Существуетъ одно идеальное законодательство, непреложное, вѣчное—созданіе Бога, а не человѣка.

Достаточно небольшихъ исправленій въ нашемъ судопроизводствѣ и оно на вѣки гармонировало бы съ этимъ идеаломъ; и дѣйствительно,

[1]) „Italian Relation“, p. 34.

если бы люди хотѣли подчиняться закону страны, то законодателю было бы весьма мало дѣла.

Исторія законодательства, 1307–1600.

Майтланда.

Законодательство XIV столѣтія.

Въ теченіи четырнадцатаго столѣтія многое было написано въ реестрахъ статутовъ, и это многое можно выразить весьма немногими словами. «И такъ рѣшено, что Парламентъ обязанъ засѣдать разъ въ годъ, а въ случаѣ надобности и чаще». Это изрѣченіе можетъ служить примѣромъ лаконизма, съ которымъ формулировались великіе принципы, и лаконизмъ этотъ далъ позднѣйшимъ юристамъ и политикамъ поводъ къ безконечнымъ дебатамъ. Многія подобныя краткія сентенціи направлялись противъ злоупотребленій, обхода законовъ, причемъ представители короля считались главными нарушителями закона. Приходилось отъ времени до времени повторять эти сентенціи въ весьма мало измѣненномъ видѣ, такъ какъ трудно было ограничить короля законами.

Къ счастью короли нуждались, и въ замѣнъ «субсидіи» они торговали изрѣченіями государственныхъ статутовъ, изрѣченіями немаловажными и въ то время, но получившими въ послѣдующія времена гораздо большее значеніе. Нынѣ, перечитывая ихъ, мы невольно вспоминаемъ времена Іакова и Карла, а не времена Эдуарда и Ричарда. «Новая Монархія» не была нова. А это, съ ея собственной точки зрѣнія, было большимъ несчастіемъ.

Она унаслѣдовала древніе пергаменты—а на нихъ значились слова весьма неудобныя для нея.

Но парламентъ при посредствѣ своихъ статутовъ начиналъ вмѣшиваться во многія дѣла, крупныя и мелкія. Притомъ, то, что мы привыкли считать мелкими дѣлами, повидимому гораздо болѣе интересовало парламентъ, чѣмъ тѣ важные конституціонные вопросы, которые онъ всегда надѣялся разрѣшить и что никогда не удавалось ему. Когда мы встрѣчаемъ огромный обставленный всѣми возможными условіями параграфъ, наводящій насъ на мысль о дебатахъ и компромиссахъ, то мы можемъ напередъ сказать, что, вѣроятно, параграфъ этотъ трактуетъ о торговомъ вопросѣ,—что это, напримѣръ, касается торговли сельдями на ярмаркѣ въ Ярмутѣ. Самая терпистая тема дебатовъ, — это вопросъ о договорахъ съ заграничными купцами. Естественно, что наши лорды, дворяне и граждане не легко могли прійти къ соглашенію въ такомъ вопросѣ. Одно мнѣніе преобладаетъ въ портовыхъ городахъ, другое — въ городахъ возвышенной части страны, и колеблющійся ходъ законодательства, то склоняясь въ пользу свободы торговли, то въ пользу протекціонизма,

есть слѣдствіе многихъ вліяній. «Всемогущество» какъ говоритъ Бентамъ, законоположеній признается всѣми, потому что никто не замѣчаетъ ихъ безсилія. Законъ можетъ опредѣлить размѣръ платы, цѣну товарамъ и цѣнность денежныхъ знаковъ; онъ можетъ приказать людямъ одѣваться согласно съ положеніемъ, занимаемымъ ими въ обществѣ.

Съ другой стороны казалось, что граница между уголовнымъ и гражданскимъ правомъ точно проведена разъ на всегда. Ученые юристы девятнадцатаго столѣтія и теперь знакомятся изъ-за практическихъ цѣлей съ многими изъ статутовъ Эдуарда I. Но имъ рѣдко представляется случай знакомиться съ чѣмъ-либо изъ какого-либо закона, изданнаго въ четырнадцатомъ или въ первыхъ трехъ четвертяхъ пятнадцатаго столѣтія. Парламентъ, по видимому, отказался отъ идеи контролировать развитіе общественнаго права. Случайно и какъ бы спазмодически онъ вмѣшивался, обсуждалъ новыя постановленія, заполнялъ пробѣлы въ старыхъ постановленіяхъ, или старался смутить нарушителей закона.

Но въ общемъ, парламентъ предоставлялъ судьямъ и юристамъ вѣдать законы.

Въ его глазахъ общественное право было совершено, или почти достигло совершенства.

Вотъ почему при чтеніи статутовъ пятнадцатаго столѣтія намъ на минуту кажется, что мы присутствуемъ при постепенномъ паденіи могучаго учрежденія. По видимому, парламентъ не находилъ болѣе подходящаго дѣла, какъ урегулированіе суконнаго производства. Изрѣдка онъ пытается бороться противъ возрастающихъ бѣдствій того времени: противъ возрождающагося феодализма, противъ гражданскихъ малыхъ и большихъ смутъ; но мы можемъ убѣдиться, что эти усилія не искренни, а потому и недѣйствительны. Отъ насъ ждутъ, чтобы мы интересовались «выдѣлкой шерсти» и въ то-же время мы встрѣчаемъ лишь нѣсколько намековъ на угрожающую опасность войны Алой и Бѣлой Розы.

Если случается парламенту Эдуарда IV на мгновеніе отвлечь свое вниманіе отъ недостающаго боченка съ рыбой и противузаконной выдѣлки черепицы, то лишь за тѣмъ, чтобы наложить запретъ на игры, родственные съ стрѣляніемъ изъ лука: «cloish, kayles, half-bowl, hand-inhand, hand-out, quekeboard» и т. д.

«Всемогущество Парламента».

Можетъ быть, и лучше было для парламента на время только регистровать акты деспота, чѣмъ пасть такъ низко, какъ ему было суждено пасть впослѣдствіи. Участіе, принимаемое соединенными сословіями въ великихъ дѣяніяхъ Генриха VIII, было участіемъ пассивнымъ и унизительнымъ; но дѣянія эти велики и совершились они всѣ «авторитетомъ парламента». «Авторитетомъ парламента» папа Римской могъ быть лишенъ всякой юрисдикціи, монастыри были упразднены, и король могъ стать (на сколько это дозволялось божескими

законами) верховной главой Англиканской церкви, престолонаслѣдіе было регулировано сначала такъ, потомъ иначе, и королевскія прокламаціи получили законную силу. Не существовало ничего такого, чего нельзя было сдѣлать «авторитетомъ парламента», и не говоря ужъ о преобразованіяхъ въ мірѣ конституціонномъ и духовномъ, о которыхъ каждый слыхалъ, многія весьма важныя вещи совершались при посредствѣ статутовъ. Мы обязаны Генриху VIII,—гораздо больше чѣмъ его парламенту — многими нововведеніями въ законахъ о правахъ собственности и въ уголовныхъ законахъ, а парламенты Елизаветы совершили нѣсколько значительныхъ преобразованій. Статуты Тюдоровъ составляютъ обширные документы. Въ нѣкоторыхъ грандіозныхъ тронныхъ рѣчахъ намъ какъ бы слышится голосъ самаго Генриха; но онѣ обязаны своею обширностью не только торжественнымъ фразамъ монарха; онѣ вдаются даже въ подробности; онѣ допускаютъ исключенія и условные пункты. Невозможно создать новыя церковныя учрежденія нѣсколькими строчками. Мы видимъ, что отъ судей требуется напряженное вниманіе ко всему, сказанному парламентомъ, требуется, чтобы они взвѣшивали изданный законъ и повиновались буквѣ его.

Статуты и общее право.

Отъ времени до времени, съ конца среднихъ вѣковъ и до восемнадцатаго столѣтія, мы встрѣчаемъ случаи ,когда судьи въ неясныхъ выраженіяхъ заявляютъ право свое на отступленіе отъ статутовъ, прямо противурѣчащихъ общему праву, или божественному закону, или прерогативамъ короля. Если бы эти заявленія повторялись чаще, то наша конституція могла бы принять складъ совершенно отличный отъ нынѣшняго. Но они имѣли мало успѣха. Въ безпокойные дни Ричарда II даже верховный судья былъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ, за то, что посовѣтывалъ королю признать статуты, ограничивающіе королевскія права, недѣйствительными. Для остальныхъ теорія была лишь спекулятивнымъ догматомъ. «Мы можемъ (говорятъ, повидимому, ея защитники) допустить, что можетъ встрѣтиться статутъ столь нераціональный, столь вредный, что мы не стали бы его отстаивать; но de facto подобнаго статута намъ не случалось встрѣчать. Начиная отъ Норманскаго завоеванія Англія казалась страной, въ которой всякій, кто начинаетъ мыслить, старается доказать, что законъ исходитъ отъ «одного монарха» или отъ «многихъ монарховъ». Англичанинъ можетъ чувствовать себя шокированнымъ, читая какъ въ семнадцатомъ столѣтіи Гоббсъ подтверждаетъ эту теорію въ рѣзкихъ выраженіяхъ и комбинируетъ ее со многими непопулярными теоріями. Но путь, на который вступилъ Гоббсъ, былъ подготовленъ съ давнихъ поръ. Въ царствованіи Эдуарда I писатель, по имени Бриттонъ, сосредоточивалъ все общее право въ лицѣ короля: всякія законныя правила могутъ быть утверждены по повелѣнію короля.

Однако даже во времена Тюдоровъ лишь незначительная часть

законовъ была внесена въ уложеніе. Лишь отдѣльные отрывки вновь изданныхъ законовъ помѣщались въ книгѣ статутовъ, потому что преобразователямъ предстояло другое дѣло. Послѣ блестящаго тринадцатаго столѣтія наступилъ мрачный, долгій періодъ. Охрана общаго права была поручена небольшой группѣ судей и юристовъ. Они основательно знакомы были со своими обязанностями, но этимъ ограничивались ихъ знанія. Законъ и литература не имѣли теперь ничего общаго между собой, никто не пытался написать книгу о законѣ. Рѣшенія Вестминстерскихъ судовъ прилежно записывались и прилежно изучались, но никто не помышлялъ о сравнительномъ изученіи законовъ Англіи и законовъ другихъ странъ. Римское право считалось непонятной, иностранной штукой, годной развѣ только для полуголодной Франціи. Юридическія науки не проходились больше въ академіяхъ — университеты не имѣли ничего общаго съ ними, они создавали лишь канонистовъ и цивилистовъ—юридическое воспитаніе было схоластическимъ. Неизвѣстно, какимъ путемъ появлялось все большее и большее количество школъ правовѣдѣнія (inns of court и inns of chancery). Составились ассоціаціи юристовъ, весьма напоминающія клубы, не то школы, не то нѣчто въ родѣ рабочихъ союзовъ. Они пріобрѣли «пріюты» («inns or hospices»), т. е. городскіе дома, принадлежавшіе знатнымъ лицамъ дворянскаго сословія: напр. домъ графа Линкольна. Домъ и церковь храмовниковъ перешли въ ихъ владѣніе. Меньшія общества «канцлерскія школы» («inns of chancery»), подчинялись болѣе значительнымъ школамъ («inns of court»). Члены и ученики, входящіе въ составъ ассоціацій, обладали исключительнымъ правомъ защищать дѣла въ судѣ; нѣкоторыя дѣла могли быть ведены учениками или адвокатами, другіе членами—сержантами, т. е. первоклассными адвокатами; такъ въ Палатѣ Общинъ защищать процессъ имѣлъ право только первоклассный адвокатъ, сержантъ. У насъ отняло бы много времени, если бы мы вздумали доискиваться происхожденія права давать различныя степени, которымъ пользовались эти общества. По всей вѣроятности историкъ долженъ считать, что право это исходило отъ короля, хотя и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, королевская прерогатива постепенно уходила изъ рукъ короля. Но въ данномъ случаѣ главное, на что мы должны обратить вниманіе—это то, что въ этихъ обществахъ была разработана цѣлая система юридическаго воспитанія. Много лѣтъ учащемуся приходилось слушать и читать лекціи, защищать фиктивные процессы, прежде чѣмъ его допускали къ практической дѣятельности.

Юридическая профессія. Innsof Court.

Не мудрено, что благодаря заботливой опекѣ этихъ обществъ юриспруденція Англіи обратилась въ какую-то тайную науку и что профессора ея считались «самымъ невѣжественнымъ классомъ ученѣйшихъ людей». Они были до крайности послѣдовательны, не страшились никакихъ выводовъ, вытекающихъ изъ ихъ посылокъ. Небеса

могли рушиться, война Алой и Бѣлой розы могла свирѣпствовать,— они продолжали идти по тому же пути аргументацій.

Нельзя сказать, чтобы они совсѣмъ не замѣчали соціальныхъ переворотовъ, происходящихъ кругомъ нихъ. Въ пятнадцатомъ столѣтіи было нѣсколько великихъ судей, одушевленныхъ стремленіемъ примѣнить старые законы къ новымъ временамъ, многое сдѣлавшихъ на этомъ пути и которые могутъ показаться намъ весьма смѣлыми. Изъ малообѣщающихъ элементовъ они развили понятный законъ о контрактахъ; они освободили родовыя помѣстія отъ тѣхъ путъ, которыя связывали земельную собственность; они обратили ненадежную крѣпостную зависимость среднихъ вѣковъ въ фермерскую систему новыхъ временъ (copyhold tenure). Но все это совершалось съ оговорками, посредствомъ фикцій; новые принципы не могли прививаться, не будучи облечены въ древнюю форму.

Новый и болѣе литературный періодъ, повидимому, начался въ послѣдней половинѣ пятнадпатаго столѣтія, когда сэръ Джонъ Фортесквю, Ланкастерскій верховный судья писалъ для всего свѣта, и сравнивалъ конституціонное королевство Англіи съ абсолютной монархіей Франціи, а сэръ Ѳома Литтлетонъ, судья въ Court of Common Pleas (судъ общихъ исковъ), въ своихъ запискахъ объ англійскихъ законахъ, составленныхъ имъ для студентовъ, издалъ свою классическую и доступно написанную книгу объ землевладѣніи. Но надежды на возрожденіе далеко не исполнились.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи многіе извѣстные юристы прославились изданіемъ различныхъ рѣшеній, сокращеніями старыхъ докладовъ; они издавали маленькіе компилятивные трактаты; но въ общемъ, юристы полагали, что они сдѣлали все, что возможно было сдѣлать, расположивши свой матеріалъ въ алфавитномъ порядкѣ по рубрикамъ. Алфавитъ—единственная нить въ этомъ лабиринтѣ. Даже во времена Елизаветы и Іакова I сэръ Эдуардъ Кукъ, это воплощенное общее право, обнаруживаетъ свои огромныя познанія въ безобразнѣйшемъ безпорядкѣ. Удачное прозваніе, данное Карлейлемъ Куку—«гибкій», такъ и осталось за нимъ на всегда: «Гибкій, старый Кукъ въ Литтлетонѣ, одинъ изъ самыхъ гибкихъ людей, когда либо существовавшихъ». Но мы легко можемъ перенести это прозваніе съ человѣка, бывшаго олицетвореніемъ закона, на самый законъ. Англійское общее право было гибко, было самое гибкое произведеніе рукъ человѣческихъ; и благо для Англіи, что дѣло обстояло такъ во времена Тюдоровъ и Стюартовъ. Болѣе простая, раціональная, элегантная система была бы опаснымъ орудіемъ въ рукахъ деспотовъ. По временамъ судьи были достаточно покорны: король могъ удалить ихъ съ ихъ должностей въ каждый данный моментъ; но неуклюжая, запутанная система права хотя и могла гнуться, но разбитой быть не могла. Она всегда «выпрямлялась» и противилась государственной власти, пытающейся

контролировать ее. Могущественнѣйшій король, искуснѣйшій министръ, грубѣйшій лордъ-протекторъ не могъ совладать съ «этимъ неблагочестивымъ безпорядкомъ».

Развитіе судебной системы.

Надо присовокупить къ этому, что профессіональное соперничество было вызвано эволюціей новыхъ судовъ, которая не согласовалась съ развитіемъ общаго права. Еще разъ намъ приходится обратиться ко временамъ Эдуарда I. Были учреждены три суда: судъ королевской скамьи, Общій судъ (Common Bench) и судъ казначейства. Существовали двѣ группы «судей» и одна группа «бароновъ», завѣдывающихъ судопроизводствомъ. Но кромѣ этихъ судовъ существовалъ еще трибуналъ съ менѣе опредѣленнымъ характеромъ. Въ послѣдніе годы тринадцатаго столѣтія еще нельзя было опредѣленно указать, во что онъ разовьется. Образуется ли изъ него палата магнатовъ, собраніе духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ, или же образуется совѣтъ, состоящій изъ министровъ короля, судей и другихъ лицъ, которыхъ ему почему-либо заблагоразсудится призвать въ совѣтъ? Само собой разумѣется, что во времена Эдуарда I этотъ высшій трибуналъ скорѣй носилъ характеръ совѣта, чѣмъ собранія прелатовъ и бароновъ. Совѣтъ этотъ былъ весьма многочисленнымъ по количеству членовъ: онъ состоялъ изъ важныхъ должностныхъ лицъ государства—канцлера, казначея и т. д.; далѣе въ составъ его входили судьи трехъ судовъ, а также главные клерки канцеляріи, которыхъ можно сравнить съ «постоянными товарищами министровъ» нашихъ временъ; кромѣ этого въ составъ его входили тѣ изъ прелатовъ и бароновъ, которыми король считалъ нужнымъ окружить себя.

Палата лордовъ.

Но назначеніе этого трибунала нѣсколько неопредѣлено. Засѣданія или «парламентъ», во время которыхъ онъ чинилъ правосудіе, часто совпадали по времени съ тѣми собраніями сословій, которымъ въ послѣднее время особенно присуще названіе «парламентовъ», и во всякій данный моментъ они легко могли принять характеръ митинга, на который сзывались не только постоянные члены совѣта, но и всѣ прелаты и бароны. На основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, мы видимъ въ судебныхъ «парламентахъ» Эдуарда I два принципа, изъ коихъ одинъ можетъ называться аристократическимъ, другой оффиціальнымъ, и понятно, что раньше или позже должно было быть столкновеніе между ними и одинъ изъ нихъ долженъ былъ развиваться въ ущербъ другому. И все таки мы не можемъ составить себѣ яснаго представленія о томъ, какъ возможно опредѣлить полномочія этого трибунала, такъ какъ обязанности его многообразны; не только онъ представляетъ изъ себя послѣднюю инстанцію суда, которая можетъ исправить ошибки всѣхъ низшихъ судовъ, но, въ качествѣ суда первой инстанціи, онъ можетъ разбирать всякія, какъ гражданскія, такъ равно и уголовныя тяжбы, возбужденныя королемъ. Наконецъ, дѣйствуя, съ нашей точки зрѣнія, на половину судебнымъ, на половину

административнымъ порядкомъ, онъ принимаетъ многочисленныя петиціи съ какимъ либо искомъ противъ короля, или же съ жалобами на обиду, которую невозможно исправить путемъ обыкновеннаго судопроизводства.

Въ теченіи четырнадцатаго столѣтія были рѣшены нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ. Стало яснымъ, что палата лордовъ, собраніе прелатовъ и бароновъ, есть именно тотъ трибуналъ, на обязанности котораго лежало исправленіе законодательныхъ ошибокъ низшихъ судовъ. Право перовъ быть судимыми за преступленія государственной измѣны судомъ, составленнымъ изъ перовъ — было установлено и признано. Были прецеденты процессовъ, извѣстныхъ нынѣ подъ названіемъ impeachments, въ которыхъ Палата Общинъ обращается съ обвиненіемъ въ палату лордовъ. Поэтому во всякомъ случаѣ трибуналъ, носившій техническое названіе «король въ парламентѣ», но бывшій въ дѣйствительности Палатой Лордовъ, оказывался высшимъ судомъ въ государствѣ. Но рядомъ съ нимъ мы видимъ возникновеніе другого трибунала съ безконечно обширными притязаніями на юрисдикцію, а именно мы видимъ «короля въ совѣтѣ». И оба эти трибунала далеко не такъ отличны одинъ отъ другого, какъ бы это было желательно историку ради самого себя и ради своихъ читателей. Съ одной стороны тѣ члены совѣта короля, которые не были перами, въ особенности же судьи и старшіе чины канцеляріи, вызывались въ палату лордовъ, и лишь постепенно удалось разъяснить имъ, что въ этой палатѣ они играютъ лишь роль «ассистентовъ» лордовъ и говорить могутъ только тогда, когда къ нимъ обращаются; съ другой стороны существовало весьма распространенное, хотя и не практичное понятіе о томъ, что всѣ перы имѣютъ право быть совѣтниками короля, и что каждый изъ нихъ могъ бы засѣдать въ совѣтѣ, если бы пожелалъ этого. Многіе вопросы остались открытыми для будущихъ поколѣній.

Звѣздная Палата, ея дѣятельность.

Между тѣмъ Совѣтъ, строй котораго измѣнялся въ каждое царствованіе, много занимался судомъ, особенно уголовнымъ, и притомъ административнымъ путемъ. Очевидно, что чувствовалась большая потребность въ такомъ судилищѣ, потому что, хотя представители общинъ и юристы не долюбливали его, все же они не рѣшались требовать его полнаго упраздненія. Представители общинъ протестуютъ противъ того или другого злоупотребленія; временами кажется, что они готовы объявить все учрежденіе нелегальнымъ; но вотъ вспыхиваетъ мятежъ, или подкупленные или пристрастные судьи оправдываютъ извѣстнаго преступника,—и представители общинъ снова приходятъ къ убѣжденію, что въ концѣ концовъ, страна нуждается во властномъ судѣ, который не станетъ церемониться, который можетъ карать быстро и не нуждается въ томъ, чтобы карать дважды. Они не могутъ рѣшиться открыто признаться въ томъ, что главная причина бѣдствій,

отъ которыхъ они страдаютъ, есть именно капризная юрисдикція того суда присяжныхъ, который успѣлъ уже сдѣлаться предметомъ національной гордости. Издавать законы по этому поводу они не желаютъ, они предпочитаютъ отворачиваться въ сторону, когда совѣтъ короля наказываетъ богатыхъ и могущественныхъ преступниковъ, противъ которыхъ имъ не удалось добиться обвинительнаго вердикта. Рѣзкая черта проводятся между преступленіями государственной измѣны, наказуемыми смертью, и менѣе крупными преступленіями. Никто не могъ быть лишенъ жизни или подвергнуться лишенію какого либо члена, безъ того, чтобы двѣнадцать согражданъ его не признали его вину достойной такого наказанія, послѣ торжественнаго суда надъ нимъ; по совѣту дозволялось присуждать разбойниковъ, заговорщиковъ, измѣнниковъ, клятвопреступниковъ къ денежной пенѣ и къ тюремному заключенію; а въ противномъ случаѣ наступила бы анархія. Совѣтъ придумываетъ судопроизводство для такихъ случаевъ или, вѣрнѣе, пользуется каноническимъ судопроизводствомъ. Онъ вызываетъ къ суду обвиняемаго; онъ представляетъ ему написанные вопросные пункты, на которые ему приходится отвѣчать подъ присягой; свидѣтелей, какъ мы назвали бы такихъ лицъ, съ обѣихъ сторонъ приводятъ къ присягѣ. Имѣя передъ собой рукописные показанія лорды, члены совѣта, обвиняютъ или оправдываютъ, безъ всякихъ присяжныхъ. Примѣненіе пытки встрѣчалось не рѣдко.

Совѣтъ засѣдалъ въ помѣщеніи, носящемъ названіе «Звѣздной Палаты», онъ заслужилъ свою худую славу — эта послѣдняя была заслужена имъ во времена Стюартовъ и никто не станетъ оспаривать того, что Долгій Парламентъ имѣлъ полное основаніе уничтожить это судилище. Оно обратилось въ политическій и притомъ жестокій судъ, въ которомъ духовныя лица стремились навязывать свои догматы и свой ритуалъ протестующей націи тяжелыми приговорами; въ которомъ король, стремясь къ тому, чтобы управлять государствомъ безъ парламента, пытался придать значеніе законовъ своимъ прокламаціямъ, исторгнуть дополнительные субсидіи, взыскивать налоги, въ которыхъ палата общинъ ему отказала; это былъ судъ истязанія плетьми, отрѣзыванія носа или ушей; судъ, который выказывалъ ужасный, жестокій, своеобразный юморъ въ своихъ приговорахъ — какъ напр. когда онъ присудилъ несчастнаго пуританина, слишкомъ строго исполнявшаго законъ Моисея о неупотребленіи свиного мяса, къ пищѣ исключительно изъ свиного мяса. Но къ счастью легальность этого суда подлежала сомнѣнію. Поговаривали о томъ, что онъ обязанъ былъ всѣми своими правами статутамъ 1487 года во времена Генриха VII, и что онъ очевидно превысилъ всѣ эти права во всѣхъ направленіяхъ. Мы въ настоящее время не можемъ согласиться съ этимъ, если не признаемъ въ тоже время, что всѣ верховные судьи, включая въ это число и самого Кука, въ теченіи полутора столѣт-

няго періода, принимали дѣятельное участіе въ дѣяніяхъ совѣта, завѣдомо противозаконныхъ, такъ какъ оба верховные судьи обыкновенно засѣдали въ Звѣздной палатѣ. Но мы можемъ радоваться тому, что эта теорія была признана вѣрной. Трибуналъ былъ уничтоженъ во имя общаго права.

Трибуналъ этотъ немного прибавилъ къ нашей національной юриспруденціи; онъ держался въ сторонѣ отъ нея; онъ самъ собою изображалъ законъ, имѣя возможность изобрѣтать новыя средства противъ каждой новой болѣзни политическаго организма. Онъ мало обращалъ вниманія на прецеденты, а потому никто и не заботился о томъ, чтобы составить коллекцію его рѣшеній. Однако это учрежденіе придерживалось извѣстной системы судопроизводства, описанной, въ послѣдніе дни его существованія, Уилльямомъ Гудзономъ, въ книгѣ весьма доступной для чтенія. Его судопроизводство, главная черта котораго заключалась въ разборѣ уголовныхъ дѣлъ, погибла вмѣстѣ съ нимъ. Послѣ революціи и реставраціи не было сдѣлано попытокъ возобновить его, но все таки стало ясно, что имъ было сдѣлано и много полезнаго. Древній уголовный законъ во многомъ грѣшилъ, въ особенности относительно тѣхъ преступленій, которыя не могли быть причислены къ разряду государственной измѣны. Въ будущемъ судъ королевской скамьи долженъ былъ замѣнить Звѣздную Палату, но замѣнить его болѣе регулярными дѣйствіями и не безъ участія суда присяжныхъ.

Судъ Канцлерства.

Далеко не такова была судьба Суда Канцлерства, близнеца Звѣздной Палаты. Они по истинѣ могли называться братьями; и въ самомъ дѣлѣ, въ четырнадцатомъ столѣтіи трудно было отличить другъ отъ друга оба эти учрежденія, и даже во времена Стюартовъ мы не рѣдко видимъ, что Звѣздная Палата дѣлаетъ то, что долженъ былъ бы дѣлать Судъ канцлера.

Но если мы вернемся къ четырнадцатому столѣтію, то должны будемъ припомнить, что канцлеръ былъ первымъ министромъ короля, главой единственнаго министерскаго департамента, президентомъ и самымъ свѣдущимъ членомъ совѣта. Обыкновенно онъ былъ епископомъ; нерѣдко онъ добивался занимаемой имъ должности усерднымъ трудомъ въ канцеляріи, въ качествѣ клерка. Естественно, что либо лорды, члены совѣта, возлагали на него, либо онъ самъ захватывалъ въ свои руки большую часть судебныхъ дѣлъ, съ которыми тѣмъ или другимъ путемъ совѣту приходилось имѣть дѣло. Уголовныя дѣла могли разсматриваться всѣмъ составомъ совѣта или отдѣльными комитетами. Въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ уголовные случаи разсматривались какъ обыкновенныя дѣла; напр. мировые судьи, не получившіе юридическаго образованія, рѣшали многія уголовныя дѣла и имѣли даже право приговаривать къ смертной казни. Но случаи, касающіеся гражданскихъ правъ или сложныхъ законовъ страны могли поступать на

разсмотрѣніе совѣта короля. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ рѣчь шла о какомъ нибудь насиліи или обманѣ такого рода что, по словамъ истца, послѣдній не могъ нигдѣ найти защиты. Такіе случаи спеціально разсматривались канцлеромъ. Онъ былъ ученый человѣкъ, имѣлъ ученыхъ подчиненныхъ, знатоковъ въ дѣлахъ канцлерства. Постепенно вошло въ обычай, что истцы, желающіе скорѣй вознагражденія за обиду, нежели наказанія обидчика, обращались съ челобитными не къ королю и его совѣту, а къ канцлеру. По немногу люди привыкли смотрѣть на канцлера и его канцелярію, президентомъ которой онъ былъ, какъ на представителей судопроизводства, отличнаго отъ судопроизводства совѣта короля.

Его судопроизводства.

Но какова была сфера этого судопроизводства? Долгое время вопросъ этотъ оставался не рѣшеннымъ. Обиды, на которыя обыкновенно подавались жалобы канцлеру, были обидами хорошо знакомыми обыкновенному суду, — насилія, нападенія, захваты земель и т. д. Въ видѣ извиненія въ томъ, что обиженные обращались къ нему, приводилось то обстоятельство, что они бѣдны, ихъ соперники богаты и могущественны, слишкомъ могущественны для обыкновенныхъ судовъ съ ихъ долгими отсрочками и ихъ продажными присяжными. Какъ бы это ни казалось намъ страннымъ, но фактъ тотъ, что тотъ самый судъ, который долженъ былъ быть дорого стоющимъ и медленнымъ судомъ, въ дѣйствительности сталъ судомъ скорымъ и не дорогимъ. Его встрѣтила сильная оппозиція: Палата Общинъ не любила его и обыкновенные юристы тоже. Но въ оппозиціи ихъ чувствовалось колебаніе. Никто не рѣшался сказать, что подобный трибуналъ не имѣлъ мѣста въ странѣ; никто не могъ опредѣлить, какое мѣсто онъ долженъ занять.

Вскорѣ канцлеръ принужденъ былъ оставить сферу общаго суда. Нельзя было допустить, чтобы изъ за того, что на одной сторонѣ находились безпомощные, а на другой богатство и подкупность, его допустили заниматься дѣлами, входящими въ кругъ обязанностей старыхъ судовъ. Весьма возможно, что это новое судопроизводство канцлера погибло бы въ самомъ началѣ, если бы не любопытный эпизодъ въ исторіи нашихъ государственныхъ законовъ. Во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія нѣкоторые землевладѣльцы Англіи были вынуждены многими причинами передавать свои владѣнія друзьямъ, которые, становясь такимъ образомъ легальными собственниками этихъ земель, обязывались условіемъ, основаннымъ на довѣріи къ ихъ честности, не пользоваться правами собственника. Такимъ образомъ удавалось избѣгать феодальныхъ повинностей, освобождаться отъ старыхъ стѣсненій. Канцлеръ сталъ на сторонѣ этихъ договоровъ, основанныхъ на взаимномъ довѣріи, «обычаѣ и довѣріи» (uses, trusts или confidences), какъ говорили тогда о подобныхъ сдѣлкахъ, и отправлялъ въ тюрьму лицо, нарушившее довѣріе. Эпизодъ этотъ чрезвычайно

любопытенъ: вся нація какъ бы вступила въ обширный заговоръ, чтобы имѣть возможность обходить собственные свои законы, которыхъ нація не имѣла смѣлости отмѣнить. Канцлеръ, судья, парламентъ—всѣ, казалось, участвовали въ заговорѣ. А между тѣмъ заговора не было вовсе: просто люди живутъ изо дня въ день, обсуждая то одно дѣло, то другое, и не предусматривая, что выйдетъ изъ этого. Слишкомъ поздно король, единственное лицо, терпящее убытки благодаря этимъ процессамъ, одумался. Генрихъ VIII заставилъ парламентъ противъ воли издать статутъ, стремящійся, на сколько возможно было, исправить дѣло. Но исторія прошлаго была могущественнѣе даже этого гордаго и властнаго короля: статутъ потерпѣлъ полную неудачу; небольшая уловка при толкованіи словъ давала возможность обойти его. Канцлеръ, при дѣятельной поддержкѣ судей, имѣлъ возможность продолжать дѣйствовать по прежнему, понуждать къ исполненію взятыхъ на себя обязательствъ. Объ этомъ эпизодѣ мы упомянули, конечно, лишь между прочимъ; главное, на что мы хотѣли указать—это то, что канцлеръ задолго передъ эпохой Тюдоровъ, гораздо раньше конца четырнадцатаго столѣтія, пріобрѣлъ для себя такую сферу юрисдикціи, которая по мнѣнію многихъ, въ томъ числѣ и юристовъ, законно ему принадлежала. Отъ времени до времени онъ расширялъ предѣлы этой сферы, и отъ времени до времени между канцеляріей его и общими судами возгорался ярый споръ по поводу причисленія какого нибудь поля юрисдикціи, обильнаго доходными статьями. Въ особенности когда канцлеръ не допускалъ кого либо домогаться своихъ правъ въ общихъ судахъ, или воспользоваться рѣшеніемъ ихъ въ его пользу, судьи сильно обижались, и озлобленный споръ по этому поводу возгорѣлся между Кукомъ и Эльсмеромъ, что подало королю Іакову I давно желанный поводъ объявить вершителемъ всего, что дѣлалось во имя короля, своего канцлера, и тѣмъ признать его побѣдителемъ въ этомъ спорѣ. Но подобные споры возникали рѣдко. Канцлеръ нашелъ для себя полезное поле дѣятельности, и ему предоставлялось дѣлать свое дѣло безъ особенной оппозиціи. Во имя правосудія и добросовѣстности было сдѣлано дополненіе къ общему праву. Должны были исполнять каждый пунктъ и слово закона, и не смотря на это можно еще требовать многаго во имя правосудія и добросовѣстности.

Справедливость. (Equity).

Но откуда заимствовали эти справедливость и добросовѣстность? Многіе полагали, что клерикальные канцлеры конца среднихъ вѣковъ почерпали ихъ изъ Римскаго каноническаго права, и можно утвердительно сказать, что они извлекали главные принципы своего судопроизводства именно изъ каноническаго права. И въ самомъ дѣлѣ, до нѣкоторыхъ реформъ, введенныхъ сравнительно въ позднѣйшее время, судопроизводство суда канцлера была судопроизводствомъ духовныхъ судовъ. Составляя рѣзкій контрастъ съ общимъ судомъ,

это учрежденіе принуждало отвѣтчика отвѣчать подъ присягой на возведенныя противъ него обвиненія; онъ не пользовался судомъ присяжныхъ и основывалъ свои рѣшенія на письменныхъ свидѣтельствахъ. Но съ другой стороны, врядъ-ли можно утверждать, что оно позапмствовалось еще чѣмъ либо у духовныхъ судовъ. Насколько возможно судить теперь, очевидно, что канцлеры въ главныхъ своихъ взглядахъ проникались духомъ общаго права. Они придерживались, на сколько это было возможно, общаго закона, и съ неохотой отступали отъ него въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось опираться на справедливость и честность; но обыденная честность требуетъ, чтобы человѣкъ не злоупотреблялъ оказаннымъ ему довѣріемъ, а если общіе законы не подтверждаютъ это правило, то они отступаютъ отъ своихъ обязанностей. Тогда канцлеръ вступается, но и тогда онъ все таки ухватывается за все то, что представляетъ какую либо аналогію въ дѣйствующихъ общихъ законахъ. Долгое время англійское правосудіе, казалось, жило со дня на день.

На каждый день хватало дѣлъ въ спискѣ тяжбъ. Даже въ семнадцатомъ вѣкѣ говорили, что вѣрнымъ мѣриломъ справедливости можемъ служить «длина ступни канцлера».

Во времена Тюдоровъ наплывъ дѣлъ въ судѣ канцлера былъ громаденъ, канцлеръ нерѣдко сильно затягивалъ дѣла, а между тѣмъ, хотя еще со временъ Эдуарда I издавались отчеты о рѣшеніяхъ судовъ, таковыхъ не составлялось о рѣшеніяхъ канцлера. Это доказываетъ намъ, что онъ не считалъ себя связаннымъ прецедентами, а полагался лишь на свою совѣсть. Но быстрый ростъ дѣлъ, подлежащихъ его разбору, понемногу вырабатывалъ въ немъ техническую совѣсть. Все болѣе и болѣе времени ему приходилось проводить въ судѣ. Понемногу онъ переставалъ быть первымъ министромъ короля, сохраняя лишь одно званіе. Вольсей былъ послѣднимъ изъ канцлеровъ, правящихъ Англіею. Между нимъ и королемъ становились государственные секретари. Хранитель государственной печати изъ году въ годъ превращался изъ государственнаго человѣка въ судью. Но время, когда правила справедливости все точнѣе опредѣлялись и когда суровость ихъ равнялась суровости общихъ законовъ, было еще впереди,—а именно это случилось въ эпоху Стюартовъ.

Такъ или иначе, но Англія создала схему, при которой возможно было примирить либерализмъ съ консерватизмомъ. Древнее средневѣковое уголовное право могло сохраниться потому, что судъ Звѣздной Палаты исправлялъ его пробѣлы; древнее личное право могло быть сохранено, потому, что судъ канцлера дополнялъ его. Судъ присяжныхъ имѣлъ возможность сохраниться, развиться и преобразоваться, потому что другіе методы судопроизводства удерживали его въ извѣстныхъ границахъ. И такъ наши древніе законы сохраняли свою живучесть и, какъ мы замѣтили выше, они безъ ущерба для себя прошли черезъ критику

шестнадцатаго столѣтія, и готовились возстать противъ тиранiи семнадцатаго. И Звѣздная Палата и судъ канцлера грозили опасностью нашей политической свободѣ. Бэконъ могъ говорить королю Іакову, что канцлерство есть судъ его самодержавной власти. Но, однако, если мы оглянемся кругомъ, то придемъ къ тому убѣжденію, что, не будь этого, не будь этихъ учрежденій—нашъ старомодный національный законъ, не въ силахъ будучи собственными средствами приноровиться къ требованіямъ новой эпохи, окончательно бы палъ, и что этимъ «безбожный безпорядокъ» повелъ бы къ римской юриспрюденціи и къ деспотизму. Если бы мы даже вздумали утверждить что справедливость (equity) спасла общее право, а Звѣздная Палата спасла конституцію, то и въ этомъ парадоксѣ была бы доля правды.

Реформы въ арміи.

Гассаля.

Во время царствованія Генриха VII отличительныя черты, характеризовавшія Англійскую армію четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, сглаживались. Наступало полное преобразованіе внѣшнихъ формъ искусства войны. Но это преобразованіе шло медленно и не особенно было замѣтно въ царствованіи перваго Тюдора, политика котораго была миролюбива и старалась удержать дома англійскихъ солдатъ Генрихъ VII былъ болѣе занятъ уничтоженіемъ обычая набора войскъ землевладѣльцами, чѣмъ схемами нападеній на другія страны.

При вступленіи его на престолъ вся военная организація никуда не годилась. Періодъ безпорядковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ войнъ Алой и Бѣлой Розъ, гибельно подѣйствовалъ и на военную систему. Много затрудненій было вызвано попыткой собрать войско передъ битвой при Босвортѣ и нерѣдко раздавались жалобы на недостатокъ рыцарскаго духа и испорченность англійскихъ солдатъ. Мы видѣли, что во время безпрерывныхъ войнъ съ 1455 по 1485 г., прежняя національная милиція почти вполнѣ замѣнилась бандами дворовыхъ людей» («household men») и вассалами знатныхъ перовъ.

Концентрированіе армій въ рукахъ короля.

Приспособить существующіе порядки къ цѣлямъ оборонительнымъ и наступательнымъ, разрушить вліяніе лордовъ, сосредоточить всю военную систему въ рукахъ людей достойныхъ довѣрія, людей, которыми бы онъ могъ управлять и на которыхъ могъ бы полагаться—такова была политика Генриха VII.

Въ другихъ великихъ монархіяхъ Европы существовали постоянныя войска, а Англія таковыхъ не имѣла. Ближайшій намекъ на подобное учрежденіе можно было видѣть въ землевладѣльцахъ гвардейцахъ и вооруженныхъ джентльменовъ (yeomen of the Guard and gentlemen at

Arms), образованныхъ Генрихомъ VII. Но тѣмъ не менѣе Англія не была лишена военныхъ ресурсовъ, приспособленныхъ для оборонительныхъ цѣлей, и также обладала кое какими средствами въ случаѣ необходимости вмѣшательства въ дѣла континента.

Мы уже указывали на то, что въ четырнадцатомъ и въ первой половинѣ пятнадцатаго столѣтія каждый мужчина, достигшій шестнадцати и не старше шестидесяти лѣтъ, обязывался явиться въ случаѣ требованія на защиту страны противъ вторженія непріятеля, при чемъ отъ нихъ даже ожидали, что они будутъ хорошо вооружены, дабы имѣть возможность при первомъ требованіи противустоять врагамъ короля, мятежникамъ и защищать государство. Таковъ былъ долгое время признанный конституціей способъ собирать силы для защиты отечества. По закону, изданному въ 1402 году «за исключеніемъ случая вторженія непріятеля, никого нельзя было принудить удалиться изъ своего графства», а такъ какъ войны съ Валлисомъ и Шотландіей могли по справедливости быть разсматриваемы какъ вторженія, то милиція графствъ была обязана нести важную службу. Валлійскія и Шотландскія войны Генриха IV, Шотландскія войны Эдуарда IV и Ричарда III велись при помощи полковъ, составленныхъ вслѣдствіи указовъ (Privy Seal letters) короля и содержимыхъ на счетъ дистриктовъ. Только во время гражданской войны войска составлялись изъ наемныхъ фермеровъ баронетовъ. Генрихъ VII воспользовался существующей системой и находилъ ее достаточной для своихъ цѣлей. Іоркширское возстаніе 1486 года, вызванное лордомъ Ловеломъ и Стаффордами, старыми приверженцами Ричарда III, было подавлено при посредствѣ войска изъ знати, джентри и сельскихъ обывателей; а какъ только возстаніе Ламберта Симнеля грозило принять серьезные размѣры, Генрихъ послалъ дворянъ въ ихъ собственные округа для набора людей. И отчаянное сопротивленіе орды Симнеля при Стоксѣ было также неуспѣшно, въ виду этихъ въ торопяхъ созванныхъ волонтеровъ, какъ было неудачно сопротивленіе Шотландцевъ нѣсколько лѣтъ спустя при Флодденѣ.

Въ случаѣ внѣшнихъ войнъ полки составлялись посредствомъ набора волонтеровъ при Генрихѣ VII точно также, какъ это было раньше при Эдуардѣ III и при Генрихѣ V. Желающіе поступить на службу записывались обыкновенно черезъ посредничество какого нибудь нобльмена или джентльмена, который обязывался служить королю за опредѣленное вознагражденіе, съ опредѣленными силами за опредѣленное жалованіе. Вербовка по контракту.

Когда была уничтожена система вассальная (livery), не было больше нужды въ защитѣ своей личности, и могущество знатныхъ бароновъ рухнуло, Генрихъ VII воспользовался системой найма войскъ для внѣшнихъ войнъ, по контракту съ знатными магнатами и держался ея.

Напримѣръ, мы видимъ, что онъ въ 1492 году заключаетъ контрактъ съ различными лордами и джентельменами, съ цѣлью имѣть

по возможности сильную армію, а въ тоже время онъ заключаетъ договоръ съ графомъ Кентскимъ, въ силу котораго этотъ послѣдній обязуется доставить: «vj вооруженныхъ людей, считая въ томъ числѣ и самаго графа, при чемъ каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть при себѣ оруженосца и пажа; xvj пѣшихъ копейщиковъ, xvj верховыхъ стрѣлковъ, и lx пѣшихъ стрѣлковъ; люди должны были быть искусными въ войнѣ, имѣть лошадей, быть вооруженными и дисциплинированными, въ достаточной мѣрѣ во всѣхъ пунктахъ и во всемъ согласно съ обычаями и требованіями войны». Редакція этого договора во всемъ тождественна съ редакціей договора, заключеннаго восемь лѣтъ раньше Генрихомъ V.

Для того, чтобы имѣть возможность нести расходы на содержаніе арміи, созванной для защиты Бретани въ 1490 и для экспедиціи во Францію, Генрихъ VII добился субсидій отъ своихъ парламентовъ. Народъ былъ обложенъ тяжелыми налогами ради войны, которая въ сущности не состоялась, а безпокойные умы не хотѣли оцѣнить того факта, что удалось добиться мира, не давъ ни одного сраженія.

Заключенные контракты всегда считались истекшими съ окончаніемъ войны и войска распускались. Время реабилитаціи кавалеріи еще не наступило въ Англіи, хотя на континентѣ она снова попала въ честь. Но во времена Генриха рыцари и эсквайры все еще спѣшивались, чтобы сражаться по примѣру своихъ отцевъ, сражавшихся такимъ образомъ при Таутонѣ и Тексбюри. Мы поэтому видимъ, что хотя легкая кавалерія употреблялась для рекогносцировкѣ, но во времена Тюдоровъ обыкновенная инфантерія была настоящей боевой силой арміи и находилась подъ началомъ людей, лично знающихъ своихъ солдатъ. Благодаря отсутствію коммиссаріата, недостаточнаго количества офицеровъ и дезорганизаціи арміи, «непривыкшей къ дисциплинѣ, незнакомой съ командой и оторванной случайно отъ плуга», дѣйствія арміи Тюдоровъ за границей въ общемъ не дѣлали чести правительству.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи имѣли мѣсто многія важныя перемѣны въ военномъ искусствѣ, благодаря изобрѣтенію пороха. Мы видѣли, какъ Эдуардъ IV разогналъ Линкольнширскихъ мятежниковъ стрѣльбой изъ своей пушки при Лозъ-Котъ-Фильдѣ (Lose Coate Field).

Не менѣе успѣшна была и стрѣльба артиллеріи Генриха VII при Блакгитѣ, когда корнваллійцы бѣжали, объятые паническимъ страхомъ, благодаря выстрѣламъ разрывающимъ ихъ тѣсные ряды. Почти невозможно исчислить тѣ выгоды, которыми король пользовался по сравненію съ мятежниками, будучи обладателемъ единственной артиллеріи во всей странѣ. Но хотя употребленіе пороха постепенно вызвало революцію въ военномъ искусствѣ, хотя артиллерія была въ ходу и во все время войны Алой и Бѣлой Розъ, все же еще нѣкоторое время лукъ удерживалъ свое первенствующее значеніе передъ

ружьемъ. Во время небольшихъ стычекъ съ французами,—единственнаго случая прибѣгнуть къ оружію во время Генриха VII,—стрѣлокъ, вооруженный лукомъ, оказался все еще на столько же полезнымъ, какъ и во времена битвъ при Креси и Ажинкурѣ. Когда лордъ Морлей одержалъ побѣду надъ французами при Диксмуйдѣ и штурмовалъ ихъ лагерь, вся честь побѣды принадлежитъ стрѣлкамъ изъ лука. При Флодденѣ копейщики Шотландіи были разбиты англійскими стрѣлками, а въ царствованіи Эдуарда VI сторонники Кета разбили корпусъ нѣмцевъ съ ихъ огнестрѣльными ружьями. Но все же постепенно огнестрѣльное оружіе вытѣсняло употребленія лука и стрѣлъ.

Уничтоженіе liveries.

И такъ политика Генриха VII въ военномъ дѣлѣ заключалось въ томъ, чтобы окончательно вывести изъ употребленія феодальную систему набора войскъ (Livery и maintenance), замѣнившую прежніе національные порядки, и освободить вербовку солдатъ въ графствахъ отъ вліянія баронетовъ, дабы графства сами по себѣ относились преданно къ дѣлу. Эта система (Livery and maintenance), всегда служила признакомъ партійности и притѣсненій, и Звѣздная Палата былъ призвана къ ея упраздненію. Для того, чтобы обезпечить себѣ службу солдатъ въ теченіи періода, на который они были законтрактованы для войны, въ седьмой годъ своего царствованія Генрихъ VII обнародовалъ актъ, налагающій наказанія за дезертирство, а въ царствованіи Эдуарда VI былъ изданъ другой актъ, касающійся «свободной службы капитановъ и солдатъ»,—нѣчто вродѣ акта противъ мятежа.—Такимъ образомъ Генрихъ VII началъ политику, которой продолжали слѣдовать всѣ Тюдоры. Его цѣль заключалась въ томъ, чтобы создать національныя и заслуживающія довѣрія военныя силы. Съ этой цѣлью онъ возродилъ систему милиціи, и потребовалъ отъ графствъ доставки извѣстнаго количества людей, смотря по своимъ средствамъ. Трудно придумать лучшую иллюстрацію практической мудрости Тюдоровъ, какъ указаніе на ихъ стремленіе развить учрежденія графствъ и приходовъ, при чемъ легко наблюдать, какимъ путемъ они поддерживали и развивали систему милиціи. До тѣхъ поръ, пока они рѣшительно придерживались политики мира, вѣроятно милиція въ достаточной мѣрѣ удовлетворяла всѣмъ необходимымъ требованіямъ; но лишь только нація увлекается въ войну, то постоянная армія болѣе цѣлесообразное и болѣе экономное орудіе. Войска, торопливо набранныя изъ сельскаго населенія, суть самыя дорогія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя плохія изъ всѣхъ политическихъ орудій». Промышленность прерывается, пахарь пріобрѣтаетъ безпорядочныя привычки, а послѣ войны, страна наполняется дезорганизованными шайками солдатъ. Таково было положеніе Англіи во времена войны Алой и Бѣлой Розъ, таково же было оно съ малыми измѣненіями и послѣ первыхъ опытовъ войны на континентѣ Генриха VIII.—И отъ

Система милиціи.

такого-то положенія вещей Англія была предохранена въ царствованіи Генриха VII, благодаря его мудрой политикѣ.

Флотъ при Генрихѣ VII

Лэйрда Клоуэса.

Преобладаніе на морѣ достойно поддерживалось Англіей въ эпоху царствованія Генриха VII,—монарха, понявшаго не только то, что единственный способъ сохраненія мира заключается въ полной боевой готовности, но и понимавшаго принципы и значеніе торговли. Въ 1487 году архіепископъ Кентербюрійскій, бывшій въ тоже время государственнымъ канцлеромъ, открылъ парламентъ рѣчью, въ которой сообщалъ государственнымъ сословіямъ о видахъ короля по этому предмету; во время сессіи, было посвящено много вниманіе торговлѣ. Въ 1490 году былъ заключенъ весьма выгодный торговый договоръ съ Даніей, въ силу котораго была обезпечена торговля съ Исландіей англійскимъ, и въ особенности Бристольскимъ, купцамъ; эта торговля долгое время процвѣтала, но затѣмъ, послѣ гражданской войны, потерпѣла нѣкоторыя стѣсненія. Условіями этого договора обезпечивалось за англичанами право снабжать Исландію всякого рода товарами, какъ-то грубымъ сукномъ и другими предметами, безъ всякихъ стѣсненій со стороны Даніи.

Это была исключительная привиллегія, и безъ сомнѣнія такая, которой стоило добиваться. Въ 1506 г. былъ заключенъ и съ Кастиліей договоръ, почти настолько не выгодный.

«Henri Grace à Dieu».

Повидимому въ пятнадцатомъ столѣтіи вошло въ обычай передавать имя какого нибудь стараго судна новопостроенному, замѣнивъ его. Практиковался также обычай давать болѣе крупнымъ суднамъ одно какое нибудь излюбленное имя. Одно изъ этихъ именъ было: *Grace à Dieu*. Когда Генрихъ VII рѣшился замѣнить новымъ суднома одно *Grace à Dieu*, унаслѣдованное имъ отъ его предшественниковъ, онъ рѣшилъ, что новое судно будетъ больше и великолѣпнѣе какого-то либо изъ судовъ его морской силы; и когда, наконецъ, оно было готово, онъ въ честь своего имени окрестилъ его именемъ «Henri Grace à Dieu». Судно это, говорятъ обошлось въ 14,000 ф. и, кажется, имѣло четыре цѣльныя мачты, каждая изъ нихъ съ двумя круговыми марсами, съ бугшпритомъ, съ тремя квадратными парусами на каждой мачтѣ, съ высокой кормой и форъ-кастелемъ, съ двумя полными и двумя неполными лагами пушекъ. Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе полагать, что чертежъ, изображаю-

щій судно «*Henri Grace à Dieu*» и хранящійся въ Библіотекѣ въ Кембриджѣ, изображаетъ именно это судно, а не другое *Henri Grace à Dieu*, построенное при Генрихѣ VIII. О томъ, каково было его вооруженіе, мы можемъ лишь дѣлать предположенія. Но есть основаніе предполагать, что на его нижней палубѣ помѣщалось шестьдесятъ пушекъ, на главной палубѣ, на кормѣ и форъ-костелѣ около тридцати шести; или всего семьдесятъ пушекъ, Надо, однако, признаться, что мало что извѣстно о немъ; весьма вѣроятно, что это и было именно то судно, которое, подъ новымъ названіемъ «*Регентъ*», погибло во время сраженія съ французами, 10-го Августа, 1512 г. Если это такъ, то оно подымало 1000 тоннъ, и на немъ было 700 человѣкъ экипажа и офицеровъ.

Джемсъ говоритъ, что оно было построено въ 1488 г., но такъ много было противурѣчивыхъ сообщеній объ этомъ суднѣ, что мы можемъ сказать положительно только то, что *Henri Grace à Dieu* Генриха VII было крупнѣе всѣхъ до того времени построенныхъ въ Англіи судовъ, и что въ началѣ слѣдующаго царствованія оно или исчезло, или получило другое названіе.

Открытіе Сѣверной Америки.

Христоферъ Колумбъ, встрѣтивши холодный пріемъ при Испанскомъ дворѣ, и руководимый всѣмъ извѣстнымъ пристрастіемъ Генриха VII къ мореплаванію, а также его извѣстными коммерческими и другими способностями, рѣшился обратиться къ Англіи и въ 1485 году отправилъ туда брата своего Варѳоломея нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ восшествія Генриха VII на престолъ. Но путешествіе Варѳоломея было неудачно. На пути въ Англію онъ былъ схваченъ пиратами и принужденъ работать у нихъ въ качествѣ раба, а когда ему удалось бѣжать въ Лондонъ, то онъ былъ сначала на столько боленъ, а за тѣмъ на столько бѣденъ, что никакъ не могъ исполнить порученія брата до 1488 г. Въ это время онъ существовалъ издѣліемъ картъ и глобусовъ, и когда, наконецъ, ему удалось быть представленнымъ Генриху VII, онъ поднесъ его величеству планиглобъ. Король выслушалъ отчетъ о планахъ Колумба, и охотно обѣщалъ оказать ему поддержку для выполненія ихъ; но дѣло затянулось, такъ что прежде, чѣмъ Варѳоломей былъ въ состояніи отвезти брату своему Христофору патентъ короля, Христоферъ не только успѣлъ получить согласіе Испаніи, но совершилъ первое свое путешествіе и сдѣлалъ свое великое открытіе. Извѣстіе объ этомъ открытіи естественно взволновало всѣ портовые города Европы, и навело на мысль нѣкоего Генуэзца—Джіовани Кабото, давно уже живущаго въ Бристолѣ, и, повидимому, извѣстнаго Генриху съ хорошей стороны, обратиться къ королю съ просьбой оказать ему поддержку для дальнѣйшихъ открытій на востокѣ и, въ особенности для открытія Сѣверо-восточнаго пути въ Индію. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Кабото, (болѣе извѣстный въ Англіи подъ именемъ Джонъ

Каботъ), уже совершалъ раньше путешествіе къ Сѣверу—Востоку, и въ 1494 году видѣлъ Лабрадоръ. Исторія обоихъ его путешествій, вѣрность которой намъ доподлинно извѣстна, будетъ передана нами въ нижеслѣдующихъ страницахъ. Во время обоихъ этихъ путешествій онъ дѣлалъ наблюденія надъ колебаніемъ компаса,—явленіе, уже раньше замѣченное Колумбомъ.

Въ 1502 г. Генрихъ VII даровалъ новые патенты для дальнѣйшихъ открытій подъ англійскимъ флагомъ Гюго Элліоту и Томасу Ашгурсту, бристольскимъ купцамъ, а также Джону Ганзалесу и Франциску Фернандес'у, португальскимъ уроженцамъ.

Открытія и изслѣдованія.

Раймонда Бизли.

Каботы. Великая эпоха англійскихъ открытій, какъ часто говорятъ, началась Каботами, Джономъ и Себастіаномъ, венеціанцами, ставшими во главѣ изслѣдованій сѣверо-американскаго материка. Итальянцы въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, были первыми кормчими и шкиперами въ путешествіяхъ съ цѣлью открытій, но англійскія открытія двигались медленнѣе, чѣмъ испанскія и португальскія. Предпріятіе 1497 года не было оцѣнено современниками, и служило доказательствомъ смѣлости и предпріимчивости не сѣверянъ и англичанъ, а южанъ и итальянцевъ. Оно больше принадлежитъ Колумбу, Де Гама и Генриху Португальскому, чѣмъ Генриху VII.

Національное англійское движеніе началось съ Чанселора и Виллугби, и съ мореплавателей Эдуарда VI.

Но открытія Каботовъ, находившихся на англійской службѣ, тѣмъ не менѣе покрыли націю славой; это была единственная успѣшная попытка мореплавателей пуститься въ путь изъ нашихъ портовъ въ чуждый міръ,—попытка, совершенная въ томъ самомъ пятнадцатомъ столѣтіи, которое было свидѣтелемъ успѣшнаго движенія португальцевъ вокругъ Африки къ Индіи, дальнѣйшаго открытія новыхъ путей на далекій востокъ, и открытія Колумбомъ Вестъ-Индіи [1]).

---

[1]) Она сначала была принята за Восточную Азію, и главное значеніе этого предпріятія не заключалось въ открытіи Новаго Свѣта, которое состоялось позднѣе, но въ предполагаемомъ доказательствѣ возможности кругосвѣтнаго путешествія. См. изданіе Гаклита: „Путешествіе Себастьяна Кабота къ С. В. части Америки, съ цѣлью открытія С. З. пути, до 58° широты, и затѣмъ обратно вдоль берега Флориды, въ 1497 г.; подтверждено шестью свидѣтелями.

5-марта, 1495 года Джонъ Каботъ и его три сына, Себастіанъ [1]) и другіе, получили патенты на открытіе и покореніе неизвѣстныхъ странъ; весной 1497 г. (въ маѣ) эти венеціянцы отправились въ путь изъ Бристоля на двухъ судахъ, на суднѣ *Матью* и еще на другомъ, а 24 іюня, послѣ плаванія, (при чемъ держались направленія на Западъ), длившагося два мѣсяца, они причалили къ берегу. Ихъ первое «Prima Vista», какъ говоритъ Гаклитъ, было по всей вѣроятности не мысомъ „*Бретонъ-Исландъ*“, какъ указано на планиглобусѣ Себастьяна въ 1544 г., а на восемь или девять градусовъ сѣвернѣе на берегу Лабрадора [2]), мѣсто считавшееся тогда приблизительно на одной широтѣ съ мысомъ Чудлей.

«24 іюня, 1497 года» говоритъ Гаклитъ въ своихъ «Testimony»— «Джонъ и Себастьянъ Каботъ открыли страну дотолѣ неизвѣстную». Высадившись, они увидѣли дикихъ островитянъ, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры. Изъ нихъ они трехъ взяли съ собой въ подарокъ Генриху VII.

«Когда распространились слухи объ открытіи Колумбомъ пути на Востокъ черезъ Западъ», говоритъ Себастьянъ въ своихъ докладахъ «...я направилъ свой путь на С.-З., полагая, что встрѣчу берега Китая, а оттуда поверну въ Индію». Не найдя этого пути, «такъ какъ страна все простиралась на сѣверъ и востокъ», онъ направилъ свой путь къ тропикамъ, вдоль береговъ Флориды.

Но такъ какъ началъ чувствоваться недостатокъ въ припасахъ, онъ вернулся въ Англію. Если вѣритъ другому его докладу, то только возмущеніе шкиперовъ и матросовъ воспрепятствовало ему направить свой путь къ Китаю; потому что «11 іюня, видя, что открытое море все еще необозримо, онъ полагалъ, что находится въ Азіи. Онъ на столько приблизился къ полюсу, что встрѣчалъ «огромные куски льда, плывущіе по морю и безпрерывный дневной свѣтъ», а по собственному его мнѣнію онъ такъ далеко отплылъ къ западу, что какъ онъ говорилъ позднѣе, «у меня тогда Куба оставалась по лѣвую руку».

Большая часть этого знаменитаго путешествія совершилась между началомъ мая и концемъ іюля, послѣ чего путешественники вернулись въ Англію и привезли доклады объ открытомъ ими въ Сѣверномъ Ледовитомъ Океанѣ новомъ свѣтѣ, привлекающемъ своими мѣдными рудниками и дикими островитянами.

Была ли эта страна частью Китая, или другой неизвѣстной землей между Азіей и Европой,—этого въ то время не могли еще опредѣ-

---

[1]) Въ силу этихъ патентовъ Каботы: „Джонъ, Людвигъ, Себастьянъ и Санціусъ уполномочивались плыть во всѣ страны, по всѣмъ морямъ на востокъ, западъ и сѣверъ“. для открытій и присоединенія всякой вновь открытой страны.

[2]) Cf. Harrisse. Diect. of. N. Amer.

лить. Но во всякомъ случаѣ, какъ бы мало ни сдѣлали англичане въ теченіи многихъ лѣтъ, слѣдующихъ за этой «Prima Vista», все же Каботы путешествовали, находясь на службѣ англійскаго престола, и Генриху VII приходилось имъ дать вознагражденіе. Но это послѣднее далеко не было такимъ, чтобы могло отвлечь мореплавателей отъ испанскихъ и итальянскихъ портовъ. Въ графѣ личныхъ расходовъ короля, 10 августа 1497 года, значится слѣдующее: «Тому, кто открылъ новые острова выдано 10 ф. (приблизительно 100 ф. на наши теперешнія деньги).

Мореплаватели получили патентъ на право новыхъ изслѣдованій, въ февралѣ 1498 года. Въ силу этого патента «John Kabotto» получилъ разрѣшеніе взять изъ любой гавани страны шесть кораблей, въ 200 тоннъ каждый, «съ тѣмъ чтобы вести ихъ въ страны и острова недавно открытыя вышепоименованнымъ Джономъ, именемъ нашимъ и по повелѣнію нашему»,—а между маемъ и іюлемъ этого 1498 года было предпринято новое путешествіе, но съ весьма сомнительными результатами [1]).

Второе и третье путешествіе.

За вторымъ путешествіемъ, 1498 года, послѣдовало третье въ 1499, весьма сильно оспариваемое, о которомъ у насъ есть сообщеніе, что оно было направлено въ «Мексиканскій заливъ»; вскорѣ послѣ этого умеръ Джонъ Каботъ, а Себастьянъ изчезъ изъ виду до 1512 года. Но въ 1501, 1502 и 1504 году суда наши посѣщали Нью-Фундленъ, преимущественно изъ-за рыбной ловли.

Искусство.

Гугса.

Мы видѣли, какъ въ архитектурѣ каждый новый стиль возникалъ и достигалъ сравнительно высокой степени совершенства, не только во время существованія его предшественника, но и въ то время, когда этотъ послѣдній былъ въ полномъ разцвѣтѣ. Тоже самое можно сказать и объ живописи на стеклѣ. Рѣдко можно встрѣтить замѣтную разницу въ рисункѣ и окраскѣ позднѣйшихъ издѣлій древ-

Живопись на стеклѣ.

[1]) Вѣроятно направлены они были указаніями португальцевъ и итальянцевъ Судя по ландкартѣ Эсте, ясно, что португальцамъ была знакома граница Сѣверо Американскихъ береговъ отъ Флориды до мыса Кодъ въ 1502 г. Въ данномъ случаѣ вѣроятно направленіе, котораго придерживались путешественники, было на югъ отъ направленія перваго путешествія; и изслѣдованіе, повидимому распространилось на весь восточный берегъ теперешнихъ Соед. Штатовъ до Флориды. (Harrisse, of. cit.).

няго англійскаго стекла и болѣе раннихъ издѣлій декоративнаго стиля, или между послѣдними декоративными и первыми перпендикулярными. Великолѣпная густота окраски ранняго періода мозаики стекла не долго держалась и, въ самомъ дѣлѣ, что касается краски, то уменьшеніе ея яркости послѣдовательно продолжалось въ теченіи всего періода какъ декоративнаго, такъ и перпендикулярнаго стиля. Кромѣ того, на сколько намъ извѣстно, ни въ это время, ни въ позднѣйшія времена въ Англіи не было оригинальныхъ талантовъ на этомъ поприщѣ. Бордюры были неизмѣнно или копіями съ архитектурныхъ деталей, или же копіями съ французскихъ издѣлій. Методъ накладывать тѣни точечками, которыя безъ сомнѣнія, расширили сферу живописи по стеклу, можетъ считаться величайшимъ усовершенствованіемъ періода перпендикулярнаго стиля. Тѣмъ не менѣе, въ Англіи по крайней мѣрѣ, результаты оказались печальными, потому что въ то время, какъ подобная манера работать никогда не могла произвести что-либо дѣйствительно характерное (каковыми были напр. работы на стеклѣ Montmorency, въ шестнадцатомъ столѣтіи), вліяніе ея было гибельно для декоративныхъ эффектовъ. Во всякомъ случаѣ желаніе выказать мелкія красоты своей работы заставило живописцевъ по стеклу вводить въ употребленіе массу бѣлаго стекла, и избѣгать густыхъ блестящихъ тѣней своихъ предшественниковъ. Это можно сказать и о перпендикулярной живописи оконъ, и о перпендикулярной архитектурѣ оконъ; и эту тенденцію можно приписать порчѣ вкуса во всемъ, что касалось готической школы, подпавшей вліянію классическаго возрожденія. Характернѣйшій образчикъ перпендикулярной декоративной живописи на стеклѣ въ Англіи находится въ Ферфордской Церкви въ Глочестерѣ. Это произведеніе первыхъ лѣтъ шестнадцатаго столѣтія, и если только оно дѣйствительно произведеніе англійскаго искусства, то оно доказываетъ, что касательно рисунка и гармоническихъ, хотя не богатыхъ тѣнями, красокъ, Англія въ это время не слишкомъ отстала отъ Франціи. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что національность этихъ произведеній оспаривается преданіемъ о томъ, что церковь эта была построена нѣкіемъ Джономъ Темъ (Tame) въ 1493 г., который и украсилъ ее окнами, привезенными имъ въ качествѣ добычи морскаго грабежа. Съ другой же стороны на одномъ изъ стеколъ находится изображеніе принца Уэльскаго, такъ что мы можемъ быть увѣреными, что по крайней мѣрѣ одно изъ оконъ есть произведеніе роднаго искусства. Ферфордскія окна.

Ослабленіе и утомленіе послѣдовавшія за войной Алой и Бѣлой розъ, повидимому, уничтожили и тѣ слабые зачатки англійской скульптуры, которые существовали до того времени, и превосходство иностранныхъ живописцевъ и скульпторовъ, оправдываетъ вредный обычай введенія иностраннаго искусства въ Англіи. Статуи и изваянія Скульптура при Генрихѣ VII.

апостоловъ въ домовой церкви Генриха VII, нѣсколько бронзовыхъ статуй преимущественно въ церквяхъ Восточной Англіи, а также нѣсколько памятниковъ, подобныхъ памятнику Кардинала Бофора въ Винчестерѣ и сэра Джиля Данбери въ Вестминстерѣ,—вотъ и всѣ лучшія произведенія нашей національной скульптуры до конца царствованія перваго Тюдора. Памятникомъ на могилѣ Генриха VII мы обязаны итальянцу Торижіано, ему же принадлежитъ и памятникъ на могилѣ королевы его супруги, съ прекрасными фигурами, столь возвышеннаго характера и столь натуралистическаго направленія—но эти памятники принадлежатъ ужъ конечно временамъ второго Тюдора. Контрактъ, заключенный между душеприказчиками Генриха VII и флорентинскимъ художникомъ, сохранился по сю пору. Работа должна была обойтись въ 1500 ф., и была окончена въ 1518 году. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Генрихъ VII опредѣлилъ мельчайшія подробности объ этомъ памятникѣ, чѣмъ и оправдалось сказанное о немъ, что единственные расходы, на которые Генрихъ VII охотно согласился, должны были быть сдѣланы послѣ его смерти. Черный мраморный надгробный памятникъ украшенъ рѣзной фризой, медальонами изъ позолоченной мѣди, и на каждомъ изъ угловъ королевскій гербъ, поддерживаемый бронзовыми херувимами. Работа изящная, чисто итальянскаго характера.

Живопись. Послѣ смерти Ричарда въ исторіи живописи оказывается пробѣлъ въ сто лѣтъ или около того. Супружество Генриха V и Екатерины повлекло за собой продолжительную и томительную войну. Сношенія между дворами короля Эдуарда IV и герцога Карла Бургундскаго не привели также ни къ какимъ болѣе или менѣе значительнымъ результатамъ въ этомъ отношеніи, хотя одна изъ великихъ сѣверныхъ школъ живописи находилась именно во владѣніяхъ герцога.

Безъ сомнѣнія и картины фламандскія, подобно фламандскимъ лошадямъ и французскимъ винамъ, проникали въ Англію, но у насъ не имѣется данныхъ для того, чтобы утверждать, что англичане того времени сколько нибудь интересовались подобными вещами.

Живопись, въ высшемъ значеніи этого слова, была неизвѣстна Англіи до шестнадцатаго столѣтія, да и тогда она проявилась въ одномъ изъ самыхъ скромныхъ видовъ,—это было то, что мы можемъ назвать поверхностной живописью, въ отличіе отъ характеристичной—а именно портретная живопись. Въ Италіи драматическое изображеніе человѣческой жизни уже тому назадъ два столѣтія достигло блестящихъ успѣховъ; но Англіи все еще была неизвѣстна возможность подобныхъ твореній. Даже самыя лучшія раскрашенныя картины, каковыя находились, напр. въ молитвенникѣ Бедфорда, обязанныя своимъ происхожденіемъ англичанину, были исполнены заграницей. Портреты, или то, что называли тогда портретами, писались

въ пятнадцатомъ и даже въ четырнадцатомъ столѣтіи. По временамъ мы видимъ, что король заказываетъ портреты своихъ предковъ, или же епископъ украшаетъ всѣ стѣны домовой церкви или часовни портретами всѣхъ своихъ предшественниковъ. Нѣсколько грубыхъ панелей, по большей части копій, повидимому издѣлія временъ царствованія Тюдоровъ, изображаютъ портреты, или то, что мы должны считать портретами, первыхъ Плантагенетовъ. Такимъ образомъ мы видимъ,—или воображаемъ, что видимъ—какова была внѣшность Эдуарда IV, Ричарда III и Джэнъ-Шоръ, при чемъ изображеніе этой несчастной женщины представляетъ больше чѣмъ обыкновенный интересъ, отвѣчая, хотя не вполнѣ, описанію портрета, видѣннаго сэромъ Томасомъ Моромъ. Генрихъ VII заслуживаетъ, однако, похвалы за то, что изъ всѣхъ королей послѣ Генриха III, онъ одинъ хоть сколько нибудь интересовался искуствомъ. Продолжительныя войны съ Франціей не оставили ни монархамъ, ни народу времени думать о чемъ либо, кромѣ военнаго искуства, а война Алой и Бѣлой Розъ научила людей лишь искуству перерѣзывать другъ другу горло. Царствованіе Эдуарда IV дало возможность передохнуть, а послѣ сліянія обоихъ враждующихъ домовъ посредствомъ брака Генриха VII съ Бѣлой «Розой Іорка», наступила новая, болѣе обѣщающая эра.

Мабюзъ и его школа.

Повидимому Генрихъ пригласилъ иностранныхъ артистовъ, и ему принадлежитъ честь приглашенія Жана Госсерта въ Англію. Онъ явился изъ Мобежа въ Генегау и извѣстенъ въ Англіи подъ прозваніемъ Мабюзъ. Точный годъ его рожденія, а также время его прибытія въ Англію, да и самый фактъ этого прибытія, неопредѣленны; но вѣроятно, что въ началѣ шестнадцатаго вѣка онъ былъ въ Англіи. Англичанамъ онъ былъ извѣстенъ однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній «Поклоненіе волхвовъ», въ Кастль Говардѣ, которое однако было написано не для англійскаго патрона, а для аббата Граммона. Учился онъ въ Италіи и пріобрѣлъ извѣстность въ Нидерландахъ, которыя покинулъ для Англіи, хотя и неизвѣстна непосредственная причина, вызвавшая такой съ его стороны поступокъ. Вѣроятно, однако, что попавъ въ затруднительное положеніе (такъ наз. Cinque-cento художники были необузданнымъ народомъ), онъ рѣшился попытать счастье при дворѣ монарха, считавшагося однимъ изъ богатѣйшихъ королей Европы. Предполагаютъ, что онъ написалъ портреты дѣтей короля—принца Артура, принца Генриха и принцессы Маргариты—и дѣйствительно существуетъ такое полотно фламандской школы, но сомнительно, чтобы оно принадлежало Мабюзу. Но подлинность лицъ изображенныхъ была подвергнута большимъ сомнѣніямъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что картина была написана въ Англіи, хотя болѣе вѣроятія въ томъ, что она изображаетъ трехъ дѣтей короля Датскаго Христіана II. Но въ тоже время тотъ фактъ, что группа была нѣсколько разъ переснята, (су-

ществуютъ болѣе четырехъ копій въ Англіи) подтверждаетъ предположеніе, что въ Англіи считали эту группу изображеніемъ королевской семьи. Весьма возможно, что Мабюзъ, или другой какой либо художникъ фламандской школы, открылъ въ Лондонѣ нѣчто вродѣ мастерской, и что ея издѣлія, національность которыхъ легко можетъ быть оспариваема, расходились по Англіи. Много есть и другихъ произведеній этого періода, которыя долгое время приписывались Мабюзу, каковы, напр. Адамъ и Ева, Пресвятая Дѣва съ Младенцомъ, со Св. Михаиломъ и Св. Андреемъ, въ Гамптонъ-Куртѣ. Но какъ бы ничтожно ни было число произведеній его рукъ, все же картинъ фламандца или его учениковъ, или вообще лицъ, принадлежавшихъ къ его школѣ, довольно много. Нѣсколько портретовъ Маргариты Бофоръ, матери Генриха VII, сохранились благодаря Кембриджскимъ коллегіямъ, благодѣтельницей которыхъ она была. И хотя многіе изъ нихъ суть копіи, заказанныя тѣми лицами, которыя пользовались ея благодѣяніями, но все таки очевидно, что былъ хоть одинъ оригиналъ значительно характерный. Извѣстный «Бракъ Генриха VII съ Елизаветой Іоркской», вѣроятно, обязанъ своимъ происхожденіемъ мастерской, о которой мы упомянули выше. Замѣчательно виртуозно составленное описаніе этой картины, достойно того, чтобы его цитировать, такъ какъ оно указываетъ на достоинства этой замѣчательной работы, бывшей, вѣроятно, шедевромъ этой первой художественной школы въ Англіи:

«Она изображаетъ внутренность церкви,—воображаемой церкви, нисколько не похожей на аббатство, въ которой вѣнчались эти монархи. Перспектива и ландшафтъ страны по обѣ стороны—хороши. На переднемъ планѣ, съ одной стороны, стоятъ король и епископъ Имолы, совершившій бракосочетаніе. Его Величество представленъ мрачной, сухощавой, не граціозной фигурой, съ опущенными глазами; на лицѣ его выражается дурное расположеніе духа, вызванное этимъ бракомъ. Напротивъ епископа стоитъ королева, веселая, красивая дѣвушка, съ золотистыми волосами. Возлѣ нея стоитъ фигура, превосходящая размѣрами всѣ остальныя, непропорціональная, если не допустить предположеніе, весьма по моему вѣроятное, что эта фигура есть символическое лицо, долженствующее своимъ высокимъ ростомъ олицетворять идею чего-то сверхъ-человѣческаго. Изображаетъ она пожилаго человѣка, одѣтаго какъ монаха, съ тѣмъ исключеніемъ, что цвѣтъ одежи его зеленый, ноги босы, а въ рукахъ у него копье. Но такъ какъ ни одинъ орденъ не могъ носить зеленой формы, то фигура эта не могла изображать монаха. Вѣроятно, это никто иной, какъ Св. Ѳома, изображенный, какъ великомученикъ, съ орудіемъ своей смерти въ рукахъ. Вѣроятно королева особенно уважала этого святого, или родилась, или вѣнчалась въ день посвящен-

ный ему. Но какъ бы то ни было, картина, помимо ею историческаго интереса, имѣетъ много достоинствъ».

Чеканка монетъ и медалей.

Начиная съ царствованія Эдуарда III и до царствованія Генриха VII искусство чеканки не прогрессировало. Золотыя монеты (noble, half-noble and quarter-noble); серебряныя groat, half-groat, пенни и полупени,—чеканились въ продолженіи всѣхъ послѣдующихъ за Эдуардомъ III царствованій, но это было только болѣе или менѣе удачное подражаніе первой и второй чеканки Эдуарда. Генрихъ IV, въ тринадцатый годъ своего царствованія уменьшилъ вѣсъ серебряныхъ монетъ, начиная отъ groat и его подраздѣленій, и этому примѣру послѣдовали его сынъ и внукъ. Но съ каждымъ годомъ серебро все уменьшалось въ обращеніи, что повело къ ввозу его не только изъ Шотландіи, причемъ оно было низшаго достоинства, но и изъ разныхъ другихъ странъ, включая въ это число и монеты чеканки венеціанской, выпускаемыя спеціально для Англіи. Безчисленныя воспрещенія употребленія иностранныхъ монетъ, и такое-же множество петицій о дальнѣйшемъ выпускѣ мелкой англійской монеты, служатъ достаточнымъ доказательствомъ какъ уменьшенія серебра, такъ и напрасныхъ усилій противодѣйствовать этому. Въ царствованіи Генриха VI появились двѣ новыя монеты—«ангелы» и «ангелочки», прозванныя такъ изъ-за изображенія Св. Михаила, попирающаго ногами дракона, а во времена его преемника золотыя монеты «nobles» стали чеканиться въ измѣненномъ видѣ, а именно возлѣ корабля Эдуарда изображалась расцвѣтшая роза.

Съ царствованіемъ Генриха VII наступила эра нашей новой чеканки. На пятомъ году послѣ вступленія его на престолъ появились соверены. Вѣсъ ихъ былъ вдвое больше вѣса nobles; но эти послѣдніе, а также «ангелы» и «ангелочки» не были извлечены изъ обращенія. Изображеніе монарха было новое, такъ какъ онъ изображался въ своей королевской мантіи, съ короной, на открытомъ престолѣ, на фонѣ ткани, усѣянной лиліями. Были также въ ходу и монеты другого типа, на которыхъ надъ престоломъ возвышается балдахинъ; но на обѣихъ на оборотной сторонѣ изображались соединенныя розы дома Ланкастера и Іорка. Подобно нашей монетѣ, соверенъ временъ Тюдора имѣлъ цѣнность въ двадцать шиллинговъ, и въ это-же царствованіе, впервые, появился серебряный шиллингъ. Были также введены измѣненія въ украшеніяхъ. Выпуклая корона снова появилась—послѣ исчезновенія, продолжавшагося нѣсколько столѣтій, сначала на головѣ условнаго типа королей, послужившаго всѣмъ Плантагенетамъ, начиная отъ Генриха Винчестерскаго. Но въ девятнадцатый годъ царствованія Генриха VII,—а можетъ быть и еще раньше,—появились монеты, украшенныя профилемъ короля, съ его-же короной на головѣ. Это, вѣроятно, были лучшіе образцы металлическихъ портретовъ, когда либо чеканенныхъ со временъ Константина въ Англіи, и, въ самомъ

дѣлѣ съ этихъ поръ нумизматическіе кабинеты приняли характеръ національной портретной галлереи.

Университеты.

Геттона.

Въ числѣ вопросовъ, возбуждающихъ интересъ въ XV ст., не слѣдуетъ забывать вопроса объ интеллектуальномъ развитіи страны. Университеты переживали новый періодъ, и какъ всегда имъ присущимъ, своеобразнымъ способомъ отражали нравы націи, взятой въ цѣломъ.

Кембриджъ. Оксфордъ.

Въ Кембриджѣ основаны были двѣ коллегіи, коллегія *Іисуса*, въ 1497 году, извѣстная своимъ прекраснымъ садомъ, и коллегія *Христа*, основанная въ 1506 г. и субсидированная набожной и ученой матерью короля, Маргаритой, графиней Ричмондской. Обѣ эти коллегіи воспитали выдающихся преобразователей: Кранмеръ учился въ коллегіи Іисуса, а Латимеръ—въ коллегіи Христа. Славная часовня, основанная королемъ при коллегіи Короля, также получила поддержку отъ Генриха VII. Но въ самомъ Кембриджѣ интеллектуальное движеніе того времени стало выдаваться скорѣй при Генрихѣ VIII; началось же это движеніе въ Оксфордѣ—въ то время, когда на престолѣ еще былъ первый изъ Тюдоровъ.

Вѣроятно, не было времени въ исторіи университета, когда бы въ его стѣнахъ собралось столько людей, выдающихся ученостью или прославившихся въ анналахъ націи. Основатели Королевскаго Общества, или же вожаки торговаго движенія не занимаютъ такого обширнаго поля дѣйствія, какъ люди, положившіе основаніе Англійскому Возрожденію. Недавно было сообщено о томъ, что по крайней мѣрѣ не менѣе пяти оксфордскихъ студентовъ были учениками старшаго Гуарино въ Феррарѣ. Теперь же «варвары изъ-за Альпъ» начинали не учиться, а учить самостоятельно. Во время царствованія Генриха VII, итальянскій путешественникъ могъ бы встрѣтиться въ Оксфордѣ въ одно и то же время съ Вилльямомъ Гроссиномъ, Томасомъ Линакромъ, Томасомъ Моромъ, Джономъ Колетомъ, Томасомъ Вольсеемъ, Корнеліемъ Вителли и съ Дезидеріемъ Эразмомъ. На Рождество Христово въ 1488 году, три итальянскихъ ученыхъ обѣдали съ президентомъ коллегіи Магдалины и повидимому лишь нѣсколько лѣтъ спустя Корнелій Вителли читалъ лекціи въ училищахъ.

Преподаваніе греческаго языка въ Оксфордѣ.

Но честь введенія преподаванія греческаго языка въ Оксфордѣ принадлежитъ Вилльяму Гроцину. Въ 1488 году онъ совершилъ путешествіе въ Италію, гдѣ учился подъ руководствомъ Халькондилоса и По-

литіана. Онъ былъ членомъ Новой коллегіи, а затѣмъ жилъ въ Экзетерской коллегіи. Томасъ Линакръ, бывшій членъ коллегіи «Всѣхъ Святыхъ», также подышалъ живительнымъ воздухомъ Флорентинской академіи. Онъ былъ главнымъ учителемъ Мора, и отъ него же и Эразмъ получилъ свои первыя познанія въ греческомъ языкѣ. Моръ могъ считаться типическимъ представителемъ ученаго времени Англійскаго Возрожденія, и какъ его ученіе, такъ и первые плоды этого ученія, принадлежатъ времени Генриха VII. Въ 1492 году онъ поступилъ въ Кентербюрійскую коллегію, одну изъ тѣхъ, которыя впослѣдствіи замѣнились коллегіей Христа, и по видимому занималъ комнату въ учрежденіи Св. Маріи (St. Mary Hall). Здѣсь онъ оставался два года. Старый способъ преподаванія все еще преобладалъ въ Англіи, и гуманисты не находили такой поддержки въ Англіи, какую имъ оказывали въ Италіи общества ученыхъ патроновъ, но попытки пересадить итальянскую культуру въ Англіи дѣлались энергично и не безъ успѣха. Англійскіе ученые переводили съ греческаго на латинскій языкъ, писали латинскія письма и поэмы все съ большей свободой и съ большимъ мужествомъ и начали читать лекціи о греческой и римской литературахъ. Въ Оксфордѣ такъ же серьезно принялись за возсозданіе великаго прошлаго, какъ это было во Флоренціи. Молодые люди въ родѣ Мора посылались мудрыми отцами, подальше «отъ развлеченій публичныхъ дѣлъ»[1]) въ академію, чтобы воспользоваться ея воспитаніемъ, какъ это и сдѣлалъ отецъ Мора, старый судья сэръ Джонъ. Даже ученые духовные и приходскіе священники, уже занимающіе мѣста, нерѣдко промѣнивали дѣятельную жизнь на изученіе того новаго курса наукъ, о которомъ останки схоластической науки давали лишь слабое понятіе. Джону Колету было уже двадцать шесть лѣтъ, онъ былъ магистромъ искусствъ, когда его ревностное изученіе греческаго языка свело его съ четырнадцатилѣтнимъ юношей, съ которымъ у него завязалась прочная дружба. Въ 1493 г., не довольствуясь всѣмъ тѣмъ, чему могли его научить Гроцинъ и Линакръ, онъ отправился продолжать свое ученіе во Франціи и Италіи. Въ 1496 году онъ вернулся и читалъ лекціи о Посланіяхъ Св. Павла со всѣмъ жаромъ и ревностью апостола и изобрѣтателя.

Колетъ, Моръ и Вольсей.

Характерная черта англійскихъ ученыхъ и тѣхъ, кѣмъ они окружали себя, заключалась въ томъ, что они примѣняли свои классическія познанія скорѣй къ религіознымъ, чѣмъ къ свѣтскимъ вопросамъ. Библія, Діонисій Ареопагитъ, Созданіе міра, Искупленіе, происхожденіе сущаго,—вопросы обширные, но относящіеся къ сферѣ, доступной клеркамъ и духовнымъ, — таковы были ученые изысканія Колета. Когда въ 1498 г. Эразмъ впервые появился въ Оксфордѣ, его убѣждали читать лекціи о пророчествахъ Исаіи и о Пятикнижіи.

1) Cresacre More—Life of More.

Первая лекція Мора касалась сочиненія Св. Августина «Градъ Господень». На сколько великій государственный человѣкъ слѣдующаго царствованія принималъ участіе въ этомъ духовномъ стремленіи, мы судить не можемъ; но невозможно предположить, чтобы на него не оказало вліянія это движеніе. Какъ ученый Томасъ Вольсей былъ еще моложе Томаса Мора. Онъ получилъ степень баккалавра въ пятнадцать лѣтъ и мѣтко былъ прозванъ «мальчикъ-баккалавръ». Въ 1497 г. онъ былъ членомъ коллегіи Магдалины. На время онъ занялъ мѣсто преподавателя (Master) въ коллегіи, а въ 1499 и 1500 былъ назначенъ на мѣсто главнаго инспектора (Senior Bursar) коллегіи. Весьма вѣроятно, что первая встрѣча Мора съ нимъ состоялась въ Оксфордѣ, и что ихъ близкія отношенія въ качествѣ государственныхъ людей, о которыхъ свидѣтельствуютъ многія государственныя бумаги временъ Генриха VII, начались во дни ихъ пребыванія въ школѣ и изученія новой науки. Но Вольсей съ самаго начала былъ вовлеченъ въ практическія дѣла, въ то время какъ Моръ лишь постепенно былъ отвлеченъ отъ созерцательной жизни. Вольсей могъ бесѣдовать съ друзьями о классическихъ произведеніяхъ, но мы не можемъ представить его себѣ однимъ изъ членовъ тѣснаго кружка, въ которомъ дѣйствовалъ Эразмъ. «Когда я слушаю Колета, моего друга, мнѣ кажется, что я слышу самаго Платона. Кого не поражаютъ обширныя знанія Гросина? Чье сужденіе можетъ быть острѣе, глубже и яснѣе сужденія Линакра? И когда природа создавала болѣе мягкій, любвеобильный и счастливый характеръ, чѣмъ характеръ Мора».

Такъ писалъ голландскій ученый своимъ иностраннымъ пріятелямъ. Дѣйствительно это было счастливое собраніе ученыхъ, но Вольсей могъ полагать, что въ немъ не доставало воспитательнаго начала для жизни и дѣятельности въ мірѣ, находящимся внѣ стѣнъ академій. Такого мнѣнія придерживался по крайней мѣрѣ сэръ Джонъ Моръ, судья королевскаго совѣта. Онъ очень скупо содержалъ своего сына въ университетѣ, снабжая его лично лишь такимъ количествомъ денегъ, которое необходимо было для снабженія его одежой и требовалъ отъ него строжайшаго отчета его расходовъ. Это принесло свои плоды, потому что на молодаго человѣка «была наложена узда противъ всякихъ пороковъ, которая предохраняла его отъ многихъ безполезныхъ расходовъ, отъ игры въ карты, отъ знакомства съ порочными людьми, такъ что ему незнакомы были ни карточная игра, ни кутежи. Но хотя подобная жизнь создала изъ него трезваго ученаго, она отнюдь не создала изъ него опытнаго юриста. Средневѣковые университеты сѣверныхъ странъ въ общемъ не благопріятствовали изученію юриспруденціи и медицины.

Въ Оксфордѣ возможно было получить юридическую степень лишь по окончаніи курса искусствъ и семилѣтняго затѣмъ изученія юриспруденціи, а подобный ходъ дѣла могъ по всей справедливости

казаться потерей времени практическимъ судьямъ. А потому Моръ былъ взятъ изъ Оксфорда, и отправленъ, въ 1496 г. въ Линкольнъ-Иннъ. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія студенты, встрѣчавшіеся въ Оксфордѣ, снова сошлись въ Лондонѣ—Гроцинъ въ качествѣ ректора С. Лауренца, Моръ читалъ лекціи въ его церковной школѣ; кромѣ того тамъ же они встрѣтились съ Линакромъ, съ Лилли новымъ другомъ, также итальянскимъ ученымъ и наконецъ въ 1505 году, съ новымъ декономъ Св. Павла, Джономъ Колетомъ. Вольсей покинулъ Оксфордъ въ 1500 году. Послѣ выхода этихъ великихъ людей для Оксфорда наступилъ періодъ затишья. Варгамъ былъ избранъ канцлеромъ въ 1506 году, а Ричардъ Фоксъ, въ качествѣ Винчестерскаго епископа, началъ уже ревизію подчиненныхъ ему школъ. Онъ издалъ новые статуты для коллегіи Балліоля, въ 1507 г., онъ видѣлъ въ этомъ училищѣ исключительно интернатъ для бѣдныхъ учениковъ. Онъ собирался основать новую коллегію и дать ему свое имя. Во времена Генриха VIII, короля, который самъ былъ ученымъ, для университета наступила новая эра.

Шотландская литература 14 и 15 вѣковъ.

Франка Гитса.

Шотландское королевство получило свое названіе и свою династію отъ племени, эмигрировавшаго изъ Ирландіи въ давнія времена; но племя это составляло лишь одну четверть всего народонаселенія этой страны. Кромѣ него были еще пикты на сѣверовостокѣ, Англы на на юговостокѣ и отпрыски племени, населявшаго нѣкогда древнее Британское королевство Страйтклайдъ, на югозападѣ. Послѣ того, какъ возникла война съ англичанами за независимость, когда послѣ смерти Александра III (1286 г.) престолонаслѣдіе оказалось сомнительнымъ, стала невозможной всякая политическая солидарность. Стремленіе къ политическому единству возростало подъ вліяніемъ страха передъ чужестраннымъ владычествомъ. Оно существовало долгое время, прежде чѣмъ стало на столько сознательнымъ, что выразилось въ литературѣ. До половины среднихъ вѣковъ, шотландское нарѣчіе было ничтоиное, какъ сѣверо-англійское нарѣчіе, и въ Шотландіи не существовало литературы, имѣющей національный характеръ.

Отдѣленіе отъ Англійской литературы.

Первое литературное произведеніе, дошедшее до насъ,—имѣющее право называться Шотландскимъ, появилось во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія и было, очевидно, отпрыскомъ той школы сѣверо-западныхъ поэтовъ Англіи, главой которой считается авторъ Hachown.

«Gawain'a». Вслѣдствіе этого авторъ «великихъ дѣяній Артура» (Great Geste of Arthur) и еще другихъ твореній признается какъ англичанами, такъ равно и шотландцами, своимъ національнымъ поэтомъ. Huchown (варіантъ отъ Hugon или Hugh) изъ Awle Ryale (de aula regia), какъ называетъ его Уинтовнъ въ своей «оригинальной хроникѣ Шотландіи» (Originale Cronykil of Scotland), писавшій въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, личность о которой намъ извѣстно только, что онъ былъ авторомъ нѣсколькихъ поэмъ, если мы не рѣшимся признать его тождественность съ нѣкоимъ серомъ Hugh of Eglintoun, замокъ и земли котораго находились въ Айрширѣ и который вступилъ въ бракъ съ сестрой Роберта II, основателя династіи Стюартовъ. Сэръ Hugh жилъ, по всей вѣроятности, во второй и третьей четверти четырнадцатаго столѣтія, а родство его съ королевскимъ домомъ можетъ объяснить прозваніе «of the Awle Ryale». Андрю Уинтовнъ называетъ Huchown'a авторомъ «Великихъ дѣяній Артура и приключеній Гавайна (Grete Geste of Arthur and the Awntyre of Gawaine); заглавіе принадлежитъ двумъ отдѣльнымъ произведеніямъ, но эти послѣднія по всей вѣроятности воплощены въ одномъ романѣ, писанномъ аллитеративными стихами, а именно: «Смерть Артура», приписываемая автору «Gawain'a» (Trautmann «Anglia» I). Отчетъ Уинтовна о содержаніи «дѣяній» во многихъ, хотя и не во всѣхъ, пунктахъ согласуется съ содержаніемъ «Смерти Артура» въ томъ видѣ, въ какомъ это послѣднее произведеніе дошло до насъ; а въ слогѣ и дикціи есть сходство, которое ясно указываетъ на нѣкоторое соотношеніе обоихъ этихъ произведеній. Это все, что можно сказать положительнаго объ этомъ предметѣ. Вѣроятно, однако, что «geste hystoriale» (какъ иногда Уинтовнъ называетъ это произведеніе) Huchown'a позднѣе, въ пятнадцатомъ столѣтіи, были дополнены какимъ нибудь сѣвернымъ поэтомъ, прибавившимъ къ нему подробный разсказъ о смерти и похоронахъ Артура, и комбинировавшимъ съ нимъ, какъ съ эпизодомъ неподходящимъ къ цѣлому, поэму извѣстную подъ названіемъ «Приключенія Гавайна» (Awntyre of Gawaine). Эта теорія объясняетъ, по крайней мѣрѣ двойное заглавіе, данное Уинтовномъ произведенію, которое Траутманнъ считаетъ цѣльнымъ и нераздѣльнымъ, а также объясняетъ какъ сходство, такъ и противорѣчія между содержаніемъ «Смерти Артура» и отчетомъ Шотландскаго хроникера [1]).

---

[1]) Ср. Ten Brink, Geschichte d. Engl. Litt. II. Когда Barbour разсказываетъ (Bruce I. 549 ff.) о смерти Артура отъ руки „Модрейта, сына его сестры“ и ссылается на авторитетъ „The broite beris thoroffuytnes“, то онъ, вѣроятно, намекаетъ на „Дѣянія“, а не на Монмоута или Уэса, для которыхъ Уинтовнъ употребляетъ южную форму выраженія „the Brwte“ въ противоположномъ съ „gest hystariale“ или „gest of Broyttys auld stary“, своего земляка. Ср. Cronykil, ed. Laing II. 773, IV. 1183; V. 511, а въ особенности 4291—4366. Эту „Brwte“ Скитъ (Skeat) приписываетъ Barbour'y, основы-

Произведеніе «Pystylof Swete Swsane,» о которомъ тоже упоминаетъ Уинтовнъ, есть по всей вѣроятности ничто иное, какъ поэма этого имени, существующая въ MSS. и изданная Лайнгомъ въ 1822 г. Поэма написана строфами, соединяющими риѳму съ аллитераціей, при чемъ главныя строфы (major) состоятъ изъ длинныхъ строкъ, а второстепенныя (minor) изъ короткихъ съ перемежающимися риѳмами. Подобную же форму мы находимъ и въ Ланкастерской поэмѣ, «Anturs of Arthur at the Tarnewathelan», а также (за исключеніемъ риѳмы въ главной части, которая однако состоитъ изъ строкъ различной длины) въ «Sire Gawain and the grene Knight». Huchown, подобно всѣмъ поэтамъ сѣверо-западной школы, весьма чутокъ въ оцѣнкѣ красотъ природы и блестящей рыцарской жизни, уже изчезающей. Натура его не была ни настолько впечатлительна, ни на столько деликатна, какъ натура автора «Жемчужины» (Pearl), но онъ умѣлъ придавать жизненность своему разсказу, и, какъ замѣчаетъ Уинтовнъ, онъ обладалъ и хорошимъ слогомъ, и любовью къ истинѣ, которая, по его мнѣнію, характеризовала его авторитеты.

«Онъ обладалъ оригинальнымъ слогомъ, былъ далеко не многословенъ, не изворотливъ, но для того чтобы доставить удовольствіе и наслажденіе, писалъ свои сказанія въ стихахъ, въ легкихъ, но тѣмъ не менѣе достовѣрныхъ».

He wes curyws in hys style,
Fayre off fecund, and subtylle,
And ay to plesans and delyte
Made in metyre mete his dyte
Lytil or nocht nevyrtheless,
Waverand fra the suthfastne's",

Cronykil, V, c. 12.

Но не смотря на все вышесказанное, Huchown не оказалъ вліянія на національную литературу Шотландіи. Онъ принадлежалъ къ группѣ поэтовъ, служившихъ выраженіемъ пережитковъ древне-германскихъ и англійскихъ преданій. Но именно потому, что эти преданія были преимущественно англійскими, новыя литературныя формы, возникшія на востокѣ Англіи подъ вліяніемъ Франціи, сдѣлались образцами для истинныхъ національныхъ поэтовъ. Шотландія всегда симпатизировала Франціи.

ваясь на первой изъ вышеупомянованныхъ „loci" въ хроникѣ. Но этотъ отрывокъ не подходитъ къ подобному толкованію, а отрывокъ изъ Barbour'a, о которомъ упоминаетъ Уинтовнъ, вѣрнѣе всего находится въ „Родословіи Стюартовъ", о которой упоминается въ хроникѣ III. и VIII. и въ которой онъ несомнѣнно употребилъ бы выраженіе „Brwte" (т. е. Geoffrey's or Waces book). „Broite", на которую ссылается Barbour, не есть латинскій, или „L. Romans de Brut", что можно видѣть изъ правописанія этого слова, и еще изъ того обстоятельства, что ни Geoffreyof Monmouth, ни Wace не говорятъ того, что по увѣреніямъ Barbour'a утверждалъ „Broite".

Barbour. Первый изъ этихъ поэтовъ былъ Джонъ Борборъ (1320?—1395), человѣкъ, складъ мыслей котораго и выборы темъ были совершенно шотландскими. Если бы даже у насъ было также мало свѣдѣній о немъ, какъ мало имѣется о Huchown'ѣ, то и тогда не оставалось бы для насъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, которая изъ двухъ сосѣднихъ странъ можетъ предъявлять права на его творенія. Онъ по происхожденію своему былъ болѣе низкаго званія, чѣмъ его товарищъ по поэзіи, но достигъ званія абердинскаго архидіакона. Намъ извѣстно, что онъ дважды посѣтилъ Оксфордъ, однажды — Францію; былъ нѣсколько разъ назначенъ аудиторомъ казначейства, пользовался двумя пожизненными пенсіями, вѣроятно за литературныя произведенія, и что за пятнадцать лѣтъ до своей кончины онъ отказался отъ меньшей изъ нихъ въ пользу абердинскаго собора, съ условіемъ, что бы каждый годъ, на вѣчныя времена, въ канунъ его смерти, служили заупокойную обѣдню о его душѣ и о душахъ его родителей. Самъ онъ сообщаетъ, что поэма его «Brus», — самое замѣчательное изъ его произведеній — была написана имъ въ 1375 году. Въ короткихъ и выразительныхъ куплетахъ о «Королѣ Горнѣ» (King Horn)—строки которыхъ стали болѣе вѣскими и острыми, хотя менѣе музыкальными вслѣдствіе исчезновенія мягкихъ созвучій, Барборъ передаетъ жизнь и приключенія спасителя его родины.

«Король Робертъ Шотландскій былъ могучъ духомъ и тѣломъ. И добрый сэръ Яковъ Дугласъ, такой достойный человѣкъ своего времени».

King Robert of Scotland
That hardy wes off hart and hand
And gud Schyr James off Douglas
That in his tyme sa worthy was

Онъ создалъ такимъ образомъ единственное въ своемъ родѣ произведеніе, въ одно время историческое, эпическое и романическое. Та самая нота, которая такъ ясно слышится у Денбара, у Дугласа и вообще во всѣхъ твореніяхъ шотландскихъ поэтовъ до Бернса включительно, — прославленіе «свободы» — звучитъ впервые у Барбора, хотя весьма понятно, что въ то время, какъ Барборъ воспѣваетъ «свободу» какъ результатъ національной добродѣтели — независимости, поэтъ девятнадцатаго столѣтія имѣетъ въ виду индивидуальную свободу.

Тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, какое близкое сродство существуетъ между стихами. «Король можетъ создать рыцаря, маркиза, герцога и тому подобныхъ лицъ; но создать честнаго человѣка свыше его силъ—только честь создаетъ его.

„A King can mak a belted Knight
„A marquis, duke and a'that:
„But an honest man's aboon his might
„Guid faith be maunna fa'that"!

и слѣдующими строками:

«Ахъ! свобода великая вещь! свобода дѣлаетъ человѣка похожимъ на божество; свобода поддерживаетъ человѣка въ бѣдѣ: свободный человѣкъ пренебрегаетъ бѣдой.

„A! fredome is a noble thing!
Fredome mays man to haiff liking:
Fredome all solace to man giffis:
He levys at es that frely leyvis“!

Brus, I, 225 ff.

Barbour искусно обрабатываетъ доступный ему матерьялъ, будь это письменные документы или лично имъ собранныя свѣдѣнія, хотя, безъ сомнѣнія, въ его твореніяхъ замѣтенъ легендарный элементъ. Послѣ краткаго введенія, онъ быстро переходитъ къ тому событію, которое въ его глазахъ вызвало всѣ приключенія Роберта Брюса, а именно къ убійству измѣнника Джона Комина. Онъ не можетъ избѣжать кары Немезиды за свой грѣхъ, но лишь только этотъ послѣдній искупленъ, жизнь его представляетъ рядъ побѣдъ, исторія которыхъ передается весьма послѣдовательно и здраво, и мотивируется такъ, какъ это невозможно было бы сдѣлать человѣку, менѣе посвященному въ политическія проблемы, чѣмъ Barbour. Онъ значительно уступаетъ въ юморѣ своему великому преемнику, Дунбару, но за то онъ гораздо менѣе грубъ.

«Брюсъ (Brus)» былъ оконченъ въ 1378 г. Уинтовнъ говоритъ, что онъ написалъ также поэму о родословной Стюартовъ, нынѣ утерянную:

«Архидіаконъ написалъ генеалогію Стюартовъ въ звучныхъ стихахъ».

„The Stewartis orygenalle
The Archedekyne has tretyd hale
In metyre fayre“.

Cronykil, VIII, 7, 143.

въ которой онъ, говорятъ, ведетъ происхожденіе Роберта II отъ «Дардана, Лорда Фригійскаго» («Dardane, Lord of Frygya»). Романъ о Троѣ, изъ котораго сохранились лишь два отрывка, начало и конецъ, приписывается поэту, названному Barbour въ двухъ рубрикахъ въ одномъ MS.—(Camb. Univ. MS. kk. Y. 30) книги о Троѣ Лидгата, содержащей первый изъ двухъ отрывковъ и начало половины второго [1]). Эти отрывки, хотя въ нихъ и соблюдаются кое какія правила въ формѣ, не выдерживаютъ сравненія съ поэмой Лидгата о томъ же самомъ сюжетѣ, которая, какъ и шотландская поэма, есть переводъ изъ Гвидо

[1]) Весь этотъ болѣе длинный отрывокъ находится въ MS, въ Bodleian (MS. Douce, 148).

делле Колонне (Guido delle Colonne). Написаны они на томъ же діалектѣ какъ и «Brus», но въ фразеологіи замѣчается большая разница, а рифмы указываютъ на время позднѣйшее, чѣмъ время произведеній абердинскаго архидіакона [1]). Обширныя коллекціи описаній жизни святыхъ на шотландскомъ языкѣ Горстманнъ (Horstmann) приписываетъ Barbour'y, но онѣ въ литературномъ отношеніи далеко ниже «Brus'a», и навѣрное не принадлежатъ его перу [2]).

Послѣ смерти Barbour'a, въ 1395 г. наступаетъ, въ теченіи приблизительно четверти столѣтія, перерывъ въ Шотландской литературѣ серьезнаго направленія. Во время этого періода развивается литература балладъ, а министрели, перешедшіе черезъ границу, производили баллады, въ родѣ сочиненной по случаю сраженія при Оттербёрнѣ (бывшемъ 19 августа, 1388 г. между Шотланцами Дугласа и англичанами, находящимися подъ начальствомъ обоихъ сыновей герцога Нортумберландскаго), которая впослѣдствіи была передѣлана подъ заглавіемъ «The Hunting of the Cheviot», или же произведеній вродѣ псевдо-пророческаго разсказа о Томасѣ изъ Эрцельдаунъ (Thomas of Erceldoune or Earlstown), трактующаго о Шотландскихъ войнахъ до 1399 г. Вѣроятно, подобныя произведенія происходили изъ мѣстностей, находящихся къ сѣверу отъ р. Твидъ, такъ какъ Barbour цитировалъ первыя строки изъ баллады по поводу смерти Александра III. (Brus, I. 37 f), первые два куплета которой приводятся Уинтовномъ. (Cronykil, VII. I. 3619 ff).

Правильно ли приписывались различныя произведенія Томасу Эрцельдауну, или Томасу-поэту, какъ его часто называютъ,—подлежитъ большому сомнѣнію; но однако совершенно ясно, что онъ самъ былъ личностью исторической, и что въ качествѣ пророка и поэта онъ имѣлъ большое вліяніе на воображеніе народное. Изъ двухъ хартій тринадцатаго столѣтія [3]) явствуетъ, что нѣкій Томасъ Эрцельдаунъ (Erceldoune or Earlstown) жилъ въ южной Шотландіи въ концѣ этого столѣтія, и умеръ за нѣсколько времени до 1294 г. Поэма, тѣсно связанная съ его именемъ, есть романъ «Сэра Тристрема», произведеніе занимающее середину между метрическимъ романомъ и балладой, которая, повидимому, принадлежитъ первой четверти четырнадцатаго столѣтія. Болѣе ранніе французскіе романы такого же содержанія намскаютъ на нѣкоего «Томаса», какъ на авторитетъ, могущій подтвердить приводимые ими факты, а Готфридъ Страсбургскій упоминаетъ «Томаса изъ Британіи («Thomas von Britanje»). Вы-

---

[1]) Ср. Emil Koeppel „Отрывки изъ троянской войны, Барбора“, въ „Изысканіяхъ объ Англіи“, X.

[2]) Ср. P. Buss въ „Англія“, IX.

[3]) Ср. „Liber de Melros“ Bannatyne Club, I, 298, и актъ (1294) въ хранилищѣ хартій монастыря Пресвятой Троицы въ Солтра (Soltra), нынѣ въ библіотекѣ адвокатовъ, въ Эдинбургѣ.

шесказанное и репутація Шотландскаго пророка могутъ служить объясненіемъ увѣренности Роберта Маннинга Брунна въ томъ, что «Сэръ Тристремъ» было произведеніе Томаса Эрцельдауна,—предположеніе это высказано имъ тридцать шесть лѣтъ послѣ смерти Томаса [1]). Начальныя строки поэмы напротивъ могутъ служить доказательствомъ противъ предположенія, что онъ авторъ поэмы, такъ какъ въ нихъ упоминается его имя, но въ третьемъ лицѣ. Авторъ,—кто бы онъ ни былъ,—интересовался гораздо больше охотой, чѣмъ трагической исторіей любовнаго напитка. Онъ не пытался пополнять пробѣлы французскаго оригинала, и, по видимому, главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы усилить впечатлѣніе, производимое его разсказомъ сжатостью и пропусками, результатомъ чего является нерѣдко неясность въ изложеніи.

Стансы, которыми написана поэма, состоятъ изъ четырехъ куплетовъ, писанныхъ александрійскимъ размѣромъ, раздѣленныхъ восемью стансами съ короткими строчками, рифмующимися послѣдними и средними слогами, и соединенными одной строчкой (припѣвомъ) съ однимъ удареніемъ, съ пятой строчкой александрійскаго размѣра, которая въ свою очередь такимъ же образомъ дѣлится [2]).

Король-поэтъ.

Слѣдующій затѣмъ шотландскій поэтъ былъ король—одинъ изъ лучшихъ поэтовъ, оставшихся вѣрными принципамъ Чосера. Но Іаковъ I (1394–1437) былъ не только выдающимся поэтомъ, онъ былъ и однимъ изъ искуснѣйшихъ государственныхъ людей своего времени и сдѣлалъ мужественную, хотя и не удавшуюся, попытку ввести порядокъ въ управленіе, вмѣсто безпорядка и партійности, отличавшихъ регентство Альбани и достигшихъ высшей степени при слабомъ правленіи сына его Мердоха (Murdoch). Англійское правительство, ведшее войну съ Франціей, радостно привѣтствовало надежды на миръ и союзъ съ Шотландіей, вызванныя любовью молодаго Іакова къ леди Джэнъ Бофоръ (Joan Beaufort); благодаря вліянію Бедфорда бракосочетаніе совершилось, и молодой король, проведшій въ заточеніи восемнадцать лѣтъ, былъ отосланъ обратно въ Шотландію со своей невѣстой въ 1424 г. Его краткое, но блестящее царствованіе и его трагическая смерть въ Пертѣ отъ рукъ сэра Іакова Грагама съ его дикими горцами, не нуждаются въ коммен-

[1]) Ср. Mannynge's „Исторія Англіи“ (1330) Prol., въ которой онъ упомянулъ и поэму о Сэрѣ Тристремѣ и назвалъ „Томаса“ и Эрцельдауна, въ выраженіяхъ, хотя и неясныхъ. но наводящихъ на мысль, что онъ придерживался мнѣнія, нами ему приписываемаго.

[2]) Вслѣдствіе вышесказаннаго стансы эти имѣютъ сходство со стансами изъ одиннадцати строчекъ и рифмуются въ такомъ порядкѣ: ababa-babcbc, причемъ девятая строчка и есть припѣвъ. Такую же форму мы встрѣчаемъ въ послѣднихъ трехъ строфахъ въ поэмѣ Лауренца Мино объ осадѣ г. Турне. Подобную же форму раздѣленія семи строкъ средней рифмой, встрѣчаемъ и въ балладѣ Дёнбара: Ballat of Our Lady.

таріяхъ. Преданность Екатерины Дугласъ уступала развѣ лишь преданности самой королевы, получившей двѣ раны во время ея усилій спасти человѣка, который еще въ то время, когда ухаживалъ за ней, написалъ пророческіе стихи: «Итакъ этотъ цвѣтокъ..... такъ сердечно заботился обо мнѣ, что защитилъ отъ смерти своего супруга».

„Thus this floure...
So hertly has unto my help attendit
That from the deth hir man sche has defendit".

The „Kingis Quair".

Въ своей «Kingis Quair» написанной въ первой половинѣ 1423 года, поэтъ разсказываетъ, какъ онъ впервые увидѣлъ Леди Іоанну (Ioan), дочь графа Соммерсетскаго и, племянницу короля Генриха IV, изъ окна своей темницы, точь въ точь какъ Арситъ увидалъ Эмилію гуляющую въ саду, и, подобно Арситу, полюбилъ ее, «эту леди, которая, казалась ему, обладала достаточной красотой для того, чтобы свести съ ума весь міръ». Поэма эта написана по образцу поэмъ Чосера и служитъ доказательствомъ, что король усердно изучалъ англійскихъ поэтовъ. Въ ней мы встрѣчаемся постоянно съ подражаніями отрывкамъ или сценамъ не только изъ «Разсказа рыцаря» (Knight's Tale»), но и изъ «Парламента птицъ» (Parlament of Foules) изъ «Дома Славы» (House of Fame) и изъ «Троила и Кризеиды» (Troilus and Cryseyde). Аллегорическая форма, въ которую облечены факты изъ его собственной жизни, и постоянныя напоминанія о томъ, что авторъ ученикъ, а не учитель, были бы утомительны, если бы не выручала искренность его — выдающееся въ немъ качество,—и особенная, ему присущая, грація въ манерѣ изложенія. Іаковъ далекъ отъ юмора и отъ силы въ характеристикѣ, которыми обладаетъ Чосеръ. Съ другой стороны онъ болѣе глубокъ.

Описанію наружности Леди Іоанны онъ посвящаетъ шесть стансовъ, написанныхъ красивыми стихами, но у читателя не остается яснаго образа въ умѣ. Не съ любовью короля къ его избранной мы знакомимся, а съ самимъ королемъ—«настоящимъ рыцаремъ», съ его возвышеннымъ рыцарскимъ идеаломъ, который, если судить по его поэмѣ «никогда..... во всю свою жизнь не совершилъ низости («never... no vileinye ne sayde In al his lyf»). Языкъ поэмы искусственный, языкъ сѣверянина, пытающагося подобно автору «Lancelot of the Laik», выражаться англійскимъ языкомъ Чосера, но стихи мягки и музыкальны, что составляетъ рѣзкій контрастъ со стихами Лидгата, хотя Іаковъ безъ сомнѣнія позволялъ себѣ гораздо больше поэтическихъ вольностей, чѣмъ Чосеръ [1]). Ему приписывали еще и

[1]) У него рифмуются два стиха, оканчивающіеся однимъ и тѣмъ же словомъ, употребленнымъ даже въ одномъ и томъ же смыслѣ и притомъ онъ не дѣлаетъ различія между рифмами на *y* и на *ye*, но это послѣднее

другія поэмы, и между прочимъ, «The Christ's Kirk of the Green», произведеніе принадлежащее вѣроятно перу Іакова V. Однако мало сомнѣнія въ томъ, что баллада («королевскія рифмы—rhyme royal), извѣстная подъ названіемъ «Добрый Совѣтъ (Good Counsel)» и очевидно внушенная Чосеровымъ «Fle fro the prees»,—справедливо приписывается Іакову I.

Andrew of Wyntown.

Андрей Уинтовнъ, родившійся въ серединѣ четырнадцатаго столѣтія, хотя и писалъ стихами, но не можетъ называться поэтомъ, а скорѣе первымъ Шотландскимъ историкомъ, писавшимъ на народномъ языкѣ. Джонъ Фордаунъ (John of Fordaun), современникъ Барбора, авторъ первыхъ пяти книгъ Шотландской хроники, («Scotichronicon») и Вальтеръ Бауеръ (Walter Bower) аббатъ Инчкольмскій, написавшій конецъ хроники, начиная отъ смерти Давида I, въ 1153 г., въ другихъ одиннадцати книгахъ, были предшественниками Уинтовна въ исторической литературѣ, но ихъ произведенія доступны лишь лицамъ, знакомымъ съ латинскимъ языкомъ. Тоже самое можно замѣтить и о «Gesta Annalia» Фордауна, составляющихъ приложеніе къ его хроникѣ, и заключающихъ въ себѣ отчетъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто начиная отъ временъ Стефана до 1385 года. Но книгѣ Уинтовна предназначалось быть популярной настольной книгой, чѣмъ она и была, а потому онъ и писалъ ее на Шотландскомъ языкѣ, и притомъ, главное, въ народномъ четырехъ-стопномъ размѣрѣ, принятомъ Барбором. Современемъ Andrew of Wyntown былъ назначенъ настоятелемъ монастыря St. Serf, подчиненнаго могущественному монастырю Св. Андрея. Онъ началъ писать свою «первоначальную хронику Шотландіи», по просьбѣ своего друга сэра Джона Вемисса; окончилъ онъ ее эпохой между смертіею герцога Альбани въ 1420 году и возвращеніемъ Іакова I въ Шотландію, въ 1422 году, и, по всей вѣроятности, не долго пережилъ это счастливое событіе. «Хроника» дѣлится на девять частей, въ честь девяти ликовъ ангеловъ, и называется «первоначальной», потому что исторія въ ней начинается отъ сотворенія міра. Адамъ и Ева, въ глазахъ этого теологическаго историка, не были достаточно «первобытными», а потому послѣ пролога и оглавленія мы читаемъ:

«И теперь вы услышите исторію ангеловъ, въ слѣдующихъ за симъ главахъ».

„Off Angellis now sall ye heir
In this followand next Cheptere

происходитъ отъ сѣвернаго нарѣчія. Допустивши возможность непониманія со стороны поэта употребленіе Чосеромъ окончанія *e*, допустивши также возможность со стороны переписчика манускрипта упущенія этого окончанія,—все таки ясно, что Іаковъ допускалъ замѣну паузой слога, на которомъ нѣтъ ударенія или же въ тѣхъ случаяхъ, когда неопредѣленное удареніе (schwebend Betonung) падало дальше, чѣмъ на вторую стопу. „Anakrusis“ опускается чаще, чѣмъ въ героическомъ стихѣ Чосера.

Такимъ образомъ даже заглавія имѣютъ привлекательную стихотворную форму. Девятая часть хроники заканчивается смертію Роберта III, въ 1406 г.

Робертъ Генризонъ

Робертъ Генризонъ или Гендерзонъ (1430—1506), былъ послѣ Іакова слѣдующимъ изъ извѣстныхъ Шотландскихъ поэтовъ. Подобно королю и онъ былъ Чосеріанцемъ, при чемъ обладалъ особеннымъ умѣньемъ въ подражаніи патетичной и романтической манерѣ своего учителя, не впадая при этомъ въ преувеличеніе,—на столько, на сколько это вообще возможно подражателямъ. Но Генризонъ былъ больше, чѣмъ Чосеріанцемъ, такъ какъ ему принадлежитъ честь быть первымъ пасторальныиъ поэтомъ въ этой странѣ. Ему дѣлаетъ не мало чести то обстоятельство, что его «Robene and Makyne» былъ прообразомъ «Duncan Gray»—въ которой передается та же исторія съ обратными *ролями* любовниковъ, предшествуя послѣдней приблизительно на четыре съ половиною столѣтій. Нельзя сказать, что въ теченіи этого долгаго періода, раздѣляющаго обоихъ вышепомянутыхъ поэтовъ, не было пасторальныхъ идиллій подобнаго рода, или же что поэма Генризона можетъ выдержать сравненіе съ поэмой Бернса по мелодичности или драматизму, но обѣ поэмы дышатъ свѣжестью, отличаются оригинальностью и въ то же время въ нихъ сохраненъ пасторальный духъ, что и даетъ намъ право утверждать, что у Генризона, какъ и у Бернса, пасторальная идиллія развивалась самостоятельно и притомъ въ духѣ народномъ и не была подражаніемъ часто неудачнымъ, всегда искуственнымъ, занесеннымъ изъ странъ, находящихся по ту сторону рѣки Твидъ. Шотландскія пасторальныя идилліи выражаютъ настоящія общественныя условія болѣе какихъ бы то ни было подобныхъ произведеній со временъ Ѳеокрита, и хотя, само собой разумѣется, онѣ гораздо грубѣе и далеко не отличаются такой граціей, но за то въ нихъ менѣе софистики. Англійскія же пасторальныя произведенія того времени были въ одно время и искуственны и слабы; подобныя же произведенія шестнадцатаго столѣтія тоже не могутъ избѣжать этого упрека, несмотря на нѣсколько восхитительныхъ мелодій въ «Календарѣ пастуха» (Shepherd's Calendar.), «Robene и Makyne», не заслуживаетъ упрековъ ни въ искуственности, ни въ слабости. Duncan Gray не нуждается въ апологіи. Но главное и, вѣроятно, одно изъ послѣднихъ произведеній Генризона, это его патетическое продолженіе къ «Troilus and Cryseyde», которое считалось въ числѣ произведеній Чосера до изданія его Урри (Urry) въ 1721 году. По плану, которому слѣдовалъ въ разсказѣ Чосеръ, онъ долженъ былъ имѣть трагическій конецъ, такъ какъ было совершенно невозможно Троилу избѣгнуть смерти отъ руки Ахилла. Шотландскій же поэтъ продолжаетъ разсказъ съ того мѣста, на которомъ остановился Чосеръ, и наказываетъ достойнымъ образомъ Кресиду за

ея предательство. Ее покидаетъ Діомедъ, а когда она упрекаетъ въ этомъ Купидона, то въ наказаніе поражается проказой. Встрѣча между этой несчастной, бывшей красавицей, и Троиломъ, возвращающимся побѣдителемъ съ поля битвы, одно изъ самыхъ патетическихъ произведеній всѣхъ литературъ. Онъ бросаетъ ей кошелекъ и драгоцѣнныя камни, и, повидимому, несмотря на отвращеніе, которое возбуждаетъ въ немъ ея безобразіе, онъ все таки помнитъ, что любилъ ее; она же, услышавъ отъ окружающихъ ее людей, кто ея благодѣтель, умираетъ, терзаемая страстнымъ чувствомъ раскаянія, и, умирая, завѣщаетъ ему тотъ красный рубинъ, который онъ послалъ ей въ приданное.

За исключеніемъ семи стансовъ ея «Плача» (Complaint), написанныхъ куплетами въ девять строкъ каждый и рифмованныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: aabaabbab [1]), завѣщаніе Крессиды («Testament of Cresseid) написано тѣмъ же размѣромъ, какимъ написанъ «Troilus».

Генризонъ употребилъ тотъ-же самый размѣръ въ другомъ своемъ большомъ произведеніи, въ «Исторіи Орфея. (Tale of Orpheus)», главный интересъ котораго заключаются въ ясно выразившихся въ немъ познаніяхъ поэта тогдашней схоластической науки и въ томъ спеціальномъ интересѣ. котораго вызывала въ немъ музыка, одинъ изъ предметовъ, входящихъ въ составъ научнаго Quadrivium'a. Школьный учитель въ Думфермлейнѣ – мы имѣемъ основаніе полагать, что Генризонъ занималъ должность учителя при тамошней грамматической школѣ—хорошо воспользовался въ этомъ направленіи своими познаніями, и передѣлалъ древній волшебный разсказъ объ Орфеѣ и Евридикѣ, составленный древними Шотландскими поэтами-авторами романа «Sir Orpheo», въ такое произведеніе, которое, если и не имѣетъ другихъ достоинствъ, то служитъ по крайней мѣрѣ доказательствомъ роста культуры въ Шотландіи, обязанной этимъ краткому царствованію Іакова I. Кромѣ того поэтъ издалъ серію тридцати басенъ Езопа «Fables of Esop» въ «королевскихъ риѳмахъ» (rhyme-royal), вѣроятно между 1470 и 1480 годами. Слогъ легкій, діалоги хорошо выдержаны, но басни слишкомъ длинны; однако басня о городской и полевой мышахъ «Taill of Uplandis Mous and the Burges Mous» написана очень хорошо, можетъ считаться лучшей во всей серіи, и можетъ быть поставлена рядомъ съ этой же самой басней, разсказанной Уаттомъ (Wyatt), нисколько не теряя отъ этого.

Наконецъ нельзя не упомянуть о его дидактическихъ поэмахъ, каковы, напр. его «The Abbey Walk» поучающей покорности, его чопорныя «метафизическіе» понятія о «нарядахъ добрыхъ леди, Garmond

[1]) Эти тѣ самыя стансы, какими написана „Плачъ Анелиды“ (Complaint of Anelida) въ Чосеровой поэмѣ:“ Плачъ красавицы Анелиды и предателя Арсита“.

of Gude Ladeis», и его сатирическое «Reasoning betwixt Aige and Jowth». Первая изъ нихъ состоитъ изъ восьми-строчныхъ куплетовъ, съ восьмистопнымъ размѣромъ и перекрещивающейся рифмой, и съ припѣвомъ: «Повинуйся во всемъ Богу твоему и благодари Его за все! (Obey and thank thy God of all)», въ то время какъ четырехстишія его «Garmond'a» не менѣе его «Robene and Makyne» доказываютъ его умѣніе управлять размѣромъ и цезурой. Его аллегорическая баллада «Bludy Serk» по своему духу близка къ вышеназваннымъ его произведеніямъ. Эта баллада есть одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ этого рода поэзіи, а для исторіи баллады въ Великобританіи весьма многозначителенъ тотъ фактъ, что этотъ родъ поэзіи такъ рано принялъ дидактическое направленіе. По обѣ стороны рѣки Твидъ пристрастіе къ внесенію въ баллады поученія оказало фатальное вліяніе на развитіе ея. Но какъ бы ни было, Генризонъ первый ввелъ пасторальную и чисто лирическую литературу въ Шотландію. Только потому, что онъ сравнительно написалъ такъ мало вполнѣ оригинальныхъ произведеній, его нельзя ставить рядомъ съ Денбаромъ; хотя онъ даже въ своихъ подраженіяхъ всегда вносилъ нѣчто свое.

Денбаръ. Денбаръ (1460—1517 [1]), величайшій изъ Шотландскихъ поэтовъ, предшественниковъ Бернса, заканчиваетъ собой Средніе Вѣка, и хотя его самаго врядъ-ли можно считать гуманистомъ, но жилъ онъ въ то время, когда гуманитарныя науки впервые начали отвоевывать поле дѣйствія. Уильямъ Денбаръ былъ поэтомъ, какъ Іаковъ IV королемъ того краткаго, но блистательнаго періода въ шотландской исторіи, который предшествовалъ катаклизму, поразившему эту страну послѣ сраженія при Флодденѣ. Слышится что-то патетическое, если не трагическое, въ тѣхъ веселыхъ пѣсняхъ, которыя пѣлись этимъ поэтомъ, другомъ Іакова, этого меланхолическаго и романтическаго короля-странника, потерявшаго и жизнь и армію при Флодденѣ. При всѣхъ ограниченіяхъ относительно его геніальности, Денбаръ все-таки долженъ считаться піонеромъ, который могъ бы сдѣлать многое для будущей Шотландской поэзіи, если бы раззореніе, безпорядокъ и фанатическій протестъ противъ испорченности церковнослужителей не лишили народъ способности радоваться. Денбаръ не былъ пѣвцомъ страстей, не писалъ эпопеи и драмы, онъ знакомитъ насъ съ разнообразной, покойной, пріятной дѣйствительностью. Его поэмы занимаются главнымъ образомъ обыденной жизнею, но на это надо смотрѣть какъ на естественную реакцію противъ избитыхъ темъ древнихъ серьезныхъ поэтовъ. Реакція эта принимала направленіе

[1]) Денбаръ умеръ, вѣроятно, или въ 1513 г., въ годъ сраженія при Флодденѣ, или въ 1530 г., когда Линдсей, въ своемъ „Papyngo“ хвалитъ его какъ поэта прошлаго времени, и говоритъ о Дугласѣ (d. 1522), какъ о величайшемъ поэтѣ изъ числа недавно умершихъ: а поэтому надо полагать, что Денбаръ умеръ около 1517 г. или же до 1522 г.

отличное отъ направленія Уатта и Суррея въ Англіи; но это различіе происходило отъ того, что геній поэта не былъ философскаго и меланхолическаго склада, а сатирическаго и юмористическаго.

Денбаръ имѣлъ болѣе общаго съ Чосеромъ, описывавшимъ паломниковъ въ гостиницѣ Табардъ, чѣмъ всѣ чосеріанцы вмѣстѣ взятые. Эти послѣдніе знали только того Чосера, который плакалъ въ «саду розъ», окъ же придалъ новый интересъ литературѣ, обративъ вниманіе читателя эпикурейскими стихами, намекающими на эпизоды изъ жизни самаго поэта, жизни, бывшей жизнею и читателей. Въ произведеніи «Какъ Денбара хотѣли обратить въ монахи», (How Dunbar was desyred to be ane freir) онъ описываетъ свою молодость и какъ онъ велъ бродячую жизнь въ одеждѣ францисканца. Въ его «Старая сѣрая лошадь (Old Gray Horse) онъ въ шутливомъ тонѣ, въ формѣ басни, разсказываетъ о поискахъ должности, которые не увѣнчались успѣхомъ. Въ другомъ стихотвореніи онъ выбираетъ сюжетомъ несносный припадокъ, мѣшающій ему подбирать рифмы, — хотя само это стихотвореніе рифмовано («о своей головной боли» «Of his Headache»). Иногда сквозь смѣхъ слышится и печальная нотка, какъ напр. въ восхитительной маленькой поэмѣ: «Что такое наша жизнь, если не прямой путь къ смерти? («What is this life but a straight way to death»); а также и въ его: «Танецъ семи смертныхъ грѣховъ» (The Dance of the Seven Deadly Sins) слышна таже нотка несмотря на весь бурный юморъ этого произведенія, вызваннаго, можетъ быть, дѣйствительнымъ пиромъ въ день заговленія на масляницу при веселомъ дворѣ осужденнаго судьбой короля. Уродливыя фигуры, воплощенія пороковъ кардинала и его приверженцевъ, набросаны быстрыми штрихами въ ихъ пляскѣ передъ «Магауномъ» (Mahoun), и въ этомъ наброскѣ слышится горькая иронія, достигающая высшей точки въ послѣднемъ куплетѣ, посвященномъ горцамъ, которые, какъ ясно намекается, хуже семи смертныхъ грѣховъ, взятыхъ вмѣстѣ. Быстрое движеніе *rime coúée* въ куплетѣ изъ двѣнадцати строкъ еще увеличиваетъ драматическій эффектъ всего описанія.

А между тѣмъ, несмотря на многочисленныя его произведенія выше сказаннаго рода, Денбаръ не разстается окончательно съ древними аллегорическими формами. Его «Thrissil and the Rois» и «Goldyn Targe» искуственныя поэмы этого рода, и всѣ детали въ нихъ такъ же искусно исполнены, какъ въ «Kingis Quair»; первая изъ нихъ напоминаетъ даже особенно какъ поэму Іакова, такъ и «Parlament of Fowles». Весьма вѣроятно, что Денбаръ, окончившій свое образованіе въ монастырѣ св. Андрея и принявшій санъ священника послѣ короткаго и неудачнаго опыта носить францизканскую одежду, былъ посланъ въ 1501 г. съ посольствомъ ко двору Генриха VII, для переговоровъ о бракосочетаніи короля Шотландскаго съ принцессой Маргаритой Тюдоръ.

Это посѣщеніе Лондона внушило ему поэму In Honour of the Cite of London и щедрые подарки, полученные «Шотландскимъ поэтомъ» отъ короля, служили ему, вѣроятно, наградой какъ за эту, такъ равно и за другія поэмы [1]), написанныя имъ во время слѣдующаго посѣщенія Лондона, по случаю совершенія обряда обрученія. Въ январѣ. 1502 г. двѣнадцати-лѣтняя принцесса была обручена съ Іаковомъ IV посредствомъ представителя, а 9 мая, 1503 г. Денбаръ окончилъ свою поэму въ честь бракосочетанія (см. послѣдній стихъ «Thrissil and the Rois»). Въ честь ея пріѣзда, онъ написалъ короткую балладу «Now fayre, fayrest off every fayre», которая была положена на музыку, и которая и до сихъ поръ существуетъ. Онъ скоро сталъ любимцемъ королевы, и, вѣроятно, сопутствовалъ ей во время ея путешествія въ Сѣверную Шотландію, въ 1511 г., такъ какъ «путешествіе королевы въ Эбердинъ» (The Queens Progress at Aberdeen) очевидно было результатомъ личныхъ наблюденій. Его интимность съ нею выражается въ нѣкоторыхъ шутливыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ хранителю ея гардероба — Дойгу (Doig) и въ его «Танцы въ комнатахъ королевы» (Dance in the Quenis Chalmer), описаніи оригинальныхъ танцевъ, устроенныхъ ради ея забавы. Но повышеніе по службѣ церковной, на которое онъ не переставалъ надѣяться, не было достигнуто имъ, хотя намъ извѣстно, что онъ получалъ пенсію въ 10 ф. съ 1500 г., которая послѣдовательно возвышалась на 20 ф., затѣмъ на 80, и должна была выдаваться ему или пожизненно, или до назначенія его въ бенефицію, дающую 40 ф. и больше ежегоднаго вознагражденія. Этимъ и различными подарками онъ долженъ былъ довольствоваться, хотя королева ходатайствовала за него, а онъ выражалъ желаніе, чтобы король былъ «John Thomsonnis Mann», т. е. супругомъ властной жены. Іаковъ не желалъ разставаться съ лучшимъ украшеніемъ двора. «The Thrissil and the Rois» — геральдическая и символическая аллегорія, воспѣвающая хвалу молодымъ супругамъ, въ видѣ національныхъ цвѣтовъ. Сплетая съ этимъ прославленіемъ описаніе королевскихъ гербовъ Шотландіи, поэтъ символически изображаетъ короля подъ видомъ льва, и заставляетъ «Госпожу Природу», — которая въ подражаніе «Парламенту птицъ» созвала всѣхъ птицъ и звѣрей для избранія вожаковъ, — повелѣть ему «чинить судъ добросовѣстно и милосердно», предупреждая его не давать большимъ и сильнымъ животнымъ въ обиду даже самое маленькое животное.

Thrissil and the Rois.

---

[1]) Ср. Privy Account of Henry VII, двѣ суммы въ 6 ф. 13 ш. 4 д. были уплочены „Шотландскому поэту“ декабря 13-го. 1501 г. и января 7-го, хроника (Vit. A. XVI., fol. 200. Cotton Collection), въ которой находится поэма о Лондонѣ, сообщаетъ, что она была сочинена во время обѣда даннаго лордъ-меромъ Шотландскимъ посланникамъ „однимъ изъ вышепомянутыхъ Шотландцевъ, служившихъ въ свитѣ посланника-епископа“.

Но хотя невольно находишь сходство этой поэмы съ твореніями Чосера и Іакова I, такъ какъ поэма несомнѣнно Чосеріанская и даже написана Чосеріанскими стансами, — однако въ ней есть много характеристичнаго, придающаго ей чисто личный оттѣнокъ. Геній Денбара далеко не былъ лирическимъ, а это спасло его отъ опасности показаться скучнымъ, какъ это случилось съ «Kingis Quair». Прославленіе Іаковымъ своей леди болѣе чѣмъ въ семь разъ длиннѣе прославленія Денбаромъ бракосочетанія короля, и именно чувство мѣры, которымъ отличался Денбаръ при обработкѣ моднаго, но щекотливаго сюжета, и составляетъ его особенность. Весьма жаль, что дикція его не заслуживаетъ такой-же похвалы. Это, конечно, было нѣчто новое въ шотландской литературѣ, и доказываетъ безъ сомнѣнія развивающуюся культуру націи и увеличивающееся вліяніе французскихъ искуства и политики, но цвѣтистый слогъ, впервые введенный Денбаромъ, усвоенный и преувеличенный Говеномъ Дугласомъ, былъ нѣчто въ родѣ причуды, подобной аффектированнымъ сонетамъ подражателей Петрарки, и преувеличеніямъ Эвфуистовъ, которыхъ въ послѣдствіи осмѣялъ сэръ Филинъ Сидней. Старыя формы выраженія, безъ сомнѣнія, недоѣли. Денбаръ, подобно Уатту и Сюррею чувствовалъ, что требовалась новая метода выраженій, и школъ рѣшенія проблемы введеніемъ въ языкъ музыкальныхъ эпитетовъ иностраннаго происхожденія, а поэтическій слогъ думалъ освѣжить сравненіями. Но ни то, ни другое не можетъ замѣнить поэтическое воображеніе. Денбаръ, впрочемъ, больше Чосера сохраняетъ равновѣсіе, онъ хорошо справляется съ аллегоріями, искусно подбираетъ слова, но у него гораздо меньше воображенія и внушительности. Слогъ стиховъ вродѣ нижецитированныхъ, можетъ быть и отличный, но стихи эти не обладаютъ тѣмъ благородствомъ, которое характеризуетъ простую дикцію Чосера:

«Взгляни на птицъ, какъ онѣ поютъ и танцуютъ — восточная сторона небесъ освѣщена, и богато разукрашена лазурью.

„Go se the birds thay sing and dance,
Illumynit our with orient skyis brycht,
Annamyllit richely with new azur lycht".

The „Golden Targe".

Къ несчастію другая придворная поэма Денбара «The Golden Targe» еще болѣе цвѣтиста какъ слогомъ, такъ и дикціей. Хотя основа аллегоріи болѣе проста и гораздо менѣе затрагиваетъ конкретную дѣйствительность, — потому что толкуетъ о безсиліи разума противъ любви, если послѣдняя поддерживается красотой и присутствіемъ любимой особы, — однако описаніе столкновенія между «разумомъ, вооруженнымъ щитомъ изъ такого прекраснаго золота» съ властью Венеры растянуто гораздо больше, чѣмъ поэма о «страшномъ Thrissil'ѣ и свѣжей Rois». Оно переполнено выраженіями вродѣ «кристальныя слезы», «Аврора» вмѣсто заря, и «пурпурныя небеса покрылись серебряными

хлопьями,— а потому и неудивительно, что пришлось прибѣгнуть къ болѣе сложнымъ стансамъ, а именно къ девяти строчнымъ стансамъ «Жалобы Анелиды», къ которымъ Дугласъ прибѣгнулъ лишь на два года раньше въ своемъ «Замкѣ чести» (Palice of Honour); но дѣло въ томъ, что сюжетъ слишкомъ пустъ для тяжелыхъ расшитыхъ дорогихъ покрововъ, въ которое его облекли.

Стихъ Дёнбара.

Стихъ въ обѣихъ поэмахъ музыкаленъ, но во многихъ отношеніяхъ совершенно отличается отъ техники Чосера. Денбаръ также мало приближается, какъ Іаковъ и гораздо меньше Генризона къ умѣнію Чосера посредствомъ такъ наз. *enjambement* придать разнообразіе рифмѣ; съ другой стороны, онъ прибѣгаетъ къ эпической цезурѣ гораздо чаще англійскаго поэта. Изъ привычки его прибѣгать къ аллитераціи почти что на каждой строчкѣ ясно, что онъ изучалъ бѣлые стихи съ аллитераціей, а въ этомъ онъ также отличается отъ болѣе раннихъ Чосеріанцевъ. Какъ восточныя, такъ и западныя преданія выражаются въ твореніяхъ Денбара, а это придаетъ имъ чисто національный характеръ.

Его сатира.

Для своего «Tua Marііt Wemen and the Wedo» Денбаръ изобралъ бѣлые стихи съ аллитеративнымъ размѣромъ; это произведеніе есть рѣзкая сатирическая поэма, весьма отличная по тону отъ разсмотрѣнныхъ нами выше. Она полна драматическими характеристиками и ѣдкимъ юморомъ. Мнѣнія, высказываемыя тремя леди объ обязанностяхъ супружеской жизни, напоминаютъ «Прологъ къ разсказу женщины изъ Бата» и несомнѣнно были навѣяны этимъ послѣднимъ; но какая неизмѣримая разница между ѣдкой сатирой и цинизмомъ, выраженнымъ до крайности свободнымъ языкомъ молодыми, красивыми женщинами, и проніей, соединенной съ добродушіемъ, bonhomie, которая чувствуется въ легкомысленномъ хвастовствѣ «женщины» изъ Бата. То обстоятельство, что общество двора Якова IV было до крайности развращено, не достаточно объясняетъ эту разницу. Единственное возможное извиненіе этой поэмы, то, что она появилась въ молодые годы автора. Достойно замѣчанія и то обстоятельство, что размѣръ стиховъ весьма отличенъ отъ размѣра употребляемаго Ленгландомъ и поэтомъ Гавайна. Отсутствіе рифмъ, еще болѣе частое употребленіе романскихъ словъ, и послѣдовательное непониманіе принциповъ, которымъ подчинялись древне-англійскіе аллитеративные стихи,—все это уменьшаетъ музыкальность стиха этого произведенія до музыкальности «безпорядочныхъ стиховъ, анапестовъ, описанныхъ Іаковомъ I англійскимъ въ его «Reulis and Cautelis of Scottis Poesie». Денбаръ прибѣгаетъ также къ манерѣ заимствованной имъ, вѣроятно, у Hu-chown'a,—такъ какъ мы встрѣчаемъ этотъ самый пріемъ въ «Смерти Артура»,—а именно къ повторенной аллитераціи, т.е. употребленію одной и той-же аллитеративной буквы въ нѣсколькихъ слѣдующихъ другъ за другомъ строчкахъ. Короткая рифмованная поэма «The Twa

Cummeris», нерѣдко сравнивалась съ «Tua Mariit Wemen and the Wedo», но грубость ея не переходитъ въ распущенность, а по своему тону она гораздо болѣе походитъ на «Tunnyng of Eleanor Rumming». Скельтона. Сатирическая поэма, въ рифмованныхъ куплетахъ опять напоминаетъ искусство Чосера какъ разсказчика въ его былинахъ—fabliaux; но принадлежитъ-ли въ дѣйствительности эта поэма Денбару—спорный вопросъ.

Пасквили Дѣнбара.

Въ близкомъ сродствѣ съ сатирами Денбара находятся его пасквили. Его бурная «Схватка Денбара съ Кеннеди» (современный ему поэтъ) напоминаетъ подобнаго же рода нападенія Скельтона на Гарнеша, а также французскія «jeux partis» и провансальскія «serventois». Но такія «схватки» или поэтическіе турниры, состязанія въ остроуміи и въ насмѣшкѣ, встрѣчаются въ Гаельскомъ и въ скандинавскомъ «Loki Sennar», или въ состязаніи Локи съ богами Асгарда, а дальнѣйшая параллель можетъ быть проведена съ поэтическими дуэлями Каллимаха, Овидія, Поджіо съ Филельфо, и Луджи Пульчи съ Маттео Франко. Подобное же «состязаніе» служитъ сюжетомъ Денбару для его «Турнира противъ «Telzouris and Sowtaris», поэмы, которая какъ кажется не безъ нѣкотораго основанія, оскорбила этихъ ремесленниковъ, а потому вызвала со стороны Денбара «Извиненіе» (Amendis), сдѣлавшее ихъ еще болѣе смѣшными. Такимъ образомъ подобная перебранка вошла въ моду, и практиковалась съ успѣхомъ Линдсеемъ, Іаковомъ V и другими позднѣйшими поэтами, пока наконецъ этотъ родъ литературы не сошелъ окончательно со сцены, благодаря Байрону, осмѣявшему поэтовъ озерной страны. Единственная изъ сатирическихъ поэмъ Денбара, заслуживающая и по сю пору наше вниманіе,— это его юмористическій разсказъ о покушеніи Джона Даміана французской «пьявицы» (leich) бѣжать въ Кале съ высоты Стерлингъ-Кастля. Его «баллада о пребываніи въ болотѣ монаха Тенгланда» (Ballad of the Flenzeit Freir of Tungland) пригвоздила къ позорному столбу этого шарлатана, удачнѣйшимъ образомъ осмѣявъ его, такъ что этотъ послѣдній оказался лишеннымъ чести точно такъ, какъ монахъ баллады оказался лишеннымъ перьевъ послѣ посѣщенія птицъ. Размѣръ такъ называемыя «rime couée» присущій балладамъ.

Серьезныя поэмы Дѣнбара.

Въ послѣдніе годы своей жизни, въ тѣ мрачные дни, которые послѣдовали за битвой при Флодденѣ, веселый поэтъ дѣлался все серьезнѣе, и потерялъ свою пылкость. Уже въ его «Плачѣ о Макарисѣ» (Lament for the Makaris) (1508 г.), видъ его товарищей, падающихъ вокругъ него, и его собственная болѣзнь, вызвали его на размышленія о непостоянствѣ судьбы и на поученія:

«Нѣтъ средствъ противъ смерти, а потому лучше быть готовымъ къ смерти, для того, чтобы послѣ нея наслѣдовать жизнь».

„Sen for the deid remeid is non,
Best is that we for dede dispone,
Eftir our deid that lif maywe".

Но онъ не могъ не сознавать, что взглядъ на жизнь съ веселой точки зрѣнія есть ложный взглядъ. Въ глубокомысленной и характеристичной поэмѣ, съ припѣвомъ «я думаю, что лучше быть слѣпымъ», онъ въ слѣдующихъ словахъ извиняется за свой темпераментъ:

«Если бы мнѣ тяжело было на сердцѣ отъ людского жестокосердія. или если бы я былъ удрученъ печалью, я бы умиралъ медленной смертью; но я думаю, лучше быть слѣпымъ».

„Had I for wardlis unkyndness
In hairt tane ony haviness,
Or fromy plesans bene opprest,
Ihad bene deid langsyne, dowtless
For to be blyth me think it best".

Переходъ отъ нравоучительной поэзіи къ религіозной былъ естественъ, и ясно обозначается въ его «Дроздъ и Соловей» («Merle and the Nychtingall»), въ которой, подражая предшествовавшей южной поэмѣ «Сова и Соловей», воспѣвается побѣда небесной любви надъ земной. Къ этому же роду поэзіи можно причислить и гимны въ честь Рождества Христова, Страстной Пятницы, и Великопостные гимны. Баллада въ честь Пресвятой Дѣвы—«Ballat of Our Lady»—замѣчательна своими сложными стансами, состоящими изъ двѣнадцати стиховъ съ перекрестной рифмой, при чемъ девятый «Ave Maria gratia plena», (радуйся Благодатная Марія) служитъ припѣвомъ. Денбаръ былъ весьма многостороннимъ лирическимъ поэтомъ. То, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ удачный сатирикъ, придерживающійся легкой сатирической формы, не должно удивлять насъ, если мы припомнимъ, что изъ римскихъ поэтовъ — Катуллъ, изъ провансальскихъ — Сорделло, а изъ новѣйшихъ—Бернсъ были одновременно лирическими поэтами и авторами личной или, такъ называемой Архилоховской (Archilochian) сатиры. Но изъ вышесказаннаго ясно, что Денбаръ не обладалъ ни спокойнымъ разсудкомъ эпическихъ поэтовъ,—хотя онъ былъ мастеръ разсказать исторію — ни прямолинейностью и объективностью, необходимыми для людей, посвящающихъ себя изслѣдованію человѣческой природы.

Слѣпой Гарри „Blind Harry".

Въ числѣ другихъ поэтовъ Денбаръ, въ своемъ «Плачѣ» (Lament), упомянулъ и «слѣпаго Гарри, Blin Harye», или Генриха Миннестрела (1450—92), бывшаго однимъ изъ придворныхъ поэтовъ Іакова IV, и автора длиннаго романа въ рифмованныхъ героическихъ куплетахъ о «Сэрѣ Уилльямѣ Уоллесѣ» (Schir William Wallace)—написанномъ еще до 1488 г.—дата, указанная въ единственномъ манускриптѣ. Поэма эта была наиболулярнѣйшей поэмой этого времени, послѣ «Brus»'а, при чемъ послѣдняя и внушила автору «Сэра Уилльяма Уоллеса» сюжетъ его поэмы. Слѣпой Гарри заканчиваетъ поэму заявленіемъ, что онъ почерпнулъ изложенныя въ ней событія изъ исторіи Уоллеса на

латинскомъ языкѣ, написанной его капелланомъ Блеромъ (Blair), нынѣ не существующей; но онъ безъ сомнѣнія столько же обязанъ народнымъ балладамъ, въ которыхъ разсказываются дѣянія Уоллеса. Это-то обстоятельство, а также и тотъ фактъ, что періодъ, описанный въ этой поэмѣ, гораздо древнѣе, чѣмъ періодъ описанной въ Brus'ѣ, объясняетъ многія неточности историческія. Болѣе ранніе годы жизни героя разукрашены смѣлыми дѣяніями, неизвѣстными по другимъ источникамъ и Wallas, напр. побѣждаетъ Эдуарда въ сраженіи при Биггрѣ (Biggar), предшествовавшемъ сраженію при Стерлингѣ, хотя достовѣрно извѣстно, что англійскій король не былъ въ это время въ Шотландіи.

Младшій современникъ Денбара, Говенъ Дугласъ—(1474—1522) былъ третій сынъ Арчибальда Дугласа, графа Ангусскаго, прозваннаго «Bell the Cat» за его смѣлое поведеніе среди дворянъ, вступившихъ въ заговоръ противъ Кохрэна и Рожера ненавистныхъ всѣмъ любимцевъ Іакова III. Его племянникъ, молодой графъ, женился, послѣ сраженія при Флодденѣ, на королевѣ Маргаритѣ, которой тогда было всего двадцать три года, и такъ хотя онъ, подобно Денбару, былъ священникомъ [1]), его жизнь была сплетена съ раздорами и интригами, составляющими наиглавнѣйшую часть Шотландской исторіи отъ Флодденскаго сраженія до вступленія на престолъ Іакова VI. Дугласъ, какъ и Денбаръ, былъ Чосеріанцемъ, и подобно ему сохранилъ оригинальность настоящаго поэта. Но произведенія его менѣе интересны. Главное его произведеніе—Король Гартъ, «King Hart» и его переводъ Энеиды — не принадлежатъ къ разсматриваемому нами времени, но первая и самая длинная изъ его поэмъ «Palice of Honour» была окончена въ 1501 г. Говенъ Дугласъ (Gawin Douglas).

Онъ писалъ ее въ ту пору своей жизни, когда онъ началъ сознавать ея серьезное значеніе, а также и то, сколько требовалось серьезныхъ усилій съ его стороны и со стороны его земляковъ. Такъ онъ въ условной, аллегорической формѣ, сильно напоминающей «Парламентъ птицъ», указываетъ на непостоянство и непрочность земной славы и на необходимость и значеніе славы, служащей наградой добродѣтели и твердости характера. «Ohie Honour!» восклицаетъ онъ въ балладѣ, которой заканчивается его поэма.

«О божественная слава! Чудный, небесный цвѣтокъ, награда добродѣтели, самая драгоцѣнная, лучшая; ты служишь достойнымъ возмездіемъ за святыя дѣла».

„O hie Honour! Sweit heunlie flour degest,
Gem verteous, maist precious, gudliest;
Far hie renoun thou artguerdoun conding".

[1]) Впослѣдствіи (январь 1515 г.) онъ былъ возведенъ въ санъ Дункельдскаго епископа, но могъ занять свою эпархію благодаря оппозиціи графа Этоля и герцога Альбани, (которые его заключили въ темницу) только черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ этого.

Группировка и введеніе безчисленныхъ аллегорическихъ фигуръ ведется весьма искусно, и его обширныя знанія проявляются на каждомъ шагу. Поэма полна ссылками на классическую исторію, миѳологію и поэзію. А между тѣмъ не чувствуется недостатка и въ оригинальности. Такъ напр., хотя поэма согласно обычаю начинается традиціоннымъ сномъ, но на сценѣ необычное майское утро, а мрачная пустыня, въ которой всѣ инциденты и все окружающее еще усиливаютъ эфектъ.

Характерная черта всѣхъ Шотландскихъ поэтовъ (cf. Денбара: «Зимнія размышленія»), умѣніе цѣнить болѣе мрачныя картины природы, особенно рѣзко обозначается у Дугласа. Но можетъ быть главный интересъ поэмы «Palice of Honour» основывается на томъ фактѣ, что она-то именно вѣроятно и обратила вниманіе Денбара на аллегорическую поэзію, такъ какъ и «Thrissil and the Rois», и «the Goldyn Targe» появились послѣ поэмы Дугласа. Во всякомъ случаѣ довольно замѣчательно совпаденіе въ выборѣ Денбаромъ для своей второй и болѣе обработанной поэмы того самаго размѣра, который былъ избранъ Дугласомъ для произведенія, занимающаго первое мѣсто въ ряду Шотландскихъ романовъ съ чисто аллегорическской темой.

Начало книгопечатанія.

Гордона Дуффа.

Во время тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій въ Европѣ вошло въ употребленіе извѣстнаго рода печатаніе, но лишь въ пятнадцатомъ столѣтій оно стало примѣняться къ печатанью книгъ. Первые опыты ограничивались печатаніемъ одного листа, образовъ святыхъ или игральныхъ картъ; но спустя нѣкоторое время были сдѣланы попытки печатать послѣдовательныя серіи листовъ, которымъ придавалась форма книги, извѣстныя нынѣ подъ названіемъ «block-books».

Вся страница, какъ текстъ, такъ и иллюстраціи, вырѣзывалась на деревѣ рѣзчикомъ. Эти книги обыкновенно состояли изъ религіозныхъ исторій, изъ коихъ самая популярная и наиболѣе извѣстная была «Библія бѣдныхъ» (Biblia Pauperum). На каждой страницѣ находилось изображеніе хорошо извѣстнаго библейскаго событія, съ нѣсколькими печатными строчками текста. Другія подобныя книги были: «The Speculum Humanae Salvationis», «Cantica Canticorum», и «Ars Moriendi». Но настоящимъ изобрѣтеніемъ книгопечатанія можно назвать лишь изобрѣтеніе подвижныхъ литеръ, которыя можно было бы употреб-

лять безчисленное множество разъ въ различныхъ комбинаціяхъ. И споры о томъ, какому городу принадлежитъ честь быть мѣстомъ рожденія изобрѣтателя книгопечатанія, длились столѣтія. Были произведены тщательныя изысканія по этому вопросу въ новѣйшія времена, и теперь остались только двѣ партіи, изъ которыхъ одна стоитъ за права Іоанна Гутенберга и города Меца, другая—за права Лауренца Костера и города Гарлемъ. Въ то время, какъ права города Меца въ нѣкоторой мѣрѣ поддерживаются прямой очевидностью, права Гарлема совершенно гадательны и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ фантастичны, хотя и отстаиваются не съ меньшимъ жаромъ.

Іоаннъ Гутенбергъ и гор. Мецъ.

Самыя раннія свѣдѣнія о Гутенбергѣ почерпаются изъ отчета о слѣдствіи, произведенномъ въ Страсбургѣ 1439 г. изъ котораго мы узнаемъ, что Гутенбергъ занимался тамъ опытами печатанія. Въ 1455 году мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ, изъ другаго слѣдствія, произведеннаго, какъ и первое для взысканія съ него занятыхъ имъ денегъ. Есть основаніе предполагать, что онъ умеръ въ 1468 году, такъ какъ весь его матеріалъ былъ врученъ его главному кредитору. Но главный интересъ не столько въ Гутенбергѣ, какъ въ его книгахъ, и мы видимъ, что самый ранній образецъ печати заключается въ «Индульгенціи Николая V, изданной съ цѣлью получить помощь противъ турокъ. На первыхъ изданіяхъ напечатанъ годъ 1454, а первая дата на рукописи, печатанной въ этомъ изданіи—15 ноября. А потому мы вправѣ считать 15 ноября 1454 г. самой ранней датой по отношенію къ книгопечанію. Съ этого времени искуство книгопечатанія практиковалось въ Германіи безъ перерыва, и первые опыты были самыми изящными. «The Mazarine Bible» въ 1455—6 г., «The Psalters» 1457 и 1459 гг. съ ихъ удивительно изящно раскрашенными титлами, соперничаютъ, если не превосходятъ, по красотѣ какое бы то ни было изъ позднѣйшихъ произведеній.

Изъ города Меца искуство книгопечатанія распространилось еще до 1460 г. до г. Бамберга, гдѣ Пфистеръ печаталъ мѣстныя книги, и до Страсбурга, гдѣ Ментеленъ печаталъ Библіи и теологическія книги. Взятіе и разгромленіе Меца въ 1462 г. Адольфомъ Нассаускимъ повидимому разогнало лицъ, занимающихся книгопечатаніемъ изъ этого города, и не долго спустя мы встрѣчаемъ Ульрика Зеля печатающимъ въ Кельнѣ. Въ этомъ городѣ, повидимому, работало большое число лицъ надъ книгопечатаніемъ, и между ними Арнольдъ Герненъ (Arnold ther Hoernen), который ввелъ оглавленіе страницъ и обозначеніе ихъ числами. Генрихъ Кефферъ, бывшій работникомъ у Гутенберга, ввелъ книгопечатаніе въ Нюренбергѣ въ 1470 году, или около этого времени. Въ этомъ-же городѣ нѣкій Антоній Кобургеръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ типографщиковъ, работалъ столько, сколько сработали бы 24 печатныхъ станка, разсылая свои книги по всей

странѣ. Базель, Аугсбургъ, Шпейеръ, быстро слѣдуетъ примѣру своихъ предшественниковъ и вскорѣ не осталось почти ни одного значительнаго города въ Германіи, не имѣвшаго хоть одного типографщика.

Лауренцъ Костеръ Гарлемскій.

Если мы обратимся къ претензіи Костера Гарлемскаго, что мы увидимъ? Во-первыхъ мы не находимъ никакихъ доказательствъ того, что существовалъ типографщикъ по имени Костеръ Лауренцъ. Даже имя это не упомянуто нигдѣ раньше чѣмъ сто лѣтъ спустя послѣ его предполагаемаго изобрѣтенія. Въ то время, какъ постоянные толки шли объ изобрѣтеніи Гутенберга въ Мецѣ, ни одинъ голосъ не раздался въ опроверженіе этого факта до 1499 года, когда въ отчетѣ не совсѣмъ точномъ появилось объявленіе объ открытіи книгопечатанія, отмѣченное въ «Кельнской хроникѣ», гдѣ сказано, что это искуство впервые появилось въ Голландіи, и будто копіи съ «Donatus», печатанныя тамъ, навели на это изобрѣтеніе Гутенберга. Первая напечатанная дата, изъ числа всѣхъ находящихся въ какой бы-то ни было книгѣ, напечатанной въ Нидерландахъ, есть 1473 годъ, а въ этомъ-же году искусство это было введено въ двухъ городахъ — Утрехтѣ и Алостѣ. Имѣется однако много небольшихъ памфлетовъ, изданныхъ по большей части въ родѣ учебниковъ, какъ, напр. «Donatus» или «Доктрины Александра Галла (Doctrinale of Alexander Gallus), нѣкоторые изъ коихъ должны были, а многіе могли быть напечатаны еще до 1473 г. Защитники мнѣнія объ изобрѣтеніи книгопечатанія въ Гарлемѣ, приписываютъ всѣ подобныя изданія времени предшествовавшему 1473 г., и увѣряютъ, что изданы они были за тридцать, или даже за сорокъ лѣтъ раньше. Но было бы неблагоразумно предполагать, что типографія существовала столько времени въ странѣ, въ которой она была единственной, и ограничивалась бы изданіемъ учебниковъ и нѣсколькихъ незначительныхъ трактатовъ, когда существовало такъ много дѣльныхъ ненапечатанныхъ книгъ. А потому до тѣхъ поръ, пока претензіи Гарлема не будутъ основываться на серьезныхъ фактахъ, защитники ихъ не могутъ расчитывать на поддержку разумныхъ людей. Въ 1473 году книгопечатаніе было введено также въ Утрехѣ и въ Алостѣ, и разъ утвердившись твердой ногой, оно быстро распространилось въ большихъ городахъ — а это служитъ вѣскимъ аргументомъ противъ существованія единственной типографіи въ Нидерландахъ за тридцать лѣтъ до 1473 г.

Печатаніе въ Италіи.

Въ Италію книгопечатаніе было внесено въ 1465 г. двумя нѣмцами, Свейнгаймомъ и Панарцомъ, которые сначала поселились въ монастырѣ въ Субіако, недалеко отъ Рима, гдѣ они напечатали нѣсколько книгъ, затѣмъ они въ 1467 году отправились въ самый Римъ, гдѣ и принялись за дѣло въ монастырѣ De Maximis. Въ этомъ городѣ число типографщиковъ быстро возросло, какъ и вообще въ Италіи; и дѣйствительно, въ теченіи пяти лѣтъ со времени внесенія книго-

печатанія въ Субіако, болѣе двадцати городовъ въ сѣверной Италіи обладали типографіями. Главнѣйшимъ изъ этихъ городовъ была Венеція, куда это искусство было внесено Іоанномъ изъ Шпейера въ 1469 году, и гдѣ оно настолько процвѣтало, что уже въ 1500 году болѣе двухъ сотъ типографщиковъ печатали тамъ. Фолиньо, Миланъ, Болонья, Флоренція тоже въ свою очередь занялись этимъ искусствомъ и распространили извѣстность итальянскаго книгопечатанія. Изученіе произведеній итальянской прессы объясняетъ намъ громадное вліяніе эпохи Возрожденія. Въ то время, какъ нѣмцы печатали томы богословскихъ книгъ по своему готическому типу, итальянскіе типографщики печатали главнѣйшихъ классиковъ своимъ граціознымъ романскимъ шрифтомъ, который и самъ по себѣ былъ признакомъ возродившагося интереса къ классическимъ произведеніямъ. Сначала произведенія греческой литературы были издаваемы только въ переводахъ на латинскій языкъ, но когда въ 1488 г. появилось впервые роскошное изданіе Гомера, то Италія прославилась своими классическими изданіями, до самаго шестнадцатаго вѣка, благодаря Альдусу Манціусу (Aldus Manutius) и его преемникамъ.

Книгопечатаніе во Франціи.

Хотя мы обладаемъ документальными доказательствами того, что уже въ 1444 г. въ Авиньонѣ было въ ходу нѣкотораго рода печатаніе, но не осталось никакихъ произведеній этого рода, и вообще мы не можемъ съ достовѣрностью опредѣлить, было-ли это печатаніе тѣмъ, что мы понимаемъ подъ этимъ словомъ. Если оставить въ сторонѣ Авиньонъ, то первая типографія Франціи появилась, конечно, въ Парижѣ, какъ въ центрѣ знаній и культуры, и мѣстѣ, гдѣ находился самый извѣстный въ Европѣ университетъ. Благодаря содѣйствію Гейнлина и Фише, — докторовъ, занимающихъ выдающееся положеніе въ университетѣ — три типографщика — Кранцъ, Герингъ и Фрибургеръ — получили возможность устроиться въ самой Сорбоннѣ, и здѣсь то, въ 1470 году, была издана ихъ первая книга «Письма Гаспарина Барзпзіуса» (The Letters of Gasparinus Barziz.us). Въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ они напечатали около тридцати книгъ въ строго-классическомъ вкусѣ ихъ патроновъ. Въ концѣ 1472 года они переселились на улицу St. Jacques, гдѣ уже было нѣсколько другихъ типографщиковъ-соперниковъ. Съ этого времени типографіи быстро размножались въ Парижѣ, который вскорѣ сдѣлался такимъ же важнымъ центромъ книгопечатанія, какъ Венеція и Базель. Въ 1473 г. Вильгельмъ Ле Руа ввелъ книгопечатаніе въ Ліонъ, откуда оно быстро распространилось по другимъ городамъ. Французскіе типографщики вскорѣ нашли выгоднымъ для себя печатаніе книгъ для англійскаго рынка, особенно-же книгъ орнаментальнаго характера, каковы часословы и молитвенники, которыхъ англійская пресса не умѣла производить. Эти книги разсылались на судахъ на рынки англійскахъ городовъ, гдѣ онѣ и продавались за хорошую цѣну. Они печатали

даже книги на англійскомъ языкѣ, какъ напр. грамматики и святцы, и эта конкуренція, вѣроятно, дѣлала большой подрывъ отечественнымъ произведеніямъ.

Книгопечатаніе въ Испаніи.

Въ Испаніи книгопечатаніе впервые появилось около 1474 года, когда оно было введено въ Валенцію, хотя первая датированная книга появилась лишь въ 1475 г. Въ этомъ году оно повидимому было внесено въ Сарагоссу, а оттуда вскорѣ послѣ того и въ Барцелону и Севилью.

Книгопечатаніе въ Англіи: Уилльямъ Какстонъ.

Первый англійскій типографщикъ, Уилльямъ Какстонъ, родился въ 1422 г. въ Кентскомъ Упльдѣ (Weald of Kent), «гдѣ говорятъ на такомъ грубомъ англійскомъ нарѣчіи, какъ нигдѣ въ Англіи». Родители его дали ему хорошее воспитаніе, но затѣмъ мы ничего не знаемъ о его личной жизни, до того времени, когда мы находимъ его въ качествѣ ученика Роберта Ларжа, торговца. Этотъ Робертъ Ларжъ былъ богатымъ и вліятельнымъ купцомъ, въ 1430 году былъ шерифомъ, а съ 1439—40 годъ лордъ-мэромъ Лондона. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 24, 1441 года. Въ концѣ жизни у него было одиннадцать учениковъ, изъ числа которыхъ младшій былъ Какстонъ, и ему онъ завѣщалъ двадцать марокъ. Смерть хозяина не развязала его отъ принятаго на себя обязательства, и ему оставалось лишь два выхода: или душеприказчики могли поддержать его, или онъ долженъ былъ поступить къ другому хозяину. Намъ неизвѣстно, что произошло, но мы узнаемъ изъ пролога къ «Собранію повѣствованій о Троѣ», въ которомъ онъ говоритъ, что до 1471 года онъ былъ за границей тридцать лѣтъ; такъ что онъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти своего хозяина, удалился изъ Англіи въ Нидерланды, т. е. около 1441 года.

Онъ поселился въ Брюггѣ, бывшимъ тогда однимъ изъ наиважнѣйшихъ иностранныхъ торговыхъ городовъ; здѣсь его дѣла по видимому пошли хорошо, и онъ быстро достигъ положенія и почета, такъ какъ мы видимъ его занимающимъ съ 1463—65 г. мѣсто консула «управляющаго англичанами живущими за границей», или merchant adventurers. За исключеніемъ нѣсколькихъ непродолжительныхъ путешествій въ Англію и въ другія страны, онъ повидимому исполнялъ обязанности своей должности до 1470 года, когда онъ поступилъ на службу къ герцогинѣ Бургундской. Такъ какъ эта новая должность оставляла ему много свободнаго времени, то онъ посвящалъ его литературнымъ трудамъ, изученію иностранныхъ языковъ и переводамъ различныхъ книгъ на англійскій языкъ. Но въ 1477 году въ судьбѣ Какстона произошла большая перемѣна. Неудачи, понесенныя герцогомъ Бургундскимъ въ сраженіи при Моратѣ, и битва его съ швейцарцами и смерть его въ сраженіи при Нанси, лишила хозяйку Какстона ея преобладающей роли при дворѣ въ Брюгге; она удалилась и стала вести жизнь болѣе частную. Услуги Какстона оказались лишними,

и онъ рѣшился вернуться въ Англію. Каррьера его какъ купца была окончена, каррьера его какъ типографщика лишь начиналась.

Въ 1471 году Какстонъ отправился въ Кельнъ, и во время своего пребыванія тамъ окончилъ переводъ «Собранія повѣствованій о Троѣ». Искусство книгопечатанія уже практиковалось въ Кельнѣ нѣсколько лѣтъ, и въ то время, когда Какстонъ посѣтилъ этотъ городъ, въ немъ уже было нѣсколько типографій. По всей вѣроятности, Какстонъ научился практическимъ пріемамъ въ одной изъ этихъ типографій, и можетъ быть даже и помогалъ печатать нѣкоторыя книги, съ цѣлью пріобрѣсть опытность въ дѣлѣ. Уинкинъ де Уардъ, ассистентъ и преемникъ Какстона, сообщаетъ, что Какстонъ напечаталъ латинское изданіе «Варѳоломея о землевладѣніи (Bartholomeus de Proprietatibus Rerum) въ Кельнѣ. Намъ извѣстно латинское изданіе, напечатанное въ Кельнѣ, въ 1471 году, и, по всей вѣроятности Какстонъ принималъ участіе въ его печатаніи.

По возвращеніи въ Брюгге онъ вошелъ въ компанію съ Колардомъ Мансіономъ, который былъ иллюстраторомъ и каллиграфомъ, но который промѣнялъ эти занятія на типографскія, около 1474—75 года. Вмѣстѣ они издали три книги: «Собраніе повѣствованій о Троѣ», первая печатная книга на англійскомъ языкѣ,—«Игра въ шахматы» и «Les Quatre Derrenieres Choses».

Въ 1477 году Какстонъ вернулся въ Англію и поселился въ предѣлахъ Вестминстерскаго аббатства, въ домѣ съ вывѣской «Red Pale». Намъ неизвѣстно точное расположеніе помѣщеній въ этомъ домѣ, но мы знаемъ изъ объявленія Какстона, что это была богадѣльня близъ аббатства, и что въ этомъ учрежденіи подавалась милостыня бѣднымъ, такъ какъ Маргарита, графиня Ричмондъ, мать Генриха VII, построила здѣсь нѣсколько богадѣленъ. Въ ноябрѣ, 1477 года, Какстонъ, привезшій съ собой шрифтъ изъ Брюгге, напечаталъ первое изданіе «Изрѣченія философовъ» (Dictes or Sayings of the Philosophers), первую напечатанную въ Англіи книгу. Это произведеніе было переведено съ французскаго графомъ Риверсомъ, и редактировано Какстономъ, и кромѣ того прибавлена еще глава, «касающаяся женщинъ» (touching wymmen). Слѣдующей за тѣмъ книгой, изданной Вестминстерской типографіей, былъ требникъ «Ordinal Sarum», и хотя не осталось копіи съ этой книги, такъ что существованіе ея извѣстно лишь по отрывкамъ, но все же сохранились двѣ копіи предисловія, написаннаго Какстономъ для привлеченія вниманія публики. Предисловіе это гласитъ слѣдующее: «Если благоугодно будетъ какому либо лицу свѣтскаго или духовнаго званія пріобрѣсти одинъ или два экземпляра въ воспоминаніе Сольсбюри, который пользовался этой книгой, напечатанной по образцу прилагаемаго письма, совершенно правильно и точно, то пусть явится въ Вестминстерскую богадѣльню, подъ вывѣской «red pale» и получитъ требуемое за дешевую цѣну. «Supplico siet cedula» Робертъ

Поселеніе Какстона въ Вестминстерѣ.

Копеландъ, ученикъ Уинкина де Уорда, говоритъ о Какстонѣ, какъ о человѣкѣ, «начавшемъ небольшими разсказами, памфлетами и тому под.»; небольшія книги, на которыя онъ намекаетъ, по всей вѣроятности, ничто иное, какъ серія статей Лидгата, какъ напр. «Хрустальный храмъ», «Лошадь, овца и гусь», а также «Скряга и птица», изъ которыхъ каждая состоитъ всего изъ нѣсколькихъ страницъ, и которыя были всѣ изданы вскорѣ послѣ того, какъ Какстонъ поселился въ Вестминстерѣ. Самая замѣчательная изъ этихъ раннихъ книгъ, это первое изданіе «Кентербюрійскихъ разсказовъ» Чосера, большая книга содержащая болѣе 700 стр. Сила производительности типографіи Какстона въ началѣ его дѣятельности изумительна, такъ какъ въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ онъ издалъ болѣе тридцати книгъ. Изъ нихъ, конечно, многія необъемисты, но, съ другой стороны у насъ имѣются изданія вродѣ: «Кентербюрійскихъ разсказовъ (784 стр.), «Исторія Язопа» (300 стр.), Чосера «Боецій» (188 стр.), «Новая риторика Лаврентія Саонскаго» (248 стр.), «Cordyal» (156 стр.), второе изданіе «Поученій и афоризмовъ философовъ» (152 стр.) и «Хроника Англіи» (364 стр.). Какстонъ былъ не только типографщикомъ, но и корректоромъ, а во многихъ случаяхъ даже издателемъ, что доказываетъ, что его трудолюбіе было замѣчательно. Въ 1480 году Джонъ Леттоу открылъ другую типографію въ Лондонѣ, и его книги печатались со многими техническими усовершенствованіями, незнакомыми Какстону. Результатомъ соперничества между обѣими типографіями тотчасъ же сказался, такъ какъ Какстонъ позаимствовалъ всѣ усовершенствованія. Въ началѣ года Какстонъ отпечаталъ индульгенцію Джона Кендаля, взывающаго о помощи противъ турокъ при осадѣ Родоса, своимъ обыкновеннымъ крупнымъ, грубоватымъ шрифтомъ. Тотчасъ-же появилось новое изданіе другой типографіи, напечатанное мелкимъ красивымъ шрифтомъ, болѣе подходящимъ для подобнаго произведенія. Ради самозащиты, Какстонъ тотчасъ же пріобрѣлъ мелкій шрифтъ, и въ томъ же году примѣнилъ его ко второму изданію индульгенціи.

Начало иллюстрированія.

Изъ подражанія Леттоу, Какстонъ ввелъ подписи въ своихъ книгахъ, а также сталъ соблюдать равное разстояніе между строчками страницы. Приблизительно къ этому времени онъ началъ иллюстрировать нѣкоторыя изъ своихъ книгъ; иллюстраціи эти были грубыми издѣліями, рѣзанными на деревѣ, и первое такимъ образомъ иллюстрированное изданіе было: «Зеркало Вселенной (The Mirror of the World)», изданное въ 1481 г., и содержащее нѣсколько политипажей людей, посвятившихъ себя преподаванію или наукѣ, а также небольшое число діаграммъ. Исполненіе этихъ иллюстрацій на столько плохо, что кажется будто принадлежитъ начинающему, и вѣроятно, что спросъ на подобныя произведенія искусства былъ до того ничтоженъ въ Англіи, что Какстонъ не имѣлъ возможности найти искуснаго рѣзчика. Въ слѣ-

дующіе за тѣмъ шесть лѣтъ Кэкстонъ издалъ около тридцати пяти книгъ, изъ которыхъ многія представляли большой интересъ. Назовемъ: «Reynardthe Fox, the Polycronicon», Лидгата «Мытарства Души (Pilgrimage of the Soul)» и «Жизнь Пресвятой Богородицы (Life of our Lady)» «Требникъ (The Festial)». Говера: «Confessio Amantis». Эзопа: «Басни», «Золотая Легенда», «Смерть Артура», «Жизнь Карла Великаго», и «Исторія Парижа и Вѣны». Кромѣ того имѣются «второе изданіе хроникъ Англіи». «Игра въ шахматы» и «Кентербюрійскіе разсказы». Многія изъ этихъ книгъ иллюстрированы. Почти каждая басня Эзопа, напр., украшена картинкой, а «Золотая Легенда» тоже богато разукрашена, хотя подъ часъ одно и то же изображеніе служитъ различнымъ святымъ. Въ 1487 г. Кэкстонъ, желая, повидимому, отпечатать требникъ, но не имѣя подходящаго шрифта, отправилъ въ Парижъ нѣкоего Джоржа Майніаля, чтобы тотъ отпечаталъ его тамъ. Въ этой книгѣ впервые появился девизъ Кэкстона. Онъ состоялъ изъ инціаловъ его имени, раздѣленныхъ его печатью и въ послѣдствіи употреблялся имъ во всѣхъ его изданіяхъ, причемъ онъ сначала печаталъ его въ началѣ страницы, а впослѣдствіи въ общепринятомъ порядкѣ, т. е. въ концѣ. Съ 1487 года по годъ его смерти, т. е. 1491 г., онъ напечаталъ около тридцати книгъ, между прочимъ: «Четверо сыновей Аймона», «Бланшардинъ и Эглантина», «Доктрины мудрости», «Энеиду» и много книгъ религіознаго содержанія. Кэкстонъ умеръ въ концѣ 1491 года, и былъ погребенъ на кладбищѣ Св. Маргариты, въ Вестминстерѣ. Извѣстно, что онъ оставилъ духовное завѣщаніе, такъ какъ въ приходскихъ запискахъ Св. Маргариты находится перечень пятнадцати копій «Золотой Легенды», завѣщанныхъ этой церкви Уильямомъ Кэкстономъ. Къ несчастью это завѣщаніе не было отыскано, хотя оно, по всей вѣроятности находится въ числѣ многаго множества неразсмотрѣнныхъ документовъ принадлежащихъ Вестминстерскому аббатству. Мы могли бы изъ него получить гораздо больше свѣдѣній о личной исторіи типографщика, чѣмъ во введеніяхъ къ его книгамъ. Многія подробности изъ жизни его, какъ типографщика, почерпнуты нами изъ этого источника и доказываютъ его чрезвычайное трудолюбіе. Кромѣ того, что онъ отпечаталъ около ста изданій, онъ перевелъ не менѣе двадцати четырехъ произведеній, изъ которыхъ многія составляютъ наиобширнѣйшія изъ его изданій; и его «Vitae Patrum», послѣдній его трудъ, былъ оконченъ имъ въ день его смерти.

Уинкинъ де Уордъ.

Въ теченіи послѣдующихъ двухъ лѣтъ дѣло это нѣсколько пріостановилось, и мы видимъ, что иностранные типографщики снабжаютъ англійскій рынокъ книгами, перепечатывая по большей части книги изданныя Кэкстономъ. Уинкинъ де Уордъ, уроженецъ Лотарингіи и ученикъ Кэкстона, унаслѣдовалъ его типографію въ Вестминстерѣ. Въ первые два года послѣ смерти своего учителя онъ напечаталъ всего четыре книги, но съ 1493 года онъ становится нѣсколько дѣя-

тельнѣе. Въ слѣдующемъ году его имя впервые появляется въ книгѣ, при чемъ онъ девизомъ употребляетъ или старую печать своего учителя, или же меньшую, но съ одинаковымъ рисункомъ. Трудолюбіе ученика оказалось равнымъ трудолюбію учителя, такъ какъ въ концѣ 1500 г. имъ издано было около ста книгъ; многія изъ нихъ были перепечатаны съ изданій Какстона, какъ напр. «Золотая Легенда», «Смерть Артура», «Кентербюрійскіе разсказы» и другія. Книги-же, напечатанныя имъ по его собственной иниціативѣ, были, въ большей части случаевъ, не обширны, но многія изъ нихъ исключительно достойны вниманія. Онъ также пользовался сотрудничествомъ заграничныхъ типографщиковъ при печатаніи богослужебныхъ книгъ и вѣроятно при его посредствѣ Юліанъ Нотари явился съ двумя ассистентами въ Лондонѣ въ 1496 году. Де Уордъ продолжалъ жить въ Вестминстерѣ до конца пятнадцатаго столѣтія, занимая въ 1501 г. домъ во Флитъ-Стритѣ подъ вывѣской Солнца, гдѣ онъ и оставался до самой своей смерти, въ 1534 г. Онъ былъ самый замѣчательный и самый производительный изъ всѣхъ болѣе раннихъ англійскихъ типографщиковъ, такъ какъ въ теченіи своей жизни онъ напечаталъ болѣе пятисотъ различныхъ книгъ.

Книгопечатаніе въ Оксфордѣ. Годъ спустя послѣ того, какъ Какстонъ началъ печатать въ Вестминстерѣ, была открыта типографія въ Оксфордѣ. Основываясь на ошибочной датѣ 1468 г. вмѣсто 1478 г. помѣщенной на первой изъ книгъ изданныхъ этой типографіей, многіе писатели пытались требовать для Оксфорда и воображаемаго типографщика Корселлиса, чести изданія первой книги въ Англіи. Типографія эта существовала отъ 1478 до 1486 г., т. е. въ теченіи девятилѣтняго періода, а типографщики, Теодорикъ Рудъ изъ Кельна и Томасъ Гентъ, англичанинъ, издали около пятнадцати различныхъ книгъ, по большей части научнаго содержанія. Между ними было изданіе «Cicero pro Milone» первое классическое изданіе напечатанное въ Англіи, «Письма Фаларіса и первое изданіе «Липоваго лѣса (Lindewode)». Послѣдняя напечатанная ими книга была «Книга о богослуженіи (Liber Festivalis)», единственная книга, изданная этой типографіей на англійскомъ языкѣ и иллюстрированная.

С. Альбанская типографія. Въ С. Альбанѣ школьный учитель, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, открылъ типографію въ 1480 г. Его шрифтъ очень походилъ на шрифтъ Какстона и нѣкоторое время онъ обладалъ словолитней, принадлежавшей Какстону. Его первыя шесть книгъ были напечатаны на латинскомъ языкѣ и носили теологическій характеръ, послѣднія-же двѣ были на англійскомъ языкѣ и носили характеръ популярный. Первая изъ нихъ носила заглавіе «Хроника Англіи»—изданіе, перепечатанное съ изданія Какстона; вторая была извѣстная «Книга о С. Альбанѣ (Boke of St. Alban's). Она содержитъ трактаты объ охотѣ, о соколиной охотѣ, о геральдикѣ, и изобилуетъ самыми любопытными свѣдѣніями; въ ней

встрѣчается много изображеній гербовъ, изъ которыхъ большая часть раскрашены, а это былъ первый опытъ подобнаго рода печати въ Англіи. Позднѣйшее изданіе той же книги было сдѣлано Уинкиномъ де Уордъ въ 1496 г., съ прибавленіемъ главы объ уженіи рыбы. Типографія С. Альбанская, подобно Оксфордской, закрылась въ 1486 г., и не возобновлялась до 1535 г., когда снова было напечатано нѣсколько книгъ.

Леттоу и его преемники.

Пользуясь покровительствомъ Уилльяма Уилькока, англійскаго купца, иностранецъ типографщикъ, по имени Леттоу, поселился въ Лондонѣ, въ 1480 г. Что онъ былъ весьма искусный типографщикъ, ясно изъ превосходства въ отдѣлкѣ его первыхъ изданій, но по видимому его мало поощряли, такъ какъ съ 1480—1482 годъ, онъ напечаталъ всего двѣ книги. Приблизительно къ этому времени къ нему присоединился Уильямъ де Маклиніа и вдвоемъ они издали пять книгъ собранія узаконеній. Между 1484—85 гг. Леттоу исчезъ, а Маклиніа продолжалъ вести одинъ это дѣло, но внѣшняя сторона его книгъ постепенно ухудшалась.

Большая часть его изданій невелики, за исключеніемъ «Хроникъ Англіи» и нѣкоторыхъ собраній узаконеній. Изъ остальныхъ можно указать на два или три представляющія интересъ, какъ напр. «Откровеніе Св. Николая монаху изъ Эвешама» (The Revelation of St. Nicholas to a Monk of Evesham), «Speculum Christiani», содержащая нѣсколько любопытныхъ образцовъ стиховъ и трактатовъ о чумѣ, выдержавшая три изданія Одна изъ этихъ книгъ украшена заглавнымъ листомъ, впервые появившимся въ англійской книгѣ. Маклиніа жилъ сперва въ Флитъ-бриджѣ, но за тѣмъ переселился въ Гольборнъ. Онъ исчезъ около 1490 года, а его матеріалъ перешелъ въ руки Ричарда Пинсона, нормандца. Первая датированная книга, помѣченная фамиліей Пинсона, появилась въ 1493 г., но онъ должно быть печаталъ и раньше. Его считаютъ ученикомъ Какстона, и самъ онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о немъ какъ о своемъ учителѣ; однако вѣроятнѣе. что онъ учился искусству книгопечатанія въ Руанѣ. Онъ сначала жилъ возлѣ Темпльбара, но затѣмъ перешелъ ближе къ Флитъ-стриту, гдѣ и оставался до самой смерти, т. е. до 1528 г. Онъ напечаталъ гораздо меньше книгъ чѣмъ его современникъ Уинклинъ де Уордъ, но его изданія были болѣе обработаны, и онъ первый ввелъ латинскій шрифтъ въ Англію.

Въ промежутокъ времени, протекшій отъ перваго введенія книгопечатанія Какстономъ въ Англію, до конца пятнадцатаго столѣтія, т.е. въ теченіи тридцатичетырехълѣтняго періода, англійская пресса издала около четырехъсотъ книгъ.

Развитіе англійскаго языка.

Франка Гитса.

Тяжеловѣсная и педантичная, но добросовѣстная критика, написанная въ 1589 году, даетъ слѣдующій совѣтъ современнымъ ей поэтамъ [1]). «А поэтому, наши писатели въ наше время не должны подражать *Петру пахарю* или Говеру, или Лидгату, или даже Чосеру, такъ какъ ихъ языкъ нынѣ ужъ вышелъ изъ употребленія: они не должны также заимствовать языкъ у сѣверянъ, какимъ они обыкновенно говорятъ, все равно побльмены-ли они, или джентльмены, или клерки: и вообще они не должны говорить на какомъ бы то ни было нарѣчіи, употребляемомъ по ту сторону рѣки Трентъ, хотя никто не станетъ отрицать, что тамъ говорятъ на чистѣйшемъ англо-саксонскомъ нарѣчіи нашего времени; но это нарѣчіе принято при дворѣ, какъ нашъ южно-англійскій языкъ; тоже можно замѣтить и о нарѣчіи западномъ: вы, поэтому, должны употреблять языкъ принятый при дворѣ, а именно въ Лондонѣ и въ графствахъ, лежащихъ вокругъ Лондона, на IX миль, и не дальше». Затѣмъ онъ признаетъ, что джентльмены и образованные люди другихъ графствъ обыкновенно говорятъ и, въ особенности пишутъ, «на такомъ же хорошемъ языкѣ, какъ южане Мидльэссекса и Сюррея». Но причину этого онъ находитъ во вліяніи англійскихъ словарей и англійской литературы.

Изъ вышеприведенной цитаты можно вывести слѣдующія важныя заключенія: 1) что въ послѣдней четверти шестнадцатаго столѣтія уже существовалъ общепринятый литературный языкъ въ Англіи; 2) что языкъ этотъ, отчасти по крайней мѣрѣ, считался и разговорнымъ языкомъ людьми образованными въ Англіи повсемѣстно; 3) что языкъ этотъ былъ природнымъ нарѣчіемъ жителей окрестности Лондона на протяженіи около шестидесяти миль въ окружности. Намъ остается объяснить въ нѣсколькихъ словахъ, какъ могло установиться подобное положеніе вещей. Мы уже видѣли, что до Нормандскаго завоеванія, со временъ Альфреда, западное саксонское нарѣчіе древнеанглійскаго языка постепенно отвоевало себѣ положеніе общаго литературнаго языка. Пораженіе при Сенлакѣ съ его послѣдствіями принудило родной языкъ бороться за свое существованіе, а центробѣжныя силы, таящіяся въ каждомъ языкѣ, оказали свое нивеллирующее вліяніе на англійскій дворъ.

---

[1]) Джоржъ Путтенгамъ: „The Arte of English Poesie“, 1859. Prof. Arber's „English Reprints“, 1869, p. 157.

Поэтому борьба между французскимъ и англійскимъ языкомъ изъ-за первенствующаго вліянія повела за собой распаденіе англійскаго языка почти на такое количество нарѣчій, сколько было различныхъ графствъ въ странѣ; въ теченіи двѣнадцатаго, тринадцатаго и первой половинѣ четырнадцатаго столѣтій, не могъ образоваться общій литературный языкъ. Англійскому языку приходилось отстаивать свою самостоятельность и противъ нормандскаго и противъ центрально-французскаго единовременно, прежде чѣмъ возможно было возникнуть литературному языку. Джонъ Тревиза, изъ Корнваллиса, южанинъ и современникъ Чосера, говоритъ въ своемъ переводѣ «Polychronicon'a» Гейдена (Higden): «всѣ нарѣчія нортумберландцевъ... такъ рѣзки, жестки и грубы, такъ необработаны, что мы, южане, съ трудомъ ихъ понимаемъ».—«Вотъ почему жители средней Англіи, находясь между двумя окраинами, лучше понимали и южныя и сѣверныя нарѣчія, нежели югъ и сѣверъ понимали другъ друга».

Изъ вышеприведенныхъ цитатъ легко можно вывести заключеніе, что чувствовалась потребность въ какомъ либо общемъ діалектѣ, и изъ самаго хода дѣла было ясно, что діалектъ средней Англіи долженъ былъ стать этимъ общимъ языкомъ.

Въ концѣ четырнадцатаго столѣтія были на лицо всѣ необходимыя условія для этого, и подобно тому, какъ нарѣчіе Иль-де-Франсъ стало источникомъ новѣйшаго французскаго языка, кастильское нарѣчіе—испанскаго, такъ и Лондонъ, центръ политической, коммерческой и интеллектуальной жизни Англіи, сдѣлался очагомъ будущаго англійскаго языка. Изъ этого не слѣдуетъ выводить заключеніе, что въ Лондонѣ всегда говорили на средне-англійскомъ діалектѣ. Напротивъ, лондонское нарѣчіе носило сначала южно-англійскій и саксонскій характеръ, что явствуетъ изъ древнѣйшаго Лондонскаго документа, извѣстной прокламаціи Генриха III на англійскомъ языкѣ [1]).

Въ этомъ документѣ мы находимъ признаки средне-англійскаго вліянія, въ особенности въ частомъ употребленіи окончанія множественнаго числа настоящаго времени, изъявительнаго наклоненія на en; но какъ вліяніе средне-англійскаго нарѣчія, такъ равно и преобладаніе южно-англійскаго нарѣчія, суть естественныя послѣдствія географическаго положенія Лондона. Даже до половины четырнадцатаго столѣтія Лондонское нарѣчіе, хотя и принявшее окончательно характеръ средне-англійскаго, сохраняетъ гораздо болѣе южно-англійскихъ характеристическихъ чертъ, нежели языхъ парламента и государственныхъ документовъ. Это легко можно доказать сравненіемъ этихъ документовъ съ образцомъ Лондонскихъ писаній, каково напр. «Прошеніе торговцевъ» («A Petition from the folk of Mercerye»), 1386 г.

---

[1]) Ср. Dr. L. Morsbach „Ursprung der N. E Schriftsprache“.

отпечатанное въ парламентскихъ актахъ [1]). (Vol: III). Произведенія Чосера носятъ отчасти средне-англійскій, отчасти же южно-англійскій, преимущественно Кентскій характеръ, что мы не находимъ въ Лондонскомъ нарѣчіи того времени.

Это объясняется отчасти тѣмъ, что семья его была родомъ изъ восточной части средней Англіи, а именно изъ Ипсвича, а отчасти тѣмъ фактомъ, что онъ много читалъ, обладалъ обширными знаніями, былъ консервативенъ по своимъ тенденціямъ, а далеко не тѣмъ радикальнымъ новаторомъ, какимъ его многіе считали. Частое употребленіе имъ Кентскихъ формъ, какъ *fulfelle* вмѣсто *fulfille*, и *hed* вмѣсто *hid*, приписываютъ его постоянному пребыванію въ Гринвичѣ послѣ 1385 г. и сношеніями съ этимъ графствомъ [2]).

Элементы восточно-средней Англіи.

Не трудно прослѣдить, какъ Лондонское нарѣчіе измѣняло свой характеръ подъ вліяніемъ какъ южнаго и саксонскаго нарѣчій, такъ средне и древне англійскаго.

Лондонъ былъ мѣстомъ, куда стекались люди всѣхъ сословій, центромъ англійской торговли, резиденціей правительства и двора. Средне-англійское нарѣчіе было единственнымъ, болѣе или менѣе хорошо понимаемымъ всѣми. Жители Лондона, хотя бы изъ чисто коммерческихъ видовъ, были вынуждены отказаться отъ своихъ южныхъ особенностей говора, а географическое положеніе города естественно склонило ихъ къ предпочтенію восточнаго нарѣчія западному. Въ парламентскихъ и другихъ государственныхъ документахъ естественно должны были преобладать болѣе употребительныя формы языка, а такъ какъ сѣверная и средняя часть Англіи была гораздо обширнѣе южной, то естественно, что въ этомъ языкѣ сѣверный элементъ преобладалъ надъ южнымъ, по сравненію съ діалектомъ Лондона, находившагося по своему географическому положенію, совсѣмъ въ другихъ условіяхъ [3]).

Остается принять во вниманіе два вопроса. Какимъ образомъ восточное Средне-Англійское нарѣчіе стало литературнымъ языкомъ? И какимъ образомъ этотъ литературный языкъ сдѣлался обиходнымъ языкомъ всѣхъ образованныхъ людей, что, какъ мы видѣли раньше, началось во времена Путтингама?

Вліяніе литературы.

Были попытки доказать, что не Лондонъ былъ колыбелью литера-

---

1) Перепечатано съ манускриптовъ Морсбахомъ (op. cit. Appendix).

2) См. Skeat. „Объ употребленіи Чосеромъ Кентскаго діалекта (Phil. Soc. Traus., 1894 г.).

3) Не безполезно будетъ привести по типичному примѣру каждаго изъ главныхъ Ср. Ан. діалектовъ въ четырнадцатомъ столѣтіи: Сѣверъ — a) Востокъ, — York Plays; b) западъ. „Sire Gawainand the Grene Knight“ — Средняя Англія — a) Востокъ — Чоссръ; b) западъ - Chester Plays, Ланглендъ, Югъ — „Bevis of Hamtoune“, Кентъ „Aynbite of Inwit“.

турнаго языка, а сосѣдній Рутландъ [1]). Съ другой стороны, Морсбахъ пытался доказать, что новѣйшій литературный англійскій языкъ непосредственно происходитъ отъ англійскаго языка, на которомъ говорили лондонскіе граждане во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія, судить о которомъ можно по документамъ того времени. Онъ не отрицаетъ того, что Виклифъ и Чосеръ имѣли кое какое вліяніе, но утверждаетъ, что вліяніе это было не главнымъ стимуломъ. По всей вѣроятности истина находится между этими двумя крайностями. Морсбахъ совершенно упустилъ изъ виду то обстоятельство, что Лондонскій говоръ купцовъ никоимъ образомъ не могъ обратиться въ литературный языкъ помимо авторитетнаго вліянія какого нибудь великаго литературнаго генія, подобнаго Чосеру, тѣмъ болѣе что вся литература въ теченіи цѣлаго вѣка послѣ его смерти была создана школой поэтовъ, рабски ему подражавшихъ.

Чосеръ былъ уроженцомъ Лондона, но онъ былъ также придворнымъ, а потому его діалектъ, хотя вполнѣ лондонскій, имѣлъ общій характеръ, и соединялъ въ себѣ элементы какъ средней Англіи, такъ равно и южной, элементы не присущіе лондонскому нарѣчію. Если бы не было Чосера, то не было бы и «Школы Чосера», и, по всей вѣроятности непоявилось бы ни единаго произведенія Говера, и хотя все это не болѣе какъ предположенія, но весьма вѣроятно, что въ такомъ случаѣ Лангланду пришлось бы въ одно время быть отцомъ и новаго англійскаго языка, и англійской поэзіи. Преданія какъ языка, такъ и литературы были бы почерпнуты изъ западной средней Англіи, а не изъ восточной [2]), а если мы припомнимъ, какое сильное вліяніе имѣли на Спенсера западныя средне-англійскія традиціи, даже при настоящемъ положеніи вещей, то это не покажется слишкомъ рискованной гипотезіей. Западъ былъ очагомъ консерватизма, архаическихъ формъ, мѣстомъ возрожденія аллитераціи. Чосеръ былъ представителемъ восточныхъ средне-англійскихъ традицій. Востокъ средней Англіи попалъ подъ датское и нормано-французское вліяніе, что выражается и въ языкѣ и въ литературѣ. Въ этомъ смыслѣ, первые писатели восточной средней Англіи, и, въ ихъ числѣ Робертъ Маннингъ Бруннъ могутъ считаться предшественниками Чосера. Робертъ безъ сомнѣнія занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду писателей, непосредственно предшествовавшихъ Чосеру, но его нельзя

Чосеръ. Притязанія Роберта Маннинга Брунна.

---

[1]) Ср. Freeman, Norman Conquest; Kington Oliphant въ своей „Древняя и Средняя Англія“, говоритъ: „нашъ классическій языкъ не возникъ въ Лондонѣ или въ Оксфордѣ“; хотя въ позднѣйшемъ своемъ произведеніи, „Новый англійскій языкъ“ (The New English), 1886 г. онъ значительно смягчилъ свое мнѣніе.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что разница между восточно и западной средней Англіей, гораздо меньше, чѣмъ между югомъ и средней Англіей.

назвать «патріархомъ» [1]) новой литературы съ большимъ правомъ, чѣмъ Виклифа или автора «Havelok'a», и «King Horn'a», или наконецъ поэтовъ школы Кедмона. Этотъ титулъ можно дать, (если вообще его можно дать кому либо) человѣку, который, будучи гражданиномъ столицы, придворнымъ, и геніемъ, произвелъ творенія чрезвычайно популярныя, распространенныя въ публикѣ, творенія, написанныя намѣренно на томъ самомъ діалектѣ, на которомъ говорили его сограждане, на діалектѣ, признанномъ народной мудростью гораздо полезнѣе всякаго другого; человѣку, давшему лучшія гарантіи, что этотъ діалектъ будетъ общепринятымъ, и сдѣлавшему литературнымъ языкомъ нарѣчіе, бывшее нѣкогда лишь болѣе распространенной формой языка. «Виклифъ» (мы цитируемъ одного изъ величайшихъ авторитетовъ по этому предмету) «подготовилъ народную массу къ принятію литературнаго языка; но Чосеръ былъ иниціаторомъ того литературнаго движенія, которому языкъ обязанъ своимъ развитіемъ въ послѣдующія столѣтія» [2]). Почти такъ-же трудно было бы доказать, что Лютеръ былъ безполезенъ въ развитіи нѣмецкаго языка, какъ и то, что Чосеръ ничего не сдѣлалъ для развитія англійскаго. Вліяніе его искусства и его языка на поэзію замѣтно въ теченіи всего пятнадцатаго столѣтія и большей части шестнадцатаго, а языкъ прозаическій, (хотя нельзя того же вполнѣ сказать о слогѣ), какъ видно изъ изданій Кекстона, такъ же обязанъ ему. Кекстонъ много трудился надъ упроченіемъ будущности новаго литературнаго языка; во первыхъ онъ всегда употреблялъ его въ своихъ переводахъ [3]), а во вторыхъ введеніемъ книгопечатанія онъ распространилъ его. Но однако ему пришлось преодолѣвать много затрудненій. Такъ онъ разсказываетъ намъ въ своемъ прологѣ къ переводу Энеиды, что многіе претендовали на него за то, что онъ употреблялъ, слишкомъ странные термины, не понятные для обыкновеннаго читателя, и требовали, «чтобы я прибѣгалъ къ старымъ обыденнымъ терминамъ (т. е. діалектическимъ формамъ) въ моихъ переводахъ. Другіе, особенно же ученые требовали чтобы я употреблялъ самыя изысканныя термины, какіе только смогу найти». «Но заканчиваетъ онъ: по моему мнѣнію обыкновенные термины, ежедневно употребляемые, болѣе понятны, чѣмъ древній англійскій языкъ». И очевидно, что онъ намекаетъ на лондонское нарѣчіе, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ своего пролога, онъ замѣчаетъ, что обыденный англійскій языкъ, на «которомъ говорятъ въ графствахъ, различенъ»; а затѣмъ разсказываетъ исторію одной женщины изъ Кента, которая

Кекстонъ.

---

[1]) Фриманъ. и Кингтонъ Олифантъ считали Роберта Маннинга отцемъ англійскаго литературнаго языка.

[2]) Fen-Brink. „Языкъ Чосера и его версификація“, 1884 г.

[3]) Печатая переводъ Тревиза „Polychronicon“, Гайгдена, въ 1482 г. онъ вездѣ замѣнилъ юго-западный діалектъ лондонскимъ, о чемъ было упомянуто выше.

никакъ не могла понять нѣкоторыхъ странниковъ, требующихъ у нея «eggs» (яйца), такъ какъ ей извѣстно было только чисто англійское названіе «eyren». И такъ Какстонъ, употребляя въ печати лондонскій діалектъ, создалъ изъ него литературный языкъ; но это ему никогда не удалось бы, если бы въ предшествующемъ вѣкѣ Чосеръ не далъ первый толчекъ этому движенію. Не только фонетическія и этимологическія формы языка имѣли свое начало въ это время, но, на сколько возможно было произвести изслѣдованія въ этомъ смыслѣ, и синтаксисъ англійскаго языка зародился въ томъ же столѣтіи. Нѣтъ той формы языка, которая нынѣ въ ходу, и которую мы не могли бы отыскать либо въ зародышѣ, либо въ состояніи полнаго развитія въ четырнадцатомъ столѣтіи. Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе и на тотъ фактъ, что англійскій языкъ того времени сильно подпалъ подъ вліяніе французскаго синтаксиса, принялъ французскія формы выраженія, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда родной языкъ не обладалъ нужными выраженіями, но и въ тѣхъ, когда восточно-англійское нарѣчіе было подъ рукой. Дошло до того, что не менѣе трехъ-четвертей восточно французскихъ выраженій, могутъ быть найдены въ англійскомъ языкѣ четырнадцатаго столѣтія. А такъ какъ писатели восточной части средней Англіи болѣе всего подпали подъ вліяніе французскаго языка по отношенію къ этимологіи, къ литературнымъ формамъ, и т. д., то новое сравнительное изученіе историческаго синтаксиса, прибавляетъ только новое доказательство истины вышесказаннаго [1]).

Французское вліяніе на грамматику.

Что касается хода развитія языка послѣ Какстона, и того пути, по какому литературный языкъ преобразился въ разговорный, принятый образованнымъ классомъ всей страны, то мы имѣемъ гораздо меньше свѣдѣній объ этомъ. Что касается перваго изъ этихъ вопросовъ, то затрудненіе чрезвычайно увеличивается тѣмъ фактомъ, что хотя въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ произошло много важныхъ измѣненій въ древней орфографіи, подобно тому какъ это случилось напр. въ Германіи, — измѣненій служащихъ обыкновенно признакомъ зарожденія литературнаго языка, орфографія наша въ общемъ нынѣ таже, какая была и въ средніе вѣка, но произношеніе наше весьма различно [2]). Измѣненія же, предпринятыя въ шестнадцатомъ столѣтіи въ орфографіи, повели только въ окончательной путаницѣ. Многіе пытались писать фонетически правильно, но

Разговорный и литературный языкъ.

---

[1]) Доказательства и объясненія этого замѣчанія см. Гл. IV въ исторіи Клуге „Geschichte der Englischen Sprache“. (Pauls Grundriss der germau. Philologie, Bd. I. Lieferung 5).

[2]) Chas. Buttler, въ своей англійской грамматикѣ, 1633 года, говоритъ: Въ нашемъ языкѣ сохранилось много слоговъ, которые, получивъ новое произношеніе, сохраняютъ старую орфографію, такъ что буквы, входящія въ ихъ составъ, не вѣрно передаютъ ихъ звукъ.

при этомъ нѣкоторые придерживались французской, другіе англійской системы, между тѣмъ какъ ученые пытались писать романскія слова согласно съ ихъ латинской этимологіей, забывая, что къ намъ они дошли черезъ посредство французскаго языка, и слѣдовательно измѣнилось и произношеніе ихъ и правописаніе. Этимъ объясняется присутствіе буквъ *d* и *l* въ такихъ романскихъ словахъ, какъ «a*d*venture» и «assau*l*t». Второй вопросъ, упомянутый выше, тоже далеко не ясенъ.

Не слѣдуетъ забывать, что въ концѣ шестнадцатаго столѣтія существовало лишь неполное сходство между разговорнымъ языкомъ образованнаго класса и литературнымъ. И даже къ наше время разговорный языкъ образованнаго класса лишь отчасти приближается къ классическому англійскому языку. Безъ сомнѣнія популяризація литературы и въ особенности «Разрѣшенное толкованіе Библіи» (The Autorised Version of the Bible), служили главными факторами распространенія классическаго языка.

Шотландскій языкъ.

Наконецъ не слѣдуетъ забывать и того обстоятельства, что сѣверное нарѣчіе низменной части Шотландіи (Lowland) въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіи имѣло свою собственную литературу, такъ что можно было ожидать, что изъ него выработается совершенно особый сѣверный классическій языкъ. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія ему начали присвоивать названіе «scotis», или «scots», вмѣсто прежняго «inglis». Но даже Ковенъ Дугласъ (Cawin Duglas), который говорилъ о своемъ языкѣ какъ о самостоятельномъ «языкѣ шотландскаго народа», былъ настолько подъ вліяніемъ Чосера, что его нарѣчіе не было чисто сѣвернымъ, а въ концѣ шестнадцатаго столѣтія сѣверный языкъ, какъ литературный посредникъ, прекратилъ свое существованіе. Главною причиною этого было отсутствіе перевода Библіи на шотландскій языкъ. Въ 1542 году былъ изданъ для народа Новый Завѣтъ, на «вульгарномъ шотландскомъ языкѣ», а Библія на англійскомъ языкѣ была издана въ Шотландіи въ 1576—9 году. Даже переводъ псалмовъ Нокса чаще издавался на англійскомъ, чѣмъ на шотландскомъ языкѣ, а большое количество изданныхъ имъ книгъ носятъ явные признаки англійскаго вліянія. Итакъ въ началѣ семнадцатаго столѣтія лондонскій діалектъ подчинилъ себѣ всю англійскую литературу.

Земледѣліе

Корбетта.

Въ очеркѣ Ланкастерскаго и Іоркскаго періода мы упомянули о тѣхъ мрачныхъ сторонахъ, которыми отличалась исторія земледѣлія этого

періода, и которыя, будучи въ началѣ не особенно важными, постепенно усиливались въ своей интенсивности по мѣрѣ приближенія пятнадцатаго столѣтія. Теперь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на причины такого положенія вещей.

Первая изъ нихъ заключалась въ абсолютной неподвижности земледѣлія этого періода. Въ теченіи всего періода, раздѣлявшаго крестьянское возмущеніе Вата Тайлера отъ возстанія Кета въ 1549 г. не было введено ни единаго усовершенствованія. Употребленіе клевера, корнеплодныхъ и другихъ кормовыхъ травъ было неизвѣстно; паханіе заключалось почти лишь въ царапаніи земли, осушка почвы и унаваживаніе находилось въ пренебреженіи и даже удобреніе мергелемъ выводилось изъ употребленія. Волы предпочитались лошадямъ въ земледѣльческихъ работахъ, потому что первые требовали меньше расхода по содержанію зимой, не нуждались въ подковкѣ, и могли кромѣ того служить и въ пищу людямъ, а конскаго мяса не употребляли. А между тѣмъ общественныя пастбища во многихъ мѣстахъ были настолько плохо ограждены и защищены, трава росла на нихъ столь скудная, что почти невозможно было содержать на нихъ рабочій скотъ на столько хорошо, чтобы онъ былъ въ тѣлѣ. Пріостановка въ прогрессѣ земледѣлія.

Что касается садоводства и разведенія «такихъ травъ, плоды и корни которыхъ ежегодно произрастаютъ изъ сѣмянъ»—бывшихъ въ хорошемъ положеніи во дни Эдуардовъ — то намъ извѣстно, что съ теченіемъ времени они тоже впали въ пренебреженіе, такъ что отъ временъ Генриха IV до послѣднихъ лѣтъ царствованія Генриха VII и начала царствованія Генриха VIII, они мало или вовсе не были приняты въ Англіи; овощи были неизвѣстны или же считались пищей, болѣе годной для свиней и дикихъ звѣрей, чѣмъ для людей. Общій интересъ къ сельскому хозяйству, который во времена Плантагенетовъ вызвалъ произведенія въ родѣ «Le Dite de Husbondrie», совершенно исчезъ и въ пятнадцатомъ столѣтіи не было ни одного писателя, который сдѣлалъ бы попытку издать что нибудь лучшее трактата Вальтера Генлея. Напротивъ, его руководствомъ предоставлялось земледѣльцамъ пользоваться, какъ единственнымъ существующимъ наставленіемъ въ земледѣліи, и не раньше какъ въ 1523 г., когда появилась новая книга о сельскомъ хозяйствѣ, изданная Фицгербертомъ, бывшимъ по всей вѣроятности судьей, люди впервые начали сознавать, что совѣты писателя тринадцатаго столѣтія нѣсколько устарѣли. Первымъ плодомъ этого сознанія было введеніе культуры хмѣля въ юго-восточныхъ графствахъ, по случаю котораго легенда говоритъ:

«Индюки, хмѣль, реформація и пиво въ одинъ и тотъ же годъ нагрянули на Англію».

„Turkies, hoppes, reformation and beer,
Came into England all in one year“.

Но несмотря на это, разведеніе хмѣля долго еще послѣ реформаціи пребывало въ первобытномъ состояніи и весьма мало практиковалось, что видно изъ того обстоятельства, что о немъ не упомянуто у Фицгерберта, и первый трактатъ, касающійся этого предмета, былъ написанъ лишь въ 1574 году Реджинальдомъ Скотомъ. Тоже самое можно сказать и о главномъ улучшеніи, за которое горячо ратовалъ самъ Фицгербертъ, хотя ни одинъ изъ его современниковъ неоспаривалъ преимуществъ этого улучшенія. Въ своей книгѣ о надзорѣ «Book of Surveying», въ послѣдней главѣ, онъ рекомендуетъ систему оградъ въ общирномъ значеніи этого слова, указывая на то, что система открытыхъ поселковъ—«champaigne village», съ неогражденными полями и пастбищами,—должна быть выведена изъ употребленія, а вмѣсто этого земля должна быть раздѣлена на участки, огражденные заборами—«several closes», т. е. на безконечныя узкія поля, окруженныя каждое отдѣльнымъ заборомъ,—система столь извѣстная въ наше время. Ввести эту систему значило разъ навсегда положить конецъ древнему общинному земледѣлію, и раздѣлить поля на извѣстное число участковъ въ одинъ акръ или въ полу-акръ, разбросанныхъ по пахати. Система эта повлекла бы за собой и упраздненіе общаго права выпаса, которымъ пользовались въ одинаковой мѣрѣ всѣ по всему пространству поля, съ котораго былъ снятъ хлѣбъ.

Но разъ система эта была бы введена, и поля равномѣрно раздѣлены, всѣ оказались бы въ выигрышѣ, такъ что участки, приносившіе раньше ежегодный доходъ въ двадцать марокъ, должны были увеличиться въ цѣнности на двадцать фунтовъ; потому что при новой системѣ каждый имѣлъ бы право поступать со своимъ участкомъ, какъ ему заблагоразсудится, будучи избавленъ отъ вмѣшательства сосѣдей, а доходы сельскаго хозяина естественно должны бы были увеличиться, такъ какъ и скотъ, и хлѣба́ были бы лучше ограждены. Даже для простыхъ батраковъ, не обладающихъ земельной собственностью, перемѣна эта была бы выгодна, такъ какъ требовалось бы меньше пастуховъ, а больще грабарей и рабочихъ, дѣлающихъ плетни. Огражденіе заборами полей дало бы также возможность соблюдать большую пропорціональность въ соотношеніи пахатнаго поля къ пастбищу, изъ коихъ послѣднее было рѣшительно не достаточнымъ, такъ какъ при лучшей обработкѣ требовалось бы меньшее количество пахатнаго поля. Всѣ эти и еще нѣкоторые аргументы были высказаны Фицгербертомъ, но они, повидимому, мало оказали вліянія на консерватизмъ его читателей, за исключеніемъ, можетъ быть, Эссекса и Суффолька. Намъ извѣстно, что внѣ черты этихъ двухъ графствъ Англія продолжала владѣть полями совершенно не огражденными до восемнадцатаго столѣтія.

Причины застоя.

Причины этой абсолютной неподвижности не вполнѣ понятны, и съ одинаковой вѣроятностью ихъ можно искать въ разныхъ направле-

ніяхъ; напр. въ распространенномъ обычаѣ отдачи земель въ аренду, и какъ слѣдствіе, вытекающее изъ этого обычая, удаленіе землевладѣльцевъ изъ ихъ имѣній, въ общемъ безпорядкѣ, вызванномъ гражданскими войнами, подкапывающимися подъ всякій трудъ, въ ростѣ торговли и поглощеніи ею всѣхъ промышленныхъ силъ страны. Упадокъ монастырей.

Все вышеперечисленное, безъ сомнѣнія, играло нѣкоторую роль въ застоѣ, но намъ остается упомянуть еще о томъ, что, по всей вѣроятности, было главной причиной этого порядка вещей; этотъ факторъ дѣйствовалъ въ теченіи всего пятнадцатаго столѣтія и составлялъ одну изъ самыхъ мрачныхъ чертъ этого періода. Этотъ факторъ былъ незамѣтное, но безпрерывное паденіе, къ которому постепенно приближались монастыри,—паденіе, въ которомъ нельзя сомнѣваться и которое грозило наравнѣ большимъ и незначительнымъ монастырямъ. Въ прежнія столѣтія монахи всегда были во главѣ земледѣлія, и если вводилось какое либо улучшеніе, то ихъ обязательно можно было считать піонерами.

Но теперь они, вслѣдствіи различныхъ причинъ, всѣ обѣднѣли, и хотя, какъ мы уже видѣли, они оставались ленными лордами—землевладѣльцами, они потеряли всякую энергію. Первый симптомъ потери ими своего первенствующаго значенія въ земледѣліи выразился въ ихъ нежеланіи принять фермерскую систему, такъ какъ многіе изъ нихъ продолжали вести хозяйство посредствомъ повѣренныхъ (bailliffs).

Къ счастію въ этомъ отношеніи дурной примѣръ съ ихъ стороны не дѣйствовалъ особенно чувствительно, но въ другихъ отношеніяхъ дѣло обстояло иначе.

Такъ напр. прежніе монахи были отличными дѣльцами, и съумѣли закрѣпить за собой всѣ, хотя бы и самомалѣйшія владѣльческія права; но затѣмъ помѣстные судилища пришли въ безпорядокъ; отчеты велись плохо; управители и повѣренные злоупотребляли своею властію; и если бы не документы помѣстій, сохранившіеся въ судебныхъ реестрахъ, и не ленные доходы, то древняя юрисдикція подверглась бы опасности совсѣмъ выйти изъ употребленія. Что касается внутреннихъ путей сообщенія страны, монахи прежняго времени ревностно строили и ремонтировали дороги; нынѣ же дороги и мосты пришли въ упадокъ, и не было ни одного человѣка, обладающаго въ достаточной степени общественнымъ духомъ, чтобы этому воспрепятствовать. На сколько въ свое время монастыри были полезны, и какимъ важнымъ факторомъ они были, лучше всего явствуетъ изъ того вліянія, какое ихъ упадокъ имѣлъ на бѣдные классы населенія. Съ самаго начала своего основанія они были главными благотворителями, а потому лишь только одни изъ нихъ обѣднѣли, другіе предались роскоши и расточали свои богатства; не оказалось никого, къ кому больной или бѣднякъ могъ бы обратиться

въ случаѣ нужды. Для большей части пахарей это былъ весьма серьезный вопросъ, такъ какъ въ силу статута заработная плата была весьма низка, а потому въ тѣхъ случаяхъ, когда они, почему либо, теряли свои обыкновенные рессурсы, у нихъ не было возможности выбиться изъ своего бѣдственнаго положенія ни по личной иниціативѣ, ни прибѣгнувъ къ общественному учрежденію.

Въ силу всего этого быстро возрастало полное раззореніе и страна переполнялась нищими, между тѣмъ какъ въ то же самое время ихъ положеніе еще ухудшалось тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ разъ въ это время произошелъ переломъ въ системѣ культуры, лишавшій заработка все большее и большее число людей.

Развитіе овцеводства.

Хотя мы и не говорили до сихъ поръ о вышеименованномъ переломѣ, но онъ былъ однимъ изъ характернстичнѣйшихъ признаковъ этого періода. Онъ заключался въ постепенномъ преобладаніи овцеводства въ ущербъ землепашеству. Мы уже упомянули о началѣ этого движенія въ одной изъ предъидущихъ главъ, и приписали его дороговизнѣ и недостатку рабочихъ силъ, вслѣдствіе моровой язвы (Черной Смерти), такъ какъ одно изъ преимуществъ овцеводства заключается именно въ томъ, что оно не требуетъ такого большого количества рабочихъ. Въ четырнадцатомъ столѣтіи оно, однако, не принимало очень обширныхъ размѣровъ, и лишь въ пятнадцатомъ возрастаніе его стало вызывать активное сопротивленіе. По выраженію, принятому въ тѣ времена, это движеніе называлось «отгораживаніемъ» (enclosing); но названіе это не точно, такъ какъ оно не имѣло ничего общаго съ системой, рекомендованной Фицъгербертомъ подъ этимъ названіемъ. Можетъ быть и есть кое что общее между ними, но главная отличительная черта этого движенія заключалась въ стремленіи обращать наивозможно большую часть земли въ постоянное пастбище, и притомъ пользоваться этимъ послѣднимъ исключительно для овцеводства. Если встрѣчались дома, то ихъ или предоставляли разрушаться, или сносили ихъ, лишь только представлялась возможность выселить ихъ обитателей.

Попытки остановить упадокъ земледѣлія.

Само собой разумѣется, что въ началѣ движенія землевладѣльцы на основаніи статута Мертона ограничивались лишь тѣмъ, что окружали плетнями какъ возможно большее пространство выгонной земли, не снося построекъ и не выселяя фермеровъ; но разъ они находили выгоднымъ для себя это дѣло, то, понятно, что они не останавливались на этомъ. За выгонами слѣдовала обыкновенно часть поля изъ общаго владѣнія, принадлежащая землевладѣльцу, пахари фермъ отпускались, а владѣльческія зданія разрушались. Такъ, напр. въ Честертонѣ возлѣ Кембриджа уже въ 1414 г. новая система достигла этой степени развитія, въ ущербъ арендаторамъ, жалующимся на то, что «разрушаются усадьбы, т. е. залы и жилыя комнаты, а также другія экономическія постройки, и не остается ни одного зданія, за

исключеніемъ кошарни, свиныхъ хлѣвовъ и другихъ построекъ для скота». Но поступая такимъ образомъ, какъ бы ни бѣднѣли отъ этого земледѣльцы, лишившіеся работы, и сельскіе ремесленники, не имѣвшіе больше случая поправлять постройки, лорды-землевладѣльцы не переходили предѣловъ своихъ правъ.

Но многіе шли еще дальше, безсовѣстно захватывая всѣ выпасы, частью силой, частью скупая у мелкихъ владѣльцевъ ихъ права; послѣ этого вопросъ заключался лишь во времени, такъ какъ раньше или позже эти послѣдніе оставляли всю свою землю, потому что пахать, не имѣя пастбища, было совершенно безполезно. Во всякомъ случаѣ, однако, тамъ, гдѣ мелкіе землевладѣльцы обладали лишь маленькими коттеджами, пополняя свой скудный доходъ работой на сторонѣ, получался тотъ же результатъ, хотя бы лордъ-землевладѣлецъ и не прибѣгалъ къ противузаконнымъ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ помѣстье за помѣстьемъ пустѣло, а если жители и выдерживали, то они впадали въ такой безнадежный пауперизмъ, что нечего удивляться тому, если по временамъ происходили смуты, и народъ собирался вооруженными толпами съ цѣлью разрушить изгороди. Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія было подобное возстаніе, а въ 1436 году цѣны на зерно до того пали, что парламентъ испугался и издалъ актъ съ цѣлью поднять цѣну на хлѣбъ и поддержать такимъ образомъ хлѣбопашество. Въ 1463 году парламентъ издалъ дополненіе къ предшествующему акту, въ силу котораго воспрещался ввозъ заграничнаго зерна, на случай, если цѣна на хлѣбъ будетъ стоять ниже 6 ш. 8 д.

Но результаты подобныхъ усилій были ничтожны, и во все продолженіе царствованій Эдуарда IV и Генриха VII новая система быстро развивалась. Такъ мы читаемъ, что въ Стреттонъ Баскервиллѣ, въ Варвикширѣ, Томасъ Туайфордъ началъ выселеніе въ 1489 г., разрушивъ четыре дома и три коттеджа, къ которымъ принадлежали 160 акровъ пахатной земли. Затѣмъ онъ продалъ эту землю Генриху Смиту, который послѣдовалъ его примѣру и пять лѣтъ спустя отгородилъ еще 640 акровъ земли, причемъ разрушилось двѣнадцать домовъ и коттеджей и восемдесятъ человѣкъ, обитавшихъ тамъ и занимавшихся земледѣліемъ, вынуждены были уйти и впали въ нищету.

Въ такомъ же родѣ книга статутовъ 1489 г., разсказываетъ, что островъ Уайтъ «въ послѣднее время совершенно лишился населенія, потому что зданія многихъ городовъ и селъ были разрушены, и вся мѣстность опустошена и населена лишь скотомъ». Во всей Англіи, какъ увѣряютъ насъ: «праздность ежедневно усиливается; потому что въ мѣстностяхъ, гдѣ прежде двѣсти человѣкъ были заняты и существовали своимъ законнымъ трудомъ, нынѣ занято лишь два или три пастуха». Старкей, придворный капелланъ въ слѣдующемъ царствованіи, говоритъ то же самое, только придаетъ своимъ словамъ болѣе сатирическій характеръ. «Тамъ, гдѣ раньше было много домовъ

и церквей во славу Господа Бога, вы не увидите нынѣ ничего, кромѣ кошарень и скотскихъ загоновъ на погибель людямъ, и не въ одной и не въ двухъ мѣстностяхъ, а вообще по всему государству». Наконецъ, если требуются еще доказательства о томъ страшномъ гнетѣ, который ложился на королевство, то стоитъ только привести слова Томаса Мора, дышащія негодованіемъ; онъ проситъ сочувствія читателя къ «этимъ хозяевамъ, которыхъ выбрасываютъ изъ ихъ домовъ, и либо обманомъ, либо жестокими притѣсненіями удаляютъ, или же до того утомляютъ обидами и притѣсненіями, что они вынуждены бываютъ все продать»; затѣмъ онъ обличаетъ нобльменовъ и джентльменовъ: «нобльмены и джентльмены, даже нѣкоторые аббаты не оставляютъ земли для обработки, они всю ее окружаютъ плетнями и обращаютъ въ пастбища, а дома разрушаютъ; они разваливаютъ цѣлые города, такъ что ничего не остается кромѣ церкви, которую они обращаютъ въ кошарню».

Торговля и промышленность.

Саймса.

Цѣны и уровень комфорта.

Мы уже видѣли, что пятнадцатое столѣтіе далеко не было «золотымъ вѣкомъ для труда», какимъ его описывали многіе писатели. Тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что народныя массы въ Англіи въ царствованіе Генриха VII были обезпечены относительно самаго необходимаго для жизни больше, чѣмъ во всякое другое царствованіе до королевы Викторіи. Во времена Генриха VII рабочій могъ обыкновенно выработать отъ двухъ до трехъ шиллинговъ въ недѣлю, работая не болѣе восьми часовъ въ сутки [1]), между тѣмъ какъ цѣны на жизненные припасы составляли въ общемъ лишь одну двѣнадцатую стоимости по сравненію съ стоимостью ихъ въ наше время. Хорошее мясо можно было купить за одинъ фартингъ за фунтъ; галлонъ пива стоилъ полъ пенни. Квартирная плата и цѣна на топливо были во многихъ мѣстахъ до крайности незначительны. Съ другой стороны ише-

[1]) По видимому это было наибольшее число рабочихъ часовъ въ серединѣ пятнадцатаго столѣтія. Но актомъ, изданнымъ на одиннадцатый годъ своего царствованія, Генрихъ VII назначилъ maximum рабочихъ часовъ двѣнадцать часовъ въ теченіи времени отъ марта до сентября, а для остальныхъ мѣсяцевъ отъ восхода до захода солнца. Это безъ сомнѣнія было назначено лишь какъ maximum, но, однако, трудно предположить, что восьми-часовой рабочій день считался обязательнымъ, когда былъ изданъ этотъ актъ.

ничный хлѣбъ, чай и другія удобства жизни, которыми теперь бѣдный классъ изобильно пользуется, въ тѣ времена были недоступны ему; и многія условія его жизни были менѣе гигіеничны, опаснѣе и менѣе пріятны, чѣмъ тѣ, при которыхъ въ наше время живутъ даже самые бѣдные. Царствовало насиліе и притѣсненіе, мало представлялось случаевъ для путешествій, образованіе было ничтожно, газеты не существовало. Чума и другія эпидеміи свирѣпствовали часто. Такъ въ самый годъ вступленія Генриха VII на престолъ (1485) ужасная эпидемія, «*потовая болѣзнь*» (sweating sickness), впервые появилась въ Англіи. Она быстро распространялась по странѣ и свирѣпствовала два мѣсяца, убивая почти всякаго, кто заболѣвалъ ею. Потомъ она исчезла; но отъ времени до времени опять появлялась; доктора не могли ни предсказать ея появленія, ни открыть средства для излеченія ея.

Политика Генриха VI

Постепенное уничтоженіе крѣпостничества (serfdom) и прекращеніе войнъ Алой и Бѣлой Розъ нѣсколько облегчили бѣдствія бѣднаго класса; а мудрое правленіе Генриха VII возстановило порядокъ и безопасность. Его мудрая политика мира и экономіи урегулировала національные рессурсы; и хотя его правленіе было хищническимъ и въ нѣкоторомъ родѣ притѣснительнымъ, но его вымогательства рѣдко касались массы; онъ сознавалъ, что ея благосостояніе можетъ наполнить его кассу деньгами, а возрастаніе ея вліянія можетъ составить противовѣсъ могуществу бурнаго дворянства, предки которыхъ вовлекли страну въ безконечныя гражданскія распри и поколебали могущество королей.

Процвѣтан мануфакту

Англія все еще продолжала быть по преимуществу страной земледѣльческой; главной нашей промышленностью все еще было производство шерсти и другаго сырья, который обрабатывался иностранцами. Но уже мы начинали выдѣлывать свое собственное сукно. Еще Эдуардъ III, въ 1331 году пригласилъ фламандскихъ ткачей, валяльщиковъ и красильщиковъ. Они научили своему ремеслу англичанъ; а при вступленіи на престолъ Генриха VII наши ремесленники были ужъ въ состояніи не только удовлетворять потребностямъ своей родины, но даже продавать свой товаръ иностранцамъ. Переломъ въ сельскомъ хозяйствѣ, вслѣдствіи котораго большая часть пахати была обращена въ пастбища, уменьшила спросъ на рабочія руки въ деревнѣ, и многіе изъ земледѣльцевъ, изгнанныхъ изъ селъ, отправлялись въ города, гдѣ постепенно находили работу на фабрикахъ. Такъ что въ это время сукно начало соперничать съ шерстью, кожей, со свинцомъ и оловомъ и заняло одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ ряду экспортныхъ товаровъ Англіи.

Вывозъ

Вывозъ попалъ главнымъ образомъ къ руки иностранцевъ. Тѣмъ не менѣе англійскіе купцы (Merchants of the Staple), получившіе хартію въ 1313 году, долгое время вывозили значительное количество

сырыхъ матеріаловъ. Въ царствованіе Генриха VII англійская вывозная торговля еще больше расширилась. Торговцы предприниматели получили хартію въ 1505 году, и мы имѣемъ доказательства того, что въ 1497 году они монополизировали многія изъ весьма важныхъ отраслей торговли съ Фландріей. Петиція, датированная этимъ годомъ, подтверждаетъ предположеніе, что англійскіе купцы пробили себѣ путь въ Испанію, Венецію и Голландію, да и вообще въ большую часть главныхъ портовъ, находящихся на берегу Атлантическаго океана, Средиземнаго моря, Британскаго канала и даже Балтійскаго моря. Но тѣмъ не менѣе наша внѣшняя торговля находилась главнымъ образомъ въ рукахъ пталіянцевъ, фламандцевъ, а больше всего въ рукахъ Ганзы. Эта германская ассоціація вступила въ соглашеніе съ Эдуардомъ IV (въ 1474 г.), въ которомъ англичанамъ предоставлялось право торговать свободно съ Балтійскими портами. Въ отплату за эти и еще за другія уступки ганзеатическіе купцы получили различныя привиллегіи, такъ что ихъ положеніе въ Англіи сдѣлалось еще болѣе выгоднымъ, чѣмъ было до того. Ихъ колонія, расположенная въ той части Лондона, гдѣ теперь находится «Cannon Street Station», сдѣлалась центромъ удачной торговли и вызывала зависть у англійскихъ соперниковъ. Окончательно разсѣялась она лишь въ 1597 году.

Новый свѣтъ. Наконецъ слѣдуетъ посвятить нѣсколько словъ великимъ морскимъ открытіямъ, благодаря которымъ царствованіе Генриха VII можетъ считаться эпохой въ исторіи европейской торговли. Въ 1492 году Христоформъ Колумбъ переплылъ Атлантическій океанъ и открылъ новую часть свѣта. Если бы тому не воспрепятствовала цѣлая серія случайностей, то это знаменитое путешествіе было бы совершено подъ покровительствомъ англійскаго короля. Благодаря же этимъ случайностямъ честь этого славнаго открытія, а также непосредственная выгода отъ него достались Испаніи. Но за то англійскій подданный, подъ покровительствомъ англійскаго флага, открылъ материкъ новой части свѣта. Это былъ Джонъ Каботъ, генуэзецъ по рожденію, поселившійся въ Бристолѣ, и оттуда отправившійся въ путь въ 1497 году.

Подобно Колумбу, и онъ задался цѣлью открыть морской путь въ Индію, но онъ избралъ болѣе сѣверное направленіе и достигъ Ньюфаундленда, какъ Колумбъ достигъ Вестъ-Индіи. Сынъ Кабота, Себастіанъ продолжалъ дѣло морскихъ открытій, и другіе бристольскіе купцы энергично принялись за торговлю; но много еще потребовалось времени, прежде чѣмъ могла возникнуть первая англійская колонія въ новооткрытой части свѣта. Тѣмъ не менѣе эти путешествія оказали съ самаго начала сильное вліяніе на соціальную жизнь Англіи: они вызвали духъ предпріимчивости и дѣйствовали на воображеніе. Представлялась возможность удовлетворить любопытству и корыстолюбію; и даже у тѣхъ, кому приходилось оставаться дома, благодаря разсказамъ путешественниковъ расширялся умственный кру-

говоръ. Между главными послѣдствіями открытія Америки мы можемъ упомянуть спеціально о тѣхъ выгодахъ, которыми воспользовались европейскіе народы, живущіе на крайнемъ западѣ. До тѣхъ поръ положеніе странъ, лежащихъ у Средиземнаго моря, болѣе всего благопріятствовало торговымъ цѣлямъ, и нѣкоторыя изъ этихъ странъ достигли наибольшей степени богатства и благополучія сравнительно съ остальными европейскими государствами. Но теперь Испанія, Португалія, Франція, Голландія и Англія быстро подвигались впередъ; и достаточно бросить взглядъ на карту Европы, чтобы убѣдиться, что положеніе этихъ странъ было наиболѣе благопріятно для сообщеній съ Америкой. Англія послѣ всѣхъ воспользовалась выгодой своего положенія. Но съ теченіемъ времени она превзошла всѣхъ своихъ соперницъ, и еще до смерти Генриха VII уже было много данныхъ къ тому, чтобы предполагать, что она вступила въ періодъ развитія судоходства.

Торговые трактаты.

Возрастающая торговля нашей страны, и тотъ интересъ, который принималъ въ ней король, явствуютъ изъ большаго количества торговыхъ трактатовъ, заключенныхъ въ это время. Между ними мы можемъ упомянуть о трактатахъ съ Даніей (1490), съ Флоренціей (1490 г.) и съ Фландріей (1496 г.). Всѣ они клонились къ поощренію свободной торговли между контрагентами. За образецъ подобныхъ трактатовъ мы можемъ принять такъ называемый «Intercursus Magnus», 1496 года. Онъ гарантировалъ свободу торговли между Англіей, Ирландіей и Кале съ одной стороны и Брабантомъ, Фландріей, Генегау, Голландіей и Мехельномъ съ другой. Купцы каждой изъ сторонъ имѣли право владѣть домами въ странѣ другой стороны. Служащіе при таможняхъ должны были осмотрительно и осторожно дѣйствовать при пріемѣ ввозимыхъ товаровъ; ни одна изъ націй, вступившихъ въ договоръ, не имѣли права допускать пиратовъ или частныхъ лицъ въ свои гавани, и купцы обязывались давать залогъ, равняющійся двойной цѣнности ихъ кораблей и товаровъ въ обезпеченіе того, что ихъ матросы не будутъ заниматься пиратствомъ. Торговля золотомъ и серебромъ должна была быть свободной.

Навигаціонные законы.

Другая сторона торговой политики Генриха VII обрисовывается тѣмъ фактомъ, что торговля между Англіей и южной Франціей ограничивалась законами, въ силу которыхъ товары перевозились на англійскихъ корабляхъ и англійскими мореплавателями. Бэконъ остроумно замѣчаетъ, что «эта политика Англіи вела отъ расчетовъ на *выгоду* къ расчетамъ на *власть*». Онъ указываетъ на тотъ фактъ, что «почти всѣ прежніе статуты» поощряли иностранцевъ «ввозить всевозможный товаръ, стремясь къ возможному удешевленію», но что Генрихъ VII соглашался пожертвовать дешевизной товаровъ, стремясь къ поощренію навигаціи. Въ теченіи времени это «покровительственная» политика не только укрѣпила, но и обогатила нашу страну.

Врядъ-ли Англіи удалось бы достичь своего морскаго преобладанія, если бы не существовало навигаціонныхъ законовъ, начало которымъ положилъ Генрихъ.

Зачатки меркантилизма.

Естественно, однако, что многое въ торговыхъ законоположеніяхъ Генриха основывалось на ошибочныхъ принципахъ. Государственный Канцлеръ, кардиналъ Мортонъ, обратился къ Парламенту съ требованіемъ поощрять народъ къ изученію искуствъ и ремеслъ, съ тѣмъ, чтобы государство могло болѣе существовать своими собственными силами, такъ чтобы «вывозъ нашихъ денегъ за иностранные товары» могъ быть остановленъ. Взглядъ на зависимость національнаго богатства отъ количества золота и серебра, ввозимаго въ страну, держался болѣе трехъ столѣтій и служилъ базисомъ нашего торговаго законодательства.

Онъ и до сихъ поръ сохраняется въ томъ весьма распространенномъ понятіи, что все то, что доставляетъ деньги въ страну, желательно. Но въ новѣйшихъ протекціонистскихъ доктринахъ это понятіе занимаетъ лишь второстепенное мѣсто. Въ настоящее время протекціонизмъ защищаетъ свою теорію тѣмъ положеніемъ, что благодаря ему правительство можетъ оказать покровительство британской промышленности. Въ законоположеніяхъ Генриха мы видимъ уже намеки и на это положеніе. Такъ актомъ одного изъ его парламентовъ (19 Henry VII, c 21) запрещается ввозъ «какой бы то ни было шелковой матеріи, самостоятельно служащей для одежды, или какъ украшеніе къ другимъ матеріямъ... лентъ, шнурковъ, поясовъ, сѣтокъ, корсетовъ изъ матеріи и кружевъ»; но «всякій шелкъ другого рода» можетъ свободно ввозиться. Очевидно, что цѣль этого акта заключалась въ томъ, чтобы не допускать ввоза такихъ шелковыхъ издѣлій, какія производились дома.

Протекціонизмъ.

Внутренняя торговля.

Англійская внутренняя торговля въ пятнадцатомъ столѣтіи все еще производилась посредствомъ ярмарокъ, которыя ежегодно открывались во многихъ центрахъ и продолжались обыкновенно нѣсколько дней. Стаурбриджская ярмарка ежегодно продолжалась цѣлый мѣсяцъ. Покупатели и продавцы стремились на эти ярмарки не только со всѣхъ частей Англіи, но и изъ отдаленныхъ странъ. Въ ихъ лавкахъ и балаганахъ продавались итальянскій шелкъ и бархатъ, французскія и испанскія вина, тонкое полотно изъ Фландріи, а также дербиширскій свинецъ и корнваллійское олово. Овцы и рогатый скотъ пригонялись на ярмарки со всѣхъ графствъ, а ганзеатическіе купцы привозили желѣзо, мѣдь, лѣсъ, зерно и много другихъ товаровъ изъ портовъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей. Между покупателями были также представители многихъ странъ. Нѣкоторые изъ нихъ покупали для потребленія, другіе для экспорта, а многихъ просто привлекало веселье ярмарки. Подобныя ярмарки, только въ меньшихъ размѣрахъ, бывали почти повсюду въ Англіи. Въ тѣ дни, когда народонаселеніе

было незначительно и разбросано, было, само собой разумѣется, мало лавокъ, и въ нихъ было немного товаровъ.

Нынѣшняя организація распредѣленія богатствъ еще не развилась. Различіе между купцомъ, фабрикантомъ, сидѣльцемъ и ремесленникомъ лишь зарождалось; а ярмарки доставляли главнымъ образомъ случай для всѣхъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ ничтожныхъ, коммерческихъ сдѣлокъ.

Между тѣмъ мануфактура пріобрѣтала все большее значеніе, и уже въ то время быстро распространилась. «Рѣдко можно было встрѣтить семью, не обладающую прялкой, рѣдкое помѣстье не имѣло полъ-дюжины ткацкихъ станковъ», но въ большей части Англіи ремесленники были въ то же время и земледѣльцами. То же самое можно было бы сказать почти что обо всѣхъ классахъ общества, отъ короля до монаха и бѣдняка-студента. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, а въ особенности въ Норфолькѣ, существованіе большей части народонаселенія зависило главнымъ образомъ отъ мануфактурной промышленности. Въ другихъ-же энергично занимались добываніемъ металловъ. Свинецъ Дербишира находилъ себѣ сбытъ во многихъ мѣстахъ континента, олово Корнваллиса все еще пользовалось прежней извѣстностью. Но каменнаго угля и желѣза добывалось еще мало. Мануфактура.

Окладные листы 1503 г. указываютъ на распредѣленіе богатствъ и промышленности между городами и графствами Англіи. Лондонъ, само собой разумѣется, былъ богаче всѣхъ городовъ. Бристоль еще разъ занялъ второе мѣсто, благодаря безъ сомнѣнія возрастанію торговли съ южными государствами Европы, такъ какъ открытіе Америки еще не могло произвести большаго увеличенія богатства города Бристоля. Таже самая причина объясняетъ, почему Глочестеръ занималъ пятое мѣсто въ ряду англійскихъ городовъ. Изъ графствъ Оксфордъ слѣдовалъ за Миддльэссексомъ, вѣроятно благодаря богатымъ пастбищамъ. Кумберландъ, Нортумберландъ и Ланкаширъ были наибѣднѣйшіе изъ графствъ; а западный раіонъ былъ не богаче ихъ. Распредѣленіе богатства.

Что касается мануфактуры, то главное измѣненіе, наступившее въ пятнадцатомъ столѣтіи, заключалось въ возрастаніи класса ремесленниковъ-капиталистовъ. Въ началѣ этого столѣтія нанимали работниковъ для обработки матеріаловъ, принадлежавшихъ землевладѣльцамъ, монастырямъ и т. д. Но во времена Генриха VII мы уже видимъ, что нерѣдко ремесленники пользуются своимъ матеріаломъ. Въ то время не существовало еще класса фабрикантовъ работодателей; само собой разумѣется не было и обширныхъ фабрикъ. Рабочій часто самостоятельно занимался ремесломъ, и продавалъ продукты своей работы потребителю или покупателю безъ посредничества другаго лица. Но цѣна, за которую онъ продавалъ свое издѣліе, обыкновенно назначалась его гильдіей, или обычаемъ, или закономъ. Гильдіи и ихъ правила.

Средневѣковая организація труда уже была описана нами выше. Но здѣсь мы можемъ упомянуть, что почти каждое ремесло имѣло свою гильдію, которая и опредѣляла правила, при соблюденіи которыхъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, только и можно было заниматься ремеслами. Всѣ эти правила главнымъ образомъ стремились къ тому, чтобы обезпечить заработокъ членамъ гильдіи и предупреждать то, что считалось неблаговиднымъ соперничествомъ между ними. Основывались онѣ иногда на королевскомъ разрѣшеніи, иногда-же на разрѣшеніи муниципалитетовъ. Онѣ часто обладали на практикѣ монополіей въ своемъ округѣ; часто такая монополія имѣла законное основаніе и, по видимому, принесла кое какую пользу, поддерживая достоинство издѣлій и достоинство членовъ гильдій.

Ученики. Никому не дозволялось заниматься какимъ либо ремесломъ, прежде чѣмъ главные члены гильдіи не удостовѣрятся какъ въ нравственности его, такъ и въ его знаніи даннаго ремесла, а это знаніе доказывалось продолжительнымъ обученіемъ, длившимся обыкновенно въ Англіи семь лѣтъ. Принятіе ученика происходило при торжественной церемоніи, послѣ которой онъ дѣлался членомъ семьи его нанимателя или хозяина, который обязанъ былъ не только учить его ремеслу, но и наблюдать за его нравственностью и поведеніемъ.

По окончаніи срока обученія онъ могъ стать полнымъ «гражданиномъ», заплативши предварительно обычную денежную дань и исполнивши общепринятыя формальности. Ни одинъ членъ гильдіи не имѣлъ права обладать орудіями, которыхъ гильдія не признала бы вполнѣ годными.

По отношенію къ методу работы и качеству матеріала соблюдалась строгая регламентація. Никто не имѣлъ права начать работу до восхода солнца, или продолжать ее послѣ вечерняго звона (curfew); запрещено было также работать въ церковные праздники, или же послѣ полудня наканунѣ двойнаго праздника. Число учениковъ которыхъ дозволялось держать каждому члену, тоже было строго опредѣлено, цѣны были урегулированы. Каждый членъ гильдіи, обѣднѣвшій благодаря несчастной случайности, имѣлъ право на поддержку. Члены не имѣли права судиться до тѣхъ поръ, пока не обратились сначала къ третейскому суду гильдейскихъ старшинъ. Религія играла выдающуюся роль въ гильдейской жизни. Каждая гильдія имѣла своего покровителя святого, и часто своего капеллана, одной изъ главныхъ обязанностей котораго была служить панихиды по душамъ усопшихъ членовъ. Крайности, до которыхъ доходили гильдіи въ регламентаціи ремеслъ, влекли часто за собой и серьезный вредъ. Генрихъ VII пытался положить этому предѣлъ актомъ, изданнымъ въ 1503 г. и запрещающимъ гильдіямъ издавать новые законы или распоряженія касательно цѣнъ на товаръ и на другіе предметы соображаясь съ ихъ личной выгодой, впредь до разсмотрѣнія этихъ

цѣнъ и утвержденія ихъ лордомъ канцлеромъ, лордомъ государственнымъ казначеемъ, и членами королевскаго суда. Мы увидимъ дальше, что эта политика пошла еще далѣе въ слѣдующемъ царствованіи. Но между тѣмъ ростъ внѣшней торговли нанесъ серьезный ударъ всей гильдейской организаціи. Съ распространеніемъ заграничныхъ рынковъ, съ каждымъ шагомъ по направленію къ раздѣленію труда, становилось все труднѣе и труднѣе регулировать заработную плату и цѣны, какой бы то ни было другой силой, кромѣ соперничества, и великое интеллектуальное движеніе, извѣстное намъ подъ названіемъ «Возрожденія», заставило людей сбросить съ себя оковы обычая и свернуть съ традиціоннаго пути въ дѣлахъ.

Перемѣщеніе центровъ промышленности.

Въ самомъ началѣ шестнадцатаго столѣтія раздаются жалобы на паденіе городовъ; оно вѣроятно было вызвано распространеніемъ шерстяной и льняной мануфактуры въ чертахъ селеній, съ цѣлью избѣжать гильдейскихъ ограниченій. Изъ многочисленныхъ парламентскихъ актовъ, изданныхъ между 1515 и 1545 г. мы выводимъ заключеніе, что большое число англійскихъ городовъ находилось именно въ такомъ положеніи. Съ другой стороны мы можемъ замѣтить, что возникновеніе класса ремесленниковъ капиталистовъ, о которомъ нами было выше упомянуто, по видимому указывало на большое скопленіе богатствъ въ рукахъ рабочаго класса. Но хотя капиталы и росли, но еще рѣдко отдавались въ ростъ или пускались въ коммерческія и въ промышленныя предпріятія. Отдавать деньги въ ростъ считалось постыднымъ ростовщичествомъ. Государственный канцлеръ Мортонъ требовалъ, чтобы Парламентъ преслѣдовалъ отдачу денегъ въ ростъ, основывая свое требованіе на томъ, что это было безплодное употребленіе денегъ, отвлекающее богатство отъ его естественнаго назначенія—примѣненія къ торговлѣ. Другими словами, онъ считалъ рѣшеннымъ вопросъ о томъ, что отдача денегъ въ ростъ непроизводительна. Основываясь на этотъ въ третій годъ царствованія Генриха VII былъ изданъ парламентскій актъ, признающій всякую отдачу денегъ на проценты преступнымъ. Всякія ростовщическія сдѣлки признавались недѣйствительными. На взаимодавца налагался тяжелый штрафъ, послѣ чего, во благо души его, на него налагали церковную эпитемію. Какъ изъ рѣчи Мортона, такъ и изъ самаго акта очевидно, что новѣйшій обычай давать деньги въ ростъ для различныхъ предпріятій, въ то время не практиковался. Тогдашніе ростовщики давали деньги расточителямъ или бѣднякамъ. Развитіе промышленности при посредствѣ кредита, причемъ пользованіе капиталами переходитъ въ руки людей умѣющихъ извлекать изъ него выгоду, было совершенно неизвѣстно.

Ростовщичество.

Денежное обращеніе.

Заботливость Генриха о торговлѣ простиралась и на денежное обращеніе. Онъ, въ противуположность какъ своимъ предшественникамъ, такъ и своимъ преемникамъ, никогда не обезцѣнивалъ звонкую монету.

Новая монета.

Онъ былъ корыстолюбивъ и жаденъ къ деньгамъ, но при всемъ томъ онъ былъ слишкомъ прозорливъ для того, чтобы предполагать, что возможно безпрерывно обогащаться, играя на повышеніе и качество металла. Однако онъ ввелъ нѣсколько значительныхъ преобразованій: такъ онъ первый чеканилъ шиллинги и соверены. *Слово шиллингъ* и раньше употреблялось въ отчетахъ, но первый настоящій шиллингъ появился въ 1504 году.

Ихъ сначала называли «*large groats*»—а затѣмъ «*testors*» потому, что на лицевой сторонѣ находилось изображеніе головы короля (teste). Золотой соверенъ сначала назывался «*double rose noble*». Въ слѣдующемъ царствованіи вошло въ обращеніе такое множество различныхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, что есть основаніе опасаться, что это было сдѣлано съ цѣлью ввести въ обманъ публику.

Общественное волненіе.

Царствованіе Генриха VII по отношенію къ внѣшней его политикѣ было періодомъ спокойствія. Но въ соціальной исторіи нашей страны это былъ періодъ всеобщаго переворота во всѣхъ обычаяхъ, касающихся образа жизни, работы, образа мыслей. Послѣ долгаго сна средневѣковаго періода умы пробуждались; а новое интеллектуальное движеніе произвело революцію въ промышленности и въ другихъ областяхъ національной жизни. Сначала мы видимъ великое возрожденіе науки, особенно же изученіе греческаго языка. Въ Италіи это движеніе началось приблизительно въ то время, когда въ Англіи свирѣпствовала война Алой и Бѣлой Розъ, и многіе англичане, въ томъ числѣ Гроцинъ и Колетъ, отправились въ Италію съ цѣлью изучить греческій языкъ, и за тѣмъ вернулись съ тѣмъ, чтобы подѣлиться своими знаніями съ своими согражданами. Оксфордъ сдѣлался центромъ этого возрожденія.

Здѣсь въ 1490 году Гроцинъ началъ читать свои лекціи, и вскорѣ университетъ распался на двѣ партіи: «Греки», увлекающіеся новымъ движеніемъ, и «Троянцы», какъ назвали болѣе консервативную и реакціонную партію. Къ первой партіи принадлежали всѣ наиболѣе дѣятельные и интеллигентные студенты; вскорѣ и Кембриджъ пробудился, такъ что старая наука впала въ пренебреженіе. Движеніе это отзывалось на промышленности лишь косвеннымъ образомъ; но тѣмъ не менѣе новое интелликтуальное движеніе не могло не отразиться на ходѣ дѣлъ; люди стали отказываться считать себя связанными обычаями, унаслѣдованными отъ невѣжественнаго прошлаго, они пытались ввести новые процессы въ мануфактуру, земледѣліе и торговлю. Изобрѣтеніе книгопечатанія, вѣроятно, имѣло тоже значеніе и начало его вліянія въ Англіи тоже было въ царствованіе Генриха VII. За восемь лѣтъ до начала этого царствованія Какстонъ ввелъ книгопечатаніе въ нашу страну. Но первые опыты были настолько неумѣлы, что число книгъ, изданныхъ первыми типографіями, было весьма незначительно. Тѣмъ не менѣе къ 1500 году было уже изда-

но около 400 книгъ. Копіи съ этихъ книгъ обращались всюду въ Англіи и такимъ образомъ былъ данъ новый толчокъ въ сферѣ мысли.

Если мы прибавимъ ко всему этому морскія открытія, о которыхъ уже упоминали, и другія быстро за ними послѣдовавшія, познакомившія народъ съ новыми странами, открывшія новые пути для торговли, возбуждавшія воображеніе разсказами возвращающихся путешественниковъ,—то намъ станетъ понятнѣе, что наша страна вступила въ новую революціонную эпоху, – Реформаціи и Шекспира. Совершенно неизбѣженъ былъ и тотъ фактъ, что новое направленіе, называемое нами Возрожденіемъ, оказало свое вліяніе и на національную промышленность. Стремленіе къ достиженію богатства стало болѣе интенсивнымъ. Люди не пожелали больше подчиняться прежнимъ стѣсненіямъ, или довольствоваться традиціонными дѣловыми путями. Обычай все болѣе и болѣе вытѣснялся соперничествомъ, что повлекло за собой послѣдствія, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ.

Пока же достаточно будетъ замѣтить, что эти перемѣны далеко не были безусловно полезными; напротивъ, онѣ въ началѣ вызвали больше бѣдствій, чѣмъ благъ. Обычай служитъ покровителемъ бѣдныхъ. Измѣненія въ промышленныхъ процессахъ влекутъ за собой и измѣненія въ спросѣ на работу, и дѣлаютъ безполезными многія ремесла. Восьмидесятилѣтній періодъ, послѣдовавшій за смертію Генриха VII, чрезвычайно увеличилъ богатство Англіи и познакомилъ ее со множествомъ предметовъ роскоши, либо вовсе неизвѣстныхъ ей до того времени, либо мало извѣстныхъ. Но *распредѣленіе* богатства стало гораздо менѣе равномѣрнымъ. Проблема о пауперизмѣ получила новое значеніе, а вопросъ о томъ, что дѣлать съ незанятыми руками оказался почти не разрѣшимымъ.

Народное здравіе.

Крейтона.

Не прошло и трехъ недѣль со времени занятія Генрихомъ Тюдоромъ королевскаго дворца въ лондонскомъ Тоуерѣ какъ появилась странная и фатальная болѣзнь, а именно 19 сентября 1485 г. Болѣзнь эта стала хорошо извѣстна послѣдующимъ двумъ поколѣніямъ подъ названіемъ *англійскаго пота*; но осенью 1485 года эта болѣзнь была еще не знакома, такъ что опытнѣйшіе врачи ее никогда не видали, а ученѣйшіе никогда не читали о ней. Только безчисленные эмпирики Лондона, «писавшіе и расклеивающіе письма» на во-

Потовая болѣзнь.

ротахъ, церковныхъ дверяхъ и столбахъ, увѣряли, что она имъ извѣстна съ давнихъ поръ, а также имъ извѣстенъ и секретъ лѣченія ея. Она схватывала мужчинъ и женщинъ внезапно, всюду, были они на улицѣ, или разговаривали спокойно съ сосѣдями; страшный ознобъ заставлялъ ихъ поскорѣй ложиться въ постель; за ознобомъ слѣдовала сильная краснота и напряженность кожи, интенсивное чувство жара и колотья, такъ что всякая одежда становилась не выносимой, и смертельная жажда заставляла больныхъ пить неумѣренно на гибель себѣ. Спустя нѣкоторое время начинался обильный потъ, какъ бы выступающій изъ всѣхъ поръ, такъ что бѣлье и постель промокали на сквозь, потъ, отличный отъ ревматическаго пота тѣмъ, что онъ не прекращался и казался неистощимымъ, но схожій съ нимъ по своему специфическому запаху, который, однако, былъ гораздо рѣзче. По истеченіи двѣнадцати, четырнадцати часовъ послѣ перваго припадка, паціентъ или былъ внѣ всякой опасности, или впадалъ въ фатальное оцѣпененіе;—въ послѣднемъ случаѣ члены его были холодны, лицо запавшее и синее, при чемъ оцѣпененіе и холодъ подвигались ближе и ближе къ сердцу, точь въ точь какъ Шекспиръ описалъ съ чисто медицинской точностью смерть Фальстафа въ своей драмѣ. Поражались этой болѣзнею по преимуществу люди, занимающіе хорошее общественное положеніе и ведущіе образъ жизни сэра Джона, почтенные альдермены, обезпеченные граждане, разные хлыщи, придворные, священники; процентъ заболѣвшихъ женщинъ былъ ничтоженъ, а изъ бѣднѣйшаго класса—обыкновенной жертвы прежнихъ эпидемій,—не умиралъ почти никто. Умеръ лордъ-мэръ, а черезъ три дня послѣ его смерти умеръ его преемникъ, избранный немедленно; умерло четыре альдермена. Впрочемъ эпидемія въ Лондонѣ длилась всего нѣсколько недѣль, и коронація Генриха VII отпраздновалась торжественной процессіей изъ Тоуэра и пиршествомъ въ Вестминстеръ-Галлѣ, 30 октября, будто ничего необыкновеннаго не произошло.

Между тѣмъ таже самая эпидемія распространилась по всей Англіи; такъ она появилась въ аббатствѣ Кройлендъ, аббатъ котораго умеръ послѣ восемнадцати часовой болѣзни 14 октября; затѣмъ о ней упоминается въ бристольской епархіи, а среди оксфордскихъ студентовъ она свирѣпствовала около мѣсяца или шести недѣль. Если бы въ это время велись приходскіе реестры, мы могли бы найти слѣды эпидеміи по быстро слѣдующимъ другъ за другомъ похоронамъ въ теченіи одной или двухъ недѣль, во многихъ маленькихъ городкахъ и въ селахъ подобно тому, какъ мы находимъ слѣды подобной же эпидеміи 1551 г. въ приходскихъ реестрахъ Девоншира, Лейчерстершира, Іоркшира и Ланкашира. Одинъ изъ врачей этого времени утверждаетъ, что въ 1485 году умерло пятнадцать тысячъ человѣкъ отъ этой болѣзни. Но для Лондона это число преувеличено по крайней

мѣрѣ въ десять разъ, а собрать свѣдѣнія о числѣ умершихъ во всей Англіи онъ не имѣлъ возможности.

Происхожденіе и распространеніе эпидеміи.

Если вѣрить одному изъ тѣхъ народныхъ слуховъ, которые часто суть ничто иное, какъ интуиція или предугадываніе истины, причина появленія эпидеміи въ Англіи заключалась въ экспедиціи Генриха Тюдора, высадившагося въ Мильфордской гаванѣ изъ Руана 6-го Августа. Хроника Кройленда заходитъ даже такъ далеко, что приписываетъ отсутствіе Лорда Станлея и его войска съ поля битвы при Босвортѣ тому обстоятельству, что онъ заболѣлъ этою болѣзнею; но это очевидно придумано ужъ послѣ совершившагося событія, потому что, хотя Станлей и отказался вести свои полки подъ знамена Ричарда III и держался въ сторонѣ въ началѣ битвы, онъ какъ разъ во время подоспѣлъ къ побѣдѣ и собственными руками возложилъ корону Ричарда на главу Генриха. Начало эпидеміи въ Лондонѣ 19-го сентября ясно обозначается врачомъ, указывающимъ на этотъ фактъ, какъ на первое появленіе эпидеміи въ Англіи; другой хроникеръ указываетъ на 21 сентября, какъ на время появленія болѣзни въ Лондонѣ; еще другіе говорятъ, что мэры и альдермены умерли въ октябрѣ «когда *потѣніе* вновь началось»; и, наконецъ достовѣренъ тотъ фактъ, что аббатъ Кройлендскій умеръ не раньше 14 октября, хотя Кройлендъ находился всего на разстояніи двадцати миль отъ той мѣстности Лейчестершира, о которой хроникеры аббатства говорятъ какъ о мѣстности, гдѣ эпидемія свирѣпствовала уже шесть или семъ недѣль до этой даты.

Достовѣрно то обстоятельство, что начало эпидеміи въ Лондонѣ было черезъ три или четыре недѣли послѣ тріумфальнаго въѣзда Генриха Тюдора въ Лондонъ; она внезапно охватила переполненный народомъ и міазмами городъ, въ который нахлынули съ Босворта солдаты, итальянцы и французы, придворная свита и всякаго рода искатели мѣстъ всѣхъ возможныхъ степеней. Если бы эпидемія эта была чумой, то ея внезапное появленіе было бы понятно, такъ какъ сильнѣйшая чума, свирѣпствовавшая въ Лондонѣ въ 1603 г., появилась во время суматохи вступленія Іакова I и въ его лицѣ новой династіи на престолъ; вторая Лондонская чума появилась въ теченіи мѣсяцевъ, непосредственно слѣдовавшихъ за вступленіемъ на престолъ Карла I. Но эпидемія, о которой мы говоримъ, была совершенно непзвѣстнымъ явленіемъ не только въ Англіи, но и во всей Европѣ,—мало того въ цѣломъ свѣтѣ; и эпидемія эта не поражала массу бѣднѣйшаго класса. Французскіе наемники Генриха VII, которыхъ было болѣе двухъ тысячъ, и которые, вѣроятно, всѣ собрались къ этому времени въ Лондонѣ, весьма вѣроятно занесли эпидемію въ городъ.

Однако, они были въ Англіи съ 6-го августа, всѣ трудности ихъ путешествія миновали, они сражались и одержали побѣду, они от-

дыхали на лаврахъ, и нѣтъ ни одного факта, доказывающаго, что они страдали отъ этой эпидеміи, и что они или кто нибудь изъ ихъ соотечественниковъ заболѣвалъ во время одной изъ пяти страшныхъ эпидемій, свирѣпствовавшихъ до 1551 года. А между тѣмъ они легко могли внести чуму, какъ это нерѣдко случалось съ войсками, даже когда послѣднія и не заболѣвали сами. Такъ мы имѣемъ примѣръ въ исторіи Англіи во времена гражданской войны, въ 1644 году, когда жестокая эпидемія, названная въ регистрахъ «потовой болѣзнью («sweating sickness») разразилась надъ Тивертономъ, послѣ того какъ онъ, въ теченіи двухъ недѣль, былъ занятъ арміей генерала, Лорда Эссекса. Характеръ французскихъ наемныхъ войскъ описывается въ рѣчи, вложенной въ уста Ричарда III, въ утро сраженія при Босвортѣ – «бродяги, голодающій сбродъ, которому наскучила жизнь, бѣглецы, низкая чернь, отбросы Франціи, которыхъ отцы наши въ ихъ-же собственной странѣ били, колотили, тузили», —какъ Шекспиръ варируетъ слова хроники Галля. Представимъ себѣ, что двѣ тысячи, или болѣе, такихъ людей въ теченіи цѣлаго сезона пользовались удовольствіями Лондона, расположились у гражданъ, кутили въ тавернахъ, бродили по тѣснымъ улицамъ и по площадямъ. Со временъ Завоеванія Норманновъ Лондонъ ни разу не былъ переполненъ такимъ множествомъ иностранцевъ. А самый многозначительный фактъ во всемъ этомъ—это тотъ, что болѣе чѣмъ двѣсти лѣтъ спустя, когда уже забылась эта эпидемія, появилась вновь болѣзнь, весьма на нее похожая, носящая названіе *потовой* (sweat) и отличающаяся отъ нея лишь тѣмъ, что теченіе ея было не столь быстро и не столь смертельно, и что эта болѣзнь стала появляться годъ за годомъ, точно присущая почвѣ, то тамъ, то сямъ въ городахъ и мѣстечкахъ, именно въ томъ раіонѣ Франціи--нижній бассейнъ Сены—въ которомъ Генрихъ VII набиралъ свое войско, лѣтомъ 1485 года.

Первая эпидемія 1485 года продержалась въ теченіи нѣсколькихъ недѣль осени, подобно инфлюенціи—при чемъ болѣзнь не повторялась болѣе въ теченіи двадцати трехъ лѣтъ, т. е. до 1508 г. Въ этомъ-же году она разразилась въ іюлѣ,—при чемъ домъ государственнаго казначея былъ одной изъ первыхъ ея жертвъ,—причинила большую смертность и вызвала панику у королевскихъ служащихъ въ Лондонѣ и въ его окрестностяхъ, а также *per omnia loca,* по словамъ поэта—лауреата этого времени, поразила многихъ придворныхъ, вызвала общественныя молитвы въ соборѣ Св. Павла, и заставила Генриха VII соблюдать строгое одиночество, и переѣзжать изъ одного охотничьяго помѣстья въ другое, точно такъ, какъ слѣдующія за тѣмъ эпидеміи 1517 и 1518 года заставили Генриха VIII во все продолженіе ихъ мѣнять свое мѣсто-пребываніе. Причины, вызвавшія эту вторую эпидемію, остались невыясненными, и нельзя

дѣлать ни какихъ предположеній, кромѣ развѣ того, что зима была необычайно умѣрена, весна сухая, май мѣсяцъ жаркій, а за тѣмъ въ іюнѣ были сильные дожди. Подобно первой эпидеміи, и эпидемія 1508 года охватила всю Англію; извѣстно, что было девяносто одинъ смертный случай, (въ томъ числѣ только три женщины) въ Честерѣ въ теченіи трехъ дней, и это-то вѣроятно и была та ужасная чума, «sore pestilance», которая разогнала оксфордскихъ студентовъ.

Чума.

Объ эпидеміи временъ царствованія Генриха VII, вмѣстѣ взятыя, но всемѣстно въ Англіи врядъ ли повлекли за собой большую смертность (хотя смертность свирѣпствовала между болѣе знатными лицами), чѣмъ чума въ одномъ Лондонѣ, въ 1499—1500 гг. Приблизительно расчитываютъ, что погибло больше двадцати тысячъ гражданъ; но если бы погибло не больше половины этого числа, то и въ такомъ случаѣ это составитъ обыкновенный процентъ смертности во время сильнаго развитія эпидеміи чумы въ Лондонѣ—а именно одну пятую или одну шестую всего числа его жителей, взятыхъ притомъ главнымъ образомъ изъ бѣднѣйшихъ классовъ, не имѣвшихъ возможности бѣжать изъ зараженнаго города въ эту жаркую пору лѣта. Но это былъ не единственный случай возвращенія древней чумы въ царствованіе Генриха VII. Извѣстно, что подобная же эпидемія свирѣпствовала и въ 1487 и опять въ 1504 годахъ, когда она заставила болѣе состоятельные классы бѣжать изъ города.

Очевидно также, что зараза не ограничилась Лондономъ; она перешла въ Оксфордъ и въ Экзетеръ въ 1503 г., а въ 1501 г. въ октябрѣ еще такъ мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она прекратилась въ Гравезендѣ, что молодая принцесса Екатерина Араганская не рѣшилась высадиться здѣсь и принуждена была остаться ночевать на королевскомъ кораблѣ «послѣ ея продолжительнаго и утомительнаго морского путешествія».

Санитарныя мѣры.

Царствованіе Генриха VII отличается двумя санитарными мѣрами: первая была направлена противъ вреднаго вліянія мясныхъ рядовъ въ Лондонѣ и другихъ окруженныхъ стѣнами городовъ, а также Кембриджа, который не былъ окруженъ стѣнами; вторая выразилась въ рѣшительной попыткѣ уничтожить дома терпимости.

Послѣдніе, числомъ около восемнадцати, помѣщавшіеся вдоль рѣки за Лондонскимъ мостомъ, съ той стороны, гдѣ находился Лондонскій банкъ, и обозначенные каждый особымъ знакомъ какъ напр. накрестъ лежащими ключами или кардинальской шапкой, были закрыты въ 1506 году (они уже были однажды закрыты въ царствованіе—Генриха V, а затѣмъ въ 1546 году снова были закрыты по настоянію Латимера). Они были уже подвергнуты нѣкоторой регламентаціи еще за нѣсколько лѣтъ до 1506 года, и не только въ Лондонѣ, но и въ Глочестерѣ, въ Бристолѣ, причемъ первый изъ этихъ городовъ, въ періодѣ между 1500 и 1504 гг. пользовался слишкомъ отвратитель-

ной репутаціей во всей Англіи и Валисѣ—по причинѣ «развратной жизни нѣкоторыхъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, благодаря безчисленному множеству развратныхъ женщинъ, живущихъ въ каждой части этого города», первыхъ нерѣдко встрѣчали ночью на улицѣ неприлично себя держащими съ выше названными особами легкаго поведенія. Мѣры, предпринятыя въ Глочестерѣ для пресѣченія этого зла, (слѣдуетъ замѣтить за долго до Реформаціи) сообразовались съ мѣрами, принятыми и уже дѣйствующими въ Лондонѣ и въ Бристолѣ.

Общественная жизнь

Трайля.

Пятнадцатое столѣтіе было ознаменовано изобрѣтеніемъ, которое должно было произвести переворотъ въ цѣломъ мірѣ и распространить цивилизацію, въ такой же мѣрѣ, какъ и примѣненіе пара въ качествѣ двигательной силы. Книгопечатаніе было изобрѣтено какъ разъ въ то время, когда въ немъ чувствовалась потребность и когда міръ былъ подготовленъ къ принятію его. Мы выше дали уже кое какія указанія, какъ на исторію этого искусства, такъ и на его вліяніе на развитіе общаго литературнаго языка. Здѣсь мы должны замѣтить, что матеріалъ, который предстояло книгопечатанію сдѣлать общедоступнымъ, значительно накопился. Уже возникла богатая литература, состоящая не только изъ хроникъ, ученыхъ и философскихъ трактатовъ, религіозныхъ произведеній и другихъ съ одинаково солиднымъ направленіемъ, но и изъ *новеллъ*, какъ мы теперь называемъ этого рода произведенія. Приведемъ въ примѣръ англійскіе романы, которые могли выдержать сравненіе съ романами любой страны, какъ по своему разнообразію, такъ и по превосходству. Нижеслѣдующій перечень далеко не исчерпываетъ всѣхъ подобныхъ твореній.

Прежде всего надо обратить вниманіе на циклъ объ Артурѣ, въ которомъ находимъ разсказы о Святомъ Граалѣ, о Мерлинѣ, Ланселотѣ дю Лакъ, о Тристрамѣ, о Гиронѣ (Guiron le Courtois), о Меліадусѣ; Пророчества Мерлина, разсказы о Меріадокѣ, Гавайнѣ, Персфорестѣ, объ Артурѣ Бретанскомъ, о Клеріадусѣ и о Меліадицеѣ; о рожденіи Мерлина, о сэрѣ Гавайнѣ и Зеленомъ Рыцарѣ, объ Ивейнѣ (Iwein), Ивейнѣ и Гавайнѣ; Peredur ab Efrawc и caru, о Парсивалѣ; Смерть Артура, въ двухъ изданіяхъ (Morte Arthur и King Arthur's Death); о сэрѣ Ланселотѣ дю Лакъ и Королѣ Артурѣ и о Королѣ Корнваллиса, и Boy and Mantle. Существовали также различныя исторіи о сказочномъ Брутѣ, который послѣ разрушенія Трои явился въ

Британію и основалъ новую Трою, Troynovant, на мѣстѣ которой находится теперь Лондонъ; затѣмъ Романъ о Брутѣ Уэса, Брутъ Лайямона (Layamon), «Пѣсня о Брутѣ» и Brutus, не считая Исторію Британскихъ Королей (Historia Regum Britanniae) и Дѣянія Королей Британніи (Gesta Regum Britanniae). Мы имѣемъ еще «Альбину и ея сестеръ», Ѳому Эрцельдоуна, Короля Гумбера; Пѣсню о Маріи Французской, Эмара, сэра Гаутера (Ser Gowyhter), Ганеса Тальезина, Гавелока, Короля Горна, Понто и Сидонія (Pontus et Sidoine), Гюи Варвика, Бевиса Гамптонскаго, Фулька Фицъ Варина, Исторію Гомелина, Робина и Ганделейна, Робина Гуда, Адама Белля, и множество балладъ—всѣ исключительно на англійскомъ языкѣ и съ англійскими сюжетами.

Но произведенія изъ другихъ источниковъ были также многочисленны. Мы видимъ циклъ о Троѣ, содержащій по малой мѣрѣ шестьдесятъ различныхъ романовъ, — Литгата романъ о Ѳивахъ и романы о Язонѣ. Затѣмъ—циклъ объ Александрѣ и Карловингскіе романы, Мелюзина, Chevalier au Signe, Floire et Blancheflor, Ипомедонъ, сэръ Изумбрасъ, сэръ Эгламуръ, Амадисъ Гальскій, Roman de la Rose, и множество французскихъ, нѣмецкихъ и смѣшанныхъ романовъ, всѣ въ рукописныхъ изданіяхъ и доступные только богатымъ.

Искусство вырѣзыванія по дереву и отпечатанія черными чернилами по бѣлой бумагѣ было введено въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, при чемъ самые первые извѣстные образцы находились въ Парижской Библіотекѣ, и по словамъ М. Деляборда, они датированы 1406 г., такъ что затмѣваютъ извѣстнаго С. Христофора, 1423 года, который до тѣхъ поръ считался первымъ изобрѣтателемъ отпечатанія посредствомъ рѣзьбы на деревѣ. Естественно, что отпечатаніе фигуръ требовало и текста, объясняющаго, кого изображаютъ эти фигуры, и какъ естественное послѣдствіе этого появилась block book—Incunabula—гдѣ и текстъ и иллюстраціи были вырѣзаны изъ солиднаго дерева; а на сколько велика была косность умовъ той эпохи, видно изъ того обстоятельства, что всѣ почти дошедшія до насъ произведенія такого рода имѣютъ религіозную тенденцію. Гейнекенъ говоритъ, что первая подобная книга была библія для бѣдныхъ, *Biblia Pauperum*, но это опровергается Сотеби, утверждающимъ, что это былъ Апокалипсисъ.

Пути сообщенія между различными частями страны были весьма плохи, и были преимущественно сухопутными. Они не только весьма плохо содержались, но были и не безопасны для путешественниковъ, въ чемъ мы можемъ удостовѣриться изъ письма Маргариты Пастонъ къ ея супругу, въ которомъ она разсказываетъ ему, что ея тетка Маундфордъ проситъ его уплатить на ея счетъ двадцать марокъ мастеру Понингсу въ Лондонѣ, за опеку ея дочери; «въ недѣлю XX-ti значится, что она вручила мнѣ сумму золотомъ для передачи

Пути сообщенія и путешествія.

вамъ по вашемъ возвращеніи домой, такъ какъ она не рѣшается отправлять свои деньги въ Лондонъ изъ опасенія воровъ, потому что слухи носятся здѣсь (въ Норфолькѣ), что много воровъ бродятъ между нашей мѣстностью и Лондономъ». Одинокіе путешественники встрѣчались рѣдко; если это были пѣшеходы, то навѣрное такіе, у которыхъ нечего было красть; а люди, путешествующіе верхомъ, обыкновенно старались дождаться кого либо ѣдущаго по пути и присоединиться къ нему. Верховая ѣзда была единственнымъ, или почти единственнымъ способомъ передвиженія, не считая путешествія пѣшкомъ. Правда, что употреблялись и телѣги для цѣлей земледѣлія и для перевозки товаровъ, но экипажи вродѣ нынѣшнихъ не существовали; и даже лэди, если только пользовались здоровьемъ, всегда ѣздили верхомъ; если же были больны, то ихъ возили въ маленькихъ запряженныхъ лошадьми носилкахъ, о чемъ упоминаетъ даже Эвелинъ, 7-го іюля, 1640 года.

Впрочемъ колесные экипажи для лэди были несомнѣнно извѣстны въ пятнадцатомъ столѣтіи подъ названіемъ «*chare*», о которомъ и упоминается въ метрическомъ романѣ о Сквайрѣ невысокаго происхожденіи («The Squyer of Low Degre»), гдѣ Венгерскій Король старается утѣшить свою опечаленную дочь:

«Завтра вы поѣдете на охоту, моя дочь и поѣдете въ экипажѣ: онъ будетъ обитъ краснымъ бархатомъ, а надъ головой вашей будетъ дорогая золотая парча, съ бѣлой дамасковой матеріей, затканной лазоревыми цвѣтами, и украшенной бѣлыми лиліями».

„To morrowe ye shall on hunting fare,
And ryde, my dougter, in a chare:
It shal be covered with velvet reede,
And clothes of fyne golde al about jour hed,
With damske white and asure blewe,
Wel dyapred with lylIyes newe".

А кромѣ того былъ еще въ ходу такъ называемый «whirlicote», о которомъ упоминаетъ Стоу, по поводу вторженія Вата Тайлера въ 1381 г., разсказывая о Ричардѣ II.

«Посовѣтывавшись съ нѣкоторыми въ семь часовъ, король отправился къ Миль-Энду со своей матерью въ вирликотѣ (или телѣгѣ, какъ мы теперь называемъ эти экипажи)».

И дальше:

«Экипажи не были извѣстны на этомъ островѣ, но телѣги или вирликоты, какъ ихъ называли; а ихъ употребляли лишь принцы, или владѣльцы большихъ помѣстій, имѣющіе при себѣ слугъ. На слѣдующій годъ послѣ брака Ричарда и Анны Богемской она ввела моду ѣздить верхомъ; и такимъ образомъ ѣзда въ этихъ вирликотахъ и телѣгахъ была забыта, и онѣ являлись лишь во время коронацій или тому подобныхъ зрѣлищъ».

Хотя заѣзжіе дома существовали, однако для многихъ путешественниковъ, особенно изъ бѣдныхъ классовъ, ихъ замѣняли монастыри; для подкрѣпленія странниковъ существовали трактиры по дорогѣ, которыхъ легко можно было распознать по ихъ «ale stake», длинному шесту, укрѣпленному надъ дверьми, съ пучкомъ дикаго терна, или съ вѣнкомъ на верхнемъ концѣ, а затѣмъ по надписи «Доброе вино не нуждается въ вывѣскѣ». Эти «ale-stake» были очень длинны, и хотя они были сравнительно безвредными въ деревняхъ, но въ городахъ, особенно же въ Лондонѣ, они были крайне неудобны. Это дошло до того, что въ 1375 г. былъ изданъ указъ, и «всѣ содержатели тавернъ въ Сити были созваны, и имъ прочли распоряженіе о томъ, чтобы напередъ, подъ страхомъ штрафа въ 40 пенсовъ въ судъ Гильдъ-Голля (Chamber of the Guildhall) за всякое нарушеніе распоряженія, ни одинъ шестъ съ вывѣской, возвышающійся надъ королевской дорогой, не выдавался бы больше, какъ на семь футовъ». Что таверны эти были не рѣдки по дорогамъ, мы видимъ изъ произведенія Чосера «Pardoner», такъ какъ этотъ послѣдній не хотѣлъ разсказывать пока:

«Вотъ въ этомъ кабачкѣ я выпью и поѣмъ пирога».

„But first", quod he, „heere, ot thus ale stake,
„I wol bothe drynke audeten of a cake".

Скельтонъ разсказываетъ намъ объ одной трактирщицѣ возлѣ Литергида, нѣкоей Элеонорѣ Рюмминжъ, женщинѣ весьма не привлекательной наружности: «Она варила эль и готовила закуску для странниковъ, для красильщиковъ, для любовниковъ, для кутилъ и для всякого, кто умѣлъ выпить».

She breweth noppy ale,
And maketh thereof port sale (pot sale)
To trauellers, to tynkers,
To sweters, to swynkers,
And all good ale drinkers".

У нея была обширная *clientèle*, и кто не могъ платить деньгами, дѣлалъ это продуктами. «Вмѣсто денегъ, нѣкоторые приносили ей кролика, другіе горшекъ меда, еще иные соли; тѣ приносили ложку, а эти свои штаны или башмаки; случалось многимъ пробѣжать порядочный кусокъ дороги съ дичью или съ горшкомъ; многіе наполняли свои горшки хорошимъ лейнстерскимъ напиткомъ. Хозяйкѣ надо давать въ долгъ, когда она можетъ прясть такую тонкую нить.— Многіе прямо идутъ туда, хотя бы было и мокро и скользко, они идутъ по дорогѣ, не думая о томъ, что скажутъ люди, все равно кто бы то ни было. Многіе же, боясь, что за ними слѣдятъ, идутъ задними ходами, черезъ заборы и плетни, и все это ради добраго эля.

„Instead of coyne aud monny
Some brynge her a conny,
And some a pot with honny;
Some a salt; and some a spone,

Some theyr hose, some theyr chone;
Some ran a good trot
With a skellet or a pot;
Some fyll theyr pot full
Of good Leinster woll.
An huswyfe of trust
Whan she is athrust,
Such a webbe can spyn
Her thryff is full thyn.
Some go streight thyder
Be it slaty or slyder;
Theyhold the hye waye,
They care not what men say,
Be that as he maye
Some, lothe to be espyde
Start in at the backe syde
Ouer the hedge and pale
And all for the good ale".

Домашняя архитектура.

По счастью въ Англіи сохранились остатки домашней архитектуры пятнадцатаго столѣтія, въ хорошемъ и подчасъ даже въ превосходномъ состояніи, такъ какъ рисунки того времени грѣшатъ относительно перспективы и притомъ до того плохо начерчены, что не заслуживаютъ никакого довѣрія: англійскіе же манускрипты этого періода тоже мало знакомятъ насъ съ подробностями домашней обстановки, въ то время какъ на материкѣ, а особенно во Франціи, манускрипты весьма подробны. Дифференцированіе семейнаго *дома* отъ *замка* на практикѣ закончено было въ пятнадцатомъ столѣтіи. У насъ были дома, построенные, или исключительно или на половину, изъ дерева, потому что лѣсъ былъ въ изобиліи и при томъ онъ, какъ стропительный матеріалъ, весьма удобенъ; но въ общемъ выбирались тѣ стропительные матеріалы, которые находились подъ рукой. Въ мѣстностяхъ, изобилующихъ камнемъ, какъ напр. въ Сомерсетширѣ, Ультширѣ и Глочестерширѣ, у насъ сохранились изящные образцы каменныхъ построекъ; въ восточныхъ графствахъ, гдѣ легче добывалась глина, чѣмъ камень, мы находимъ кирпичныя зданія, такъ какъ употребленіе кирпича было возобновлено въ началѣ пятнадцатаго столѣтія. Въ особенности въ Норфолькѣ и въ Суффолькѣ сохранились красивые кирпичные дома временъ Генриховъ VII и VIII, съ орнаментомъ изъ кирпича; между тѣмъ въ округахъ богатыхъ какъ дома, такъ и церкви (архитектура послѣднихъ достигла въ эту эпоху самаго цвѣтущаго состоянія) украшены изящной лѣпной работой. Въ деревянныхъ и полудеревянныхъ домахъ верхніе этажи обыкновенно выступали надъ нижними, и иногда деревянный срубъ покрывался панелями изъ рѣзнаго дерева; вообще же такія зданія штукатурились.

Въ большихъ зданіяхъ, напр. въ замкахъ, находилась обширная передняя (hall) съ галлереями и сводами.

Эти передніе, не смотря на ихъ несоразмѣрную обширность, хорошо отапливались и освѣщались, а надъ ними часто строились жилыя покои, и въ такихъ случаяхъ, конечно, ужъ немыслимы были своды, такъ какъ потолки неизбѣжно должны были быть плоскими, а, украшенія ради, покрывались панелями. Но такимъ образомъ эти передніе, «hall», соединялись съ жилымъ домомъ, между тѣмъ какъ ранѣе строились отдѣльно. Передняя продолжала служить общей комнатой, была окружена стоячими вѣшалками, на которыхъ навѣшивались шляпы и шапки мужчинъ, охотничьи роги и ножи и смычки для собакъ и т. д. На столѣ лежали одна или двѣ книги и письменныя принадлежности; стѣны же были разукрашены оружіями и другими принадлежностями вооруженія, а также рыболовными сѣтями и охотничьими принадлежностями. Полъ обыкновенно устилался свѣжимъ аирникомъ, который будучи раздавленъ ногами, издавалъ освѣжительный запахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ ложемъ для безчисленныхъ собакъ, сопровождавшихъ своихъ хозяевъ.

Постройки обыкновенно располагались квадратомъ (какъ колледжи въ Кембриджѣ и въ Оксфордѣ), состояли частію изъ жилыхъ помѣщеній, частію изъ экономическихъ построекъ, пивоваренъ и т. под. и домашней каплицы; а все жилое помѣщеніе воздвигалось надъ сводчатой нижней постройкой, болѣе или менѣе глубоко сидящей въ землѣ и служащей для разныхъ цѣлей, въ особенности же для конюшенъ и кладовыхъ. Въ позднѣйшіе годы пятнадцатаго столѣтія, передняя перестала служить столовой для хозяина, и послѣдняя находилась въ отдѣльномъ помѣщеніи; была также особая пріемная и уборная. Передняя перестала служить и спальней за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда домъ переполнялся гостями, и даже прислуга имѣла свою отдѣльную спальню, *dortoir*, какъ мы видимъ изъ описанія въ Коттоніанскихъ манускриптахъ. MS. Tib. A. VII, въ которомъ описывается женщина, стелящая постели, и употребляющая грѣлку.

«Она опять бралась за грѣлку, ходила отъ постели къ постели по всему дортуару, чисто стелила постели, покрывая ихъ бѣлыми, чистыми простынями, которыя она съ удовольствіемъ разстилала».

„And sche that bare the staff anon,
Ifro bed to bed sche is agon,
Thorough out the dortour by aud by
And make the beddesfful clenly,
And with clothis cleene aud white,
Sche spradde hem out by delyte“.

У насъ сохранилось большое число иллюстрацій спальни, чѣмъ какой либо другой комнаты: мы встрѣчаемъ человѣка при его рожденіи, провожаемъ его при его смертномъ часѣ—видимъ, какъ его

вручаютъ кормилицѣ [1]) и какъ надъ нимъ совершается послѣдній обрядъ. Прежде принятый обычай ложиться голымъ въ постель, въ концѣ пятнадцатаго столѣтія вышелъ изъ употребленія у людей, принадлежавшихъ къ хорошему обществу; кровати стали украшаться балдахинами и занавѣсами. Кромѣ кровати въ спальняхъ находилось мало мебели, стулъ стоялъ возлѣ кровати, а у ногъ ея находился сундукъ, въ которомъ сохранялось все цѣнное имущество семьи, какъ мы видимъ изъ писемъ Пастона, составленныхъ І. Пайномъ, слугой сэра Джона Фальстольфа, и въ которыхъ заключается о возстаніи Джэка Кеда.

«Капитанъ подослалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ людей въ мою комнату въ вашемъ помѣстіи, и они разбили мой сундукъ и взяли изъ него j. обязательствъ, по которымъ нѣкій священникъ изъ Поульса долженъ мнѣ былъ XXXVj Лив., и j. другихъ обязательствъ отъ j. рыцарей на X Лив., и кошелекъ мой съ V. золотыми кольцами и съ XVij S. Vjd. золотомъ и серебромъ; и j.—полныхъ вооруженій изъ Миланской стали; и j. одеждъ изъ дорогой персидской ткани, голубыхъ, подбитыхъ куньимъ мѣхомъ; и ij платьевъ, изъ коихъ одно подбито барсучьимъ мѣхомъ, а другое байкой».

Иногда эсквайръ спалъ въ комнатѣ своего отца, но тогда онъ спалъ на выдвижной постелѣ, на колесахъ, которая въ то время, когда не была занята, подкатывалась подъ кровать.

Въ Коттоніанскомъ манускриптѣ, о которомъ мы упомянули выше, «Пиллигримъ» является къ леди Агіографъ, которая торгуетъ мелочными товарами, и мы узнаемъ о нѣкоторыхъ требованіяхъ лэди средины пятнадцатаго столѣтія.

Говоритъ она: «если сказать тебѣ правду, то я имѣю товаръ на продажу; шкатулки, нѣжные масла для облегченія людей, которые не веселы, разстроены и больны, смущены, сокрушены скорбью. У меня есть ножи, сѣти, сѣтки чтобы повѣсить на стѣнахъ; болѣе девяти или десяти гребней, какъ для лошадей, такъ и для людей; а также широкія, большія зеркала, удивительно хорошія для того, чтобы въ нихъ смотрѣться; ихъ у меня многое множество для людей, желающихъ видѣть въ нихъ свое изображеніе».

„Quod sche, Geve I schal the telle,
Mercerye I have to selle;
In boystes, soote oynementis,
Therewith to dou allegementis,
To ffolkes wiche be not glade,
But discorded and mallade,

[1]) По видимому ребенка крестили (посредствомъ полнаго погруженія) вскорѣ послѣ его рожденія, такъ что рожденіе ребенка и его крестины составляютъ иногда двѣ половины одного и того же изображенія.

And hurte with perturbacyons
Off many trybulacions.
I have knyves, phyllelys, callys
At ffeestes to hang upon wallys;
Kombes mo than nyne or ten,
Bothe ffor horse andeke ffor men;
Merours also, large and brode,
And ffor the syght wonder gode:
Off hem I have fful green plenté
Ffor ffolke thaté haven volunté
Byholde hemsilffe therynne".

Въ этомъ столѣтіи вошли въ употребленіе и стекляныя зеркала, впервые изготовляемыя въ Бельгіи или въ Германіи.

Стѣны главныхъ аппартаментовъ обыкновенно бѣлились до двухъ-третей своей высоты, съ панеллями изъ рѣзныхъ барельефовъ; украшеніе, спеціально принадлежащее пятнадцатому столѣтію, состояло изъ рѣзьбы, подражающей складкамъ полотна, — а сверху находилась лѣпная работа по названію «pargetting» доходящая до карниза, который обыкновенно дѣлался изъ дерева, а иногда и штукатурной работы, слегка украшался рѣзбой или орнаментомъ. Уже во времена Генриха были введены въ употребленіе ковры, но однако они считались предметами роскоши и потому пригодными только для королей и знатныхъ людей; въ домахъ обыкновенныхъ гражданъ въ лучшихъ комнатахъ находились соломенныя маты, а полы другихъ комнатъ посыпались аирникомъ. Каменные или кирпичные полы посыпались пескомъ, обычай сохранившійся и въ наши дни. Украшеніе и мебель.

Однимъ изъ предметовъ роскоши, введенныхъ въ употребленіе въ пятнадцатомъ столѣтіи, была кушетка, замѣнившая прежнія скамьи и табуреты, при которыхъ приходилось сохранять отвѣсное положеніе во время сидѣнія.

Были также украшенные орнаментомъ и рѣзьбой сундуки или «standards», въ которыхъ сохранялось домашнее бѣлье и проч. Наличники каминовъ неизмѣнно были прикрѣплены, украшены горельефами и барельефами, служащими моделью въ наше время, какъ и выпуклая рѣзьба гребня крыши и разукрашенныя дымовыя трубы.

Стекла въ окнахъ были въ общемъ употребленіи, но такъ дорого стоили, а потому считались такими драгоцѣнностями, что мы, напр., читаемъ въ хозяйственной книгѣ герцога Нортумберландскаго, что когда лордъ выѣзжалъ изъ своего городскаго дома, то стекла изъ оконъ вынимались и тщательно сохранялись до его возвращенія. О кухнѣ, само собой разумѣется, весьма заботились, и если случалось, что она находилась въ отдѣльномъ отъ жилыхъ помѣщеній зданіи, то нерѣдко она отличалась своими обширными размѣрами;—великолѣпнымъ образцемъ служитъ кухня въ Стантонъ Гаркуртѣ, въ Оксонѣ— гдѣ мы находимъ также изящную домашнюю церковь; послѣдняя почти неизмѣнно составляла часть зданія, и находится всюду въ Англіи.

Человѣкъ, занимающій видное общественное положеніе, въ эту эпоху велъ обыкновенно открытую, роскошную жизнь, и всѣмъ, одеждой, домомъ, служителями, даже смертіею своею заявлялъ о своемъ высокомъ званіи.

Благодаря этому гордость и тщеславіе выразились и въ памятникахъ и въ надгробныхъ плитахъ и мы узнаемъ гораздо больше объ обычаяхъ того времени, чѣмъ могли бы узнать, не будь этого проявленія. Знатныхъ людей хоронили съ большою торжественностью въ четыреугольномъ гробѣ, или же въ такомъ, который въ ногахъ былъ уже, чѣмъ въ изголовіи. Съ трупомъ обращались весьма почтительно, если вѣрить словамъ романа «Squyer of low degre», гдѣ дочь Венгерскаго короля, оплакавши смерть своего возлюбленнаго: «взяла его на руки, внесла въ комнату, вынула его внутренности, которыя предала погребенію по законамъ Божіимъ. Тѣло его она набальзамировала спеціями, обернула его въ навощенную дѣвственнымъ воскомъ пелену и заключила его въ гробъ изъ твердаго дерева и повѣсила три замка; она положила его подъ мраморный камень со многими засовами».

ИСТОЧНИКИ — 1485 — 1509.

а. Общая исторія.

Современные: Полидоръ Виргилій: Historia Anglica (переводъ Камден. Об.), написанная между 1509 и 1534 г., ей пользовался Галль: Lancaster and Iork (1542); сочиненія Бернарда Андре, поэта-лауреата Генриха VII (Rolls Series); венеціанское Relatio Франческо Капелло и лондонская Chronicle; отчеты въ Rolls Series и государст. документахъ, особенно томы извлеченій изъ архивовъ Симанки. Life of Henry VII Бэкона особенно цѣнное произведеніе, какъ разсказъ современника.

Новые: Кромѣ извѣстныхъ исторій (Брайта, Грина и Лингарда), Henry VII—Гарднера, Memorials of Henry VII—его же, Oxford Reformers—Сибома и въ особенности Стёббса: Two Lectures on Henry VII.

Религія: Полидоръ Виргилій и венеціанская Relation (см. выше). Norwich and Southwell Visitations; Colloquies—Эразма; Life of Colet—Лупгона; Lives of the Archibishops of Canterbury—Гука; Lectures of Mediaeval and Modern Hist.—Стёббса; English Monasteries—Гаскета.

Законодательство—см. гл. VI.

Военное дѣло и флотъ—см. гл. VII.

Архитектура и искусство — см. главы V и VII съ прибавленіемъ: Hist. of Painting — Вольтмана и Воермана; De Ioh. Holbein — Вольтмана: Anecdotes of Painters—Вальполя. Contemporaries and Successors of Holbein Николя въ Archaeol. т. XXXIX.

Открытія „Коллекція"—Гаклита, Daiscov. of N. America—Гарриса.

Университеты: Epist. ad Dorpium—Мора, Tres Thomae—Стапльтона; біогра-

фіи Мора, Колета и Эразма; University of Oxford—Максвелля Лита; Oxford Reformers—Сибома.

Исторія книгопечатанія: Gutenberg — Гессельса De l'origine de l'impr.—Бернарда; Life of Caxton—Блэдса; The Invention of Printing—де-Виння; Брит. энцикл. ст. Typography; inquiry concer. the invention of Printing - Оттеля; Early print Books—Гордона Дуффа.

Шотландская литература въ XIV и XV вѣкахъ: Gesch. der Engl. Litter.—Тенъ-Бринка; Mittebenglisch. Litter.—Брандля въ Grundriss der germ; Philologie—Пауля; Englisch Writers—Морлея т. VI и VII; Dialect of the Soutern Counties of Scotland—Муррея; English. Metrik—Шиппера: The Bruce—Барбора изд. Скита; Barbours Legenden-Sammlung—изд. Горстмана (рецензія Бука въ Anglia IX); Darstellung der Flexionslehre in Barbour's Bruce — Гершеля; Die Fragmente von Barbour's Trojunerkrieg — Кёппеля; Inquiry..; Barbour's Bruce—Регеля; Томасъ Ерцельдоунъ изд, Муррея, Sir Tristem—изд. Кёльбинга и изд. Макъ-Тейля; The Kingis Quair—короля Іакова I—изд. Скита; Schir Wil. Wallace—Генри Министреля, изд. Мойра; Poems and Fables—Генрисона, изд. Ланга; Orig. Cronykil of Scotland—Андрю Винтовна, изд. Лаинга; Poems — Дёнбара, изд. Сталя, введеніе Макая; тоже—изд. Шиппера; Will. Dunbar — Шиппера; Traite de la langue du Will Dunbar—Кауфмана; Zur Verbal und Nominal flexion bei Burns und bei den Schott. Dichter — Гана; Poetical works — Говена Дугласа, изд. Сталя; статьи въ Dict. of Nat. Biog. Байна о Дугласѣ, Дёнбарѣ и Генрисонѣ; Макая — о Барборѣ и Генри Министрелѣ; и Теддера о Томасѣ Ерцельдоунѣ, Abbotsford Series of Scot. Poets, изд. Ейра-Тодда — хорошее народное изданіе небольшихъ поэмъ и отрывковъ наиболѣе важныхъ авторовъ.

Промышленность и торговля: Memor. of London Life in XIII, XIV и XV Cent.—Рилея; Hist. of Livery Comp. of London—Герберта; Town Life of XV cen. — г-жи Гринъ; Treatise concer. the Staple and Commod. of XV cent.—Армстронга; Life of Henry VII—Бэкона; Hist. and Devel. of Gilds—Брентано.

Земледѣліе, городская жизнь и гигіена—см. гл. VII.

Исторія англійскаго языка: Chaucer's Sprache — Тенъ-Бринка; Early Engl. Pronunciation—Еллиса; Norman Conquest—Фримана; Gesch. der. Engl. Sprache—Клюге въ Grundriss—Пауля; Engl. Language—Ришара Морриса; Über den Urspr. der neû-engl. Schrifsprache—Морсбаха; Principles of Eng. Etymology — Скота; Princ. of. Eng. Sounds и New Engl. Grammar—Свита; Engl. Schriftsprache bei Caxton—Германа Рёмштеда.

Общественная жизнь. Paston Letters; The Squyer of Low Degree; Poetic. Works—Скельтона; Household Books of Duke of Norfolk and Earl of Surrey; и многіе иллюстрированные англійскіе манускрипты въ Британскомъ музеѣ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

Куно-Фишера. Г. Э. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы, въ 2 частяхъ, пер. *И. П. Разсадина*. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Курціуса. Исторія Греціи. II и III т. 1880—3 г. Ц. 9 р.

Лавелэ. Балканскій полуостровъ. М. 1889 г. Перев. *Н. Е. Васильева*. Ц. 6 р.

Лависсъ и Рамбо. Всеобщая Исторія. М. 1896 г. т. I. Ц. 3 р.

Лампрехта К. Исторія Германскаго народа. Перев. съ нѣмецк. *П. Николаева* М. 1894 г. т. I, II и III. Ц. 11 р.

Лессинга Г. Э. Гамбургская драматургія. Цѣна 3 р.

Лёббока. Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ. Перев. *А. П. Павлова*. М. 1893. Цѣна 1 р. 50 к.

Лотце. Микрокозмъ. 3 тома. Перев. *Е. Корша*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.

Любке. Исторія пластики. М. 1873 г. Ц. 6 р.

Магаффи. Исторія классическаго періода Греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовскаго*. М. 1882 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Ц. 2 р.

Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. М. 1890 г. Т. I. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія, т. I, II, III и V. Ц. 16 р. 50 к.

Морлея Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невѣдомскаго*. Ц. 2 р. 50 к.

— Дидро и Энциклопедисты. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго*. Ц. 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. М. 1880 г. Цѣна 2 руб. 75 к.

Нефедова Ф. Д. Сочиненія. Т. I и II. М. 1894 г. Ц. 3 р.

Николаева П. Активный прогрессъ. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Паркса. Исторія Австраліи. Въ 2 частяхъ. Пер. съ англійскаго *В. Невѣдомскаго*. М. 1894 г. Ц. 3 р.

Пелисье. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Перев. *Ю. В. Доппельмайеръ*. М. 1895 г. Ц. 2 р.

Пешеля Оск. Исторія эпохи открытій. М. 1885 года Цѣна 3 р.

Полонскаго Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Рибо. Современная англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина*. М. 1878 г. Цѣна 2 руб.

Риля А. Теорія науки и метафизика. Пер. *Е. Корша*. М. 1888 г. Ц. 2 р.

Саади-Ширази. Гюлистанъ. (Цвѣтникъ розъ). Съ персидскаго подлинника. Пер. *И. Холмогоровъ*. М. 1882 г. Ц. 1 р.

Столповской А. Очеркъ исторіи культуры Китайскаго народа. Ц. 3 руб.

Страбона. Географія. Перев. съ греческаго *Ѳ. Г. Мищенко*. М. 1879 г. Ц. 10 р.

Сурикова. Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле біографіей. Изданіе 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.

— Стихотворенія. Изданіе третье. М. 1877 г. Ц. 1 р.

Тьюка Х. Духъ и тѣло. М. 1888 г. Пер. *П. Викторова*. Ц. 2 р. 50 к.

Тикнора. Исторія испанской литературы, въ 3 т. Ц. 9 р. 50 к.

Токвиля А. Воспоминанія. Пер. *В. Невѣдомскаго*. М. 1893 г. Ц. 2 р.

Трайля І. Д. Общественная жизнь Англіи. Переводъ съ англійскаго *Л. Ч.*, подъ редакціей *П. Николаева*. М. 1896 г. Т. I и II-й. Ц. 6 р.

Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія, въ 2 томахъ. М. 1868 г. Ц. 4 р.

Тэна. Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Финлея. Греція подъ римскимъ владычествомъ. М. 1876 г. Цѣна 4 р.

Фиске Д. Открытіе Америки. Пер. *П. Николаева*. М. 1892, въ 2 т. Ц. 4 р.

Фойгта Г. Возрожденіе классической древности. 2 тома. М. 1884 г. Ц. 6 р. 50 к.

Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства въ 4 ч. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.

— Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. М. 1895 г., ч. I и II, ц. 4 р.

Фримана. Историческая Географія Европы, съ картами. Перев. подъ редакціею *И. В. Лучицкаго*. М. 1892 г. Цѣна 6 р. за два тома.

— Методы изученія исторіи. Пер. *П. Николаева*. М. 1893 г. Ц. 2 р.

Фулье А. Исторія Философіи. Пер. *Николаева*. М. 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М. Ц. 3 руб.

Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера*. 9 частей. Цѣна 10 р.

Шмидта Карла. Исторія педагогики, перев. *Э. Циммермана*. т. I, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за три тома 17 р. 50 к.

Экономическая библіотека: 1) *Смитъ*, ц. 1 р. 2) *Рикардо*, ц. 1 р. 3) *Миллъ*, ц. 1 р. 4) *Мальтусъ*, ц. 1 р. 5) *Юмъ и Бентамъ*, ц. 1 р. 6) *Кенэ Фр.*, ц. 1 р. 7) *Сэ и Бастіа*, ц. 1 р. 8) *Сисмонди*, ц. 1 р.

Печатаются слѣдующія сочиненія.

Белохъ. Исторія Греціи, т. II (послѣдній).

Брандесъ. Фердинандъ Лассаль.

Викторова П. П. Ученіе о личности, вып. II.

Гаспари А. Исторія итальянской литературы, т. II. (послѣдній).

Грегуаръ Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ, 4-й т. (послѣдній).

Іодля. Исторія этики, т. II. (послѣдній).

Ковалевскій М. Происхожденіе современной демократіи, т. I (вторымъ изданіемъ) и Конецъ аристократич. правительствъ.

Лансона. Исторія Французской литературы, т. I.

Трайля І. Д. Общественная жизнь Англіи. Перев. съ англійскаго Т III-й.

Экономическая библіотека": **Леплэ, Кэрнсъ, Родбертусъ, Шмоллеръ.**

Ливиссъ и Рамбо. Всеобщая исторія, т. II и III.

Эсменъ. Основныя начала Государ. права.